

ДЕКАБРИСТ
Н.И.ТУРГЕНЕВ

ПИСЬМА
1811-1821

Портрет Н. И. Тургенева
Рис. Antonin M-е. Литогр. Зинфельдер

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Л И Т Е Р А Т У Р Ы

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1936 • ЛЕНИНГРАД

ДЕКАБРИСТ
Н. И. ТУРГЕНЕВ

ПИСЬМА К БРАТУ
С. И. ТУРГЕНЕВУ

НАПЕЧАТАНО ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Непременный секретарь акад. *Н. Горбунов*

Октябрь 1936 г.

Ответственный редактор Н. Г. Свиридин

Технический редактор А. Покровский

Ученый корректор А. Налетов

Переплет работы худ. М. Ушакова-Поскочина

Сдано в набор 29 ноября 1935 г. Подписано к печати 3 октября 1936 г. Формат бум. 62 x 94 см.
37 печ. л. + 2 1/2 печ. л. вклеек. 49950 тип. зн. в печ. л., 39,54 уч.-авт. л. Тираж 5225.
Ленгорлит № 23095. АНИ № 1083. Заказ № 3078.

Типография Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12

ОТ РЕДАКЦИИ

Письма Н. И. Тургенева к С. И. Тургеневу в архиве братьев Тургеневых сохранились за 1811—1821 и 1824—1826 гг.

Полностью печатаются нами письма 1811—1821 гг. и в приложениях письма 1826 г.¹ При этом необходимо иметь в виду, что большая часть писем 1813—1814 гг. писана к обоим братьям (т. е. и к Сергею и к Александру Ивановичу).

Архив братьев Тургеневых после смерти Н. И. Тургенева находился в распоряжении его сына, скульптора П. Н. Тургенева, жившего в Париже. При жизни Н. И. Тургенева, а потом и после его смерти, в печати стали появляться материалы из бумаг его старшего брата, Александра Ивановича. В конце первого десятилетия текущего века П. Н. Тургенев начал постепенную передачу всего архива Тургеневых Академии Наук. К 1913 г., году смерти П. Н. Тургенева, передача архива была закончена.

Академия Наук приступила к изданию „Архива братьев Тургеневых“ в 1911 г. Всего вышло 7 выпусков. Сюда входят прежде всего 4 тома дневников Н. И. Тургенева. Из них первый (1-й выпуск издания, вышел в 1911 г.) охватывает период 1806—1811 гг., годы обучения в Москве и Геттингене. Второй (3-й выпуск издания, вышел в 1913 г.) посвящен периоду 1811—1816 гг.; в него вошли: заграничное путешествие 1811 г., служба в министерстве финансов 1812—1813 гг., служба за границей в 1813—1816 гг. Третий (5-й выпуск „Архива“, вышел в 1921 г.)

¹ О письмах 1824—1825 гг. см. в предисловии к приложениям.

дает период 1816—1824 гг. — годы службы в Петербурге и работы в тайном обществе. Четвертый (7-й выпуск „Архива“ вышел в 1930 г.) посвящен периоду 1824—1826 гг. — заграничное пребывание, лечение, привлечение к суду и попытка оправдаться. Остальные выпуски содержат в себе бумаги А. И. Тургенева. Это, прежде всего, дневник и письма геттингенского периода (1802—1804 гг. — 2-й выпуск издания, вышел в 1911 г.); письма А. И. Тургенева и А. С. Кайсарова, относящиеся ко времени их путешествия по славянским землям (1804 г. — 4-й выпуск „Архива“, вышел в 1915 г.); переписка с кн. П. А. Вяземским (1814—1833 гг., выпуск 6-й „Архива“, вышел в 1921 г.).

Приступая к продолжению издания „Архива братьев Тургеневых“, Институт литературы Академии Наук СССР публикует в серии „Литературный архив“ письма Н. И. Тургенева к С. И. Тургеневу.

Печатаемые письма были частью объединены и переплетены самими владельцами архива и частью собраны в папки при разборе архива. Каждое письмо снабжается подстрочным примечанием, заключающим в себе ссылку на номер архива и листы, на которых находится данное письмо. В примечаниях текстологического характера (также подстрочных) указываются неправильности текста и разные его вариации (авторские исправления, вставки, зачеркнутые места и т. п.). К тексту даются комментарии исторического и биографического характера, в значительной части основанные на материалах как архива братьев Тургеневых, так частично и других архивных фондов (архив Государственного совета, архив Воронцовых). Ссылка на комментарии в тексте обозначается цифрой, на подстрочные примечания — звездочкой.

В конце книги помещаются перевод встречающихся в тексте иностранных слов и словарь лиц, упоминаемых в письмах. Все относящееся к биографии, деятельности, произведениям этих лиц, таким образом, комментируется в словаре. Исключения из этого правила допускаются в двух случаях. Если в письме упоминается литературное произведение, об авторе

которого или нет совсем сведений, или они крайне скудны, — данное произведение комментируется в общем комментарии. В тех случаях, когда автор очень известен и часто упоминается в письмах как его имя, так и разные его произведения (например, Шатобриан, Бенжамен Констан, m-те Сталь), — последние комментируются в общем комментарии, а характеристика автора дается в словаре.

Особо даются биографические сведения о братьях Тургеневых и их родителях.

О принципах публикации писем см. стр. 499.

Текст подготовил к печати и снабдил вступительной статьей и примечаниями А. Н. Ш е б у н и н. Справки о военных поселениях и восстании Семеновского полка (в примечаниях) написаны С. Я. Г е с с е н о м. Словарь составлен С. Я. Г е с с е н о м при участии А. Н. Ш е б у н и н а.

БРАТЯ ТУРГЕНЕВЫ И ДВОРЯНСКОЕ ОБЩЕСТВО АЛЕКСАНДРОВСКОЙ ЭПОХИ

I

Братья Тургеневы принадлежали к тем группировкам русского дворянства, которые играли руководящую роль в движении дворянского общества первой четверти XIX века. Если громадное большинство среднего и мелкого провинциального дворянства не мыслило себе существования без крепостного труда и, относясь с недоверием ко всякого рода эмансипаторским проектам, ждало от государственной власти лишь твердой охраны дворянских прав, то представители упомянутых выше группировок не могли так легко отделаться от сложных вопросов действительности. Здесь вопросы хозяйственного перерождения и всесторонней европеизации России приобретали значение идейного знамени. Идеи „свободного труда“, „политической свободы“, проблемы форм и содержания культурного развития здесь осмысливались во всей полноте и, подкрепляемые теоретическим оружием, взятым из арсенала западноевропейской мысли, приобретали устойчивый характер. Вопрос капитализации помещичьего хозяйства, практически наметившийся в рационализаторских опытах, теоретически осмысливался именно здесь, в культурных гнездах и салонах. Отдельные представители этого культурного слоя, пережив французскую „бурю, падение всего, союз ума и фурий“, подобно Карамзину, приходили к заключению о спасительности домашнего старозаветного уклада и в сентиментально-романтических мечтаниях о прошлом, в тоске по „небесной отчизне“ обретали успокоение и отдых от „неприятностей и бурь“ действительной жизни, становясь идеологами большинства господствующего класса. Другие, подобно Чаадаеву и Пушкину, не останавливались на одном каком-либо решении сложных вопросов европейского и русского развития,

а ставили проблемы этого развития во всей их широте и сложности, в общем и конкретном историческом масштабе. Третьи — и к ним были ближе всего братья Тургеневы, — осмысливая пережитые бури революции и войн, отмечали зарождение в Европе устойчивого буржуазного порядка и именно этому порядку, „среднему состоянию граждан“, отдавали свои симпатии, а в России связывали свои чаяния с перерождением крепостнического уклада, прежде всего поземельных отношений, — в капиталистический.

Некоторые представители этого буржуазно-помещичьего либерализма очень остро ощущали разлад с большинством своего класса и в пессимистических, часто крайне резких тонах клеймили своих современников. Такой именно натурой был Николай Иванович Тургенев. Но ни он, ни его братья не были отщепенцами от своей социальной среды. Напротив, судьба сталкивала их с различными группами этой среды. В Симбирской губернии, где были их владения, родственные связи соединили их с семьями дядюшки их П. П. Тургенева, Аржевитиновых, Татариновых и других представителей провинциального дворянского общества. Москва, где их отец принадлежал к масонскому кружку Н. И. Новикова и одно время управлял университетом, связала их с литературными кругами: имена Карамзина, Дмитриева, не говоря уже о Жуковском, Батюшкове, Вяземском, В. Л. Пушкине, — имена близкие и родные братьям Тургеневым. Светское положение матери, Екатерины Семеновны Тургеневой, предпочитавшей в столицах проживать доходы со своих имений, и служебная карьера Александра Ивановича Тургенева открывали им доступ в гостиные высшей аристократии и бюрократии. Братья Тургеневы бывали в салонах и известной фаворитки Александра I, М. А. Нарышкиной, и кн. А. Н. Голицына, и гр. Лаваль и др. Связи эти наравне с высоким образовательным цензом давали им возможность быстро делать карьеру: Александр Иванович в 30 лет был уже действительным статским советником и директором департамента; Николай и Сергей Иванович получали сразу „высокие места“ и становились близко к правящим сферам. Общение с последними и канцелярская практика вырабатывали из этих братьев практичных оппортунистов государственной складки. Вместе с тем Геттингенский университет, годы заграничной службы Николая и Сергея крепко связали их с европейской культурой и создавали между ними и высшим светом Пе-

тербурга и Москвы известные преграды. Своими их в этом высшем свете не считали. В 1818—1819 гг., после выхода в свет „Опыта теории налогов“ Н. И. Тургенева, в московских салонах, по выражению кн. П. А. Вяземского, сожалели о Екатерине Семеновне, „как об матери преступного сына“.¹ В 1820 г., после неудачи затеянной Тургеневыми вместе с гр. М. С. Воронцовым организации общества освобождения крестьян, салоны обеих столиц язвительно попрекали братьев незначительными земельными владениями, ставившими их в разряд людей, которым нечего терять при освобождении.² В 1824 г. при встрече с Н. И. Тургеневым за границей графиня Нессельроде распускала слухи, что он карбонарий и путешествует инкогнито.³ Но такому служающему литератору, каким был Н. И. Греч, тот же Н. И. Тургенев казался „надутым аристократом“.⁴ Связь со своим классом никогда не разрывалась.

Каждый из братьев, однако, помимо общих семейных черт, имел свой, ясно очерченный индивидуальный облик.

Старший, Андрей Иванович, рано умерший поэт, был наиболее близок к отцу, проникся его симпатией к мистицизму, а дружбой с Жуковским и Мерзляковым и собственными творениями приобщался к сентиментально-романтической литературной школе.

Александр Иванович испытал на себе те же влияния и на всю жизнь сохранил интерес к мистицизму и литературе. Геттингенский университет привил ему интерес к исторической науке. Служба и светская жизнь сделали его практиком-бюрократом и салонным завсегдаем.

Младшие братья, Николай и Сергей, пройдя в юности школу сентиментально-романтических влияний, университетом и заграничной жизнью были направлены в русло интересов экономических и политических, которым и посвятили себя всецело.

Уже из этого видно, что следует провести грань между старшими и младшими братьями. Все материалы архива и,

¹ „Остафьевский архив кн. Вяземских“, под ред. В. И. Саитова, т. I, СПб, 1899, стр. 186.

² „Архив бр. Тургеневых“, вып. 5. Дневники Н. И. Тургенева за 1816—1824 гг., т. III. Под ред. Е. И. Тарасова, Петроград, 1921, стр. 232.

³ Письмо к братьям от 29 янв. — 10 февр. 1825. Архив Тургеневых (далее всюду сокращенно „Архив“) № 230, лл. 52—53.

⁴ Н. И. Греч. Записки о моей жизни. Изд. „Academia“, 1930, стр. 447.

в частности, печатаемые в настоящем томе письма свидетельствуют о том, что при тесной и сердечной дружбе, соединявшей всех братьев, многое, и очень существенное, отделяло Николая и Сергея от Александра.

Лучшая характеристика А. И. Тургенева дана его другом кн. П. А. Вяземским. Последний отмечает прежде всего его очень большую подвижность. „Целый день был он в беспрестанном движении, умственном и материальном. Утром занимался он служебными делами по разным отраслям и ведомствам официальных обязанностей своих. Остаток дня рыскал он по всему городу, часто ходатаем за приятелей и знакомых своих, а иногда за людей совершенно ему посторонних, но прибегавших к посредничеству его; рыскал часто по собственному влечению, потому что в натуре его была потребность рыскать“. По словам Вяземского, Дмитриев прозвал А. И. Тургенева маленьким Гриммом, „потому что он был деятельным литературным корреспондентом и разносителем в обществе всех новых произведений Жуковского, Пушкина и других“. Справедливо указывает Вяземский, что А. И. Тургенев не имел „цельности ни в характере, ни в душе. Он был природы эклетической, сборной или выборной... Он был умственный космополит; ни в каком участке человеческих познаний не был он, что называется, дома, но ни в каком участке не был он и совершенно лишним“. От природы он был „человек мягкий, довольно легкомысленный и готовый уживаться с людьми и обстоятельствами“. Он был дилетант и в службе, и в науке, и в литературе, и в политических убеждениях. Читал он мало, „да и некогда было читать ему. Но с удивительно-острым умом, с сметливостью и угадчивою проницательностью он схватывал сливки с книги: он пронюхивал ее, смысл ее, содержание и сам, бывало, окурится и пропитается запахом и испарениями ее“. Заметим здесь, что сам Вяземский пользовался библиографическими познаниями А. И. Тургенева: в 1832 г., поступая на службу в Департамент внешней торговли, он просил усвоего друга указаний по экономической литературе, и тот с редкой добросовестностью исполнил его просьбу.¹ Особенно подчеркивает Вяземский исключительную доброту А. И. Тургенева

¹ „Архив бр. Тургеневых“, вып. 6. Переписка А. И. Тургенева с кн. П. А. Вяземским, т. I, 1814—1833 гг. Под ред. Н. К. Кульмана, Петроград, 1921, стр. 128—132.

и его отзывчивость, его готовность хлопотать за других. Наконец, он был, по словам Вяземского, „уполномоченным и акредитованным поверенным в делах Русской литературы при преобладающих властях и образованном обществе“.¹ К этому надо добавить, что А. И. Тургенев имеет заслуги и перед русской исторической наукой изданием собранных им за границей иностранных документов о России.²

Материалы тургеневского архива целиком подтверждают характеристику А. И. Тургенева, данную кн. П. А. Вяземским. Но она требует дополнения: в ней очень мало затронут вопрос о политических убеждениях Александра Ивановича и о его отношениях с братьями. Констатирование факта дружбы еще не объясняет отношений братьев во всей сложности. Несомненно, что Николая и Сергея объединяли общность взглядов и интересов, и что отношения их обоих к старшему брату, жизненные идеалы которого в значительной мере отличались от их собственных, были иными.

В юности Александр Иванович несколько увлекся либеральными идеями. Этому особенно способствовали лекции проф. Шлецера по русской истории, слушанные им в Геттингенском университете. Так, Тургенева заинтересовал вопрос об исследовании условий избрания М. Ф. Романова на престол, причем он высказался в том смысле, что если Романов был избран на условиях ограничения его власти боярами, то самодержавие русских государей есть „похищение непринадлежащей им власти“.³ Молодой Тургенев мечтал по возвращении в Москву заниматься наукой и напечатать несколько книжек для распространения в России „политических новых идей, которые не могли родиться при прежних правлениях“.⁴ Но либерализм этот был более чем скромнен. С увлечением слушал Тургенев, как Шлецер проповедовал „страшные истины для тиранов“, и не находил ни слова возражения, когда тот же

¹ Полное собр. соч. кн. П. А. Вяземского, т. VIII, СПб., 1833. стр. 273—274, 275—278, 281.

² *Historica Russiae monumenta ex antiquis exterarum gentium archivis et bibliothecis deprompta ab A. I. Turgenewio.* Изд. Археографической комиссии в 1840—1842 гг.

³ „Архив бр. Тургеневых“, вып. 2. Письма и дневник А. И. Тургенева (1802—1804 гг.). С введ. и примеч. В. М. Истрина, СПб., 1911, стр. 225—226.

⁴ Там же, стр. 225.

Шлецер заявлял, что революция сопряжена „всегда с такою опасностью, что лучше оставить и терпеть до тех пор, пока провидение само захочет освободить народ от железного скипетра“.¹ И мечтая о распространении в России политических знаний, А. И. Тургенев вслед за Шлецером думал, что такие знания „образуют добрых граждан и успокаивают их“.² Неудивительно, что мечты и о науке, и о публицистике оказались кратковременны, и к предложению Шлецера устроить его адъюнктом при Академии Наук А. И. Тургенев и его друг Кайсаров отнеслись иронически, как к смешной затее немецкого мечтателя. „Я никогда не был мечтателем и никогда не хотел занимать профессорской кафедры“, писал А. И. Тургенев отцу.³

После смерти отца Александр Иванович стал смотреть на себя как на главную опору семьи и помощника матери. Подвигаясь вперед по бюрократической лестнице, он всецело посвятил себя заботе о младших братьях. А братья в письмах из Геттингена обращались к нему: „Милостливый Государь Братец“ и на всю жизнь он остался для них Александром Ивановичем и „вы“.

В 1814—1816 гг., когда младшие братья за границей, наблюдая события в Европе, проходили курс политического воспитания, Александр Иванович был уже действительным статским советником и как нельзя более далек от „мечтаний“. Собираясь в 1815 г. жениться на девушке из высшего общества, он, повидимому, вел себя в этом вопросе очень нерешительно. Брак его был бы „мезальянсом“ в глазах родителей невесты, и он, действуя через свою мать на последних, стараясь подготовить почву к тому, что бы его предложение не встретило отказа, в то же время заботился об улучшении служебного и материального положения своего и братьев. Последние нуждались в местах по окончании своих заграничных командировок, и Александр Иванович усиленно хлопотал о наиболее выгодных местах. Хлопоты эти в основном соответствовали и желаниям самих братьев устроиться получше. Но в отдельных случаях взгляды и намерения Александра Ивановича, действовавшего в полном согласии с матерью, совсем не соответствовали идеалам его братьев.

¹ Там же, стр. 240.

² Там же, стр. 225.

³ Там же, вып. 4. Путешествие А. И. Тургенева и А. С. Кайсарова по славянским землям. Под ред. В. М. Истрина, П., 1915, стр. 20.

Так, Сергей Иванович, увлекшись патриотической и освободительной, как он считал, ролью армии в событиях 1812—1815 гг., хотел вступить в военную службу. Это намерение встретило решительные возражения со стороны старшего брата: в качестве мотивов он указывал и на слабое здоровье Сергея Ивановича и на отрицательное отношение императора к переходам из одного рода службы в другой, и на вероятное несогласие матери, и — самое главное — свое положение, связанное с матримонимальными намерениями. Это положение, писал он, „и заставляет меня более нежели когда-либо чувствовать нужду в достатке, необходимом для семейственного, единственного прочного счастья“.¹ Сергей Иванович написал ему, что готов на все жертвы для его счастья и отказывается от вступления в военную службу. Хлопоча об устройстве братьев, Александр Иванович, между прочим, хотел сделать Сергея Ивановича камергером. Это вызвало и недоумение, и недовольство братьев. „В этой службе нет ничего лестного“ — писал старшему брату Николай Иванович, выражая мнение и свое и Сергея.² Матримонимальные планы Александра Ивановича потерпели полную неудачу.³ Он недолго страдал после этого, скоро успокоился и вернулся к обычному образу жизни. Став действительным статским советником и директором департамента в министерстве князя А. Н. Голицина, Александр Иванович продолжает, кроме того, службу в Комиссии составления законов и в Государственном совете и отдается работе в обществах и организациях как филантропического характера, так и таких, деятельность которых соответствовала основным целям правительственной политики вообще и политики его патрона в частности. Он — секретарь Библейского общества, и эта деятельность, очень важная с точки зрения карьеры, соответствует и его собственной, унаследованной от отца, но по сути очень поверхностной, наклонности к мистицизму. Он же — секретарь Женского патриотического общества, комитета по устройству евреев и т. п. И при этом он вовсе не сухой бюрократ и карьерист, а тот же, каким его характеризовал Вяземский, „добрый друг и ходатай“, тот же неизменный поверенный в делах русской литературы. Поощрение свыше заслуг Карамзина и Жуковского было почти

¹ Архив, № 382, л. 112.

² Архив, № 2617, л. 50.

³ Подробнее об этом см. в примечаниях к письмам 1815 г.

целиком делом рук А. И. Тургенева. Карамзинист по воспитанию, по личным симпатиям и по дружеским связям, А. И. Тургенев всю жизнь с большой любовью и без малейшей критики относился к Карамзину. „Страшусь, — говорил он после смерти последнего, — что в Карамзине мы лишились представителя нашей силы умственной, такого, какого нечем заменить, что мы в работах ума опять поворотим назад“.¹ Неизменно называл он Карамзина „нашим благодетелем“.² После чтения Карамзиным глав из его „Истории“, Александр Иванович, выражая в письме к братьям крайне восторженное впечатление о произведении Карамзина, между прочим писал: „История его послужит нам краеугольным камнем для православия, народного воспитания, монархического управления и бог даст русской возможной конституции. Она объяснит нам понятия о России или лучше даст нам оные. Мы узнаем, что мы были, как переходили до настоящего *statu quo*, и чем мы можем быть, не прибегая к насильственным преобразованиям“.³ И, конечно, литературное общество карамзинистов было немыслимо без участия А. И. Тургенева. С удовольствием и наслаждением принимая участие в шутках и насмешках арзамасцев над враждебной литературной партией, А. И. Тургенев ни о каком ином характере общества не помышлял.

Политическое настроение А. И. Тургенева этого периода было вполне консервативным. Легкое недовольство отдельными проявлениями режима, встречающееся иногда в письмах А. И. Тургенева этой поры, было лишь обычным для его круга и почти полагавшимся по штату для просвещенного бюрократа безобидным фрондированием. Разумеется, либеральные взгляды братьев не могли не беспокоить Александра Ивановича. Особенное беспокойство внушал ему с этой стороны Николай, как более старший, самостоятельный и резкий в отношении к противникам. Еще из-за границы в 1815 г. дошли до Александра Ивановича вести о таком поведении брата. В конце ноября 1815 г. он писал Сергею Ивановичу: „Николашу все почитают фрондером. Я слышал о его мнении о людях, коих он видел и коих он пожаловал в хамы. Полу-хам Булгаков должен также скоро быть сюда

¹ „Русская Старина“, 1875, кн. III, стр. 564.

² См., напр., письмо к К. С. Сербиновичу от 26 декабря 1826 г. („Русская Старина“, 1881, кн. VI, стр. 188).

³ Архив № 382, л. 135.

и сказывают остановится у меня. Добро пожаловать, ибо он вам делал добро, да как уверяют и многим. Английский неколебимый характер Николая мне очень нравится; я бы желал, чтобы с сим соединял он, так как я это и примечаю, тонкую людскость, которая охранит его от людских наветов. Деятельность и способности, которые от всех ему приписываются, будут служить ему вместо пронырства, обыкновенного таланта обыкновенных людей“.¹ 16 сентября 1816 г., на пути в Россию, Николай Иванович писал старшему брату: „Не знаю, что-то сердце стынет, приближаясь к северу“.² Александр Иванович прекрасно понял, что душу брата леденит мысль о петербургской жизни среди реакционеров и карьеристов. В письме к Сергею Ивановичу от 27 сентября он утверждал, что понимает настроение Николая, хотя сам привык ко всякого рода холоду. „Но я надеюсь, — прибавил он, — что, так как он видел уже *multorum hominum mores et urbes*,³ то и здешние нравы не будут наводить на него прежней сильной меланхолии. Надобно уживаться с людьми, сохраняя, по возможности, свежесть душевную и даже готовность, несмотря на печальную опытность, быть им всегда полезным“.⁴ Александр Иванович таким образом стремился привить брату Николаю примирительное настроение и уживность.

Приезд Николая Ивановича в Петербург и его совершенно определенная политическая позиция вызвали со стороны старшего брата неодобрительное суждение о крайности, прямолинейности и „оторванности“ от „подлинной жизни“. „Он возвратился сюда в цветущем состоянии здоровья и с либеральными идеями, которые желал бы немедленно употребить в пользу Отечества, — писал 31 октября Александр Иванович брату Сергею, — но над бедным Отечеством столько уже было операций всякого рода, особливо в последнее время, что новому оператору надобно быть еще осторожнее, ибо одно уже прикосновение к больному месту весьма чувствительно. К тому же надобно не только знать, где и что болит, но и иметь верное средство к облегчению или совершенному излечению болезни, тщетные покушения только что могут растравить рану. Но во всяком случае теория, на прекрасных человеколюбивых началах

¹ Архив, № 382, л. 119 об.

² Архив, № 2617, л. 113 об.

³ „Нравы многих людей и города“ (Слова из первой песни „Одиссеи“).

⁴ Архив, № 382, л. 171.

основанная, может быть полезна особенно в течении времени; ибо желание применить сии начала с пользою для России должно заставить узнать ее; хотя это и весьма трудно у нас; ибо из одних дел, в высшие правительственные места поступающих, не скоро узнаешь недостатки существующего; надобно жить, то есть терпеть от правительства, на самом месте страдания, т. е. внутри России, и потом еще служить там же и, наконец, когда надобно будет генерализировать, выбирать лучшие средства к исправлению. Впрочем большое достоинство в Николае и самое редкое в России, особливо теперь, когда не только люди беспрестанно меняются, но и самые государственные установления с ними — есть то, что он посвятил себя одной части: финансам и хочет остаться ей верен, если бы и выгоднейшие виды представились ему. Светские дела и прения об этом могут иногда для него быть интересными и иногда наставительными“.¹

Из этого любопытного отрывка видно, что Александр Иванович и не одобрял стремления брата к „немедленному применению“ либеральных идей, и советовал ему послужить и поближе узнать Россию, и надеялся на то, что служба в канцелярии Государственного совета придаст ему опыта и практичности. При этом он вовсе не отвергал решительно „теории, на прекрасных и человеколюбивых началах основанной“, а только хотел ее как-то примирить с практикой ежедневного приспособления к существовавшему порядку. Первые шаги Николая в Петербурге вызвали следующий отклик со стороны старшего брата: „Николай рассуждает о либеральных идеях и знакомит с ними свой департамент“.² Но Николай Иванович приехал уже вполне сложившимся человеком. Он пошел своей дорогой и даже в дальнейшем сумел подчинить своему влиянию старшего брата. Конечно, только консерваторам или политическим дилетантам, как Александр Иванович, взгляды Н. И. Тургенева могли казаться крайними. На самом деле это был очень умеренный буржуазно-помещичий либерализм, готовый примириться с самодержавием, если оно вступит на путь реформ, — путь, который, однако, должен быть медленным и постепенным. Либеральные идеи, которые Николай Иванович хотел „неме-

¹ Архив, № 383, л. 4.

² Письмо к Сергею Ив. от 18 декабря 1816 г. Там же л. 12.

дленно употребить“, на практике сводились в это время к программе реформ, рассчитанной на 25 лет, причем излюбленная идея Н. И. Тургенева — освобождение крестьян — осуществляется только в четвертом пятилетии, а конституция — лишь к концу всего периода.¹ Вряд ли можно здесь говорить о крайних и нетерпеливых взглядах. Гораздо правильнее указать, что в Н. И. Тургеневе „последовательный западно-европейский буржуазный либерализм, основанный на идее свободы личности, частной инициативы и отрицании государственной опеки“, был далек от догматизма, что Н. И. Тургенева отличали „осторожность государственного человека“ и „наклонность к компромиссам с действительностью“.² Все это не мешало Н. И. Тургеневу, в отличие от старшего брата, не мириться с застоем, быть врагом стоячего болота, непримиримым противником „хамов“, как он называл реакционеров. В Петербург он вернулся с намерением бороться за свои взгляды, проводить их в жизнь, и все постороннее этим взглядам чуждо и враждебно ему. И для него, человека, пережившего годы напряженной международной борьбы 1812—1815 гг., когда Россия играла такую важную роль, для него, как и для передовых современников, борьба за его идеалы окрашивается цветом патриотизма, одушевляется чувством горячей любви к родине. Перед отъездом из Берлина в Россию, 24 сентября 1816 г. он писал Сергею Ивановичу о предстоящей встрече с родиной: „Можно ли мне будет привыкнуть еще раз смотреть на такие вещи, которые бы я и в аду не хотел видеть, но которые на всяком шагу в России встречаются? Можно ли будет хладнокровно опять видеть на яву то, о чем европейцы узнают только из путешествий по Африке? Можно ли будет без сердечной горечи видеть то, что я всего более люблю и уважаю, русский народ, в рабстве и унижении?“ И далее: „Ни о чем никогда не думаю как о России. Я думаю, есть-ли придется когда либо сойти с ума, думаю, что на этом пункте и помешаюсь. Прости, брат. Желай счастья отечеству и храни в сердце самую пламенную любовь к нему“. Эти слова невольно напоминают характеристику Тургенева, данную Пушкиным в десятой главе „Евгения Онегина“:

¹ „Арх. бр. Тургеневых“, вып. 3. Дневники Н. И. Тургенева за 1811—1816 гг. По ред. Е. Т. Тарасова, СПб., 1913, стр. 333—334.

² А. Н. Шebuнин. Н. И. Тургенев. ГИЗ, 1925, стр. 52.

„Одну Россию в мире видя,
Лаская в ней свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал,
И слово *рабство* ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян“.

Отсюда понятно, что приведенная выше тирада Александра Ивановича об „Истории“ Карамзина не могла понравиться Николаю Ивановичу, и он причислил Карамзина к „хамам“.¹ Понятно и то, что настроение старшего брата, примирительное по отношению к „хамам“, не могло передаваться Николаю Ивановичу. Вот его первые впечатления от Петербурга: „все, что я здесь вижу, состояние администрации, патриотизма и патриотов и т. п., все это весьма меня печалит, и тем сильнее, что не вижу и не нахожу даже подобных или одинаковых мнений в других. Невежество и в особенности эгоизм одержат всех. Все хлопочат, все стараются, все ищут; но все каждый для себя в особенности — никто для блага общего... Они отторгнулись или всегда были отторгнуты от надежного берега порядка, закона, совести, справедливости и плавают по пространному морю на челноках беззакония, не нравственности, самовольства, невежества“.² „Арзамас“, заседаниями которого так наслаждался Александр Иванович, Николая Ивановича совершенно не удовлетворял своим чисто литературным характером. Члены „Арзамаса“, по словам Николая Ивановича в том же письме, „утешают себя, и только что себя, критикою и посмеянием дурных писателей и похвалами Карамзину. Но критика их, равно как их похвалы, относятся все к тем же вещам как и прежде: вечный Шишков, над коим один только ум Блудова может смеяться новым образом; вечный Шаховской, над которым и смеяться не стоит труда, — и наконец с противной стороны вечный Карамзин“. Первые встречи с вождем „арзамасцев“ пробуждают в Н. И. Тургеневе критическое отношение к его еще непопавшейся „Истории“ из-за его политических взглядов. „Россия стояла и возвеличилась деспотизмом“ — вот сущность политических взглядов Карамзина в изложении Тургенева. И патриотизм Ка-

¹ См. письмо к С. И. от 4/16 июня 1816 г., стр. 182.

² Письмо к С. И. от 30 ноября 1816 г., см. стр. 203.

рамзина не импонирует ему. Думавший, по его словам, только о России, молодой либерал дерзнул возразить на слова Карамзина: „мне хочется только, чтобы Россия подолее постояла“ — смелым вопросом: „Да что прибыли в таком стоянии?“

Усилия старшего брата примирить его с действительностью вызывают в Николае Ивановиче только критическое отношение к самому примирителю. В первом же письме из Петербурга к Сергею Ивановичу читаем: „Либеральности не вижу ни в ком; даже и брат Ал. Ив. отклонился совсем от истинных правил и пустился в обскурантизм“.¹ „Брат опять пустился по балам и по гостям“ — насмешливо замечает Николай Иванович в письме от 17 декабря 1816 г. „Я снова заглядываю и довольно часто в большой свет, но и дел не покидаю“, — оправдывается Александр Иванович в приписке к этому письму.² После поездки Александра Ивановича весной 1818 г. в Москву Николай Иванович пишет 22 мая князю П. А. Вяземскому: „Брат возвратился сюда третьего дня. Не может нахвалиться Москвою: так его там отпотчевали. Обеды заставили его найти в Москве и какой-то национальный дух, и какое-то общее мнение“.³ На самого Николая Ивановича в 1821 г. московские „обеда“ произвели совершенно иное впечатление. „В Москве пучина наслаждений чувствительной жизни. Едят, пьют, спят, играют в карты — все сие на счет обремененных работами крестьян“. Эта картина вызвала восклицание: „несносно жить в России“ и отвращение к жизни.⁴ И советы старших братьев младшему диаметрально противоположны. „Надобно быть осторожнее и не перед всеми обнаруживать с равною откровенностью свои правила. Этого требует от тебя и род службы твоей, да и самая польза оной“, — пишет 3 января 1817 г. Александр Иванович.⁵ „Мы не затем принимаем либеральные правила, чтобы нравиться хамам. Они нас любить не могут. Мы же их всегда презирать будем. Поклонись Козловскому и скажи ему, чтобы он хамам не уступал по прежнему“, — пишет на следующий день Николай Иванович. О своем собственном поведении будущий декабрист уже в первом письме из Петербурга писал младшему

¹ Письмо от 29 октября 1816 г., см. стр. 200.

² Письмо А. И. от 18 декабря 1816 г. Архив, № 383, л. 12.

³ „Ост. Архив“, I, стр. 193.

⁴ Дневники Н. И. Тургенева, т. III, стр. 259.

⁵ Архив, № 383, л. 14.

брату, что решил „вести себя всегда твердо, одинаково и сообразно моему образу мыслей. Много будет недоброжелателей, но за то будет человека 2 или 3, которые будут чувствовать цену такому поведению“.¹ В начале 1818 г. до старших братьев дошли слухи, что в дипломатических кругах недовольны разговорами Сергея Ивановича. Обеспокоенный за судьбу брата, Александр Иванович стал искать свидания с руководителями дипломатического ведомства, гр. Нессельроде и Каподистрией. Николай Иванович писал младшему брату: „Наш образ мыслей, основанный на любви к отечеству, на любви к справедливости и чистоте совести, не может, конечно нравиться хамам и хаменкам. Презрение, возможное их уничтожение может быть только нашим ответом. Все эти хамаы, пресмыкаясь в подлости и потворстве, переменив тысячу раз свой образ мыслей, погрязнут, наконец, в пыли, прейдут, заклеянные печатью отвержения от собратства людей честных; но истина останется истиною — патриотизм останется священным идеалом людей благородных...“ По поводу бесед Александра Ивановича с министрами Н. И., сообщая, что Нессельроде отзывался об С. И. Тургеневе хорошо, а с Каподистрией брат еще не говорил, прибавил к этому: „впрочем могут эти господа думать как они хотят, а мы будем думать, как нам должно думать, и как мы теперь думаем“.²

Все это свидетельствует о том, что Николай Иванович считал младшего брата своим единомышленником и старался укрепить его и поддержать его дух в борьбе с „хамами и хаменками“.

Что касается младшего Тургенева, то для него коренное различие характеров братьев давно не было тайной. Еще 18 апреля 1813 г. он писал А. С. Кайсарову: „Они оба философы, только противных систем; которая из оных лучше, решит старость или смерть их; дай бог, чтоб последнего решения мне не знать“.³

Письма Николая Ивановича к Сергею 1811 г. лучше всего показывают, как близки они были между собой и как особенно они сблизились во время совместной жизни в Геттингене. В характере Сергея Ивановича были черты обоих его братьев. Об-

¹ Письмо от 29 октября 1816 г., см. стр. 201.

² Письмо от 25 апреля 1818 г., см. стр. 257.

³ См. запись этого письма в дневнике С. И. от 14 июня 1813 г. Архив, № 16, л. 11.

раз мыслей, целеустремленность природы, умственные интересы, неутолимая потребность в активной, творческой работе общественного характера были у него общими с Николаем. Подвижностью, большой способностью к увлечениям, некоторым легкомыслием в житейских делах он напоминает Александра Ивановича. По взглядам Сергей Иванович, подобно Николаю, был очень ярко выраженным представителем буржуазно-помещичьего либерализма. И если судить по дневникам его, окончательному формированию его взглядов, как и взглядов Николая Ивановича, способствовали события 1814—1815 гг. и особенно жизнь во Франции. Но в 1816 г., когда Николай Иванович вернулся в Россию, младший Тургенев остался за границей. Служба при графе Воронцове по дипломатической части, общение с видными политическими деятелями Франции, масонство, чтение, работа над созданием ланкастерских школ в русском корпусе во Франции — вот что наполняло его жизнь в эти годы, если не считать бурно нарушавших иногда этот ход жизни молодых увеселений.

Одни и те же вопросы тревожили обоих братьев. В одном и том же направлении желали они преобразования страны, работы для этого преобразования. И на этом пути неизбежно вставал вопрос о той социальной среде, которая должна явиться объектом воздействия в борьбе за преобразование. Вот почему переписка Николая и Сергея Ивановичей получает серьезное значение для истории общественного движения первой четверти XIX века. К сожалению, писем Сергея Ивановича почти не сохранилось. Очевидно, они, как и все письма, адресованные Николаю Ивановичу, были уничтожены старшим братом в 1826 г. Тем более ценны сохранившиеся письма Николая Ивановича, являющиеся необходимым дополнением к его дневникам. Здесь мысли и мнения одного из виднейших представителей северных организаций декабристов получают часто более распространенное выражение. С помощью этих писем удалось в свое время пишущему эти строки опровергнуть старую версию о времени вступления Н. И. Тургенева в Союз Благоденствия и о его политической позиции этих лет.¹ Эти же письма дают новый и богатый материал для суждения о социально-политическом характере русского либерализма александровской эпохи.

¹ А. Н. Шebuнин. Николай Иванович Тургенев. ГИЗ, 1925, стр. 92.

II

Выше было указано, что с самого начала политической деятельности братьев перед ними стоял вопрос о социальной среде, на которую надо воздействовать в целях борьбы за преобразование России. Добавим теперь, что вместе с этим вопросом возник и другой — о формах этого воздействия.

В письмах 1815 г. постоянно попадают имена Алексея и Василия Перовских, Н. А. Старынкевича, Мериана, М. А. Габбе. Этих людей можно считать близкими к братьям по взглядам. Однако наибольшая близость была между ними и М. Ф. Орловым. Близость эта несомненно к концу 1815 г. стала уже очень тесной. Публикуемые письма позволяют утверждать, что уже в это время в тесном кругу братьев Н. и С. И. Тургеневых и М. Ф. Орлова существовал интерес к тайным обществам. В письме от 6 января нов. ст. 1816 г. Николай Иванович сообщает брату: „Я получил недавно несколько параграфов из учреждений Тугендбунда. Но совсем незначущие, кроме того, что одно из учреждений состоит в том, что члены сего союза не должны знать друг о друге. Я пришлю тебе копию, которую прочтя сообщи Орлову“. Любопытно, что Тургенева сразу заинтересовала практическая сторона устава Тугендбунда, его резко конспиративный характер. Несколько дней спустя после этого письма он записал в своем дневнике: „В установлениях о Нем[ецком] Бунде . . . понял я, что принятые в оный члены не должны знать друг друга“.¹ У нас нет, к сожалению, более подробных сведений об этом очень важном моменте, не знаем мы и того, как реагировали М. Ф. Орлов и С. И. Тургенев на посланные им Николаем Ивановичем „несколько параграфов из учреждений Тугендбунда“. Но в письме Николая Ивановича от 6 февраля находим следующую фразу: „Над Орловым я совсем не шутил. Напротив того я только что живу мыслию о будущем щастии России . . . Ничего выше сего блаженства не нахожу. Но надежда моя не ослабевает“. И здесь для нас многое неясно. Но ясно, что Николая Ивановича с Орловым связывает что-то очень серьезное и прежде всего мысль „о будущем щастии России“. Не менее загадочное место имеется в письме от 13 февраля. Получив письмо от старшего брата, сообщавшего о своем

¹ Дневники, II, стр. 312.

последнем решительном объяснении с девушкой, на которой он неудачно собирался жениться,¹ Николай Иванович находит, что „последний его поступок отличается твердостью и благородством“, и прибавляет: „Я начинаю по сему думать, что он через 10 лет — известная тебе эпоха — может быть нам, т. е. нам, полезен. Есть ли не понимаешь, то вспомни о Мих. Орл[ове] и о хамстве“. Как ни загадочно это место, но особенная осторожность, с какой Николай Иванович сообщает здесь брату свою мысль, а также соединение здесь имени Орлова с ненавистным „хамством“ заставляют думать, что этих трех людей связывает какой-то общий секрет, и что этот секрет связан с борьбой против „хамства“. Мы вправе поэтому предположить, что уже в 1815—1816 гг. вопрос об организации тайного общества обсуждался братьями Тургеневыми и Орловым и был уже принципиально решен в положительном смысле. Если с этим сопоставить слова самого Орлова, что мысль о тайном обществе, составленном „из самых честных людей для сопротивления лихому и другим беспорядкам“ (и притом именно под влиянием примера Тугендбунда), владела им еще с 1814 г. и что он имел об этом переписку с гр. Дмитриевым-Мамоновым, то это предположение станет еще вероятнее.²

Мы знаем, что тайное общество, о котором у Орлова шла переписка с Дмитриевым-Мамоновым, должно было называться „Орден Русских рыцарей“. Общество это, по мысли Мамонова, должно было „гремять против тирании, греметь против злоупотреблений, греметь против поляков, вызывать к потомству, к теням Шуйских и Пожарских об установлении закона с п а с е н и я н а ц и и“.³ „Пункты преподаваемого во внутреннем ордене учения“ отличались, как известно, крайним националистическим и феодально-аристократическим характером.⁴ Были ли известны эти „пункты“ братьям Тургеневым? У нас нет ни малейшего основания для положительного ответа на этот вопрос. Но не может быть сомнения, что в з г л я д ы Орлова были им известны. Из позднейших воспоминаний Н. И. Тургенева мы знаем, что

¹ См. об этом в примечаниях.

² Довнар-Запольский. Мемуары декабристов, стр. 3.

³ В. И. Семеvский. Политические и общественные идеи декабристов, СПб., 1909, стр. 400.

⁴ Из писем и показаний декабристов. Под ред. А. К. Бороздина, СПб., 1906, стр. 245 и сл.

ему пришлось бороться против „воинственных и завоевательных“ теорий М. Ф. Орлова.¹ В дневнике С. И. Тургенева имеется запись, излагающая содержание его переписки с М. Ф. Орловым. Оказывается, что Орлов, соглашаясь с основной идеей братьев Тургеневых об освобождении крестьян, настаивал на возмещении дворянам за ущерб, который они понесут, дарованием им прав политических. Со своей стороны, Сергей Иванович находил, что „владение мужиками никогда не может быть правом“, и спрашивал: „можно ли требовать вознаграждения за потерю того, чем несправедливо владеем“. Наконец, он решительно находил, что сначала надо „хоть рабство уничтожить, и это будет большой шаг“.² С отцом своего начальника по службе, гр. С. Р. Воронцовым, С. И. Тургенев спорил о майоратах, и тут восставая против аристократических принципов и защищая буржуазные.³ Для Николая Ивановича Тургенева центральной идеей уже тогда было освобождение крестьян, и он думал, что эта реформа должна была произведена самодержавием. Но, надо полагать, не без влияния бесед с М. Орловым родилась мысль о предоставлении „богатым дворянам приобретать права п е р о в освобождением своих крестьян“. При этом перы не должны ограничивать самодержавия.⁴ Мысль о перах повторяется в дневнике неоднократно, и они входят в общий ряд реформ, составленный Н. И. 2 июня 1816 г.⁵ Взгляды Н. И. Тургенева уже тогда сложились: он был представителем буржуазно-помещичьего либерализма, но свою буржуазную программу рассчитывал провести в союзе с феодальной аристократией, оппозиционность которой он учитывал. При этом, однако, необходимо отметить, что мысль Тургенева о перах весьма неясна, так как права их, при подчеркивании неприкосновенности самодержавия, остаются совершенно неопределенными.

В то же время нет никаких оснований думать, что для Н. И. Тургенева идея тайного общества (которую он, повидимому, тогда и обсуждал и принимал лишь принципиально) в это время в какой-либо степени связывалась с мыслью о революционных выступлениях. Он тогда был вполне убежден в том, что „все

¹ „La Russie et le Russes“ par N. Tourgueneff, I, 1847, p. 222.

² Дневник С. И. Тургенева. Архив, № 23. Запись от 14/26 апреля 1818 г.

³ Дневник С. И. Тургенева. Архив, № 19. Запись от 27 августа 1816 г.

⁴ Дневники, II, стр. 302.

⁵ Там же, стр. 333.

в России должно быть сделано правительством; ничто самим народом“. Весь план реформ, набросанный им, был рассчитан на 25 лет: в первое пятилетие должен быть составлен кодекс законов, реформирована администрация, преобразованы финансы; во втором пятилетии новые законы должны быть введены в действие и проверены на опыте; третье пятилетие посвящается образованию перов из дворян, освободивших своих крестьян; в четвертом пятилетии при содействии перов проводится освобождение крестьян; в пятом „введется народопредставление“.¹ В этом плане постепенных, медленно проводимых либеральных реформ нет, конечно, и тени какой-либо революционности. Надежды на самодержавную власть и в частности на Александра I, как нам приходилось уже указывать в другом месте,² были внушены Н. И. Тургеневу Штейном, при котором он служил в то время, и воспитателем Александра Лагарпом. Но и тогдашнее политическое положение Европы, потрясенной тяжелым кризисом после бурной эпохи войн, и роль России в борьбе против владычества Наполеона усиливали эти надежды. Имеется интереснейший отзыв Тургенева о заключенном в сентябре 1815 г. трактате Священного Союза, а в связи с этим — о положении европейских стран. Приводим этот отзыв целиком. „В газетах читал я, так как и вы, с большим удивлением заключенный в Париже трактат между тремя государями. Немецкие журналисты восхищаются этим новым явлением, ожидают от него важных и полезных последствий и желают, чтобы исполнение соответствовало намерению. Дай бог — вообще, судя по газетам, Россия, кажется, начинает жить тою жизнью, которою она так щастливо и так славно жила в первые годы царствования императора. Какая разница между силою нравственной жизни России и слабостию произрастания почти всех других европейских государств. Соседей наши немцы поднялись было духом в прошедших годах. Но важные неопределимые препятствия встретились моральному перерождению сего государства. Немецкие патриоты, в мечтаниях своих, забывают сии припятствия, но они появляются при каждом опыте в действительности.“³ Франция скорыми

¹ Там же, стр. 333.

² А. Н. Шебунин. Н. И. Тургенев. ГИЗ, 1925, стр. 44—45 и 48.

³ См. в письмах к Сергею Ивановичу отзывы о Германии: 11 июля 1816 г. „Из Германии ничего не будет, и положение оной весьма печальное. Будучи под французским игом, немцы имели надежду, имели будущность. Теперь на-

шагами идет к своему разрушению, и есть ли что-нибудь необыкновенное не отвратит грозящей ей погибели, то она по обыкновенному ходу вещей должна разрушиться, сколько впрочем такое государство разрушиться может. Испания представляет самый печальный вид каждому человеку, знающему ценить достоинства народа. Дух народный, слава народная, одним словом все священное для истинных патриотов подавляются там невежеством, варварством правительства и духом суеверия. Англия цветет всем блеском свободного государства, но Северная Америка беспокоит прозорливых патриотов и угрожает будущности Англии. Голландия не может подняться из своей ничтожности. Соединение сей земли с Бельгией не усиливает ее действительным и общепользным образом. Дания и Швеция сделались совершенно ничтожными, хотя и по совершенно различным причинам. А бедная Италия! О сей земле нельзя говорить без горести“.¹ А такие меры русского правительства, как изгнание иезуитов и уничтожение крепостного права в Эстляндии, проведенное в полной гармонии с интересами помещиков, еще более укрепляли веру Н. И. Тургенева в „силу нравственной жизни России“. О крестьянской реформе в Эстляндии Николай Иванович писал старшему брату: „Какая противоположность между нашими и другими правительствами! Между тем как почти по всей Европе верховная власть тщится лишить народ последних опор свободы, между тем как во многих государствах между престолами и народом создается преграда из ненависти с одной, и презрения с другой стороны; наша славная Россия идет вперед умеренными, но верными шагами. Правительство соединяется с народом любовью и признательностью. Еще несколько рецептов, и Россия вступит на высочайшую степень гражданского благополучия“.²

И все же, как мы видели выше, это крайняя умеренность программы, эта [вера в самодержавную власть и Россию, это критическое отношение к Европе не мешали Тургеневу возвращаться в Россию в крайне невеселом состоянии духа и без радужных надежд. Он ехал готовый к борьбе с „хамством“,

дежды нет... — “ 29 октября 1816 г. „Пруссию, как и всю Германию, нашел погруженною в прежнее ничтожество нравственное“.

¹ Архив № 2617, лл. 87—88. Письмо к А. И. Тургеневу от 22 янв. 4 февр. 1816 г.

² Архив, № 2617, л. 207.

но с ясным сознанием трудности этой борьбы и силы противника.

Сергей Иванович, одаренный натурой более впечатлительной и увлекающейся, был уже в это время настроен радикальнее брата. Осенью 1816 г. он работал над запиской „*Sur la constitution future de la Russie*“. 31 октября нов. ст. в связи с этим он записал в своем дневнике пришедшие ему в голову мысли о необходимости изменений в этой записке.¹ „Мне кажется невозможным введение хорошей системы финансов при сохранении рабства крестьян. Их освобождение не может быть последней мерой раньше введения конституции. Надо было еще более распространиться о необходимости просвещения народа для приготовления его к свободе² не через простое восприятие фактов, а путем рассуждений. Но существуют ли уже эти факты? Этого я не хочу утверждать, но именно их следует предвидеть: тем лучше если они не существуют. Но готовится ли революция? Я этого не знаю. Но ее надо готовить или скорей предотвратить ужасную. Обучать народ надо не философии, не юриспруденции, не политике, надо пробудить в нем эти идеи, которые имеет всякий рассудительный человек и которые каждый выражал бы, если бы имел привычку выражать свои идеи“. 7 ноября Сергей Иванович продолжал: „Говорят: народу нет дела до конституции. Это возможно, потому что он не привык думать о важных вещах, но он тем не менее пользуется хорошей конституцией; она не менее необходима для его благосостояния, чем для благосостояния людей о ней думающих. А разве нужно делать всегда только то, чего требует или желает народ, т. е. тот класс народа, которому нет дела до конституции. Лишь бы он ей не противился; а если он противится, просветите его в отношении его истинных интересов, и он не будет больше противиться. Его здравый смысл будет всегда в согласии с вашей осведомленностью, вашим умом, вашими знаниями. Нет необходимости покорять народ, достаточно его просветить“.³ Этот в высшей степени любопытный отрывок свидетельствует, что младший Тургенев уже в конце 1816 г. думал о подготовке революции для борьбы за конституцию. Однако эта революция представлялась ему не в виде народной революции: напротив, задача этой ре-

¹ Приводим эту запись в переводе: она сделана на французском языке.

² *На полях*: я разумею свободу политическую...

³ Дневник С. И. Тургенева № 20, лл. 25—26.

волюции — предотвратить ужасную (т. е. народную) революцию. Что касается до народа, то его следует просвещать, приобщая к либеральным идеям. Мечтая таким образом о буржуазной революции, младший Тургенев действительно принялся за просвещение, деятельно работая над организацией ланкастерских школ в корпусе гр. Воронцова.

Мы видели выше, что вернувшийся в октябре 1816 г. в Петербург Николай Иванович с самого начала проникся весьма пессимистическим настроением. Все его заграничные мысли и планы при всей их умеренности стали казаться неосуществимыми. „Положение народа и положение дворян в отношении к народу, состояние начальственных властей, все сие так несоразмерно и так беспорядочно, что делает все умственные изыскания и соображения бесплодными“, — писал он в дневнике 7 ноября.¹ Как мы видели выше, даже брат Александр Иванович стал ему представляться обскурантом. Такими же представлялись ему друзья брата, арзамасцы Блулов и Батюшков. Иронически отозвался он и о „хваленном их Карамзине“.² Первоначально Тургеневым овладела такая тоска, жизнь его стала казаться настолько бессмысленной, что он уже жалел о возвращении из-за границы.

Постепенно, однако, он осмотрелся в окружающей обстановке внимательнее, свойственный ему практицизм помог ему справиться с овладевшим им отчаянием и приступить к деятельности. Естественно, что внимание его прежде всего направилось на тех же арзамасцев. И не только потому, что это был наиболее близкий ему через брата круг, но и потому, что это общество было составлено из людей, с которыми или через которых действовать на общественное мнение казалось ему наиболее возможным.

Вряд ли прав Д. Д. Благой, решительно противопоставляющий социальный облик „Арзамаса“ облику „Беседы“. Отмечая, что в „Беседе“ были членами представители титулованной знати и сановники, Д. Д. Благой противопоставляет им среднепоместный состав „Арзамаса“.³ Тут, однако, необходимо вспомнить, что, не говоря уже о „природных“ арзамасцах, т. е. почетных членах, к которым принадлежали бывший министр юстиции

¹ Дневники, т. III, стр. 5.

² Письмо С. И. от 29 октября 1816 г., см. стр. 200.

³ „Арзамас и арзамасские протоколы“, стр. 8.

Дмитриев, сенатор Нелединский-Мелецкий и министр иностранных дел гр. Каподистрия, среди активных деятелей были: приблизившийся ко двору В. А. Жуковский, делавшие карьеру А. И. Тургенев, Д. Н. Блудов, Д. В. Дашков и С. С. Уваров. Конечно, в большинстве это были средние помещики, но ни их, ни даже Н. И. Тургенева с его симпатией к крупному хозяйству английского типа нельзя противопоставлять крупным землевладельцам. Последние отнюдь не все были безнадежно реакционны: напротив, именно здесь скорей можно было встретить сторонников крестьянской эмансипации, или хотя бы улучшения положения крестьян (Строганов, Кочубей, С. П. Румянцев, М. С. Воронцов и др.); гораздо более консервативна была провинциальная среднепоместная и мелкопоместная дворянская масса. И, конечно, не Священный Союз и не мистика в 1816 г. отталкивали прогрессивную часть дворянства от реакционной. Образование Священного Союза, как мы видели, не встретило протеста со стороны такого убежденного либерала, как Н. И. Тургенев. Мистика же отталкивала скорей Шишкова, сторонника церковного православия, чем А. И. Тургенева, активного деятеля библейского общества, или В. А. Жуковского. Младшие Тургеневы, заботясь о книгах для корпуса Воронцова, через старшего брата обращались к библейскому обществу с просьбой о присылке экземпляров Библии. Напротив, такой убежденный реакционер, внимательный наблюдатель русской жизни, как Жозеф де Местр, резко отрицательно относился и к Священному Союзу, и к мистицизму, и к библейскому обществу.¹ „Северная Почта“, официальный орган Министерства внутренних дел в 1816 г., „на ряду с защитой Священного Союза и Библейского общества защищала и умеренную свободу печати и конституционные идеи“.²

Здесь не место останавливаться обстоятельно на „Беседе любителей русского слова“. Тем не менее мы позволим себе сказать о ней несколько слов. Вряд ли можно в настоящее время видеть в „Беседе“ только организацию литературных староверов-шишковистов. Несомненно, что борьба между последними и карамзинистами породила „Беседу“ и определила литературную идеологию ее руководителей. Однако прежде всего

¹ Подробно об этом см. в нашей работе „Европейская контрреволюция в первой половине XIX в.“ Л., 1925, стр. 115—118.

² См. об этом в примечаниях.

состав „Беседы“ опровергает старое однобокое о ней представление. Среди „попочитателей“ „Беседы“ встречаем имя Н. С. Мордвинова, своеобразного русского англомана, умевшего сочетать идеологию аристократизма с защитой интересов дворянской массы и одновременно с выступлениями в пользу фабрично-заводской промышленности, а рядом с ним карамзиниста И. И. Дмитриева. Среди почетных членов и сотрудников встречаем имена самого Н. М. Карамзина и будущих карзамасцев С. С. Уварова и С. П. Жихарева. Среди сотрудников встречаем и имя Н. И. Греча, тогда имевшего репутацию либерала. С другой стороны, издававшиеся „Беседой“ „Чтения“, по справедливому замечанию Н. К. Пиксанова,¹ очень мало занимались полемикой с карамзинистами и сосредоточивались главным образом на борьбе против подражательности иностранным литературам и особенно против галломании. Так, С. С. Уваров в „письме к Гнедичу о греческом экзаменте“ указывал, что наша словесность отличается слепым подражанием не только иноземным идеям, но и иноземным формам, причем „предрассудок в пользу французских писателей был так силен, что славный Ломоносов, который дал истинное бытие нашей поэзии, следовал сам общему примеру“. Отстаивая дальше необходимость для русских, как и для всякого народа, иметь свою словесность, Уваров призывал положить основанием этого „изучение и переводы древних классиков“.² К этому следует прибавить, что в эпоху деятельности „Беседы“ литературные теории шишковистов были уже, строго говоря, разбиты. Решительный удар был нанесен им в 1811 г. брошюрой Д. В. Дашкова „О легчайшем способе отвечать на критики“. Отметим еще, что среди членов правительства, избранных почетными членами „Беседы“, встречаются даже такие одиозные для дворянства имена, как Сперанский, Магницкий, Козодавлев, но нет имени руководителя внешней политики, канцлера гр. Н. П. Румянцева. Все сказанное позволяет высказать предположение, что „Беседа“ была своего рода дворянским блоком, правой организацией дворянского мнения на почве общего недовольства союзом с Францией и подготовки к назревавшей войне. При этом, в виду выяснив-

¹ См. его статью о „Беседе“ в „Новом Энциклопедическом словяре“ Брокгауза и Ефрона, т. IV, стр. 299—302.

² „Чтения в беседе любителей русского слова“, чтение 13, 1818 г., стр. 65—66 и 67.

шегося уже в 1811 г, для всех осведомленных лиц поворота в поведении императора по отношению к его союзнику, занимать открыто оппозиционную позицию ко всей политике правительства было неудобно, надо было только подчеркнуть отрицательное отношение к официальному представителю „системы Тильзита“.¹

Дворянский блок действовал двумя путями. В Петербурге глава „Беседы“ А. С. Шишков читал о любви к отечеству, привлекая на заседания многочисленных представителей петербургского дворянства обоого пола. В Твери, в салоне великой княгини Екатерины Павловны, почетный член „Беседы“ Н. М. Карамзин представил императору „Записку о древней и новой России“, а другой почетный член гр. Ф. В. Ростопчин знакомил его с настроениями московских дворянских кругов. И, конечно, не случайно и то обстоятельство, что в 1812 г. после падения Сперанского, на пост государственного секретаря был назначен Шишков, а на пост московского главнокомандующего — Ростопчин. Манифесты 1812 г. и знаменитые ростопчинские афиши — произведения, вышедшие из недр „Беседы“.

Но только в момент подготовки к решительной борьбе и самой борьбы с Францией „староверы“ из „Беседы“ могли объединять вокруг себя разнообразные слои дворянства. К этому решительному моменту смолкли даже те единичные протесты против реакционных кругов, среди которых можно отметить письмо К. Н. Батюшкова к Н. И. Гнедичу от 1 ноября к 1809 г. „Любить отечество должно. Кто не любит его, тот изверг. Но можно ли любить невежество? Можно ли любить нравы, обычаи, от которых мы отдалены веками и, что еще более, целым веком просвещения? Зачем же эти усердные маратели выхваляют все старое?“² А во время войны тот же Батюшков вместе с другими отдавал дань крайней галлофобии.

Любопытна история выступления Д. В. Дашкова в С.-Петербургском обществе любителей словесности, наук и художеств. Общество это объединяло людей, в подавляющем большин-

¹ А. С. Стурдза в своих воспоминаниях свидетельствует, что „Беседа“ была выражением „любви к отечеству... , пробужденной роковыми событиями того времени“. „Москвитянин“, 1851, № 21, стр. 5.

² К. Н. Батюшков. Сочинения. Редакция и примечания Д. Д. Благого. „Academia“, 1934, стр. 395.

стве не связанных с „Беседой“. Но были и здесь „беседчики“ (С. П. Жихарев и Н. И. Греч). Да и в целом общество это, по словам Вигеля, не смело и подумать „вступить в соперничество и борьбу с Беседой“.¹ В 1812 г. на собрании общества было предложено избрать в почетные члены одного из самых известных и самых бездарных шишковистов, гр. Д. И. Хвостова. Большинством голосов Хвостов был избран. Д. В. Дашков, как ярый антишишковист, голосовал против, но после решения большинства вызвался произнести похвальную речь в честь нового члена. Речь эта, скрывавшая за похвалами едкую иронию и насмешку, повлекла за собою предложение секретаря общества Н. И. Греча обсудить поступок Дашкова, квалифицированный Гречем как оскорбление „некоторых членов и... всего общества“. Тогда группа членов (Северин, Батюшков, Лобанов, Блудов и Жихарев — из пяти четверо будущих арзамасцев) подала заявление, в котором предлагала предварительно затребовать объяснения от Дашкова, а также запросить и самого Хвостова: считает ли он себя оскорбленным. Когда выяснилось, что большинство членов за исключение Дашкова из общества, Батюшков, Северин, Лобанов и Жихарев присоединились к большинству, против не оказалось никого, и только один Блудов воздержался от голосования.² Все это произошло в марте. Первоначально, как видим, авторитет „беседчика“ Хвостова стоял настолько высоко, что даже друзья Дашкова не посмели защищать его. Однако исключение Дашкова вызвало разлад в обществе: из письма Батюшкова к кн. П. А. Вяземскому от 10 мая узнаем об исключении из общества Северина и выходе самого Батюшкова и Блудова.³

В 1812 г., в первый год войны с Наполеоном, широкое разлитие патриотических настроений в дворянском обществе укрепляло позицию „Беседы“. К концу 1813 г., когда война уже близилась к концу и победа над Наполеоном была уже реальной возможностью, в рядах блока намечается расслоение. Письмо Уварова к барону Штейну от 18 ноября сигнализирует приближение этого расслоения. Письмо — протест против неистовой галлофобии

¹ Вигель. Записки, ч. III, М., 1892, стр. 153.

² Н. С. Тихонравов. Д. В. Дашков и гр. Д. И. Хвостов. Русская Старина, 1884, VII, стр. 105—113.

³ Собр. соч. К. Н. Батюшкова, изд. 1887, ред. Л. Н. Майкова и В. И. Саитова, III, стр. 184—185.

и реакционного мракобесия. Уваров жалуется на то, что в петербургском обществе кидают в одну кучу „Наполеона и Монтескье, французские армии и французские книги, Моро и Розенкампа, бредни Ш... и открытия Лейбница... кидают друг другу в лицо выражениями: религия в опасности, потрясение нравственности, поборники иностранных идей, иллюминат философ, фран-масон, фанатик и т. п. Словом полное безумие...“ В падении Наполеона Уваров видит „начертание перста божия“ и исчезновение „призрака всемирной монархии“. Он выражает надежду, что теперь политика „перестанет расходиться с нравственностью“ и „в духе человечества произойдет переворот благодетельный во всех его последствиях“.¹ В этих надеждах Уварова слышен отголосок настроений той части французской контрреволюционной и антинаполеоновской публицистики, которая вслед за Малле дю Паном мечтала не о возвращении к старому порядку, а о какой-то новой эре „торжества морали“ в политике.

С окончанием войны в 1814 г. роль „Беседы“ была окончена. Укрепивший свою личную власть и престиж император Александр спешил отделаться от навязанных ему дворянским общественным мнением людей: Шишков и Ростопчин получают отставку. По свидетельству Вигеля, заседания „Беседы“ „становились все реже и совсем потеряли великое значение, которое имели до войны“.² Литературные же позиции шишковистов давно были удачно атакуемы их противниками. И теперь довольно было попытки Шаховского осмеять Жуковского в комедии „Липецкие воды, или Урок кокеткам“, чтобы противники соорганизовались.

При анализе состава „Арзамаса“ поражает прежде всего обилие в его среде дипломатов. „Природный арзамасец“ Каподистрия имел среди активных членов общества своих ближайших сотрудников: Блудова, Дашкова, Полетику и Северина. Уваров был попечителем учебного округа, но вместе с тем и активным сотрудником близкой к министру иностранных дел газеты „Conservateur Impartial“.³ Из остальных членов А. И. Тургенев был директором департамента министерства

¹ „Русский Архив“, 1871, стр. 0130—0132.

² Записки, IV, стр. 165.

³ Он принимал участие в создании этой газеты. Соч. Батюшкова, изд. 1887 г., III, стр. 749.

народного просвещения, Д. А. Кавелин — директором Педагогического института, В. А. Жуковский придворным чтецом императрицы Марии Федоровны. Близость арзамасцев к правительственным кругам несомненна. Бросается в глаза и несомненное внимание к ним правительства. В начале 1816 г. Н. М. Карамзину было дано звание историографа, чин статского советника, анненская лента и шестьдесят тысяч рублей на печатание его „Истории“. В конце того же года В. А. Жуковскому был подарен императором бриллиантовый перстень и пожалована пенсия в 4 тысячи рублей в год „для доставления нужной при его занятиях независимости состояния“. Эти поощрения были в значительной степени делом рук арзамасца А. И. Тургенева. В 1817 г. арзамасец Д. П. Северин подал Каподистрии записку о Батюшкове, в которой, отмечая его воинские заслуги, его „глубоко религиозную душу, любящее и чувствительное сердце“ и литературный талант, указывал на его необеспеченность и просил о доставлении ему места в Министерстве иностранных дел.¹ И в 1818 г. Батюшков был определен на службу в русское посольство в Неаполе. Что же могло привлечь внимание Н. И. Тургенева в этой среде?

Главу школы, Карамзина, отделяла от Шишкова помимо литературных взглядов не общая политическая идеология, почти одинаковая, а симпатия к просвещению и своеобразная независимость. Убеденный в том, что „самодержавие есть душа, жизнь России“, Карамзин писал Вяземскому: „Для меня, старика, приятнее идти в комедию, нежели в залу национального собрания или в камеру депутатов, хотя я в душе республиканец и таким умру“.² Более подробно на ту же тему писал Карамзин Дмитриеву: „Мне гадки лакеи и низкие честолюбцы и низкие корыстолюбцы. Двор не возвысит меня. Люблю только любить государя. К нему не лезу и не полезу. Не требую ни конституции, ни представителей, но по чувствам останусь республиканцем и притом верным подданным царя Русского, вот противоречие, но только мнимое“.³ Как видно, под своим „республиканизмом“ Карамзин понимал не политическую идео-

¹ Соч. Батюшкова. Изв. 1887, том I кн. I, стр. 317—318.

² „Старина и Новизна“, I, стр. 60.

³ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, СПб., 1866, стр. 248—249.

логию, а независимость от двора, отрицательное отношение к угодничеству.¹ Именно этой своей независимостью Карамзин мог до известной степени примирить с собою Н. И. Тургенева, который, споря с ним по политическим вопросам² и считая его в политическом отношении ребенком,³ все же с интересом читал его „Историю“.⁴ Активные члены „Арзамаса“ также при более внимательном к ним отношении не оказались „хамами“. Декларировавший равнодушие к „земному миру“, полный интереса к поэзии, проникнутый романтическим отношением к жизни, Жуковский именно в эти годы мог показаться Тургеневу человеком подходящим. Личная жизнь, любовь к М. А. Протасовой и борьба за эту любовь с ее матерью столкнули Жуковского с традиционной церковной моралью. „Фанатизм, присоединенный к слабому, нерешительному характеру, непобедим, — писал он 20 октября 1814 г. А. И. Тургеневу. — На него ни рас-судок, ни сожаление, ничто действовать не могут... Вся твер-дость в этом дьявольском суеверии, которое ненавижу от всего сердца. Ах, святая религия, святое понятие о боге, как вас искажают“.⁵

Известность Жуковского и внимание к нему правительства были достигнуты его патриотическими стихотворениями 1812—1814 гг.: „Певец во стане русских воинов“ в звучных стихах воспевал „любовь к родине“, славу русского оружия и самого императора Александра. Но его патриотические выступления были чужды того реакционного духа, которым отличались аналогичные выступления шишковистов. За массой хвалебных стихов можно было прочесть туманные пожелания какой-то новой эры во внешних и внутренних делах европейских стран. Если в „Песни русскому царю от его воинов“ победитель Наполеона восхваляется за то, что он „воззвал народы“ ко мщению, „спас

¹ „Я стараюсь быть независимым в душе, любезный князь, хотя смеюсь над либералистами“. „Старина и Новизна“, I, стр. 75.

² „Он (т. е. Н. И. Тургенев. А. Ш.) страшный либералист, но добрый, хотя иногда и косо смотрит на меня потому что я объявил себя не либералистом“ (Письма Н. М. Карамзина И. И. Дмитриеву, стр. 253).

³ Письмо к С. И. Тургеневу от 29 октября 1816 г., см. стр. 200.

⁴ Письма к С. И. Тургеневу от 2 апреля и 29 мая 1818 г., см. стр. 255, 261, 262.

⁵ Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. Прил. к „Русскому Архиву“ за 1895 г., стр. 126.

владычество царям“ и „знамена святой свободы покорным даровал врагам“, то „Певец в Кремле“ содержит в себе ожидание новой эры от созданного Александром Священным Союза:

„О, совершись, святой завет!
В одну семью, народы!
Цари! в один отцов совет!
Будь, сила, щит свободы!
Дух благодати, пронесись,
Над мирною вселенной,
И вся земля совокупись,
В единый град нетленный!
. . . . .
Утихни, ярый дух войны!
Не жизни истребитель,
Будь жизни благ и тишины
И вечных прав хранитель!“

Н. И. Тургенев, еще находясь за границей, в письме к Сергею Ивановичу от 15 марта 1816 г., порицая Карамзина за лесть царю, писал: „Благородный Жуковский льстит гораздо лучше, достойнее хвалимого, достойнее поэзии, достойней поэта“. По возвращении в Петербург Николай Иванович высказался гораздо решительнее о поэзии Жуковского, и притом именно в связи с „Певцом в Кремле“: „Литературу Российскую обогащает только Жуковский“.¹ Увлеченный борьбой с литературными реакционерами, Жуковский, с своей стороны, не боялся в эти годы политического либерализма. Узнав о возвращении Н. И. Тургенева, он писал Александру Ивановичу 31 октября: „Обними за меня Николая. Враг ханов должен быть Арзамасцем. Тащи его в Арзамас“.²

Другой арзамасец, К. Н. Батюшков, в недошедшем, к сожалению, до нас четверостишии говорил императору Александру уже прямо, что он должен довершить дело освобождения Европы освобождением русского народа.³ Блудова, Дашкова и других

¹ Письмо от 17 декабря 1816 г., см. стр. 205.

² Там же, стр. 166. Полагая, что здесь ошибка и должно быть не ханов, а хамов, мы проверили это место по рукописи, находящейся в архиве бр. Тургеневых. Оказалось, верно. Тем не менее, надо думать, здесь описка.

³ Соч. кн. П. А. Вяземского, т. VII, стр. 418.

арзамасцев Николай Иванович назвал „тористами“,¹ понимая под этим, очевидно, консерваторов английской складки, т. е. прежде всего людей независимых, самостоятельных и не враждебных умеренному прогрессу. „Торизм“ — действительно подходящее определение для политических взглядов Д. Н. Блудова и других арзамасцев. Биограф Блудова, очень осведомленный и скрупулезный исследователь, указывает, что с юных лет Блудов был проникнут сословными дворянскими чувствами и приверженностью к монархическому принципу, а под влиянием французского эмигранта, графа де Фонтень — и резко отрицательным отношением к французской революции.² Будучи, таким образом, консерватором, Блудов не был, однако, приверженцем существовавшего в России порядка. Начав в 1802 г. службу в Коллегии иностранных дел, он примкнул к той аристократической молодежи, которая поддерживала своим сочувствием правивший тогда Россией кружок друзей императора (Строганова, Новосильцова, Чарторыйского и Кочубея), стремившийся к осуществлению компромиссной программы реформ в духе укрепления феодальной аристократии и одновременного развития капиталистических тенденций в экономике.³ Лучшим, может быть, выражением этой программы была статья в №№ 2 и 3 за 1805 г. „Северного Вестника“, предлагавшая провести в жизнь мероприятия: отделение дворянства от народа (т. е. создание преград „пагубному размножению дворянства“ через уничтожение табели о рангах, создание майоратов и, наконец, перство), развитие „среднего состояния“ и постепенная подготовка к уничтожению крепостного права. Будучи карамзинистом по литературным взглядам, Блудов, однако, не разделял многих политических воззрений Карамзина.⁴ Став сотрудником гр. Каподистрии, Блудов всецело сочувствовал его политическим взглядам и был проводником их во время своей службы в русском посольстве в Лондоне (в 1818—1822 гг.). Мало того, с падением Каподистрии в 1822 г. Блудов перешел на службу в министерство внутренних дел.⁵ Д. В. Дашков тоже активно проводил в жизнь систему Каподистрии на ответственном посту

¹ См. письмо к Сергею Ивановичу от 30 ноября 1816 г., стр. 204.

² Ег. Ковалевский. Граф Блудов и его время, СПб., 1866, стр. 12—15.

³ Ег. Ковалевский. Граф Блудов и его время, СПб., 1866, стр. 34.

⁴ Там же, стр. 232.

⁵ Там же, стр. 75—76, 122—127 и 141.

советника константинопольского посольства и также переменял службу с падением своего начальника.¹

Наиболее характерным выражением арзамасского „торизма“ и позиции арзамасцев по отношению к русскому императору была брошюра Уварова „L'empereur Alexandre et Bonaparte“, вышедшая в 1814 г.²

В брошюре этой нашли отражение как свойственные широким либеральным кругам дворянской общественности этих лет иллюзии касательно политики Александра I, так и враждебность демократическому движению народных масс. Всячески дискредитируя и противопоставляя „систему революции“ — „системе законности“ (торжество которой, якобы, выразилось в падении Бонапарта и Реставрации), Уваров с удовлетворением отмечает, что дело королей восторжествовало через двадцать лет революции: бог ясно объявил свою волю, он не хочет больше, чтобы королевские династии прерывались. Но с другой стороны народы научились распознавать свои силы, они не забудут никогда той роли, которую они сыграли в борьбе против Бонапарта; „они имеют право на благодарность государей, которых они так ревностно защищали. Полные взаимного уважения и лучше просвещенные относительно своих собственных интересов, короли и народы совершат на могиле Бонапарта взаимное пожертвование деспотизмом и народной анархией“.³ Уваров мечтает о торжестве свободы мысли, возрождении наук и литературы, свободном развитии торговли и предлагает назвать новую эру эрой Александра. Эта программа легитимизма и умеренной свободы вполне заслуживает названия „торизма“. Следует добавить, что Уваров, еще в 1810 г. представивший проект Азиатской академии,⁴ а теперь заботившийся об организации кафедры восточных языков при педагогическом институте, был подлинным проводником русского империали-

¹ Интересна запись в дневнике С. И. Тургенева от 24 февраля 1823 г.: „Дашков просится в отставку потому что его подозревают возмутителем Морей...“ (Архив, № 30, л. 45). Таким образом, Дашкова подозревали даже в активном осуществлении программы освобождения греков.

² В предисловии к брошюре Уваров говорит, что мысль этого произведения, у него возникла по прочтении брошюры Шагобриана „De Bonaparte et des Bourbons“.

³ Ibid., pp. 36—37.

⁴ См. материалы С. Н. Дурьлина: „Русские писатели у Гете в Веймаре“. Литературное наследство № 4—6, 1932, стр. 190—191.

стического устремления на Восток. В своей на шумевшей речи при открытии этой кафедры, — речи, которой мы еще коснемся далее, — Уваров сам дал такое объяснение своему предприятию, употребив при этом стиль и выражения, свойственные дипломатии Священного Союза Александра и Каподистрии. По его словам, Россия, „опирающаяся на Азию, повелевающая целую третью сего пространного края“, нуждается в овладении могучим орудием восточных языков. Но Россия должна в своей восточной политике следовать примеру Англии, которая, по мнению Уварова, своим поведением в Индии заслужила право „на уважение и признательность покоренного народа“. „Времена завоеваний протекли. Можно нарушить мир; можно внести огонь и меч в пределы соседственных государств: но основать и удержать свое владычество одною силою меча“ — невозможно. Напротив, „побеждать просвещением, покорять умы кротким духом религии, распространением наук и художеств, образованием и благоденствием побежденных — вот единственный способ завоевания, от коего можно ныне ожидать прочности вековой и который может некоторым образом освятить право сильного на народное славолубие“.¹

Все эти выступления и высказывания „тористов“ из „Арзамаса“ вполне согласовались с либеральной фразеологией, окрашивавшей политическую систему „природного арзамасца“ гр. Каподистрии и его повелителя. Так, в инструкции Александра русскому послу в Англии говорилось, что теперь не должно „существовать других учреждений, кроме тех, которые покоятся на согласии интересов народов с пользою правительств“. Послу рекомендовалось воздействовать на общественное мнение Англии и ее печать, установить связь с либеральной оппозицией. Аналогичная инструкция была дана русскому послу в другой враждебной стране — Австрии. А програмный доклад Каподистрии прямо обвинял европейские правительства в непо-

¹ Речь президента импер. Академии Наук, попечителя СПб. учеб. округа в торжественном собрании Глав. педагогич. института 22 марта 1818 г. СПб., 1818, стр. 21—23. Те же мысли, но без политического покрова развивает Уваров в письме к Сперанскому от 1 декабря 1819 г. Здесь он указывает, что „распространение восточных языков должно произвести и распространение здравых понятий об Азии в ее отношении к России. Вот поприще огромное, еще не озаренное лучами разума, новое поле славы неприкосновенной — источник новой национальной политики...“ Русская Старина, 1896, X, стр. 158.

нимании „духа века“ и неумении учитывать значение „той нравственной силы, которая называется общественным мнением“. Россия, по мнению автора доклада, должна теперь полагаться только на себя и обнаружить свое понимание „духа века“ на внутренней политике. И в полном согласии с этим Россия поддерживала „дух века“ и „общественное мнение“ во Франции против ультрароялистов, в Германии — против Австрии, в Италии против нее же, на Балканах против Турции.¹ Целью этой политики был союз с Францией и подготовка к борьбе за Константинополь и освобождение греков и турецких славян.² А во внутренней политике система, руководившаяся самим императором, намечала сложный путь через личную диктатуру государя и постепенное освобождение от давления дворянской общественности к „законно-свободным“ учреждениям, к „умеренному монархическому либерализму, октроированной „хартии, к половинчатому конституционализму, понятому, как прием монархического управления“.³ Религиозные принципы, мистицизм, библейские общества были орудием этой политики. Религиозная поэзия Жуковского, горячо поддерживавшего в „Певце в Кремле“ официальные лозунги системы, несомненно требовала поощрения и поддержки. „Тористам“ было близко по духу это сочетание идей твердой власти и „умеренной свободы“.

Варшавская речь императора 1818 г. о „законно-свободных учреждениях“, которые он готовит для России, вызвала отклик в цитированном выступлении Уварова. Приводя в примечаниях к изданию своей речи выдержки из речи императора, Уваров вместе с тем цитатами из Карамзина доказывает, что „наши предки посреди своей грубости могли славиться глубоким чувством священных прав человечества и гражданства, нашедших ныне красноречивого защитника в могущественном монархе Севера“;⁴ отсюда видно, чем была с политической точки зрения для „тористов“ „История“ Карамзина. И фраза А. И. Тургенева, что труд Карамзина „послужит нам краеугольным камнем для православия, народного воспитания, монархического управления и бог даст русской возможной конституции“, представляется

¹ А. Н. Шебунин. Европейская контрреволюция, стр. 74—75 и 150—153.

² Mémoires de la comtesse Edling, Moscou. 1888, pp. 247—248.

³ А. Е. Пресняков. Александр I, П., 1924, стр. 55 и 147—148.

⁴ Речь Уварова, стр. 60.

теперь уже не неудачным откровением политического эклектика, а выражением тех же настроений арзамасского „торизма“. Сочетание симпатий к твердой власти, подавляющей революцию, с сочувствием умеренной свободе как гарантии от той же революции, оригинально сказалось во взглядах П. И. Полетики. По его мнению, Людовик XVIII, вернувшийся во Францию после вторичного поражения Наполеона, должен был, создав палаты и произведя с ними необходимые изменения в конституционной хартии, провести через них декрет о приостановке действия этой хартии на несколько лет. Затем полученная таким образом диктатура должна была быстро и беспощадно расправиться с маршалом Неем и другими „виновниками“ возвращения Наполеона (тут Полетика обвиняет французское правительство в слишком большой медлительности). Для успокоения же конституционалистов и предотвращения революционной агитации неприкосновенность хартии должна была быть гарантирована союзными державами.¹ Русская действительность мало радовала Полетику. „Настоящее невесело, будущее неопределенно; оно пугает даже робкие умы. Рассудительные люди утешают себя внутренним убеждением в доброте намерений того, кто управляет“, — писал Полетика 22 марта 1816 г. графу С. Р. Воронцову. В том же письме Полетика писал, что проводит в Петербурге время „в узком кругу близких родных и нескольких просвещенных друзей. Мы говорим с полной свободой и рассуждаем так же, как говорят в парижской палате депутатов или в императорском парламенте Лондона“.² Надо полагать, что круг „нескольких просвещенных друзей“ это и есть круг арзамасцев.

Если к сказанному добавить, что арзамасцы очень почитали, выражаясь словами Жуковского, „вещего Штейна, породой германца, душой арзамасца“,³ этого государственного деятеля с консервативными, аристократическими принципами и умеренной полубуржуазной реформаторской программой, то политическая физиономия их будет совершенно ясна.

И понятно, что Н. И. Тургенев должен был найти с ними точки соприкосновения. В их лице он встречался с группой передовых помещиков, подобно Строганову, Воронцову и другим представителям оппозиционной аристократии, заботившихся

¹ „Архив кн. Воронцова“, XXX, М., 1884, стр. 432—434.

² Там же, стр. 436—437.

³ Арзамас и „арзамасские протоколы“, стр. 224.

о сочетании своих сословных и классовых интересов с потребностями капиталистического развития.

Необходимо еще отметить печатные выступления Блудова и Уварова в 1817 г. Эти выступления находятся в полном соответствии с общим мировоззрением авторов. Блудов в статье о книге Стурдзы „*Considérations sur la doctrine et l'esprit de l'église orthodoxe*“, ясно выявил свое вполне консервативное и религиозное мировоззрение.¹ Статья подчеркивала роль православия в деле развития „гражданской образованности“ русского народа и в деле „соединения разных областей России“ в эпоху уделов и татарского ига. Автор не скрывал своего отрицательного отношения к Французской революции: он отметил, что книга Стурдзы написана „на языке народа, который проповедовал и приводил в действие все системы неверия“. По мнению Блудова, Стурдза хотел „своих противников поразить собственным их оружием“. Наконец, статья содержит в себе прозрачный политический намек на значение православия для будущего освобождения Греции. Автор напоминает, что и „наше любимое отечество некогда было в состоянии, почти столь же несчастном, как нынешняя Греция, и что одна благотельная религия, сохранив в оном способы соединения, приготовили могущество и славу наших времен“. Не менее характерна для Блудова статья его о поэме Жуковского „Двенадцать спящих дев“.² Статья начинается с полемики против утверждений „некоторых философов“, что в нынешнем веке, веке цивилизации, когда люди больше не веруют, эпопея о чудесном не может иметь успеха. Автор оспаривает это, утверждая, что люди и веруют и будут веровать. Если иные эпопеи не имеют успеха, то это благодаря их сюжетам, искусственно придуманным или заимствованным из античной мифологии. Сюжеты надо брать из народных преданий. Это и есть заслуга Жуковского, который ввел в русскую литературу народную эпопею.

Его баллады отличаются „красотами первого разряда“, в частности „Двенадцать спящих дев“ — занимательностью

¹ Статья напечатана в „Журнале императорского Человеколюбивого общества“ за 1817 г. Принадлежность ее Блудову устанавливается письмом А. И. Тургенева к С. И. Тургеневу от 30 августа 1817 г. Архив, № 383, л. 79.

² „*Conservateur Impartial*“, 1817, № 63. См. письмо Н. И. Тургенева к С. И. Тургеневу от 16 октября 1817, стр. 235.

действия, очарованием и блеском стиля и удачным проникновением в область чудесного. Здесь перед нами убежденный противник рационализма XVIII века, сторонник мистики и безоговорочный поклонник поэзии Жуковского. Две статьи Уварова о русской литературе¹ отличаются прежде всего тем же отрицательным отношением к французскому влиянию на русскую литературу, как и его вышеупомянутое „Письмо о гекзаметре“. Уваров вообще невысоко ставит русскую литературу додержавинского периода. Между прочим интересно, что он с похвалой отмечает стихотворные опыты Радищева и Нарезного как свободные от французского влияния. Настоящий расцвет русской литературы, по мнению Уварова, начался только в эпоху Александра I. Соглашаясь с общераспространенным мнением о первостепенном значении в этой литературе Жуковского („поэт 1812 г. — любимец своей нации“), Уваров, однако, считает, что и Батюшков не ниже по таланту. Общее у этих поэтов: красоты языка, блестящее воображение, совершенная гармония. Но Жуковский внес в русскую поэзию английский и немецкий жанр, а Батюшков — итальянский и французский. Первый — поэт севера, второй — юга. Поэзию Батюшкова отличает „богатство выражения, чрезвычайная живость красок, много вкуса и чувствительности“. Таким образом, можно сказать, что в области литературы Блудов и Уваров отстаивали позицию чистого искусства.

11 ноября Николай Иванович впервые присутствовал в заседании „Арзамаса“ и здесь сразу приступил к делу. После заседания он вступил в беседу с Карамзиным, Блудовым и др. о положении России и — прибавляет он в дневнике — „о всем том, о чем я говорю охотнее“. Оказалось, что они „любят то же, что и я люблю. Но я этой любви не верю. Что любишь, того и желать надобно. Они же желают цели, но не желают средств. Все отлагают — на время; но время, как я уже давно заметил, принося с собой доброе, приносит вместе и злое. Вопрос в том: должно ли то быть, что желательно. — Должно. Есть ли теперь удобный случай для произведения чего-нибудь в действие? — Есть; ибо такого правительства или, лучше сказать, правителя долго России не дожидаться. Итак из сего следует, что надобно делать и — „дерзайте убо, дерзайте,

¹ В той же газете №№ 78 и 83.

людие божи»¹ Из этого видно, что общую почву с „тористами“ Тургенев нашел, но порицал их за пассивное отношение к „дерзанию“, которое, со своей стороны, считал необходимым начать немедленно. Под „дерзанием“ здесь, очевидно, надо понимать какую-то организацию общественного мнения для борьбы за проведение в жизнь прогрессивных реформ, которых следует ждать от либерального императора. И в цитированном письме к брату Н. И. Тургенев жалуется, что критика арзамасцев направляется исключительно по литературной линии, а объекты ее все те же — Шишков и Шаховской. Посетив три заседания „Арзамаса“, Николай Иванович уже и этой чисто литературной критике стал придавать объективно-прогрессивное значение. „Литературные хамы на них всегда сердятся, а они над ними смеются и дело делают“, — писал он брату 4 января 1817 г. И свою привезенную из-за границы работу „Опыт теории налогов“ Н. И. Тургенев дал на отзыв арзамасцам Блудову² и Дашкову.³

В заседании „Арзамаса“ 24 февраля Н. И. Тургенев выступил с речью, которую ему полагалось произнести как только что принятому члену. Речью своею он был недоволен и в письме к Сергею Ивановичу назвал ее преплохою.⁴ И действительно, она производит довольно бледное впечатление. В ней нет того блеска остроумия, которым отличались выступления Жуковского и Блудова, а по содержанию она разочаровывает. Выбрав объектом для нападения отчетное заседание Публичной библиотеки и особенно выступление Греча, Н. И. Тургенев внес новую струю в обычный поток арзамасских речей лишь насмешкой над словами Греча о благоразумной свободе печати.⁵ Тем не менее речь все-таки была политическим выступлением. Приезд в Петербург М. Ф. Орлова, в котором Тургенев видел несомненного соратника, придал ему силы.

„Мих. Орлов вступил в Арзамас и в первом заседании будет говорить речь, т. е. отпевать одного или нескольких

¹ Дневники, т. III, стр. 7.

² См. в письмах к Сергею Ивановичу от 12 и 25 февраля, 1817 г., а также 1 апреля („Книгу мою Блудов прочел. Я исправил некоторые места по его замечаниям“), стр. 212, 213 и 219.

³ См. в письме к С. И. от 1 февраля, стр. 211.

⁴ См. письмо от 25 февраля, стр. 213.

⁵ См. об этом в примечаниях.

беседистов“, — писал он брату 1 апреля. В письме от 10 мая уже читаем: „Мих. Орлов выступил в Арзамасе и сказал там прелестную речь. Я с ним там только и выдаюсь. Раза два был у него: умной и прекрасный человек. Намерения и характер его превосходны“. Речь М. Ф. Орлова была большим событием в истории „Арзамаса“. Подчеркнув прежде всего, что он не писатель и не имеет никаких литературных трудов, Орлов затем решительно отмежевался от тогдашних журналов и особенно от правительственной „Северной Почты“, способной, по его словам, „отвратить и от самого свободомыслия, ежели бы что-нибудь могло уклонить честного человека от полезных занятий“.¹ В заключение Орлов призвал членов „Арзамаса“ определить обществу „цель достойнейшую ваших дарований и теплой любви к стране Русской“. Цель эта тут же была им связана с „истинным свободомыслием“.² Арзамасцы, однако, сами уже были пресыщены насмешками над „Беседой“ и охотно откликнулись на призыв Орлова. Результатом было решение издавать журнал. По рассказу Вигеля, оппонентом Орлова в заседании „Арзамаса“ выступил Блудов, указавший, что светоч наук, о котором говорил Орлов, „в руках злонамеренных людей всегда обращается в факел зажигательства“.³ Биограф Блудова опровергает это утверждение Вигеля. По его словам, „Блудов спорил против программы журнала, а не против издания“.⁴ В действительности, как свидетельствуют протоколы „Арзамаса“, Блудов не возражал Орлову, а поддерживал его, предсказывая, что „Арзамас“ будет „грозою гордого невежества . . . посредником между Европой и Россией, между столиц и провинций, то повествуя о новых успехах гражданственности, о творениях и открытиях искусства и ума, то представляя в верных, ясных картинах состояние нашей славной отчизны в отношениях фактическом и нравственном, то очищая и определяя вкус и язык советом, рассмотрением и примером“. В то же время Блудов предостерегал против радикализма. Он призывал доказать, что „в руках благоразумия никогда факел света не превратится в факел зажигателя“, и прибавлял к этому: „Мы бу-

¹ См. аналогичную характеристику „Северной Почты“ в письме Н. И. Тургенева к С. И. от 30 ноября 1816 г., стр. 204.

² „Арзамас и арзамасские протоколы“, стр. 206—210.

³ Вигель, V, стр. 52.

⁴ Ковалевский, цит. соч., стр. 113.

дем помнить, что наша святая обязанность не волновать умы, а возвышать их: действие Арзамаса да будет медленно, но мирно и благотворно“.¹ Некоторый призыв к умеренности, обращенный к Орлову-Рейну, можно видеть в речи Д. П. Северина: „Умерьте пространство вашего плавания: постарайтесь в месте сидения вашего не разливаться и не топить нас; но знайте, что есть неизмеримое число обезьян, в людское платье одетых и в прошлые времена собиравшихся в доме желтом и возле желтого дома. Тех вы должны топить без милосердия“.² С другой стороны, необходимо отметить, что идея издания журнала не принадлежала Орлову, а возникла уже в первые месяцы существования „Арзамаса“. Так, К. Н. Батюшков в письмах к кн. П. А. Вяземскому конца 1815 и начала 1816 г. заявлял³ о своей готовности принять участие в проектируемом сборнике. Вяземский писал А. И. Тургеневу 27 сентября 1816 г.: „Напиши Жуковскому о намерении издавать журнал. Право, это будет доброе дело для всех и каждого, говоря модным языком манифестов. За Батюшкова я ручаюсь“.⁴ Но как бы то ни было, практически стали думать о журнале только после речи Орлова.

В письме от 9 июня Николай Иванович сообщал об этом решении брату и просил его и Старынкевича о сотрудничестве. „Орлов очень рад журналу и обещает много помещать в него“. В это время Н. И. Тургенев часто встречался с Орловым, и они вместе втягивали в политические разговоры других арзамасцев. Так, 26 мая Тургенев был у Орлова вместе с Жуковским и говорили о политике.⁵ В это же время Тургенев посещал масонскую ложу и читал Вейсгаупта.⁶ И то и другое приводили его к мысли о пользе „тайных обществ для действий важных и полезных. Некоторые должны действовать, все должны наслаждаться плодами действий“ — пишет он в дневнике 25 июня.⁷ 28 июня он делает выписки из Вейсгаупта: „Все доброе неисполнимо до тех пор, пока

¹ „Арзамас и арзамасские протоколы“, стр. 223.

² Там же, стр. 213—214.

³ Сочинения, ред. Л. Майков, т. III, стр. 358, 359, 382 и 404.

⁴ „Ост. Архив“, I, стр. 53.

⁵ Дневники, т. III, стр. 37.

⁶ Он читал: „Das verbesserte System der Illuminaten“, Francf. und Leipz., 1787.

⁷ Дневники, т. III, стр. 38.

человеческие страсти сохраняют перевес, примешивают их в свою игру, пока люди не объединяются вокруг одного всеобщего великого руководящего принципа, пока нет больших людей, возвышающихся над всем низким“. Сделав эту выписку, Тургенев прибавляет: „Орден есть школа сих людей“ и продолжает выписывать: „Приходится довольствоваться тем, что в данный момент делать добро можно только в сообществе“.¹ Закончив выписки, Тургенев пишет: „Убедившись в необходимости тайных обществ, надобно в особенности заметить, что те из них, кои устроены на правилах нравственности и патриотизма, заслуживают не преследование, а одобрение правительства“. И дальше идут рассуждения о том, что общество может иметь больше доверия к себе от людей, чем правительство, и потому может сделать больше последнего. Наконец, на следующий день Тургенев пишет: „Всякое начало трудно — простая, но великая истина. Начинающим предлежат и ныне великие трудности, и сие тем более, что мнения могут быть различны в средствах, — средствах, кои по важности своей, бывают иногда целию. Но должны ли трудности сии устрашать нас?.. О, нет! То, что мы предпринимает, должно быть рано или поздно начато и совершено... Что скажут внуки наши о своих предках, прославившихся многим, — когда не найдут одного важного цветка в венце их славы? Предки наши, скажут они, показали доблести свои в действиях за честь и гремющую славу отечества, но где дела их в пользу гражданского счастья отечества. Неужели народ, родивший столько героев, показавший столько блестящего ума, характера, добродушия, столько патриотизма, не мог иметь в себе людей, которые бы, избрав себе в удел действовать во благо своих сограждан, постоянно следовали своему предназначению, которые, не устрашаясь препятствий, сильно действующих на людей безхарактерных, но воспламеняющих огонь патриотизма в душах возвышенных, стремились бы сами и влекли за собою всех лучших своего времени к святой, хотя и далекой цели гражданского счастья“.² Вряд ли можно сомневаться в том, что эти строки написаны членом тайного общества. Из записи в дневнике от 17 июля узнаем, что за это время Тургенев был два раза в „Арзамасе“, собиравшемся у Орлова, и один раз у него обедал. „Тут было гово-

¹ Там же, стр. 79. Выписки даны нами в переводе с немецкого.

² Дневники, т. III, стр. 80—81.

рено”,¹ — многозначительно добавляет Тургенев. Очевидно, во время этого обеда и состоялось присоединение Тургенева к „Ордену Русских Рыцарей“, который в это время создавал Орлов.

Мы, к сожалению, очень мало знаем об этом тайном обществе. Следствие по делу М. Ф. Орлова уделило ему явно очень мало внимания, сам Н. И. Тургенев вообще рассказал о своем участии в тайных обществах немного. Однако кое-что имеющиеся материалы все же дают. И показание Орлова,² и вторая оправдательная записка Тургенева,³ и его позднейшие воспоминания одинаково относят попытку организации „Ордена Русских Рыцарей“ к этому приезду Орлова в Петербург. При этом по показанию Орлова оказывается, что им были составлены „три градуса принятия“ в общество, „совершенно масонические... Сии три градуса имели некоторую постепенность и давали чувствовать, что трудами, повиновением и приверженностью неопит может со временем узнать цель сего ордена... Кроме сего был еще составлен устав, совершенно подобный уставу Тамплиеров“. Кроме того, мы узнаем от Орлова, что затеянное им тайное общество должно было быть противопоставлено польским тайным обществам и что им при организации общества руководила мысль о борьбе с польскими влияниями на императора. О Тургеневе Орлов показал только, что он говорил ему об обществе в 1817 г., но он „тогда нашел мысль сию неисполнительной“.

Сам Тургенев рассказал о себе гораздо больше. Во второй оправдательной записке он поведал, что Орлов ему говорил „о высших степенях масонства и дал... две тетради, содержащие ритуал принятия в две высшие степени“, принятие это „было сопровождается различными мистическими обрядами“. Дальше, по словам Тургенева, они говорили об организации масонской ложи, причем Орлов полагал „после первых трех степеней сообщать его высшие степени“, а Тургенев „придумывал средства соединить с обязанностями высших степеней отпуск крепостных людей на волю“. Оба цитированные источника признают, что с отъездом Орлова из Петербурга все разговоры прекратились.

¹ Там же, стр. 40.

² Довнар-Запольский, цит. соч., стр. 25.

³ „Красный Архив“, XIII, стр. 76—77.

Еще больше мы узнаем из позднейшего рассказа Тургенева. Орлов, говорит он, хотел восстановить старое русское масонство времени Екатерины II, придав ему „цель политическую“. В этом духе Орлов составил проект, который сообщил Тургеневу, прося его посвятить в это дело знакомых масонов. Тургенев, по его словам, сообщил „этот регламент или этот церемониал принятия председателю одной ложи“, которого потом следствие требовало в Петербург для допроса, но освободило, не найдя тут ничего предосудительного. „В то же время, — говорит Тургенев, — Генерал Орлов сказал мне, что он только что организовал зерно общества, построенного на этих основах“.¹

На основании всех трех рассказов можно установить, что были действительно составлены „три градуса принятия“ и положено начало тайному обществу. Был, очевидно, и устав. Тургенев же вводит в рассказ еще новое лицо: председателя какой-то провинциальной масонской ложи. В. И. Семевский высказал предположение, что это был князь М. П. Баратаев, симбирский предводитель дворянства и известный масон.² Предположение это следует принять в полной мере. Кроме того надо дополнить рассказ Тургенева на основании его дневника и писем.

В дневнике от 5 августа Тургенев сообщает, что „написал 1½ листа вступления к ..., в котором я излил чувства мои о любви к отечеству, давно волновавшие грудь мою. Как писал, то казалось хорошо; не знаю, как покажется после. Покажу В. И.“ На следующий день „был у В. И. и прочел ему написанное. Ему нравится; мне также, но не так, как вчера. Сегодня сообщил первую бумагу К. Б.“³ Если связывать эти записи с переговорами, которые были у Тургенева с Орловым (а не связывать трудно), то окажется, что Тургенев не только ознакомился с „градусами принятия“, но и сам писал вступление к чему-то. В этом вступлении он излил чувства любви к отечеству. Вряд ли мы ошибемся, если предположим, что это было вступление к уставу организуемого „Ордена“. Кто скрывается под инициалами „В. И.“, трудно сказать. Можно предположить

¹ La Russie et les Russes, I, pp. 222—224.

² В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, стр. 408.

³ Дневники, т. III, стр. 41—42.

только, что это — декабрист В. П. Ивашев, земляк Тургенева, тогда поручик кавалергардского полка. „К. Б.“ очевидно князь Баратаев, находившийся в то время в Петербурге¹ и связанный с братьями Тургеневыми масонскими интересами. Ему Тургенев сообщил не вступление, а „первую бумагу“, т. е., надо полагать, написанные Орловым „градусы принятия“. 30 августа Тургенев посылал брату Сергею Ивановичу поклон от кн. Баратаева и просьбу о присылке „Acta Latomorum“, а 18 февраля 1818 г. Николай Иванович сообщал брату, что Баратаев организовал в Симбирске ложу „Ключ Добродетели“, в которую вступил Ивашев-отец. Тургеневу Баратаев предлагал почетное членство в их ложе, но он, по его словам, отказался, считая, что „масонство у нас процветать теперь не может“. На недоуменный вопрос брата Николай Иванович разъяснил ему, что писал так „не из духа угодности к правительству“, но чтобы предостеречь брата в виду подозрительного отношения государя к корпусу Воронцова, при котором состоял Сергей Иванович, именно в отношении масонства. Вслед за этим Николай Иванович высказал вполне ясно свой взгляд на масонство: „Есть ли ваша ложа делает какое-нибудь истинное добро, в нашем смысле, то надобно, хотя и с великой осторожностью, лелеять ее и ею заниматься, не взирая ни на что; есть ли нет, то не надобно ничего делать. Здесь нет середины“.² Несомненно, таким образом, что Тургенев интересовался масонством с той же стороны, что и „Арзамасом“, то есть как возможностью для работы „в нашем смысле“, работы политической. Степени и „градусы принятия“, „вступление“, написанные Тургеневым, беседы с Орловым об „Ордена Русских Рыцарей“ и чтение Вейсгаупта — все это очевидно находится в тесной связи одно с другим.

Кто были еще членами „Ордена Русских Рыцарей“? И Орлов и Тургенев в обоих своих повествованиях называют гр. Дмитриева-Мамонова. О его переписке с Орловым и работе над программой „Ордена“ известно. Можно поверить Тургеневу, что он лично с Дмитриевым-Мамоновым не был знаком, и допустить, как мы это сделали выше, что ему не были известны „Пункты“, разработанные последним. Но отношения Орлова

¹ Семевский, цит. соч., стр. 362.

² Письмо от 25 апреля 1818 г., см. стр. 258.

и Мамонова и их политическая близость не были для него тайной. С этой стороны любопытно письмо к Сергею Ивановичу от 15 апреля 1820 г. Здесь Николай Иванович сообщает „нелепости“ об Орлове, дошедшие до „щекотливых ушей правительства“. „Нелепости“ эти: слухи о посещении Орловым в Москве Мамонова. „Тот будто его не принимал, а Орл[ов] выломал дверь, чтобы войти к нему... А наконец сказали, что он ездил в Москву чтобы рассмотреть с Мамоновым сделанную им конституцию для России“. Обеспокоенный этими слухами, Николай Иванович искал свидания с братом Орлова, известным генерал-адъютантом А. Ф. Орловым. В письме от 28 апреля того же года Николай Иванович просит брата захватить к Орлову в Киев и передать ему, что „слухи о нем здесь кончились ничем“. Что касается „нелепостей“, то первая, из них, т. е. выламывание двери, подтверждается рассказами кн. П. А. Вяземского.¹ Вторая же, надо полагать, является отголоском политической переписки Орлова с Мамоновым, относящейся к более ранним годам, так как посещение 1820 г. Орловым Мамонова имело целью убедить последнего, уже близкого к душевной болезни, отказаться от затворничества.

Тургенев в своих воспоминаниях называет еще двух членов „Ордена Русских Рыцарей“: флигель-адъютантов М. и Б. В. И. Семеvский решил, что первый из них был князь А. С. Меншиков, а второй — А. Х. Бенкендорф.² Участие в „ордене“ князя А. С. Меншикова, друга М. С. Воронцова, одного из представителей аристократической и генеральской фронды, подтверждается С. П. Трубецким³ и должно быть признано. Относительно Бенкендорфа мы позволим себе выразить сомнение. Вряд ли Орлов, настроенный резко националистически, пригласил бы его в тайное общество. Мы позволяем себе высказать здесь догадку, что „Б“ это — Бутурлин Д. П., флигель-адъютант, друг и бывший однополчанин Орлова, с которым через два года они резко разошлись во мнениях.⁴

Ограниченность наших сведений об „Ордене Русских Рыцарей“ не позволяет нам делать какие-либо предположения

¹ См. об этом в примечаниях.

² В. И. Семеvский, цит. соч., стр. 408.

³ Записки С. П. Трубецкого, М., 1906, стр. 34.

⁴ См. письма к нему М. Ф. Орлова в сборн. „Декабристы и их время“. Изд. о-ва политкаторжан, т. I, М., стр. 200—205.

о том, были ли в нем еще какие-либо члены. Но гипотетически это можно допустить. Из рассказов Тургенева мы знаем, что „орден“ имел отношения с Союзом Спасения, а именно с руководителем последнего А. Н. Муравьевым.¹ Это целиком подтверждает в своих воспоминаниях Никита Муравьев, который говорит, что оба общества решили остаться самостоятельными, но обязались помогать друг другу, и называет Н. И. Тургенева представителем „Ордена Русских Рыцарей“.²

Что касается националистических и, в частности, антипольских настроений Орлова, то, вероятно, не без влияния бесед на эти темы с Орловым находится запись в дневнике Тургенева от 21 августа, в которой Тургенев признает величайшей заслугой Екатерины II уничтожение Польши.³

III

Совместная работа М. Ф. Орлова и Н. И. Тургенева над организацией „ордена“, сплотив их теснее, усилила и их активность в „Арзамасе“. В течение лета 1817 г. арзамасцы выработали программу предполагавшегося журнала. Влияние Орлова и Тургенева на эту программу сказалось в том, что в ней было отведено большое место отделу политики. В этом отделе предполагалось „распространение идей свободы, приличных России в ее теперешнем положении, согласных со степенью ее образования, не разрушающих настоящего, но могущих приготовить лучшее будущее“.⁴

В заседании 13 августа, происходившем у Орлова, были подписаны законы „Арзамаса“. По этим законам целью „Арзамаса“ определялась „польза отечества, состоящая в образовании общего мнения, то есть в распространении познаний изящной словесности и вообще мнений ясных и правильных“.⁵ Это выражение — мнений „ясных и правильных“ — принадлежит, по нашему мнению, Н. И. Тургеневу. Он часто употреблял именно

¹ „Красный Архив“, XIII, стр. 76.

² „Восстание декабристов“, Материалы, т. I. Гос. изд., 1925, стр. 305—306 в 307.

³ Дневники, т. III, стр. 43—44.

⁴ Отчет Публичной библиотеки за 1887 г. Приложения, стр. 82. Бумаги Жуковского, стр. 158—160.

⁵ „Арзамас и арзамасские протоколы“, стр. 233 и 246.

это выражение для обозначения либеральных идей. В том же заседании Орлов и Тургенев предложили программы своих предполагаемых работ. Программа, предложенная Тургеневым, гласила, по его словам: „Показать заслуги Англии и Франции перед Европою. Тут будет говориться в особенности о том, что Англия заставила Европу любить свободу, а Франция ее ненавидеть. Но надобно также упомянуть, что Франция, своею революциею, прочла так сказать для Европы полный курс науки управления государственного и т. д.“ Программа Орлова: „Показать, что представительная система заключает в себе все выгоды других форм правления, существовавших в древних и новых временах, не имея их недостатков и невыгод“.¹

Программа Тургенева, как видно по протоколу, вызвала прения, содержания которых мы, к сожалению, не знаем. Следующий день после этого заседания (14 августа) Тургенев целиком провел у Орлова. 15 августа Орлов уехал в Киев.² Сообщая об этом брату, Н. И. Тургенев писал: „Он был одним из ревностнейших членов Арзамаса и в особенности подвинул его на серьезное дело“.³

Над своей программой Тургенев начал работать еще 10 августа. Из дневника видно, что тема эта пришла ему в голову под влиянием антианглийских выступлений во французской публицистике. Тургенев выставляет три тезиса. Первый, кроме изложенного выше, гласит, что „английская промышленность несравненно выгоднее для Европы, чем французская, вопреки приверженцам континентальной системы и след[овавши]м последователям их“. Второй тезис посвящен „сравнению английской внутренней политики с французской“. „В Англии“, — говорит Тургенев, — правительство ясно существует для народа, а не народ для правительства“. Во Франции, напротив, „всегда царствовал ужасный деспотизм, и цари считали народ собственностью своею“. В третьем тезисе отмечается, что в Англии „несчастные или изгнанные имели всегда прибежище или соучастников горя“.⁴ Свой обзор Тургенев предполагал начать с XVI века, причем надо было дать сравнение двух систем внешней политики: „Англия стремится к по-

¹ Письмо к Сергею Ивановичу от 8 сентября 1817 г., стр. 233.

² Дневники, т. III, стр. 43.

³ Письмо от 2 сентября, см. стр. 232.

⁴ Дневники, т. III, стр. 42.

литическому равновесию, Франция — к всеобщей монархии“. Он защищает даже стремление Англии „завладеть торговлею мира“. По его мнению, англичане, стремясь к распространению торговли, необходимо стремились к распространению правил свободы“, так как „обширная торговля не может быть без свободы. Свобода торговая ведет за собой политическую; а без последней нет счастья прочного для народов“. Борьба Англии и Франции в конце XVII века дает повод Тургеневу резко осудить политику Людовика XIV и заявить, что „Европа была тогда обязана спасением чести и свободы Вильгельму III и Англии“. В XVIII веке в войнах за австрийское наследство и в семилетней опять-таки Европа была обязана сохранением равновесия Англии и отчасти России. Далее Тургенев говорит о привязанности английского народа к России. Можно ли еще сомневаться в сей привязанности, после того принятия, которое имели после войны 1812, 13 и 14 годов русские в Лондоне?“ Из английских политиков Тургенев порицает Питта, который воспользовался французской революцией для увеличения колониальной и морской мощи Англии... „Во всех предприятиях Питт имел в виду исключительно пользу Англии, а не общую пользу государств европейских. Такая тесная политика спешествовала завоеваниям французов на земле... Для своего отечества Питт был великий человек, но для Европы польза действий его весьма ограничена“.¹ Из французских правителей Тургенев выделяет одного Генриха IV и его министра Сюлли. Эта эпоха „представляет еще более убедительное доказательство выгод умного, народолюбивого правления“. Сюлли ставится в заслугу, что он „имел правилом свободный вывоз хлеба“. Французская революция, по мнению Тургенева, имела то положительное значение, что либеральные идеи, провозглашенные Учредительным собранием, распространились во всей Европе. „То, что прежде было собственностью избранных, умнейших людей и о чем народы имели только лишь некоторые общие понятия, сделалось теперь собственностью и общим мнением образованных народов“. Тургенев высоко ставит идеи Учре-

¹ Интересно отметить совпадение мнения Тургенева о политике Питта с мнением идеолога европейской дворянской реакции Жозефа де-Местра, который обвинял Питта в том, что он вел с французами войну английскую вместо войны европейской. Joseph de Maistre. *Lettres et opuscules inédits*, t. I. Paris, 1861, pp. 98—99.

дительного собрания, но порицает дальнейшее развитие революции. Останавливаясь на антифранцузской коалиции, он отмечает, что „война, справедливо возгоревшаяся против неистового правительства французского, была ведома и против самых правил, основанных в начале революции“. Правление Наполеона, по мнению Тургенева, ясно показало весь вред деспотизма во внутренней политике и завоевательной системы во внешней. В борьбе между Наполеоном и европейскими государствами „Пруссия, в падении и возвышении своем, Испания, Россия показали, что в величайших опасностях не армии, а народы спасают государства; солдаты Наполеона показали опасность деспотизма“.¹ В этих набросках невыполненной работы Тургенева ясно вырисовывается классовая сущность его идеологии. Защитник идей свободы и английской конституции, он подобно большинству русского дворянства и вообще ориентируется на Англию, а не на Францию. Континентальная система находит в нем противника, английская промышленность ему кажется выгодной для Европы. Таков был голос всей той части землевладельческого класса, которая не была заинтересована в развитии русской фабрично-заводской промышленности. Те же классовые интересы побуждают Тургенева симпатизировать торговой политике Сюлли и отрицательно относиться к завоевательной политике Людовика XIV и Наполеона, руководившихся интересами промышленной буржуазии. Защищая классовые интересы землевладельцев, Тургенев никогда не защищает их сословных привилегий и притязаний. В английской конституции, как и в деятельности Учредительного собрания, его прельщают буржуазные тенденции. Идеи реставраторские, как и принципы демократии, не встречают сочувствия. Оправдывая интервенцию, направленную против „неистового правительства французского“, он порицает тех, кто стремился к восстановлению старого порядка.

Уже в самом начале этой работы Тургенев сильно сомневался в своей способности выполнить ее удовлетворительно. 14 августа на следующий день после своего выступления в „Арзамасе“ с предложением этой программы, он писал в дневнике: „Я от

¹ Дневники, т. III, стр. 44—58. Мы выбрали из разных записей дневника (от 26 августа до 9 сентября) все места, представляющие, очевидно, наброски этой работы. Ср. с рассуждениями Тургенева статьи „Военного Журнала“ 1818 г. „Метафизика войны“ и др.

себя самого ничего не ожидаю} порядочного по части словесности. Недостаток в памяти делает меня весьма неспособным к сочинениям, даже и к размышлению. Разнородность и непостоянство в занятиях делает редакцию мою еще хуже, нежели бы она могла быть“.¹ 8 сентября он писал брату о своей работе: „Вижу, что это весьма трудно и не надеюсь на успех. Попробую“. Между тем в сентябре ходило много слухов о предстоящем уничтожении крепостного права. И в заседании „Арзамаса“ 27 сентября зашла речь на эту тему. „Все согласны в необходимости уничтожить рабство: но средства предпринимаемые не всем нравятся. Я также желал бы, чтоб это сделалось иным образом; но как мы не имеем выбора, то надобно принять то, что дают. Надобно всем благоразумным людям споспешествовать прав[ительств]ву в сем добром деле и мыслью, и словом, и делом“.² Вообще в это время Тургенев еще в полной мере держался своего старого взгляда, что Россия имеет все возможности для мирной эволюции, и что реформы, необходимые для развития капитализма, могут быть совершены самодержавной мыслью. „То, до чего другие народы достигли посредством тяжелых революций,— писал он в дневнике 8 сентября,— может быть сделано в России посредством одного имянного указа и точного последования оному“.³ Но иногда его уже охватывают сомнения. 12 сентября он пишет: „Я начинаю постигать невежество, в кот[ором] тонет Россия. Долго, долго луч общего, истинного просвещения не озарит ее. Нещастны те, кои чувствуют это и не могут подать никакой помощи. Cela bouleverse toutes mes idées“.⁴ Попытка говорить в „Арзамсе“ на тему о рабстве, повидимому, была последней... Работа Тургенева также плохо подвигалась. Кроме того, он уже приходил к заключению, что из „Арзамса“ ничего не выйдет в желательном ему направлении в виду отсутствия в нем единства стремлений и взглядов. 15 ноября он писал брату: „Статья моя для Арзамаса совсем не в порядке. Все твои замечания справедливы. Но почему не надобно у нас об этом писать?... Уже есть люди, которые знают, что есть различные формы правления, но не знают, почему одни лучше, другие хуже. Надобно только

¹ Дневники, т. III, стр. 43.

² Там же, стр. 93.

³ Там же, стр. 56.

⁴ Это опрокидывает все мои идеи. Там же, стр. 59.

умно, в особенности красноречиво говорить им. А в этом-то случае я не гожусь. Я написал об этой программе кое-что; но без системы, без порядка. Орлова программа также хороша. Но я думаю, что он также неудачно может ее обработать как я свою. Другие члены наши лучше нас пишут, но не лучше думают, т. е. думают более всего о литературе. А общества, один дух имеющие и оживотворенные одним или многими членами своими, могут много сделать доброго“. Наконец, в письме от 5 декабря находим окончательный приговор „Арзамасу“: „Арзамас наш давно уже не собирается; теперь же, думаю, совсем рушится, ибо главная опора его, Блудов, едет в Лондон на место Полетики, кот[орый] назначен посланником в Америку. Арзамас представляет мне новое доказательство, что русской характер имеет большой недостаток в твердости и преданности какому-нибудь делу. У нас все хотят делать вместе, и оттого ничего не делают; хотят и просвещать других и служить, хотят заниматься делом и вместе службой. Впрочем исключительность у нас трудна ибо действовать с успехом у нас трудно“. В письме от 25 января 1818 г. Тургенев подтверждает: „Об журналах и говорить нечего. Предполагаемый арзамасский умер до рождения; и сам Арзамас рассыпался и более уже не собирается. Жуковский в Москве, Блудов там же и едет в Англию через Париж“. Но „Арзамас“ собрался еще один раз 7 апреля 1818 г. для проводов Блудова.¹

Мы можем теперь сказать, что Н. И. Тургенев пытался в этот период бороться за проведение буржуазной программы в союзе с оппозиционной аристократией (гр. Дмитриев-Мамонов, кн. А. С. Меншиков) и с „тористами“ из культурного слоя русского дворянства, объединившимися в „Арзамасе“.

В итоге общения с арзамасцами Тургенев пришел к неутешительным выводам относительно некоторых из них. Так, в письме к брату от 25 апреля 1818 г. находим резкий отзыв о Д. П. Северине: он обзывается „дипломатическим щенком“ и глупым человеком и причисляется к „хамам“. Из арзамасцев очень немногие оказались близкими к последовательному либерализму Тургенева. К числу таковых следует отнести князя П. А. Вяземского.² Он целиком принимал программу буржуазно-

¹ „Ост. Архив“, I, стр. 99.

² См. о нем статью Николая Кутанова (С. Н. Дурылина) „Декабрист без декабря“ в сборнике „Декабристы и их время“, т. II, М., 1932, стр. 201—290.

помещичьего либерализма, серьезно думал о журнале и представил в „Арзамас“ специальную записку о нем. Здесь он предлагал „разделить издание на три разряда: Нравы, Словесность и Политика. В первом объявить войну непримиримую предрассудкам, порокам и нелепостям, картину нашего общества... В политике довольствоваться простодушным изложением полезнейших мер, принятых чуждыми правительствами для достижения великой цели: силы и благоденствия народов“. Вяземский советовал в качестве образца взять журнал „*Mercur de France*“.¹

Основное ядро „Арзамаса“ — Жуковский и Блудов — остались при старых позициях, и ни одного шага в сторону последовательной борьбы с „хамками“ не сделали. О позиции Блудова мы имеем интересный материал в бумагах С. И. Тургенева. Предварительно следует заметить, что Сергей Иванович целиком разделял принципиальную позицию брата Николая. 19 января нов. ст. 1817 г. он писал в своем дневнике о своем грустном настроении, причиной которого выставляет болезнь и письма из Петербурга. „Особенно письма брата Николая; он видит вещи в большом масштабе и вот почему он не может их видеть теперь в России, иначе как в дурном состоянии. Они не внушают ни утешения, ни надежды“.² 25 апреля 1818 г., высылая вышецитированное письмо с Блудовым, Николай Иванович советовал брату расспросить последнего о слухах, распущенных на его счет Стурдзою и Севериным. К этому он прибавил: „Так же я надеюсь, что ты увидишься и с П. И. Полетикой: этот более на нашу статью“. Сергей Иванович увиделся в Париже и с Блудовым и с Полетикой. „Блудов, — пишет он в дневнике,³ — показался мне немного кичащимся своим умом, своим талантом и даже своими знаниями. Он также кичится расположением Каподистрии. Мне говорили, что несколько времени тому назад, когда Каподистрия еще не имел такого значения при государе, Б[лудов] находил его скучным. Теперь он говорит о нем, как о превосходном человеке“. В первые дни Сергей Иванович много спорил с Блудовым. По его словам, Блудов приехал предубежденный против него и других

¹ „Арзамас и арзамасские протоколы“, стр. 240—241.

² Архив, № 20, л. 55. Это место писано по-французски, приводим его в переводе.

³ Цитируем в переводе с французского, на котором написано в дневнике.

находившихся в Париже русских и часто, не выслушав еще мнения Сергея Ивановича, сам излагал предполагаемую точку зрения своего собеседника. Такая самоуверенность раздражала Сергея Ивановича, и он в дальнейшем уже мало, по его словам, говорил, а больше слушал. Вообще, повидимому, Блудов произвел на него впечатление самодовольного карьериста. Мнения Блудова ему не понравились. Последний находил, что Россия за последнее время сделала громадные успехи в области просвещения. Как же согласовать с этим запрещение дискуссий в печати об освобождении крестьян? — спрашивает С. И. Тургенев. Полетика и Сергею Ивановичу, как и его брату, казался более близким человеком. „Полетика, — пишет он — более либерален и, я думаю, более рассудителен, чем Бл[удов], но и значительно менее любезен, хотя и обладает значительным запасом знаний и умом“.¹ В дальнейших записях дневника Сергея Ивановича находим интересные подробности о его разговорах с Блудовым. Уехав из Парижа в Мобез, Сергей Иванович там 6/18 июня получил из Петербурга стихи Жуковского на рождение великого князя Александра Николаевича. „Признаюсь, — пишет он, по первом прочтении, — я не нашел в них ни одной важной мысли. Есть множество хороших стихов, но есть и слабые. — Хорошо, что я не получил их в Париже. Я бы не скрыл этого мнения от Блудова, который бы на меня за это прогневался. Он послание к государю находит все чрезвычайным, Кремлевского певца хотя ниже первого в стане воинов ставит, однакоже прекрасным называет. Он также находит Батюшкова прозу не пустою. Напротив того всех здешних писателей дурными, не исключая и Констана. В этом Поццо² не его мнения. Но так как Поццо об этом депеш не писал, то наши дипломаты не обязаны знать что значит здесь Констан“.³ И так, оказывается, спор был о литературе. Блудов выступал в качестве безусловного поклонника Жуковского и Батюшкова, а Сергей Иванович относился критически к тому и другому. О Бенжамене Констане их мнения были также противоположны, но в обратном смысле. Характерно для взглядов Сергея Ивановича, что ему не нравится стихотворение Жуковского на рождение Александра Николаевича. Он не нашел

¹ Дневник С. И. Тургенева. Архив, № 23, лл. 82—83.

² Поццо ди Борго, русский посол в Париже.

³ Там же, лл. 83—84.

в нем „ни одной важной мысли“. Между тем Полетика писал Жуковскому, что его произведение исполнено „высокими мыслями, глубокою чувствительностью и всеми прелестями блистательного воображения... Карамзин показал нам, как должно посвящать книги царям; от тебя же наши будущие поэты научатся, как следует поздравлять их в стихах. От вас обоих познают все наши писатели, сколь великая есть разность между справедливою похвалою и подлою лестью“. Блудов, со своей стороны, в приписке к письму Полетики высказал Жуковскому, что его стихи „принадлежат также к одним из лучших произведений его таланта и нашей литературы“.¹ Сергея Ивановича же, очевидно, туманный и неопределенный гуманизм, которым проникнуты стихи Жуковского („Да на чреде высокой не забудет святейшего из званий: человек“), совершенно не удовлетворял. Он требовал определенного политического содержания... Характерно и то, что вопрос об отношении к публицистике Бенжамена Констан Сергей Иванович считает возможным обсуждать рядом с вопросом о поэзии Жуковского. Очень выявились противоположные позиции Блудова и Тургенева в вопросе о судах. Первый находил, что надо публиковать в печати о неправильных или несправедливых решениях судов. Тургенев признал эту мысль „детской: если правительство это допустит, оно станет в оппозицию самому себе. В других странах это делается, потому что там, просвещая общественное мнение, просвещают и правительство, побуждая его сменить того или другого чиновника. Но в России, если судья возбудит дело против обвиняющего его журналиста, никто не скажет слова в защиту последнего. „Я повторяю, — пишет Тургенев, — что эта мысль Блудова принадлежит к тем, которые рождаются в самом начале, когда человек принимается размышлять о средствах уничтожения известных злоупотреблений, это так сказать детский возраст конституционного искусства“. Своих возражений, однако, Сергей Иванович Блудову¹ не высказал, так как последний „считает себя намного меня превосходящим и в учености, и в опытности, и в мудрости“.² Со своей стороны Блудов после свидания с Сергеем Ивановичем высказал свое мнение о нем в письме к Уварову. Мнение это сообщил брату Александр Иванович в следующих выражениях: „Блудов писал

¹ „Русская Старина“, 1902, кн. X, стр. 195—197.

² Там же, лл. 84—86.

письмо к Уварову, где говорил о тебе, как о достойнейшем арзамасце, несмотря на то, что во всем почти был разного с тобою мнения“.¹ И, конечно, Сергей Иванович был арзамасцем, но арзамасцем левым, подобно брату Николаю и Орлову. Как и они, он был создан для активной политической деятельности и несомненно имел данные и для политической публицистики.² В мае и июне 1817 г., когда Николай Иванович и Орлов действовали сообща в Петербурге, Сергей Иванович был в Бельгии, где видался и вел нескончаемые политические разговоры с деятелями великой революции, Сийесом, Карно и др.

В Париже он постоянно встречался с Бенжаменом Констаном, Гизо и другими видными либералами.

Деятельность „Арзамаса“, в особенности его левого крыла, и планы издания журнала, в который он был приглашен сотрудником, вызвали живой интерес со стороны Сергея Ивановича. Проводивший последние месяцы 1817 г. в Москве Жуковский однажды написал Сергею Ивановичу письмо от имени его матери, под ее диктовку, и сделал приписку от себя, в которой между прочим писал: „Есть-ли пришлешь матушке свой портрет, то я заграблю тот, который у нее теперь: я вопреки ей думаю, что он сходен. Глаза не бешеные, а в них светятся либеральные идеи“.³ Получив 1 декабря нов. ст. письмо Жуковского, Сергей Иванович сделал в высшей степени интересную заметку в дневнике, в которой высказал свое мнение о задачах поэзии; „Жуковский писал мне, что, судя по портрету, видит он, что в глазах моих блестят либеральные идеи. Он поэт, но я ему скажу по правде, что пропадет талант его, если не всему либеральному посвятит он его. Только такими стихами можно теперь заслужить бессмертие; восхищая душу, поэты должны просвещать умы. Мне опять пишут о Пушкине,⁴ как о развертывающемся таланте. Ах, да поспешат ему вдохнуть либеральность и вместо оплакиваний самого себя, пусть первая его песнь будет: Свободе“.⁵ В письме к Жуковскому С. И. Тургенев подробно распространялся о задачах литературы и высказал

¹ Письмо от 25 сентября 1818 г. Архив, № 384, л. 120 (оборот).

² Это доказывают его рукописи, до сих пор еще не изученные.

³ Архив, № 384, лл. 92 (оборот).

⁴ О Пушкине см. в письме Николая Ивановича от 16 октября 1817 г., стр. 235.

⁵ Архив, № 23, л. 14 (оборот).

свой взгляд на характер задуманного журнала. Заявив здесь, что он — обожатель музыки Жуковского, и посоветовав последнему употреблять свой талант для просвещения России, Сергей Иванович продолжал: „Грешно другим писателям употреблять его совсем в другую сторону. Я укоряю в этом и Карамзина. Зачем не оставить Пезаровию¹ и подобным проповедовать мрак, деспотизм (по-русски самодержавие) и рабство. Как приятно видеть все дарования на стороне либеральных идей (коиими если не честь, то душа моя пламенеет) все невежество, всю скуку, на стороне противной. Пишите же в пользу либеральности. Нельзя образоваться ум лучше, как восхищаясь вместе духом, а кто читает спокойно стихи ваши, того нам и ненадобно. Что Арзамас, что его журнал? Кажется Рейн со своею статьей о представительном правлении слишком быстро потек. Вспомнить бы ему о Шафгаузенском водопаде. Да и брат Николай будет едва ли не в пустыне проповедовать, или по крайней мере можно опасаться, как бы такие проповеди тем не кончились. Я уже писал Михайле Орлову, что мне кажется в Петербурге не только журнала не из чего составлять но и говорить-то не о чем, когда сойдутся два порядочных человека. Один журнал, который можно было попробовать предпринять, кажется был „Дух журналов“, который бы содержал в себе выписки из прочих, в одном смысле, разумеется либеральном (правда, эта статья была бы пребедная); потом критику прочих журналов, новых брошюр, театров и проч. Какая бы жатва для Блудова и Вяземского! А другие бы исподтишка серьезно проповедовали: так бы Арзамас был *ridendo castigat mores*.² Тогда бы инвалид не смел в XIX столетии уверять, что человек, не признающий бытия И[исуса] Х[риста], не сможет достигнуть нравственного совершенства.³ Тогда бы стоило только перепечатать объявление о новой книжке, издаваемой Росс. Академией, под названием кажется „Изв е с т и й“,

¹ Пезаровиус — редактор „Русского Инвалида“.

² Смесь исправлял нравы.

³ В № 242 „Русского Инвалида“ (от 17 октября 1817 г.) в статье о женевских пасторах было указано, что пасторская коллегия в Женеве запрещает своим членам касаться в проповедях вопроса о божественности Христа и некоторых других. Автор находит, что „в душе человека, отвергающего Христа, все усилия к достижению нравственного усовершенствования останутся навсегда тщетными и бесплодными“.

чтобы предать ее посмеянию. Тогда бы Сев[ерная] П[очта] не подшучивала над либеральными идеями несколько месяцев спустя после того, как она их проповедовала. Тогда бы публика наша видела, что из всех политических известий в наших газетах одно только всегда справедливо, о благодарственных молебствиях в царские дни“.¹

Перед нами литературная программа левого арзамасца притом чрезвычайно выдержанная и практически обдуманная. Прежде всего категорическое, решительное требование к литературе — быть проводником литературных идей со стремлением объединить вокруг этих идей „все дарования“, т. е. все литературные силы либерально настроенного дворянства. Затем осуждение тех, кто подобно Карамзину отдает свои силы на служение противной стороне. Далее критика единомышленников из левого крыла „Арзамаса“, брата и Орлова, предложивших слишком отвлеченные для среднего читателя и слишком откровенные темы, грозившие им быстрым падением с отвлеченной высоты, а их деятельности быстрым окончанием. В противоположность разработанной программе журнала предлагается другая, где пропаганда либеральных идей строится не на отвлеченных положениях, а на конкретной критике всех литературных выступлений противного лагеря, причем левым рекомендуется вести свою проповедь „исподтишка“.

Конечно, Жуковский с его склонностью к мистическому самоуглублению, к тому самому, что Сергей Иванович называл „оплакиванием самого себя“, не мог удовлетворить предъявлявшимся слева требованиям и вряд ли одобрил предложенную ему программу журнала как слишком определенную и целеустремленную.

Что касается Александра Ивановича, то он сильно поддался влиянию брата Николая. Когда последний вводил в 1818 г. в деревне свои новшества, старший брат выражал пламенное желание, чтобы он все устроил „на пользу крестьян и успокоению нашей совести. Он верно не выедет оттуда, не оставив следов своего попечения. А мы еще добрые помещики! Что-ж худые? Впрочем не надобно и обманывать себя: часто и худые лучше добрых“.² Реакционная записка Стурдзы „Sur l'état actuel

¹ Архив, № 4006. См. приложения к настоящему тому.

² Письмо от 23 августа 1818 г. Там же, л. 134.

de l'Allemagne“ очень не понравилась Александру Ивановичу. „Нужно полное историческое опровержение“, — писал он Сергею Ивановичу.¹ 22 февраля 1819 г. А. И. был сделан камергером. И он, в 1815 г. помышлявший об этом звании для брата, теперь был так огорчен этим, что хотел совсем подавать в отставку и ехать за границу.² Умный и наблюдательный Карамзин, однако, кажется, верно разобрался в настроениях братьев, когда писал Вяземскому: „Вы верно посмеетесь его камергерству. Николай Иванович более рассердился, нежели он сам, и называет это пятном Тургеневской фамилии...“³ По существу, конечно, А. И. Тургенев не изменился и остался на прежней примирительной напрова позиции, совершенно сходясь в этом с Жуковским. Посылая Сергею Ивановичу стихотворение Вяземского, посвященное крепостному поэту Сибирякову, за выпуск которого его помещик требовал 10 тыс. рублей, Александр Иванович писал: „Жуковский справедливо замечает, что эта пьеса должна действовать на общее мнение; надобно, чтобы она говорила более чувству, более пробуждала душу на величие предмета, нежели унижала его оскорблением. Тот хочет познакомить грубые души с прекрасным — пусть он представит им это прекрасное, — растолкать их сон; не отвращать их от жизни, говоря им с сильным красноречием, что они мертвецы; перелить в них эту жизнь живым словом убеждения, а не убийственным словом презрения или негодования. Надобно нашим х а м а м (техническое слово, введенное во всеобщее употребление брат. Николаем) представить необходимость уважать достоинство человека и свободы и разбудить... ее чувствами, а не оскорблением. Язык чувства украсит высокую должность примирителя и защитника прав человечества и сблизит враждующие партии. Язык оскорбления только произведет взаимное ожесточение, а светильник поэзии не должен быть зажигателем. Он должен согревать, светить и оживлять. Это рассуждение и справедливо и прекрасно. В нем вся душа слышна Жуковского“.⁴

Такое настроение, конечно, резко отделяло Жуковского и Александра Ивановича от левых арзамасцев.

¹ Письмо от 10 декабря 1818 г. Там же, л. 113.

² Письмо к Сергею Ивановичу от 23 февраля 1819 г. Там же, лл. 85—86.

³ „Старина и Новизна“, I, стр. 74.

⁴ Письмо от 2 сентября 1819 г. Архив, № 394, лл. 39—40.

Все эти данные свидетельствуют, что распадение „Арзамаса“ в виду такого разномыслия между основным его ядром и левой было неизбежно.

В заключение необходимо еще раз остановиться на вышецитированной речи Уварова. Эта речь была несомненно политическим выступлением „ториста“ из „Арзамаса“, приветствованным левым крылом. Речь, как сказано выше, была отголоском варшавского выступления императора. После разобранного выше рассуждения о значении преподавания восточных языков Уваров перешел к преподаванию истории и воспользовался этой темой для изложения некоторых политических мыслей. Так, по его мнению, новому времени открыли путь три главных явления средневековой истории: германские народы, феодальная система и крестовые походы. Напав на „софистов XVIII века“ за их „надутые жалобы“ на феодальную систему и непонимание, что „все созревает постепенно“, Уваров цитировал слова лорда Эрскина, что политическая свобода „есть последний и прекраснейший дар бога“ и прибавил: „но сей дар приобретается медленно, сохраняется неусыпною твердостью; он сопряжен с большими жертвами, с большими утратами“. Феодальная система была необходимой ступенью. Крестовые походы открыли путь новому. Затем последовало образование трех основных политических сил: „среднее состояние“, власть монарха и власть „больших вассалов и баронов“. Но каждая из этих сил боролась только за свои интересы: цари стремились к самовластию, феодалы к славе и военной добыче, а „среднее состояние“ хотело сбросить оковы и завладеть промышленностью и торговлей. Но все были орудием в руках „промысла“ и действовали „для основания равновесия всех политических сил“. Бросив публике эту центральную мысль „торизма“, Уваров напал на реакционеров и закончил заявлением, что история — „верховное судилище народов и царей. Горе тем, кто не следуют ее наставлениям. Дух времени, подобно грозному Сфинксу, пожирает непостигающих смысла его прорицаний“.¹ Н. И. Тургенев отозвался об этой речи как о такой, в которой „много хорошего и неговоренного до сего времени на языке русском“.² Вяземский прочел ее „с большим удовольствием“,

¹ Речь Уварова, стр. 40—52.

² Приписка к письму А. И. Тургенева к Сергею Ив. от 23 марта 1818 г., см. стр. 254.

но нашел путаницу в рассуждениях о феодальной системе.¹ Сергей Иванович высказался с большим скептицизмом: „Дай бог, чтобы либеральные мысли в речи Уварова не были одним только отголоском пустых звуков, упавших недавно с трона прямо в Москву“ („речь государя“).²

После сказанного будет понятна оценка „Арзамаса“ в записке Булгарина: „Главная характеристическая черта Арзамасского общества, по которой и теперь можно отличить их между миллионами людей, есть: чрезвычайно надменный тон, резкость в суждениях, самонадеянность. Сергей Семенович Уваров и Николай Тургенев суть два прототипа сего общества. Все, что не ими выдуманно — дрянно; каждый человек, который не пристаёт безусловно к их мнению — скотина; каждая мера правительства, в которой они не принимают участия — мерзкая; каждый человек, осмеливающийся спорить с ними, — дурак и смешон. Вот какими выражениями они изъяснялись без обиняков... Этот несносный тон, это фрондерство всего святого, доброго и злого в смеси, без различия, по одним страстям, заразило юношество, как о сем упомянуто в Записке о Лицее...³ Итак, вот в каком отношении Арзамасское общество было вредно. То есть некоторые члены общества. Общество не имело ни малейшей политической цели; но как правительство не заботилось о том, чтобы каждому обществу дать свое направление, свою цель, то некоторые члены отдельно приготавливали порох, который впоследствии вспыхнул от буйного пламени Тайного общества“.⁴ Можно спорить о том, имел ли „Арзамас“ политическую цель, но нельзя не признать, что Булгарин прав, связывая деятельность „Арзамаса“ с деятельностью тайных обществ.

Арзамасцы и в дальнейшем продолжали себя считать таковыми и гордились своим званием и видели в нем синоним всего прогрессивного. 19 марта 1819 г. Блудов писал Жуковскому

¹ „Ост. Архив“, I, стр. 106.

² Запись в дневнике, от 12/24 июня 1818 г. Архив, № 23, л. 78 (оборот).

³ В записке „Нечто о Царскосельском лицее“ об „Арзамасе“ говорится: „это общество сообщило свой дух большей части юношества и, покровительствуя Пушкина и других лицейских юношей, раздуло без умысла искры и превратило их в пламень“. Записка напечатана в книге Б. Л. Модзалевского „Пушкин под тайным надзором“, 3-е изд., „Атеней“, 1925. Цит. место на стр. 43.

⁴ См. в цит. книге Б. Л. Модзалевского, стр. 52—54.

из Лондона о своей болезни и упадочном настроении: „если б мне иногда не случалось вспоминать, что я друг Карамзина, Жуковского, Тургенева, Батюшкова, одним словом арзамасец, то конечно уже давно бы причислил себя к тем людям, которые хуже глупцов, хотя не так глупы“.¹ Но подлинным хранителем арзамасских традиций оставался А. И. Тургенев по своему признанному всеми друзьями праву „уполномоченного и аккредитованного поверенного в делах русской литературы при поддерживающих властях и образованном обществе“. А между тем наступало время испытаний для науки и литературы, и мягкий, толерантный Александр Иванович вынужден был сознаваться с грустью, что поведение некоторых арзамасцев не соответствует должному.

В 1821 г. была запрещена книга проф. Куницына: „Естественное Право“ и произведен разгром Петербургского университета, т. е. изъятие нескольких профессоров, обвиненных в безбожии и вольнодумстве. По поводу запрещения книги Куницына и поведения в этом вопросе Уварова Александр Иванович писал 1 марта Сергею Ивановичу: „Уваров не был при суждении о сей книге в главн[ом] правл[ении] учил[ищ], но дал голос на 2-х страничках, где не сказал гласно и громко своего мнения. Я сказал ему, что я не так бы поступил на его месте. Он уверяет, что Блудов доволен его мнением. Не одного Куницына надо спасать, но и науку и оградить Россию и правительство от нашествия Магницких и Руничей и даже Лавалей, которому я жестокие истины высказал по сему случаю“.² Если в деле Куницына можно было бы отметить уклончивое поведение Уварова, поставленного, как мы видели, Булгариным рядом с Н. И. Тургеневым, то в деле изгнания профессоров Галича, Плисова и др. сыграл активную роль другой арзамасец, Д. А. Кавелин („Пустынник“), занимавший должность директора университета. По этому поводу А. И. Тургенев писал Сергею Ивановичу 13 апреля: „Если Дашков уже с вами,³ то кланяйся ему от меня и скажи, что арзамасцы все рассеяны, а некоторых и желал бы я исключить из числа их, напр. Кавелина, который за два года перед сим сбирался быть рус-

¹ „Русский Архив“, 1875, XI, стр. 341.

² Архив, 2379, л. 99.

³ Т. е. в Константинополе, где Дашков вместе с С. И. Тургеневым служил в русском посольстве.

ским. Даламбером и Дидеротом, т. е. издавать энциклопедию; и называл меня фанатиком — за то что я доказывал ему неспособность его к сему делу и пустоту самого дела; а теперь хочет, чтобы политическая экономия была основана на евангелии, и служит орудием интриг М[агницкого] противу тех, в коих прежде искал и от коих готов был принимать благодеяния и принял самое сие место, через которое теперь старается вредить им“.¹

А 1826 г., когда один из главных арзамазцев, Блудов, явился автором „Донесения следственной комиссии по делу о тайных обществах“ и тем самым обвинителем Н. И. Тургенева, навсегда положил преграду между ним и Александром Ивановичем.

IV

Для Н. И. Тургенева и М. Ф. Орлова крушение надежд, связанных с арзамасским журналом, и разномыслие с „тористами“ явились лишь толчком к усилению политической деятельности в желательном им направлении. М. Ф. Орлов в Киеве занялся ланкастерскими школами. По этому поводу Николай Иванович писал младшему брату: „Я рад, что Ор[лов] сближается с филантропизмом, кот[орый] нельзя отделить от либеральных идей, и против которого он прежде восставал. Я всегда был уверен, что он восставал против филантропии только на словах: на деле же он этого сделать не в состоянии, ибо кроме ума имеет добрую и преблагородную душу“.² Сближение Орлова с „филантропизмом“, против которого он, оказывается, прежде возражал, означало для него по существу выход из узкого круга аристократических и дворянских организаций и попытку работы в более широком направлении. Сам Н. Тургенев, по его словам, считал ланкастерскую систему „великим орудием просвещения и свободы людей“.³ Несомненно, что в 1818 г. произошло и вступление Тургенева в Союз Благоденствия.⁴

¹ Там же, л. 105. Три года спустя Пушкин во втором послании к цензору заклеил Кавелина: „...бедный мой Кавелин-дурачек, креститель Галича, Магницкого дьячек“.

² Письмо от 5 декабря 1817 г., см. стр. 243.

³ Письмо от 29 мая 1818 г., см. стр. 260—261.

⁴ См. об этом в моей статье „Н. И. Тургенев в тайном обществе декабристов“ в сборнике „Декабристы и их время“, изд. Политкаторжан, т. I, стр. 129—130.

В течение 1818 и 1819 гг., как показывают публикуемые письма, настроение Николая Ивановича эволюционировало влево. Прежде относившийся терпимо и даже с некоторым сочувствием к библейскому обществу,¹ он в письме от 3 февраля 1818 г. говорит с раздражением „о наших невинных мистиках, или попросту сказать, святошах, общество которых недавно кто-то называл русской Tugendbund“, прибавляя к этому с едкой иронией: „А ты еще ожидаешь успеха ланкастеровой методе! Но правда — есть способ сделать их и о ней заботливыми; представить, что она будет споспешествовать распространению библии“. В том же письме содержится и резкий отзыв „о новых военных поселениях: другой признак христолюбивого девятнадцатого века“. К варшавской речи Н. И. Тургенев отнесся с некоторым скептицизмом, но все же с надеждой, что „по крайней мере свободнее можно будет писать“, и что „хамство не будет так восставать на либеральные идеи по ращетам не убеждения, а подлости“.² Но уже очень скоро после этого пришлось сообщить о запрещении каких бы то ни было статей по крестьянскому вопросу.³ Наконец, в письме от 24 мая 1819 г. после критики финансовой политики правительства находим рассуждение: „есть ли хотят плода, должны насаждать; есть ли хотят иметь хорошее управление, кредит и проч., должны ввести конституцию“ и, наконец, заключение: „Самодержавное правление так не согласно с счастьем гражданским, что самые великие качества государей самод[ержавных] недействительны для пользы государств, между тем как малейшие слабости, от которых никто не свободен, причиняют невероятный вред“. Таким образом к 1819 г. Тургенев разочаровался в своих надеждах на самодержавную власть. В то же время он стал возлагать некоторые надежды на то, что „может быть сила обстоятельств что-нибудь сделает... Но и сила обстоятельств — может ли она быть сильнее апатии наших соотечественников“. Теперь апатия, терпение русских приводит в отчаяние Тургенева. „Россия непонятно терпелива. Удивительно, как мало чувствующих людей даже между теми, которые размышляют“.⁴

¹ См. запись в дневнике от 17 мая 1817 г.: „Я не имею точного мнения о сем учреждении, но не нахожу в нем ничего кроме доброго...“ Дневники, III, стр. 36.

² Письмо от 2 апреля 1818 г., см. стр. 255.

³ Письмо от 29 мая 1818 г., см. стр. 261.

⁴ Письмо от 26 июня 1819 г., см. стр. 228.

Мы однако, сильно ошиблись бы, если бы подумали, что такое „полевание“ изменило существо программы Тургенева и его социальную ориентацию. Нет, его программа оставалась той же программой умеренно-буржуазного помещичьего либерализма, как это доказывает его записка по крестьянскому вопросу конца 1819 г.¹

И по сути своих взглядов Тургенев не мог отказаться от мысли о воздействии на дворянское общественное мнение. Он продолжал считать главной своей задачей „распространение здравых идей о свободном состоянии крестьян, которое равно выгодно и для помещиков“.² Таких же взглядов держался и Сергей Иванович. Он шел еще далее, выражая пожелание, чтобы инициатива в деле освобождения крестьян была за дворянством, а не за правительством; такой акт только „укрепит самодержавную власть государя, если только дворянство не примет громадных предосторожностей, соперничая в великодушии с правительством. Но если напротив дворяне сами вызовут эту меру, они могут этим доставить много выгоды всей нации, призвав на помощь бывших рабов“.³ Здесь оказывается, что дворянская инициатива может оказаться выгодной для „всей нации“.

Н. И. Тургенев в период своей деятельности в Союзе Благоденствия не переставал искать путей для воздействия на дворянское общественное мнение. Устав Союза Благоденствия взменял в обязанность его членам организовать „вольные общества“ для распространения своих взглядов за пределами Союза. 30 декабря 1818 г. Н. Тургеневу пришла в голову мысль об организации такого общества, целью которого было бы издание журнала.⁴ 2 января 1819 г. он написал большое письмо к М. Ф. Орлову, в котором обстоятельно излагал свои чувства. „Я ничего не вижу в жизни, кроме этого прелестного идеала, называемого отечеством, — писал он между прочим, — оно моя религия, моя любовь, мое бессмертие души, мое все“. В письме была приведена какая-то выписка из дневника Тургенева. Надо думать, что эта была та самая выписка, в которой

¹ О ней см. в моей цитированной книге о Н. И. Тургеневе, стр. 68—72.

² Дневники, т. III, стр. 122.

³ Запись в дневнике 9 декабря 1817 г. Архив, № 23, л. 20 (подл. на франц. яз.).

⁴ Дневники, т. III, стр. 181.

говорилось об организации журнального общества. Тургенев не мог не поделиться этой мыслью с другом и соратником по „Арзамасу“. Мысль о журнале, конечно была связана генетически с аналогичной неудавшейся попыткой „Арзамаса“ На следующий день Тургенев „написал неправильный проспект“ своему обществу и придумал назвать последнее „Обществом 19 года и XIX века“, а журнал „Россиянином XIX века“.¹ „Проспектус“, написанный Н. И. Тургеневым, носит названия „Мысли о составлении общества под названием...“ Далее в рукописи идет: „П р и н я т ы: Николаем Тургеневым, Професором Ал. П. Куницыным. П р е д л а г а ю т с я: Никите Михайловичу Муравьеву, Федору Николаевичу Глинке, Грибовскому (и другим)“. За этим следует приписка карандашом: „Иван Григорьевич Бурцов. Павел Иванович Калошин. Князь Александр Александрович Шаховской. Александр Сергеевич Пушкин“. Здесь таким образом видим семь членов Союза Благоденствия, двух известных писателей и одного профессора. Шаховской, бывший беседчик, в свое время вызвал своим выступлением против Жуковского объединение своих противников, а теперь был с ними в близких отношениях. Пушкин, близкий к братьям Тургеневым и Глинке, связанный с рядом членов Союза Благоденствия по обществу „Зеленая лампа“, был, конечно, желанным членом журнального общества. Куницын был товарищем Тургенева по Геттингенскому университету. „Проспектус“ Тургенева указывает прежде всего на потребность „благомыслящих людей“ „обратить внимание публики на некоторые здравые идеи, сообщить ей некоторые справедливые понятия, представить некоторые истинные правила, благодетельные в приложении“. Далее отмечается зарождение в публике „какой-то охоты к общему просвещению, не к тому, которое приобретается в училищах, но к тому, которое делает человека способным судить о гражданском положении своего отечества“. Однако, заявляет Тургенев, — произведения русской литературы „не касаются до предметов политики“. Это делает нашу литературу „неудовлетворительною для нашего времени“ и создает необходимость „иной пищи моральной, более питательной, более соответственной требованиям и обстоятельствам века“. Между тем, „происшествия 1812, 13, 14 и 15 года сблизили нас с Европой . . . , и никакая

¹ Там же, стр. 183.

человеческая сила не может уже обратить нас вспять“. Сама Европа теперь обладает „истинным просвещением“. Последнее „есть знание своих прав и своих обязанностей“. Во имя этого предлагается „соединение воедино нескольких русских, любящих отечество“, указывается, что когда такое соединение совершится, общество обратится к привительству за легализацией. Предполагаемый журнал должен разделяться на три ряда. Из них первый посвящается географии, энтографии, статистике, истории, законодательству и государственному хозяйству России; второй — рецензиям русских и иностранных книг научного содержания; третий — словесности“.¹

21 января состоялось первое собрание журнального общества. О результатах этого собрания Николай Иванович общал брату 24 января. Здесь оказывается, что журнал будет включать в себя отделы: политика, политическая экономия, финансы, юриспруденция, история, философия, под которой подразумеваются „рассуждения о воспитании и литературе“. „Я, — писал Тургенев, — сообщил мою идею Куницыну. Он ее принял. Сверх того присовокупились к нам несколько молодых людей бывших воспитанников лицея и несколько офицеров... Жуковский участвует по литературе. Я много надеюсь на корреспондентов, в особенности на к[нязя] Вяземского“. Тургенев просил брата написать для журнала статью о Франции, в частности о ее государственном устройстве и управлении, и выражал надежду на сотрудничество Старынкевича по юриспруденции. „По возможности мы будем писать против рабства“, прибавлял Тургенев. В заседании было уже произведено распределение работы. Сам Тургенев взялся писать о финансах и о политике. Из этого рассказа Тургенева узнаем, что кроме намеченных лиц были приглашены еще Жуковский, Вяземский;² наконец, упоминается об участии бывших воспитанников лицея. К числу последних принадлежал, кроме А. С. Пушкина, И. И. Пущин, который в своих записках описал, очевидно, именно это собрание, и которому Тургенев предложил дать статью о книге м-м Сталь „*Considérations sur la Révolution française*“.³ Таким

¹ Дневники, т. III, стр. 367—372.

² Вяземский в 20-х числах января и в начале февраля был в Петербурге „Ост. Архив“, I, стр. 190.

³ И. И. Пущин. Записки о Пушкине и письма из Сибири, М., 1925, стр. 116—117.

образом в составе журнального общества было, включая Пушина, восемь членов „Союза Благоденствия“, среди которых преобладали представители умеренного крыла, один либеральный профессор, писатели, близкие по взглядам, Пушкин, и Вяземский, сотрудники того же направления, С. И. Тургенев и Старынкевич. Что касается Жуковского и Шаховского, тогда очень популярного драматурга, то они, очевидно, приглашались для оживления художественного отдела. Ни одного „ториста“ среди приглашенных не было. „Все статьи должны иметь целью свободомыслие, — решительно заявлял брату Тургенев. — Журнал, очевидно, должен был быть органом „Союза Благоденствия“. С 26 января Тургенев возобновил работу над „проспектусом“.¹ Очевидно, в результате обмена мнений на заседании 21 января журнал получил новое название: „Архив Политических наук и Российской Словесности“. „Проспектус“, над которым теперь работал Тургенев, повидимому, должен был уже быть программой журнала и предназначался к напечатанию в № 1. Он носит заголовок: „От издателей“. Этим, очевидно, надо объяснить осторожность выражений и глубоко лойяльный тон, не скрывавший, однако, существа воззрений автора.

Первая тирада „проспектуса“ содержит в себе подчеркивание заслуг трех царствований. Петр „заставил итти русских вместе с Европой“, но русские шли слепо, „не знали куда и не имели никакой цели“. Екатерина „озарила Россию светом яркой славы“ и оставила в памяти народной многие правила, предания, драгоценные для гражданского порядка. Александр прославил „Россию истинною славою, основанною на справедливости и на точных началах всякого общества“ и обратил „стремление Россиян к успехам гражданственности“. Истолковав таким образом в тенденциозно-либеральном духе смысл важнейших эпох новой истории России, Тургенев далее подробно обосновал значение своей эпохи. По его словам, происшествия последних 30—40 лет, явившихся для Европы великим „практическим курсом политики“, „убедили Европу, что нет прочного основания для государств без взаимных прав и обязанностей гражданских, без нравственности, без религии“. „Россия участвовала в сих происшествиях только в смысле правды и справедливости“: она противоборствовала гению

¹ Дневники, т. III, стр. 185.

зла“, порабощавшему народы, защищала свою честь и свободу Европы. При этом в то время, как другие народы боролись за свои эгоистические интересы, Россия участвовала в борьбе бескорыстно. Поэтому последствия борьбы для нее могут быть только благодетельны как во внешнем, так и во внутреннем отношении. Во внешнем отношении Россия чрезвычайно усилилась, став охранителем независимости народов и „нелицеприятным судьей“ их. Во внутреннем отношении „мы стали европейцами, останемся европейцами, и никакая сила человеческая не может сделать нас азиатцами, в моральном значении сего слова, вопреки тем людям, которые, будучи приверженцами обветшалого порядка вещей и обреченного уже на вечную ничтожность, доказывают своими мнениями и действиями,¹ что эгоизм и предрассудки могут оставаться непременными, между тем, как все вокруг них обновляется новой жизнью образованности и просвещения“. Отметив таким образом, что борьба с этими людьми и с их „эгоизмом и предрассудками“ будет задачей журнала, Тургенев далее распространяется о развитии в России просвещения и о его значении для гражданства. Приведя фразу Петра „Есть только одна Россия в мире; и она не должна иметь себе равной“,² указав на развитие просвещения в эпоху Екатерины и Александра и в частности отметив преподавание политических наук в русских университетах, Тургенев еще раз подчеркивает, что можно только замедлять успехи просвещения, но нельзя их останавливать, еще менее обратиться назад, вспять к варварству, к дикости. В итоге следует заявление, что журнал считает своей целью распространение политических знаний. Далее упоминаются отделы журнала, те самые, которые названы в письме к Сергею Ивановичу. В заключение доводится до сведения публики, что „все истинно полезное, все честное, все справедливое, все доброе найдет в издателях твердых защитников, и вместе с тем все низкое, своекорыстное, неблагоприятное будет чуждо их сердцу, навсегда будет чуждо и их журналу...“ Наконец публика успокаивается на тот счет, что „одним из священных правил журнала“ будет умеренность, отклонения

¹ На полях приписка: „старсобрядческими“.

² Возможно, что именно эта фраза Петра в устах Тургенева дала повод Пушкину впоследствии сказать о Тургеневе: „Одну Россию в мире видя...“

от которой возможны только под влиянием увлечения „энтузиазмом добра и негодованием к пороку“.¹

По существу этой программы необходимо заметить следующее. Вся осторожность стиля этой работы несколько не затемняет его ясной, тщательно подчеркиваемой умеренно-либеральной идеологии. Внешняя лояльность к правительству, в которое в это время Тургенев не верил, объясняется, однако, как мы думаем, не только цензурными соображениями, но и стремлением подчеркнуть то общее, что было у умеренного крыла „Союза Благоденствия“ с „торизмом“ и аристократической оппозицией. Именно поэтому подчеркнуты „бескорыстие“ и освободительная роль России в борьбе с Наполеоном, ее внешнее величие и те „успехи в просвещении“, о котором говорил Блудов Сергею Ивановичу и в которые оба брата верили слабо. Цель журнала, таким образом ясна: это политическое воспитание дворянства в умеренно-либеральном направлении и объединение вокруг журнала всех тех элементов дворянства, которые не могут быть причислены к „хаммам“.

23 февраля Тургенев снова писал брату о журнале, прося его о сотрудничестве и сообщая ему о том, что подготовка статей идет. При всем том в этом письме звучит уже скептическая нотка, а именно указание, что „цензура теперь здесь слишком строга“. Скептицизм в Тургеневе проявлялся еще и по отношению к самому себе. И теперь, как и во время работы над статьей для журнала „Арзамас“, он вынужден был сознаться в своей неспособности к такого рода работе. Уже 26 января, работая над „проспектусом“, Тургенев сознавался: „Я совсем не умею писать ничего кроме протоколов. Я неясно думаю, а потому и трудно писать, хотя пишу еще неяснее, чем думаю“.² 24 февраля он начал писать для журнала „Обозрение европейских государств“.³ 3 марта сообщая об этом брату, Тургенев жаловался, что чувствует себя все „более неспособным к такого рода спекулятивным занятиям“, и причину этого находил в служебных занятиях. В письме от 23 марта Тургенев писал, что журнальное общество собиралось раза два, и что были прочтены четыре „пьесы“. „Одна из них только хороша. Другие слишком ученические“. Причина та, что авторы „все

¹ Дневники, т. III, стр. 373—382.

² Там же, стр. 185.

³ Дневники, т. III, стр. 187.

молодые люди, по большей части офицеры, имеют мало опытности в литературе“. Итак, активные члены „Союза Благоденствия“ в большинстве своем в это время оказывались малоспособными к литературной пропаганде своих воззрений. И теперь Тургенев возлагает надежду только на то, что „отсутствующие будут помогать присутствующим“, причем предупреждает о строгости цензуры. Сам же он, однако, в это время почти уже отказался от мысли написать статью, так как взял новую службу (начальника отделения канцелярии министра финансов) и был занят целыми днями и вечерами.

Мысль о журнале, однако, имела несомненный успех. Сергей Иванович был очень заинтересован этой мыслью. Однако, предложение брата писать обзорные статьи о Франции его, повидимому, несколько пугало в виду возможных осложнений на этой почве с цензурой и — еще более — с его начальством по службе. 13 марта он записал в своем дневнике: „Я еще не решился посылать брату политические артикли о Франции. Но, если и пошлю, то с условием, чтобы прежде, чем их будут печатать, показываемы они были министерству иностранных дел.“¹ Зато Сергей Иванович послал брату написанную в форме письма к Мериану на французском языке большую статью о политическом положении Германии, представлявшую собой опровержение реакционной записки Струдзы. 7 мая Николай Иванович писал ему: „Твое письмо к Мериану о Германии мне весьма понравилось и есть ли бы наш журнал уже издавался, то я попробовал бы напечатать его. Твои артикли о Париже могли бы также войти в него. Не отставай и от русского языка и попробуй что-нибудь написать по русски“. В том же письме Николай Иванович просит передать Старынкевичу, что ждет от него статьи о французском судопроизводстве. Одновременно с этим письмом Николай Иванович посылал брату „проспектус“ в окончательном виде и сообщал брату, что журнал выходить будет не ранее 1 января 1820 г. и будет распространять „здравые идеи“ под покровом теории. По дневнику Тургенева мы знаем, что собрание общества было 10 апреля и должно было быть 6 мая. На собрании 10 апреля присутствовало только 6 человек, а читали свои „пьесы“ только Тургенев и Муравьев.² Со-

¹ Архив, № 23, л. 182.

² Дневники, т. III, стр. 191.

стоялось ли собрание 6 мая, мы не знаем. Журналом интересовался даже такой вполне консервативный соратник Карамзина, как И. И. Дмитриев. А. И. Тургенев писал ему 6 мая: „Брат Николай приемлет с чувствительною признательностью участие ваше в намерении его издавать журнал. Вероятно, оно состоится в исполнении, ибо много уже материалов заготовлено, и он обыкновенно преследует свои предприятия. Но сотрудники его весьма зелены, исключая молодого Муравьева, который подает прекрасную надежду“.¹ Предполагавшееся участие в журнале И. И. Дмитриева, который и в дальнейшем им интересовался,² свидетельствует о намерении Тургенева привлечь серьезные литературные силы. Вяземский также интересовался журналом и притом вполне учитывая его политический характер. „Что делает журнал Николая Ивановича, голубь спасения, вестник берега свободы“, — спрашивал он Александра Ивановича.³

Но, конечно, для успеха журнала, который должен был быть органом „Союза Благоденствия“, нужно было участие не Дмитриева, и даже не членов Союза, из которых один Н. М. Муравьев оказывался подающим надежды сотрудником. Сам Тургенев, как нужно решительно признать, не годился ни для редакторской, ни для сотруднической работы. А его неспособность и занятость службой, вероятно, охлаждала и других. Поглощенный работой в министерстве финансов, Тургенев скоро увлекся там работой над порученным ему проектом реформы гербовых сборов. Этим проектом он хотел воспользоваться для проведения некоторых подготовительных к освобождению крестьян мероприятий и организации для этой цели помещичьих оценочных комитетов.⁴ С другой стороны, нас поражает, что такой присяжный литератор, как Ф. Н. Глинка, так же как мы видели, приглашенный Тургеневым в журнальное общество, не внес ничего в это дело. Повидимому, однако, это объясняется тем, что, убедившись в неспособности организатора предприятия и большинства сотрудников, Глинка охладел к этому делу,

¹ „Русский Архив“, 1867, стр. 647.

² Соч. И. И. Дмитриева, изд. 1883, стр. 247, 248, 255 и „Русская Старина“, 1903, XII, стр. 715, 716, 717, 718.

³ „Ост. Архив“, I, стр. 206.

⁴ Об этом проекте см. в моей книге об Н. И. Тургеневе, стр. 87 и в примечаниях к настоящей книге. Поиски этого проекта в архивах оказались, к сожалению, безрезультатными.

тем более, что ему представились другие возможности. 16 июня 1819 г. он был избран президентом Вольного общества любителей российской словесности и, отдавшись совершенно работе в этом обществе и редактируя его журнал, он сумел сделать последний действительным органом пропаганды. Так и заглохло журнальное общество Тургенева.

Член „Союза Благоденствия“ и журнального общества Грибовский, знаменитый своим доносом, поданным через А. Х. Бенкендорфа в 1821 г. императору, повидимому, довольно верно охарактеризовал деятельность Тургенева в Союзе вообще и в журнальном обществе в частности. По его словам, в Петербурге Союзом управляли Тургенёв, фон-дер-Бригген и Глинка. Он отмечает и стремление этих трех лиц установить связи с представителями аристократии. Так, он указывает на связь братьев Тургеневых с графом Воронцовым, командовавшим в 1815—1818 гг. русским оккупационным корпусом во Франции, при котором служил С. И. Тургенев, Далее читаем: „Орлов брался вовлечь Мамонова; Тургенев, фон-дер-Бригген и Глинка — молодых графов Шереметева и Безбородку-Куселева, для лучшего успеха над которыми полагали приставить способных наставников. То же предполагалось и с другими богатыми, особенно молодыми помещиками“. Связи Орлова с Мамоновым нам известны. А из письма Н. И. Тургенева к брату от 1 января 1821 г. узнаем, что накануне он обедал у молодого графа Куселева. Из дальнейшего текста письма видно, что это было не первое посещение этого аристократического дома. Видно также и содержание разговоров, которые там вел Тургенев. „Обыкновенный мой разговор тут бывает дальнейшее пояснение и толкование, и представление в разных видах текста, состоящего в том, что «верблюд скорее пройдет сквозь иглиные уши, чем богатый войдет в царствие небесное»“. Можно думать, что комментирование евангельского текста в устах Тургенева имело вполне практический смысл: молодого аристократа надо было увлечь идеей „пожертвований“, о которых вообще любил говорит Тургенев, и склонить на путь реальных жертвований в пользу тайного общества. О журнале Грибовский говорит: „Тургенев, дававший главное направление, брался с профессором Куницыным издавать журнал, по самой дешевой цене для большого расхода, полагая издержки за счет общества относящиеся. Содействовать сему обiazавы были все члены“... Сооб-

щаемое Грибовским далее о намерении завести типографию в отдаленной деревне уже вряд ли может быть принято во внимание, так как положительно известно, что журнал предполагался легальным. Обходим и его утверждение о карикатурах, которые Глинка и Тургенев собирались распространять в народе, как не подтверждаемое другими источниками. Но сообщение, что „Тургенев настаивал преобразовать общество по системе Вейсгаупта и, сходно с тем, членам назваться между собой другими именами“¹ заслуживает внимания. Из предыдущего мы знаем, что системой Вейсгаупта Тургенев интересовался еще в 1817 г., а строго конспиративный характер, лежавший в основе Тугендбунда, привлек его внимание еще в 1815—1816 гг.

Печатаемые в настоящем томе письма дают немало материала для освещения попыток Н. И. Тургенева связаться в 1820 г. с представителями оппозиционной аристократии и с их помощью поставить на очередь дня крестьянский вопрос. Первая из этих попыток — организация легального общества освобождения крестьян — была задумана кн. П. А. Вяземским и С. И. Тургеневым во время пребывания последнего в Варшаве. Потом С. И. Тургенев привез эту идею в Петербург, где она была горячо поддержана Николаем Ивановичем. Примкнул к ней и А. И. Тургенев. Через гр. М. С. Воронцова идея была сообщена нескольким представителям знати. В письме к С. И. Тургеневу Вяземский чрезвычайно любопытно обосновывает необходимость такой инициативы. Он проникнут одинаковым недоверием к правительственной инициативе и к инициативе крестьянских масс. Он настаивает именно на инициативе дворянства: „Я не менее боюсь министерских ножиц, которые часто режут вкривь и вкось, чем топора черни, удар которого слишком силен, чтобы рассечь этот гордиев узел; инициатива в этом деле должна принадлежать тем, кто держит в руках нити и кто ими связан. Верхи сделали бы из него мертвую петлю и, делая вид, что избавляют от нее одних, постарались удушить ею других; я не знаю, выиграл ли бы при этом крестьянин, — но что касается нас, то мы бы на этом пострадали наверняка. Низы, разбивая свои оковы, разрушили бы все направо и налево, это должны сделать люди, занимающие среднее положение“.²

¹ Н. К. Шильдера. Имп. Александр I, т. IV, СПб., 1898, стр. 210—211.

² „Архив бр. Тургеневых“, вып. 6, Переписка А. И. Тургенева с кн. П. А. Вяземским, 1814—1833 гг. Под ред. Н. К. Кульмана, Петроград, 1921, стр. 3.

Попытка кончилась полным неуспехом из-за противодействия реакционных кругов.¹ Вторая попытка — борьба Н. И. Тургенева в Государственном совете за проект законодательного запрещения продажи крестьян без земли — встретила противодействие объединенного дворянского блока во главе с Мордвиновым и Шишковым.² После этой неудачи Н. И. Тургенев уже больше не предпринимал попыток к воздействию на те или иные „сферы“ и замкнул свою деятельность в узком кругу тайного общества. В другом месте нам приходилось уже указывать и подробно аргументировать, что после поражения испанской революции в 1823 г. Н. И. Тургенев разочаровался в возможности успеха тайного общества, но что до самого отъезда своего за границу в 1824 г. он оставался его деятельным членом.³ Письма Николая Ивановича к братьям за 1824—1825 гг. свидетельствуют о большом душевном утомлении, связанном, конечно, отчасти с болезненным состоянием, но в значительной степени, думаем, и с пережитыми разочарованиями на поприще общественной борьбы. Здесь мы читаем о болезни и лечении, о времяпрепровождении, о потребности в семейном уюте. Тем не менее и эти письма дают возможность утверждать, что связи с единомышленниками из тайного общества Тургенев хотел поддерживать. Так, в ряде писем мы читаем вопрос о Бриггене. Из письма 14/26 февраля 1825 г. узнаем, что между ними была переписка. Читая „Полярную Звезду“ и „Северные цветы“ он чувствовал себя „посреди некоторых знакомых П[етер]бургских. С почтенным Глинкою как будто разговаривал“.⁴

Что касается С. И. Тургенева, вообще в своем дневнике гораздо более откровенного, то вопрос о том, в какой мере он был посвящен в дела тайного общества, остается открытым. Но тот же дневник дает основание утверждать, что разгром революций в Испании и Неаполе и торжество европейской реакции

¹ Подробно об этом см. в ст. Н. К. Кульмана „Из истории общественного движения в царствование Императора Александра I“, „Известия Отд. русск. языка и словесности Академии Наук“, т. XVIII, кн. I, СПб., 1908, и в моей статье „Пушкин и «Общество Елисаветы»“ в I томе „Временника Пушкинской Комиссии Академии Наук“.

² Об этом в моей статье „К истории борьбы по вопросу о продаже крестьян без земли“, „Архив истории труды в России“, кн. 6—7, стр. 117—129.

³ В цит. статье „Н. И. Тургенева в тайном обществе декабристов“ и сб. „Декабристы и их время“, 1, стр. 143—145.

⁴ Письмо от 29 мая 1825 г. Архив, № 230, л. 65.

на него произвели впечатление очень тяжелое. После этого у него сложилось вполне определенное убеждение в бесполезности для данного периода каких-либо революционных организаций. 6 августа 1824 г. прочитав книгу Hermes'a о карбонаризме, он отмечает, что карбонарии были очень сильны в Италии и все-таки ничего не добились. Далее в дневнике следует: „Первое правило ничего не предпринимать. Даже не искать распространять идеи. Они и без обществ распространяются. Но приготавливать все на случай. Для этого едва ли и тайные общества нужны, которые везде запрещены. Довольно если большее или меньшее число добрых, просвещенных, твердых и терпеливых граждан, имея в виду одну цель спасения, будут все по одиночке готовить к достижению оной... Старое ужасно, новое еще не совсем возродилось, т. е. не между всеми. Все чувствуют; но не все еще понимают свои нужды. Такая эпоха предзнамует революцию, но не есть еще эпоха, в которую революция удасться может“.¹

Накануне революционного выступления тайных обществ руководство в них перешло из рук представителей буржуазно-помещичьего либерализма в руки более радикального течения.

V

Эмансипаторские планы 10-х годов, популярность в это время идеи освобождения крестьян среди помещиков связаны отчасти с подъемом помещичьего хозяйства, вызванным успешным развитием хлебного вывоза, отчасти — с крестьянскими волнениями. Именно в среде крупных землевладельцев мысль о переходе к вольнонаемному труду становилась популярной. Н. И. Тургенев, проповедывавший предпочтительность капиталистического фермерского хозяйства перед крепостническим, находил слушателей и среди титулованной знати, и среди „тористов“ из „Арзамаса“, и среди либеральных членов тайного общества. Поэтому он, по выражению Пушкина, и

„Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян“.

В письме к брату от 25 февраля 1817 г. Н. И. Тургенев говорит с большим удовлетворением о росте вывоза хлеба. Он

¹ Архив, № 31, лл. 45—46.

находит, что здравый смысл правительства „ясно показывается в неограниченном позволении вывоза хлеба“ и прибавляет: „В Одессу, говорят, взошло более 50 мил. за хлеб. В Риге заказано уже на будущий год на 20 м. Вот где баланса надобно искать — свобода все приводит в равновесие... Кроме чистых денег, можно думать, что такое требование хлеба умножит произведение его, и самые простые люди будут в состоянии понять, как можно стерлингами, гульденами и франками обрабатывать русскую землю“. На этой почве в иных местах стали производиться опыты фермерского хозяйства. С. И. Тургенев проездом в 1820 г. через Одессу отметил там это явление: „Многие из имеющих здесь земли одни без мужиков отдают их в наем из десятины; таким образом, что нанимающие обрабатывая их своим собственным капиталом, приводя туда свой скот и пр. и пр. и добытого хлеба дают 10-ю часть помещику как хозяину земли... Таких *fermiers* приходит много и из Малороссии“. По словам С. И. Тургенева, помещики эти условия находят для себя не очень выгодными.¹ И действительно, такое „фермерское“ хозяйство, построенное на натуральной и притом раз навсегда определенной арендной плате, не сулило больших выгод владельцу. Но крупные и просвещенные владельцы, в роде гр. М. С. Воронцова, создавали у себя и крупное хозяйство, рационализируя и интенсифицируя его.² Для таких помещиков вопрос о наемном труде становился на очередь. Крестьянские волнения в Саратовской, Пензенской, Екатеринославской и других губерниях также ставили на очередь вопрос о крепостном праве. Мы видели выше, какой страх, „топор черни“ внушал либеральному Вяземскому, который, не доверяя и „министерским ножницам“, взывал к дворянской инициативе. Воронцов, учитывая крестьянские волнения, также находил, что „долг и выгода дворянства суть начать думать и действовать о постепенном увольнении от рабства мужиков в России“.³

Хозяйственные опыты самого Н. И. Тургенева и их судьба чрезвычайно показательны для судеб русского помещичьего либерализма. К сожалению, в материале архива братьев

¹ Архив, № 26, лл. 19—20.

² Об опытах Воронцова см. в моей статье „Пушкин и «Общество Елисаветы»“ (указ. выше).

³ Архив Лонгиновых в ИРЛИ АН. Письма М. С. Воронцова к Н. М. Лонгинову 1818 г.

Тургеневых содержится очень мало данных об их хозяйстве. Из писем к Сергею Ивановичу мы узнаем только, что в Симбирской губернии за Тургеневыми числилось 640 душ, что в деревнях Ахматове, Аннееве и Семиключевке крестьяне были на оброке, но имели весьма мало земли,¹ а в Тургеневе они были на барщине, которая заключалась не только в полевой работе, но и в работе на фабрике. Но, ведь кроме того Тургеневы владели землей еще в Московской губернии, где у них была деревня Жуковка, находившаяся в полном распоряжении их матери Екатерины Семеновны.² В общем по размерам владений Тургеневы, повидимому, находились где-то посредине между средним и крупным землевладением. Екатерина Семеновна, живя в Москве, вела довольно открытый образ жизни и имела не мало дворовых. Сыновья ее стремились к хорошему служебному положению, чтобы стать независимыми от матери. Александр Иванович содержащий обоих братьев во время их обучения в Геттингенском университете, только в 1811 г., когда он по всем своим службам стал получать 8250 руб. в год, — смог отказаться от материальной поддержки матери, но и то отчасти потому, что Николай Иванович в это время как раз окончил университет и должен был в скором времени начать зарабатывать сам.³

В 1818 г. Н. И. Тургенев съездил летом в Тургеневе, где произвел ряд изменений в хозяйственной жизни поместья и крестьян. Самое главное был перевод крестьян на оброк. Это удалось но без борьбы с матерью, убежденной крепостницей и сторонницей барщинной системы. Но Николай Иванович знал, что делает. Он теоретически был убежден, что оброчная система лучше и для помещика и для крестьянина потому, что она более напоминает хозяйство, построенное на вольном труде, который с его точки зрения был выгоднее и производительнее крепостного. Оброчная система, таким образом, была в его глазах, переходным шагом к капиталистическому хозяйству. При этом первоначально Тургенев хотел определить оброк в размере 15 000 руб. в год, т. е. суммы равной ежегодному доходу с Тур-

¹ Кроме того, в Симбирской губ. у них была еще дер. Андреевка.

² Лично Сергей Иванович купил у двоюродной сестры А. И. Нефедьевой в Ярославской губ. две деревеньки с 19 крестьянами.

³ Письмо А. И. Тургенева и Николаю Ивановичу от 15 июня 1811 г. Архив, № 386, л. 27.

генева при старом положении. Но по просьбе крестьян он согласился на первый год получить только 10 000.¹ Сверх того, крестьяне обязывались платить 1000 руб. на содержание дворовых людей, попа и лекаря. Крестьянам были переданы в пользование помещичьи земли, мельницы и воды. Лес остался за помещиком. Фабрика была уничтожена. Для помощи бедным крестьянам была учреждена мирская казна. Тургенев рассчитывал, что таким образом лет через 5 крестьяне улучшат свое положение, а тем самым повысится и помещичий доход.²

Тургенев несомненно искренно старался улучшить положение своих крестьян. Но, как мы знаем, в своих проектах по крестьянскому вопросу он всегда имел в виду прежде всего задачи капитализации сельского хозяйства.³ В своих практических хозяйственных мероприятиях он выступает, в общем, в качестве предпринимателя. В 1821 г. он снова посетил Тургенево и уверился здесь, что положение крестьян не улучшилось из-за двухлетнего неурожая. Ему пришлось оказать денежную помощь нуждающимся. Но вместе с тем он занялся поисками деревни для покупки, согласно желанию матери, и нашел в 65 верстах от Тургенева деревню Суровку, крестьяне которой платили 25 000 рублей в год оброка и были довольно зажиточны. Выбор показывает практический помещичий смысл. Мать, однако, с его выбором не согласилась.⁴

Повторяем, что все эти новшества соответствовали периоду помещичьего предпринимательства. Но с 1820 г. начался сельскохозяйственный кризис, выразившийся в сильном падении цен на хлеб. Кризис сказался и на имени Тургеневых.

7 ноября 1824 г. умерла в Москве Е. С. Тургенева. Александр и Сергей Ивановичи занялись выполнением ее завещания. Они потребовали уплаты в срок денег от ее должников. Это составляло сумму в 152 000 руб. По получении ее братья хотели положить ее в ломбард, где уже лежал капитал матери в 172 000 руб. Дворовых распустили по деревням; большинство из них поехали

¹ Дневники, т. III, стр. 150—151.

² См. письма к Сергею Ивановичу от 12 сентября 1818 г. и от 3 марта 1819 г., стр. 263—264, 278.

³ Об этом см. в моей книге, стр. 68—72.

⁴ Письмо от 5 марта 1821 г., стр. 327.

в Симбирскую губернию, причем холостые получили паспорта и пошли на промыслы, а женатые остались дворовыми. Девушки, служившие Екатерине Семеновне, получили освобождение. Карета и лошади были проданы, мебель и коляска отправлены в Жуковку. Управление деревнями братья поручили пансионскому товарищу Николаю и Сергея, арзамасцу С. П. Жихареву, служившему в Москве губернским прокурором.¹ Николай Иванович, получив письмо обо всем сделанном братьями, со своей стороны написал им, что увеличение количества дворовых в Тургеневе увеличит месячину, платимую в их пользу крестьянами, вследствие чего необходимо чем-нибудь вознаградить крестьян.² Вероятно, это и было сделано.

Между тем, крайняя дешевизна хлеба делала для крестьян затруднительным платеж оброка. С. П. Жихарев писал А. И. Тургеневу 2 ноября 1825 г.: „Староста тургеневский пишет, что мужики отказываются платить оброк и просят на пашню, что он принуждал к выполнению оброка, но они решительно отrekliсь, что был в деревне Татаринов³ и уговаривал их итти на пашню, ибо де нынче времена плохие и денег взять негде. Я посылаю туда надежного человека сказать им, чтобы не дурачились, а между тем, буду ожидать от вас известия, как вы посудите. Это дело решить Николаю“. Сам Жихарев решительно отвергал „полумеры“ и находил, что надо либо принудить крестьян к платежу оброка, либо посадить их немедленно на барщину.⁴ Ответ Н. И. Тургенева не соответствовал ожиданиям Жихарева. Обратить крестьян на пашню оказывалось затруднительным, не говоря о „нравственных“ причинах, прежде всего потому, что при переводе на оброк были ликвидированы господские амбары и гумно, а скот и мельница предоставлены крестьянам. Поэтому приходилось оставаться при оброке. Для получения оброка Тургенев предлагал „постращать“ крестьян угрозой продажи деревни или обращением на пашню навсегда. Выход он видел только в уменьшении оброка, вполне понимая, что неплатеж оброка объясняется дешевизной

¹ Письмо С. И. Тургенева к Николаю Ивановичу от 12 декабря 1824 г. Архив, № 2306.

² Письмо от 14/26 февраля 1825 г. Архив, № 234—250, л. 54.

³ Родственник Тургеневых.

⁴ С. П. Жихарев. Записки современника. Ред. С. Я. Штрайха. Изд. „Academia“, М.—Л., т. II, стр. 399.

хлеба. Жихарев решительно отказался исполнить это. „Когда возвратитесь,—писал он,—то можете простить сами и уменьшить оброк, как хотите, ибо со временем доведет это до того, что и всякой оброк для них тягостен будет“. По мнению Жихарева, крестьяне не платят просто от „нерадения“ и их надо „вразумить“. При этом Жихарев снова сообщал, что родственники Тургеневых уговаривают крестьян идти на пашню.¹

Но уступчивость не соответствовала и личным интересам геттингенского либерала. Положение эмигранта, на которое он перешел в 1826 г., требовало денег, и теоретизировать больше не приходилось. Вот почему в дальнейшем мы уже не встречаем с его стороны обращений к Жихареву. 24 мая 1826 г. Жихарев уже писал С. И. Тургеневу, что надеется на аккуратную уплату оброка.² Надежда, однако, не оправдалась, и 28 сентября Жихарев писал: „Не забудьте, что расход ваш умножился, а доходы уменьшились. Тургеневские [крестьяне] весьма худо платят, и я выхожу из терпения от их бесчувственной неблагодарности и *mauvaise foi*... В Жуковке хлеб родился не так-то хорошо, да и бабы забунтовали. Не хотят давать положенной холстины, исстари с них собираемой, несмотря на то, что вместо 10 аршин положено мною с них по 7 аршин только. Есть дворовые люди, коих одеть нужно, и это везде водится; нет, братцы, с этим народом честно не совладаешь“. Со своей стороны Жихарев также в письмах жаловался: „Хлеб дешевет, да и дешевого никто не покупает...“³ Теперь Жихареву отвечал Александр Иванович. „В деревне я и сам думаю, что один только страх продажи и барщины их держать в порядке может. Сажай на пашню, кто не платит, но прибегать к другим средствам бесполезно, ибо они к побоям также бы привыкли, как к нравственным наказаниям или к пени. Да и кому поручить такую власть, от которой бы и сам желал отказаться“. В заключение А. И. Тургенев напоминал Жихареву об обязанности заботиться о поддержании Николая. „Мы можем и должны во всем себе отказать; его должно покоить. Он один у нас...“⁴

Н. И. Тургенев, однако, не мог успокоиться. Получив известие о смерти Сергея Ивановича, он 14 июня 1827 г. писал

¹ См. стр. 495 настоящего издания.

² Жихарев, стр. 403.

³ Там же, стр. 498.

⁴ Русская Старина, 1882, II, стр. 479—480.

старшему брату о необходимости „исполнить обязанности совести“ и в память покойного перевести крестьян на положение вольных хлебопашцев, заключив с ними условие о платеже ими оброка до смерти Александра Ивановича. Если же не удастся заключить такого условия, следует, по мнению Н. И., продать крестьян в казну.¹ Желание Николая Ивановича было сообщено Жихареву,² который отвечал Александру Ивановичу: „Оброк я с них собираю, хотя иногда с трудом; но это все ничего в сравнении с положением других помещиков, которым иногда и ничего не платят“. Сославшись на рассуждения какого-то крестьянина, что не платят по нерадению, и что заплатили бы, „еслиб вы, батюшка, изволили нас посесть“, Жихарев далее признается, что недавно за самовольную порубку в Жуковке лесу он призвал к себе крестьян, „дал им несколько пощечин собственными руками“, и тут же объясняет, что „это в хозяйстве всякий день случается“. Жихарев успокаивал Александра Ивановича: „дальнейших беспокойств я не ожидаю: оставьте только ваше намерение о вольном хлебопашестве“.³ А. И. Тургенев начал хлопоты о продаже имений в казну. Вместе с тем доверенность, выданная им 16/28 марта 1828 г. Жихареву, представляла последнему право по собственному усмотрению переводить часть или всех крестьян на пашню „по неисправному платежу оброка“.⁴ Либеральные затеи были ликвидированы, и тургеневские крестьяне переведены на пашню, так как получить с них оброк не удавалось.⁵

Так перед лицом сельскохозяйственного кризиса терпели крах тенденции буржуазно-помещичьего либерализма. Князь Баратаев, симбирский предводитель дворянства и масон, когда-то близкий Н. И. Тургеневу, в записке новому императору о нуждах дворянства заявлял, что существующие цены на хлеб „не вознаграждают трудов поселянина и попечительность помещика“, что при таком положении „оскудевают дворянские

¹ Архив, № 230, л. 138.

² Александром Ивановичем в письме от 10 октября 1827 г.: „За тайну и за великую тайну скажу тебе, что нам бы хотелось еще при жизни моей сделать крестьян с в о б о д н ы м и х л е б о п а ш ц а м и, есть ли нельзя будет сделать чего лучше“ (Архив, № 307, л. 104).

³ Жихарев, стр. 415—416.

⁴ Архив, № 1307, лл. 384—385.

⁵ Жихарев, стр. 422.

капиталы и надежды на приведение достояния своего в благо-
состояние прежнее“.¹ В ряде губерний дворянство заявляет, что
при существующем положении недоимки в податях неизбежны,
что следовало бы или уменьшить подати, или взимать их нату-
рой. И при этом как единственный выход для помещичьего хо-
зяйства мыслились не эмансипация, не какие-либо подготови-
тельные меры к ней, а напротив укрепление власти поме-
щика над крестьянами.²

Авторитетный в дворянских кругах голос адмирала Мордвина
на всякие самые скромные полуэмансипаторские проекты
неизменно заявлял, что такие мероприятия возможны будут
только тогда, „когда возможем мы приобрести денежные капи-
талы, достаточные для предварительного найма рабочих рук, и
когда продажа урожая наших будет с избытком вознаграждать
нас“.³

Начинается оскудение землевладельческого дворянства: увле-
чение фабриками и заводами, образование профессиональной
интеллигенции. Этот процесс не укрылся от внимания С. И.
Тургенева, который заметил, что „все наконец чувствуют
нужду служить. Служба одна дает у нас некоторую независи-
мость и доставляет занятие. При Петре I-м это стремление
было полезно, теперь оно только невольно“.⁴ Накануне
14 декабря тайные общества возглавили представители более
радикальной и действенной идеологии, чем умеренный
буржуазно-помещичий либерализм.

А. Ш е б у н и н.

¹ Архив Гос. совета. Дела Комитета 6 декабря 1826 г., № 129/70. Записка
о положении и состоянии дворянства Симбирской губ.

² См. об этом в моей статье „Из истории дворянских настроений 20-х гг.
XIX в. Борьба классов, 1924, № 1—2, стр. 70—71.

³ Архив гр. Мордвинова, т. VIII, стр. 436.

⁴ Письмо Николаю Ивановичу от 6 ноября 1824 г., Архив, № 817а.

ПИСЬМА
НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ТУРГЕНЕВА
К
СЕРГЕЮ ИВАНОВИЧУ ТУРГЕНЕВУ
1811—1821 гг.

Портрет С. И. Тургенева

Акварель К. П. Брюллова

Гейлигенштадт. 1/2 4-го часа [11/23 июня 1811] *)¹

Ну, Сергей! Каковы были для меня первые два или четыре часа после разлуки, ни я ни ты себе представить не можем. Есть ли я когда нибудь забывался, то это в сие время; не знал, что со мною происходит. Спустя несколько минут после того, как я тебя в последний раз обнял, мой любезной брат и друг, мне страшно захотелось тебя еще раз увидеть, и я бы согласился тогда отдать несколько лет моей жизни за это удовольствие. Я что то чувствовал, но не понимал этого чувства. Сергей! Незабвенной, милой Сергей! Когда увижу тебя? — Никогда, брат, право, никогда я не был в таком состоянии, как в эту ночь. —

Что мой любезной Каверин? Обними, брат, его за меня; уверь, что в последние дни я узнал всю цену этого редкого друга и постарайся уверить его в вечной моей привязанности, есть ли он хотя немного в ней сомневается.

(В Leipzig poste restante)

Напиши, брат Сережа, как вы дошли домой. Тогда, когда уже повозка отъезжала, я еще радовался объятиям вашим. Узнай, брат, его; а он заслуживает всю любовь, дружбу, всю привязанность — прости, Сергей, до первого случая. Друг любезной, прости. — Весь твой. Н. Т.²

Адрес: An dem Herrn von Turgenew
Im Prinzenhause № 17. In Göttingen.

*) Архив, № 386, л. 23.

Лейпциг. 16/28 июня 1811.*)

Вот уже третий день, любезнейший друг и брат Сергей, как я в Лейпциге, и вот уже шестой день, как я с тобой расстался. Я писал к тебе из Гейлигенштадта с почтой о том, каково я провел первую ночь. По сию пору, брат, ничто еще не может меня развлечь,**) не говорю уже развеселить. Беспрестанно думаю о тебе и о Геттингене. Здесь нашел я нашего общего приятеля Павла Петровича Соколовича, которой мне показывает все достойное замечания в Лейпциге. Город мне очень нравится, так как и вся саксонская земля.¹ Нет никакого сравнения с вестфальским королевством.² Здесь на каждом шагу видишь благосостояние, богатство поселян и граждан — там везде бедность. Народ тоже кажется немного лучше вестфальского. Инде приметны еще следы последней жестокой войны Франции с Пруссией, например в Ене и Ауерштете.³ Но на полях совершенно ничего не заметно. Что касается до Лейпцига в особенности, то город сей очень мне нравится, в особенности окружающие его сады, принадлежащие частным людям, но в которых все могут ходить. Мы с Павлом Петровичем и еще одним прусским Geheimer Rath, который был послан в Париж, ходим часто в эти сады. Этот пруссак уже надоед нам немного.

Отсюда я пишу к матушке. С Данилевским писал к Ал[ександру] Ив[анович]у. Он третьего дня отсюда поехал. Я очень доволен его компанией. Одному несносно было бы и ехать.

Вчера здесь в трактире обедал вместе с M[onsieur]r Adan de Borde, кот[орый] возвращается в Россию; говорил со мною по русски, спрашивал о тебе и пр.

Пав[ел] Петр[ович] дожидается меня здесь, чтобы итти в Музеум и на Обсерваторию. И от того не могу порядочно писать тебе. — Постараюсь кончить уже в вечеру.

Данилевский велел тебе кланяться.

Завтра я отправляюсь в Дрезден. Оттуда надеюсь писать к тебе обстоятельнее. И что делает мой Каверин? Я много, очень много перед ним виноват — но, брат, я надеюсь, что ты

*) Архив, № 386, л. 28. В подлиннике дата 17/28 июня.

**) Так в подлиннике.

wirst desweilen gut machen. Но он кажется слишком добр, знает меня довольно, чтобы не сердиться.

Прости, мой любезной Сергей!

Пиши, брат, ко мне. Ожидаю от тебя писем и паспорта в Дрезден. Письма твои будут служить для меня самым большим развлечением. По сию пору путешествие не имело еще сего действия.

Прости — и люби брата твоего.

А я, брат, люблю тебя так, что любовь моя ни мало уже увеличиться не может.

Н. Т.

3

Дрезден. $\frac{[23 \text{ июня}]}{5 \text{ июля}}$ 1811.*)

Здравствуй, любезнейший друг и брат Сергей. Вот уже 5-й день как я в Дрездене.¹ Видел Галлерею.² Восхищался некоторыми картинами, от иных никак не мог отойти. Видел собрание фарфора, оружейную (тут шляпу и шпагу Петра I). Видел королевский дворец: — очень прост, и библиотеку, в которой смотритель был чрезвычайно ласков, в особенности узнав, что я был в Геттингене. Выхвалял свой порядок книг и предпочитал его геттингенскому, в чем он был прав; я соглашался, но никак не унижая нашей бесценной Гет[тингенской] библиотеки.³ Вчера и третьего дня употребил я на путешествие в Саксонскую Швейцарию; в Куштааль, славной скале, обессмертил свое имя — ты его увидишь, есть ли там будешь, увидишь, что я и тут о тебе помнил и записал это в нише. О Каверине тоже.⁴ Сегодня я получил, к величайшей радости, письмо твое вместе с паспортом. Спасибо за то и другое. Получил ли ты письмо мое из Гейлигенштадта и из Лейпцига? — Брату Ал[ександру] Ив[ановичу] я пишу отсюда; описываю ему несколько обстоятельнее все то, что здесь видел. В журнале ты найдешь иное довольно подробно. Вчера был я в Пильнице и смотрел из ложи на обед короля. Не только что не

*) Архив, № 386, лл. 29—30.

позавидовал, но даже пожалел о сем последнем.⁵ Вчера же был я и в Таранте, маленьком городке, три часа от Дрездена. Местоположение чрезвычайное, так как и все окрестности. Оттуда возвращался ночью: дождь, молния, гром, черные облака были мои спутниками — но я был совершенно равнодушен, шпорил свою клячу и курил табак из моей трубки, подаренной К[авериным], которой никто не налюбуется. В 11 часов приехал я в Дрезден. Ехал скоро, однажды заблудился — но все ничего — как приятно было лечь после всего этого в постель. У посланника я не был. Завтра хочу итти к секр[етарю] пос[ольства] Шредеру; думаю, что надобно визировать здесь присланный тобою паспорт. — Что, брат, ты мало ко мне пишешь? А Каверин совсем ничего. Я непременно думаю быть в Франкфурте. Напиши, брат, туда тоже *poste restante*, да только тотчас по получении сего письма, или и прежде! Данилевский уехал отсюда в тот день как я сюда приехал. Здесь встречал я лифляндцев, кот[орые] все себя*) Russen.

В Лейпциге познакомился я с двумя куронами⁶ Мантейфелем и Раутенфельдом. Гораздо лучше наших. Последний гов[орит] славно по русски и родился в П[етер]б[урге]. Жаль только, что с студентами в Лейпциге обращаются слишком строго. Недавно они подрались палками и сидели за это 5, 8, 10 недель в карцере, а двое сидят и по сию пору.⁷ В числе первых был и Мантейфель.

Прости.

Твой Ник. Т.

Любезнейшему другу Петру Павловичу и кланяюсь и обнимаю его. Уведомь, брат, о себе хоть через брата Сергея. — Что с здоровьем и со всеми делами? Кого как не меня все это может интересовать.

Иногда, братцы, так бывает скучно, что я желаю, чтобы обстоятельства заставили всех нас возвратиться в П[етер]б[ург].

Р. S. Пожалуйста, брат Сережа, пошли к Соколовичу карту России, адресуя просто в Лейпциг. Я не знаю чем возблагодарить ему за все его ласки и за все его услуги, кот[орые] кроме времени потери причиняют ему и издержки. — Да, брат,

*) Так в подлиннике. Очевидно, пропущено слово „называют“.

беда: я и забыл отдать Данилевскому твое путешествие по Гарцу.⁸ Оставил оное у Петра Павл[овича]. Он обещал переслать это в П[етер]б[ург]. Есть ли не перешлет, то доставит к тебе: но первое очень вероятно. — Часто меня спрашивают здесь, не поляк ли я?

Адрес: A Monsieur Monsieur de Tourguenew, Secrétaire Interpréte au Collège des affaires étrangères de S[a] M[ajesté] Impériale de toutes les Russies à Göttingue. In Göttingen.

4

Гейдельберг. $\frac{[8]}{20}$ 1811.*)

Вот уже я в Гейдельберге, любезнейший брат и друг Сергей; живу уже здесь три дня, и ландеманы¹ не пускают меня ехать далее, в особенности Штендер, у которого я живу. Всех нашел я в хорошем здоровье, и что меня удивило, прилежными. Все ходят очень порядочно на лекции,² и Штендер принялся за учение. Большого Торнау, к сердечному сожалению, нашел я очень больным. Он уже 4 недели чувствует в нервах большую слабость и все почти лежит в постеле: теперь, как уверяет лекарь, ему лучше. Он очень мне обрадовался и даже плакал при первом свидании. Меньший очень переменялся и стал теперь предоброй, постоянный малой.

Все они кланяются тебе и Каверину. Сему последнему кланяется еще Башвиц и Урбан. Я обедаю вместе с некоторыми, а по вечерам хожу со всеми за город или в замок гулять. Кроме их я познакомился и с другими курляндцами, живущими здесь: все предобрые ребята. — Кроме того я нашел здесь г[осподина] Галича, одного из студентов педагогического инст[итута]. — Отсюда я намерен отправиться после завтра в Стразбург. Во Франкфурте пробыл я около трех суток. Обедал у Бетмана, кот[орый] имел письмо от Шварца. Из Франкфурта приехал в один день сюда. Окрестности Гейдельберга подлинно прекрасны. Дорога из Франкфурта сюда называется Бергштрассе и самая лучшая, кот[орую] я видал в Германии. На одной стороне виноградные горы; на другой

*) *Архив, № 386, лл. 37—38*

прекрасные поля, на кот[орых] однакоже слишком много растет табуку. По случаю удалось мне проежжать через Швецинген, деревня в кот[орой] обыкновенно живет баденская герцогиня. Тут видел я сад, которой мне понравился более всех садов виданных мною.

Дорогой перед Франкфуртом и в самом Франкфурте я был несколько болен;³ но от Бетманова обеда, к удивлению моему, изцелился. Правда, что он намеревался было дорого взять с меня за обед свой, а имянно: он предложил мне променять мне мои луидоры на французские и с каждого луидора он хотел взять 26 крейцеров (6 грошей) более, нежели надобно. Я не вдался в обман и променял у другого. Я был уже здесь на нескольких лекциях. Тибо мне понравился, в особенности когда я вообразил харю Гуго. — Во Франкфурте встретил я двух голландцев, кот[орые] за четыре дня были в Геттингене. Только четыре дня, думал я, и не мог спать до двух часов ночи. По сию пору не могу отвыкнуть от Геттингена. Уговариваю всех встречающихся ехать туда.

Есть ли увидишь доктора Рау, то скажи ему, что я живу в той комнате, где и он жил проежжая через Гейдельберг. Отсюда я писал сегодня к матушке. Получал ли ты оттуда писем? Уведомь, что пишут. Я от тебя ничего кроме письма с паспортом не получал. Теперь пиши уже прямо в Париж *poste restante*. Я там буду дней через 10. — Прости, мой любезной Сергей. Весь твой Н. Т. Мой поклон всем.

5

Париж. ^[1]₁₃ авг[уста] 1811.*)

Вот уже две недели, любезнейший друг и брат Сергей, как я в Париже. Ты удивишься, что я так долго тебя об этом не уведомлял. Вот причина. Я получил с курьером от бр[ата] Ал[ександра] Ив[ановича] письмо, в котором он пишет, что посылает ко мне 100 черв[онцев] и к тебе 150 черв[онцев]. Неслероде**) сказал мне, что денег у курьера нет; и для того я дожидался решения, чтобы писать к тебе. Вчера был я

*) *Архив, № 386, лл. 44—45.*

**) *Так в подлиннике.*

у князя Куракина и получил от него еще письмо от Ал[ександра] Ив[ановича] и в письме 100 черв[онцев].¹ Он, как мне сказывали, удержал сии деньги у себя, чтобы заставить меня к себе явиться поскорее. Не знаю что ему так хотелось меня видеть: беспрестанно обо мне спрашивал и даже сердился, что я не являюсь. Когда я приехал, то все мне говорили: а! князь уже давно вас ожидает и ввели меня к нему, как какую-нибудь редкость. Он, кажется, подлинно рад был меня видеть. Сказал, что ему очень приятно de voir une ancienne connoissance. Спрашивал о Матушке, и что мне не было очень приятно, — вместе же и о Марье Семеновне, этой доброй, богобоязливой старушке. Его сиятельство был со мною очень ласков, а смотря на него и вся канцелярия. Не знаю, за что такая честь! Вот причина моего молчания. Теперь оправдай мне свое молчание. Я с самого Дрездена ничего от тебя не получал и знаю о тебе только из письма бр[ата] Ал[ександра] Ив[ановича]. — Вместе с письмом ко мне от Ал[ександра] Ив[ановича] отдал мне князь и письмо к тебе. Получил ли ты 150 черв[онцев]? Брат велел полков[нику] Каблукову отдать их в Берлине Убри, для пересылки в консульство. Брату прибавили жалованье. Спасибо! Это известие увеличило мою надежду на Италию. Но странно. Эта надежда и огорчила меня. Я думал, что есть ли я не поеду в Италию, то поеду в Геттинген. На этой мысли я останавливался — думал, воображал уже, как мы поедем в Венде, в Norden. Блаженные мечтания! Забывал Рим, забывал Неаполь, Венецию, при одной мысли о Геттингене. Я не могу привыкнуть к той мысли, что не увижу тебя прежде возвращения твоего в Россию. Это уменьшает даже желание мое возвратиться домой, — но не знаю и все еще надеюсь; надеюсь еще видеть тебя в Геттингене; и сам не знаю каким образом.

— Что сказать тебе о Париже? единственный, брат, город.² Надобно видеть его. Palais Royal³ вообразить себе нельзя. Я живу недалеко от него; и должен проходить каждый день мимо, т. е. через, обедаю там и гуляю каждый день. О соблазн, соблазн! Как все это здесь weitgetrieben! И этого вообразить себе нельзя. Ты все это сам увидишь; а после поверишь свои замечания моими, которым я веду верной журнал. Главное здесь я почти все видел. Тальма, брат, один стоит того, чтобы ехать в Париж. Я не могу вспомнить без досады о той картинке,

кот[орая] представляет его дающего уроки шуту Пушкину. Есть ли бы Дмитриев знал Тальму, то он не стал бы профанировать таким образом его имени. Писал ли ты ко мне во Франкфурт? Есть ли письма твои пришли к тебе назад, то перешли их ко мне сюда вместе с новыми. Пиши, брат, чаще. Что Геттинген? что наш Петр? Что писал брат к Матушке о нем? Посылаю тебе письмо Ал[ександра] Ив[ановича]. Мой адрес: Rue Richelieu, Hotel de Malte, № 65.⁴ Поклонись от меня всем находящимся при библиотеке и скажи, что кроме того, что я их помню, — совершенное несходство с ними здешних библиотекерей заставляет меня о них тем более вспоминать. Лекции в Collège de France⁵ все кончились. Я слышал две в Ecole de Medicine⁶ и Jardin des Plantes.⁷ Поклон à M[onsieur] de Toureau. Что его любовь? Прости, мой милой друг. Помни твоего Ник. Т.

Адрес: A Monsieur Monsieur de Tourguenew, Secrétaire Interprète au Collège des affaires étrangères de Russie à Göttingue. Dans le Royaume de Westphalie. In Göttingen.

6

[26 августа] 1811. Париж.*)
7 сент.

Два письма от тебя, мой любезнейший Сергей, на одной неделе. Первое от 1, второе от 24 авг[уста]. Не подумай, чтобы я не осведомлялся на почте. Письмо лежало там с 10 авг. Я был и спрашивал 3 раза и только в 4-й наконец получил письмо твое. Непонятное действие имеют такие, т[ак] ск[азать], сюрпризы; я целый день был от того весел. Противное действие имело последнее письмо. Болезнь Каверина, другие известия, мрачное разположение моего духа были сему причиною. Кав[ерин] писал, что здоров, а теперь опять болен? Когда этому конец будет? И что говорит Пикард, кот[орый] обещал ему совершенное выздоровление через две недели после моего отъезда? Ты хочешь ехать на Рейн. Это, брат, немецкая привычка eine Rheinreise machen. Теперь Рейн не то что был, и много хлопот можно иметь по причине пограничных фр[анцузских] крепостей; но это все ничего. Есть ли ты хочешь сделать путешествие, то

*) Архив, № 386, лл. 47—48.

поежай в Гамбург; оттуда в Амстердам и пр. и возвратись через Мюнстер и Падерборн. Таким образом ты увидишь часть Рейна и можешь иметь понятие о целом. Это будет стоить более времени и денег; но зато ты что-нибудь увидишь; а одно Рейнское путешествие не стоит того, чтобы подниматься из Геттингена. Есть ли поедешь сюда, то увидишь Рейн.¹

Твой вопрос касательно юриспруденции очень труден; и совет мой не может быть решительным. Пространное (и надобно признаться не плодородное, сухое) поле! Wozu kann das am Ende*) führen? Что можно у нас сделать юриспруденцию? — Только что служить в Комиссии.² Но там, как опыт показывает, можно выгодно служить, не зная ее. В практике она употреблена тобою тоже быть не может. В таких случаях остается один способ: заниматься частью для того, чтобы со временем, или периодически, чтонибудь издать. Но юриспруденция и к этому не может быть годна у нас; ибо это бесполезно и никого не интересует. Самая богатая часть юриспруденции вообще есть, по моему мнению, уголовное право. Очень хорошо тоже заняться всеобщей политикою, включая туда и естественное право. Этим можно тебе серьезно заняться. Римское право нужно только знать. Историю оного тоже. А код[екс] Наполеон[овский]³ не советую тебе слушать. Бальгорн читает для практических юристов. Впрочем, узнавши р[имское] пр[аво] ты можешь сам после этим заняться. Можешь во всяком случае прочесть в моей большой тетради, где переплетены многие начатые, но не конченные лекции, введение Гуго в код[екс] Нап[олеоновский] или прочесть это у другого. Сие введение очень хорошо. У Гуго хорошо прослушать ист[орию] права. Приехал ли Гёде? Ты спросишь, какую часть заняться? (Что необходимо). Прослушай пол[итическую] эконо[мию] у Сарториуса. Прочти Смита, Стурта и пр. и пр. и суди сам. В особенности хорошо, очень хорошо заняться полициею — вот, брат, приятное и полезное вместе. Впрочем, какие неизчерпанные источники предоставляет тебе латинской язык. О полиции можно много писать, очень много; и можно писать хорошо. А юриспруденция? Сухая материя. — Вот мое мнение. Прочтя вышешом[янутые] книги, ты сам увидишь, что

*) Зачеркнуто: alles.

делать. Жаль, очень жаль, что ты поздно будешь слушать пол[итическую] эконом[ию]. — У Герена хорошо бы прослушать полит[ику], но я не думаю, чтобы он ее читал. Неужели Сарт[ориус] сделан корреспондентом института? Его политики забыть нельзя. — Теперь о моей экономической части. Я, брат, эконом, и не знаю, можешь ли ты быть таковым в вояжах. В Париж привез из своих, кажется, 84 луид[оров], взятых из Геттингена, 62. В первой месяц издержал с 30 — и сие совсем не включая славного синего фрака, летних штанов, шляпы и сапогов. Три обновки — думаю, что надобно будет еще зимние штаны сшить. Из Парижа отправлюсь я по простествии сего месяца; и надеюсь вывезти отсюда луидоров с 15, к кот[орым] присоединятся 100 черв[онцев], полученные мною. Я все ехал в дилижансе. Здесь в первой месяц платил 55 франков за квартиру, теперь плачу только 20. Обед, круглым числом, стоит зараз 40 (менее и более) копеек. Это не много, но зато и обед не задорный. Что ж делать — надобно экономиться. 6 наполеонов стоит мне удовольствие быть масоном (это между нами).⁴ Луидора 3 или 4 будет стоить итал[ьянский] учитель, у кот[орого] я взял уже 20 уроков и продолжаю брать ежедневно. Мне теперь мало остается видеть в Париже. В неделю могу все кончить. Между тем я читаю теперь не Стерна, но Архенгольца (путешествие по Италии). Прочту еще несколько книг по сей части, также книг и по Швейцарии. С налогами, брат, нечего делать. В библиотеку ходить нет способа. Народ там слишком глуп. То то Геттинген! Я, брат, люблю его более нежели когда либо; и смертельно хочется побывать в нем. — Жаль очень Штралендорфа, кот[орый] был очень доброй малый. Мне Штендер описал очень подробно смерть его. В Гейдельберге все хорошо. Торнау большой выздоровел, чему я очень рад. В Лейпциге двое курляндцев давно уже сидят в карцере и просидят еще несколько месяцев. Наш посланник не заступает за них. Я хочу писать об этом Вейдемейеру, кот[орый] теперь в Дрездене. Не сможет ли Штруве чтонибудь тут сделать? Постарайся. — С здешними нет толку: преподавшая шушера по всем признакам — я впрочем ни с одним не хотел познакомиться, не смотря на слова князя. — В Париже, брат, можно веселиться, но надобно иметь хороших знакомых. Меня случай знакомит все с немцами. Теперь может быть (яко можно) узнаю и французов. В P[alais] R[oyal] бываю каждый день.

Раз дн[ей] 5 как был*) там в комнатах где играют, выиграл 20 фр[анков], но и проиграл их опять. Тут же бывает и бал от 12 до 3 часов. Туда ходят одни б...., но зато вероятно первейшие в свете — *embarras des richesses!* Мне не до них; только что болтаю с ними. — Вот некоторые правила для Парижа: надобно дать себе честное слово (и держать оное) не играть в P[alais] R[oyal], ничего там не покупать и быть осторожну с прелестницами. Ибо выиграть мудрено, купить что нибудь хорошее дорого (а курс?) и даже купить одну или две вещи мало — а прелестницы? они очень опасны.⁵ В особенности прошу Каверина дать себе это честное слово, есть ли он будет здесь. Для сего не надобно никогда выходя из дому по утру брать в карман более 15 или много 20 франков. Мне станет луидора на 3 дня, часто на два, а иногда на один, есть ли есть что нибудь экстраординарное. — Выехавши отсюда в начале октября, в начале декабря буду в Италии. В конце января в Вене, а в феврале в Москве. Я по крайней мере так надеюсь. Надобно, конечно, еще несколько десятков червонных: я экономен. — Прости, мой любезной, пиши ко мне как можно чаще. Подчас бывает здесь очень скучно; а письма твои как мне приятны. Пусть брат Ал[ександр] Ив[анович] что хочет делает с моею старою диссертациею.⁶ — Прошу одного только, чтобы ни он сам и никто ее не читал.

[26 августа] 11 часов вечера.
7 сент.

Сейчас пришел из Théâtre Français, где играли Британникуса.⁷ Тальма играл Нерона. Это его роля. Некоторые пассажи были непостижимо хороши и все очень натурально; нет никаких манеров, нет аффектации или притворства. S[aint]-Prix играл Пирра: величественный сан, прекрасный голос придавали новое его прекрасной игре. И он в многих местах был чрезвычайно хорош. Но вот до чего Тальма велик, что несмотря на его незначашую фигуру никто не пожелает ему ни лучшего голоса, ни лучшего сана. Вот единственное удовольствие для меня в Париже. Завтра надеюсь читать разбор пиесы и игры актеров в Journal de l'Empire,⁸ которые пишет славной по своей

*) Так в подлиннике. Очевидно, после „дней 5“ пропущено: тому назад.

части Жофруа. Я часто нахожу в его критике мысли, кот[орые] я имел во время представления и кот[орые], повидимому, были различны от толпы партерной. — О Парижском партере говорят уже слишком много. Правда, что есть люди достойные, но много и такой публики, кот[орой] бы приличнее было судить и рядить в лубочной.

Мне что то не весело. Сегодня целый день почти был дома и писал письма к Штендеру, Вейдемейеру. Писать письма в Геттинген было для меня истинным удовольствием. Я чувствовал облегчение на сердце. Простите.

Адрес: A Monsieur Monsieur de Tourgenew, Secrétaire Intérprète au Collège Impériale des affaires étrangères au service de S[a] M[a-jesté] Impériale de toutes les Russies. A Göttingue. En Westphalie. Herrn Herrn von Turgenew in Göttingen.

7

Париж 18/30 сент. 1811.*)

Теперь к тебе, любезной друг и брат Сергей! Сейчас кончил пребольшое письмо, или лучше сказать прозьбу к брату Александру Ивановичу. Я просил денег. Не теперь, потому что я еще имею 100 черв[онцев], кот[орые] он прислал ко мне. Но я просил, чтобы он прислал мне по крайней мере еще 100 черв[онцев] в Неаполь, и сие тотчас по получении письма моего. Послезавтра я отправляюсь отсюда в Женеву; пробуду в Швейцарии две или три недели; и спустившись в Италию поеду прямо в Неаполь. Ибо до Неаполя, надеюсь я, станет мне 100 червонных. Получивши там вексель от брата Ал[ександра] Ив[ановича], поеду назад в Рим; потом в Венецию; там в Вену; а оттуда в Россию. Я писал к Матушке, что в начале февраля, есть ли не прежде, я буду в России; надеюсь сдержать мое обещание. Есть ли бы ты был в Геттингене, то я бы и к тебе адресовался с такою же прозьбою, думая, что из Геттингена можно иметь скорее помощь, нежели из П[етер]б[урга] по причине отдаленности. — Я получил письмо твое из Гамбурга. Ты

*) *Архив, № 386, лл. 53—54. В подлиннике дата: $\frac{19}{30}$.*

только одно мое письмо отсюда получил. Я писал к тебе после еще раз. Но не знаю, какой адрес мой получил ты от Каверина; я еще в первом письме моем послал его к тебе; а это первое письмо ты получил. — Что касается до плана твоего путешествия, то тебе во первых не надобно уже возвращаться через Ганновер, а через Утрехт, Везель, Мюнстер, Падерборн и Касель. Мои советы о путешествии по Голландии тебе теперь вряд ли придут во время. Лучше сделаешь, есть ли побываешь в Амстердаме один раз, но подолее, т. е. дней 10, нежели два раза. Не знаю, по какой дороге ты приехал в Амстерд[ам]. Всего бы лучше было сесть на корабль (кажется) в Леммерте по Зюдерзее доехать до Амстердама. Это было одно из самых приятнейших путешествий в моей жизни.¹ Все знатнейшие города в Голландии можно объездить в три или четыре дня, останавливаясь в иных 1 день, в иных по несколько часов. Более не нужно! Я везде был, и сделал путешествие менее нежели в 5 недель, и оно мне стоило около 25 луидоров. Правда, что я не был в Гамбурге. Я писал к тебе во втором письме, что лучше ехать в Амстердам через Гамбург, так как ты и сделал. Может быть ты увидишь французского императора в Голландии. В Голландии жить очень дорого, но надобно быть и экономну Это необходимо. — Наслаждайся, брат, путешествиями, наслаждайся! А мне уже эта свободная воля, о кот[орой] ты пишешь, кот[орая] и меня сначала прельщала — она мне наскучила. Нужен покой. Скучно скитаться по свету; и быть всегда одному. Домой очень хочется; и есть ли бы Матушка или бр[ат] Ал[ександр] Ив[анович] изъявили хотя малейшее желание моего скорого возвращения, то я бы, воспользовавшись этим, полетел отсюда в Геттинген, а оттуда в Россию. Признаюсь, я часто желал этого. Но надобно видеть Италию, есть ли судьба позволяет, и есть ли все потребности для этого состоят в 100 или 150 червонных. Спасибо Бетману и Линсфельду. Напрасно ты не остался подолее в Ганновере. Подобных случаев никогда пропускать на должно. — Я на Париж насмотрелся. Теперь здесь началась осень. — Что то будет в Италии? — Проклятые деньги заставляют меня много думать неприятного. Кн[язь] Куракин дал мне письма: к графине Пушкиной в Венецию, к гр[афине] Шуваловой в Риме, к послам в Вене и Неаполе. Может письмо к сему последнему заставит его дать мне, в случае крайней нужды, денег.

Что касается до твоих писем ко мне, то я не могу определить никакого места кроме Неаполя. Пиши туда *poste restante*. Думаю, что ты скоро будешь в Геттингене. Что наш проказник Петре? Жаль очень бедного; что за дьявольская болезнь.

От бр[ата] Ал[ександра] Ив[ановича] я не получил еще ответа на мое письмо, и след[овательно] решения об итал[ьянском] вояже. Здесь нет при посольстве князя Долгорукого, о кот[ором] ты пишешь. — Спешу кончить, чтобы послать еще сегодня. Во втором моем письме к тебе в Геттинген я отвечал тебе на вопрос, в рассуждении избрания юриспруденции как главной части. Ты должен найти в Геттингене письмо мое. — Прости! — Пожелай счастливого пути своему брату и другу Ник. Т.

А я желаю тебе счастливого возвращения в счастливый Геттинген!

Адрес: A Monsieur Monsieur de Turguenew,
Translateur au Gollège des affaires étrangères
de Russie, à Amsterdam. *Poste restante.*

8

$\frac{[13]}{25}$ Окт[ября] 1811. Цюрих.*

Здравствуй, любезнейший друг и брат Сергей! Вот я как близок теперь к тебе; но все это безо всякой нужды, причиняет мне одну только досаду: — из Парижа поехал я в Женеву. Оттуда ездил в Шамуни и ходил на Montanvers и видел в горах альпийских так называемое лдяное море. Не пропусти этого, есть ли будешь в Женеве. Начитавшись и наслышавшись столь много о Рейнском водопаде, я поехал в Шафгаузен. Водопад, право, не лучше Нарвского и совсем не удовлетворил моего ожидания. Проежая через Ивердон, был я в институте известного Песталоци. Не нашел ничего отличного, кроме большой неопрятности в учителях. Француз, с кот[орым] от Женевы доехал до Цюриха, не может без смеха вспомнить о Песталоци и смешит меня. Есть ли дорогою покажется нам какая нибудь карриатура, то он гов[орит]: „Voilà Pestalozzi, voilà Guillaume Tell“, и заключает все это „Ce sont des Chinois“. Я очень рад,

*) *Архив, № 386, лл. 59—60.*

что нашел такого спутника. Иначе бы здесь в Швейцарии умер бы со скуки. Завтра еду к S[ain]t Gothardy. Отсюда напишу к Матушке и брату Ал[ександру] Ив[ановичу], которой послал ко мне еще 100 черв[онцев] и которые будут пересланы из Парижа в Неаполь, где я их получу. Приехавши сюда хозяин трактира пригласил нас кататься по озеру на лодке. Компанию составляли князь Любомирский с семьею, какой то г[осподин] Балък, кот[орого] здесь зовут русским камергером и проч. Дожжик помешал удовольствию. Но надобно из всего извлекать пользу. Прогулка заняла страницы две в моем журнале, кот[орый] теперь должен писать в другой книге, ибо старая вся. За несколько дней передо мною были в Лозанне один из Торнау, Башвиц и Hannel. Не знаю, куда они отправились. Пиши ко мне в Neapol poste restante. Я прямо туда поеду, чтобы получить деньги. Отсюда пишу к бр[ату] Ал[ександру] Ив[ановичу] и к Матушке.

В начале февраля надеюсь быть дома, непременно.

Что делает наш Петре? Оставила ли его его болезнь? И что прочие обстоятельства?

Извини торопливость; не описываю тебе ничего, ибо можешь после все видеть в журнале. Есть ли ты поедешь в Швейцарию из Парижа, то скажу тебе, что Рейнской водопад не стоит того, чтобы делать *) в Шафгаузене; хотя и не худо посмотреть это чудо рейнское.

Прости. Помни всегда твоего Ник. Т.

Адрес: A Monsieur Monsieur de Tourguenew à Göttingen. En Westphalie. In Göttingen im Königreich Westphalen.

9

[24 окт.] 1811. Милан. **)
5 ноября

После многотрудного путешествия, любезнейший друг и брат Сергей, приехал я наконец в Милан. Многотрудное сие путе-

*) Оборвано.

**) *Архив, № 386, лл. 57—58. В подлиннике это письмо ошибочно датировано 5 октября и потому влетено в книгу ранее предыдущего.*

шествие состояло в переходе через S[ain]t Gothard. Из Цюриха доехал я с курьером до Альтдорфа. В Альтдорфе нанял лошадь до Беллинцони. Обыкновенно путешествие сие можно сделать в три дня, но мы (со мною был еще один швейцарец) употребили более. Добравшись до Госпиталя, деревня у подошвы горы С[ен] Готарда (в трактире спал Суворов), мы пустились было на гору; но лишь только добрались до половины, то лошади наши увязли по горло в снегу. Надобно знать, что теперь на Готарде более снегу нежели на Валдайских горах. К тому же ветер занес совершенно дорогу, так что надобно было полагаться на волю божию. С час старались мы вытащить из сего несчастного положения наших лошадей, но все усилия были тщетны. Действие происходило на берегу Рейна, так что они легко б могли из сухой воды упасть в мокрую. Не удивительно бы было, есть ли бы и мы последовали их примеру. Когда я видел себя по горло в снегу, то воспоминания об отечестве заставляли меня забыть все эти неудачи, но это продолжалось долго; и приятные воспоминания были слишком чувствительны. По моему совету, оставили мы лошадей в сугробах, а сами с проводником возвратились вспять. Бедный проводник не мог удержать слез, сострадания, видя в опасности издохнуть себе подобных. Мы оставили сих несчастных в их холодно жестоком положении и пошли по сугробам, по грязи, по воде назад. Несколько раз обращали мы наши взоры на бедных лошадей, пока вершина горы скрывала от нас печальное зрелище. — Пришедши в Госпиталь, прежде всего мы послали несколько человек с веревками и заступами на помощь увязшим. Они нашли их в том же положении; вытащили и привели к нам. Слезы радости катились из глаз чувствительного проводника. — Вечер приближался. Я думал, что я буду спать в той постеле, где лет за 12 спал Суворов, и не только что не негодовал на нашу неудачу, но даже радовался ей.

На другой день проснувшись на суворовской постеле, я услышал, что нам надобно еще день провести тут. — Так и быть, думал я, и ты еще раз будешь спать в твоей постеле. Этот другой день провел я в чтении книги: *die Schrecklichsten Jahren meines Lebens von Aschenbrenner*, которая составляла библиотеку трактирщика. — Третий день рассветал надеждою для неудачных путешественников. Небо было чисто, солнце село, — мы отправились, взявши еще одного проводника с за-

ступом. На гору взобрались благополучно по узенькой тропинке, кот[орую] проложили предшествовавшие нам коровы. Лошади наши иногда увязали, но проводники, держа их за хвост, препятствовали увязать совершенно. — С каким удовольствием увидел я домик, возвещавший нам, что мы на вершине Готарда. Тут была прежде гостинница для путешественников, содержимая капуцинами, но война достигла и до сих священных мест, запечатленных величием природы. Гостинницу разорили французы. С горы было трудно спускаться, мы шли пешком. Лишь только мы спустились, то вдруг почувствовали вокруг себя другую атмосферу. — Все говорило нам, что мы в Италии. Альпы покрыты здесь лесами; одни только вершины белы от снега. Я не могу изобразить того, что я чувствовал в эту минуту. Надобно представить человека, кот[орый] из подземелья вдруг вышел на чистый весенний воздух. Из Белинцони доехали мы до Magadino. Здесь, сев на лодку, я проехал через все Lасо Maggiore до Sesto Calende и оттуда сюда. Нельзя было бы делать путешествие, есть ли бы я был не один. По всем сторонам возвышаются горы, усеянные домиками, деревнями, городками. — Но довольно! — я хотел писать дело, а имянно: я говорил тебе о пересылке моих тетрадей (Heften) в Питер. Теперь время. В феврале я там. Постарайся переслать немедля все писанное; и книги по пол[итической] экономии. Закладки везде оставь. — Отсюда я напишу в Россию. Уведомь Матушку и брата Ал[ександра] Ив[ановича] о моем письме или даже пошли оное к сему последнему. Завтра еду в Геную; а оттуда в Рим. Денег еще 35 Napoléon d'or¹ от Парижа до Милана издержал 27.

Твой Ник. Т.

*Адрес: A Monsieur Monsieur Tourguenew,
Translateur au Collège des affaires étrangères de
Russie à Göttingen dans le Royaume de West-
phalie. A Gottingu, nel Regno die Westphalia.*

10

Рим. 15/27 ноября 1811.*)

Вот уже дней с десять, любезнейший друг и брат, как я в Риме. Из Милана, откуда я к тебе писал, поехал я в Геную,

*) *Архив, № 386, лл. 66—68. В подлиннике дата* $\frac{13}{27}$.

с так называемым ветурином или извозчиком. Эти люди ездят всегда шагом, и потому путешествие сие было очень скучно. Зато уже из Генуи доехал я до Рима в пять дней и пять ночей, с курьером. Этот способ путешествия здесь очень хорош, тем более, что от Флоренции курьеров эскортируют всегда жандармы; предосторожность очень нужная в здешних краях, где разбойничество было очень распространено, и только лишь начинает выходить из моды при французском правительстве. Во Флоренции я не останавливался, потому, что на возвратном пути надеюсь пробыть там несколько дней. Здесь, на другой же день моего приезда начал я рассматривать все достойное замечания или любопытства и теперь остается мне видеть очень немного. Подлинно, брат, Рим стоит того, чтобы из Симбирска приехать смотреть редкости его, как древние, так и новые.

Теперешнее правительство обращает особенное внимание на древние развалины; везде копают, отрывают памятники и проч. Жить здесь не дорого. Я плачу 8 паулов,¹ что сделает 26 или 27 *) за комнату и за очень хороший обед в день. Ни к какому городу не привыкал я так скоро как Риму; это в особенности потому, что я познакомился здесь с одним архитектором, комиссионером п[етер]бургской Академии, г[осподином] Мартосом, живущим здесь около 3 лет. Очень доброй малой и настоящий русской. День провожу я в странствиях по Риму и по окрестностям с моим антикваром, а вечер с Мартосом. Так же узнал я здесь г[осподина] Матвеева, живущего здесь более 30 лет. Он почитается теперь первым пейзажистом. Письмо Куракина к графине Шуваловой мне также пригодились, и может быть более, нежели сколько бы мне хотелось, потому что кроме обедов, она позвала меня сегодня и на бал к себе. Старушка очень почтенная и очень ласковая. Она, брат, была первою штатс-дамою и другом Екатерины. Не шутка! Иногда по вечерам хожу в театр. Но итальянская мода играть каждый день в продолжении нескольких недель препятствует мне чаще наслаждаться божественной итальянскою музыкою, к кот[орой] я еще в Париже пристрастился. Ложась спать, читаю я свой журнал. Читая о начале моего путешествия из Геттингена, я никогда не засыпаю без большой грусти. Тысячи воспоминаний представляются моему воображению: воспоминания, конечно, они приятны; но вместе и печальны: мне страшно

*) Не разобрано одно слово.

хотелось увидеть тебя еще раз в Геттингене, и я не могу привыкнуть к мысли, что этого не случится, хотя сие последнее и очень вероятно; ибо как заехать мне теперь в Геттинген? Невозможно. Меня зовут домой: отдал бы 5 лет моей жизни, чтобы один час провести в Геттингене; но я спешу исполнить желание Матушки. Здесь намереваюсь я пробыть до конца сего месяца; потом поеду в Неаполь; возвращусь недели через две или три сюда и потом поеду в Венецию через Флоренцию. В Венецию хочется приехать во время карнавала. — Прости, мой любезной. Я надеюсь найти от тебя письмо в Неаполе. Не знаю, успеешь ли ты написать мне ответ сюда. Расчисли, во сколько дней придет это письмо к тебе, и есть ли будешь отвечать, то адресуй письмо сюда в кофейную, куда мы лазим, и куда адресуются все письма к русским. А ММ. — Strada Condotti, Café della Baraccia.

Поклонись, брат Сергей, от меня Бенеке, Рейсу, Герену*) и Бунзену. Спроси у первого, не хочет ли он мне дать препоручение похлопотать о его деле в Курляндии. Я с радостью все исполню**).

17/29***). Третьего дня был на бале у графини Шуваловой. Странно. Почти все гости были немцы: принцы, графы, бароны и проч[ие]. Откуда берется вся эта саранча? В трактире, где я живу, тоже все немцы, даже и хозяин. Под конец бала вошел в горницу князь Козловский, возвращающийся в Россию из Кальяри, где он был поверенным в делах от русского при сардинском дворе. Ты, я думаю, его помнишь: сделался еще толще. Я его тотчас узнал. Он, конечно, меня узнать не мог. Он очень обрадовался сей встрече. Позвал меня спать с собою в его трактире; там проболтали мы до третьего часу ночи. Он уже семь лет из России. Все спрашивал о состоянии литературы и об экзаменах. Французский император дал ему недавно крест легиона, второго класса,² за то, что он спас несколько французских генералов и дал им паспорта. Я с ним много спорил, и спорил о таких предметах, кот[орые] никакому сомнению не подвержены: он утверждает, что русско́й народ никакого характера не имеет. Вот, брат, как и не глупые люди заблуждаются. Есть ли бессмысленное рассуждение некоторых иностранцев сделают****) на них в первой раз какое нибудь впечатление,

*) ?   **) Два слова не разобраны.

***) В рукописи дата: 15/29.

****) Так в подлиннике.

то они продолжают блуждать в сем лабиринте ложных мнений и наконец усиливаются в этих пустяках до невероятной степени. На меня все это имеет совершенное влияние. — Вчера он был у меня во французском кафтане с кошельком. Можешь копию найти в Гогартовых карриатурах. Мартос тотчас срисовал его. — Через неделю надеюсь ехать в Неаполь за деньгами, кот[орые] думаю присланы туда из Парижа.

Адрес: A Monsieur Monsieur de Tourgnew, Secrétaire Interprète au Collège des affaires étrangères de Russie a Göttingen dans le Royaume de Westphalie, a Göttingen del Regno di Westphalia.

11

Неаполь 3/15 декабря 1811.*)

Сегодня, любезнейший друг и брат Сергей, получил я письмо твое от 11 ноября вместе с письмом Каверина: *poste restante*. Очень рад, что тебе удалось хорошо сделать твое путешествие. Ты видел Тальму. Этого довольно; тем более, что обстоятельства могут запретить видеть его в Париже. Это бы было нестерпимо, непроситительно. Надо видеть Париж; надо не отменно видеть Италию. А Рейнский водопад можно и пропустить. Я, брат, со всех возможных сторон смотрел на него и читал о нем прежде; и при всем том не сделал бы теперь двух шагов лишних для него, или даже прошел бы мимо с закрытыми глазами. Я, брат, в Риме жил месяц. Видел его. Время провел я там весело, т. е. так, как никогда не проводил оно. Познакомился с русскими, а через них с итальянцами. Мартос, кот[орому] я много обязан и о кот[ором] я к тебе из Рима писал, поедет отсюда в Париж около января и будет возвращаться в Россию, вероятно, через Геттинген. Постарайся, брат, ему доказать мою дружбу и благодарность. Здесь я не имею этого случая. Он обещал мне взять с собою Картуша и довести в П[етер]б[ург].

*) *Архив, № 386, лл. 70–71. В рукописи дата: $\frac{2}{15}$.*

Отдай ему его или и напомни, есть ли позабудет. С ним буду тебе писать. Но тогда буду я уже в России, когда ты письмо сие получишь.

Сюда приехал я третьего дня. До сих пор жил я теми 100 червонными, кот[орые] прислал мне брат Ал[ександр] Ив[анович] в Париж вскоре по моем приезде. Он потом послал другие 100 с Лабенским, кот[орый] должен был приехать в Париж вскоре после моего отъезда. Я оставил там верующее письмо для пересылки денег ко мне сюда, адресуя на имя князя Долгорукова, нашего посланника. Я у него вчера был. Он меня принял прекрасно и спрашивал моей дружбы, говоря, что был другом с братом Ал[ександром] Ив[ановичем]. Но о деньгах ни слова. Следственно у него их нет. Итак, брат, я теперь сел как рак на мели. В кафтане только 3 луидора. Одно есть средство: просить денег у князя. Взвесь, брат, слова эти: просить! Денег!! И подумай о моем положении. Но как бы то ни было, пойду завтра к нему и тебя уведомя; — я вижу, что тебе путешествие стоит гораздо более, чем мне. Ты спрашиваешь почему? Экономия! Впрочем здесь дешевле, гораздо, чем в Голландии: но и голландское стоило мне менее. — Я, брат, здесь сижу все дома, ибо мысли о завтрашнем визите препятствуют ходить и смотреть город. Слышу только на улице волюнки и т[ак] н[азываемые] шутихи, предвещающие пред иконами божия матери скорое рождение ее сына.

— Что, братец, за Пандекты?¹ Ты, я вижу, пустился на юриспруденцию. Не говорю, брат, ни да, ни нет. Но прошу только не забывать и пол[итическую] экономию. И у тебя разве есть дуэли? Как Каверин хотел за тебя драться? Что ты не уведомишь обо всем подробно? Неужели я могу равнодушно догадываться о сущности дела? С кем у тебя дуэль, и как? Я, брат, в состоянии приехать в Геттинген, да первому мошеннику шмерцу свернуть за это голову. — Все эти неприятности, а в особенности же болезнь Каверина, препятствуют мне сообщить тебе мои чувствования при виде римских памятников, при виде здешнего климата и проч. Я все это забываю, думая об известиях из Геттингена.

Вам, думаю, известна новость о победе Кутузова над турками, вследствие которой начались мирные переговоры.

PS. 4/16. Два часа ночи. Сегодня был я у князя Долгорукова, которой дал мне письмо к здешнему своему банкиру, ко-

торой выдаст мне завтра 100 червонных. Я ему дам вексель на дом Ливия в П[етер]бурге за это. Князь сделал все очень хорошо; и когда я его благодарил, то он отвечал, что *il est content d'être agréable à moi et à mon frère*. Спасибо ему; но лучше бы не просить. Звал завтра обедать, и всегда к себе в ложу в фр[анцузском] театре. Также советовал съездить к барону Строганову, говоря мне: не плюй в колодезь — пригодится. Они думают, что я из гордости к ним не ежду! Я отвечал, что деревня и Гёттинген приучили меня к покою, и когда он мне сказал, что не надо робеть, то я тоже отнесся на Геттинген.

— Сегодня я во фр[анцузском] театре видел короля. Он мне понравился тем, что смеется и кланяется публике без церемонии. По сию пору еще ничего не видал в Неаполе, а все от денег.

Я ожидаю от тебя, Сергей, и от тебя, Петре, писем в Венеции, а по получении сего пишите в Вену: *poste restante*.

12

Лейпциг $\frac{[17]}{29}$ ноября 1813.*)¹

Любезнейшие братья и друзья Александр Иванович и Сергей! Вчера в полдень приехал я сюда — и хотел было уже вчера же и далее ехать, но кн[язь] Репнин оставил до сего дня, имея некоторые бумаги для отсылки в главную квартиру. Как он, так и княгиня приняли меня весьма ласково; спрашивали о вас. Князь говорил мне, что он уже согласился с Штейном о том, чтобы я находился здесь при нем, ибо он имеет нужду здесь в русском секретаре, и уже предлагал мне здесь остаться. Но я сказал, что должен ехать. — Признаться, мне не хочется служить под его начальством, ибо дела у него много и дела хлопотливые**), а при нем никого нет. Он спрашивал***), для чего и Сергей не приехал. — Я отвечал: пусть велят приехать — то *il sera enchanté de servir sous vos ordres*. — *Je le ferai venir*, был скорый ответ его. Но не знаю, может ли он это сделать — ибо неизвестно, долго ли он останется при занимаемом им теперь

*) Архив, № 2767, лл. 3—4.

**) Вместо: важные.

***) Зачеркнуто: о Сергее.

здесь месте. Об этом должно узнать в главной квартире. У Штейна, как сказывал князь, дела теперь очень мало.²

Здесь нашел я Старынкевича. Отдал ему письмо ваше и провел вчера целый день с ним вместе. Он на вас за многое сердится. Несмотря на то, собрал для отсылки к вам несколько брошюрок, но не мог по сию пору найти случая переслать. Он был здесь болен. От него узнал я, что Рахманов П. А. и Петин убиты в Лейпцигском сражении.³

Старынкевич весьма не жалуется Германии. Также наскучил ему очень и теперешний род его жизни: хочет в Россию.

У князя в канцелярии нашел я Кассиуса. Соколовича еще не видал.

Простите. Из Дрездена писал я к вам по почте.⁴ Спешу к князю.

Весь ваш Ник. Тургенев.

Р. S. Старынкевич сказывал мне, что получаемого мною в П[етер]бурге жалованья не будут мне выдавать в гл[авной] квартире серебром; но что вероятно определяют другое жалованье здесь из саксонских доходов, есть ли я буду при управлении саксонском.

[18]
30 ноября.

Здесь в Лейпциге узнал я много неприятного. Между прочим вчера удостоверился, что молодой граф Сиверс, брат нашего доброго и несчастного Сиверса, умер здесь от раны, полученной в Лейпцигском сражении. Рана была неважная — пуля в ногу — но жилы были повреждены. — Он умер в доме Heinse, родни своей, кот[орая] мне сие сказывала. — Здесь же убит и Дм. Ив. Павлов. — Вчера поздно узнал я, что Петр Ник[ифорович] Ивашев здесь. Зайду к нему сегодня и сегодня же по утру отправлюсь.

Посылаю вам две карикатуры. Выражение: die Schweine nach Bautzen führen — есть пословица, означающая, что тот, кто сие делать должен, сделался несчастлив, с пахвей с бился. Des Bautzens Dohse значит, что Nap[oléon] 7 раз ходил взад и вперед из Бауцена.

[20 ноября] [1813г.]*
2 декабря

Любезнейшие братья Александр Иванович и Сергей — вот уже другой день, как я в Геттингене. Князь Репнин продержал меня два дня в Лейпциге, но по щастью приехал фельдъегерь, кот[орому] он отдал назначенные для вас депеши. Я решился сделать миль 10 крюку, дабы побывать здесь. Увидев старых своих приятелей, полюбил я Геттинген еще более. Был у Герена, Сарториуса и Бенеке. Первый в особенности вам кланяется. Многие хотели к вам писать, но комната моя беспрестанно набита старинными знакомыми. Росси, Гезелиус, Dr Ray, Сакен, Гротгуз — все здесь.

Долги Сергеевы еще не заплачены здесь. Напиши, брат, об этом к Сетервалю и Дену. Я писал отсюда к обоим и отдал письма Мураю.

Франкфурт. [26 ноября] [1813 г.]
8 декабря

Вчера я приехал сюда. Вчера же был у Штейна. Он принял меня очень ласково и сказал, чтобы я приходил сегодня поутру. Сегодня он познакомил меня с своими экспедиторами, теперешними моими товарищами. Они все, кажется, люди хорошие и деловые. Я теперь узнаю о ходе дел по управлению, вверенному Штейну. Целое утро провел, читая любопытные бумаги. Штейн пригласил меня к себе ежедневно обедать. Спрашивал о вас, о Сергее Семеновиче и о графе Кочубее. У него теперь очень много занятий. Я намерен при случае сказать ему о определении Сергея к князю Репнину, кот[орый] находится под ведомством Штейна.

У Булгакова и у Нессельроде был два раза, но не заставал дома. Булгаков, как я здесь слышал, много хлопотал здесь обо мне и наконец старался и о доставлении мне жалованья. Хорошо, что вы имеете довольно истинных приятелей! По приезде моем в П[етер]бург ваши приятели хлопотали обо мне. Здесь тоже. Я теперь живу куда с Данилевским, в коем я нашел истинного друга. Завтра мне отведут казенную квартиру. Жаль, что я не долго здесь останусь; ибо, как слышно, Штейн и вся его канцелярия последует отсюда далее за главную квартиру.

*) Архив, № 2617, лл. 1—2.

Не знаю еще, дадут ли денег на дорогу. О жалованьи также я еще ничего не знаю. Сюда привез я только 60 червонцев. А здесь надобно кое что иметь из платья. Странно видеть немцев теперь, видевши их за три года. В патриотисме они теперь никому не уступят.

[27 ноября]
9 дек[абря]

Сегодня был я у Булгакова и у Нессельроде. Булгаков расспрашивал много о вас; предлагал мне во всем свои услуги; хотел похлопотать и о жаловании. От него и от графини Нессельроде узнал я, что Ал[ександру] Дм[итриевичу] Гурьеву послан Георгиевский крест. Также был сегодня и у Штейна и продолжал читать различные*).

14

[30 ноября]
12 дек[абря] [1813 г.] Франкфурт н. М[айне].**)

Любезнейшие братья и друзья! Вчера выехал отсюда государь и вся главная квартира.¹ Завтра едет министр Штейн с некоторыми из чиновников, а я с другим чиновником еду сегодня. По сию пору занятия мои состоят в писании писем, кот[орые] прежде министр должен был писать сам, не имея секретаря. Вчера казначей или регистратор нашей канцелярии объявил мне, что мне назначено жалование по 5 талеров на день, наравне, думаю, с другими. Я благодарил министра, но он сказал que cela m'est dû и спрашивал, получил ли я в П[етер]бурге путевые издержки. Вообще я не могу довольно нахвалиться своим теперешним начальником; и сим обязан конечно не самому себе, но вам и вашим приятелям, в особенности думаю Сергею Семеновичу, которому прошу засвидетельствовать мое истинное почтение. У Булгакова несколько раз был, но не заставал дома. Он тоже сегодня поедет с гр[афом] Нессельроде. NB. Ал[ександру] Дм[итриевичу] Гурьеву послан отсюда Георгиевский крест.

Смотря здесь вблизи на происшествия и на людей, от коих оные зависят, всякой, не живущий здесь без дела, может быть доволен случаем. Жаль того, кто мог быть здесь и кому не уда-

*) Конец письма отсутствует.

**) Архив, № 2617, лл. 3—4.

лось. Жаль очень, что тебя, Сергей, здесь нет; а лишним право бы здесь не был. Есть ли бы мы здесь остались, то можно бы было, через приятелей Алекс[андра] Иванов[ича] постараться определить тебя к кн[язю] Репнину; но теперь не знаю, где все соберутся вместе. Есть ли бы подумал ты пораньше вступить в военную службу, т. е. например в свиту его им[ператорского] вел[ичества], где служит Данилевский, — и есть ли бы это удалось, то сие было бы выгодно и проч.

Карлсруэ $\frac{[5]}{17 \text{ дек[абря]}}$.

В Франкфурте не успел я докончить письма сего. Вчера приехали мы сюда. Главная квартира войск находится в Дурлахе; но здесь теперь сам государь,² и при нем кн[язь] Волконский, гр[аф] Аракчеев, гр[аф] Нессельроде и наш министр бар[он] Штейн,³ кот[орого] однакоже еще здесь нет. Много хлопотал я для заготовления ему квартиры. — Теперь все в ожидании. — На той стороне Рейна нет еще ни одного из наших корпусов — иногда переправляются партизаны. — Герцог баденский дает с своей стороны 10 000 человек регулярного войска и 12 000 Landwehr. — Более нельзя было ожидать. Гвардия баденская соединится здесь с нашею. Государь живет здесь у вдовствующей марк-графини, матери госуд[арини] императрицы. Супруга короля шведского также здесь.

Здесь, как я слышал, живет известный — более в России нежели в Германии — Юнг Штиллинг. Мы с Данилевским намерены к нему отправиться.

Простите! Помните истинно любящего брата Ник. Тургенева!

15

Фрейбург. $\frac{[15]}{27}$ декабря 1813.*)

Любезнейшие братья и друзья!

Вот уже другая неделя как я здесь.¹ Третий день моего приезда писал я к вам.² На другой день после сего прибыл сюда наш император. Австрийский император выехал его величеству на встречу за несколько миль и потом вместе въезжали в Го-

*) *Архив, № 2617, лл. 5—6.*

род верхом. Улица была наполнена народом — все кричали ура. По вечеру город был иллюминирован. Нарисованные козаки парадировали в транспаранах*), а действительные любовались смотря на них. С последним письмом моим послал я к вам прокламации князя Шварценберга к французам, швейцарцам и солдатам, находящимся под его командою.

Дела у меня теперь очень мало. Не известно, долго ли здесь останемся. — Вчера сказывал мне Штейн, что сюда, в главную квартиру, едет или вероятно уже и уехал Жерве, коему препоручены здесь дела касательно ассигнаций от министра финансов.

На сих днях приехал сюда гр[аф] Разумовский из Вены.

Шишков, очень слабый здоровьем, привезен сюда на сих днях очень больным — и теперь слышно, что он отчаянно болен.

Вам уже может быть известно, что Торгау сдалась. Также носятся слухи, и весьма достоверные, что войска, под командою баварского генерала Вреде, заняли крепость Hünigen что подле Базеля.

Швейцарцы, т. е. народ, в особенности жители кантона Берна, показывают очень явное желание вступить в союз против французов.

Спешу отправить письмо сие. Курьер сегодня едет.

Ваш преданнейший брат Ник. Тургенев.

16

[22 декабря 1813] Базель. **)
3 января 1814

Сегодня, любезнейшие друзья и братья, получил я Сергеево письмо (второе), посланное с Жерве. Жерве остановился в Лейпциге, и неизвестно где еще будет назначено место его пребывания. Он писал к Штейну и приложил также и от Дм[итрия] Алекс[андровича] Гурьева письмо к сему последнему. Сегодня я отвечал на оба. Напрасно Сергей не поехал с Жерве: теперь здесь есть случай быть определены при какомнибудь генерал-губернаторе на левом берегу Рейна, и это бы весьма легко могло сделаться, хотя впрочем эти места и не так лестны, как

*) Так в подлиннике.

**) Архив, № 2617, лл. 7—8.

сие кажется в П[етер]бурге. Главное было дело быть только здесь теперь: вакансий множество, но все скоро должны быть замещаемы. И так есть ли бы Сергей был с Жерве, то от Жерве можно было бы его перевести, и сие без всякого труда: ибо Stein есть источник управления Германии и всех завоеванных провинций; а его стремление делать добро могло бы быть источником для определения Сергея. Впрочем здесь носят различные слухи, и большая часть из них предсказывает скорое свидание здешних русских с отечеством.¹

От Уварова Stein получил его Eloge de Moreau и давал мне читать. И я нашел, что эта пиеса написана подлинно мастерски: некоторые дипломаты сего не находят; но как бы там ни было, сами они так не напишут.

На сих днях поедем мы отсюда далее — а далеко ли — не знаю. Третьего дня резервы большой армии, состоящие из русских, прусских и баденских гвардий, проходили в параде через Рейн, и при вступлении на мост каждый полк кричал ура! Оба императоры и король прусский смотрели — все зрители удивлялись военной красоте нашей гвардии.²

Сегодня едет курьер — хотелось отсюда написать к вам.

Ваш весь Ник. Тургенев.

Р. S. Пожалуйста отдавайте ваши письма ко мне полковнику Эйхену, адресуя их на имя Данилевского — сие же скажите и Андрею Терентьевичу, поклонясь ему от меня, и попросив не посылать его писем так, как он по сию пору посылает, но, как выше сказано, через Эйхена.

17

Лангр $\frac{[16]}{28}$ января 1814.*)

Из Базеля писал я к вам, любезнейшие братья Александр Иванович и Сергей. Там прожил я долее несколько, чем я думал. Штейн уехал оттуда с государем, а мы через неделю позже. Теперь уже давно во Франции. Бедность, раззорение, унылость, вот что по сию пору видим мы dans cette belle et noble France. Все жители рады вообще нашему приходу. Неудовольствие, которое жители показывают против теперешнего своего правительства,

*) *Архив, № 2617, лл 9—10.*

очень велико. Они желают конца войны и конца своим несчастьям, и думают, что для сего вступление наших войск было нужно.¹ Некоторые из них радуются в особенности, что вступление союзных войск возпрепятствовало правительству взять последних их детей и последнее имущество для составления национальной гвардии и de la levée en masse. Многие из сих ратников побросали ружье и пришли домой. Наполеон разослал по разным департаментам своих адъютантов и сенаторов для составления сих войск; но везде успехи не велики.² Законодательный Корпус, который, вероятно, противился намерениям Наполеона, разогнат *) без дальнейших околичностей.³ О положении Наполеона можно отчасти, но весьма верно, судить по речи, которую Fontane говорил в Сенате. Может быть она у вас еще неизвестна. Для сего прилагаю вам экземпляра два. В Германии выходит много пиес, касающихся до нынешних обстоятельств. У меня есть некоторые, но трудно пересылать к вам. Последнее сочинение Арндта d[er]Rhein, Deutschlands Strom, aber nicht Deutschlands Grenze, я думаю, у вас известно. Он вероятно прислал туда.

Вчера приехали мы сюда. Stein едет уже завтра далее с главною квартирою государя. Мы, думаю, опять здесь на несколько дней останемся.

От вас я не получал ничего, кроме двух старых писем. Адресуйте письма ваши на имя Данилевского и отдавайте их полковнику Эйхену.

В Базеле обедал я в трактире с известным Песталоци, у которого я и в Ивердене был прежде. Он просил меня доставить ему несколько образчиков минералов русских, самых обыкновенных и дешевых. Есть ли вам будет время об этом подумать, то вы весьма одолжите этого доброго и почтенного старика. Также можно об этом сказать Апостолу его Муравьеву.⁴

Я думаю, вы получили уже письмо мое из Геттингена, в котором я писал о заплате долгов Сергеевых. О Каверине я слышал, что ему дали Владимира 4-й степ[ени]. Он находится ординарцем при Бенигсене. Прошу от меня поклониться знакомым нашим. — Все здешние слухи предсказывают скорое свидание с севером.

Ваш преданнейший брат

Николай Тургенев.

*) Так в подлиннике.

Труа. [29 января]
10 февраля 1814.*)

Любезнейшие братья и друзья Александр Иванович и Сергей!

И мы сюда наконец дотащились. Вы вероятно знаете уже о победе, одержанной союзными войсками под Бриенною.¹ Я в это время ездил из Лангра в Дижон и Женеву с письмами и поручениями от Штейна. Дорога была очень трудная и неприятная. Штейн хотел опять отправить меня курьером в Брюссель, но я старался сие отклонить и сказался больным; ибо путешествие такого рода мне не нравится, тем более, что по дорогам много хлопот с лошадьми.

Происшествия новейшие приближают войну к концу. Служи давно уже носят; и все ожидают скорой развязки.²

Следование за главною квартирою сопряжено с различными беспокойствами, коих во Франции более нежели было в Германии.

Штейн простудился и два дня лежал в постели. Теперь опять ему лучше.

Государя везде жители встречают с криком: Vive l'Empereur! Трудно себе представить энтузиазм, коим оживлены союзные войска и жители Германии и Франции к сему виновнику всех щастливых произшествий.³

[30 января]
11 февр[аля]

Вчера по вечеру получил я письмо ваше, посланное с князем Голицыным; не знаю еще через кого; но думаю, что через Штейна, кот[орого] не видал целый день. Княгиня Прозоровская, думаю, останется в Карлсру.

Вы пеняете, что мало пишу. В Геттингене некогда было написать порядочного письма, тем более, что уже прежде письма я вносил в мой журнал свидание мое с профессорами и проч. Брошюр и вообще ничего нового Геерен не писал. Других брошюр, pièces de circonstance, у меня довольно, и готов все их переслать к вам, но нет случая. Что мог, то послал из Фрейбурга.

*) *Архив, № 2617, лл. 11—12.*

Не знаю, каким генерал-секретарем называет меня Штейн. Мы все у него без титулов; а жалование у меня 5 талеров на день. Для Сергея можно было бы иметь множество мест при генерал-губернаторах во Франции, Stein верно бы определил его без малейшего труда, есть ли бы мог он приехать с Жерве. Между прочим есть и русские генерал-губернаторы напр[имер] Alopeus в Nancy. Недавно еще определили мы двух молодых лифляндцев H[erren] von Sacken, и люди везде нужны. Но так как с самого Франкфурта все вообще были уверены и уверяемы в скором мире, то нельзя было никого выписывать. От сего самого, т. е. что никто не хотел выписывать чиновников из Австрии и других земель, терпят теперь недостаток в людях, а между тем все таки не выписывают, ожидая и теперь как и всегда с самого Франкфурта скорого конца.

19

[25 февраля] 1814 Шомон.*)
9 марта

Вы думаете, любезнейшие братья и друзья, что мы уже бог знает где, но мы все еще в Шомоне. Сами себе не верим, что так долго зажились здесь, я получил на этих днях письмо ваше со вложением письма Кудрявскому и другого от Грефа — оба были мною отданы для пересылки. О Фрейганге говорил я с Булгаковым и другими дипломатами. Они говорят, что уже многие просили о нем, и что ему дадут место. Как бы то ни было, мне казалось, что они не охотно желают услужить или сделать добро своему прежнему товарищу. — О военных происшествиях вы верно все знаете — может быть лучше нас. Шварценберг в Троя; а Блюхер — славный старик — с пребольшою армиею около Парижа. — За несколько дней все здесь были уверены и ожидали на верное мира.¹ Эти ожидания возобновляются ежедневно — посему вы сами можете удостовериться, что Сергея нельзя было по сию пору сюда выписать, хотя Stein и не отказал бы сего сделать.² — Я с ним с некоторого времени более и более бываю и говорю нежели прежде — а быть с Штейном, в особенности наедине, есть для меня точно наслаждение, тем более, что при великом деле он имеет великую откровенность.

*) *Архив, № 2617, лл. 13—14.*

Мне в нем нравится это тем более, что эти качества совсем противны качествам и так сказать манерам тех деловых людей, кот[орые] за недостатком важности внутренней принимают на себя важность наружную: морщатся, кривляются и т. п., и кот[орые], не умея говорить и не имея что сказать, желают надутым и торжественным молчанием показать, что они умны и глубоко-мысленны. — Это часто видал я в П[етер]бурге — да и здесь иногда вижу. Stein очень хорошо говорит, что: *souvent on prend pour une politique profonde ce qui n'est que l'ambition et de la faiblesse.* — De l'Allemagne. Т. 1 р. 56. На стр[анице] 56 вы найдете описание П[етер]бургских обществ; по крайней мере таковыми я себе их представляю, не имея довольно искусства и охоты знать их действительно.³

Напрасно вы не сообщили мне Сенатского указа о моем повышении в чин кол[лежского] ассесора.⁴ Во всяком случае благодарю вас за уведомление. — По представлению Штейна произведен князь Репнин в генерал-лейтенанты; кроме сего многие саксонцы произведены в чины и награждены лентами и крестами. Мы, служа здесь в центре управления Германиею и Франциею, не думаем о наградах, служа единственно *der guten Sache!* Вы знаете, что у меня сердце не лежит к Репнину, и сие отвращение увеличилось во время моего последнего пребывания в Лейпциге — но надобно отдать ему великую честь, что дела в Саксонии идут очень хорошо; и что управление его, делая честь ему, приносит славу и государю. И саксонский король благодарит государя за Репнина. Вы видите по крайней мере, что я беспристрастен.

Поблагодарите Жихарева за письмо. Прошу вручить ему одну из прилагаемых при сем карриатур и сказать, что буду отвечать ему при первом случае. Прошу однакоже его написать еще чтонибудь.

Вчера был у меня Батюшков. Он стоит отсюда часов за 8. Походы его изнуряют, и он весьма желает, так как и все, скорого возвращения в отечество. — Нам сказывали, что Блудов возвратился в П[етер]бург. Есть ли это правда, то прошу ему поклониться.

— Здесь живет Пав[ел] Свиньин, ожидая своего отправления в Лондон к М^{ме} Moreau, кот[орой] государь пожаловал 30 000 пенсии, 100 000 на проезд из Лондона в П[етер]бург; сверх того одна из дочерей ее сделана фрейлиной. Вам, я думаю,

известен орис Свиньина о Моро, с портретом. Большие странствования мало образовали ум этого молодого человека.

Он может рисовать, и мы ему советовали оставить неблагодарное поле дипломатики, ехать в Италию и усовершенствоваться в живописи. — Вчера обедал у Steina кн[язь] Чарторыжский и спрашивал у меня о вас. Я было надеялся, что Ник[олай] Ник[олаевич] Нов[осильцов] сюда приедет, так как он мне сказывал в Варшаве; но теперь слышно, он уже сюда не будет.

Прилагаемая каррикатурка вышла в Берлине и была очень хорошо выгравирована. Эта эдичия хуже.

Шилинг был здесь на прошлой неделе. Он по сию пору жил в резервной армии; приехал сюда курьером; и поехал теперь далее в полк, в негодовании, что никто не хотел видеть опытов с его машиною.

Получаете ли вы мое жалование? Не худо бы прислать сюда экземплярчик перевода графа Сиверса 1-й части Ком[мерческого] уложения. Знает ли он о смерти своего брата, о чем я вам писал из Лейпцига? Прошу ему и всем поклониться.

Весь ваш Н. Тургенев.

Получили ли вы посланные брошюры и в особенности речь Lainés?

NB Недавно видел я здесь Воейкова, кот[орый] здоров и весел.

NB Алексей Петрович Демидов охотник до каррикатур. Прошу вручить ему 1 экземпляр.

20

Париж. 3-й день св[ятой] недели [31 марта 1814 г.]*)¹
[12 апреля]

Наконец и мы дотащились до Парижа; и вероятно очень скоро потащимся назад по домам. Войска и государь взошли сюда 31 марта. Австрийский император и весь дипломатический корпус были в Дижоне. Оттуда я писал к вам через Берлин. Между тем как дипломаты сидели там в общепольном бездействии, государь доканал Наполеона, — разбил остальное его войско, взял Париж, восстановил Бурбонов и вчера делал па-

*) Архив, № 2617, лл. 15—16.

рад на Place de Louis XV, окруженный французскими маршалами. На самом месте казни Лудвига XVI был сделан амвон, на котором придворной протоиерей отец Иван отпел благодарственный молебен. Более 30 т[ысяч] гвардии стояли на площади под ружьем. Государь был с прусским королем. Народ не переставал кричать: Vive Aléxandre le Magnanime, vive notre délibérateur! Я смотрел на это с балкона и душевно радовался, что труды государя российского вознаграждены наконец в полной мере. Эта минута была может быть единственно приятная и радостная для меня, с тех пор как я в главной квартире.

Взятие Парижа показало наконец, чем Европа обязана Александру! Без него никому бы не бывать в Париже, и Бонапарте бы царствовал и душил французов. Он, он один все сделал. Может быть современники всего не узнают, но потомство будет справедливее. Нет примера в истории, когда бы один человек сделал сам, но ничего не приписывая себе самому и награждая других за свои деяния.

Французы никого более не знают, как l'Empereur Alexandre, и смотрят на него как на некое божество. Но мнение этого слабого и ветренного народа не важно. Мнение света и потомства и собственное сознание — вот что одно только может вознаградить его. Жаль, что Россия не все порядочно узнает. Нет пера, которое бы познакомило русских с историею последних произшествий.²

Stein приехал вместе с нами. Он желает как можно скорее возвратиться домой — да и все того же желают. — Государь, как слышно, поедет в Англию, где народ и правительство его ожидают.

Простите.

Помните вашего брата

Ник. Тургенева.

21

Апр[ель]. ^[7]/₁₉ 1814 Париж.*)

Письмо сие пишу к вам, любезнейшие братья, с Александром Андреевичем и Михайлом Андреевичем Щербиниными.

) Архив, № 2617, лл. 17—18.

Прежде всего почитаю я своим долгом оправдать себя, почему я не мог выписать Сергея сюда, поехав к Штейну вместо его, и лишив его этого, впрочем незавидного, но во всяком случае хотя любопытного места. Для сего должен я вам объяснить течение дел, то есть дипломатических переговоров, которыми наши, австрийские, прусские и английские дипломаты нашли себе неизгладимый стыд и поношение. По приезде моем в Франкфурт, никто не думал о переходе войск через Рейн. Переговоры дипломатические продолжались (а через это Наполеон имел время образовать свою армию). Наконец было решено идти через Рейн. Но во Франции не последовало никакого возмущения против тогдашнего правительства, чего некоторые ожидали. Все были в величайшем замешательстве и недоумении. Мы дошли в 1-й раз до Лангра. Австрийцы желали и требовали мира. Все на это согласилось, и конгресс начал свои заседания в Шатильоне.¹ В это время все ожидали на в е р н о е мира; и назначенные к отправлению из Германии чиновники для определения к различным ген[ерал]-губернаторам получили приказ повременить с своим отъездом. Для Сергея можно было бы найти место без малейшего труда при одном из губернаторов. Штейн верно бы это сделал, но надобно бы было более 2 месяцев для призвания его сюда, а никто не думал, что война, следств[енно] и занятия генерал-губернаторов продолжатся столь долго. (Впрочем это было уже в феврале). Доказательством доброй воли Штейна служить может то, что он мне сам говорил в Труа: *Si les affaires vont se trainer en longueur, nous ferons venir votre frère cadet ici.* — Из Лангра поехал государь к армии. Бриенское дело было совершенно выиграно; но мы не воспользовались победою, не преследовали Наполеона и довольствовались Шатильонским конгрессом. Из Труа пошли к Парижу. Блюхер растянул свою армию, а N[аполеон], воспользовавшись этою ошибкою, истребил несколько наших отдельных корпусов; и мы из Брау пошли назад. Это несчастная и вместе постыдная ретирада привела всех в величайшее замешательство. Все в один голос кричали о мире и желали мира. Все бранили Штейна и Pozzo di Borgo, которые, будучи дальновиднее, говорили, что надобно идти в Париж. Граф Артуа, брат короля, был во Франции, но ему не позволяли что либо делать. Послы в Шатильоне предложили заключить мир на условиях, на которые Бонапарт прежде уже соглашался; но кот[орые] в это время он отвергнул.

Между тем армия наша была в бездействии, главная квартира скучала в Шомоне, а мужики вооружались и ежедневно били и резали наших курьеров и партизанов.² Наконец N[аполеон] сделал марш на St Dizié, думая, что императоры были в Barsur-Aube и желая их там взять в плен. Подлинно был там австрийский император, прусский Staats-Kanzler и Stein. Но это мы узнали и отправились в Дижон. Тут мы были совершенно отрезаны от главной армии, в кот[орой] находился Государь. Получив там известие о взятии Парижа, приехали сюда. Здесь все уже было кончено. Из сего вы увидите, что мы жили здесь с самого Франкфурта в беспрестанном ожидании мира; и что не могло быть ни одного удобного и надежного случая выписать сюда Сергея. Впрочем он бы не согласился быть здесь в штатской службе — это слишком неловко, в особенности в его летах и в его чине, но без сомнения весьма, весьма жаль, что ему не удалось послужить в военной службе.³

Граф Artois назван Lieutenant-Général du Royaume. Вы, я думаю, получили уже конституцию Франции, кот[орую] здесь многие называют: Constitution des rentes; ибо подлые сенаторы, при составлении оной, всего более думали о своих доходах, а о многом совсем не думали. Бог знает как это сойдет с рук Франции.⁴

О моем отъезде отсюда я еще ничего верного сказать не могу. На этих днях Штейн намерен оставить дела свои, предложив государю учредить комиссию в Франкфурте под председательством Prinza Solms-Licht, для окончания щетов и т. п. А управление провинциями кончится само по себе, как скоро будет заключен мир с Луд[вигом] XVIII, которого на сих днях сюда ожидают. Тогда Stein вероятно поедет в свою деревню на Рейне, а мы, находящиеся при нем, по своим домам.

Булгаков пожалован в действ[ительные] ст[атские] сов[етники] и поедет вероятно с государем в Лондон. Несельроде получил Александровскую ленту. Но эта лента не загладит бесхарактерного и мелкого его поведения в важнейших его делах, кот[орые] решили судьбу Европы. Щастье народа было то, что наш государь был здесь, и все делал один, не взирая на тысячи препон на каждом шагу, как в военных, так и в дипломатических делах. — Наполеон отправился вчера или третьего дня на остров Эльбу. —

Анштет весьма недоволен, что и он не получил Александровской ленты. Паисий Сергеев[ич] Кайсаров выстрелил последнюю пушку в главной армии. Он теперь здесь, но я его еще не видал.

Я может быть опять поеду через Геттинген и постараюсь отправить книги водою. Но совестно перед должниками. Получил ли Сергей мое письмо, в кот[ором] я его просил написать о векселе в Штокгольм к Дену?

Весь ваш Н. Тургенев.

Прилагаю при сем 2 брошюры, замечательнейшие из всех.

22

Апреля 18/30 1814 Париж.*)

Наконец получил я письма ваши, любезнейшие братья, желаю, чтобы это письмо мое не застало уже Сергея в П[ете]рбурге. От князя Репнина никакого представления не было. Не переменили ли последние происшествия его мнения иметь правителя дел? Во всяком случае, есть ли Сергей уехал 8-го марта, то он мог еще приехать в Дрезден прежде известия о мире.¹ А будучи в чужих краях, есть ли они ему нравятся, может остаться при какомнибудь посольстве, хотя впрочем можно желать быть определены только при Лондонском или здешнем.

Жалею, что вы не получили брошюр посланных мною из Фрейбурга. По крайней мере получили ли из Труа несколько экземпляров речи Lainez, кот[орая] в то время была интересна. Здесь нашим русским весьма нравится, но все вообще очень поиздержались и весьма нуждаются в деньгах, кот[орые] суть первейшая вещь для иностранца в Париже.² Французы удивляются хорошему поведению наших офицеров, а государя истинно обожают и, говоря о нем, забывают свою национальную гордость, предаваясь единственно энтузиасму, кот[орый] он умел вселить в них беспримерным и благороднейшим великодушием. Вчера прибыли сюда великие князья. Завтра или послезавтра ожидают сюда короля Ludow[ика] XVIII. — Между тем со всех сторон слышны жалобы народом**) на Сенат и на из-

*) *Архив, № 2617, лл. 19—20. В рукописи дата: $\frac{17}{30}$.*

**) *Так в подлиннике.*

данную конституцию. Замечательно сочинение о сем сенатора Грегуара, кот[орое] постараюсь вам с верною оказиею доставить. Жаль, что оно не вышло прежде, тогда бы я послал ее *) с Щербиниными, кот[орые] имеют к вам от меня письма и 2 брошюры о Наполеоне. А прoros: он отправился на остров Эльбу.³ Перед отъездом говорил речь, кот[орую] узнаете из газет. Лицемерие и ложь и теперь его не оставили, когда уже эти качества ничего кроме насмешек ему принести не могут.

Я еще ничего верного о моем отъезде сказать не могу. Во всяком случае занятия Steina не могут продлиться по департаменту управления земель более 2-х недель; и тогда мы будем свободны, хотя и теперь для моей индивидуальной свободы ничего не достает кроме одного названия.

Государь поедет отсюда в Лондон. Вероятно также и прусский король. Потом в Вену и Берлин. Европа должна видеть своего спасителя.

Я не знаю, о какой прокламации Йорка вы говорите.

Прошу засвидетельствовать мое истинное почтение Сергею Семеновичу Уварову.

Варфоломея Филипповича чувствительнейше благодарю за приписание. Теперь можно надеяться на отъезд из*) севера. Препоручение к Булгакову исполнил. Он ныне его превосходитьство и озабочен множеством дел, кот[орые] должны оновать и утвердить щастие Европы. По крайней мере, смотря на него, нельзя усумниться в важности его занятий.

23

Франкфурт $\frac{31 \text{ мая}}{12 \text{ июня}}$ 1814. **) ¹

Здравствуй, любезнейший друг и брат Сергей!

Вчера приехал я сюда из Парижа² вместе с Ал[ександром] Ив[ановичем] Данилевским, которой вчера же отправился в Геттинген. Там пробудет он дни три и отправится из Любека морем в П[етер]бург. С ним был ***) я и в течение войны и в Париже вместе; и разлука наша для меня очень горестна, тем более, что

*) Так в подлиннике.

**) Архив, № 4302, л. 1.

***) Вместо зачеркнутого жил.

я остаюсь здесь совершенно один с немцами, моими товарищами. Не знаю, долго ли здесь пробуду. Штейна еще здесь нет, но ожидают его завтра. Ему не удалось для меня ничего сделать, хотя он и желал. Он представлял меня к чину и к некоторой степени, но к моей неудаче и неудаче моих товарищей, государю некогда было подписать представления. Видно мне везде одно счастье. Хотя я и ценю награждения так как их ценить должно, но не менее того это мне больно — у нас в службе чины и кресты необходимы. Штейн обещал выхлопотать награждение мне по возвращении государя из Англии. — Напиши, любезной друг, что делаешь, и какие виды имеешь ты по службе, но пожалуй, есть ли можно, будь счастливее меня. Я послал к бр[ату] Ал[ександру] Иван[овичу] несколько книжек. Хотел бы послать кой-каких посылок, но в деньгах не богат. В Париже было жить дорого. Да и к тому же не знаю что послать. Напиши, что ты думаешь приличнее послать к Матушке. Здесь денег у меня более будет, ибо жизнь в Франкфурте не так дорога.

Был ли ты в Геттингене? Есть ли был, то ты узнал, что долги наши там еще не заплачены. Писал ли ты в Альтону к Дену, и какой успех?

Долго ли ты надеешься пробыть в Дрездене при князе и куда намерен после? Опиши все это пообстоятельнее. Адресуй свои письма ко мне сюда в Франкфурт: abzugeben im Hotel des Staatsministers Baron von Stein, Chef des obersten Verwaltungs Departement. Прилагаемое при сем письмо постарайся повернее доставить. Генерал Панчулидзеv должен быть или в Дрездене, или недалеко оттуда. Оно от его племянника, Панчулидзева, которой с нами ехал из Парижа и теперь поехал далее с Данилевским.

Перед отъездом моим из Парижа я отправил письмо к князю Репнину от князя Петра Мих[айловича] Волконского. Получил ли он его?

Прости, любезнейший брат и друг. Пиши чаще и более о себе и о твоих занятиях, и твоих планах.

Весь твой

Н. Тургенев.

Я просил брата Ал[ександра] Ив[ановича] прислать мне Сиверса перевод Коммерческого уложения, есть ли оной существует. Напиши, продолжает ли он составление сего уложения?

Есть ли имеешь письма из П[етер]бурга, то уведомя.

Н. Тургенев.

Фр[анк]ф[урт] $\frac{[1]}{13}$ июля 1814.*)

Сейчас получил я письмо твое, посланное с г[осподином] Гуном, которого встретил на улице и не успел поговорить с ним о тебе. Денег у тебя потому я взять не хочу, что они тебе нужнее чем мне. Но почему не может бр[ат] Ал[ександр] Ив[анович] прислать несколько? Куда ему девать теперь, без нас, все его и наше жалованье? Впрочем жить мне здесь можно моим жалованьем. Я получаю 5 тал[еров] на день и имею квартиру. Да и сверх того должен из П[етер]бурга от Панчулидзева получить 400 франков. — Книгу к Сарториусу pošлю завтра по почте прямо в Геттинген. Твое письмо о неотдаче Штейну книги я получил уже поздно. Но Сарторию сердиться не за что. Есть ли б кто и украл его мысли, то хотя и не можно пожалеть о воре, но завидовать, право, нечего. План его не новый, хотя он и не говорит этого. Не новый — и что важнее — неудобноисполнителен. — Как может Германия существовать твердо без Пруссии и Австрии? Каверин мог бы теперь с успехом хлопотать о взятии от Дена наших денег.

Я люблю Германию и немцев, но можно ли, как ты пишешь о Саксонии, жалеть о Германии нашему брату тогда, когда Москва в развалинах? Я бы всю Европу отдал за одну Москву. — Вы теперь более веселитесь без княгини?¹ А мне кажется, что в о о б щ е - т о без нее хуже. — Крюгер еще здесь. Вчера я разговаривал с ним о русских финансах и проч. Он приводил твое мнение о наших финансах; но либо он говорил не то, что слышал; или ты питаешь еще много предрассудков, свойственных многим у нас в России. Мысли князя Репнина о просвещении России меня не удивляют и никого, конечно, просветить не могут.

Об Антонском я тебе писал. Теперь не знаю, что с ним делается. Он еще ко мне не писал.

Государь сегодня здесь проежжает, не останавливаясь. Штейн сегодня же приехал из Брухсала, куда он ездил видеть императора, и привез нам всем по гостинцу, по св. Анне 2-й степени, а мне, кроме сего и титло гофрата.² Теперь в Германии

*) Архив, № 4302, листы нумеров.

можно с этим названием в люди показаться, хотя по сию пору меня и величали: Staats-Rath, Geheimer Rath и даже Herr Oberst.

Я еще Штейна не видал. Но ты, я думаю, слышал уже эту, впрочем для меня довольно равнодушную, новость от Брозина, которой едет перед государем и кот[орого] ты вероятно видел у кн[язя] Репнина. Жаль,*^{*)} что у нас нельзя получать по два или более чина вместе. Но догадается ли князь Репнин тоже воспользоваться для тебя перепутьем?

Прусского короля ожидают сюда 17 или 18 сего м[еся]ца.

Вчера было первое заседание нашей комиссии, состоящей из комиссаров прусского, австрийского и меня; и мы начали разбором щетов по управлению австрийских генерал-губернаторов. Через несколько времени и до вас доберемся.

Сей час получил от Штейна официальное письмо о моем чине и ордене. Ходил к нему для того, чтобы благодарить, но он спал. И так до завтра.

Дабы наполнить лист — вот копия с его письма:

„Sa Majesté Impériale vous a nommé Conseiller de Cour et vous a accordé le croix de S[ain]te Anne seconde classe — je suis charmé de pouvoir faire part de cette marque de satisfaction que vous obtenez de Votre Auguste Maitre.

Agrez, Monsieur, l'assurance de ma très haute considération. Signé: Ch[arles] B[aron] Stein“. Fr[anc]f[ort] 13 Juillet 1814.

Штейн не забыл с собою привезти мне и самый крест, чего иногда надобно дожидаться, а покупать, право бы не купил. Напиши об этом в П[етер]бург. Там эта новость будет приятнее чем в Франкфурте, хотя уже там давно провозгласили, как мне сказывал Антонский, что я будто получил даже и бриллиантовый.

Жихарева надо попросить, чтобы он ко мне эпистолу в стихах написал. О Шиллинге, кот[орый] и в Париже нуждался в деньгах, слышал я, что сидит в Брухсале, где была главная квартира, без денег, и отдал продавать свои пистолеты и богатые масонские украшения, кот[орые] купил в Париже, хотя, сколько мне известно, он там этого не покупал, а напротив еще не заплатил за повышение в степенях. Я там достиг с Данилев[ским] самых высших степеней.

Весь твой Н. Тургенев.

*^{*)} Вместо зачеркнутого напрасно.

[4]
16 августа 1814 Франкфурт.*)

Так как я завтра отправляюсь на Рейн, и путешествие мое продолжится около двух недель, то я почел за нужное перед отъездом уведомить тебя о себе. На другой день своего отъезда был я в здешней Швейцарии: места подлинно прекрасные, тем более, что Кенигштейн и Эбштейн, лежащие в горах сих, расстоянием отсюда около 35 миль. Вчерашний же день провел я почти весь в Казино. Между прочим смеялся, читая в l'Ambigu¹ Leçons de la Littérature etc., выбранные из сочинения M^{тс} Stael и поставленные в виде вопросов и ответов. Между прочим спрашивается: D[emande] Qu'est ce que c'est que le Danube? R[éponse] Le Cours de ce Fleuve ressemble à la vie d'un chevalier; il semble que c'est le Danube qui a cultivé tout ce qui l'entoure. C'est le Dieu tutélaire de la liberté, du Midi de l'Allemagne; il raconte l'histoire des temps passés (Donc il est chevalier, laboureur, Dieu, historien en même temps).

Также: Que fait Mr de Villers? R[éponse] Par son esprit et par ses connoissances il représente la France en Allemagne et l'Allemagne en France. D[emande] Qu'est ce que la douleur? R[éponse] C'est un secret de la nature.²

И так есть ли у тебя заболят зубы, то ты не думай лечиться; ибо таинства природы неисповедимы. Разве будет лечить какойнибудь известный профессор нат[уральной] ист[ории], напр[имер] Blumenbach. — Таким вздором наполнены в Ambigu 4 или 5 страниц. Нельзя ли из Жихарева сочинений выбрать также несколько ответов и вопросов? — Сегодня приехал сюда Алопеус и отправляется в Берлин. — Я ожидаю от тебя известия о твоём приезде; есть ли будет верная о казья, то пиши побольше обо всем. Барон, вральман des Römischen Kayzers,³ о тебе осведомлялся и спрашивал уже о табакерке с портретом князя Репнина. По расщетам моим не худо бы было мне здесь купить коляску, а тебе взять мою; но впрочем это роскошь.

Брата Александра Ивановича покорнейше прошу о пересылке мне 400 франков, кот[орые] он вероятно получил уже от Панчулидзева, и также, есть ли можно, о доставлении части

*) Архив, № 2617, лл. 24—25. Вверху, в левом углу помета рукою Н. И. Тургенева: Прошу переслать по прочтении в Петербург.

моего жалования. Рейнское путешествие изтощит мой кошелек, наполненный теперь двойным жалованием за Париж, от которого я хотел и должен был отказаться, но кот[орый] взял по неимению денег. Я просил адресовать вексель на Gebrüder Mühlens in Francfort a/M[ain], кои, есть ли меня здесь и не будет, доставят мне деньги. — Я не знал, что его пр[евосходительст]во Густав Андреевич получил ленту, иначе бы не преминул его поздравить. Но в отдалении он забыл своего помощника по Коммерческому уложению.

Прошу от меня поклониться Ал[ександру] Ив[ановичу] Данилевскому и Ал[ександру] Ал[ексеевичу] Панчулидзеву. Я ожидаю от них записочки, есть ли не письма.

Комиссия наша продолжает с успехом дела свои. Щеты австрийских губернаторов все уже рассмотрены и утверждены нами, и суммы поступающие в раздел между союзными державами определены. Теперь занимаемся рассмотрением щетов русских губернаторов: Алопеуса и Грунера. Тут гораздо более хлопот и недоумения. Прусские щеты займут нас не долго, ибо главный отчет с прусской стороны, по управлению Бельгиею, уже рассмотрен и утвержден.⁴ Я с моей стороны не знаю только, кому я должен представить отчет по моей здесь должности. Stein говорит, что мы от него в сем отношении не зависимы. Я думаю, по примеру моих товарищей, что и я должен отнестись к нашему министру финансов.

Н. Тургенев.

26

[27 августа] Франкфурт 1814.*)
8 сентября

Два твои письма, любезной Сергей, я получил. Сожалею, что ты сюда не приехал. Весьма досадно, что для тебя все только неприятности в Дрездене. Это меня очень, очень огорчает.

Сегодня пойдет в Дрезден отсюда уведомление, что щеты, коих мы здесь долго ждали, должны быть присланы не сюда, а в Вену. Такую же резолюцию дал вчера министр штатс-рату Фризе. Мне же сказал Штейн, когда я у него был один,

*) Архив, № 2619, лл. 1—2.

что щеты саксонские придут сюда, и что я должен их здесь дожидаться. Я сообщил это Фризе; мы оба изумились о различных приказаниях; но вытти из нашего недоумения уже не могли, ибо министр сегодня в 4 часа утра отправился в Вену. Фризе едет через три дня.

Министр сказал мне, что по окончании дел здесь недели через две или три и мне не худо к нему приехать в Вену; а между прочим требовал, чтобы я ему сказал, что он у государя для меня испросить может, и прибавил, чтобы я об этом списался с братом Александром Иванов[ичем] и спросил бы его о сем совета. Я право не знал, что министру отвечать и чего просить. Но на всякий случай, по его требованию, записал ему, что можно меня сделать в П[етер]бурге помощником какогонибудь штатс-секретаря, но сожалею, что сие сделал; ибо сие место мне 1-е не по чину а 2-е и не приятно, ибо должно будет без всякой пользы и дела быть в связи с людьми неприятными. Но чего было просить? Разве Владимира 3-й степени. Я думаю это всего невиннее. А чина требовать, кажется, не возможно.

Я пишу сегодня к бр[ату] Ал[ександру] Ив[ановичу] и прошу его, по поручению Штейна и от себя, известить меня, чего мне надобно требовать и желать. Штейн все говорит о доставлении мне места в П[етер]бурге, какого я желаю. Но я право ничего не желаю в П[етер]бурге. Хочу написать к Штейну, чтобы он из моей записки вышеупомянутой не делал никакого употребления. Напиши, брат, и ты мне свой совет. Ты лучше меня знаешь П[етер]бург.

Прости.

Тургенев.

Р. S. Уведомь, есть ли для тебя чтонибудь Шт[ейн] сделать может.

Не знаю, когда отсюда поеду.

Письмо из П[етер]бурга не получал. Дожидаю денег оттуда, кот[орые] мне очень нужны.

Отошли это письмо поскорее в П[етер]бург; оно может служить дубликатом. Отвечать прошу я брата Ал[ександра] Ив[ановича] дубликатом в Вену и сюда на имя Штейна.

Завтра поутру отправляюсь я в Вену. Теперь лучше если щеты ваши совсем сюда не придут. А есть ли и придут, то надобно будет отослать их в Вену, ибо здесь некому будет их разбирать.¹ Постарайся, чтобы князь с ними поехал в Вену. Увидишь die Kayserstadt. На этот случай даю тебе адрес Штейна, где ты обо мне спросишь: Unter Breiner Strasse, im Wetzlarschen Hause wohnt d[er] Minister B[aron] Stein.

Я на сих днях большой пакет писем получил из П[ете]рбурга. Даже и от Ал[ександра] Иван[овича] две записочки, и то по службе; а именно уведомляет меня, что намерен за мои труды в комиссии представить меня к алмазной Анне. Матушка пишет, и видно, что рада письму княгини Прозоровской, кот[орая] ее уведомляет, что Штейн ей меня хвалил. Граф Егор Петрович Сиверс (так он подписывается) прислал даже копию с этого письма. Данилевского сам государь поздравил капитаном гвардии, т. е. нового гвардейского корпуса свитских офиц[еров].

Вчера я видел одного купца из Альтоны. Он сказывал мне, что умерший Ден был младший, а что старший жив и имеет liegende Grunde; торговля их прервалась, в делах беспорядок и много процессов, подобных нашему делу. Он мне сказал, что весьма трудно получить наши деньги, но что всего лучше это может сделать Бенеке Гамбургский.

Повеса Каверин мог бы ускорить это дело, будучи сам на месте, но что с дураком делать.

Я от тебя давно писем не получал. Брат Ал[ександр] Ив[анович] пишет, что намерен прислать мне 400 франков, кот[орые] возьмет с Панчулидзева, и 1000 кроме сих. Хоть бы это прислал, да поскорее, и дубликатом сюда и в Вену. По адресу Штейна ты можешь и ко мне в Вену писать. Уведомь о себе, что и как твое положение.

Английский мой проэкт мне не очень нравится. В особенности служить при посольстве не хочется.² Но что избрать и что делать — не знаю. — Прости! Постарайся увидеться в Вене; пиши туда.

Прилагаемое письмо прошу отослать по адресу.

Н. Тургенев.

*) Архив, № 4302, л. 2.

Франкфурт 4/16 сент[ября] 1814.*)

Посылаю тебе, любезной Сергей, полученную сейчас кучу писем. Хорошего в них только известие о твоей Анне. — Есть ли все кончено, то поздравляю.

Также посылаю и пакет, полученный на твое имя.

Что касается до пенсий и до земель, то это смешно и для меня непонятно. Мое желание быть полезну русскому народу — а все прочее вздор и пустяки.

Твой Н. Т.

Завтра в 6-ть час[ов] утра еду в Вену.

Вена 17/29 сентября 1814.**)

Посылаю тебе, любезной Сергей, письма, полученные мною здесь с Данилевским, которой приехал сюда с кн[язем] Волконским. Брат Ал[ександр] Ив[анович] пишет, что ты получил крест, но Витковский говорит, что нет. Пожалуй уведошь. О себе скажу, что я по всему вероятно направлю колеса моей одноколки в любезное отечество, в приятный П[етер]бург. Я писал к тебе из Ф[ранк]фурта, что имею планы на Англию. Штейн, по великой его ко мне благосклонности, говорил уже об этом с Нессельроде. Но консульское место представляет много трудностей, из коих не последнее дороговизна ужасная в Лондоне.

Итак я от этого места отказался и сказал Штейну, что приятнее для меня быть помощником статс-секретаря по части госуд[арственной] экономии в П[етер]бурге. Итак он будет просить государя о сем. Хотя все таки перспектива по службе для меня не действительна в П[етер]бурге, но что делать! Что меня более всего беспокоит, то это мое будущее служение или бездействие по моим старым местам. Но *alles das lässt sich nicht ändern*. Какие места могут иметь в чужих краях? Итак нечего делать! Надобно решиться на произрастающую жизнь в скучном и холодном П[етер]бурге.¹ Напиши что-нибудь о себе. Есть ли

*) *Архив, № 4302, л. 3.*

**) *Архив, № 4302, л. 4.*

не останешься при князе, но не хочешь ли в посольство? Это для тебя всего лучше. Адрес ты мой знаешь. Abzugeben im Bureau sein Excellenz des Herrn Ministers Freyherrn v[on] Stein in der Unter breiner Strasse, im Wetzlarschen Hause.

Прости! Я теперь живу в ожидании; а дожидаться еще долго надобно, ибо теперь у больших людей хлопот с визитами да с праздниками много. А я живу уединенно.

Весь твой

Н. Тургенев.

30

[Вена, конец октября 1814].*)

Я сегодня отвечал уже тебе на твое письмо от 16/26 окт[ября]. Но еще раз пишу с St[aa]ts Rath Friese, едущим в Дрезден. Старайся не упустить князя Репнина, не получив какого-нибудь награждения. Для чего не намекнешь ты ему о прусских орденах. Фризе везет туда 7 данных по представлению князя.

При посольстве определены быть можно, но все эти дела делаются здесь трудно. Завтра поговорю с Булгаковым.

Есть ли князь хочет оставить тебя при себе и будет иметь и место, то думаю хорошо оставаться.

Напиши о деньгах, чтобы прислали в П[етер]бург. Я тоже напишу. У меня тоже нет кроме жалованья здешнего. На вояж думаю, что получу адесь.

Адрес: Dem Herrn von Turgenew Hochwohlgebohren in Dresden. Durch Gota.

31

$\frac{27 \text{ ноября}}{9 \text{ декабря}}$ 1814. Вена.**)

Письма и книги твои, любезной Сергей, я получил, также и посылку к Куракину от Боголюбова, привезенную Витковским. Он еще ничего о себе не знает, т. е. о будущей своей участи. Князя Репнина я еще не видал, но завтра к нему поеду, имея

*) Арх., № 4302, л. 5. Дата проставлена позднее и другой рукой.

***) Архив, № 4302, л. 6.

сверх всего кое-что поговорить с ним о щетах по его управлению. Я свой отчет к министру финансов сделал; показывал Штейну и отдал вчера Нессельроде. Нерешенные пункты (die Vorbehalten) должно еще рассмотреть вкупе с другими комиссарами. Но не могу их собрать.

Живу я здесь есть ли не весело, то весьма покойно и без всяких неприятностей. Курю, ем, сплю, гуляю, всякой день хожу в театр, болтаю с кн[язем] Козловским и таким образом от сих занятий нет в голове моей мысли или желания ехать в Россию. Но эта масленица должна скоро кончиться, и надобно будет на величайший из постов отправиться в любезное отечество.— Репнин никакого представления о тебе не делает, ни о Рихмане. Ему об этом говорили, но он показал неохоту.

Не занимается ли вашими щетами Фризе, находясь теперь в Дрездене?— Скажи Фризе, что шведской комиссар здесь и привез поверхностные щеты. Скажи ему также, что наше правительство почти согласилось уже на участие Швеции в 9¹/₂ миллионах, платимых Голландию.

Сей час я раззорился и купил янтарный Mundstück за 90 гульденов порядочный. Письмо это хотел я послать с Витковским. Есть ли еще застану его, то так; а не то пошлю по почте.

Прости

весь твой Н. Тургенев.

32

24 апреля 1815. Вена.*)
6 мая

Сегодня получил я письмо твое от 1-го мая, любезнейший Сергей. Я недавно также писал к тебе два раза и отдавал письма здесь пруссакам для отправления с прусским курьером, полагая, что таким образом они дойдут скорее нежели по почте. Не знаю, почему ты их не получил. Это посылаю по почте. Пакет, посланный с Перовским, я получил, также и с Имбергом вместе с печатью, за которую весьма благодарю. А я было уже хотел себе здесь новую заказать. Посылаю письма брата Ал[ександра] Ив[ановича], вложенные в первой пакет.

*) *Архив, № 4302, л. 7. В подлиннике дата: 27 апреля / 6 мая.*

От чего ты по сию пору не выздоравливаешь? Это меня очень беспокоит.

От Бибикова 4-х черв[онцев] я не получал и ничего также не слышал об них.

Шписа я знаю и вижу почти каждой день. Справляюсь у него, о чем ты пишешь.

Не знаю, что вам делать, если пруссаки не дадут на дорогу денег. Лучше всего поэкономить из жалованья, дабы не потерпеть недостатка.

Штейн давно уже собирается ехать в Берлин, но по сию пору имеет много дела, почему и не может отсюда выехать. Алопеуса ожидают сюда из Берлина.

Уведомь меня о твердом намерении вступить или нет в военную службу.¹

Что касается до меня, то мне что-то гораздо скучнее теперь здесь жить нежели прежде. Об участи своей ничего еще не знаю. Думаю, что буду при какой-нибудь комиссии, вероятно, в Франкфурте. Приятного и лестного впрочем не надеюсь.

Сегодня достал я по случаю два фунта французского табаку для Матушки. Пошлю и постараюсь еще найти.

Твои вещи в Париже, где они и теперь находятся.

Когда думаете вы окончить вашу комиссию? Наша стоит неподвижно как потому, что ваша нейдет, так и потому, что австрийской и прусской комиссары очень заняты другими делами.

Прости. Уведомь о своем здоровье.

Посылаю тебе двое стихов Жуковского.

Весь твой

Н. Тургенев.

С Шписом я говорил. Он говорит, что не получал от тебя никакого письма. Но что Афендульев поручил ему посылку, состоящую в ящике, для отправления в П[етер]бург. Но что он оставил сию посылку, так как и все.

Р. S. Можно ли положиться на суммы, означенные в поданном вами князю обозрении? Мы в нашей комиссии хотим, основываясь на том, составить ращет.

Вена $\frac{[29 \text{ апреля}]}{11 \text{ мая 1815 г.}}$ *)

Вчера поехал отсюда Перовский в Дрезден. Я просил его сказать тебе мое мнение о вступлении в военную службу. Право, иначе нечего делать. Штатские занятия в армии весьма неприятны, да и трудно получают такие места. Я бы сам давно уже решил перейти в военную службу, несмотря на то, что имею хотя еще не известное мне, но верное место. Впрочем после мира ты опять можешь оставить военную службу, есть ли захочешь. Итак теперь надобно только стараться перейти. Для сего надобно тебе подать просьбу Барклаю. Есть ли она придется в главную квартиру, то тут поможет Данилевский. Воронцов, думаю, получил уже письмо Булгакова. Однакоже, для предосторожности, я взял от него другое письмо, кот[орое] к тебе посылаю. Ты можешь лучше всего лично, представившись Воронцову, отдать его ему. Не знаю только, не помешает ли тебе комиссия теперь перейти. Но времени терять никак не надобно. В том м[еся]це должно уже тебе быть в военной службе, позже будет поздно.¹ Я постараюсь тебе доставить письмо в главную квартиру Барклаю. Я думаю, ответа из П[етер]бурга не надобно дожидаться; иначе все упустишь. Так же, думаю, будут нужны тебе деньги для экипировки. Постарайся занять. Есть ли мне **) прибавят жалованья, то это не здешнего, а П[етер]бургского. Тогда я попрошу брата Ал[ександра] Ив[ановича] прислать мне денег à compte сего П[етер]б[ургского] жалованья, и ими будет можно заплатить те деньги, кот[орые] ты займешь в Дрездене. Впрочем есть ли у меня будут здесь деньги, ненужные на самонужнейшие мои издержки, то я их тебе пришлю.

Но что здоровье не помешает ли?

— От брата Ал[ександра] Ив[ановича] я получил письмо с Жерве. Он пишет, что просил сего употребить тебя при себе, есть ли ты потеряешь свое саксонское место. Но Жерве и сам еще без места. Да и не место быть тебе при нем, ибо важных дел у него вероятно не будет. И так, брат, избирай военную службу, и с богом ополчайся. Право наша штатская никуда

*) *Архив, № 4302, л. 8.*

**) *Вместо зачеркнутого у меня.*

не годится. Кроме приятности и большей чести служить в военной, и долг иногда сего требует. Прости.

Уведомь меня о комиссии и о твоём намерении.

Лонгинов, будучи здесь, сказывал мне, что граф Воронцов в прошедшую войну соглашался принять тебя адъютантом.

Н. Тургенев.

34

Франкфурт $\frac{12}{24}$ июня 1815.*)¹

Письмо твое от 9 июня я получил сей час. Относительно денег, кои Вам следуют, вот что советую вам сделать: пусть Мериан напишет к Штейну Ноту, в которой будет он требовать как путевых издержек для вас, так и жалованье вам следующее, и деньги, тебе комиссиею должны. Пусть он скажет в ноте, чтобы Stein велел ему выдать сии деньги aus der *Sommen des Verwaltungs Rath*, находящихся у Штейна, и чтобы велел это поставить на русской щет. Stein, я почти уверен в этом, ему не откажет. Но должен он в Ноте упомянуть, что Репнин для сего денег не оставил, и что все другие русские чиновники в Саксонии получили их от пруссаков. Есть ли можно, то сделай так, чтобы Мериан написал это единственно от себя, и чтобы твоего имени в сих денежных делах в ноте к Steinу не было. Делайте это скорее и присылайте сюда, Stein здесь. Я его еще не видел; сегодня пойду к нему.

Очень рад, что Сакен тебя берет к себе. Maievouinte мне сказывал, что Мериана и всех вас Барклай берет к себе. Это также не худо, но Сакен лучше, ибо в военной службе лучше. Розен рассказывал мне, что у тебя переговоры ведутся с Сакеном. Торопись, брат, и приезжай сюда или к Сакену. Барклай в Ашафенбурге. Надобно ему подать прозьбу, а он, думаю, пошлет ее в главн[ую] кварт[иру] государю. Там Данилевский поможет. Желаю видеть тебя да в военном мундире. Право хорошо. Наша дрянная служба никуда не годится.² Я при Алопеусе. Комиссию нашу мы равно *suspendrons*.

Прости.

*) *Архив, № 382, л. 12.*

Я думаю, ты можешь и прежде окончания вашей комиссии, есть ли оно замедлится, ехать к Барклаю и подать ему прозрбу. Постарайся, чтобы он ее скорее отправил к императору.

— Не слыхал ли ты, будет ли Старынкевич сюда?

Твой весь

Н. Тургенев.

Адрес: An hochwohlgebohren dem Herrn von
Turgeneff in Dresden Im Hotel de Pologne, № 11.

35

Нанси $\frac{22 \text{ июля}}{3 \text{ августа}}$ 1815.*)¹

Относительно денег для к[нязя] Репнина я говорил с Алопеусом. Но он мне отвечал, что так как управление передается теперь французам, то сумма у нас **) и не может.

Голцмиллер еще не определен. Но я хлопочу.

Напиши, весело ли тебе. Сегодня я пишу в П[етер]бург. Постарайся через Булгакова о месте при миссии.² Я не знаю, как мы здесь останемся, на каком основании, вследствие передачи управления французам.³ Мериан вчера сюда приехал. Я поговорю с ним о ваших деньгах.

Что делает Данилевский? Долго ли думают вообще пробыть в Париже?

Мне здесь все еще хорошо.

Посылаю тебе лексикон.

Пожалуй о себе уведомя.

Один из пакетов послал к Stein[y]. Два же отдал здесь Мериану.

Адрес: Сергею Ивановичу Тургеневу.

36

$\frac{[3]}{15}$ сентября [1815г.]***)¹

Вот уже несколько дней как я здесь, любезнейший Сергей. Дела наши пошли по старому. Все приходит к концу. Не знаю,

*) *Архив, № 382, л. 14.*

**) *Одно слово замазано при склейке письма.*

***) *Архив, № 382, л. 16.*

долго ли здесь пробуду. Занимаюсь теперь саксонскими щетами. Графа Воронцова ожидают сюда. Будешь ли ты с ним?² — Что ваши деньги? Доложил ли гр[афу] Нессельроде?

Прости. Поклонись от меня Перовским, Бибикову.³

Н. Тургенев.

*Адрес: A Monsieur Monsieur de Tourgueneff
Boulevard Italien, Hôtel. Ceruty Rue d'Artois,
où loge Prince Repnin à Paris.*

37

Нанси. [Без даты. 1815 г.]^{*)}

Граф Воронцов поехал прошлую ночь назад в Париж. Мне сказывал гр[аф] Кочубей, что ты его там будешь ожидать. Мериан послал к вам 6000 франков. За вычетом должных ему вами 500 тал[еров] остается у него ваших денег еще 2000 франков. Но из сих надобно, думаю, заплатить взятые тобою у Алопеуса 100 черв[онцев]. Алопеус едет отсюда дня через 3 наверное. А я буду здесь ожидать тебя. Я живу подле старой моей квартиры у брата моего хозяина.

Граф П[етр] А[лександрович] Толстой здесь и очень мил. Пожалуй, брат, купи мне в Palais-Royal деревянную табакерку, величины более обыкновенной, а именно гауэ или гладкую, но выложенную черепахою.^{**)}

Я видел выложенную золотом, но думаю, что те дороги, а с черепахою не стоит более 20 или 30 или и менее. Пожалуй не забудь. Да нельзя ли что-нибудь купить для Матушки на мой щет?

Прости.

Весь твой

Н. Тургенев.

38

30 сент[ября]
11 окт[ября] Нанси 1815.^{***)}

Вчера получил я от тебя письмо, но старое. По приезде моем я писал к тебе. Мериан послал вам 6000 франков. Осталь-

^{*)} *Архив, № 382, лл. 36—37.*

^{**)} *Здесь нарисована форма табакерки.*

^{***)} *Архив, № 382, лл. 18—19.*

ные тысячи с две он хотел отдать мне и Льву Перовскому. Но я просил его удержать их у себя до вашего приезда. Что ты думаешь*) ста червонцев, взятых у Алопеуса? Алопеус отсюда уже уехал. Я совершенно свободен, дожидаясь твоего приезда.¹ Когда ты будешь? Пожалуйста уведомя. Вместе ли с Воронцовым возвратишься или прежде?² Чем скорее тем лучше. Въезжай ко мне. Я писал тебе, где живу-Mr Miglo Place d'Alliance. Пожалуй купи для меня табакерку, о кот[орой] я писал. Вот форма**) в широте или глубине, следственно довольно глубока. Только не забудь не гладкую, а gaué. Денежные свои дела здесь я сделал очень хорошо. Взял иль возьму 2000 талеров, кроме сего месяца за два жалованья, которого я получить не думал, и вояжных до П[етер]бурга 250 и т. п. Пожалуй, брат, подумай о посылке для Матушки чего нибудь хорошенького от меня и на мой щет.

Алексей Перовский еще не приехал. Прости.

Скажи Шредеру, что есть ли орел для Багреева высечен, то чтобы он его прислал сюда к Мериану. Прости.

39

Нанси $\frac{[1]}{13}$ окт. 1815.***)

Вчера уехал отсюда Алексей Перовский, пробыв здесь двое суток. Я послал с ним к Матушке мериносу на два платья с бархатными покрывками и мериносовую шаль для вседневного употребления. Так же я послал к Матушке еще шесть фунтов табаку, по три каждого рода. Табаком 1-го рода, de l'ancienne ferme, все здесь восхищались. Почему я и прошу тебя купить для меня у Noel, Passage Feydeau еще несколько фунтов сего de l'ancienne ferme по 10 франков фунт. Скажи, что это для меня. Захлопотавшись за посылками и позабыв я с Перовским написать к Матушке и брату. Пишу завтра с Багреевым. Сушков приехал сюда с Ан[ной] Пет[ровной], кот[орая] на сносях. Я писал к тебе обстоятельно о деньгах

*) Одно слово заклеено.

**) Здесь нарисована форма табакерки.

***) Архив, № 382, лл. 20—21.

ваших. Всего Вам приходились 10 216 франков. Из всего вычел Мериан 2000 за занятые у него 500 талеров Перовским. 6000 послал к вам, а остальные 2216 остаются здесь. Перовский сказал мне, что они принадлежат тебе. Есть ли ты можешь без них обойтись, то всего бы лучше употребить их на покупку в Париже книг. Но нельзя, думаю, покупать в отсутствие. Подумай об этом перед своим отъездом из Парижа. Можно купить по дешевой цене книг по финансам. Ты можешь отобрать несколько таких книг, взять реэстры их и отсюда послать деньги, а книги велеть прислать сюда и далее до П[етер]бурга. Эти две тысячи проживутся неприметно. Лучше преобразовать их в лежачий капитал.

Итак теперь более не нужно покупать для меня для посылки к Магушке. Ты также ей послал. Подумай о покупке книг и посоветуйся с М^{ме} Pierre.

Да когда ты сюда будешь? Прежде Воронцова или вместе? Въезжай ко мне. Мериан хочет иметь мою квартиру, но мне хочется удержать ее для тебя. Пиши ко мне. Я совсем здесь свободен. Дожидаюсь твоего сюда приезда, и потом поеду в Франкфурт. Есть ли можно, то поторопись быть сюда.

Прости.

Не забудь табак и табакерку. Подумай о книгах. А у меня деньги есть.

Весь твой Н. Тургенев.

Адрес: A Monsieur Monsieur de Tourgouneff, Conseiller aulique au service de S. M. L'Empereur de toutes les Russies à Paris. Rue d'Artois ou Ceruty, Hôtel Ceruty. Boulevard des Italiens.

40

Нанси 5/17 октября 1815.*)

Я уже раза с три писал к тебе, любезной Сергей, но не имею ответа на мои письма. Я уведомлял тебя, что я здесь совершенно свободен и хочу дожидаться твоего приезда.

*) *Архив, № 382, лл. 23—24.*

Будешь ты с графом, или один прежде сюда? Сначала говорили, что граф скоро сюда будет, а теперь говорят, что долго. Пожалуй, уведомя меня, когда ты думаешь приехать сюда. Не забудь мои комиссии о табаке и табакерке. Есть ли для тебя нужны деньги, то напиши. Ты имеешь еще здесь 2216 франков, кои я предлагал тебе употребить на покупку книг. Сушков здесь. Анна Петровна на сносях.

Мне, брат, становится здесь несносно скучно. Все мои товарищи разъехались. Скажи Баранову о моей скуке и спроси, когда он выедет из Парижа. Пиши ко мне о своем приезде. Есть ли долго не будешь, то я уеду в Франкфурт, а там, кончивши дела, перед отъездом в Россию, приеду к тебе.

Прости.

Весь твой Н. Тургенев.

*Адрес: A Monsieur Monsieur de Tourgueneff,
à Paris, Rue d'Artois ou Ceruty Hôtel Ceruty.*

41

Нанси $\frac{[8]}{20}$ октября [1815 г.]*)

Письмо твое от 14 октября я сегодня получил. Я уже писал к тебе о ваших деньгах. Твоих осталось здесь 2216 франков, кот[орые] я вчера взял у Мериана. Делает ли это твой щет, за вычетом из общей вашей суммы 2000 фр[анков] и 500 тал[еров], взятых Перовским в Дрездене? По желанию твоему пошлю к тебе 1000 франков с Бервицем, едущим через три дня в Париж. Напиши мне обстоятельно, сколько еще следует заплатить Мейеру? И тогда я пошлю ему остальные 1216 франков. Спасибо за жилеты и табакерку. Я ее еще не получил. Жаль, что не гауэ. Есть ли еще не отправил, то можно переменить. Я видел подобную у гр[афа] Петра Алексан[дровича] и потому писал к тебе.

100 черв[онцев], взятые у Алопеуса, следственно я не плачу.

О Наталье Федоровне совсем забыл. А то бы послал ей что-нибудь с Перовским. Матушке же я послал и писал к тебе об этом.

*) *Архив, № 382, лл. 25—26.*

Какого трактата окончания ожидает граф в Париже? Так как он, по здешним слухам, долго еще сюда не будет, то я тебя здесь ожидать не буду и думаю дней через 8 отправиться в Франкфурт. Посему адресуй мои письма к Мериану: vis-à-vis de l'hôtel de la Préfecture. Есть ли я уеду прежде твоего приезда, то постараюсь удержать для тебя мою квартиру, ибо такие квартиры редки.

Прости.

На удачу уведоь, когда думаешь быть здесь?

Н. Тургенев.

Жилеты можешь так же адресовать к Мериану.

Адрес: A Monsieur Monsieur de Tourgueneff,
Paris, Rue d'Artois ou Ceruty, Hôtel Ceruty.

42

$\frac{[9]}{21}$ октября [1815] Нанси.*)

Посылаю тебе с полковником Бервицем 90 червонцев. Напиши, сколько послать Мейеру. Уведоь о получении. Табакерки еще не получал.

Хочу дней через 6 отсюда ехать.

Прости.

Н. Тургенев.

Червонцы не Сорокин, а Мериан дал мне их по тарифу т. е. по 11 р. 80 к.

Адрес: A Monsieur Monsieur de Tourgueneff. Rue d'Artois au Ceruty, Hôtel Ceruty, dans la même maison que le Café de Tortony et Hardi à Paris.

43

$\frac{[27 \text{ октября}]}{8 \text{ ноября}}$ 1815. Франкфурт.**)¹

Вчера получил я письмо твое от 3-го ноября.

Я просил в Нанси коменданта Бароцци, чтобы он тебе мою квартиру оставил.² Он обещал это сделать. Жилеты я уже по-

*) *Архив, № 382, л. 27.*

**) *Архив, № 382, лл. 29 и 31.*

лучил три, с Клостерманом. Он же привез мне табакерку, а третьего дня Раль привез другую, за которую также очень благодарю. Раль проиграл здесь червонцев более 1000. Вещи твои тебе уже посланы. Не знаю, долго ли здесь пробуду, ибо не знаю, когда кончатся дела.

В рассуждении твоих денег, удивляюсь твоему беспорядку. Есть ли тебе сказали, что я забрал твои деньги, то я писал к тебе об этом более 5 или 6 раз. Итак, брат, будь попорядочнее и не надейся иметь того, чего у тебя давно уже нет. У тебя в Нанси оставались 2216 фр[анков]. Ты писал ко мне, чтобы я тебе прислал из них 1000, а остальное бы послал в Геттинген, не пиша даже, сколько ты там должен. Я тебе по сему послал с Бервицем, которой в Париже, 90 черв[онцев], составляющих 1000 фр[анков]. Следственно у тебя осталось еще 1216. — Потом я писал к Мейеру, чтобы он уведомил меня, сколько ты ему должен. Он отвечал: 272 тал[ера] и дал в сей сумме на меня вексель, кот[орый] был представлен вчера и которой я заплачу сегодня. Так как 1216 составляют 97 черв[онцев], то 90 заплачу Мейеру. Остальные, т. е. 7 черв[онцев] тебе пришлю. Червонцы по такому курсу были мне отданы Мерианом. Вот каким образом я забрал твои деньги. Впрочем имей сам попечение о делах своих. —

Яцын здесь был, как мне сказывали, но уехал. 216, со включением твоих семи черв[онцев], Мериану пошлю. Кроме же сего пошлю тебе франков 200 или 300 на покупку для меня разных безделиц, есть ли придется на ум иметь что-нибудь из Парижа. Пиши, пожалуйста, чаще. Я сегодня пишу с Н[иколаем] Ал[ександровичем] Старынкевичем прозьбу в комиссариат о выдаче мне жалованья моего п[етер]бургского за все время моего нахождения за границею, и основываюсь на правиле, что штатские чиновники за границей получают вдвойне. Вместе с сим пишу я к Ал[ександру] Ив[ановичу], чтобы он прислал мне свидетельство от моих п[етер]бургских начальств в том, что я за границей и получал жалованье не вдвойне.³

Старынкевич скоро едет отсюда в Париж, о чем я очень сожалею.

Поклонись от меня Сушкову. Адресуй письма мои: in Römischer Kayser. Я думаю, что я совсем в трактире жить останусь, ибо не мог достать себе приличной квартиры, несмотря на старания коменданта Розена. Бибигокон едет сегодня отсюда

с князем Репниным. Лев Перовский едет также. Я сему последнему обещал дать черв[онцев] 100 денег на дорогу из казенной суммы. Повеса Алексей Перовский, проезжая здесь, и не осведомился даже о своем сундуке, здесь находящемся.

Прости.

Еще раз прошу тебя писать чаще и не забывать даже и политические новости, брошюры и т. п.

Весь твой

Н. Тургенев.

44

Франкфурт $\frac{[29 \text{ октября}]}{9 \text{ Ноября}}$ [1815 г.] *)

Вместе с сим по твоему желанию посылаю я к Мериану должные ему тобою деньги 216 фр. По прилагаемому при сем щету ты увидишь, что по заплате Мейеру 89 черв[онцев], и другая учинена мною сегодня. Твоих денег оставалось у меня 8 черв[онцев] или 94 [франка].— Всего же я посылаю Мериану 38 черв[онцев] или 448 fr[анс] удержав из оных

франков $\frac{216}{232}$

Он должен тебе доставить 232.

Мне Раль сказывал, что ты хотел у него занять 10 Nap[oléon]-d'or. Так как я думаю, что ты деньги эти занял у Мериана, то я затем посылаю тебе лишнее, что я вижу у тебя недостаток в деньгах. Есть ли тебе они не очень нужны, то пришли мне из Парижа английскую рыжую шапку, какую видел я здесь у Маеровича и каковых здесь нет. Она стоит 20 фр[анков]. Ты, я думаю, знаешь эти шапки. Рыжие с зол[отым] галуном в роде бава ро к, кот[орые] мы носили в Москве.

По совету Старынкевича я хочу писать, чтобы Ал[ександр] Ив[анович] прислал в главную квартиру ф[ельд] м[аршал]а свидетельство, что я не получал п[етер]бургского жалованья вдвойне. И пошлю ему для сего прозьбу в армейский комисса-

*) *Архив, № 382, л. 32.*

риат, для выдачи мне п[етер]бургского жалованья вдвойне.
Сделай и ты тоже.

Вот мерка моей головы для шапки.

Весь твой

Н. Тургенев.

Адрес: A Monsieur Monsieur Serge de Tour-
gueneff chez S. E. M. le C[om]te Woronzoff
à Paris.

[К письму от 9 ноября.]*)

Посылается мною к г[осподину] Мериану.
Сергеевых 8 черв., оставшихся от его денег,

фр[анков] [сантимов]

94. 4.

Я посылаю к Мериану

моих 10 черв. . . . . $\frac{118}{212}$

и еще моих же

Сергею 20 черв. 236

Итак посылается:

Сергеевых 94

моих 354

448 [франков]

Из всего вычитет

г. Мериан . . . . . $\frac{216}{232}$

остается у Сергея 232

всего посылается:

38 черв. или 448 fr[анс] 40 с[антимов]

По отправлении г[осподином] Мерианом в Париж 6000 фран-
ков, отдано им мне остальное количество денег: 2206 фр.:
червонцами, коих я получил 187.

Из оных я послал в Париж к брату с г[осподи-
ном] Бервицем 90

заплатил за вексель Мейера в 272 талера . 89

Итак в остатке 8

187

*) *Архив, № 382, л. 30 (вклеено в предыдущее письмо).*

Нанси $\frac{[12]}{24}$ ноября 1815.*)

Вот уже третий день как я здесь. Алопеус просил меня рассмотреть щеты Мериана и сделал мне много пустых поручений. Но я нашел у Мериана все в лучшем порядке.¹ Скотина Алопеус, получив сам два награждения, доставил также награждения Кенигфельсу и Рихтеру. Пишет, что он сказал императору *qu'il ne me préparoit pas pour une decoration ou pour un avancement, ne sachant pas en combien cela pouvoit me convenir, et croyant ces recompenses au dessous de mon mérite.* Я ему изъясил в одном письме мое об этом сожаление, а отсюда напишу ему, что этот поступок с его стороны не хорош, а извинение — еще хуже.²

Я посылаю тебе завтра отсюда твой чемодан с делижансом.³

Я узнал здесь, что деньги, которые я тебе послал, все здесь должны остаться. Я послал тебе 38 червонцев, думая, что из оных останется у тебя более 200. Я здесь пробуду еще несколько дней и возвращусь в Франкфурт. Пиши ко мне сюда, адресуя сюда или в Фр[анк]ф[урт].

Получаешь ли ты что-нибудь сверх жалованья?

С кем ты послал ко мне жилеты?

Я их давно уже получил.

Прости.

Весь твой

Н. Тургенев.

Нанси $\frac{[4]}{16}$ декабря [1815 г.]**)¹

Вчера приехал я сюда благополучно.² Нашел Мериана в довольно затруднительном положении по письмам и приказаниям к нему от Алопеуса; приказания неудобоисполнительные и не-

*) *Архив, № 382, лл. 34—35.*

**) *Архив, № 382, лл. 42—43.*

понятные. Сушков собирается быть недели через две в Париже. К нам в комиссию на место Агафонова определен Энгельбах. Здесь Сушков не может оставаться, ибо содержание прекратится. Одно средство жить в Париже, где он должен жить, есть, требовать от Жерве денег для содержания. Граф, как я слышал, поедет отсюда через неделю.

О дорожных деньгах с Мерианом я еще не говорил.

Вильгельм мой позабыл в Париже в передней комнате у тебя свой кошелек с различными монетами на 2 червонца. Напиши, есть ли найдутся, и оставь у себя. А я ему во всяком случае здесь их отдам.

40 франков, поставленные твоею хозяйкою на щет для почталиона, поставлены несправедливо. Я спрашивал у почтальона, и он сказал мне, что получил только 10, а не 40.

Завтра поутру хочу я ехать в Франкфурт. В понедельник хочу ночевать в Майнце, дабы переговорить с Маривардом, тамошним прусским комиссаром о делах, до моей комиссии относящихся.

Прости. Пиши когда поедешь из Парижа.

Весь твой

Н. Тургенев.

Адрес: A. Monsieur Monsieur S. de Tourgueneff, Conseiler aulique au service de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, à Paris. Rue Neuve St. Augustin, Hôtel Ghatam № 75.

47

$\frac{14}{26}$ декабря 1815. Франкфурт.*)

Вот уже пять или шесть дней как я здесь, любезной Сергей. О делах моих или лучше сказать моей комиссии я тебе ничего не могу сказать утешительного: хотя они и в порядке, но товарищи мои, или долженствовавшие быть таковыми, не получили еще полномочий на сей конец от своих правительств. Таким образом я был обманут в моих ожиданиях начать скоро

*) *Архив, № 382, лл. 38—39.*

дело и скоро кончить. Между тем я писал и туда и сюда о назначении комиссаров, говоря везде, что я не могу пробыть в Франкфурте более начала будущего февраля. Stein, к которому я писал об этом официальное письмо, также торопит Прусское правительство. Steigemann мне в Париже обещал все это сделать, но ничего не сделал. Я серьезно намерен в феврале отсюда ехать. Старынкевич поехал отсюда в день моего приезда. Но слышно, что остался в Мангейме — видно там ему понравилось. Я просил его к тебе взъехать. Но есть ли он приедет в январе, то, вероятно, тебя не будет уже в Париже.

Что касается до часов, то скажу тебе следующее. Раль, бывши здесь, уверил меня, что у него в Висбадене есть часы, стоящие ему 400 франков. Я просил его мне их продать. Он согласился прислать мне их сюда. Но перед отъездом, видя, что у него мало денег, просил меня ему дать 17 George d'or, обещая на другой день прислать и деньги и часы для выбора любова. — Я дал ему деньги и на другой день получил часы, но без денег. Он извиняется, что не прислал последних, и просит меня, есть ли часы мне не понравятся, писать о возвращении моих денег к нему в Лондон. Часы, хотя, кажется, и верно идут, но по уверению мастеров стоят не более половины сей суммы. Потому я и писал к нему вчера в Амстердам. Есть ли ты его увидишь, то можешь на всякой случай для себя взять у него 17 George d'or, а часы я отдам тогда здесь Бетману для отдачи Ралю, когда он сюда приедет. Тогда я куплю себе здесь другие не дороже. Что касается до 100 черв[онцев], то оставь их для себя. Я расчел, что я, считая 250 дорожных, данных мне Александром на путешествие последнее, у меня остается еще около 25 или 30 G[eorge]d'or чистогану. Итак, ты видишь, что я не имею нужды в деньгах. Перед отъездом моим отсюда, может быть, я пошлю к тебе еще 500 фр[анков], кои надеюсь выручить за лошадь. А в П[етер]бурге возьму с Перовского должные им тобой 750. — Здесь мне жить не скучно. Но не могу привыкнуть обедать в час. Анштет давал третьего дня, день рождения нашего императора, обед для русских. Тут был и Stein. Анштет хорошо дает министерские обеды и очень ласков со всеми. Stein очень весел. Не знаю, чему рад. Пиши ко мне чаще из Maubeuge. Я думаю, что и это письмо не застанет уже тебя в Париже. Я просил Старынкевича сказать тебе, что я не получил ни шапку ни 7 часть de Censeur. Справлюсь в канцелярии

у коменданта, проезжал ли этот уланской офицер Вильдермет здесь. — Есть ли будут лишние деньги, то покупай книги.

Прости

Весь твой

Н. Тургенев.

48

Франкфурт $\frac{15}{27}$ декабря 1815.*)

Вчера получил я письмо твое от 6/18 вместе с письмами Алопеуса и Мериана, что касается до твоего предчувствия, то не верь ему. Я такое же предчувствие имел года за четыре, писал о нем к брату Ал[ександру] Ив[ановичу]; но, как ты видишь, оно не случилось. Я писал к тебе третьего дня, что здешние мои дела идут плохо, ибо мои товарищи, пруссак и австриец, не получили еще полномочий от своих правительств относительно нашей комиссии. Я писал об этом в Берлин. Австриец писал в Вену.

Пожалуй хлопочи сколько можешь у Жерве, чтобы фр[анцузская] кор[олевская] комиссия взяла на себя заплатить по сделанной ассигнации графом Нессельродом.

Не приехал ли Сушков в Париж?

В газетах пишут о побеге Лавалета. Здесь думают, что правительство попустило его на это предприятие.

Я здесь живу хотя и не скучно, но очень желаю ехать отсюда в П[етер]бург, в особенности узнав, что Новосильцев опять в делах и сделан или будет еще сделан министром просвещения. Этому я потому рад, что вижу намерение правительства опять заниматься с пользою внутренними делами.

От брата все не имею писем из П[етер]бурга.

D[er] Bundestag еще не начинался. Спорят еще о Territorial Ausgleichungen.¹ Я писал к тебе, что часы я уже купил. И так ты можешь на деньги лишние купить книги.

Прости, пиши, брат, чаще.

Будь здоров и весел.

Весь твой

Н. Тургенев.

*) Архив, № 382, лл. 40—41.

[25 декабря] 1816. *)
6 января

Поздравляю тебя с нашим рождеством.

Брошюру Ганиля я получил вместе с твоим письмом от вашего фельдгегера. Спасибо за политические новости. Пожалуй, брат, чаще пиши о политике. В тот день, как твое письмо получил, здесь чорт знает чего о Париже не говорили. Не будет ли чего напечатано о теперешней оппозиции правительству?¹ Пришли. Прошу, есть ли можно, прислать мне две означенные вверх брошюры, упоминаемые в Ганилевой книжке.

Н[иколай] Ал[ександрович] Старынкевич, я думаю, уже в Париже. Поклонись ему от меня. Спроси у него: осведомился ли он там у гр[афа] Воронцова о М[ихаиле] Анд[реевиче] Габбе, которой просил его узнать: может ли граф оставить его при себе, не дождавшись на то позволения из Петербурга или из армии **) Габбе уже просил. Есть ли ты с своей стороны можешь тут что-нибудь сделать, то сделай: ибо Габбе прекрасный малой. Он желает остаться зиму во Франции, дабы летом ехать на воды лечиться. Впрочем Н[иколай] Ал[ександрович] все это знает. Понудь исполнить прозьбу Габбе.

Я получил недавно несколько параграфов из учреждений Тугендбунда.² Но совсем незначущие, кроме того, что одно из учреждений состоит в том, что члены сего союза не должны знать друг о друге. Я пришлю тебе копию, которую прочтя сообщи Орлову. Брошюр никаких нет, кроме тех, кои повез к вам Н[иколай] Ал[ександрович] Стар[ынкевич]. С вашим фельдгегерем писал я в П[етербург]. Хорошо, что П. Григ.***) отдал имение дочери.

Прости.

Весь твой

Н. Тургенев.

Адрес: A Monsieur Monsieur S. de Tourgueneff, Conseiller aulique de S. M. l'Empereur de toutes les Russies et chevalier. Paris, à remettre chez le Commandant Russe. Place Vendôme, № 22.

*) *Архив, № 382, лл. 44—45. Вверху письма приписка; 1. Opinions préliminaires sur les Finances par M. le Duc de Gaëte. 2. Quelques mots de consolation aux créanciers de l'État (par M. Bricogne).*

**) *Вывран клочок бумаги.*

***) ?

[27 декабря] 1816.*
8 янв.

Вот, брат, какое письмо получил от бр[ата] Ал[ександра] Ив[ановича]. Оно меня так поразило, что я право вчера по-вечеру был не при своем уме. Неприятность ли самого происшествия или предчувствие более ужасного причиною этому — не знаю. Скажу тебе только, что я не мог собрать мыслей, не мог владеть размышлением. Теперь духом спокойнее, но недоумение все также велико, и положение брата тяжело давит мое сердце. Двадцать раз спрашивал я у себя: что делать? — но никакого ответа себе дать не могу. Есть ли он уверен был в своем щастии, почему он не решился быть щастливым? Есть ли одно имение тому причиною, и есть ли он думал, что ему довольно было б всего его и нашего имения, есть ли он это думал и не решился быть щастливым, то это умножает мое огорчение и мою досаду. — Неужели он мог усумниться, что вместо неприятности он бы доставил нам истинное наслаждение, ибо способствовать к щастию других лучше, чем самому быть щастливым. Неужели эта одна мысль была причиною его нерешимости? Не могу думать. Но что значит этот скорый отказ? В воскресенье она была еще на все согласна. Во вторник все переменяла. — Что значат эти ложные и истинные причины, о кот[орых] брат говорит? Может ли страсть, чистая и истинная, иметь столь скорый перелом? — Но как бы то ни было, письмо его доказывает, что его положение весьма трудно и даже ужасно.

Лишиться предмета, к которому он стремился всеми чувствами, всею жизнью, — и не иметь и не предвидеть другой цели в жизни — тяжело и составляет истинное нещастие. Между тем я не знаю, что писать к нему. Хочу однакоже дать ему почувствовать, что есть ли мог быть хотя дальнею причиною его нерешимости, то такое его о нас мнение еще более меня огорчает и еще более заставляет сожалеть о его неудаче. — Утешения были бы для него излишни. Однакоже я погожу писать к нему. Письмо его ты можешь сохранить у себя, ибо я снял с него копию. — Предчувствия меня устрашают.

*) *Архив, № 382, л. 46.*

— Все заставляет меня желать как можно скорее ехать в Петербург. Есть ли дел здесь нельзя будет кончить до 1/2 февраля, то я к 1 марта надеюсь отсюда уехать. Прости. И пиши ко мне, что ты думаешь о брате и о его письме.¹

Н. Тургенев.

51

$\frac{[13]}{25}$ января 1816. Фр[анк]ф[урт]. *)

Я получил письмо твое от 2/14 января. Я также как и ты ничего более не получал от брата о его делах, кроме посланного к тебе письма. Не знаю, что он теперь делает.

Между тем поскрипт твоего письма для меня тем более неясен, что мне сказывал П[етр] Ал[ександрович] Стар[ынкевич] то, что пишут о брате из Петербурга сегодня. Пожалуй, брат, сообщи мне, что знаешь о его начальнике.— Вчера читал я в гамбургских газетах, что иезуитам было приказано в 24 часа выехать из Петербурга за то-де, что они начали обращать некоторых знатных в католическую религию.¹ Неужели кн[язь] Голицын был на этот случай русским Помбалем?

— В газетах же читал, в п[етер]бургских, что **) Ив[ан] Ал[ександрович] Стар[ынкевич] приехал в П[етер]бург. Что делает Н[иколай] Ал[ександрович]? Мы только от приехавших о нем слышали. Габбе к нему несколько раз писал, но не имеет ответа.

Ты, я думаю, знаешь, что прусское прав[ительств]во вздумало крепко ополчиться против Тугендбунда, или лучше сказать против тех, которые начали учиться свободно и благородно думать и писать.² Каким карлом кажется мне это правительство, вступающее в неровную битву с великаном, т. е. с Geist der Zeit.³ Хотя это выражение теперь и смешно, но вещь всегда остается сериозною. Между тем Rheinischer Merkur⁴ запрещен. Я от Мериана почти каждый день получаю письма. Мы сообщаем взаимно наше негодование против врагов книгопечатания, против напитанных хамским духом. Здесь Опель чуть-чуть недавно не лопнул, говоря о прусской славе.

*) Архив, № 382, лл. 49—50.

**) Зачеркнуто брат.

Из газет видно, что в Мобеже⁵ жить очень плохо, что даже бутылки вина нельзя достать. Каково будет нашим бедным солдатам, привыкшим в Нанси и других городах к порядочному содержанию?⁶

Есть ли есть интересные брошюры, в особенности по финансам, то пришли. А я послал к Мериану несколько немецких, позабыв написать, чтобы он по прочтении отослал их к тебе. Он пишет, что от Сушкова не имеет никаких известий. Идут ли дела его? Что думают в Париже о Вильсоне? Он много дурачился в жизни своей.

Мои здешние дела идут весьма плохо.

Пруссаки по сию пору не назначают комиссара. Австрийцы, по ошибке, дали своему полномочие только на один из щетов, а не на все.

Я написал для Матушки мой портрет, по ее желанию. Похож, но работа не очень хороша, хотя и дорога. Я хочу здесь на фабрике в Ганау купить для Матушки золотую табакерку. Но не знаю, вставить ли в нее портрет, или нет. Розен все еще здесь. Глаз его очень был опасен. Но теперь лучше, и он выходит. Мы всякой день у него. Анштет все болен. Воронцов начал учиться и, говорят, очень прилежно. — О конгрессе и позабыли уже думать. Баварцы очень бранятся с австрийцами.⁷ Теперь, думаю, многие из важных особ сожалеют, что не следовали советам Штейна после Лейпцигской баталии. В одной из брошюр немецких, или лучше сказать баварских, говорится, что есть ли все державы ополчатся против Баварии, то сия взбунтует всю Германию. Бедные немцы! Нет даже для них пристани, где бы несчастные патриоты могли отдохнуть от бури, волнующей их берега. Прости.

Весь твой

Н. Тургенев.

52

$\frac{23 \text{ января}}{5 \text{ февраля}}$ [1816 г.] Фр[анк]фурт. *)

Третьего дня получил я письмо твое от 13/25 янв. и вчера от 17/29 вместе с Матушкиными.

*) *Архив, № 382, лл. 47—48.*

Братнино письмо ты бы мог оставить у себя, ибо я писал тебе, что имею с него копию. Матушкино письмо при сем возвращаю.....*) он не пишет. В течение 7 месяцев получил я от него два письма. В особенности теперь он может себе вообразить, сколько нам необходимо знать что-нибудь обстоятельного о его теперешнем положении. Сие молчание заставляет меня думать, что он начинает забывать о своем горе.

Твои два последние письма очень невелики. А ты бы не ошибся, есть ли бы что-нибудь написал о политических делах. Всякой день здесь надобно говорить об этом.

Розен и вместе с ним Габбе поехали в Бамберг. Посему мне Франкфурт сделался пустынею. Я привык с ними проводить целые дни, а теперь редуцирован единственно на одну мою комнату и на беседу с самим собою. Это положение делает меня опять скучным. Дела никакова по ликвидации не имею, ибо нет еще комиссаров. Слышу однакоже, что прусский чиновник Гегман, бывший здесь, опять сюда едет, и думаю, что он будет и комиссаром.

Что делает Николай Алекс[андрович]? Долго ли он намерен пробыть в Париже? Габбе поручил мне уведомить его о своем отъезде. Очень бы он одолжил нас всех уведомлением о себе. — Я списал мой портрет для Матушки. Хочу вставить в табакерку, как она желает. — Напиши о своем житье в Мобеже. — О Сушкове и Анне П[етровне] ты также ни слова не пишешь. Что они в Париже делают? Есть ли какие-нибудь надежды, что Жерве заплатит Мериану?

— Получает ли Сушков жалованье?

Присылай, брат, брошюры. Я думаю из Парижа можно было бы их переслать с дилижансом. Я просил Мериана переслать к тебе несколько брошюр, кот[орые] я к нему послал. — Третьего дня проежжал здесь Алексей Орлов, но я его не видал. Михайло Фед[орович], говорят, очень болен. Я об этом сердечно сожалелю.

Вся Германия занимается теперь ссорю Австрии с Бавариєю. О здешнем сейме позабывают думать. Наш мин[истр] Анштет все болен, также как и жена его. Гр[аф] Воронцов учится истории и, говорят, очень прилежно и охотно. Vaut mieux tard que jamais. Прости. Пиши пожалуй чаще и более. — Я написал

*) Здесь идет пять с лишним строчек совершенно зачеркнутых.

письмо к Матушке и брату. Брату сделал я предложение прислать для корпуса графа Воронцова несколько тысяч или сот экземпляров Библии и даже русских книг для чтения офицерам. Это лучше, чем продавать их пудами из Академии Наук.¹ Прости.

Весь твой

Н. Тургенев.

53

Фр[анк]ф[урт] $\frac{\text{января } 24}{\text{февраля } 6}$ [1816 г.] *)

Третьего дня получил я письмо твое от 11/23 февраля. Я думаю, ты напрасно толкуешь письмо П[етра] П[етровича] в столь дурную сторону. Я думаю, что и он не серьезно писал его, а воображал только, что оно весьма остро, и не мог отказать от удовольствия острить по своему. Из П[етер]бурга я не получал писем. Гагарин, несмотря на свою грубую ветренность, лучше для меня многих строгих судей эгоистов, кои присваивают себе право судить о том, чего сами не делали, но не делали, может быть, потому что не были в искушении. Но разтолкуй мне, как ты страдаешь и для кого играл обожателя. Все между нами.

Здесь в Казино, единственном хранилище газет, не получают из Бельгии ничего, кроме l'Oracle de Bruxelles.¹ O Surveillant² и о Nain Jaune³ я слышал. Весьма одолжишь сообщением. Сушков к прочим блистательным своим качествам присоединяет и ветренность. Мериан, с коим я в непрерывной корреспонденции, серьезно на него сердит за неотвечание и за несказание спасибо. Так как я не понимаю твоего периода: „не сливать писем в середине“, то буду их складывать так, как твои; и притом печатать казенною печатью. Но кто может разпечатывать письма, если Поль сего не делает? Возврати усердный мой поклон Франку. Где Муравьев, бывший при графе В[оронцове]? Правда ли, что Мих[аил] Орлов очень, очень болен?

Здешний граф учится географии и истории у одного здешнего попа. Я его редко вижу. Впрочем, не вижу в нем и проку.

*) *Архив, № 382, л. 51.*

Над Орловым я совсем не шутил. Напротив того, я только что живу мыслию о будущем щастии России. Ничего выше сего блаженства не нахожу. Но надежда моя не ослабевает.

Здешние мои дела никак нейдут. Я писал в Вену и в Берлин (прямо к канцлеру), прося решительного да или нет; и ожидаюсь ответа. Видя, что таким образом я могу прожить здесь еще долго, и не имея серьезных занятий, я принялся третьего дня опять за мои налоги. Обрабатываю написанную мою книгу и делаю ее более способною к печати. С утра беспрестанно пишу до обеда. После обеда с $\frac{1}{2}$ 4-го до 6 или 7 часов. Потом иду в Казино читать газеты, или в театр. В 10-м прихожу домой, т. е. в Röm[ischer] Kauser ужинать; барон, по обыкновению, врет. Я слушаю. Толкую с немцами; и в 12 часов ложусь спать. Вот мой образ жизни.

Сообщи свой. Прости. Кончив теперь занятия по налогам, на сегодня иду в Casino.

Весь твой

Н. Тургенев.

Адрес: A Monsieur Monsieur S. de Tourgueneff, Conseiller de Cour et chevalier, attaché à S. E. Monsieur le comte Woronzoff, Commandant en chef d'armée à Maubeuge. Service Imp. Russe.

54

Франкфурт $\frac{[1]}{13}$ февр. [1816 г.]*)

Вчера получил первое письмо твое из Мобежа от 4 фев[аля]. О Помбале я слухам не могу верить. Приближение его ко двору подает повод злонамеренным или никак не намеренным людям хулить его. Впрочем, хотя он, кажется, честной и благородной человек, но варвар. Хамство же, всем варварам более или менее свойственное, может увлечь его к непозволительным поступкам. Мне Стар[ынкевич] говорил, что в сем случае какой-то доброй человек писал сюда к своему приятелю и А[лександр]у И[вановичу], что будто он, под видом

*) Архив, № 382, лл. 53—54.

рассеянности и равнодушия ко всему, соответствует приписываемому Помбалу занятию. Стар[ынкевич] гов[орил] мне, что он уведомил о сем брата. Но брат в письме своем ко мне пишет, что ничего от Стар[ынкевича] не получал и просит меня сказать ему, о чем дело идет, что я и сделал. Впрочем такая клевета совсем не опасна, ибо опровергается собственною нелепостию.

Ты увидишь из прилагаемых писем брата, что на его щет можно быть почти покойным. Последний его поступок отличается твердостью и благородством духа. Я начинаю по сему думать, что он через 10 лет — известная тебе эпоха — может быть нам, т. е. нам, *) полезен!!!¹ Есть ли не понимаешь, то вспомни о Мих[аиле] Орл[ове] и о хамстве. Он, бр[ат], пишет мне о иезуитах, но неясно. Однакоже можно из слов его заключить, что он содействовал к их изгнанию. — Посылок твоих, посланных с Адабашевым, не нашлось при открытии ящиков, князю Репнину принадлежащих. Были ли в них твои посылки при отправлении из Дрездена? Адабашев здесь мне сказывал, что твои посылки привезены им в Россию. Впрочем, ему верить нельзя. Он давно уже отсюда уехал.

Портрет мой я уже имею, и похожий. Здесь нельзя достать хороших табакерок иначе как по заказу и то только золотых, стоящих около или и вполне 50 черв. По сию пору я не могу располагать деньгами, ибо не знаю, долго ли здесь пробуду. Прусской комиссар по сию пору еще не приехал Австрийский же не получил еще своих полномочий. Я писал к брату, чтобы он сказал гр[афу] Нессельроду, что есть ли и того и другого не будет здесь к половине февраля, то я отсюда уеду. Но гр[аф] Нессельроде велел мне написать, чтобы я непременно дожидался здесь того и другого, и чтобы окончил дела, мне порученные. Посему я думаю, что и письмо мое к гр[афу] Нессельроде, писанное о сем на прошедшей неделе, не будет иметь никакого действия. Жалованье же обещают мне ассигновать. Штейн не в прусской службе; и весьма был, кажется, не доволен за орла. Очень большой партизан пруссаков.

Пиши более о житье в Мобеже. Розен, а вместе с ним и Габбе, поехали в Бамберг.

Надолго ли Стар[ынкевич] остался в Париже?

Получает ли Сушков жалованье?

*) Так в подлиннике.

Здесьшний конгресс ничего не делает. Недавно баденского посланника принудили вытти с Казино-бала, зато, что пришел в шиблетах. Министры за это вступились. Неучтивый директор сложил с себя сие звание, а прочие извинились перед посланником.

Анштет все болен. Теперь ему лучше. Я у него иногда бываю. Гр[аф] Воронцов учится теперь географии и истории. Как будто за прилежание, получил он вчера 3-ю Владим[ира]. Но сие награждение, как говорится, за его труды в Париже, по представлению Carpodistria. Я здесь теперь довольно скучно живу; занятый по службе нет. Читаю много газет. Прошу сообщать мне политические известия.

О смерти Коцебу и здесь было слышно; но вероятно несправедливо; ибо было бы во всех газетах. Здесь ходит пророк, мельник из окрестностей Гейдельберга, и гов[орит], что N[аполеон] опять придет во Фр[анцию] и что будет сильная война б лет. После чего будет мир 1000 лет.² Также и известные развалины Rotenstein, где находится сова или Geist, предзнаменуют войну. Этот Geist шумит обыкновенно перед войной и улетает из развалин. И то и другое, по слухам, случилось.

Что твои обещанные брошюры — в Геттингене студенты взяли приступом Дидрихово книгохранилище, взяли оттуда сочинение проф[ессора] Dabelow (о котором Гуго говорит: Herr Dabulow mit ow или owos). Сожгли эту книгу, и даже написали много обид проф[ессору]. В книге, иные говорят, было что-то против студентов. А в газетах читал я, что там что-то против Deuschheit.

Прости. Пиши чаще. Твой весь

Н. Тургенев.

55

$\frac{[2]}{14}$ февраля [1816 г.] Франкфурт. *)

Хотя я писал к тебе вчера, но забыл упомянуть о следующем: в корпусе гр[афа] Вор[онцова] есть полковник Лесовский,

*) *Архив, № 382, лл. 55—56.*

командующий драгунским полком в дивизии Алексеева. Сестра этого Лесовского, вдова общего нашего бывшего патрона статс-секретаря Вестмана, не имеет о брате своем никакого известия. Писала претчаянное письмо к находящемуся здесь секретарю нашего посольства Клостерману; а он обратился ко мне. Предо мной лежит письмо ее. Итак, брат, уведошь ты сего Лесовского об этом пожелании его сестры иметь от него известия.

Вчера опять получил письмо из П[етер]бурга, но от 30 ноября, от Матушки и от брата. И то и другое наполнены беспокойства на щет будущей, тогда предполагаемой судьбы брата. Теперь все кончилось. И мне конец более нравится, нежели начало.

Брат Ал[ександр] Ив[анович] пишет, что заплатил кн[язю] Гагарину 200 черв[онцев] золотом и просит поскорее тебя о сем уведомить, дабы он не заплатил банкиру. Я думаю, что это беспокойство излишнее.

Писем сих, за их старостию, не посылаю. Вместе с сим получил открытое письмо от П[етра] П[етровича] Тург[енева] к Сушкову и от Бабаниных. Все С[ушко]ва поздравляют с интендантством. Я посылаю это письмо для доставления С[ушко]ву к Мериану, кот[орый] впрочем жалуется, что, послав весьма много бумаг, весьма для них полезных, к Сушкову и Жерве, не имеет даже и слова от них ответа. — Жаль, что я тебе не могу сообщить дядюшкина письма. Однакоже вот выписка. „Сидя вместе в Петровском, празднуя Покрову, вздумали начертать к вам послание. Желаю интендантствовать поаккуратнее, нежели здесь, а то чтобы колпака не исправили. — Благодарю очень и премного Анну Петровну за бдительное смотрение и оставление брата в таком положении в Питере: видно не успели кинуть взора на реэстр белья и прочего, оставляемого Курвою Кузьминишною. — Благодарю сердечно, я о вас постараюсь наравне попещися. — Желаю вам успевать во всем, а я есмь ваш вернопоидный *) знакомец П. Т-в.“ Voilà un modèle du style épistolaire. Пиши чаще. Прости.

Весь твой Н. Тургенев.

*) Так в подлиннике.

8/20 февраля [1816 г.]. Фр[анк]фурт. *)

Сегодня получил я из Гильдесгейма книги, посланные тобою с Вильдерметом, и шапку. Он там сделался болен и просит тебя об этом уведомить. Письмо от 10 февр[аля]. Он пишет, что ему теперь лучше, и надеется продолжать путь свой через 8 или 10 дней. Много спасибо за Censeur VII¹ и за брошюры. Брошюра Duc de Gaëte пустая. Завтра начну читать другие. Шапка славная. Я все хожу здесь в старой шапке, находя, что она покойнее.

**) П[етербурга] ничего не получил после моих к тебе писем.

Пишу я и к Мериану. Посылаю к нему: Preussens Rheinische Mark, кот[орую] прошу, по прочтении, тебе доставить. Мы с ним в регулярной переписке. Он в письмах своих не щадит своего искусства в рисованьи. Он жалуется, что пославши к Жерве и Сушкову пропасть бумаг и писем, не получил от них не только что спасибо, но даже и уведомления о получении. Это весьма нехорошо, в особенности касательно Сушкова. Что этот Монтескье-Коцебу делает в Париже? На одной из расписок о получении от М[ериана] твоего долга он подписал: S[ouchkoff] président — можно сделать Klugblatt. ***)

Прусской комиссар еще не приехал. Я его дожидаясь. От тебя я уже с неделю не получал писем. Пожалуй пиши чаще и более о своем житье-бытье. В П[етербурге] вышел новый манифест, в коем сообщаются народу о последних происшествиях в Европе известия.³ Вспомнишь невольню Капнистову известную эпиграмму.

21. Неужели у вас не получают русских газет и журналов? Здесь есть все: Сенатские ли, или Северная Почта. Есть ли Вам этого нельзя сделать через Брюссель, то можно бы прямо в П[етер]бург написать.

— Есть ли опять будешь в Париже, то пожалуйста не забывай финансовые брошюры и покупай их. Поищи Forbonnois. В Париже верно эта книга есть in 4° в нескольких томах. Также бы и Mémoires de Sully надо иметь. У нас, сколько

*) Архив, № 382, лл. 57—58.

**) Вырван кусок бумаги.

***) Здесь в подлиннике нарисован трилистник с надписями: S[ouchkoff], Kotzebu, Mont[esquieu].

я помню, их нет. В Москве, кажется, у нас была сия книга, но сгорела. Имберг, как брат пишет, приехал в П[етер]бург. Перовский хочет знать о своем Мальтийском кресте.

Прости. Спешу теперь итти к Штейну, чтобы поговорить о делах нашей комиссии.

Весь твой

Н. Тургенев.

Брат пишет, что определение мое в пом[ощники] ст[атс]-секретаря] имеет трудности. У Аракч[еева], презид[ента] Комитета мин[истров] заготовили указ об определении меня просто в канцелярию Совета. Я просил брата возпрепятствовать такому определению, тем более, что через оное лишаюсь я места при Министерстве финансов, где я всего скорее могу служить.³ В П[ете]рб[ур]ге каждый день выходят, пишет брат, ограничения выгод старших чиновников.

Не тем надобно теперь заниматься.

57

[14]/26 фев[раля] Фр[анк]ф[урт] [1816 г.]*)

Посылаю к тебе полученное мною вчера письмо от брата. Перемещение мое мне весьма не нравится.¹

Есть ли ты получаешь мои письма разпечатанными, то это верно делает скотина Поль. Пусть он это прочтет, если не воздержится от глупого и бесчестного своего любопытства. — Мериан получает мои письма в порядке. А это давно водится за Подем. Итак, скажи ему, чтобы он не дурачился. Некому и негде разпечатывать, кроме его. — Что прежде можно было здесь достать, а тур[ецкого] табаку никогда. Здесь продает один т[ак] и[азываемый] турка, но не турецкой табак, а простой и очень плохой. После пришлю тебе письмо братнино, с коего у меня копия. Слухи из П[етер]бурга очень неприятные и расстраивают надежды патриотов. Вчера проежжал здесь Пл[атон] Вас[ильевич] Ханыков, едущий чрез Брюссель в Лондон.

Прости.

Н. Т.

Адрес: A Monsieur Monsieur S. de Tourgueneff, Attaché à S. E. Monsieur le comte Woronzoff, Commandant en chef du Corps d'armée Russe. Maubeuge. Service Impériale Russe.

*) *Архив*, № 382, л. 59.

$\frac{[3]}{15}$ марта. Франкфурт [1816 г.]*)

Уже дня с три тому назад, как я получил твой пакет с письмами, посланный от 5-го марта. Причина**), что по сие время я не отвечал, состоит в моих занятиях. Видя, что дела моей комиссии не подвигаются, я решился воспользоваться свободным временем с приятностию и с пользою. Ты знаешь мой фолиант о налогах. В нем было много неисправностей и беспорядка. Я вздумал его переделать и 4-го марта крепко присел за работу, по-геттингенски. По прочтении каждой главы в фолианте, я ее обдумывал и писал снова. Продолжая таким образом каждое утро, после обеда и почти каждый вечер, я отделал 1-ю часть фолианта, кончив оную сию минуту. Отделка такова, что сию 1-ю часть можно прямо печатать. Для большей осторожности, я всегда при работе думал о напечатании**) опуса.

Есть только места, которые цензоры могут найти неудобными к печати. Сия первая часть состоит из 240 страниц — кажется довольно в 10 дней. Когда я видел, что мне надо здесь оставаться, вопреки моему желанию, я вспоминал, что часто неудачи на что-нибудь годятся. Никогда сие мнение не подтверждалось так скоро и так приятно, как теперь. Неудача заставила меня работать, и я доволен и неудачею и работою.¹ Между тем австрийский комиссар получил все нужные полномочия для окончания со мною дел. Между тем и пруссак пишет из Берлина, что получит полномочия и приедет на будущей неделе. Все это сделало меня на некоторое время похожим на Панглоса (в лице коего Вольтер хотел представить Руссо), и я часто восклицал: Все к лучшему! Но надобно для подтверждения сего восклицания погодить: какой успех будет иметь фолиант по напечатании.

Аракчеев — президент Комитета министров за болезнью князя Салтыкова. Молчанов уволен. Марченко исправляет его должность в комитете. Г[енерал] м[айор] Кикин сделан статс-секретарем и д[ействительным] с[татским] с[оветником] при прошениях. Мейер, бывший поставщиком полотна, или **)

*) *Архив, № 382, лл. 61—62.*

**) *Кусок бумаги вырван.*

в Нанси, из Берлина был рекомендован графом Нессельродом; и хотел в Париже взяться за поставки вместе с Маеровичем.

Из П[етер]бурга ничего я не получил.

Стих Карамзина меня огорчил: Паду, лью слезы и молюсь. Я ожидал совсем противоположного. Кому же остается говорить достойным образом, есть ли Карамзин, есть ли наш историк говорит такую пустую и рабскую лесть. Я решился не посылать за это к нему моего опуса, есть ли оный напечатается... Так как он не пэет, то такая лесть тем непростительнее. Благородный Жуковский льстит гораздо лучше, достойнее хвалимого, достойнее поэзии, достойней поэта. Петербургские новости и меня не оживляют. О Сперанском и я теперь несравненно лучшего мнения — ему экземпляр!

Почему Василий Степанович вздумал, что я в Австрии? Неужели в Москве и теперь еще география terra incognita?

Старец Эверс точно тот, о котором говорит Шлецер. Но я слышал, что он человек ученый и добрый.

Каково тебе кажется письмо маленького филистрика Сиверса? Каково тебе кажется Данилевский? Вечно врет пустое.

Перемещение из Канцелярии министра финансов в ту Совета (dans celle du Conseil для сокращения) мне более нежели не нравится.

На чем основывается статья в l'Оracle о поездке государя в чужие край? Напиши, что о сем знаешь. — Здесь, напротив того, читал я в газетах, что государь поедет во внутренние губернии. — Сухари в Опенгейме давно уже проданы. — Посылаю к тебе письмо для Энгельбаха.

Можно было бы переслать ближе через Мериана; но советно его просить делать услуги тем людям, которыми он, по справедливости, недоволен. К нему я также сегодня пишу. Также и в П[етер]бург напишу брату о присылке мне той 1000, о которой ты пишешь; ибо есть ли мне Нессельрод не пришлет денег, то я должен отсюда выехать, оставив здесь гульденов 600 или 800 долгу (каждый месяц стоит 300). Но признаюсь, что я неохотно к брату пишу об этом, ибо я его просил однажды о присылке мне моего жалованья, не зная еще об определении моем в России; но он не исполнил моей просьбы.

Я недавно купил здесь: Say De l'Angleterre et des Anglais и Cathéchisme d'Econ[omie] Politique.

Первой еще не читал. Есть ли можно то пришли quelques brochures scandaleuses, как напр. Le Nain*) триколог² и т. п.

Прости. При теперешней погоде я ежду на моем нансийском буцефале верхом в окрестностях Франкфурта.

Никто его покупать не хочет.

Весь твой

Н. Т.

59

[6]
18 марта [1816 г.]**)

Недавно писал я к тебе и отвечал обстоятельно на твои письма. Теперь пишу затем, чтобы попросить тебя о доставлении мне тех Нумеров с Suppléments Монитера,¹ где дебаты о бюджете. Так же, есть ли что особо напечатается об этом, прошу мне доставить. По газетам вижу, что много выходит брошюр по финансам. Пожалуй пришли кои замечательны, например de Maçon² о кредите; ее хвалят в газетах. Пришли мне ее. Не забудь также бельгских журналов, о которых ты писал. Я здесь хочу достать Рейнского Меркурия.

Мои занятия по комиссии я начал с австрийцем. Пруссака еще нет. По налогам моим продолжаю заниматься — дебаты о бюджете мне могут пригодиться.

Прости.

Весь твой

Н. Тургенев.

Пожалуй, не забудь Монитера и финансовые брошюры. Третьего дня я писал к Матушке и брату по почте. Просил его о присылке моего п[етербургского] жалованья.

Адрес: A Monsieur Monsieur de Tourgouneff, attaché à S. E. Monsieur le Comte Woronzoff, Commandant en chef du corps d'armée russe en France, à Maubeuge.

*) Вместо зачеркнутого Le Nain.

***) Архив, № 382, л. 63.

$\frac{[20 \text{ марта}]}{1 \text{ апреля}}$ 1816. Фр[анк]ф[урт].*)

Сегодня получил я письмо твое от 13/25 марта из Мобежа вместе с Nain Jaune и славою, бесславною для автора. Верно по ошибке отдали в Мобеже этот пакет на письменную почту, хотя на обороте написано r[a]r diligence: за это стоит пакет слишком 7 гульденов. За Nain Jaune премного благодарен. Я недавно по случаю купил D[er] Rheinischer Merkur с начала 1815 года до окончания его в феврале 1816. Так как Меркурий этот теперь редкость, то я не посылаю его тебе **) а подожду твоего ответа: весь ли тебе год и **) нужен? Когда уведомишь, то пошлю в Мопс на имя Поля тотчас же. Следственно ты можешь быть покоен.

Дела мои идут. Пруссак приехал. Теперь занимаемся саксонскими щетами. Я русскую долю, т. е. которую Россия должна Саксонии заплатить, сбавил до 23 000 талеров. — Кажется, можно быть довольным: кроме саксонских есть другие дела, но все надеюсь кончить к концу апреля или к началу мая. Дело состоит только в том, что не будет денег для ответа. Я писал к Нессельроду о присылке мне денег, просил и брата о деньгах же. Но ответа еще не имею и не могу иметь. Так как из Мобежа можно ответ иметь в две недели, то я, в случае нужды, воспользуюсь твоим предложением 1000 фр[анков].

Какой вздор эти стихи Карамзина! Следующие два стиха:

„В правленьях новое опасно,
А безначалие ужасно.“

мог бы только Хвостов написать. Впрочем Па ду лью — не в том смысле, в каком ты писал.

Брозин, вероятно, пустяки говорит; ибо я слышал, да и Сиверс мне писал, что Данилевский имеет человек 20 под командою и много дела.

Письмо от тебя из Парижа я получил; а брошюр нет. Те ли это, что ты послал через Мериана? Он пишет, что он мне их пришлет, но еще не присылал. От Старынкевича тоже ничего

*) *Архив, № 382, лл. 65—66.*

**) *Одно слово заклеено.*

не получил. — Лучше, для верности, познакомиться как в Париже, так и в Мобеже с каким-нибудь банкиром и через него пересылать сюди в Römischer Kayser.

Желаю успеха и счастья в твоих занятиях. Пригодились ли тебе в сем случае твои занятия в Геттингене по юриспруденции?

Сегодня явился ко мне Томашевский. Доехал до Маннгейма с гр[афом] Люксембургом, которой теперь здесь и был два раза у меня. Он обещал Том[ашевскому] в Мобеже довести до России, но в Маннгейме, по словам Том[ашевского], отказался от сего. Не знаю, что с дураком сумасшедшим делать. Он намерен адресоваться к Анштету. — Я просил тебя о доставлении мне Монитера, тех нумеров, где напечатаны прения депутатов о бюджете. Пожалуй, напиши об этом в Париж, есть ли нельзя иметь их в Мобеже.

О путешествии государя в Москву и в П[етер]бурге слышно. — Есть ли лучше Орлову, и может ли он вылечиться? Что делает Старынкевич?

Catéchisme и De l'Angleterre я уже здесь купил. Последняя прекрасная книжка. Я с ген[ералом] Гурьевым получил от брата: Голос Мордвинова, устав о молебне 25 декабря и смесь из сочинений Жуковского. Есть ли у тебя их нет, то я пришлю.

Увраж мой о налогах я еще раз кончил. Есть ли решусь в П[етер]бурге его напечатать, то нужно будет кой-что прибавить и кой-что выпустить.

Не знаешь ли ты: была ли какая-нибудь надежда для Мериана получить деньги от Жерве, за которыми я в Париж ездил? Что Сушков? Я слышал, что в ликвидации французы требуют с нас миллионов с 20. — Дело невозможное и для меня непостижимое. Я боюсь за наши финансы, когда подумаю о членах ликвидационной комиссии в Париже.

Прости.

Уведомь: платишь ли ты за мои письма? Я по сию пору за отсылаемые не платил. В числе 23 000 тал[еров] на русскую долю заключаются 8000, должные кн[язем] Репниным, и 6000, кот[орые] даны были Балашевым, и сии возвращены Репнину. Еще [не] знаю, как отклонить сей платеж от князя Р[епнина], но постараюсь.

Прежде отчета о сем однако же его уведомлю.

[26 марта] 1816. Фр[анк]фурт. *)
7 апреля

Здесь слышал я, что Лагарп публиковал корреспонденцию его с государем. Не могу сему верить, тем более, что слышал от человека невероятного. Есть ли однако же правда, то пожалуй достань эту книгу и мне пришли. Вчера купил я здесь de Pradt Sur l'Espagne и Тестамент королевы facsimile.¹ Здесь проежал Ожаровский и Зыбин в Брюссель. Все, что слышно из П[етер]бурга, неутешительно. Министры, как говорят, докладывают Аракчееву. Abstraktisch от прочего это хорошо. Не забудь также, брат, Монитера. Да не найдешь ли ты в Париже или где следующей книги. Мангеймский книгопродавец Fontaine давно уже имеет комиссию от меня ее выписать; но по сию пору нет ответа. Прочее все он достает, только весьма долго: Mémoires de Mr Brunn Neergard sur la servitude et l'affranchissement des paysans Danois. Третьего дня купил я также журнал, издаваемый Арндтом der Wächter.² Купил его потому что, читая его в Казино, нашел разительное сходство в некоторых мыслях автора с моими собственными и потому что умно говорит о России и хвалит государя за добро, сделанное им Германии.

Не имеешь ли ты какого-нибудь ответа от Лесовского, брата Mme Westmann? Сюда ожидают теперь Екатерину Павловну с ее мужем. Анштет, как слышно, даст бал. Но он все еще не здоров, а жена и очень больна.

Для Томашевского собрали мы здесь 18 червонцев и хотим с дилижансом отправить по дороге в Варшаву.

Государь, как говорят, поедет в Варшаву. Здесь с третьего дня сделалась прекрасная погода. Дела мои идут. Завтра, надеюсь, подпишем протокол о Саксонии. В таком случае уведомлю об этом Нессельроде и думаю написать также и князю Туловищу. На его счет приходит около 15 000 талеров. Не могу придумать, как бы эту сумму справедливо уменьшить можно было. Из П[етер]бурга писем не получал. — Читал ли ты о Мериановой иллюминации в Нанси? Но что он не шлет мне брошюр?

Прости. Весь твой — Н. Тургенев.

*) *Архив*, № 382, лл. 69—70.

За Nain Jaune я заплатил на почте не семь, но осемь гульден, основываясь на том, что на пакете написано par Diligence. Посылаю к тебе братнины письма, также и Матушкино. Я уже отвечал на них и пошлю письма завтра или послезавтра. Брат обещает мне прислать 1000. Так как этого мало, то я прошу тебя прислать 1000 фр[анков], о коих ты писал. Но пожалуй пришли только в таком случае, когда можешь это сделать без расстройств для себя. В таком случае можешь прислать вексель, но только не на Бетмана, а на кого-нибудь другого; ибо Бетман дорого берет за провизию. Еще лучше бы написать вексель на червонцы. Есть ли я получу из П[етер]бурга более, то пришлю тебе 1000 ф[ранков] назад. Во всяком же случае пришлю из П[етер]бурга, тем более, что Матушка предлагает нам денег. Я признаюсь, что не понимаю: почему брату, как видно, трудно прислать и 1000.

Адрес: A Monsieur Monsieur de Tourgueneff, attaché à S. E. Monsieur le Comte de Woronzoff, Commandant en chef du corps d'armée russe, faisant partie de l'armée d'occupation en France, à Maubeuge.

62

$\frac{[11]}{23}$ апреля [1816 г.] Фр[анк]ф[урт].*)

Спешу тебе сказать, чтобы ты поиздержал присланные мне 1000 фр[анков]. Они мне будут, вероятно, не нужны. Вчера получил я от гр[афа] Нессельрода письмо, в коем он уведомляет меня, что по повелению государя определено мне жалованья по 200 с курсом в месяц, и что он извещает меня о сем прежде, нежели разпоряжение касательно сего сделано.¹ И так, думая, что я скоро получу эти деньги, мне не нужно ничего более. Для Матушки сделаю, наконец, золотую табакерку. На дорогу же у меня довольно останется из выданных в Нанси 2000 тал[еров], тем более, что новое жалованье определено с 1-го февраля. Спасибо гр[афу] Нессельроде, право спасибо. Кабы он не согласился быть моим начальником теперь, то я бы был совершенно

*) *Архив, № 382, л. 71.*

не зависим — но такая независимость не может быть приятна. Дела наши идут. В мае кончим, и я поеду в Россию. Об отъезде тебя уведомлю.

Вчера получил я от Мериана 11-ть брошюр о финансах. Но ничего он мне не пишет. Спасибо тебе за брошюры. Сегодня или завтра пошлю с дилижансом в Мопс, на имя Поля, Рейнского Меркурия. О тарифе, Голос Мордвинова находится теперь у Анштета. Когда отдаст, то тебе пришлю. Я также имею Жуковского сочинения, след[овательно] их мне не присылай. Ансильонову брошюру достану и пришлю; но я ее читал в Казино — глупость и пустяки всякого рода составляют оную.

Не знаю, что нашел Ал[ександр] Ив[анович] превосходного в заключении Карамзина предисловия: нет ничего бес- смертного, кроме души. Говоря о России, он заговорил о душе, совершенно à propos de bottes. И это, гов[орит] бр[ат], есть единственное размышление автора во всем творении. Летописи говорят; но не худо, чтобы и историк думал и обнаруживал чаще свои мнения.

Каким образом ты находишься еще в деп[артаменте] имуществ? Это, я думаю, не следует. Как бы чего не вышло неприятного.

В здешнем Casino получается: Journal de Liège. В сем журнале бываюи выписки из Nain Jaune.⁴ След[овательно] сей последний продолжает еще выходить. Не худо, есть ли бы ты продолжал его собирать. Остроты тьма, но много и ложного.

В газетах пишут, что правое крыло армии занимательной, не intéressante, а d'occupation, перемещает квартиры или сделает движение. Русской корпус следственно. — Что Сушков? Векселя его в П[етер]б[урге], как видно, не принимаются за чистые деньги.

Здесь слышно от проежжающих русских, что государь поедет в мае в Москву, а в июне в Варшаву.

Нет ли какого известия о Лесовском, брате госпожи Westmann, о котором я к тебе писал. Я не понимаю, каким образом накопились и 9 мил[лионов], кои французское правительство щитать может на русском. Мериан ничего не пишет.

Я писал к тебе, что Томашевский был здесь. Мы ему собрали 18 черв[онцев]. Крейдемани занял для него место в дилижансе отсюда до Альтенбурга, и Том[ашевский], получив остальные деньги, должен был отправиться. Теперь ты слышал,

что он вместо Альтенбурга поехал в Висбаден и хочет там пользоваться водами. — Животное!

Здесь теперь ярмонка, и много шума на улицах.

— Дела между Австрии и Баварии окончены, и теперь начнутся здесь дела, касающиеся до Territorial-Ausgleichungen. Недавно читал я в Göttingsche Gelehrte Anzeigen рецензию книги Сея, посвященной государю. Рецензия, как по всему видно, писана Сарториусом.³

Мои налоги готовы и кажется годятся к печати; в особенности же могут быть теперь у нас кстати выданы в свет.

Прости.

Весь твой Н. Тургенев.

63

[¹⁷/₂₉] апреля [1816 г.]*)

Габбе просит меня попросить тебя о получении его жалованья. Он пишет между прочим, что старанием доктора Буткова отпущено из корпуса гр[афа] Вор[онцова] жалованье Пикулину и каждый франк сочтен ему в рубль асс[игнациями]. Деньги же пересланы ему через банкира, Габбе просит переслать его жалованье к Bassange в Дрездене. Подлинного аттестата не посылают, боюсь, что затеряется. Габбе полагает, что граф уже уведомлен о его отпуске через министерство военное. Также он просит тебя отправить к нему письма, адресованные на его имя в дежурстве вашего корпуса. Можно сие сделать и послать казенным кувертом на имя Розена. Вот все о Габбе. Пакет для рапорта ты сам можешь сделать, есть ли нужно. Получив деньги, можешь отдать банкиру, кот[орый] вычтет проценты за пересылку.

Третьего дня получил я письмо от Маеровича и уведомление от здешнего купца Бернара, что для меня присланы тобою тысяча фр[анков]. Весьма спасибо. Но жалею, что ты поторопился присылкою. Я уже писал к тебе, что мне определено жалованье, которое, как скоро буду получать, буду богат деньгами. Я просил Бернара удержать деньги у себя. И как скоро получу

*) *Архив, № 382, лл. 72—73.*

жалованье, то попрошу его отправить их к тому же банкиру в Париж, от которого получил.

Из П[етер]бурга я ничего не получал от Ал[ександра] Ивановича. Сегодня приходит почта. Может быть еще получу. Карамзин сделал ст[атским] сов[етником], кавалером Анны 1-й степ[ени] и дано 60 000 для напечатания его истории. Спасибо государю! Мои дела здесь идут, но не дойдут до конца прежде половины мая. После того я съезжу дня на два на Рейн и потом в Россию. Die Territorial-Ausgleichungen, для которых здесь собраны все посланники, начались.

Ансильона посылаю тебе завтра с дилижансом в Mops на имя Поля. Препакостная книжонка, я вчера не мог ее читать и бросил с досады. Заметь глупое, бессмысленное определение die Souv[eraine] Gewalt. И этот хам воспитывает королевских детей! Хорошо сравнение его с Лагарпом! С этим чистым благородным человеком! Я их видал вместе и всегда даже и хамская фигура Ансильона производила неприятное противоположение с открытою физиономиею Лагарпа.

Я купил здесь недавно Vignon о Etat financier, militaire etc. de l'Europe. Есть хорошие вещи, но много французского вздора. За твои брошюры примусь завтра, есть ли дела комиссии позволяют.

Мериан потерял терпение и написал письмо к государю прямо и хочет оное отправить, есть ли не получит скоро денег. Не знаю почему, однако он надеется сего получения теперь. Здесь проехала Татищева в П[етер]бург.

Прости.

Весь твой Н. Тургенев.

64

Фр[анк]ф[урт] $\frac{21 \text{ апр.}}{3 \text{ мая}}$ 1816.*)

Посылаю к тебе братнино письмо, полученное мною вчера. Прилагаемое же мое прошу доставить Н[иколаю] Ал[ександровичу] Старынкев[ичу]. Книжки Шатобриана, о кот[орых] ты писал, посылаются завтра с дилижансом в Mops на имя Поля.

*) Архив, № 382, лл. 67—68. В подлиннике дата: $\frac{20 \text{ апр.}}{3 \text{ мая}}$

Дела мои приходят к концу. В мае все кончится. Есть ли Нессельроде пришлет ассигновку на жалованье, в чем я не сомневаюсь, то я поеду в июне в П[етер]бург. В чужих краях нечего долее делать. Можно бы съездить на воды. Но здоровому лечиться не нужно. Твой вексель на 1000 все еще лежит у купца. Я отправлю его к тебе обратно, как скоро получу мое жалованье, или и прежде. Сегодня посылаю на имя Матушки от меня верующее письмо. О войне здесь ничего не слышно. О П[етер]бурге тоже.

О поездке императора в Варшаву говорили прежде, но теперь не слышно. Мериановы дела, кажется, хорошо идут, но верного о заплате денег поставщикам я ничего не знаю. Мои дела кончатся хорошо. Главное, саксонские щеты, имело хороший успех. Россия должна заплатить другим державам только около 14 000 талеров; между тем как Пруссия платит из доходов Бельгии, России и Австрии более пяти миллионов франков; и между тем как доходы Бельгии втрое менее доходов Саксонии. Система ведения щетов в Саксонии была хороша; а за успех можно сказать спасибо, в особенности вашей *Ausgleichung Commission*,¹ а также и мне. Скажут ли сие последнее спасибо, так как первое, не знаю.

Письмо твое от 13/25 апр. получил.

Спасибо за Карлика² и за Монитера, коих ожидаю с дилижансом. Наши дипломаты мало знают о полит[ических] обстоятельствах, а если что и знают, то не сообщают. Козловский еще в Вене заметил, что они в особенности отличаются не г а т и в н ы м и добродетелями, *par des vertus négatives*, а позитивными? Напрасно ты писал к Ал[ександру] Ив[ановичу] о моем жалованье. Я его просил оставить это дело, в особенности есть ли оно должно итти чрез Канкрин.

Прости. Весь твой

Н. Тургенев.

Когда поеду отсюда, то попрошу все приходящие на мое имя письма присылать к тебе.

$\frac{28 \text{ апр.}}{10 \text{ мая}}$ 1816. Фр[анк]ф[урт].*)

Вчера получил я от министра финансов вексель на 600 рублей по 50 стиверов, составляющие мое жалованье от 1 февр[аля] до 1 мая. Банкиры здесь не дают за него более 255 червонцев, а я думал, что получу 300. — Вчера же просил я купца Бернгарда, к коему были присланы от тебя для меня 1000 франков, отослать оные в Париж назад к тому же банкиру. Итак прошу тебя уведомить о сем Маеровича. Присылка сюда стоила 10 франков, итак, обратно послано только 990, т. е. насколько было кредита, настолько возвращено. Возвращение вероятно тоже будет стоить. Итак, тебе это принесло убыток. За все спасибо. Брата Ал[ександра] Ив[ановича] письма при сем к тебе посылаю.

Нибур ничего не писал кроме 1-й его брошюры. Зато pošлю Licht im Schatten. Шатобриана давно бы уже тебе послал, но, заглянув в его Révolutions, книжка эта мне понравилась. Я прочел 1-ую часть, где много любопытного в сравнении афинян с французами. Вторую прочту и дня через два тебе доставлю.¹ Монитера я еще не получал. В ваших журналах и в английских много пишут о российской политике, но все, кажется, вздор. Получил ли ты Rheinisch[er] Merkur и Ансильона? В начале июня думаю уже непременно отсюда выехать. — Вчера проежжал здесь Перовский, самый старший, из Голландии. Я его спрашивал о его братьях, но он сухо отвечал, что не видел их в П[етер]бурге, хотя он, кажется, и был тогда там.

По газетам видно, что князь Гагарин едет за границу, но в отъезжающих стоит одно только его имя, а имени жены нет. К тому же и Пер[овский] сказал мне, что муж и жена поедут в разные стороны. Есть ли правда, то дурно. — Не знаю, почему в П[етер]бурге думают, что я тороплюсь туда ехать. — Я тороплюсь кончить дела, — к чему я обязан; — а не в П[етер]бург ехать. Есть ли по окончании дел я должен туда ехать, то это не моя вина. — Курьерское отправление, о коем пишет брат, для меня не нужно. Для дороги у меня есть деньги из прежней суммы, полученной в банке. Мериан предлагает мне заплату путевых издержек в Париж, но я отказал, сказав, что употреблю

*) Архив, № 382, лл. 74—75.

наши дорожные деньги, выданные мне Алопеусом. В нашей службе не всегда так делается. Но я поставил себе правилом в сих случаях поступать так, чтобы впоследствии, по окончании службы, никто не мог мне сделать ни малейшего упрека. Мериан однажды сделал прекрасное замечание, сказав: каждое, хотя малейшее отделение или устранение от строгих правил справедливости, рано или поздно рождает сожаление, гораздо превосходящее мгновенную выгоду, от ненаблюдения сих правил произойти могущую.

Прости.

Н. Тургенев.

Я думаю, что поеду чрез Дрезден и Берлин.

66

Фр[анк]ф[урт] 8/20 мая [1816 г.]*)

Письмо твое от 26/8 мая я давно уже получил. Посылки же Nain Jaune с дилижансом еще не получал. Возвращаю тебе братнино письмо. Указа синоду и стихов Жуковского тебе не возвращаю, ибо оба сии произведения не стоят почтовых денег. Посылаю тебе Матушкино и братнино письмо. Спасибо ему за вексель. Теперь у меня довольно денег. Напиши мне, что купить для Матушки. Она писала о какой-то материи, что купил гр[аф] Толстой. Во всяком случае я куплю здесь или в Берлине, если там буду, что мне присоветуют. Дела мои здесь кончились. Дожидаюсь переписки протоколов. Отсюда выеду в начале июня в Дрезден. Там буду стараться выручить ящики с варшавскими бумагами и русскими бумажками, находящиеся в Кёнигштейне.

Мериан недавно писал мне об этом официально. Розен, которой теперь здесь, рассказал мне о сем das Nähere. Не знаю, удастся ли. Мериану Жерве ассигновал всю сумму, и он теперь триумфирует.

Письма, которые будут ко мне присылаемы сюда, все поручу здесь отсылать к тебе. Ты же можешь о сем адресоваться к находящемуся здесь, на месте Кретова, Ивану Максимовичу Ореусу, есть ли впрочем нужно будет.

*) *Архив, № 282, лл. 76—77.*

Заметь в письме брата причину, по коей он намеревается ездить к Данилевскому !!! Все тот же!!

Татищева здесь была, но я видел ее в карете только.

Здесь проежал Муравьев, но я узнал об этом только из газет. Его не видал. Посылаю тебе письмо к Лесовскому. Повернее доставь. М-ме Westmann уведомляет его, что едет из П[етер]бурга к нему.

Наконец я прочел Шатобриана. Одно из заключений на конце увража, где он говорит об энтузиазме, глупо и ложно. Ничего в свете доброго, без энтузиазма, не делается. Впрочем сравнение Фр[анцузской] Революции с греческими любопытно. Тогда Шатобриан был умнее, чем теперь.¹ Есть ли можно, то уведомь меня о бунтах, кои были в Гренобле, о заговорах в Париже etc. etc. etc.²

Сюда являются много мужиков с Рейна и просят паспортов в Россию, но Анштет говорит им, что не имеет права дать им паспорта. Жаль: эти колонисты лучше обыкновенных. Идут к нам с имением. Репнин еще не сделан г[енерал]-губернатором в Полтаве. Михайлу Орлова можно уведомить о его брате, ибо, я думаю, корреспонденция между ними не весьма сильна.

Поклонись Николаю Александровичу. — Прости. Есть ли еще не послал *Nain Jaune*, то торопись.

Об инвалидном содерж[ании] я читал уже в голл[андских] газетах.

Весь твой

Н. Тургенев.

67

15/27 мая [1816 г.] Фр[анк]ф[урт].*)

Третьего дня приехал сюда князь Григ[орий] Ив[анович] Гаг[арин] и привез мне прилагаемые при сем письма. Зная, что запечатанное было от Бориса, я не мог удержаться от распечатания, за что Сушков, *Président*, не рассердился.

Боричка изряднехонько пишет. Но жаль, что он в таком положении. Князь Гаг[арин] рассказывал мне много о П[етер]бурге. Но во многом мало или ничего утешительного, как

*) *Архив, № 382, лл. 78—79.*

в отношении общественных, так и частных дел. Княгиня также едет сюда, по словам его. Она хочет жить в Париже. А ему кажется нигде не хочется жить. Собою, следственно, людьми и вещами он недоволен. Скучное положение.

Письмо твое от 1/13 мая я получил, со вложением № Nain Jaape. С дилижансом я еще от тебя ничего не получил. Из книг твоих, по присланному реэстру, мне ни одна, кроме по пол[итической] экон[омии], не нужна. Но и сия есть в библиот[еке] К[омиссии] сост[авления] законов. Розен на Рейне. След[овательно] лучше не отправлять денег к Габбе на его имя, а прямо вексель к Бассанжу, а Габбе о сем в*) уведомить. Посылаю тебе и вчера полученное письмо от брата. Хам наш Жихарев награжден 2000 рублями?! И рад — всякое даяние благо! Не дорог подарок, дорога любовь. Кресту его я рад за него. О Репнине уведомлю брата. Есть одно средство пособить ему: в моем рапорте не говорить о должных ему суммах. Но это умолчание несправедливо. А несправедливости и он от меня требовать не может. С St[ein'om] нечего об этом говорить. А разделить нельзя. А справедливость, о кот[орой] брат пишет, ничего в пользу князя Тулов[ища] не требует.

Напиши, есть ли что знаешь сверх газет о последних происшествиях во Франции.

Спешу итти теперь в Комиссию. Вероятно, последнее заседание. Через две недели поеду в Дрезден для вытребования варшавских ящиков.

Прости.

Весь твой

Н. Тургенев.

68

[22 мая]
3 июня [1816 г.] Фр[анк]ф[урт]. **)

Письмо твое от 10/22 мая я получил. С дилижансом получил Карлика, Монитера и брошюры. Премного благодарю. Ансильона послал я особо. Шатобриана также. Теперь, вероятно, ты все уже получил. Турецкого табака здесь нет. Я третьего дня уже начал курить кнастер. Бр[ат] Ал[ександр] Ив[анович] пишет,

*) Не разобрано одно слово.

**) Архив, № 382, лл. 80—81.

что послал тебе как табак, так и чаю. Сего последнего он и мне прислал, но мне не нужно. Постараюсь к тебе переслать. Для приемки сукна в Англию послан Плат[он] Васильевич Ханьков, Staats Rath; он был здесь. Я было совсем был готов к отъезду, как вдруг получил из П[етер]бурга от гр[афа] Нессельроде чрез Алопеуса поручение сжечь облигации, напечатанные от имени 3-х союз[ных] держав для заплаты немецким державам во время последней 1815 года войны. Это меня здесь задержит, пока австриец и пруссак получают касательно сего приказание от своих прав[ительств].

Жерве пишет сюда, что ему преемник назначен, но не говорит кто. Князь Гаг[арин] сказывал, что Нессельроде упоминал о помещении Мериана по оной. Но я думаю, что Гурьев не согласится.

Князь Гаг[арин] едет завтра в Баден-Баден. Княгиня выехала из П[етер]бурга с детьми. Свечина осталась там.

23 ящика с варшавскими бумагами и р[усскими] бумажками выданы по требованию варшав[ского] правительства, и отправляю в П[етер]бург.

Прости.

69

[26 мая]
7 июня [1816 г., Франкфурт].*)

Сегодня получил я письмо твое от 16/28. Неужели животное Поль осмеливается разпечатывать письма? Для чего ты не сказал о сем скандале графу? Впрочем пусть любопытство его накажется, прочтя о подлости и вместе о превеликой глупости его поступков.

16, 17 и 18 Карла вероятно получу с дилижансом. Ансильйона, кот[орого] я послал к тебе по тому же адресу как и Р[ейнского] Меркура, возвратили мне назад, надписав: der Eigenthümer hat sich nicht gefunden. Я его опять пошлю тебе вместе с Мюллером и Геереном. Шатобриана отправил я гораздо после, но пора уже было доехать. Также пошлю тебе и наш тариф. Пиши чаще и больше, покуда я здесь. Скоро, может быть, уеду. Жизнь сделалась мне здесь несносною; нет занятия, ни казенного ни своего,

*) *Архив, № 382 лл. 81—82.*

ни книг. Я было собрался уж ехать как получил поручение жечь билеты кредитные вместе с пруссаком и австрийцем, но сии не получили еще на это полномочий. Жена Жерве, которая теперь здесь, сказывала, что Мериан назначен на место ее мужа. Я рад за Мериана, но неловко, что он всю свою сволочь возит с собою. Об этом ему мeste говорил гр[аф] Нессельр[оде] к[нязю] Гагарину; и я тогда уведомил Мериана. Теперь уведомлю также. Гагарин поехал на воды в Баден-Баден, подле Раштата. При всей его скуке, он весьма любезен и забавен. Хотел чрез неделю опять на несколько времени сюда приехать. Он ожидает от тебя ответа и просил переслать твое письмо к нему, если придет. — Здесь все скверная погода. — Что ты теперь делаешь в Мобеже без графа? Каково тебе жить? Что Н[иколай] Ал[ександрович]? Поклонись ему от меня. Ермолов назначен гл[авно]-командующим в Грузию; и прежде поедет в Персию послом. Итак Мадатова планы разошлись!!! Розен на водах в Висбадене. Вчера был здесь гр[аф] Витгенштейн.

Франции, кажется, покой или лучше сказать тишина возновилась.

Кн[язь] Гагарин много рассказывал о делах в П[етер]бурге. Козодавлев отправляет должность м[инистра] юстиции! Пожалуй учреди и в Монсе, чтобы посылаемые мною тебе книги мне назад не возвращались. Я надпишу au Directeur de la p[oste] aux lettres. Карлик восхитительный. Присылай далее. Он у меня теперь от 1-й до 360-й стр[аницы]. Не выходил ли он между двумя томами, кот[орые] я купил в Париже, и сими книжками, кот[орые] ты прислал? Просто получил вместе с Монитером, так как Левиса и проч. Левис, говоря об успехах богатства Англии, не говорит о принужденном ее положении, на кот[орое] обратил внимание всех Сей.¹

Прости.

Н. Тургенев.

*Адрес: A Monsieur Monsieur S. de Tourgue-
neff, Conseiller de Cour, attaché à S.E. Monsieur
le Comte Woronzoff, Commandant en chef de
Contingent russe en France. Maubeuge.*

[4]
16 июня [1816 г.] Фр[анк]ф[урт].*)

Вчера получил письмо твое от 4 июня, вместе с 19 №-ом Карлика. Третьего дня получил с дилижансом XVI, XVII и XVIII — I Карлика, вместе с процессом Вильсона, Mém[oires] Borel, и с речью Гарнье. В особенности благодарю за последнюю; я было хотел уже тебе о ней писать. Четвертого дня отправил к тебе с дилижансом Мюллера — Геерена, Тариф, Ансильона, возвращенного мне из Мобежа и проч., адресовав на имя Поля, à remettre à M[onsieur] le D[irecteur] de la poste aux lettres de Mons à Mons. Предупеждаю о сем этого директора, дабы опять не прислал книг сюда назад. Что касается до Карамзина, то я по самым суждениям брата о его истории, заключаю мало о ней выгодного, т. е. хорошего; либерального и след[овательно] полезного. Брат пишет: „в ней нет рассуждений“; „может современем послужить основанием в о з м о ж н о й р у с с к о й конституции“. Вот его похвала. Я понимаю оную так: автор видел, что рассуждать хорошо трудно, а иногда опасно; и потому молчал. Второй же период „с о в р е м е н е м“, в о з м о ж н о й да еще и русской делает Карамзина в глазах моих хамом. К этому присоединились слова Гаг[арина], кот[орый] находит Кар[амзина] и его историю весьма нелиберальными и проч. А брат всем восхищается. Теперь пишет, что Кар[амзин] пишет как Миллер. В Геттинген он однажды писал ко мне, что Уваров сочиняет нем[ецкие] стихи не хуже Шиллера!! и французские не хуже, во многих местах даже лучше Делиля! Поневоле вспомнишь слова Блудова, кот[орый] завидовал положению брата, говоря: Как он щастлив! Сколько хороших книг остается ему читать!

Книгу для кн[язя] Лопухина: Aller und Jede я нашел недавно. Уже отправил. Купил дешево и весьма чистый экземпляр. Она ему на то нужна, что тут в се есть: Aller und Jede. Место Жерве дано уже Мериану. — Розен теперь в Висбадене, отставлен от своей госпитальной должности и поедет чрез месяц в Россию. Князю Туловищу теперь до нас нужда, и потому верно он толкует о старых связях; а в П[етер]бурге о нем некоторые люди большого мнения, как видно. А г[енерал-] г[убернатором] не сделали. Пож-

*) *Архив, № 382, лл. 83—84.*

жай в Барез, если нужно. Но не забудь, что и на Рейне есть воды. Не покойнее ли приближаться к немцам, нежели к гишпанцам? Неужели не выздоровел ты от Дрездена еще! Это весьма печально. Напиши, есть ли можно, что у вас думают о войне. Здесь мы думаем, что во Франции все спокойно. Продолжай адресовать письма на мое имя в Römischer Kayser. Есть ли я уеду, то будут их отдавать Ореусу. Впрочем, вот его адрес: à M. Oreus, Conseiller de Cour à Francfort, и тоже в Römischer Kayser. Я писал тебе, что Гаг[арин] в Бадене. Он ожидает от тебя ответа и просил переслать твое письмо к нему. Напрасно ты не отвечал ему. Он не решился еще куда ехать; и говорит, что сие зависит частью и от твоего ответа. — Бориса бы хорошо к вам перевести; но он обещал с кем-то там служить. Жаль Боричку! А малой неглупой и хороший. Что твой президент и Анна Петровна? —

В Париже, видно, будут праздники, по случаю свадьбы Берри. Брат вашего Гурьева в Висбадене, мать же в Карлсбаде. — Я мои дела здесь кончил, но гр[аф] Нессельроде препоручил мне другое, пустое, жечь облигации 1815-го года. И я теперь ожидаю полномочий прусского и австр[ийского] комиссара. Иначе же бы уехал. Die 23 Kisten von Königstein взяты уже поляком и отправлены в П[етер]бург. — Рапорт о моих делах к Нессельр[оде] написал с таблицами и отправлю с ожидаемым сюда курьером из Парижа в П[етер]бург.

Поклонись от меня Николаю Александровичу. Что он поделяет? Я думаю, от начертания судопроизводства можно ожидать успеха — и желаю.¹ У меня есть чай, присланный братом из П[етер]бурга. Не знаю, как его тебе переслать. Табаку же тур[ецкого] нет, и курю теперь нечестивый кнастер. Мериану ничего еще официально неизвестно о его назначении. Я также думаю, что лучше бы предоставить п[етер]бургскому банкиру выгоду от промены фр[анцузской] контрибуции. —

Я послал к тебе и австрийск[ие] учрежден[ия] для изстребления б[умажных] д[енег] вместе с Мюллером.

Прости.

Весь твой

Н. Тургенев.

Письмо твое от 19/31 мая я также получил. Жаль, что Гурьев мог только Лисаневичу адресовать свое донесение. Лисаневичу о Франции!!

Купи книжку: *Manière de diner en ville*. Говорят, забавная. Есть ли я здесь еще буду, то пожалуй пришли ко мне.

1

14/26 июня [1816 г.] Фр[анк]ф[урт]. *)

Письмо твое от 10 и 4/16 июня я получил. Благодарю, что часто пишешь. К водам, как ты пишешь, ехать тебе нельзя. Весьма досадно. Неужели недели хоть на 3 и 4 отлучиться тебе нельзя? Бог знает, когда придет другой случай. Я хотел было от скуки ехать к водам; говорил с доктором, которой однако мне сказал, что лечиться мне не от чего; что можно купаться, для удовольствия и без вреда, в Эмсе. Так как я не хочу торопиться в П[етер]бург, и есть еще кой-какие хвостики от дел и предстоящее сожжение облигаций, то я вероятно недели на две и съезжу в Эмс. Нарышкин проежжал здесь, но я его не видел. Между прочими бумагами от Анстета он повез и мой рапорт с таблицами к гр[афу] Нессельроде. Тариф послал я к тебе вместе с Мюллером и Геереном, адресовав на имя Поля à remettre au D[irecteur] de la poste aux lettres. И я весьма заметил, что пошлина платится серебром. Опыт кажется доказал у нас во время Сперанского, что о серебре никогда не надо говорить, когда есть много бумажек. Вообще много необдуманного в тарифе; мало обращено внимания на запрещенный торг.¹ Балугьянский, я помню, весьма негодовал, что в 1810 или 11-м году позволено было пошлины, платимые серебром, платить ассигнациями. А еще профессор! О тьма!

Здесь познакомился я с Кривцовым, которой тебя знает, как он сказывал. Малой, кажется, весьма хороший, умный и читавший по пол[итической] экон[омии]. Он вместе с Бистромом и Бибиковым поехал в Карлсбад. Сверх того Кривцов и либеральный человек, что мне весьма кстати было в спорах с Бистромом, коего Н[иколай] Ал[ександрович] знает, с Бибиковым и с Аверкиевым. Бибиков сказывал мне, что Москва весьма по-

*) *Архив, № 382, лл. 85—86.*

правляется, что дом Апраксина покупают для университета. Гагарин же говорил, что Москва плохо поправляется. Из Кенигсберга пишут, что Влад[имир] Мих[айлович] Прок[опович] — Антонский, в отсутствии Коцебу, отправляет должность ген[ерального] консула. А propos du président Kotzebue, что делает наш Ник. Ал*) Сушков и Анна Петровна? и дщерь их? Пожалуй уведоь о них; и весело ли Анне Петровне жить в Мобёже, или хочется в Симбирск? — Князь Гагарин все еще в Бадене. Отъезжая отсюда, обещал сюда опять приехать, но не бывал. Он сам не знал, куда он поедет. Жена его хочет в Париж; а ему в Париж не хочется. От тебя он ожидал ответа. Я ему говорил, чтобы он и княгиню уговорил прожить лето в Бадене, а там, так как он желает, поехали бы в Италию. Он, так как все молодые отцы, говорит о воспитании своих детей, что сему посвящает жизнь свою, что хочет их везти к Фалленбергу в Швейцарию и жить с ними и с женою там же. О братниной истории в П[етер]бурге он сказал мне, что вместо, чтобы кончить оную в три дня, он продолжал оную год. От брата Ал[ександра] Ив[ановича] я давно уже писем не получал. — Вчера прислал мне Алопеус копию с отношения к нему Гарденберга, по кот[орому] видно, что прусский комиссар получил поручение участвовать в сожжении реконесансов.² Пр[усский] ком[исар] точно получил оное. Теперь остается только австрийский, которой третьего дня уехал в Вену, и поручил свое дело другому; но полномочия на всеожжение от австр[ийского] двора еще нет. Кроме сего, мне остается получить сведения от Крюгера, что был в Саксонии о 518 000 фр[анках], кот[орые] выданы ему для саксонцев и 300 000 à reu près от различных чиновников бывшего франкфуртского Gén[eral] Gouv[erneur]. По получении ответов на все мои письма, поеду к Штейну и возьму от него свидетельство об употреблении сей суммы. Она поставлена на русской щет, по распоряжению Грунера, кот[орый] оную заплатил. Но я хочу поставить ее на общий.

Здешний Bundestag не собирается, d[ie] Versammlungen über d[ie] Territorial-Ausgleichungen еще не окончены. Во всех газетах, даже и в парижских, пишут, что к вам едет 6000 войска из России. Парижские говорят, что это для смены равного числа

*) Так в подлиннике. См. указатель.

войск от вас. — Реконесансы, кот[орые] я должен сжечь, были напечатаны именем России, Австрии и Пруссии в Вене в 1815-м году, для заплаты оными за поставляемые для войск потребности. Но так как война 1815 г. скоро кончилась, то реконесансы не были употреблены и будут теперь сожжены.

Поклонись Николаю Александровичу. — Мне сказывали, что мемуары Фуше печатаются уже в Лейпциге у Брокгауза. Как скоро выйдут, то пришлю тебе. Здесь, да и во всей Германии ничего не выходит нового. В *Göttingische Gelehrte Anzeigen* читал рецензию выданных в Баварии официальных замечаний на уголовное уложение.³ Сие последнее, как видно из рецензии, хорошо. Получают ли это наши Солонь? — Здесь также погода весьма дурна. Беспрестанно идет дождь. Когда твои именины или рождение бывают?

Прости.

Н. Тургенев.

72

16/28 июня [1816 г.] Франкфурт.*)

Письмо это доставит тебе Адами, которой у нас в Нанси ставил сукно. Я с ним заключал контракт тогда, и сукно, как после я слышал, им поставленное, было хорошо. Он просит у меня к тебе рекомендации. Я думаю, что он порядочный человек, при всем том, что цены, которые я ему должен был дать, были весьма для него выгодны, хотя и ниже тех, кои были постановлены в контрактах, не мною заключенных. Между тем барыш его весьма ограничился уделением части оногo Клостерману, бывшему у нас бухгалтером и прежде обанкротившемуся в Париже, теперь же выехавшему из Берлина, не заплатя долгов; и кроме сего уделения подарками приемщику Шутенкову, которой впрочем не смел брать взятку, пока Алопеус и я были в Нанси, а начал брать только тогда, когда мы поехали в Париж. Впрочем, он кажется вознаградил наше присутствие нашим отсутствием. Я слышал, что Горн разжалован в солдаты и отправлен в сибирские гарнизоны; также, что и Ернен**), бывший у Сушкова, в солдатах же. Нельзя ли и Шутенкова за-

*) *Архив*, № 382, лл. 87—88.

**) ?

ставить послужить Государю une fois верою и правдою под белою сумою. Это бы совсем не мешало. Адами доставит тебе и чай, полученный от брата мною. Мне он не нужен, ибо я не пью его, да и есть еще немного старого. Табаку турецкого здесь нет, и я курю кнастер.

Сегодня я получил от тебя письмо от 10/22 июня из Брюсселя. Рад, что тебе там весело. Кто этот издатель N[ain] J[aine]? Бриса я видел в Нанси.

Я здесь теперь весьма скучаю. Надоел Ф[ранк]ф[урт]. Надоели немцы, которые преобразились теперь в первое свое ничтожество. Ал[ександр] Мих[айлович] Тургенев, кол[лежский] сов[етник] (как видно по газетам), определен начальником таможен на польской границе. От брата Ал[ександра] Ив[ановича] давно уже не имею писем. Дожидаюсь, дабы ехать отсюда, ответов от Крюгера и других, по получении коих поеду к Штейну и вероятно на Рейн. — В газетах все еще пишут, что г[осударь] будет в Варшаву и в Топлиц, но не прежде сентября. По Северной Почте видно, что князь Салтыков наконец скончался, и сие к общему сожалению!!! Канкрин женится на племяннице Барклая. Правду говорил Граббе, что у нас в армии фамильное управление. Это тебе расскажет Николай Александрович, которому прошу сказать мое почтение. Вещи его у Ореуса; шкатулки мы не могли и с слесарем отворить. — Что же тут против апельсинного правительства? Оно, кажется, еще всех лучше, новых и старых.

Скуке здешней делает теперь рассеянность гамбургская Ашенбрөдель, которая три раза уже здесь играла, и весьма приятно — как будто не немка.

О Ейхгофе Адами странные и мерзкие вещи рассказывает. О секретаре Квиниве противное.

— Что ваша военная юриспруденция? — Заметил ли ты в газетах известия о бунте в Барбадо... и в особенности заем, которой сделали для себя негры? Жаль, есть ли сильные мира сего не примут в рассуждение сего происшествия.¹

[18]
30. Сегодня, как я слышал, приехала сюда княгиня Гагарина. Князь все еще должен быть в Б[аден]-Бадене. Мериан получил уже официальное уведомление о его назначении в Париж. Квиниве, проезжающий здесь в Дрезден, получил от меня некоторые поручения для справок по нашим Саксонским щетам.

Вчера получил бюджет и № 1 N[ain] J[aine]. Спасибо за то и за другое.

Прости.

73

Фр[анк]ф[урт] $\frac{[24 \text{ июня}]}{5 \text{ июля}}$ [1816].*)

Вчера получил я письмо твое от 15/27 июня. Мериан должен уже теперь быть в Париже. Я почитаю несправедливым все то, что брат Н[иколая] Александровича пишет к нему о сем месте. Я никогда не писал в П[етер]бург о Мериане и не думаю, чтобы и брат Ал[ександр] Ив[анович] мог просить за него. Нессельроде давно уже хотел дать место Мериану; и уверял меня в Нанси, что он никак его не забудет. К тому же Шредер весьма за М[ериана] хлопочет. Итак я не думаю, чтобы против сих двух рекомендаций могла устоять чья-нибудь третья. А это же место было впрочем единственное, кот[орое] можно было дать Мериану, ибо по Иностранной коллегии определить его было невозможно по чину его и потому, что уже однажды было в этом отказано Штейну. Впрочем я конечно бы желал, при всем моем почтении к Мериану, чтобы место сие получил Н[иколай] Ал[ександрович], которому бы оно могло быть приятно. Я уверен, что брат Ал[ександр] Ив[анович] не мешался никак в определение; да и участие то его было бы во всяком случае излишнее.

Письмо к Гагарину отправил вчера же в Раштат, по оставленному им адресу.

Княгиня была здесь дня два; я ее не видал. Она вероятно поехала в Париж. Письмо к Розену еще у меня. Его ожидали третьего дня сюда. Есть ли не придет, то пошлю к нему.

Бервиц пишет мне из Нанси, что Н[иколай] Ал[ександрович] поверил свой капитал какому-то эмигранту, которого арестовала полиция; и что, вследствие сего, он отказался от своих денег. Что это такое? — В газетах пишут, что сенату сообщил м[инистр] вн[утренних] дел указ, коим уничтожается рабство в Эстляндской губернии. Я весьма этому обрадовался. Слава богу. Желая, чтобы русские дворяне последовали эстляндским.¹

*) *Архив, № 382, лл. 89—90.*

От Крюгера еще ответа я не получил.

Адами, которой был здесь, сказал мне, что поедет в Мобеж, и что ты писал к нему. Я отдал ему 2 пакета чаю, кот[орые] я получил с князем Гаг[ариным] из П[етер]бурга. Адами мне сказывал, что у вас будут суконные поставки. Теперь сукно весьма подешевело. Есть ли у вас мало ливерантов,² то адресуйтесь сюда. Здесь купцы теперь мало делают дел и с охотою возьмут поставки.

Что делает Сушков и Анна Петровна? Как они живут? Пожалуй уведоь, весело или скучно?

Я читаю теперь: De Lolme. Constitution d'Angleterre. Хорошая книга. За 50 лет, кажется, люди умнее писали нежели теперь.³ На сих днях Дармштатское правительство вступает во владение Майнца, Офенбаха и некоторых других земель на Рейне в замену вестфальских провинций, уступленных Пруссии. В Майнце будет гарнизон из австр[ийцев], пруссаков, нассау и дармштат[цев]. Крепость будет содержаться на щет всех немецких держав. Министры, долженствующие составлять Bundestag, собрались было все здесь, но на сих днях разъезжаются опять, дабы собраться в августе. — Морчат бедную Германию. — Здесь видел я книгу: Dictionnaire Historique et Géographique de l'Empire de Russie par Wsevologsky в 2 томах in gross. 8°. Автор писал в особенности для того, чтобы познакомить более иностранцев с Россией. Предисловие хорошо и написано в прямом российской духе. Посвящено г[осу]д[ар]ю. От брата Ал[ександра] Ив[ановича] давно уже нет писем. Прости. Весь твой Н. Тургенев.

74

$\frac{[30 \text{ июня}]}{11 \text{ июля}}$ [1816 г.] Фр[анк]ф[урт].*)

На сих днях получил я письмо твое от 17/29 вместе с одним номером N[ain] J[aune], Bory de S[ain]t Vincent и вчера получил твое письмо от 21/3. Спасибо. Первое издание Bory у меня есть. Письма буду адресовать, как ты пишешь. Впрочем, я право не понимаю, как можно не отучить животного Поля распечатывать письма. Это все равно, что позволить воровать из кармана

*) Архив, № 382, лл. 91—92.

деньги. Иногда, конечно, нельзя сему злу воспрепятствовать, но с Полем, кажется, сладить совсем не трудно. Если я встречу с ним когда-либо, то скажу ему мое мнение о его гнусных и вместе смешных поступках. Какая тварь! Письмо к князю Гаг[арину] я отправил и получил от него вчера записку. Он тебе весьма благодарен за письмо твое. Я уведомлю его о твоём адресе.

Третьего дня проезжал здесь Муравьев из П[етер]бурга в Мобеж. Его никто не видел, ибо он был здесь ночью. Многие получили письма, Аверин разрешение заплатить немецким князькам, по конвенции, $\frac{1}{4}$ их требований ликвидационных. Розен получил разрешение ехать в Россию. Больных во всей Германии остается наших человек 17. — Я давно уже не получал от брата писем, между тем как много курьеров здесь проезжает. Вероятно он теперь в Москве. — На сих днях получил я письмо от Ив[ана] Семеновича из Радзивилова. Пишет, что там не весело. — От Крюгера еще ответа не получал; когда получу, то поеду к Штейну и в Эмс. — Итак ваше судопроизводство теперь вводится. Напиши, есть ли будешь rapporteur. — Это интересно. Но как быть вместе с сим и защитником? Лучше ограничиться последним. — На что же определять серебром, когда платится ассигнациями? В этом то я и несогласен с тарифом. Когда у нас есть б[умажные] д[еньги], то о них только и говорить надо. Замечания на баварск[ие] уголовные законы составляют несколько больших волюмов; я читал только рецензию их в Gött[ingische] Gelehrte Anzeigen. — Старынкевича бумаги пришли. Куда девать его шкатулку? Не к вам же ли прислать. Но не лучше ли с извозчиками, ибо с дилижансом дорого.

Здесь жизнь скучная; газеты в Casino меня весьма занимают. Вижу я всякой день с Ореусом, Розеном, кот[орый] завтра едет, и иногда с Авериным. В Иванов день три ликвидационных именинника кормили нас обедом в Форст-Гаузе. Сегодня Аверин дает нам обедать за городом, празднуя Петра и Павла, его святого. Дипломатов я не вижу никогда, кроме Крейдемана. Воронцов разъезжает все в Soden, где живет*). Тормасов, которой также при здешнем посольстве, весьма болен; был в Висбадене, но воды ему повредили. Теперь он здесь и вряд ли отсюда выедет.

*) *Фамилия не разобрана.*

Вчера отдали Оффенбах Дармштату. Сегодня отдают Майнц. В сем последнем мальчишки кричат по улицам: *Wir sind armstä-tisch geworden.* — Из Германии ничего не будет, и положение оной весьма печальное. Будучи под французским игом, немцы имели надежду, имели будущность. — Теперь надежды нет; бу-дущность — — —.¹

Записку твою о кожаных простынях, также как и заглавие книги для П[етра] П[етровича] получил. Оленьих кож здесь нет; а я нашел два *Bock Leder* у одного перчаточника, сделанные одеялами. Стоят 25 гульденов. Есть ли у тебя еще нет, то уведомя. Я тотчас пришлю. Есть ли бы ты в Париж не поехал, то я тотчас бы прислал, ибо они были уж сторгованы, но узнав из письма Н[иколая] Ал[ександровича] о твоей поездке, приостановился. *L'art de diner en ville*¹ с N[ain] J[aune] один № от Н[иколая] Ал[ександровича] получил. Так как я за каждый получаемый от тебя пакет должен по дилижансу платить 4 гульдена, то прошу тебя, для избежания сего, присылать один раз, в большом пакете, то что присылаешь в несколько раз и также надписывать на пакете *Livres-valeur 2 francs* или *objets sans valeur*. Впрочем почтовые деньги зависят от французского правительства.

Из П[етербурга] я давно ничего не имею. Дела мои здешние не подвигаются. Австрийской комиссар все еще в Майнце. От Крюгера получил ответ, но неудовлетворительный; и потому писал к нему еще раз. Между тем пребывание здесь делается мне час от часу менее сносным. Погода прескверная. Да и нельзя**) отлучаться, ибо дожидаемся австр[ийского] ком[иссара] для сожжения билетов кредитных. — Уведомя меня о своей поездке в Париж. Видел ли ты там Мериана? Куда на воды едет Н[иколай] Алекс[андрович]? Правда ли, что мне Бервиц писал о его потере? Нового Рейнского Меркура постараюсь к тебе переслать чрез книгопродавцев; ибо по почте дорого.

*) *Архив, № 382, л. 93.*

**) *Зачеркнуто ехать.*

В нем только статьи по сию пору о виртембергском правительстве.

К здешнему посольству едет Фабер.

Здесь слышно о поездке государя в Варшаву и о смотре армии всей главной около Могилева.

Князь Гагарин живет с женою и с детьми в Баден-Бадене.— Писал я к тебе, что Данилевский женится, или уже теперь женился, на дочери Павла Кутузова, сенатора, куратора и поэта? Греч, издатель Сына Отечества, пишет при том, что Данилевский *) 50 000 денег и 250 душ. Дай бог ему счастья.

Уведомь Н[иколая] Ал[ександровича], что о письме его к Розену приложено старание, дабы сей последний оное получил.

Заглавие книги для П[етра] П[етровича] я перевел на немецкий и отдал книгопродавцу для отыскания книги. Доставил ли тебе Адами чай? Бумаги для Н[иколая] Ал[ександровича] я хотел было послать с фурманами, но нет такого случая. И потому думаю послать с дилижансом.

Прости.

Весь твой

Н. Тургенев.

76

Франкфурт $\frac{[17]}{29}$ июля 1816. **)

Вчера получил я письмо твое от 6/18 июля. Штейн строит, как он мне сказывал, большую комнату, где будут находиться бюсты главных союзных государей и портреты важнейших полководцев последних времен. Для сего он просил меня доставить ему из П[етербурга] портрет Кутузова, о чем я и писал к брату Ал[ександру] Ив[ановичу] и убедительнейшим образом просил его выполнить желание Штейна, хотя в сем случае, ибо в некоторых других прозвбы мои и города остались без успеха или выполнены несоответственным образом. После долгого времени получил я наконец от брата письмо, в котором он пишет, что он живописцу Волкову заказал написать портрет Кутузова, но что тот вместо того написал портрет г[осу]д[а]ря, но что он

*) Одно слово заклеено: получил (?).

**) Архив, № 382, лл. 101—102.

заказал ему другой, которой будет готов чрез 4 недели. Вот уже более двух или трех месяцев как я получил письмо сие. Мне это весьма досадно, ибо ни в чем не удастся мне, чрез брата, услужить Штейну. Между тем мне надо к нему ехать. Он спросит — и что отвечать? Это не обыкновенные комиссии, коими пренебрегать можно. Брат знает, в каких отношениях я к Штейну. Возвращаю тебе письмо его. Шиллинг по сию пору еще живет в Мюнхене. Ему поручено что-то там сделать; но он как видно не торопится. — Весьма сожалею, что труды твои по законоположению не пошли в дело. Но есть ли граф лично одобряет их, то для чего не представит об этом в П[етербург]? Правда и там Кн[язь] Гагарин хотел к тебе отвечать, и я ему сообщил адрес твой чрез Mons. Он с женою живет в Баден-Бадене. — Третьего дня я исполнил главное дело, за коим здесь оставался по окончании ликвидации. Мы сожгли облигаций на 15 000 000 гульденов. Ответы на мои письма касательно 800 000 фр[анков] я также от некоторых получил; одни удовлетворительны, а Крюгеров нет; я писал к нему в другой раз, но еще не получил другого ответа. Завтра или послезавтра поеду к Штейну и в Эмс. Не знаю, долго ли там пробуду, но никак не более 2-х недель. Потом возвращусь сюда на несколько дней и потом отправлюсь в Берлин и П[етербург]. Продолжай адресовать свои письма сюда: в Römischer Kayser, куда я поеду в Россию. Я уведомяю об отъезде. — Княгиня Голицына, приехавшая из Парижа, позвала меня здесь к себе запискою. Я вчера был у нее. Она женщина умная, толковала о либеральности и конституциях. Она живет у сестры своей гр[афини] Вор[онцовой] и поедет с нею в Carlsbad. Она, а равно и ее камер-юнгфера, сказывали мне от тебя поклоны. В особенности вторая старалась с исправностью исполнить твое поручение. Она еще звала к себе, и я может быть при случае пойду.

Сюда приехал к посольству из П[етербурга] Фабер и рассказывал, что куда государя не было в П[етербурге], там житья не было от полиции. Ни о чем нельзя было не только что печатать, но и говорить. Теперь несколько лучше. — Здесь было на несколько дней погода установилась хорошая, но теперь опять дождь и слякоть. — В последней Сев[ерной] Почте стоит, что начальник глав[ного] штаба кн[язь] Волконский сообщает Вязмитинову, что г[осу]д[арю] императору угодно,

чтобы трактир трех рук, на Царскосельской дороге, назывался у 4-х рук, и чтобы вместо трех рук у столба было сделано 4 с надписями, куда ведут дороги. — Вот перемены, коих изумленная Европа ожидала от великой России.²

— Правда ли, что Стар[ынкевич] потерял свой капитал чрез какого-то эмигранта, о чем я писал к тебе? Вещи его пошлю с дилижансом в Монс на твое имя. — Кенигфельс сделан секретарем посольства в Мюнхен. Бутенев, бывший с[екретарем] п[осольства] в Штутгардте, определен в том же звании в Константинополь. Ринман в Штутгардте. — Прости.

Н. Тургенев.

77

[28 июля]
9 августа [1816 г.] Эмс.*)

Вот уже третий день как я в Эмсе. Пью здешнюю воду и купаюсь. Погода была первые два дня прекрасная, но сегодня опять пошел дождь.

Здесь нашел я двух земляков: Баранова и Борка. Мне здесь пока нравится. Местоположение прекрасное. Целый день почти провожу на чистом воздухе в спокойствии и без забот. Горы окружают Эмс, и я; смотря на них, почитаю себя отделенным от света и стараюсь забывать, что в нем делается глупого и злого. В Нассау обедал я у Штейна. Он живет как отшельник и как мудрец. Я с ним долго беседовал в саду. Он утешается мыслию, видя, что все идет не так, как должно, что это есть воля провидения. *Der Mensch ist nicht zum Glück gebohren*, сказал он между прочим. Не новое выражение, но несмотря на то для меня весьма важное. — То, что мы читали о пустых мечтах счастья и блаженства, казалось нам произведением поэтического воображения; но тут говорил опыт. Я заметил Штейну, что переход от мечтаний к действительности труден — что я нахожусь теперь в этом переходе, и он согласился со мною. Подлинно, чем более живешь на свете, тем более теряешь цену жизни и научаешься презирать всем людским. Потому-то опытность, имея свои выгоды, имеет свои великие недостатки,

*) *Архив, № 382, лл. 103—104.*

потому-то молодые люди, почти исключительно, способны к истинно великому и доброму. Опытность, как кора или ржавщина, затмевает добродетель и благородство. Завтра поеду опять к Штейну, ибо он сам едет скоро в деревни свои в Вестфалию, которые правительство променяло ему на его польские земли. — В Висбадене видел я полковника свиты Липранди, кот[орой] многое рассказывал мне о житье наших войск во Франции — но мало утешительного. — Я здесь пробить думаю недели две; потом поеду на несколько дней в Висбаден, а потом чрез Франкфурт в Берлин и П[етер]бург.

Продолжай писать мне в Франкфурт in Röm[ischer] Kayser. В П[етер]бург пред отъездом из Фр[анк]ф[урта] писал я только гр[афу] Нес[сельроде]. К брату и к Матушке писал прежде. —

Прости.

Весь твой

Н. Тургенев.

Уведомь: нужны ли тебе еще кожаные одеяла, я напишу в Фр[анк]ф[урт], чтобы тебе их прислали. — Стар[ую] шкатулку и бумаги взялся доставить в Mons к Le Roux фр[анк]фуртский купец Амин.

78

Авг[уста] $\frac{[6]}{18}$ [1816 г.] Бад-Емс.*)

Посылаю тебе письмо Клеменца, франкфуртского купца, к которому я отсюда адресовался для узнания, по твоему письму, о цене холста. Есть ли он ставит дешевле, чего я впрочем не ожидаю, то в поставке, кажется, на него можно положиться; ибо он уже прежде ставил в русскую армию.

Эйхгоф прислал мне два экземпляра одного Номера, которой от стр[аницы] 209 до 232. Предыдущие Номера сей страницы у меня все есть. Верно Эйхгоф ошибся, ибо он пишет мне, что посылает два. Номера. Комиссии его я исполнить не мог, ибо я не в Франкфурте.

*) *Архив, № 382, л. 105.*

Посылаю тебе братнино письмо, которое я здесь получил. Матушкино возвращаю. Из первого ты узнаешь печальное известие о Борисе.

Я здесь пробуду еще шесть дней и поеду на 8 дней в Висбаден. Потом в Франкфурт, где пробуду несколько дней и отправлюсь в Берлин. Ты можешь мне еще раз написать в Франкфурт, но, пожалуй, в сей последний раз как можно более. Потом ты можешь написать в Берлин, *poste restante*. Впрочем до половины сентября твои письма могут еще приходиться в Фр[анк]фурт. Есть ли меня ие будет, то перешлют. Прости. Иду завтракать. Я купаюсь каждый день. Встаю в 6 часов. В семь начинаю пить воду и хожу 1½ часа притом — потом купаюсь. Потом отдыхаю. Потом завтракаю. Играю в банк и в рулетку. По сию пору не проиграл более 12 червонцев. Одежда для тебя куплены, по моему поручению, в Фр[анк]-ф[урте] и вероятно уже отправлены. Поклонись Сушковым. Прости. Штейна я видел. Он уехал в вестфальские свои деревни, кот[орые] он выменял у короля на польские. Крюгеровы ответы потому неудовлетворительны.

Прости.

Твой

Н. Тургенев.

79

$\frac{[14]}{26}$ августа [1816 г.] Висбаден.*)

Третьего дня приехал я сюда из Эмса и намерен прожить здесь всего неделю. Каждый день купаюсь я в здешней воде и пью шваль банную, так как и в Эмсе то было. Отсюда поеду в Фр[анк]ф[урт] и, пробыв там несколько дней, отправлюсь вместе с Барановым в Берлин. Прежде П[етер]бурга хочется побывать в Москве, ибо Матушка, как видно из письма, тобою мне присланного, еще не решилась переехать в П[етер]бург. — Здесь видел я барона Гагена, которой познакомился с тобою на одной станции около Москвы. Он не рассказывал мне причины своего путешествия, но я слышал, что он был послан из Калиша, по просьбе прусского прав[ите]льст[ва] в Арнсбург.

*) *Архив, № 382, лл. 106—107.*

Он просил меня сказать ему, когда к тебе писать буду, и хотел приложить к тебе несколько строк. Есть ли его увижу, то скажу, что пишу к тебе. Из Эмса я писал к тебе и послал брашники холстин от Клеменса. Между тем я слышал, что уже контракт о поставке заключен. Вчера, в воскресенье, был здесь в Cour-saal бал. Из Фр[анк]ф[урта] приезжал сюда Аверин, Ореус, Борк и Фабер. Это тот самый Фабер, который издавал журнал. Он человек не глупой и кажется благородного характера, но, говоря весьма много, говорит часто пустое и вздор и сбивается иногда на Ганемана, кот[орого] он однакож терпеть не может. Они вместе штудировали в Ене. Он считается при посольстве, но имеет какие-то, кажется, поручения, независимые от оногo. Получил ли ты одеяла? Карлика я давно уже не получал. Нельзя ли его пересылать к нам в Питер? — Гагарин теперь с женою в Фр[анк]ф[урте]...*)

80

$\frac{[21 \text{ августа}]}{2 \text{ сентября}}$ [1816 г.] Фр[анк]ф[урт].**)

Письмо твое от 16/20 я получил треть***) по приезде моем сюда. Также и три номера N[ain] J[aupe]. Спасибо, как и за письмо в особенности, так и за N[ain] J[aupe]. Возвращаю тебе письмо брата и посылаю его же другое и Матушкино. Он, как увидишь, его превосходительство. Я этому рад, хоть уже и для того, что какой-нибудь Вронченко получил может быть от сего лихорадку. Я отсюда еду с Барановым послезавтра. Везу Матушке два шелковых платья, одно velour de laine, канифасу на 3 платья с garnitures. Тетушке Марье Сем[еновне] черный большой платок. Сестр[ице] Ал[ексandre] Ил[ьиничне] шелковое серое платье. Тетушке В[арваре] Сем[еновне] одну салфетку саксонскую в 4 аршина****) и одну маленькую; брату Ал[ександру] Ив[ановичу] черного сукна на фрак. Ты получишь из письма его и горестное известие о смерти Ив[ана] Влад[имировича]. Это, брат, весьма меня придавило. Жаль видеть, что такие люди

*) *Дальше оборвано.*

**) *Архив, № 382, лл. 108—109.*

***) *Это, повидимому, начало начатого и не зачеркнутого по рассеянности: третьего дня.*

****) *Здесь нарисована форма салфетки.*

отходят от земли. „И сотвори бог человека по образу и по подобию своему“. Вот ему эпитафия.

В Москву поеду я, думаю, прежде П[етер]бурга и прямо из Берлина с Барановым же. У меня есть слишком 20 фунтов табаку хорошего. Я отдам его, большую часть или и весь, е́сли нужно Матушке и гр[афу] П[етру] Алекс[андровичу] Толстому. А сам примусь за россейской. Прости, брат, надеюсь иметь от тебя письмо в Берлине. Я теперь хлопочу об укладке и об исправлении дел, встречающихся при отъезде с места, где пробыл довольно долго. Еще раз прости.

А свет час от часу мне незначительнее и хуже кажется.

Прости.

Весь твой на век

Н. Тургенев.

Гагарин с женою здесь и с Свечиною. Он у меня был. А я у дам не был, не хотя их беспокоить.

81

Берлин. $\frac{[12]}{24}$ сентября [1816 г.]*)

Завтра, любезной Сергей, отправляюсь я отсюда в Москву, чрез Варшаву, пробыв здесь около 3-х недель. Чем более приближаюсь я к России, тем более грусть мешается к размышлениям моим о любезном, великом, но во многих отношениях неизвестном отечестве. Можно ли мне будет привыкнуть еще раз смотреть на такие вещи, которые бы я и в аду не хотел видеть, но которые на всяком шагу в России встречаются? Можно ли будет хладнокровно опять видеть на яву то, о чем европейцы узнают только из путешествий по Африке? Можно ли будет, без сердечной горести, видеть то, что я всего более люблю и уважаю, русской народ, в рабстве и унижении? В отдалении то, что у нас есть хорошего, представляется только нашему воспоминанию в приятном виде, подобно золотым шпицам П[етер]бурга или святой Москвы, которыми любитесь путешественник, не видя в внутренности города ни съезжей, ни полицейских, ни губернских правлений и еще более уголов-

*) *Архив, № 382, лл. 110—111.*

ных палат! Вблизи все представляется в своем настоящем виде; тиранство, варварство ограничивают взор. От того воображение человека подавляется, душа пустеет, и он уничтожается или приходит в совершенную нравственную незначительность. — Но что делать? Я решился ехать в Россию и не оставлять ее, есть ли возможно; быть свидетелем ее щастия и нещастия. Довольно об этом.¹

Здесь жил я так и сяк. Дела о саксонских ружьях окончить не мог, ибо все правительство здешнее на водах. — Жалованья моего не получил; но с помощью моего сопутника, Баранова, доеду покойно до Москвы. У Алопеуса часто обедал. Он всегда ласков. Но ни слова не говорил о представлениях, о которых он мне прежде писал. Я также не напоминал ему его эгоизма. — Я здесь получил от брата маленькое письмо, в коем он писал мне, что Каподистрия доложит о моем месте (пом[ощника] ст[атс] секр[етаря]) государю в Москве. Не знаю сбудется ли; но не думаю и не забочусь.² Брат писал мне в день отъезда своего в Москву. — Матушке везу я два бархата (de laine) на платье, два луизина на платье. Тет[ушке] М[арии] С[еменовне] черный платок, Ал[ексandre] Ильин[ичне] серого луизина на платье. Варв[аре] Сем[еновне] две саксонские салфетки. Сверх того Матушке на три платья канифасу с бордюрами. Твои посылки из Дрездена, видно, пропали. Адабашев живет теперь без гроша в Лейпциге, жил прежде также в Франкфурте. Книг я здесь почти совсем не купил. От тебя с Фр[анк]ф[урта] писем не получал. В Варшаве увижу Данилев[ского], чего не весьма желаю, и Жихарева, чему буду рад. Степан едва ли не лучше всех наших приятелей. Брату Ал[ександру] Ив[ановичу] везу черного сукна на фрак. Посылаю тебе его письмо, о коем выше говорил. У Свечиной в Фр[анк]ф[урте] я не был, ибо не почел за пристойное беспокоить ее. — В Лейпциге видел я Шварца, кот[орый] мне рассказывал кое-что о старых наших масонах. Вряд ли есть у нас такие люди, как тогда. Соколович показывал мне тогдашний журнал Живописец изд[ававшийся] Новиковым. И тогда осмеивали ужасным образом рабство. Но какая была от того польза? Все заставляет меня думать, что время плохой врач в болезни нещастия народного. Пульс его бьется веками. Тогда только делается хорошее, когда люди ускоряют ход времени. А теперь даже с временем итти не хотят, и удерживают ход его железными цепями! Петр, истинно вели-

кий и единственный, в обхват захватил несколько столетий. О, велика была душа его и благородна! Ему ничего подобного нет в истории народов! Но я все сбиваюсь, как ты видишь, на одну и ту же материю. Таков и ход моих мыслей. Ни о чем никогда не думаю как о России. Я думаю, есть ли придется когда-либо сойти съ ума, думаю, что на этом пункте и помещаюсь. Прости, брат! Желай счастья отечеству и храни в сердце самую пламенную любовь к нему! Прости!

Весь твой

Н. Тургенев.

82

СП[етер]бург 29 октября [1816 г.]*)

Письма твои, отправленные из Фр[анк]фурта Ореусом, вместе с N[ain] J[аune] здесь получены, равно как письмо с Раевским, и Шатобриан с другими брошюрами. Вот уже неделя, как я здесь; не вступил еще в должность и занимаюсь окончанием ликвидации с гр[афом] Нессельр[оде], т[ак] к[ак] правит[ельст]во должно утвердить и щеты и проч. П[етер]бург мне никогда не нравился и не может нравиться. Не видал здесь еще ни одного человека, с которым бы можно мне было говорить о любимой моей материи. Либеральности не вижу ни в ком; даже и брат Ал[ександр] Иван[ович] отклонился совсем от истинных правил и пустился в обскурантизм и сделался ¹ Хваленой их Карамзин подлинно кажется умным человеком, когда говорит о русской истории; но когда говорит о политике, т. е. Staats Verfassung и Staats Verwaltung, то кажется ребенком и Блудов тоже Поэт их Батюшков Id[em].

Тетушку В[арвару] С[еменовну] нашел я здесь совсем слепою. Мих[аил] Петр[ович] живет с нею, и кажется нет сомнения, что он навсегда отделался от Ал[ександры] Петр[овны], ибо сия последняя была ему неверною вскоре после свадьбы.

Об отечестве, брат, здесь говорить нечего. Здесь имеют о нем совсем иные понятия, нежели какие иметь должно. Здесь заметно, что либеральные идеи имеют защитою

*) *Архив, № 383, лл. 2—3.*

Сев[ерную] Почту и ее покровителя Козодавлева — лучшие средства гнать либеральность!² — Пруссию, как и всю Германию, нашел погруженною в прежнее ничтожество нравственное. Вся их Deutschheit свернулась на Turn-Anstalt, основанных Яном в Берлине и разпространенных во всей почти Германии.³ Пруссия поступает, сколько мне известно, деликатно с Саксониею. —

В Москве видел я кн[язя] Репнина и привел с ним дело его в порядок по сакс[онским] щетам. — Известиям твоим о старине Уваров не верит.

Ящики с шелком и башмаками для Матушки не получили. Но башмаки для урожденной Демидовой получены.

Отвечаю тебе на то, что 25 год есть перелом жизни; что переход от жизни мечтаний к действительности весьма труден. Я давно уже в кризисе и много говорил об этом в последний раз с Штейном. Он говорил мне истины, ужасно печальные и могущие утешить только сердце эгоиста, но справедливые. Конечно и он говорил об этом в 60 лет еще со вздохами!

Так как письмо твое, где ты пишешь об Арндте, получил я только здесь, то и не могу по оному исполнить. Но советую написать в Фр[анкфурт] к Божелли книгопр[одавцу] (An dem Herren Bojelli, Buchhändlerei Fr[anc]furt a/M[ain] auf der Zeil) и поручить ему прислать книги туда, куда хочешь. Для аккуратности можешь приложить деньги; и написать ему, что есть ли не достанет, то после пришьешь. Я уже ему в Фр[анк]ф[урте] говорил, что будут от тебя комиссии. Он с удовольствием все исполнит. — В рассуждении направления моего поведения, я много думал; но ничего лучше не придумал, как вести себя всегда твердо, одинаково и сообразно моему образу мыслей. Много будет недоброжелателей, но за то будет человека 2 или 3, кот[орые] будут чувствовать цену такому поведению. Мерриан писал мне однажды, что должно всегда быть — и никогда. ~~~ Я теперь ему пишу. —

Мне сказывали, что князь Козловский в Париже. Поклонись ему от меня. Неприятелей его здесь не уменьшилось. Несмотря однакож, что сии часто справедливы, я его все люблю, зная, что недостатки его происходят от доброты или даже от слабости характера, и будучи уверен, что есть ли бы жил с ним вместе, то я удержал бы его от несвойственных ему поступков, затме-

вающих*) его**) ум, и его***) душу, прекрасную во многих отношениях.

30 окт[ября]. В Москве пробыл я дней 12. Матушку нашел я, слава богу, здоровою, сколько можно по ее летам. Она выеж-жает, играет в бостон. Квартира у ней теперь весьма порядочная, на Земляном валу. Тетушка М[арья] С[еменовна] пополнела; живет в нововыстроенном своем доме на месте старого. Есть ли Ган с Козл[овским] в Париже, то скажи ему, что отец его много о нем беспокоится, не имея от него писем более 4 месяцев. — Здесь было стала зима, но опять нет и снег растаял. И физическая зима скучна и печальна; но все бы было сносно, есть ли бы вместе с этим не было здесь большого нравственного холода. Род моей жизни совершенно тот же, как за три года. Обедаю по старому у Луи, разница есть в том, что теперь не хожу в театр.

— Вчера был у меня Ал[ексей] Перовский. Он опять идет в статскую службу. Лев Пер[овский] выздоровел. Vasile ездит с Кутузовым, которой при вел[иком] князе Никол[ае] Павл[овиче]. —

Московский университет в упадке и в забвении свыше по причине куратора. Максима Ивановича Невзорова они выгнали несправедливо из университета; но надеются, что будет ему удовлетворение. — Прости. Как обживусь здесь, то более буду писать и порядчнее. Весь твой

Н. Тургенев.

Каверин в лейб-гусарах, кланяется тебе и все любит тебя по-старому.

83

30 ноября 1816. С. Петербург.****)

Вчера, любезной брат Сергей, получили мы письмо твое и вместе посылки: шелк для*****), башмаки для Матушки и Dis-

*) *Зачеркнуто*: в глазах слабых людей.

**) *Зачеркнуто*: великий.

***) *Зачеркнуто*: прекрасную.

****) *Архив, № 383, лл. 8—9.*

*****) *Не разобрано одно слово.*

cours de l'acad[émie] fr[ançaise], I № Nain Jaune и Chenier, для меня. Я благодарю тебя с своей стороны. Мы думали, что ты уже в Париже, и я не знаю, почему ты не желаешь быть там чаще и долее. Мобеж, я думаю, не многим лучше П[етер]бурга и потому как не быть, есть ли можно, в Париже? О себе скажу тебе, что я живу здесь совершенно таким же образом, как я жил здесь прежде. Видно я попадаю в П[етер]бурге в такую колею жизни, из которой освободиться нельзя. Дела у меня по службе почти нет. Рапорт о ликвидации и щеты представлял Нессельроде. Никто и спасибо не скажет. Между тем, все что я здесь вижу — состояние администрации, патриотизма и патриотов и т. п., все это весьма меня печалит, и тем сильнее, что не вижу и не нахожу даже подобных или одинаковых мнений в других. Невежество и в особенности эгоизм одержат всех. Все хлопчат, все стараются, все ищут; но все каждый для себя в особенности — никто для блага общего. Над теориею, над нравственностью, над законом, над точным и справедливым порядком вещей смеются; и имеют уважение только к воле, к власти и к тому, что делается, несмотря на то, что делается дурно. Они отторгнулись или всегда были отторгнуты от надежного берега порядка, закона, совести, справедливости и плавают по пространному морю на челноках беззакония, не нравственности, самовольства, невежества. Многие в виду их беспрестанно тонут, но остающиеся, привыкши сие видеть, не заботятся о своем положении и продолжают беспутное странствие свое. Можно, смотря на них, думать, что им их положение нравится. Некоторым животным нравится валяться в грязи, другим — возноситься к солнцу.

Карамзина история началась печататься. Многие, в особенности брат Ал[ександр] Ив[анович] очень ее хвалят. Что касается до меня, то я ничего еще не читал, но посмотрев на Карамзина, думаю, что мы будем лучше знать *facta* русской истории, но не надеюсь, чтобы сие важное для России творение разпространило у нас либеральные идеи; боюсь даже противно. Карамзин, сколько я заметил, думает и доказывает, что Россия стояла и возвеличилась деспотизмом, что здесь называют самодержавием, и доказывая сие заключает или по крайней мере, *pour être conséquent*, должен заключать, что самодержавие одно только и может сохранить величие России. Я осмелился однажды заметить на слова его: „мне хочется только, чтобы Россия подолеет постояла“. „Да что прибыли в таком стоя-

нии?“ и нашел сегодня в Арндте „Über d[en] Bauerstand“: „eine chinesische Ruhe ist kein Glück und liegt am aller weitesten von einem Staate der den Nahmen eines menschlichen Staates verdiente“.¹

О состоянии нашей литературы тебе ничего не могу сказать, ибо я ею не занимаюсь. Но мне кажется, что она в худшем состоянии теперь, нежели была прежде. Ученые заведения, в особенности и к великому сожалению, моск[овский] унив[ерситет] находится in einem zurückschreitende Zustande. Эдешние тористы как-то: Блудов, Дашков и другие, к коим присоседился в почетные и безгласные члены и Ал[ександр] Ив[анович], соединившись в общество, под названием Арзамаса, утешают себя, и только что себя, критикою и посмеянием дурных писателей и похвалами Карамзину. Но критика их, равно как и похвалы, относятся все к тем же вещам как и прежде — вечный Шишков, над коим один только ум Блудова может смеяться новым образом; вечный Шаховской, над которым бы и смеяться не стоит труда, и наконец с противной стороны вечный Карамзин.² Посему видно, что литература наша нейдет вперед ни в дурном, ни в хорошем смысле.

Северная Почта, как и у вас замечают, пустилась в либеральность. Так как мыши свидетельствуют иногда о богатстве житниц, так и пресмыкающаяся почта свидетельствует о либеральном духе теперешнего нашего правительства. Но как мыши вредны житницам, так и эта скверная почта вредна либеральности. Самая чистая вода, протекая чрез грязные места, мутится и портится и делается неудобною к питью. Так точно и либеральные идеи, излагаемые в этом журнале, делаются для жаждущих неспособными ко вкушению.³ C'[est] à d[ire] que les personnes, qui n'ont pas encore des principes arrêtés sur les idées libérales ne peuvent les goûter en les puisant de cet égot du Nord.

Табаку я для тебя купил 3 фунта. Не весьма хорош, но лучше нет. Постараюсь послать с послезавтрашним курьером вместе с письмом сим. Получил ли ты посланные 4 фунта с последним курьером? — От Гагарина брат получил письмо из Флоренции. Мих[аил] Орлов еще в Москве. Матушка видела его у Апраксиных. Мих[аил] Петр[ович] Путятин живет с тетушкою. Ал[ександра] Петр[овна] со своим батюшкою, кот[орого] Блудов называет Атреем Григорьевичем. Мих[аил] Петр[ович] на-

меревается ехать весною в чужие края и хочет быть и во Франции. Алексею Пер[овскому] письмо отправлено. Он будет определен в Департам[ент] дух[овных дел] иностр[анных] исповеданий. — Прости.

Весь твой

Н. Тургенев.

84

С.-Петербург. 17 декабря [1816 г.]. *)

Завтра едет в Париж обратно кн[язь] Долгорукий, и с ним посылаем письмо сие. На твое последнее, накануне отъезда из Москвы в Париж писанное, мы отвечали. Матушка о тебе весьма беспокоилась, но теперь опять успокоилась, узнав, что мы от тебя письмо получили. Табаку и чаю мы также тебе послали. Хотелось бы тебе сообщить отсюда что-нибудь нового. Но все новости здешние суть одни только возобновления, являющиеся ежегодно. Видно Россия долго еще не будет представлять ничего истинно нового. Итак новости здешние: главная, что офицерам прибавлено жалование, что впрочем весьма хорошо, что Уваров получил 2-го Влад[имира]. Solche sind die Judicien des vorschreitenden Zustandes des ganzen Reichs! Литературу российскую обогащает только Жуковский. Недавно он окончил другого певца своего. Гр[аф] Румянцев, кот[орый] взялся за ум и просится в меценаты, непременно хотел напечатать его на свой счет, что и будет сделано самым лучшим образом и с картиною Кремля. По сию пору существуют однакоже одни только корректурные листы, которые к тебе при сем посылаются. Да! с прошедшим курьером брат послал тебе Dictionnaire какой-то graphique de l'Empire de Russie par Wsevologsky. Если он тебе, по рассмотрении, не нужен будет, то отправь его к Стейну от меня, адресуя просто в Франкфурт. Ему это, вероятно, пригодится. Портрет для него кн[язя] Смоленского готов и пошлетя с 1-м случаем. Пожалуй, брат, не забудь снабдить меня известиями о финансах французских и на 817-й год, и в особенности бюджетом, если и можно листами Монитера, где будут les Discussions sur le Budget.

*) *Архив, № 383, лл. 10—11.*

Я никаких газет здесь не имею случая читать и знаю о произведениях европейских только наслышкою. Жихарев сообщал мне прежде газеты, но теперь он уехал в деревню. Мои налоги переписываются набело, и, по прочтении их некоторыми из здешних литераторов, думаю их печатать. Дела по службе в Совете у меня почти нет, в Комиссии совсем ничего не делаю и занимаюсь только чтением книг, провезенных мною из чужих краев. Жуковский вчера сюда приехал; остановился у нас, но будет жить у Блудова. Карамзина история печатается в двух типографиях. Говорят, что Каченовский готовится заранее критиковать ее. Университеты наши все, и в особенности московский, пришли в упадок. Кроме всех неудобств, одно состоит в том, что лучшие иностранные профессора из России выежжают, не будучи в состоянии жить своим здесь жалованием. Жалко на все это смотреть. Ликвидация моя еще не решена, но обещают скоро решить. — Данилевский, как я слышал, послан по поручениям во внутренние губернии. Вчера обедал я в трактире, а третьего дня у Дм[итрия] Марк[овича] Полторацкого с Каверинным. Он поручик в лейб-гусарск[ом]. Стал помирнее. Сюда приехал П[етр] Н[икифорович] Ивашев и идет в отставку. — Сегодня государь приказал или позволил определить Алексея Перовского в Департам[ент] иностр[анных] исповеданий. Дети ген[ерала] Алексеева получили посланные к ним инструменты.

Какова новая камера? Деказу, кажется, от нее досталось. Ништо! Что делает Мериан? Я ему писал уже отсюда, отвечая на полученное здесь письмо его. Пожалуй скажи ему, чтобы он по прежнему ко мне писал. Здесь вести из Европы от умных людей не только что приятны, но прямо, по здешнему мраку, и утешительны. А мраку здесь много, много! И Сушков был бы здесь из самых либеральных людей! Поклонись Шпису, есть ли увидишь, также в особенности и Козловскому, о котором прошу меня уведомить. Не знаешь ли ты чего-нибудь о Бервице? — В Париже теперь русских целая колония, и много таких обоего пола, которые делают честь России, но слышно, что есть и с противной стороны.

Брат опять пустился по балам и по гостям. Что робеть токуя! как гов[орит] Боголюбов. Мих[аил] Петр[ович] собирается весною в чужие края. Он живет с тетушкою, кот[орая] почти совсем ослепла: может только различать свет от темноты. Жена

М[ихайла] П[етровича] надеялась было и искала развода; но законы не позволяют. Хорошо еще, что хоть законы наши имеют негативную силу. Удобно нашим дипломатам, кот[орые], как гов[орит] Козл[овский], имеют только *des vertus négatives*. Прости, брат, живи в Париже, думай меньше о П[етер]бурге, но помни нас.

Весь твой

Н. Тургенев.

85

С.-П[етер]бург 4 янв[аря] 1817. *)

Спасибо, любезной Сергей, за твои письма и за брошюры, кот[орые] я не так, как прежде, потихоньку, но все вдруг перечитал. Брошюра *Villemain* делает по тому самому честь правительству, что правила, в ней заключенные в общем направлении своем гораздо либеральнее, нежели в Шатобриановых, истинно возмутительных либелях. Есть ли бы принцы не были на стороне ультров, то борьба правительства с ними утвердила бы оное и присоединила бы к престолу большую часть французов. Но участие принцев конечно вредит теперь пр[авительств]ву; есть одно только утешение, о чем намекает и *Villemain*, что кронпринцы, вступающие на престол, переменяют свои мнения; я замечу, что эта перемена всегда бывает, как в выгодном, так и невыгодном отношении. Либеральные кронпринцы часто делаются деспотическими королями, и напротив. Что Талейран ни говори, а Ришелье конечно заслуживает признательность Франции, есть ли он не показывает в себе большого политика, что теперь Франции и ненужно, то он показывает большую твердость, и главное его достоинство состоит в том, что он не принадлежит ни к какой партии.¹ Так как Канинг принадлежит и министерству, то я не удивляюсь, что он говорит вздор. — Но довольно о них. Я читал все, что ты пишешь о П[оццо ди Борго] и о том, что как он так и его хамики о тебе говорят. Мне досадно только то, что хамики сии слишком презрительны и не стоят ничего, кроме презрения или, при случае, уничижения, как говорят некоторые из наших анти-хамов. Впрочем, брат,

мы не затем принимаем либеральные правила, чтобы нравиться хамам. Они нас любить не могут. Мы же их всегда презирать будем. Поклонись Козловскому и скажи ему, чтобы он хамам не уступал по-прежнему. Люди, кот[орых] я здесь вижу, часто заставляют меня о нем думать с истинным удовольствием.² Вчера было здесь празднество в Библиотеке. Читан был 1. Отчет. Тут сказано, что 800 особ в течение года приходили в библи[отеку], чтобы только посмотреть ее; 400 же, чтобы читать книги, и сказано какие книги особенно были читаны. Это хорошо потому только, что мы можем судить о statu quo распространяющегося просвещения!!! Потом 2. Гнедич читал поэму: рождение Гомера. Потом читано 3. сочинение Греча: обозрение книг, вышедших в 16 году. Все прочее слушал я спокойно, хотя и с сожалением. Но это обозрение раздосадовало меня. Соч[инитель] говорит между прочим, что в других странах (!) просвещение не может распространяться, ибо там нет терпимости (какой вздор!), а что у нас она есть; что узаконения о цензуре у нас основывают какую-то благоразумную свободу и почитаются шедевром во всей Европе!!! Вот что должно здесь спокойно слушать! 4. Читал также Крылов три новых басни, кот[орые] есть лучший плод библиотеки. Тем и фарса сия кончилась.³ Между тем враль Греч вооружил против себя за свои рецензии в Сыне От[ечест]ва других вралей. Один из сих написал комедию, кот[орую] я сегодня видел в театре. Тут представлен Греч под именем Рецензина, а актер не пощадил его, сделав из себя совершенно похожую копию на оригинала, приняв его вид, ухватки и даже чахоточный его кашель. Между прочим Рецензина называют тут дураком, уродом, представляют подлым человеком и говорят о том, что его надобно поставить в Кунст камеру. Et le public d'applaudir! Вот невинные начала драматической критики в России. Я думаю, что скоро представляемые вещи будут бить на сцене! Греч водрит перо на Хвостова, говоря, что он наряжал актера Рецензина, столь на него похожего. — Брат писал уже тебе о Жуковском. Государь вновь явил при сем случае свой либеральный дух, прибавив награждение. Я этому тоже был рад, как материальности, т. е. прибыли для Ж[уковского] сего поступка. Находят награждение сие слишком важным. Но дела света им нравиться не могут. Данилевский ездил в Москву и по приезде своем сюда был у меня, я, входя в комнату, говорит Drei Tausend $\frac{1}{2}$ Sclaven, т. е., что он

женится на девице 14 лет, Чемодановой, у кот[орой] такое имяе. Дай Бог счастья. — О себе тебе ничего нового сказать не могу. Сижу все дома, как и прежде, и читаю книги, по большей части твои старые и новые финансовые брошюры. Налоги мои переписаны. Но надобно много исправить в слоге. Каверин бывает у нас и требует свои книги, но брат не дает, ссылаясь на тебя. Мих[аил] Петр[ович] живет с тетушкой. Напрасно ты хлопчешь о посылках Алекс[андры] Петровны: можно их и не посылать, есть ли это стоит труда. Да! Ты мне однажды прислал: *Des recettes et des depenses de la France, par Sabatier première partie.*⁴ Он обещал и вторую часть. Не вышла ли? Есть ли так, так потрудись мне доставить.

Письмо твое к Матушке доставлено, так как и все другие письма, в числе коих Ив[ану] Ив[ановичу] Гану. Поклонись Ал[ександру] Ив[ановичу] Гану. Скажи ему, что Каменский женился и живет барином в Москве; и что вскоре после свадьбы его открылись, но и прошли, весьма неприятные последствия амуров его венских. Табаку мешок и чаю и с сим курьером к тебе посылаем. Табак лучший и, кажется, лучше прежнего. Поклонись Мериану. Что ты о нем ничего не пишешь? Когда Старынкевич будет сюда? Мы думали, что он давно уже в Швейцарии. Ему усердный поклон. Бар[он] Розен здесь; говорили, что будет здесь одним из полицмейстеров, на место Адеркаса, кот[орый] сделан губернатором в Псков; но дело еще не решено. Сегодня Розен был у меня. — Герен недавно написал брошюру о Нем[ецком] Союзе: хороша но в хороших принципиях, т. е. *der Deutschheit*. Он слишком важного мнения о нем[ецком] Союзе и о членах его. Слышно, что у них нейдет на лад дело об *Allgemeine Bundes Armée*.

Это откроет глаза благонамеренным, но ослепленным немцам, как Герен.⁵

Уведомь: получаешь ли ты исправно наши посылки. С тех пор, как я здесь, послано тебе 3 раза чаю и табаку, также были и книги; да брат и прежде посылал. — В чем состоит в печати конституция Бельгии?⁶ Есть ли для сего есть несколько особо напечатанных законов, то пожалуй пришли. — С тех пор, как я здесь, был я уже три раза при заседаниях Арзамаса, о кот[орых] брат тебе уже писал. Жуковский и Блудов всегда читают речи и очень забавные. Литературные хамы на них всегда сердятся, а они над ними смеются, и дело делают.⁷ Прости,

брат, веселись в Париже, не думай о П[етер]бурге и помни о нас.

Что N[ain] J[aune] не выходит ли под каким именем?

Весь твой

Н. Тургенев.

86

С. Петербург. 1 февраля 1817 года.*)

Письмо твое вместе с Comptes rendus, Mercure,¹ Bonald, Lancastre получил. Премного спасибо тебе за первые, только половину их прислал ты вдвойне. Уварову Ланкастерову брошюру отдал. Она весьма глупа. Ты пишешь, что получил книги, а о табаке и чае, кот[орые] каждый раз мы посылали, ничего не пишешь. Неужели ты ничего не получал? Справься там, а здесь говорят, что все исправно доходит. Письма, тобою присланные, все доставлены или отправлены. Панкратьев еще сюда не приехал. Я все живу попрежнему. Теперь масленица; след[овательно] Совета нет, и я все утро сижу дома. Только в самое удобное время для занятий, утром, редко удается спокойно почитать; ибо посещающие брата Ал[ександра] Ив[ановича], бог знает зачем, иногда и ко мне заходят и мешают; так наприм[ер], и сегодня ничего не дали поделать. Это для меня тем боле неприятно, что от скучной жизни я и единственной пользы кот[орую] она доставлять может, т. е. пользы от занятий иметь не могу.

От Матушки мы почти каждую почту получаем письма. Она была нездорова, но теперь опять пришла в прежнее положение.

Что сказать тебе нового? В газетах, между прочим в Инвалиде, прочтешь ты речь, говоренную Paulucci в Митаве. Кажется, что надобно бы было делать по смыслу этой речи, а болтать об этом не надобно; тем более что любящие говорить почти всегда не любят делать. Между тем эта речь, не нравящаяся по вздору своему либеральным, испугает хамов и , которых доводы важны, есть ли не по силе разума, то по великому числу их. Относительно новостей другого рода скажу тебе, что здесь

*) *Архив, № 383, лл 18—19.*

вошло в моду между дурными авторами осмеивать друг друга и иногда и лучших наших литераторов на театре. Шаховской не постыдился даже, или лучше сказать, имел дерзость смеяться и над Жуковским в пиесе: Липецкие воды. Пиесу эту велено играть недавно в Эрмитаже, но с примечанием, чтобы роль Фиалкина (Жук[овский]) была выброшена. Но недавно видел я другую пиесу, в которой представлен издатель Сына От[ечест]ва, Греч, в роле Рецензина; пиеса глупая, и критика заключается в площадной брани. Вот успехи в драматическом роде. Все, кажется, идет у нас на всех парах. Я давно уже заметил, что Россия идет к просвещению совсем не тем путем, каким достигли до него другие народы. У нас все как-то навыворот. Я помню, что в пансионе рисовальщик Катрин начинал всегда картины рамками, после коих принимался уж за самую картину: вот ход всего в России.

От Бориса мы имели письмо; и посылаем его письмо к тебе. Он едет в Симбирск. О Петре Семеновиче не имеем никакого известия. Я говорил о нем Граббе, кот[орый], неожиданно для него, сделался шефом Лубенского полка, где служит П[етр] С[еменович]. — Тебе кланяется Козлов, кот[орый] вчера был у меня. Он был 3 месяца болен; ревматизм бросился в ноги, и теперь насилу ходит, и то держится или за стены, или опирается на палку. Перовский служит в деп[артаменте] у князя. Всякой день бывает здесь. Но жаль только, что утром. Данилевский едет в Москву жениться на Чемодановой, 14-ти лет, и берет за нею 3500 Sclaven, как он говорит. Репнина как-то разбили лошади и проломили ему голову — где тонко, тут и рвется!

Мои налоги брат прочел. Теперь отдаются на прочтение Блудову и Дашкову; есть ли они скажут да, то буду печатать. Где Старынкевич? Скажи ему о Граббе.

Произведениями здешней литературы я мало занимаюсь. Потому что читать этот вздор — значит сердиться на сочинителей и жалеть об отечестве. Вообще здешняя жизнь мне никак нравиться не может, и не вижу даже, когда и как понравиться может. Но надо терпеть. Это на до меня только и утешает. Прости, любезной Сергей, поклонись Мериану. Что он делает? Пиши о себе. Что ты делаешь, как в Мобеже, так и в Париже? Твои письма бывают для меня праздником; все прочее будни, и будни самые скучные и единообразные. Прости. Весь твой Н. Тургенев. С сим курьером ничего, кроме писем, не посылается тебе.

12 февраля (С. П[етер]бург 1817.*)

Пишу к тебе несколько строк с отправляющимся отсюда в Париж г[осподином] Лабенским и вместе посылаю тебе два письма к Сушковым от Бориса и дядюшки; последнее прислано так, как и посылается, незапечатанное. Борис должен быть теперь в Симбирске, потом будет сюда, представится Закревскому, и есть ли понравится, то будет определен. Дядюшка П[етр] П[етрович] советует мне перевести самому те книги, кот[орые] я ему прислал по твоей записке!! Вчера сказывали брату в канцелярии Закревского, что две из наших к тебе посылок не отправлены, но будут отправлены, о чем из канцелярии к вам и дано знать.

От Матушки мы по последней почте получили письма. Она пишет, что думает приехать сюда осенью.

У нас теперь великий пост. На святой неделе вряд ли еще перестанут ездить в санях. Впрочем, для меня в особенности все равно: у меня в комнате ни на санях ни на колесах ездить нельзя. Я все живу попрежнему. Занимаюсь своим делом мало, по службе еще менее. Книгу мою отдал читать Блудову. Есть ли скажет, что годится, то напечатаю. Последнее произшествие, случившееся с принцем регентом, подало здесь повод к различным толкам, и все нащел бедной конституции английской. Чем все это в Англии кончится? Я думаю, что все обойдется без больших потрясений и без вреда свободе англичан и их несравненной конституции, кот[орую] можно почитать *chef d'oeuvre* ума или лучше сказать рассудка человеческого.¹

Прости, будь здоров и весел.

Весь твой Н. Тургенев.

Панкратьев сюда еще не приехал.

25 февраля 1817 (П[етер]бург.**)

Сегодня, любезнейший брат и друг Сергей, получили мы письмо твое от 6/18 из Мобежа, вместе с *Reflexions* о убавлении

*) *Архив, № 383, лл. 22—23.*

***) *Архив, № 383, лл. 24—25.*

числа союзных войск во Франции. Это должно, повидимому, быть твоего сочинения; но ты ничего об этом не пишешь. Также кажется, что ты это писал не по службе или не *ex officio*, а для себя, — или для чего другого.¹ Что за виды у тебя на уединенную жизнь? Право, брат, совершенное уединение скучно и даже скучнее совершенного рассеяния. Живи куда можно и сколько можно более в обществе с другими интересными и неинтересными людьми. Есть ли придется жить здесь, то увидишь, что уединение имеет здесь особенные неудобства, происходящие от размышления, неразлучного с ними. Размышления здесь не ведут ни к каким приятным результатам. Человек с сильными чувствами легко может попасть здесь на пагубное правило: стараться терять время, а не выигрывать или пользоваться им. Руссо гов[орит] в Эмиле, что при воспитании ребят до 12 лет должно иметь в виду главным правилом *non de gagner du temps, mais d'en perdre*. Здесь легко можно побудиться принять это правилом для всей жизни, в особенности когда лучшая половина жизни прошла невозвратно. —

Вчера было у нас заседание Арзамаса. Я не мог избежать общей обязанности всех членов говорить при вступлении речь, и *malgré bongré* вчера прочел в Арзамасе преплохую, тем более, что в Арзамасе много ума, и речи должны быть шуточные. Члены из учтивости однакоже смеялись и довольно громко. Неизтощимый и остроумный Блудов всегда смешит нас до нельзя, Жуковский, когда был здесь, тоже. В будущее заседание, вероятно, будет принят в Арзамас Мих[аил] Орлов, которой теперь здесь, но кот[орого] я еще не видел.² По приезде его сюда явился к нему какой-то полицейский чиновник и отобрал у него какие-то запрещенные книги. Брат Ал[ександр] думает, что это мистификация от Алексея Орлова, но это невероятно. — Письма к банкиру Монреалу и к Дубовику отправлены. — Говорят, что Алекс[андра] Петровна Путятина вышла тайно за Арбса замуж. Это бы совершенно сделало свободным Михаила Петровича. — Об уменьшении армии во Фр[анции] знаю я только по газетам. Я также и прежде думал, что есть ли хотя уменьшить ее, то всего приличнее и удобнее вывести из Франции маленькие контингенты немецкие, датский и шведский. (Но о сем последнем ничего не слышно.)

Налоги мои читает теперь Блудов, но весьма медленно. Из финансовых явлений у нас важно теперь то, что курс вексель-

ный на чужие край весьма возвысился. Это не от чего другого происходить может — как от сильного вывоза хлеба за границу. Вероятно от той же причины и серебро против ассигнаций упадет, или, справедливее, ассигнации возвышаются против серебра; так что серебряный рубль, бывший уже за 4 рубля асс[игнациями] теперь 360 или 70. Я часто замечал, что en gros мы почти всегда умны и догадливы, но en detail... Le gros bon sens правительства ясно показывается в неограниченном позволении вывоза хлеба; меркантилисты или чернь публики этого не хотят. Еще та беда, что у нас самих во многих местах был неурожай, например, в Симбирске не родилось хлеба уже 5 лет.— Вывоз, говорят, хлеба пребольшой, но между тем не слышно, чтобы хлеб вздорожал; он дороже прежнего, напри[ме]р, в Симбирске, но не от вывоза, а от неурожая. В Одессу, говорят, взошло более 50 мил[лионов] за хлеб. В Риге заказано уже на будущий год на 20 м[иллионов]. Вот где баланса надобно искать — свобода все приводит в равновесие. Желательно, чтобы в Европе знали систему нашего финансового управления относительно сего. Кроме чистых денег, можно думать, что такое требование хлеба умножит произведение его; и самые простые люди будут в состоянии понять, как можно стерлингами, гульденами и франками обрабатывать русскую землю.³ Сея и Катехиз*) переведен теперь на русской — не знаю как.— В Камере депутатов нет, кажется, ни одного истинного оратора. Суждения о бюджете 817 несравненно слабее, чем в прошлом году. Франция по сию пору еще мало видела пользы от репрезентации. Замечательно, что сказал Лене в Камере перов о оппозиции принцев. Эти слова, произнесенные министром публично, еще более отдалят народ от принцев.— Панкратьев приехал, и письма твои я получил и думаю, что уже отвечал тебе на них. Что делает у Вас Н[иколай] Ал[ександрович] Стар[ынкевич]? Я слышал, что он что-то пишет о французской юриспруденции. Совсем бы это не мешало. Практические замечания умного человека по этой части у нас, как молния, рассеят тьму нашего законодательства, хотя, как молния же, и не оставят после себя, может быть, никакого света. —

Прости. Весь твой.

Н. Тургенев.

*) Так в подлиннике.

[Приписка к письму А. И. от 28 февраля 17 г.*)]

Письмо твое, посланное с Лобановым, я получил. Постараюсь в точности исполнить твое поручение относительно бумаг твоих о масонстве. Сегодня приехал сюда из Москвы А[лександр] Н[иколаевич] Баранов; я этому несколько рад, потому что знаком с ним более, нежели с другими здесь в П[етер]бурге. Жихарев также скоро должен сюда возвратиться.

Монитера, посланного тобою с ф[ельдъ]ег[ерем] Михайловым, я еще не получал. Спасибо тебе наперед за него.

Прости.

Весь твой Н. Тургенев.

Как живет Мериан и что делает Старынкевич?

С. П[етер]б[ург] марта 6 [1817 г.**]

С прошедшим курьером писали мы к тебе, любезной Сергей. Теперь опять едет другой. По записке твоей о Поле справлялся брат, и ответ написан на ней же.

Вчера получил я письмо от Петра Петров[ича]. Он пишет, что Борис и Ив[ан] Сем[енович] в Симбирск приехали, и все предлагает мне перевести или дать перевести на русской присланную ему мною книгу, о кот[орой] ты когда-то мне писал.

Матушка пишет, что наняла в Москве теперь хорошую и теплую крвартиру. Пишет также, что тет[ушка] М[ария] С[еме]новна] нездорова и не хочет брать лекаря. *Ce n'est pas si mal qu'on le pense.* Я сам думаю, что медицина не много принесла пользы роду человеческому. Есть ли в средних веках было гораздо более болезней, тяжких и заразительных, нежели теперь, то конечно не медицина улучшила теперешнее состояние европейцев, но просто общая образованность.

Здесь все говорят, что Ал[ександра] П[етровна] Путят[ина] вышла замуж за Арбса, и это, между нами, правда. Это сделает

*) *Архив, № 382, л. 29.*

**) *Архив, № 383, лл. 31—32 и 30.*

М[ихаила] П[етровича] совершенно свободным. Свадьбу таят — за чем же жениться?

Фельдъегерь Михайлов, вероятно, еще не приехал, ибо Монитор я не получил.

Здесь пронесся слух, что фр[анцузский] король весьма болен и что это французов весьма беспокоит. Уведомь, при удобном случае, что делает Орлеанский в Париже, и останется ли он там?

Я по старой привычке занимаюсь т[ак] ск[азать] дневною политикой, хотя и весьма мало к тому случаев и способов имею. Изредка присылай мне иностранные газеты, а в нашем Conservateur мало путного. Вы его, вероятно, получаете. Прочти в № 18 „Observations sur les véritables intérêts de l'Europe“. Эта статья писана Каподистрием. В 17 № о библейских обществах статья писана Стурдзою.¹

Мое дело по ликвидации еще не кончено. И я ни на кого так не зол, как на Нессельроде. Все обещает кончить и все не исполняет своего обещания. В здешних, как гов[орит] Баранов, в а р в а р и й с к и х странах это не почитается грехом: обещать и не исполнять.

Данилевский едет на сих днях в Москву жениться на молодой хорошенькой девушке Чемодановой, имеющей 80 т[ысяч] доходу. Pas si bête!

Сейчас мы получили письма твои 16/28 и 5 февр[аля] вместе с финансовыми вещьми. Премного благодарю как за них, так и за сообщенные новости. Финансовые вещи здесь потому важны, что ни у кого их нет, и я почти никому их не даю. Думаю, что и в миа[истерстве] фин[ансов] ничего не получают.

В финансовых книгах прислал ты мне comptes не только что вдвойне, но втройне.

Прежде ты прислал.

1. Comptes rendus en 1814—1815 première partie in 4 особо.

2. Comptes r[endus] en 14 и 15 2-de/PP. in 4 особо.

3. Comptes rendus en 14 и 15 in 4, 1. 2. 3. 4 parties вместе.

Теперь прислал еще сего последнего экземпляра еще один — не ошибка ли это? Уведомь пожалуй.

При сем посылается тебе вексель в 1200. Есть ли они тебе не нужны для житья, то употреби на покупку книг. — Перье я прочел — весьма слабо и в начале несправедливо. Заем сам также

не понятен. Он уже напечатан, и я его читал в гамбургских газетах. Тут между прочим сказано, что гамбургские купцы, подписывающие сей договор займа, обещаются дать в оном участие французским купцам на $\frac{1}{3}$. Это непонятно. Почему не начать было с французов? Ответ в Монитере также плох. Посылаются также тебе два листика из Conservateur, где две пиесы Стурдзы и Каподистрии.

Граф Сиверс и Козлов тебе кланяются. Последний уже 4 месяца страдает ревматизмом в ногах и по сему может ходить по комнате, и то немного.

Секунду векселя я пришлю после. Но уведошь о получении ргиты.

Прости. Весь твой Н. Т.

P. S.

Нет ли чего особенно напечатанного о fonds или Caisse d'ammortissements, где бы ясно и подробно изложены были правила, на коих сии казны основываются вообще, и в особенности в Англии и во Франции? Поищи, брат, об этом. Также бы мне хотелось иметь описание всех кредитных учреждений во Франции и в других государствах вообще, как-то: банков, caisses d'escompte et de dépôts. Мне бы хотелось что-нибудь об этом написать для России, есть ли увижу, что это может быть полезно.

Что делает Мериан и при какой должности Сушков и Энгельбах?

Письмо твое, любезнейший брат, от 6/18 марта, вместе с книгами и с табаком, мы получили, и много, много благодарю тебя за присылку книг и журнала (Mercure). Я только было хотел просить тебя о Hennet, тобою присланном, о кот[ором] я читал рецензию в Journ[al] des Débats.¹ По письму твоему, полученному с кн[язем] Лобановым, я искал во всех твоих

*) Архив, № 383, лл. 35—36.

бумагах о в[ольных] к[аменщиках], но ничего не нашел, кроме двух запечатанных пакетов с надписью: не распечатывать. Вчера брат кн[язя] Лоб[ано]ва, посылающий к нему в деревню разные мос[ковские] вещи, прислал ко мне и за твоими бумагами, и я отвечал ему, что ничего не нашел, но брат Ал[ександр] Ив[анович] хотел, чтобы я распечатал запечатанные тобою пакеты, что я и сделал, и найдя в первых словах, что дело идет о мне, я пересматривал далее, опять их запечатал и отправил к кн[язю] Лоб[анову] и получил от него расписку в доставлении. Он отправляет их с своим управителем к брату в деревню, которой их тебе и доставит. — О Грече ты как угадал. Он отпет в Арзамасе, и отпет мною. У меня нет копии с моей речи. Но я постараюсь тебе ее достать и прислать для тебя одного. Мих[аил] Орлов вступил в Арзамас и в первом заседании будет говорить речь, т. е. отпевать одного или нескольких беседистов.² — Жихарев возвратился из деревни и тебе кланяется. Тетушка В[арвара] С[еменовна], у которой мы сегодня обедали, также просила написать тебе поклон. Она совсем ослепла, только едва может отличать свет от тьмы. Ал[ександра] Петр[овна] вышла за Арбса замуж. М[ихаил] П[етрович], ссылаясь на это, просит развода. Кривцов, кот[орого] ты знал в Париже, теперь здесь и часто бывает у меня; сегодня провел у меня вечер. Сегодня я ездил с Мих[аилом] Петр[овичем] под качели. Теперь св[ятая] неделя у нас, т. е. последний день оной.

Письма, тобою присланные, все разосланы.

Певец на Кремле Жуковского и здесь его приятелям не так понравился, как первой его певец. Заметен недостаток живости, но стихи все хороши. Он в Дерпте. Бывшая предметом его... не знаю чего... вышла за Мейера. Я думаю, это тот самый Мейер, которого я знал в Гёттингене. В Духе Журналов, кроме глупостей, ничего не печатается. Замечательною была только одна статья о почтах, которой опровергается мнение мин[истра] вн[утренних] дел на счет почты. Но и эта пиеса заметна только потому, что опровергает, хотя и весьма дурно и слабо.³ Цензура иностранных книг зависит не от м[инистерства] просв[ещения], а от м[инистерства] полиции. Там все запрещают. Между прочим у Мих[аила] Орлова конфискован, вероятно ошибкою, вольтеров Лексикон. Каверин был сегодня у меня. Я ему показывал, что ты пишешь о нем. Он уверяет, что ничего тебе не

должен. Но книг все я ему не даю. Отец его женится на девице Богдановой, имеющей 2000 душ. — Так как я никуда не хожу и не ежду, кроме как в трактир обедать, то и не знаю ничего нового. Французские газеты иногда читаю. Лене мне всегда нравился. Твердый голос его, которой я слышал в Камере, показывает уже порядочного человека. Деказ мне не нравился, по причине рода его занятий; но прочтя его речь, где он говорит о числе арестованных в силу de la loi sur les six séditieux,⁴ я нашел, что он хорошо делает свое дело, есть ли впрочем число арестованных было точно так умеренно, как означено в речи. Риш[елье] слабость не понятна; кого честной человек может бояться? О достоинствах П[олцо ди Борго] я давно слышан уже от Шт[ейна]. Он первый начал говорить о нем так, как гов[оришь] теперь ты и другие, приезжающие из Парижа. Немецкий сейм насилу-то сделал хоть одно путное дело, признав несправедливость поведения гессенского деспота с изгнания*) относительно тех, кои купили имения бывшего вестфальского прав[ительств]ва. Курфюрст протестовал против решения сейма, но сейм ему отвечал.⁵ В Пруссии вместо репрезентации делают Совет.⁶

Книгу мою Блудов прочел. Я исправил некоторые места по его замечаниям. Но теперь еще совершенно не решился. Десять раз примерь да один отрежь.

Относительно к финансам важного здесь то, что откупы винные прекращаются. С прошествием срока последних через $1\frac{1}{2}$ года введется род винной Regia. Винокуры или курители будут заключать с казною договоры о поставке ей вина; казна сверх цены, которую заплатит, наложит на каждое ведро по $3\frac{1}{2}$ рубля акцизу и будет продавать по сей цене всем, кто пожелает держать кабаки. Право, кот[орое] имели помещики курить 90 ведр**) вина для домашнего обихода уничтожится. Это впрочем касается только до 29 великороссийских не привилегированных губерний.⁷ Завтра танцует Antonio, ангажированный здесь, говорят, за 30 000 в год.

*) Так в подлиннике.

**) Так в подлиннике.

С.-Петербург 3 мая 1817 г.*)

У нас май хоть куда. Давно такого здесь не помнят. Третьего дня и я был на гулянье, а именно с Мих[аилом] Петр[овичем] на его экипаже. Не знаю, долго ли простоят такая погода, но порядочная — и жить можно.

Тетушка В[арвара] С[еменовна] весьма нездорова. За несколько дней была даже в опасности. Теперь хотя и нет, кажется, опасности, но все еще весьма слаба. От Матушки мы каждую неделю получаем письма. Она все хлопочет о покупке деревни. Но все хочет, видно, сделать вдруг, и от того беспокоится и попадает на невыгодные деревни. Теперь торгует или хочет торговать деревню, где все мордва. Потом, как она всегда предварительно спрашивает нашего мнения, то я и писал, что с этим народом неприятно будет жить в деревне.

Письмо твое от 8 и 10 апреля из Парижа мы получили. Брат тебе будет отвечать о азбуках и газетах.

Нового у нас, по крайней мере для меня, ничего нет. В Арзамас принят М[ихаил] Орлов. Дашков сегодня едет в Константинополь к рос[сийской] миссии. Он должен быть в скором времени сов[етником] пос[ольства]. — Шредер отправляется сов[етником] пос[ольства] в Париж. — Когда войска ваши поедут по морю домой, то ты можешь прислать с ними книг, есть ли таковые есть к посылке. Да пожалуйста, брат, пришли такого табаку мне, какой Готье прислал в последний раз Матушке. Моя парижская провизия приходит к концу и продолжится, думаю, 3-х или 4-х месяцев.***) Водю однако же, думаю, нельзя посылать табак. Кривцов переведен в иностр[анную] колл[егию] сов[етником]. Он теперь здесь. Часто бывает у меня. Малой весьма хороший и чувствующий благоразумие и важность истинно добрых правил.

Жихарева я также часто вижу. Он теперь негодует, что ничего не имеет делать. Он тебе кланяется.

Н. Тургенев.

*) *Архив, № 383, лл. 40—41.*

**) *Так в подлиннике.*

С.-Петербург. 10 мая 1817.*)

Николай Иванович Греч, отправляющийся на эскадре, кот[орая] должна везти часть корпуca вашего, доставит тебе письмо сие. Прошу с ним познакомиться и полюбить его, несмотря на его мнения о цензуре и о блаженстве России: впрочем мнения официального. — Письмо твое от 6/18 апр[еля] мы получили вместе со всеми брошюрами и с Монитером. Спасибо за все. — Я финансами все занимаюсь, и книги твои мне очень полезны. Потрудись прислать мне: *Tables de Logarithmes des nombres entiers, au moyen des quels la multiplication se reduit à l'addition et à la soustraction*. Я читал, что эта книга хороша для делания щетов и изчислений; в особенности для тех, кот[орые], как я, не мастера сего дела.¹ Хвалят также о сем же книгу *Varente*. Также для брата можно прислать: *Des avantages de la Mendicité bien réglée par L. P. A. H.*² Мне она в рецензии понравилась.

Из письма твоего вижу, что в Париже говорят о том, о чем говорят в Москве и в других местах России, но только не в Петербурге. Матушка даже долго не могла решиться искать для покупки деревни, веря слухам на щет освобождения крестьян. Нашлись даже добрые люди, которые писали в Москву, что мы здесь занимаемся и употреблены по сей части — совершенный вздор. Но те, которые об этом писали, отгадали мое мнение, или по крайней мере в воображении своем представляли мне такие занятия, коим бы я весьма был рад. Все эти слухи основываются на постановлениях о лифляндских крестьянах. О наших русских здесь ничего не слышно, и ничего, кажется, не делается. Есть ли бы было что-нибудь о сем *sur le tapis* и есть ли бы я знал об этом, то это услаждало бы теперешнее мое существование, скучное и ничтожное. Есть ли бы что-нибудь было на то похожее, то это вселило бы в меня надежду, но нет ничего. *A fiat justitia* справедливо.

Манифесты о финансовых операциях к тебе посланы. Кажется Ал[ександр] Дм[итриевич] Гурьев предполагает в отце своем такие виды, кот[орые] он вряд ли имеет и иметь может. Новые постановления об откупах узнаются опытом.

*) *Архив, № 383, лл. 43—44.*

Что касается до кредитных постановлений, то они могут быть полезны и не могут быть вредны. Но в сем последнем только и заключается вся похвала их. Устав о погашении долгов написать немудрено. Можно даже было написать и устроить лучше, нежели сие сделано теперь. Самая сия легкость и привела министра к сим мерам. Но есть другие меры, до внутреннего управления по части финансов касающиеся, которые несравненно были бы полезнее и теперь нужнее, которые не предпринимаются, вероятно, потому что сие последнее труднее, требует более доброй воли, сведений, как общих так и частных, более ума и более способностей, нежели сколько представляет министерство фин[ансо]в. Вся теория нашего министерства фин[ансо]в заключается в голове Балугьянского, кот[орого] Stein справедливо назвал une bibliothèqne renversée. Ума же и способностей и сведений основательных, кажется, во всем министерстве нет, а есть много самоуверенности, свойственной всем слабым и ограниченным людям. — Все новые учреждения должны, по уставу, рассматриваться в Департаменте экономии Совета, но министр не в ладу с президентом Деп[артамен]та Мордвиновым, и потому был сделан временный Деп[артамен]т, состоящий из приятелей министра, кот[орые] все утверждали, не рассматривали — да и не в состоянии рассматривать. Таким образованием основание кредитной системы начинается пренебрежением правил и существующих узаконений. Belle manière de commencer.³

Тьма и хамство везде и всем овладели, или лучше сказать не выступили из владения.

Мих[аил] Орлов вступил в Арзамас и сказал прелестную речь. Я с ним там только и видаюсь. Раза с два был у него: умной и прекрасной человек. Намерения и характер его превосходны.⁴ Книгу, присланную тобою для него, к нему отослали. — Третьего дня приехал сюда Борис и вероятно здесь останется. Также и Жуковский, которой тебе кланяется.

Прости.

Весь твой Н. Тургенев.

14 мая 1817. С.-П[етер]бург.*)

Между прочими отправляющимися с эскадрою во Францию, гр[афиня] Разумовская и издатель Сына От[ечества] Греч везут к тебе от нас письма и посылки, из книг, чая и табака состоящие. Эскадра отправляется послезавтра.

Вот тебе новая комиссия: Елисавета Петровна Путятина поручила мне просить тебя прислать для нее: 1) две дюжины длинных белых перчаток и 2) пол-дюжины шелковых узорчатых чулок. — Уведомь меня при посылке о цене сих вещей, и я получу с нее за них деньги. Тетушка была очень больна. Теперь ей лучше, но все еще слаба, и что всего хуже, во время болезни лишилась последнего зрения. Прежде она могла различать свет от тьмы и видеть, хотя неясно, некоторые предметы. Теперь говорит, что и сего утешения лишилась. Положение ее ужасно. — Процесс Мих[аила] Петр[овича] продолжается. Между тем Алек[сандр] Петровне запрещено сожитие с новым ее мужем. Мих[аил] Петр[ович] впрочем весел и рассеивается своим родом жизни.

Данилевский в Москве женился. Только слухи московские продолжают преследовать его, и теперь в Москве говорят, что он не может быть мужем. Такие обвинения ныне в моде, тем более, что опровергнуть их a posteriori невозможно.

Сергей Соковнин, прежний наш товарищ, также сделался баснею московской публики. Он давно уже влюблен в княгиню Вяземскую, жену поэта. Недавно встречается с нею на бульваре и публично бросается перед ней на колени. Об[ер] пол[иц]-мейстер, главный сберегатель общественной нравственности у нас — в других местах у них другие, более прозаические обязанности — запрещает ему являться на публичных гуляньях. Но Сок[овнин] встречает на другой день на бульваре мужа одного и бросается перед ним на колени, изъясняя ему его, т. е. Вяз[емского], щастие. — Потом Сок[овнин] уехал в деревню, и слух пронесся, что он там застрелился: впрочем слух неверный, по самому своему вероятию.

Сегодня духов день. Против нас в Летнем саду гулянье. Брат зовет гостей смотреть из своих окошек и велел для них

*) Архив, № 383, лл. 47—48.

заготовить форму мороженого — не по сезону, а по резону, и десяток апельсинов!!

Прости. Весь твой Н. Тургенев.

Жуковский тебе кланяется.

95

[Приписка к письму А. И. от 9 июня 1817.]*)

Нравственная пустота не позволяет мне писать к тебе обстоятельно, любезной Сергей! Меркурия, Жерманика,¹ Vanques Sab[atier]² и проч. мы получили. Спасибо тебе. Последняя кажется не важная книга. В Жерманике есть прекрасные места — характеры хорошо изображены. Но вообще также не весьма важная пиеса. О протестации против занятия Ольденбурга³ я говорил с Блудовым, которой обещал мне постараться достать ее. Но на него я плохо полагаюсь. Он также говорит, что эта пиеса незначительная.

Арзамасское общество решилось создавать журнал. Заготовь, брат, ты что-нибудь для журнала. Ты стоишь в числе вспомогателей, равно как и Старынкевич, от кот[орого] мы надеемся иметь пиесы о законодательстве, администрации и т. п. Мы пришлем вам программу журнала, когда она выйдет. Орлов очень рад журналу и обещает много помещать в него.⁴ У нас в Совете теперь ваканция будет на 1 месяц. Я почти ничего и для себя здесь не работаю. Странно жить в П[етер]бурге. Точно ohne Sturm und ohne Ruhe! Книга моя готова, но, по неважности ее, не решаюсь еще печатать.

Жихарев поехал на сих днях в деревню: у него умер отец. Ты верно знал Кенигфельса, кот[орый] был со мною в Нанси. Он путешествовал по Италии и умер горячкою в Неаполе! Шредер отсюда отправился. Узнав его, ты переменишь о нем свои мысли. Он малой доброй — но хам.

Что делает у вас Старынкевич? Приезжающие от вас сюда говорят, что он много занимается и работает. Но что? Не знаю. — К Мериану написал письмо, но пошлю после. Поклонись ему от меня. — Прости. — Весь твой Н. Тургенев.

*) *Архив, № 383, л. 58.*

2 июля 1817 СП[етер]бург.*)

Я очень обрадовался, любезной Сергей, получив письмо твое из Ахена. Тамошние воды могут быть тебе полезны, а также и прогулка, перемена местопребывания и т. п. Жаль, что нехороша погода. В Европе, как видно, ни естественный, ни нравственный порядок восстановиться не может. Везде в чужих краях жалуются теперь на дожди, прошлого года жаловались на дожди и на засуху. У нас также не все в природе идет как должно. Здесь в П[етер]б[урге] май был необычайно хорош: но зато теперь часто идет дождь, иногда град, и жаров с мая еще не было. В Симбирске 5 лет был неурожай. Теперь пишут, что озими отчасти побиты градом, а яровой хорош. О моральном у нас говорить нечего.

Теперь мы живем здесь посреди праздников и иллюминаций. Вчера была свадьба в[еликого] к[нязя] Ник[олая] Павл[овича]. Галстук мой иллюминирован влад[имирски]м крестом, по представлению гр[афа] Нес[сельроде], за ликвидацию. Это бы хорошо: но то неприятно и весьма неприятно, что брату Ал[ександру] Ив[ановичу] предстоит такое же награждение, кот[орое] для него в его положении и по службе не может быть лестно.— Мне бы очень хотелось, чтобы жители Рейнских прусских провинций были довольны теперешним своим правительством. В прусской администрации много хорошего, но есть и дурное, в особенности дух их чиновников и офицеров, кот[орый] не может нравиться гражданам, в особенности новым подданным. Также и то должно быть для них невыгодным, что они теперь не могут сбывать так легко своих мануфактурных изделий. Прежде оные шли без препятствия во Францию. Теперь при входе во Францию должны платить большие пошлины.¹ Я отчасти только читал Стурдзову книгу: она показывает большой ум автора; но жаль, что он не употребил его на что-нибудь другое. Азбуки к тебе посланы с Гречем и с графиней Разумовской, и теперь ты, вероятно, уже их получил. Также табак и чай, верно, уже получил.— Я был того мнения о жидах, как и ты теперь; но с некоторого времени переменил его, в особенности, посмотрев на привилегированных жидов в Франк-

*) Архив, № 383, лл. 59—60.

фурте и Пруссии. Они портят торговлю и вредят доброй промышленности христиан. В юных государствах, какова Россия, они никогда существовать не должны. Пример вреда их представляет Польша. В Германии все того мнения, чтобы нигде им не давать равных прав с другими гражданами; так думают там и либеральные люди и . А там жида лучше наших, и народ промышленнее нашего.²

История Робертсона не дополнена. Также и Блэкстона не достать у брата последней книги. — Речь моя арзамасская, право, не стоит посылки. У меня же и нет такой. Надобно вытребовать из архива арзамасского. Здесь также много говорят о поселении полков. Порядочно я этого дела не знаю. Бумага, кот[орую] тебе брат послать хотел, касается до сего поселения; впрочем она неважная, и состоит только в изложении главных понятий о поселении для самих крестьян. — Самойлов был болен, но не умер, а выздоровел, к радости всей почтеннейшей публики. — Брошюры мы получили и благодарим. Я успел прочесть только Mercure. Статья политическая весьма несовершенна и в отношении к Германии неосновательна и поверхностна; но о Бельгии, хотя тоже коротка, но хороша.³ За что ж Сушков в претензии? Его представлял ф[ельд-]маршал, и никто не мог тут содействовать. — В Иванов день я был здесь в ложе. Здешнее масонство никуда не годится. Они и при пустяках своих успели поссориться, разделились на две отрасли, и одна бранит другую.

Мих[аил] Петр[ович] отправился отсюда через Москву в чужие края. Тетушка после его отъезда опять очень занемогла, но теперь лучше, хотя она и весьма слаба. — Записок Ив[ана] Влад[имировича] у нас нет. У брата они были, но он гов[орит], что их взял у него Старынкевич и не возвратил.

Прилагаю тебе при сем письмо от П[етра] Н[икифоровича] Ивашева. Он весьма желает поместить сына к гр[афу] в адъютанты. Это бы хорошо. Малой он хороший и умной, и молод, и может несравненно с большею пользою для внутреннего своего достоинства служить при графе нежели здесь в полку, но возможно ли это? Пожалуй уведошь. Есть ли да, то постарайся. — Посылаю тебе также и письмо Козлова. Он все болен ревматизмом в ногах. Оду я ему отдал, но не отдал еще Германика; кто-то у нас его взял читать и еще не возвратил. Есть ли не найдут, то отдай ему экземпляр, присланный мне Борисом из Фр[анк]-

фурта. Имение Ив[ана] Влад[имировича] продается. Савинское купил какой-то Чебышев за 75 т[ысяч] и тотчас же продал лесу на 100 т[ысяч], а 30 мужиков и остальные продает с публичного торга. Вот выгоды рабства!

С этим же курьером пишу я к Мериану.

9 июля. Сегодня я получил два ящика от к[нязя] Гагар[ина], 1-е из Неаполя, второе из Рима. Он уже, кажется, не едет в Париж за скорым отъездом С[офьи] П[етровны]. Буду писать к тебе с другой оказией на сих же днях. Прусского принца укусила собака в Павловске; а я получил 3-ю ленту Влад[имира] после брата. Весь мой департ[амент] награжден. Кланяйся графине Раз[умовской]. Мы предали земле последнего гр[афа] Стрэг[анова]. Посылаю или пошлю 1-ю часть Батюшкова, едва вышедшую. К о п и ю на гербовой бумаге доставь графине Разумовской.

97

19 июля 1817 СП[етер]бург.*)

Посылаю тебе, любезнейший друг и брат Сергей, 2 фунта лучшего табаку. Я имею тебе кое-что сказать начет управления в вашем корпусе. Но говорю наперед, что все это знаю я только по слухам, итак: за что купил, за то и продаю. Но почитаю нужным, чтобы и ты знал это, для предосторожности.

Армейское начальство по части интендантской, как видно, недовольно гр[афом] В[оронцовым]. Оно жалуется, т. е. говорит, что он совершенно устранил ген[ерал-] инт[енданта] Бема от управления его частью, и что все дела идут чрез Понсета. Далее говорят, что ход сих дел чрез Понсета и Агафонова неправилен и не всегда согласен с общею пользою; что, при заключении контрактов, иногда принимаются предложения не самые дешевые, единственно по приказанию графа и без означения причин. Хотя конечно оные и существовать могут. Ты можешь знать, как это делается, и справедливы ли сии слухи. Но есть ли так, то все сие, в особенности же последнее обстоятельство может быть обращено ко вреду графа. Поступки его, как должны честные люди думать, конечно согласны с спра-

*) *Архив, № 383, лл. 64—65.*

ведливостью и нравственностью. Но закон, кроме сих качеств, требует предписанных форм. Мне говорили, что неправильность подрядов и т. п. может рано или поздно подвержена быть расщету, и что тогда граф, несмотря на справедливость его пред законом чести и совести, может оказаться виновным пред законом форм и подвергнуться важным, бесконечным начетам; и сие тем более, что вследствие того, что об интендантском управлении в его корпусе говорят, что, по удалению Брема, т. е. по его соучастию в сих делах, вся ответственность падает на самого графа. Известно же как легко самые благонамеренные начальники могут подпасть под взыскание за поступки их подчиненных. — Есть ли ты найдешь в сем письме что-нибудь достойного замечания для безопасности графа, то возьми свои меры для предостережения его. — Я, еще будучи и в чужих краях, слышал, что контракты заключаются прямо Понсетом. Не знаю, согласно ли сие с законом. Но вижу, что тогда интендантское начальство освобождается от ответственности, и она падает на самого графа, а даже и не на Понсета. Я сам бывал в делах сего рода, но какой-то инстинкт всегда предохранял меня от малейшей неосторожности и ненаблюдения малейших форм. Я предоставляю тебе сделать о сем заключении, какое найдешь справедливым, но прошу уведомить о получении здравым и невредимым письма сего и о его последствиях, есть ли какие будут.

Прости, любезной друг.

Весь твой

Н. Тургенев.

Не забудь, что щеты у нас никогда не умирают, а начеты обыкновенно бывают их следствием.

Посылаю тебе письмо Матушки, сейчас полученное. —

Вот что пишет И. И. Дмитриев о Записке Давыда:

„Записку Давыда сейчас посылаю к к[нязю] Юсупову и между тем предваряю вас уведомлением, что ни одна из

*) *Архив*, № 383, л. 68.

картин его не погибла: ибо он все их, равно как и мраморные статуи, успел увести в Астрахань. Сафу и Фаона я видел в селе его Архангельском уже после пожара“.

[Приписка к письму А. И. от 5 августа 1817 г.]*)

Премного благодарю тебя, любезной Сергей, за присланные книги. Но мне все-таки жаль, что отыскание логарифмов стоило труда. Вперед не очень трудись. Есть ли не найдешь, то и нужды нет. Сееву книгу мне бы очень хотелось иметь, ибо ее не было у меня никогда. — Тулуп я отыскал. Он будет стоить 185 р. Из 1½ меха. О духоборцах будем искать. — Комиссию принятия книг от Заса также постараюсь исполнить. Думаю лучше чрез Acad. Freund Сакена, которой теперь здесь. Он был секретарем der Landstände, на коих и курляндским мужикам дана свобода, как эстляндским. Паулучи теперь здесь для представления сего положения на утверждение г[осу]д[а]ря.¹ Слава богу, хоть чухну делают людьми! авось дойдет очередь до других! В Эстляндии заметны уже и теперь выгоды новых постановлений. Дворяне, большая часть, этим довольны. — Меркурий у нас весь в целости. Но брат отдал кому-то Nain Jaune, кот[орого] я купил в Париже 2 части первые — и не помнит кому. Авось вспомнит. Матушке я посылаю 2 ф. табаку, а 3-й с ее позволения удерживаю. Она была очень нездорова, но теперь опять, слава богу, выздоровела.

Мих[аил] Орлов получил письмо твое, но за маневрами не мог отвечать. Будет однако же писать к тебе. Я с ним выдаюсь и ладим. Он славной имеет характер и славную душу, и хорошую голову. — Сегодня видел я посвящение Филарета. Начало похожее на то, что делается в □ □ **). Митрополит спрашивает его: „что убо хоцещи“, или что-то такое. Сегодня повечеру написал я одну статью, которую тебе, может быть, сообщу. Но cela tient au secre maçonique)*.² Книгу мою читаю я с Жуковским и думаю, что решусь печатать. У меня теперь много дела, но все разнородное, казенное и частное. А работаю все-таки мало; и не думаю, чтобы эта леность происходила от того, что дело

*) *Архив, № 383, л. 73.*

***) *Значок масонской ложи.*

разнородное. Тут журналы из Совета, дела из Ком[иссии] с[оставления] з[аконов] и мнения, кот[орые] спрашивает у меня гр[аф] Нес[сельроде] о ликвидациих. Настоящий венегред, приправленный записками о кредите, чтением журналов, политических твоих брошюр, кот[орые] меня весьма интересуют. Прости, люб[езной] друг, будь здоров и веселись на чужой стороне. На своей можно веселиться тогда только, когда забудешь, что на своей стороне. Все так мило! Вас[илий] Петр[ович] Гурьев называет Петербург новою Помпеею, т. е. в теперешнем ее виде.

Прости Н. Тургенев.

100

30 авг[уста] 1871 С. П[етер]б[ург].*)

Вчера, любезнейший Сергей, получили мы письма твои с Mercure и другими книгами для Свечиной и проч. Ты отвечаешь мне на письмо мое о ваших подрядах. Не о том дело, что делается лучше и выгоднее, в чем я не сомневаюсь, но о том, чтобы не было дурных последствий, т. е. щитаний, и т. п., но в этом случае я думаю звание главнокомандующего освобождает от всякой ответственности. Здесь теперь такие рассматривания дела в моде. Сказывают, что кн[язь] Горчаков, бывший мин[истр] в[оенных] д[ел], подпал такому следствию. Он, конечно, виноват только в том быть может, что природа не сотворила его умным человеком. Молчанов, говорят, также подвергнут рассмотру. Этот, вероятно, виноват в другом. У нас здесь новый министр юстиции, кн[язь] Лоб[анов-] Рост[овский], ген[ерал] от инф[антерии]. Таким образом у министра юстиции будут адъютанты — адъютант м[инист]ра юст[иции]!! Государь отправился третьего дня в Могилев и Киев. Здесь поговаривают, что е[го] в[еличество] будет на будущее лето и в чужих краях, и называют Ахен. Это недалеко от вас.

Тулупа я еще потому не послал, что не нашел самого лучшего. Тот, о кот[ором] я писал, не лучший. Лучший будет стоить 250 р. Постараюсь доставить его, как скоро будет возможно, Лонгинову.

*) *Архив, № 383, лл. 78—79.*

О солдатке непременно хлопотать будем.

К брату Заса я писал и послал ему письмо твоего Заса. Ответа еще не имею.

Жалею весьма, что ахенские воды тебе не помогли. Но может быть они начали только лишь действовать и выгнали бы золотуху после.

Завтра открывается здесь пансион при педагогическом институте.¹ Кавелин его устраивает.

Прости, писать некогда.

Н. Тургенев.

Князь Баратаев тебе кланяется. Он просит тебя яко Venerable, прислать ему Acta Latomorum,² два vol[umes].*)

101

СП[етер]бург. 2 сентября 1817. **)

Третьего дня мы писали к тебе, любезнейший друг и брат Сергей. Теперь посылаю тебе приводимый при сем пакет, о доставлении коего просит тебя Кривцов. С ним я часто здесь видаюсь и не нахожу его столь простым, как некоторые о нем здесь думают, но напротив; сверх того либеральные идеи, ему свойственные, привязывают меня к нему.

Вчера были мы на открытии благородного (!) пансиона, учрежденного при Педагогическом институте. Кавелин, директор института, устроил его. Учреждение похоже совершенно на наш пансион, в кот[ором] Кавелин воспитан. Вчера он говорил маленькую речь о пансионе, очень холодную, очень незначительную для столь важного предмета.¹ После того был я на банкете, кот[орый] держали соединенные под директоральною □ ***) Астреею, по случаю тезоименитства. Я хожу здесь в □ только при подобных торжествах; иначе не стоит труда. Некоторые из них порядочно работают, т. е. чинно; но нет истинного духа, кот[орый] один только может сде[лать] из масонства что-нибудь.² Ты, я думаю, уже знаешь, что Фесслеру пове-

*) Зачеркнуто: 1817 или.

**) Архив, № 383, лл. 80 — 81.

***) Значок масонской ложи.

лено вновь производить жалованье из Комиссии сост[авления] з[аконов] (2500 р.), и сие со дня прекращения оногo. Он живет в Сарепте с гернгутерами, кот[орые] его любят.

На прошедшей неделе был у нас Арзамас; дела никакого не делали, но за то смеялись очень много. Блюдов был очень умен и неизтощим. Смех по сию пору был главным делом Арзамаса. Теперь захотели издавать журнал, но не знаю ли удастся ли; законы написаны. Выбраны представители Арзамаса, кот[орые] в особенности должны заниматься изданием; но были даже уже читаны и две или три программы для рассуждений. Подумай доставить нам что-нибудь от себя для журнала. Хорошо есть ли бы и Старынкевич, преодолев беспечность свою, сообщил нам что-нибудь для журнала.³

Орлов отсюда уехал в Киев. Он был одним из ревностнейших членов Арзамаса и в особенности подвигнул его на серьезное дело. — Жуковский уже назначен для обучения русской словесности вел[икой] княгини Александры Федоровны. Это даст ему приятное занятие, полезное для него самого и для литературы, а вместе будет он иметь средства жить в П[етер]-бурге.

От Матушки мы получили по последней почте письма. Ей лучше, и она поехала в Жуковку. Михайло Петрович Путятин хотел пожить в Егре и потом отправиться в Париж. Ты его там увидишь.

В Курляндии будет введено такое же учреждение, относительно крестьян, какое и в Эстляндии. Что ни говорят здесь об этом, однакож нет сомнения, что это новое учреждение хорошо, полезно и добродетельно, и в особенности лучше лифляндского, сделанного несколько лет тому назад. Дай бог, чтобы это более и более разпространялось. О рабстве мужиков наших нельзя вспомнить без ужаса, а вместе и без удивления, что в России оно существовать еще может в XIX веке и после того, что Россия сделала. Я двух этих incohérences никак понять не могу.

Прости, любезнейший, весь твой

Н. Тургенев.

Кн. Зенеида Волк[онская] живет целое лето в Ревеле с Borlegi*); а муж ее здесь. Об этом все здесь говорят, и ес, справедливо, не хвалят очень.

*) ?

8 сент[ября] С.-П[етер]б[ург] 1817. *)

Третьего дня, любезной друг и брат Сергей, отдал я Лонгинову тулуп заячий, для отправления к Бароцци, так как ты писал. По твоему желанию выбрал я лучший. мех для тулупа стоит 250, $\frac{1}{4}$ меха для рукавов стоит только двадцать рублей, потому что для рукавов берется простой т[ак] н[азываемый] русской мех, а тот сибирской. Не знаю, когда Лонгинов его отправит.

Третьего дня был у нас еще Арзамас. Были предлагаемы программы; все исключительно литературные, и эта исключительность мне совсем не нравится; я предложил следующую: „показать заслуги Англии и Франции перед Европою“. Тут будет говориться в особенности о том, что Англия заставила Европу любить свободу, Франция ее ненавидеть. Но надобно также упомянуть, что Франция своею революциею прочла так сказать для Европы полный курс науки управления государственного и т. д. Я сам взялся обработать сию программу. Вижу, что это весьма трудно и не надеюсь на успех. Попробую. Орлов пред отъездом своим также предложил программу: „показать, что представительная система заключает в себе все выгоды других форм правления, существовавших в древних и новых временах, не имея их недостатков и невыгод“. За сию программу также взялся сам Орлов.¹

У нас наступила осень, и погода несколько дней хороша. Вчера давали в первый раз переделанную оперу: *Romeo et Julie*. Музыка Стейбельта хороша, но слишком трудна для наших певунов. Вечная Сандунова, похожая на вечного, теперь умершего Сюара, все еще занимает место первой певицы, делает фальшивые цыганские рулады, которыми восхищается почтенная публика. Декорации были однакож очень хороши.

Вчера получили мы письма от Матушки; она была в Жуковке, теперь же возвратилась в Москву. К Ивашеву письма отправлены. Бетев прислал к нам для своего сына 500 р[ублей] ассигнациями. Я возьму на них вексель и доставлю тебе для вручения Бетеву. Борис был болен, но теперь выздоровел.

Прости, весь твой

Н. Тургенев.

*) *Архив, № 383, лл. 82 — 83.*

Надо будет показать, что не вещи, а люди испортили французскую революцию, так, как они портят английскую свободу, а чрез то и общую европейскую.

103

13 сент[ября] 1817. СП[етер]бур[г]. *)

Сегодня дали мы знать Лонгинову об отъезде курьера, и он, вероятно, отправляет с ним тулуп к Бароцци.

Все отправляются теперь отсюда в Москву. Государыни имп[ератрицы] отправляются также к концу сего месяца. Жуковский также явится туда. Он начал уже уроки свои с великою княгинею. Борис едет завтра, вослед своему генералу. Жихарев давно уже уехал с Марченкою, которой при государе. Здесь слышно, что государь на следующий год будет в Ахене, куда приедут также и другие монархи. Не слышно ли у вас чего об этом? В газетах заговорили было о новом уменьшении союзной армии во Франции, но опять все замолкло. Из газет видно, что Веллингтон сему противник.

За что бедного Арно бельгское прав[ительство] выгнало из Бельгии? Он что за Conspirateur? Пора бы и французскому образумиться на щет людей, Арно подобных. В предисловии его к Germanicus видна простая и честная душа его. Что скажут в П[ариже] о посещении, кот[орое] насл[едный] принц Оранский сделал Давиду и о кот[ором] пишут в газетах.

Кроме Блакстона, о кот[ором] брат Ал[ександр] Ив[анович] тебе уже писал, у него недостает 3-х первых частей Мирабо De la Monarchie Prussienne. London MDCCLXXXVIII. Есть ли можно найти без труда, то хорошо.

У нас осень настоящая. Окошки уже вставляют. Но солнце иногда показывается.

Князь Горчаков, бывший управляющий мин[истерством] в[оенных]**) сил, и Молчанов, бывший ст[атс] секр[етарь], отданы под суд, первый в Совете, а последний в Сенате. Первый при смерти болен, и вероятно о подсудимости его в послужном списке упомянуто не будет. Последний в Берлине также, говорят, болен. Многие из военного министерства также отданы под

*) Архив, № 383. лл. 86 — 87.

**) Зачеркнуто: д[ел].

суд военный. Все это сделано вследствие донесения государю комиссии для рассмотрения сего дела, под председательством ген[ерала] кн[язя] Лобан[ова-] Ростовск[ого] учрежденной. Сему последнему делает честь строгость его и беспристрастие. Кабы почаше судили, так не худо бы было. Жаль, что здесь нет Жихарева, а то бы я его подразнил бывшим его начальником, кот[орого] он все еще как-то любит и почитает.

Прости, любезной друг.

Спешу к гр[афу] Нессельроде, кот[орый] потребовал меня к себе для пояснения некоторых дел по ликвидации, не моей, а другой.

Твой

Н. Тургенев.¹

104

СП[етер]бург. 16 октября 1817.*)

Благодарю за Меркурия, любезной брат и друг Сергей. В 25 № сего журнала была напечатана рецензия книги *Sur la campagne de 1813*. Рецензент приписывает ее Жюмини и в этом не сомневается. Но Жюмини ни в чем тут не виноват. Ее писал Бутурлин, кот[орому] впрочем должно быть лестно, что его сочинения принимают за сочинения Жюмини. Сей последний просит Бутурлина, чтобы он назвал себя автором книги, и он согласился. Статья Блудова о Жуковском тебе не нравится. Я нахожу ее недурной, а только как то ненатуральной или натянутой. Статья Уварова о Батюшкове, которую получишь вместе с письмом сим, также не весьма замечательна, но также не дурна. Только вначале также натянута.¹ Но за что не нравится тебе поэма Жук[овского] и с т и х и Батюшкова? Поэма не поэма, но написана хорошо; картины или описания превосходны. У нас есть теперь молодой пээт, Пушкин, кот[орый] точно стоит удивления по чистоте слога, воображению и вкусу, и все это в 18 лет от роду.

Вчера говорил я Убри о том, чтобы коллегия не требовала более от себя известия об орденах. Он сказал мне, что есть ли

*) *Архив*, № 383, лл. 94 — 95 и 99.

капитул опять того потребует, то он придет ко мне сказать, и что я могу тогда сказать, что ты представишь эти известия, когда возвратишься.

Брошюру Констана я читал. Но как это делается, и при теперешних выборах, где участвовали столь многие, результаты не соответствуют тому, чего бы ожидать было можно. Или французы не знают еще цены сему важному праву, или нещастия богатства, происходящие от вне, делают их равнодушными к благополучию внутреннему и след[овательно] к средствам достичь оного. Выборы, как видно, все по желанию министров. Везде выбраны президенты, вице-президенты и члены последней камеры, столь послушной правительству.²

Вчера мы получили от Матушки письмо из Москвы. В Москве, говорят, много шуму. Но важного ничего не слышно. Говорят, что церковь на Воробьевых горах уже заложена самим государем. Также говорят, что государь будет на несколько дней из Москвы в П[етербург] или в Царское Село.

Вексель для Бетева (prima) тебе посылается. Отец его прислал нам эти 500 р. для него. Получил ли ты тулуп? Лонгинов отправил его с поваром графа В[оронцова].

Что касается до моего individuum, то я живу все так же, как и прежде, с тою только разницею, что часто хожу в театр как русской, так и немецкой, не столько для удовольствия, сколько от скуки. Говорят, что здесь опять будет французская труппа. Актеры по большей части со страсбургского театра. Надобно бы лучше стараться об образовании своих актеров, нежели о заведении театров иностранных, кот[орый] т. е. французского,*) по вкусу нашей пустой публики должен вредить успехам русского. Тут свободное совместничество нехорошо. У нас в России все должно иметь одну цель: образование. Все средства возможные не должны оставаться без употребления; а театр есть одно не из маловажных. — Впрочем я сижу все дома. Видаюсь иногда с В[асилием] П[етровичем] Гурьевым. Он не глупой малой, но правда, что большой болтун. Разговоры его приводят меня в уныние, когда он описывает состояние наших крестьян вообще и недостаток в средствах промышленности и препоны, ей полагаемые людьми более, нежели природой. Каверина также выдаю. Жуковский уехал в Москву. Бара-

*) Зачеркнуто окончание ий.

нов все болен. Ему нельзя жить в здешнем климате; а он все живет, и не хочет ехать в теплые края. Козлов очень болен; у него отнялись ноги. Болезнь его называется отчасти *La danse de S[ain]t Vit* и вряд ли излечима. Борис также в Москве. Место, о кот[ором] ты писал для Юрьева, уже занято другим. Матушка пишет, что Булгаков получит ленту анненскую, что будут фрейлины: вот новости московские. О пожаловании нескольких в генералы (между прочим Ал[ексея] Орлова и Киселева) ты, вероятно, уже знаешь.

Лютеране вместе с реформатами будут здесь праздновать праздник реформации.³ Все пасторы ужинали недавно у брата. Не было Ганемана, кот[орый] восстает против соединения реформатов с лютеранами и гов[орит], что одно только соединение хорошо, а именно с католической церковью.

Мне сказывали, что в Париже вышла рецензия на книгу Стурдзы, где на сего последнего очень нападают. Нельзя ли ее сюда доставить?

Недавно был у меня Яцын и отдал мне несколько пакетов книжек от Старынкевича, но письма нет. Пакеты и книжки розданы по адресам.

Говорят, что в бытность государя в Полтаве пожаловано по двум губерниям, в ведомстве кн[язя] Репнина состоящим, множество крестов. Хоть бы и в Саксонии.

Читал ли ты в Инвалиде о праздновании реформации? Брат Ал[ександр] Ив[анович] писал это; но перевод хуже подлинника.⁴

Прости, любезнейший. Будь здоров.

Весь твой

Н. Тургенев.

P. S. Сегодня получили мы 2 фунта табаку для тетушки; но послал ей только один и велел сказать, что другой фунт придется после. Ей будет и одного фунта надолго. А мне нечего нюхать, потому что из привезенного мною табаку из Парижа находившийся в большой банке, фунта 4, испортился. Это оставался у меня лучший табак; но теперь для нюханья не годится. И потому я задержал один ф[унт] из тетушкиного. Есть ли можно будет, то пришли мне табаку, но только лучше, как например прежний *pour les Grands Dignitaires*. И здесь есть табак французской хороший, и я впрочем и здешний с удо-

вольствием могу нюхать. Но не знаю, так ли он хорош, как лучший парижской.

17. Сегодня получили от тебя Сея а также и табаку 7 фунтов, которой я пошлю Матушке, есть ли ей нужно. А мне не присылай, ибо я и здесь могу иметь хороший. Тетушке оба фунта отданы от имени М[ихаила] П[етровича].

105

[8 ноября 1817]**)

Десять рублей получил — прошу и для меня поставить 10 же франков и на тех же условиях, как и для Перовского, и в той же лотерее и те же самые номера да не забудь прислать выигрыш.

Н. Тургенев.

106

14 ноября 1817 СП[етер]б[ург].**)

Спасибо тебе, любезной Сергей, за Меркурия (40. 1. 2) и за *Lettres Normandes*. У нас был Меркурий до 37 incl[usivement]. Вероятно 39 и 38 ты послал с книгами, на имя Данилев[ского], которых мы еще не получали. В *Lettres Normandes*¹ понравилась мне статья du Czar et du C[om]te Ruppin. Я воображаю себе степенных немцев die sich und zwar mit Recht, durch einen verdrehten Franzosen geschmeistert sehen.

Статья моя для Арзамаса совсем не в порядке. Все твои замечания справедливы. Но почему не надобно у нас об этом писать? У нас есть люди, которые знают, что есть различные формы правлений, но не знают, почему одни лучше, другие хуже. Надобно только умно, и в особенности красноречиво, говорить им. А в этом-то случае я и не гожусь. Я написал об этой программе кое-что; но без системы, без порядка. Орлова программа также хороша. Но я думаю, что он так же неудачно может ее обработать, как я свою. Другие члены наши лучше нас пишут, но не лучше думают, т. е. думают более

*) *Архив, № 383, л. 98 (оборот.) В подлиннике дата стоит после подписи.*

***) *Архив, № 383, лл. 90—91.*

всего о литературе.² А общества, один дух имеющие и оживотворенные одним или многими членами своими, могут много сделать доброго. Ганеман, кот[орый] иногда говорит дело, недавно говорил, что прекрасно было бы есть[ли] бы какое-нибудь общество предположило себе, например, составить кодекс законов. Это бы лучше было Ком[иссии] сост[авления] зак[онов]. Касательно Англии я совершенно согласен с тобою на счет правительства теперешнего. Но не соглашусь с тобою в том, чтобы Англия была близка к падению. С такую конституцию, какова английская, народы не так-то скоро упадают. И сохрани бог ее и всю Европу от такого бедствия! Да и кто более достоин стоять и процветать, как не Англия? Взгляни на Германию, на Испанию, на Францию — все сии государства в большей вероятности уничтожения, нежели свободная Англия. Нельзя также предполагать, чтобы несколько человек, составляющих правительство, могли изречь то, что основано поколениями, куплено кровию и нещастиями, а запечатлено благоденствием и славою. Нет! Прекрасное и великое не зависит до такой степени от глупости или злости нескольких хамов. Хамство прейдет, а истина, утвержденная на свободе, возторжествует. Деяния глупых и злых действительны только там, где нет свободы. К тому же люди, вкусив однажды от сладкого плода ее, не расстаются с нею так скоро и хладнокровно. Все нынешние политики, немцы и французы, пророчествующие падение Англии, смотрят далеко, а не видят того, что у них под носом, что в их отечестве. Франция и Германия и теперь гораздо нещастнее и ближе к падению, нежели Англия.³

15. Вчера получил я письмо от Данилевского из Москвы, в котором он пишет, что получил для нас от тебя 3 пакета и 2 ф[унта] табаку для Матушки. Теперь из Москвы все ждут новостей; но ничего не слышно. Иные говорят, что царская фамилия пробудет там до июля месяца, иные, что придет сюда в декабре. Здесь же новостей также интересных мало. Есть одна печальная. Гр[аф] Завадовский третьего дня застрелил на дуэле Шереметева, сына В[асилия] Сергеевича. Сей последний жил с танцовщицею Истоминою, кот[орая] понравилась и Завадовскому и два раза у него была. Шереметев взбесился и требовал с бешенством дуэли. Вчера он умер. Каверин, *comme de raison*, был при дуэле. Но что всего страннее, один уланской

офицер, Якубович, друг Шереметева, вызывал на месте же Завад[овского]. Секунданты не позволили драться. С Завад[овского] взята подписка, что не выедет из города, а Якубович сидит на гаубвахте. Правда, что до него уже полиция давно добиралась за разные шалости.

Здесь стала совершенная зима. К физическому климату здесь можно привыкнуть, но к нравственному — невозможно, пока он не переменится. А до сей перемены мы, по всему вероятно, не доживем. Жить же, при столь неблагоприятном влиянии обоого рода сих климатов, тяжело и иногда почти несносно.

Греч, бывший у нас по возвращении своем, весьма обеспокоил нас на счет твоей болезни. Постарайся вылечиться поосновательнее. Может быть, при более продолжительном употреблении ахенских вод, они бы тебе помогли. Что о сих водах говорят ваши медики и какие воды они тебе употреблять советуют? И надеешься ли ты побывать еще раз на водах? — А я что-то не имею большой доверенности к французским докторам. Немцы, в сем случае, кажутся мне предпочтительнее. Не забудь, что лечиться надобно непременно в чужих краях. Здесь невозможно.

Горчаков и Молчанов, как нарочно, прокатились по Европе перед тем, как все иностранные газеты говорили об отдании их под суд. Первый *s'est soustrait à la juridiction des hommes*. Третьего дня он умер, после продолжительной болезни.

— Я теперь занимаюсь, по поручению Ком[иссии] сост[авления] зак[онов], изложением нового проекта о чиновниках гражданской службы, касательно экзаменов и т. п. Дело не легкое, требует много соображений. Но можно ли тут сделать что-нибудь хорошего тогда, когда служба основана на чинах и на взятках? Какие узаконения сего рода могут дать чиновникам должную образованность и бескорыстие? Да и можно ли управлять и судить (судная и правительственная части) х о р о ш о при теперешнем положении вещей, при существующих законах и при общем хамстве?

Жаль бедного Арно. За что такое преследование литератору? Что за опасный человек? Как сильным приятно преследовать слабых! А *propos de toutes ces* преследования. Я нашел недавно в сочинениях Муравьева следующие слова: „Великодушный умеет более нежели прощать: он и вину самую уничто-

жит". Avis aux grands de la terre qui sont dans le cas de pardonner! Это писали у нас за 30 лет. За 30 лет у нас был Муравьев, был и действовал Фон-Визин, Новиков. — Есть ли верить словам тех, кот[орые] говорят, что образованность и свобода рождаются единственно от просвещения и что хорошие писатели всего более действуют на образованность, есть ли верить словам сим, то в последние 30 лет мы далеко должны бы уйти вперед и в образованности и в свободе. Но опыт не подтверждает слов сих. Я не знаю более ли у нас истинно образованных людей и просвещенных людей теперь, нежели прежде. Многие думают, что менее, и приводят в доказательство неоспоримые причины. Свобода, устройство гражданское производит и образованность и просвещение. Одно просвещение никогда не доведет до свободы. Франция прежде революции была в сем случае убедительным доказательством. Напротив того, одна свобода неминуемо ведет к просвещению. Свободный ищет удовлетворения своим нравственным потребностям. Раб старается только насытить физические, или стремясь к нравственному усовершенствованию, идет по неверной, часто несправедливой дороге, и к цели всегда пустой, часто вредной. Нравственная жизнь рабов отделяется от общей пользы, от отечества. Нравственная жизнь свободного человека всегда имеет целью пользу общую и всегда сей последней споспешествует. Пора бы убедиться в сей истине. История новейшая не ведет нас ни к какому иному заключению.

Что Михайло Петрович? Ему, как видно, весело в Париже. Дай бог, чтобы он всегда был весел. Засвидетельствуй ему мое почтение. На прошедшей неделе, в день его именин, мы обедали у тетушки и пили за его здоровье.

Прости, любезнейший! Будь здоров — или лучше сказать, лечись, чтобы быть здоровым. От Матушки мы имеем письма. Она была нездорова. Теперь начала выежжать. Прости. Весь твой

Н. Тургенев.

Прилагаю при сем записку Перовского Алексея.

5 декабря 1817. СП[етер]б[ург]. *)

На сих днях получили мы письмо твое и книги (Ganilh¹ и проч.) с ориенталистами² посланные. Спасибо за все. Ганиля я еще не прочел. Читаю теперь Сея, и то очень не скоро, потому что занят делом по службе. Я недавно составил, по поручению Ком[иссии] сост[авления] законов проэкт правил для службы гражданской. Этот проэкт должен заменить указ 1809 года о производстве в 8 и 5 класс и об экзаменах. Правила, которых я держался при составлении проэкта, клонятся к тому, чтобы приохотить или заставить чиновников служить по одной какой-либо части. Выгоды по службе, в отношении как производства в чины, так и получения высших мест, предоставляются или учившимся, имеющим на то свидетельство, или прослужившим известное число лет по одной части и по одному ведомству. Те, кои теперь служат, не имея свидетельств университетских, могут еще экзаменоваться по своей части и вследствие чего быть производимы; но для тех, кои впредь будут вступать в службу, экзамены существовать не будут; и есть ли они вступят в службу без свидетельства, то осуждены век свой оставаться писцами и итти не далее 9-го класса в чинах. Также можно по моему проэку служить по горной или таможенной части, не зная метафизики: я старался разбить части службы на несколько родов и предоставить выгоды служащим по одной стороны. Мой проэкт представляет и ту удобность, что есть ли когда-нибудь вздумают уничтожить титулярные чины и называть их по занимаемым ими местам, то это легко можно сделать будет, ибо я с производством по местам то же почти сделал, что и с производством в чинах, ныне существующим. Указ 1809 года ограничивался одними чинами, я определяю не только порядок чинов, но также и порядок мест. Не знаю, как проэкт будет принят. Знаю только, что я его обдумал и с трудом изложил и несколько раз переделывал. Сегодня начал его читать с Розенкампом.⁸ Этому все хорошо. В Совете утвержден также порядок определения и производства чиновников медицинских, составлен-

*) *Архив, № 383, лл. 106—107.*

ный у Велли.*)⁴ — Из Москвы пишет Матушка, что там страшные морозы: менее 30° не бывает. Недавно государь учредил в Москве комитет, состоящий из Тормасова, Аракчеева, Новосильцева, Голицына и Марченки, о придумании средств к отмене кнута и вообще телесных истязаний.⁵ Это состоялось, говорят, вследствие одного известия о том, что недавно в Крыму присужденных к кнуту татар наказывали в различных городах, отчего несколько до окончания наказания умерли, другие начали гнить. Чорт знает, чего в нашем отечестве не делается!

От Жихарева получаю я из Москвы письма: пишет обыкновенно вздорец.

Комиссия, составленная из трех членов Госуд[арственно]го совета приступила к рассмотрению дела о князе Горчакове: я произвожу его дело. Может быть, за смертью кн[язя] Г[орчакова] дело это остановится. Молчанов судится в Сенате.

Сегодня именины тет[ушки] В[арвары] С[еменовны]. Мы у нее обедали. Ал[ександра] Петр[овна] и Мар[ия] Петр[овна] приехали из Н[ов]города. Обе они здоровы.

Профессоры моск[овского] универс[итета] пережалованы. Антонский сделан ст[атским] сов[етником]. Мерзлякону дали 4-й Влад[имира]. Это и здесь странно для мыслящего человека. Каково судят об этом издалика?

Мих[аил] Орлов теперь в Киеве и занимается между прочим введением Ланкастерского учения в Киевском военно-сиротском отделении. Он пишет мне, что в положение о сем деле он между прочим включил, чтобы отличившиеся в школах воспитанники получали знак отличия, кот[орый] бы избавлял их от телесного наказания навсегда; и что все на него за это закричали; но что Раев[ский], по его мнению, одобрит его постановления. Я рад, что Ор[лов] сближается с филантропизмом, кот[орый] нельзя отделить от либеральных идей и против которого он прежде восставал. Я всегда был уверен, что он восставал против филантропии только на словах; на деле же он этого сделать не в состоянии, ибо кроме ума, имеет предобрую и благородную душу. В его пребывание здесь я с ним коротко познакомился и нахожу его одним из лучших людей. Теперь всех более выдаюсь с Кривцовым, кот[орый] почти всякой день проводит у меня вечера и часто спорит без основательности.

*) Распространенная тогда транскрипция фамилии Вилье.

Арзамас наш давно уже не собирается; теперь же, думаю, совсем рушится; ибо главная опора его, Блудов, едет в Лондон на место Полетики, кот[орый] назначен посланником в Америку. Арзамас представляет мне новое доказательство, что русской характер имеет большой недостаток в твердости и преданности какому-нибудь делу. У нас все хотят делать вместе, и оттого ничего не делают: хотят и просвещать других и служить, хотят заниматься делом и вместе службой. Впрочем изключительность у нас трудна, ибо действовать с успехом у нас трудно.

Прости, любезнейший, — будь здоров да советуйся с Пикулиным: он сам много терпел от золотухи; пожалуйста вылечись радикально. Да уведомляй нас о здоровье своем. — Прости. —

Твой Н. Тургенев.

103

[Приписка к письму А. И. от 15 декабря 1817].*)

Ганиля, тобою присланного, я еще не читал и отдал для чтения адмиралу Мордвинову, председателю Департамента экономии в Совете. Ты, я думаю, читал некоторые брошюры Мордв[инова]. Но он гораздо лучше говорит в Совете, нежели пишет. Ганиль его герой, любимый автор. Он уверен, что он сам, М[ордвинов], пишет для России совершенно то, что Ганиль для Франции. Прошу согласить! Он просил меня выписать ему некоторые ссчинения Ган[иля], коих у него нет. Есть ли он мне даст их реестр, то я тогда тебя просить буду. Мордв[инов] имеет странные понятия о финансах, в особенности о кредите. Он по сию пору держится правил, вследствие которых наши ассигнации, — во время Сперанского, упали более, нежели сколько им упасть было должно. Впрочем, где дело идет не до новых систем, там М[ордвинов] всегда рассуждает хорошо и с жаром. И вообще не ориенталист, т. е. имеет европейские идеи. Об этих идеях часто у меня бывают здесь споры. Вчера читал я в Монитере выписки из книги Азаиса: поделом над ним Mercure смеется. Может ли быть что-нибудь глупее того, что

*) Архив, № 383, лл. 110 (оборот) — 111.

мусье Азаис говорит о России, „qu'elle est coupée des grands lacs, qu'elle contient des deserts“?

Где все это? В Сибири или между Сибирью и настоящею Россиею? Все эти господа забывают, что 30 мил[лионов] русских живут в кучке — и кучка препорядочная — неужели этим 30 миллионам жить в табуне до тех пор, пока населятся Сибирские степи? Что это за логика? Что ж касается до озер, то я никогда не думал, чтобы они, даже и самое большое из них — Каспийское море — препятствовали свободе. Вообще Азаис рассуждает о свободе, не зная что она такое.¹ Свободу надобно не только разуметь, но и чувствовать: и тогда окажется qu'il n'y a rien de si humain, de si naturel, qu'elle. Слово: человек заключает уже в себе мысль о разуме и свободе. Все говорят, что человеку дана свободная воля. Отчего же не должен он иметь свободы? Россия имеет и то отличного от других государств, что она не может итти по обыкновенной дороге, по кот[орой] шли другие народы. Петр I изторгнул ее с пути сего. И с тех пор мы должны итти путем искусственным. Хорошо ли делал Петр I? — Прекрасно. Теперь есть ли мы медленно вперед подвигаемся, то по крайней мере назад итти уже не можем, стоять также трудно. Петр I создал флот, на котором мы приплыли с земли варварства на землю образованности: наше дело итти непременно вперед; как бы мы не вертелись, а вплавь домой не пустимся

Прочти, брат, Бибикова. Ты увидишь, что собрание депутатов при Екат[ерине] не так было смешно, как у нас думают. Также имянно, что Екатерина в 1776 гов[орила] уже, что не народ для царей, а цари для народа сделаны. Этого тогда и во хранции*) не говорили; а напротив удивлялись шалуну Луд[вигу] XIV, кот[орый] в смешном ребячестве своем гов[орил]: L'Etat c'est moi.

Прости, твой весь Н. Т. Что твое здоровье?

109

27 декабря 1817. СП[етер]б[ург].**)

Письмо твое, вместе с № 46. 7. 8. Mercure и жидовским журналом¹ мы получили. Прадта² и все другие книги, о посылке

*) Так в подлиннике.

**) Архив, № 383, лл. 114—115.

которых ты писал, получены давно уже. Mercure только и красится Констаном. Он, несмотря на свою безнравственность, мог бы быть весьма полезен для камеры, по своим сведениям, обширным и точным. Такой человек нужен там, где многие не знают еще, что творят. Я начал читать дебаты о *Liberté de la Presse*. По всему видно, что министры одержат верх, несмотря на глупость защитников проэкта.³ Из сих последних по сию пору Siméon говорил лучше всех, но может быть и это мне кажется, потому что его хвалили немцы, во время его министерства в Вестфалии. Jollivet непростительно врет. Camile [Jordan] поддержал честь свою. Я от него этого ожидал. Замечание его нащет исторических сведений стража дураков не может нравиться сему последнему. C[amile] Jordan один из тех людей, которых репутация *intacte*, хотя впрочем и неважная. Lanjuinois также принадлежит к числу сему. В английских газетах напечатана нота, кот[орую] Гарденберг писал к Ришелье о ликвидации частных требований: довольно неучтивая.

Я теперь с большим вниманием читаю Сея и делаю замечания. Напрасно думают, что он привел Смита в порядок. В нем самом много беспорядка, хотя вообще книга прекрасная, *et sa théorie des produits est très ingénieuse*. В иных местах он ошибается, не зная усовершенствований полит[ичес]кой экономии, в Германии сделанных. Но мне редко удастся работать на себя; занят несколько по службе, а после обеда работать серьезно не могу.

Сегодня писали мы к кн[язю] Репнину как о солдатке, так и о Мериане. В Коллегии сего послужного списка вероятно нет, хотя мне обещали справиться порядочно. Бибигокон сделан адъютантом к кн[язю] Волконскому. — Сегодня получил я письмо от Жихарева. Он пишет, что Комиссия, наряженная для придумания средств к отмене кнута, представила мнением посылать в ссылку; но что государю угодно, чтобы все вообще телесные наказания были уничтожены, и потому он приказал предоставить это дело Госуд[арственно]му совету, кот[орый] должен сделать свод всех уголовных законов, и сделать уже проэкт постановления. Это отдастся в Комиссию составления законов.⁴ Жихарев сделан колл[ежским] советником.

Я принят в английском клубе и ежду туда обедать. Прибыль или выгода состоит в том, что я обедаю дешевле, чем у Луи, и что читаю там газеты. Разговоры же этих невинных клубистов весьма неинтересны. Далее Реомюрова термометра

и газетных известий (и то Северной Почты) не простирается. Это даже несносно может быть, когда надобно говорить о чем-нибудь. К тому же и мрак превеликий. А *propos de Réaumur* было о чем поговорить. У нас были, в течение целого месяца ужасные морозы, доходило до 30°. Теперь оттепель. Нравственная стужа все так велика, что ртуть замерзает, а градуса и определить нельзя; а оттепели и надеяться нельзя.

Заем для погашения ассигнаций закрыт, ибо набрано уже 28 мил[лионов]. Все капиталы, за исключением нескольких, и то из наших же ломбардов, иностранные. Говорят, что в будущем году сожгут более 30 мил[лионов] ассигнаций. Из Москвы нет никаких важных новостей. Там сделали экзерциц-гаус с необычным потолком и стоит очень дорого!! Вот погашение! А спроси меркантилиста, так все хорошо, несмотря на то, что это и ориенталистам не нравится. Данилевский ожидает родин жены своей; а вздор печатать все-таки не унимается. Блудов также в Москве и едет в Лондон. Лонгинов женится на богатой. Северин также женится на сестре иже во святых Стурдзы. Здесь, брат, теперь святости или святошества не оберешься. Все вооружено , хоть гасить то и нечего.

Читаешь ли ты немецкие газеты? Немцы что то все стараются стать на ходули, но плохо удается. *Der Bundes-Tag* есть отпечаток их инерсии. Ничего не может быть пустее и жалостнее сего *pseudo*-ареопага. Я с самого начала говорил, что ничего из него не выйдет.⁵ О Штейне писали, что ему сделался удар; но Борк пишет, что он болен просто ревматизмом. Я и первому не удивляюсь: всякой благомыслящий немец не может без горести смотреть на положение своего отечества, в особенности не предвидя и надежды к лучшему.

Матушка теперь выздоровела; пишет только, что иногда за колодом не выезжает.

Коцебу пишет в Веймаре. Нападая на слово *Deutschheit*, он говорит: откуда оно взялось? Почему прежде его не было? и заключает: *Die Deutschheit ist in die Beresina auf dem Russischen Eise aufgeblüht*. Также при сем он советует немцам не чваниться тем, что „*nachdem Russen unseren Kerker auf gemacht haben wir müthig heraus getreten sind*“.⁶ Ему Енские студии уже выбили окна, а он отвечает, что *das ist deutsch*, по новому языку дейчистов.

Прости, весь твой Н. Т.

СП[етер]бург. 25 янв[аря] 1818. *)

Вчера, любезнейший брат и друг Сергей, получили мы письмо твое от 25/13 декабря, вместе с Меркурием и брошюрами: Lanjuinois,¹ Constant² и Шатобрианом.³ В последней много вздора, но есть одна порядочная мысль о *rouvoir absolu*. Справедливая и почерпнутая из скаредного сердца человеческого. Констан очень доволен камерами. К Кривцову тоже пишут и между прочим, что Martin de Gray в первый раз говорил à la tribune; речь его мне понравилась.⁴ Но скучно было их читать все, потому что об этом ничего нельзя сказать нового. Порядочным немцам должно быть весьма стыдно, что французы их так превосходят в предметах, до нравственной свободы относящихся, которою немцы думают гордиться. А что говорить нам? Есть ли бы можно было, то всего лучше об этом даже и не думать. У нас выборы на свой манер. На сих днях выбрали здесь губернским предводителем Ал[ександра] Льв[овича] Нарышкина: и так человек, не платящий никому долгов своих, должен пещись об экономии губернской, об уменьшении и порядке земских повинностей, которые здесь весьма важны!

Письмо твое пришло очень кстати. Матушке в Москве, на бале у Апраксиной, сказали, что ты болен и т. д. Хотя Казначеев, которого она на другой день встретила у гр[афа] Толстого, и уверил ее, что ты выздоровел, однако же она пишет к нам, что не может быть спокойна до получения известия от тебя. Мы сообщим ей завтра, что ты пишешь касательно своей болезни. Дай бог тебе быть здоровым.

О вашей □¹ здесь есть некоторые толки, которые не в пользу вашу. У нас все умеют разтолковать каждый по своему. Я с здешними вв. кам.***) не знаюсь, ибо ничего не вижу ни в них, ни в их масонстве порядочного. Да я не знаю, стоит ли и у вас труда заниматься этим.

— У нас я думаю можно только спать в своей комнате спокойно, *sans faire ombre à personne* и не подвергаясь толкованиям, и то тогда, когда видят, что спишь.

*) *Архив, № 383, лл. 126—127.*

**) *Т. е. вольными каменщиками.*

Я все живу попрежнему, с тою только разницею, что вместо Луи четыре раза в неделю обедаю в английском клубе. Там же читаю и газеты: французские бесстыдно пусты и беззначущи.. В Германии все вооружились против двух или трех бедных журналистов. Об наших журналах и говорить нечего. Предполагаемый арзамасский умер до рождения; и сам Арзамас рассыпался и более уже не собирается. Жуковский в Москве, Блудов там же и едет в Англию — через Париж.

Криццов определен к лондонской миссии и также через Париж туда едет. Академия Наук получила нового президента: Уварова. Михайлу Петровичу, как видно, нравится в Париже. Прошу ему усердно поклониться и пожелать много удовольствий; также и Старынкевичу. Что этот там делает? — О Мериане к кн[язю] Репнину мы писали. Завтра пойду опять к Убри в Колл[егию] ин[остранных] дел и еще буду справляться о нем. А не удастся — так обращусь через Жихарева к Марченке, которой отсюда однако же поедет чрез несколько дней с государем опять в Москву. В Сенате, думаю, узнать о Мериане нельзя. Я бы сам к нему об этом отвечал, но что то не в состоянии. Как подумаешь, что делаешь и как живешь, то дух не весьма радуется. В Совете есть у меня довольно работы, и для меня приличной; ибо по части экономии и финансов.

Бибииков, теперь адъютант к [нязя] Волк[онского], женится на дочери Муравьева-Апостола. Спасибо за лотерейный билет. Перовский уехал на сих днях в деревню.

В феврале откроется у нас исправленный вновь, сгоревший прежде, театр. Говорят, что очень красив. Также будут дебютировать новые актеры. Немецкой театр при всей своей непопулярной посредственности возбуждает иногда в сердце некоторые приятные чувства; и Каверин говорит, что ему приятно ездить в немецкий театр, потому что видит там по крайней мере европейские вещи. Мне же приятно бывать там, потому что я как будто переселяюсь из П[етербурга] и оставляю тут все размышления о положении нашем и о нашей безнадежности.

Кривцову пишут, что Comte женится на M[ademoiselle] Say. Дай им бог щастья!

Прости, любезнейший, будь пожалуйста здоров.

Весь твой

Н. Т.

СП[етер]б[ург]. 3 февраля 1818.*

Это письмо пишу к тебе с Кривцовым, любезнейший Сергей. Он лучше всех может тебе поведать мое житье-бытье, ибо я ни с кем здесь так часто не видался, как с ним. Я почти привык проводить с ним по нескольку часов и по нескольку раз в неделю: так что и об отъезде его сожалею. Он говорит, что печально ему расставаться с Россиею. Я напротив нахожу, что, может быть, ни в какую другую эпоху разлука с Россиею не была так willkommen. Ни действительности, ни надежд! К[ривцов] расскажет тебе о наших успехах в образованности, в просвещении и вообще в европейсеме; расскажет о наших невинных мистиках, или попросту сказать, святошах, общество которых недавно кто-то назвал русской Tugendbund.¹ А ты ожидаешь успехов Ланкастеровой метод! Но правда — есть способ сделать их и о ней заботливыми: представить, что она будет споспешествовать разпространению библии.¹ Полюбопытствуй и о новых военных поселениях, другой признак нашего цивилизма и плод христолюбивого девятнадцатого века!² Все это, в особенности последнее, даст тебе меру благополучия России и щастия, ее постигшего и впредь ожидающего! Есть ли бы истинная любовь христианская одушевляла их, то они бы начали изкоренением того, что существовало только у язычников и что в других землях исчезло пред христианскою верою — изкоренением ненавистного рабства. — Все это между нами — я и здесь не люблю говорить об этом, ибо не вижу никакой пользы — у нас так еще мало чувствуют свои выгоды и так мало умеют отличать хорошее от дурного! К тому же равнодушие и эгоизм турецкие. Да и может ли это быть иначе?

Последнее письмо твое, нами полученное, от 13/25. Радуюсь успехам вашей школы. Но мне кажется — ты слишком превозносишь методу Ланкастерову, ставя ее наравне с искусством книгопечатания, хотя и то и другое суть изобретения однородные: книгопечатание разпространило образованность — Ланкастерова метода разпространит средства принимать сию образованность. Но большая разница между рукописанием, существовавшим до книгопечатания, и обыкновенною методою

*) Архив, № 384, лл. 176—177.

учиться читать и писать, до Ланкастера существовавшей, и теперь еще почти везде употребляемой. — Главное опровержение против Ланкастеровой состоит в том, что учение производится машинальным образом, и что с людьми обращаются притом, как с машинами. Но, я думаю, и система по толпам не более свойственна благородству человека! И так это опровержение не может иметь места, по крайней мере у нас, в России.³

Процесс Мих[аила] Петр[овича] с Ал[ександрой] Петр[овзой] в консистории решен. На нее наложена семилетняя эпитемия, но и ему не дозволено вступать в новый брак, потому что он согласился, на бумаге, расстаться с нею. Духовнику же предоставляется уговаривать их жить вместе. Это решение основано на справедливости; и для М[ихаила] П[етровича], может быть, самое выгодное.

Вскоре за Кривц[овым] увидишь ты Блудова в Париже. От него узнаешь в особенности, что до тебя касается по обстоятельствам твоей дипломатической службы.⁴ Он переселяется с своим семейством в Лондон, будучи назначен туда советником посольства.

Что думают в Париже о покушении на Веллингтона? Правительству, думаю, это весьма неприятно. Процесс Брюно занимает теперь фр[анцузские] газеты. Станный, но весьма, думаю, неприятный для правительства.

— Карамзина истории разошлись все экземпляры, около 3000, в течение двух или трех недель. Этого еще не бывало ни с какой русской книгой. Я думаю 2/3 экз[емпляров] разошлись в П[етербурге]. В Москве, кажется, только 200. Москва, как по всему видно, идет назад в нравственном бытии своем.

Я, кажется, наконец решился напечатать свою книгу, и к святой отдам ее в цензуру. Сея я прочел недавно с большим вниманием и сделал примечания. Вообще он мне очень нравится, хотя и есть неправильности и легкости.

У нас конец зимы хорош. Погода теплая, и видаем иногда солнце.

От Матушки имеем письма. Она все собирается купить деревню, но не найдет выгодной. Я всегда ей советую купить деревню с большим количеством земли.

Прости, любезнейший. Будь здоров и весел.

Весь твой

Н. Тургенев.

11 февраля 1818. СП[етер]б[ург]. *)

Письмо твое от 6 января, вместе с брошюрами: о Шато-бриане рапорт Академии и против его последней брошюры и проч. мы получили. К Матушке письмо твое отправлено. Это ее успокоит на щет твой, ибо, как я тебе писал, ей сказали, что ты был болен. Нельзя ли тебе побывать будущим летом на водах? Это было бы для тебя весьма полезно. Я не знаю, как проведу будущее лето, но хотелось бы съездить в Москву и в Симбирск. Это даже есть обязанность наша, ибо надобно посмотреть, как живут наши крестьяне! Есть ли мы не можем прибавить своих доходов, то по крайней мере всегда в нашей власти сделать собственное состояние крестьян лучшим. По известиям они, кажется, не в худом положении. Князь Баратаев пишет мне, что завел в Симбирске □: ключ добродетели; в ней, между прочим, членом и Петр Никифорович. Барат[аев] предлагал мне титло почетного члена и представителя их □ у здешней директориальной. Я от всего отказался, видя, что масонство у нас процветать теперь не может, сколь бы впрочем для меня приятно ни было соединить мысль родины с мыслью о масонстве. В здешних □□ я также не бываю, да они того, в теперешнем их церемониальном ничтожестве, и не стоят.

Что здесь нового? Обновленный театр и история Карамзина. В английском клубе о том и о другом рассуждают. Касательно театра находят, что в креслах очень несет; а об истории один любитель — карт и билиарда — сказал мне: „Оно хорошо, да робко пишет“. Это он уж сам несет дичь. Но вот наша публика в двух словах.

Англ[ийский] клуб доказал мне недавно на опыте, как натурально представительство и как оно свойственно даже и членам клуба нашего! Дело шло о прибавке цены на обед. Старшины или министры объявили, предложили. Поднялась оппозиция и выбрала своим председателем одного дантиста: он говорил, кричал — точно как в парламенте — наконец баллотировали — прибавка утверждена; оппозиция en déroute, а минни-

*) *Архив, № 384, лл. 174—175.*

стерильные пить пунш, кричать ура, стучать в столы и дразнить оппозицию. Между тем все обошлось в порядке. — Дай только людям средства говорить об их интересах, то всегда они будут говорить дельно. Между тем в губ[ернские] предводители выбрали Ал[ександра Льв[овича] Нарышкина! Но это не опровергает правила, а доказывает его. Стало быть в выборе не существовало непосредственного интереса, или к предводителю можно быть равнодушным.

Театр новый хорош, но актеры все те же. Я провожу свое время в Совете, в клубе, в театре и в своей комнате.

— Бедный наш Козлов очень болен; у него отнялись ноги, болезнь называемая: la Danse de S[ain]t Vit. Нет надежды на выздоровление. Между тем он довольно весел и болтает по-прежнему. Недавно проезжал здесь в Москву Dufour, был у нас, но не застал дома. Я слышал сегодня, что Козловский опять отправился в Париж. Он, говорят, много проказничает в Генуе и в Турине. Пора бы остепениться! Вчера получено, говорят, здесь известие, что шведский король умер, и что Бернадотт назвал себя конституционным королем, говоря словами здешней публики. В немецких газетах и в наших пишут, что в камере перов не принят проект закона о (не)* свободном книгопечатании. Во французских об этом ничего не читал. Это, я думаю, довольно неприятно для министерства.¹ Отчего Royer-Colard так часто не согласен теперь с министрами? Прежде, кажется, за ним этого не водилось. Что то скажет английский парламент? Пишут, что оппозиция очень слаба — как бы в английском клубе!²

Поклонись от меня Михайлу Петровичу, Старынкевичу и Мериану. О сем последнем мы никакого ответа от фюрста Репнина еще не получали.

Прости, любезнейший! Будь совсем здоров и поживи в Париже — а здесь на жизнь надо заговориться.

Сказывал ли тебе когда-нибудь к[нязь] Гагарин о проекте своем нарисовать п[етер]бургской шлагбаум с надписью: Lasciate ogni speranza, voi chi entrate! Надпись Дантова над шлагбаумом ада.

Весь твой

Н. Тургенев.

*) Вставлено над строкой.

[Приписка к письму А. И. от 9 марта 1818. *)]

Здесь также завелась школа по Ланкастеровой методе, в военно-сиротском отделении, попечением генерала гр[афа] Сиверса, и сказывают, что идет хорошо. Я еще не видал.¹

Я вчера получил письмо из Геттингена от Мейера, которой просит об уведомлении, каким образом получить с Каверина 1000 талер[ов] с процентами. Каверин в Царском Селе, я дам ему знать об этом, а между тем напишу к Мейеру, что зять его, Малышев, в чужих краях, и чтобы он старался с него получить. И Малышев и Каверина отец, кот[орый] недавно женился на богатой довольно женщине, могли бы заплатить это.

Что скажешь ты о Варшавской репрезентации² и о депутате от Праги?³

Пусть хоть к словам привыкают. А все это весьма странно для русского!

У нас все еще снег стоит, хотя погода и хорошая, т. е. солнце и не холодно, зато уж грязно!

Спешу кончить письмо.

Прости, весь твой

Н. Тургенев.

[Приписка к письму А. И. от 23 марта 1818. **)]

Спасибо, брат, за книги. Я еще не успел прочесть о Ганиле, будучи занят чтением истории Карамзина, знакомящей нас с древним отечеством нашим, а также и делом по Совету. Вчерашнее чтение было замечательно речью Уварова, в которой много хорошего и неговоренного до сего времени на языке российском. Ваши ориенталисты нас замучили. Но Demange умел сделать свою диссертацию занимательною, приводя несколько стихов, забавных и смешных, из персидской словесности. Между слушателями случился один, знающий по-персидски, и говорит, что вся его диссертация откуда то выписана

*) *Архив, № 384, л. 172.*

***) *Архив, № 384 лл. 169 (обор.)— 170.*

и что произношение профессора очень дурно. Бог им судья, а не публика. Раупах парил в философических соображениях о Welt-Geschichte. Вообще речь его, как мне кажется, более похожа на академическую, т. е. исключительно умозрительную. Студентам, которых он учить должен, надобно преподавать историю иначе.¹

Я, брат, собираюсь летом побывать в Москве и Симбирске и посмотреть на наших мужиков, и, есть ли будет возможно, поправить их состояние. Матушка собирается купить деревню в Симб[ирской] же губернии.

Прости, весь твой

Н. Т.

115

2 апр[еля] 1818. СП[етер]б[ург].*)

У вас, верно, известна уже речь государя, произнесенная в собрании представителей царства Польского. Вот и официально говорится о представительстве! А у нас чорт знает что каждый себе представляет. Английские клубисты толкуют речь по своему! „Добираются до нас“, говорят они; а я им отвечаю: „К нещастию вряд ли доберутся!“ Можно по крайней мере надеяться, что свободнее можно будет об этом писать, есть ли кто захочет; к тому же и хамство не будет так восставать на либеральные идеи, по ращетам не убеждения, а подлости. Однако, и за то спасибо; в ожидании действительной пищи мы хотя фразами питаемся. Я теперь желаю полякам вечного благополучия, в их теперешних пределах, дабы государь мог с успехом исполнить свое обещание относительно России. Хотя впрочем и чувствительно видеть поляков, получающих то, чего нет у русских. Но у нас есть рабство, которое не должно и следов даже оставить, прежде нежели народ российской получит свободу политическую: сперва все должны быть равны в правах человеческих. Это равенство важнее и существеннее всякого другого!¹

— То-то теперь распишутся Comte и Dupouet и другие ваши так называемые независимые!² И немцев эта весть порадует, в особенности пруссаков.

*) Архив, № 384, лл. 161—162.

Я наконец решился напечатать мою теорию налогов и завтра отдаю в цензуру. Так как у меня есть слова два-три о рабстве, то я надеюсь, в случае затруднения от цензора, сослаться на речь варшавскую.

Матушка собирается купить деревню. Я поеду летом в Москву и может быть в Симбирск. Надобно посмотреть состояние мужиков и нужно стараться об улучшении их состояния по возможности. Но не знаю, удастся ли что-нибудь для них сделать.

Каверин определяется адъютантом к Толю.

История Карамзина вся разошлась в две или три недели 3000 экземпляров. Это хоть бы и не в России! И теперь многие ее требуют и покупают по двойной цене. Между тем толки о ней странны. Уные не находят в ней ничего нового, другие в претензии, зачем Ист[ория] Росс[ийского] Госуд[арст]ва, а не русская история. Баккаревич три недели смеется (и смешит англ[ийский] клуб) над выражением „великодушнсе остервенение“. Иной... Иной жалуется, зачем о Петре I не говорит в истории. Я читаю V-й том. В последних, говорят, пренечестивые рассуждения о самодержавии. А я по сию пору чрезвычайно дозобен историю.

Поклонись от меня Кривцову — пусть он читает речь варшавскую и вспоминает о либеральности наших соотчичей.

Прости! Будь здоров!

Весь твой

Н. Т.

116

25 апреля [1818 г.] СП[етербург].*)

На сих днях получил я длинное письмо твое с картинками и двумя книжками. Письма Мих[аила] Петр[овича] отдам ему по его приезде сюда. Ты пишешь в рассуждении обвинений тебе со стороны дипломатов. Я не помню или не знаю, что писал тебе об этом брат; но обо всем ты обстоятельно можешь узнать от Д[митрия] Н[иколаевича] Блудова, с которым посылаю сие

*) *Архив, № 384, лл. 158—159.*

письмо. Он говорил с дипломатами, Стурдзою и Севериным: они в претензии на твои разговоры и образ мысли. Стурдза умной, кажется, человек, но немного помешанной; *a le reste ne vaut pas la reine d'être pommé!* Я никогда не мог терпеть этого дипломатического щенка, Северина. Будучи глуп, но не имея никаких основательных знаний, важно-глупою миною хочет доказать свою дипломатическую важность. Но чего ожидать от таких и вообще от всех почти людей? Наш образ мыслей, основанный на любви к отечеству, на любви к справедливости и чистоте совести, не может конечно нравиться хамам и хаменкам. Презрение, возможное их у н и ч т о ж е н и е может быть только нашим ответом. Все эти хамы, пресмыкаясь в подлости и потворстве, переменяв тысячу раз свой образ мысли, погрязнут наконец в пыли, прейдут, заклеянные печатью отвержения от собратства людей честных; но истина останется истиною — патриотизм останется священным идеалом людей благородных!

Но граф Нессельроде совсем не разделяет мнения о тебе с своими подданными... то бишь подчиненными (как говорил секретарь архивы Ждановский, поздравляя Каменского, начальника оной архивы). Брат Ал[ександр] Ив[анович] говорил после с гр[афом] Н[ессельроде] о тебе, и он весьма хорошо о тебе отзывался и уверял, что никогда не думал иначе. Спасибо ему! О Каподистрии не знаю. С ним брат об этом не говорил. Но впрочем могут эти господа думать, как они хотят, а мы будем думать, как нам должно думать и как мы теперь думаем.

— Постарайся увидеться с Дм[итрием] Н[иколаевичем] Блудовым. Он может тебе все это рассказать. Также я надеюсь, что ты увидишься и с П[етром] Ив[ановичем] Полетикою; этот более на нашу статью.

О ложе я тебе писал, потому что мне здесь верно сказывали, что государь когда-то показывал неудовольствие как на масонство вообще, так и на дух свободомыслия, показывающийся, будто бы, через масонство в корпусе вашем. И я писал не из духа угодности к правительству, но потому, чтобы это не повредило когда-нибудь тебе. Я думаю и думаю по причинам, что у вас самих есть вам недоброжелатели, которые сообщают сюда невыгодные о вас известия. Но лучше сказать недоброжелатель, потому что я знаю только одного. Назвать ли его? Назову! Но только с тем, чтобы ты ни ему, ни кому другому в свете, не дал никогда почувствовать, что ты это знаешь.

Этот недоброжелатель, подлый и глупый, есть Казнач..... Но все это только между нами. Есть ли ваша ложа делает какое-нибудь истинное добро в нашем смысле, то надобно, хотя и с великою осторожностью, лелеять ее и ею заниматься, не взирая на что; есть ли нет, то не надобно ничего делать. Здесь нет середины.

Для верности лучше сжечь письмо сие.

— У нас здесь хамы недовольны речью государя, вообще. Порядочные же люди недовольны только тем, что сия благотворная вода течет к нам из источника нечистого — из Польши.¹

Весь твой.

Р. S. Брата Ал[ександра] ты напрасно обвиняешь в разделении мыслей вышеупомянутых: напротив. Он сам за это сдился на Северина и другого. —

NB. О генер[але] Чернышеве и о гр[афе] Модене, о коих ты пишешь, здесь я ничего не слыхал, касающегося до тебя.

117

27 апреля 1818.*)

Сегодня поехал отсюда Блудов. Я писал к тебе с ним особенное письмо, есть ли Б[лудов] не увидит тебя в Париже, отдаст тебе едущий с ним Филипп Филиппович Вигель. — Я хотел было еще кое-что написать к тебе, но дурно расположен. Вообще какое-то уныние более и более владеет мною. Образ здешней жизни, люди, с которыми живешь, положение и порядок вещей, все это не веселит; и я только живу покойно, когда живу махинально, т. е. без размышлений. Хороша отрада! Но это, я думаю, отчасти происходит от свойства моего характера. Я весьма теперь сожалею, что не старался остаться в чужих краях. Чувство, которое меня влекло в Россию, совершенно меня обмануло. Впрочем жить то все-таки надобно. Итак пусть живет так, как судьба хочет; мне же должно стараться быть спокойным зрителем собственной моей жизни.

Я почти теперь ничем серьезно не занимаюсь. Хочется (или по крайней мере хотелось за несколько дней, потому что теперь,

*) *Архив, № 384, лл. 154—155.*

в сию минуту, мне совершенно ничего не хочется) однако же написать что-нибудь исторического об уничтожении рабства в Европе. Нет ли об этом книг, которые бы ты мог прислать мне? Кажется нет. Мне известны только J. J. Leliette. Sur la servitude или sur l'abolition de la servitude и, кажется, Nergard или как то иначе, о уничтожении рабства в Дании. Но сей последней книги я сам искал прежде и во Франции и в Германии; но никогда книгопродавцы не могли мне ее доставить. Я же знаю ее только по рецензиям в старом *Esprit des Journaux*.

Ты писал как то об отпускной для Федора. Об этом надобно говорить с Матушкой, что впрочем можно сделать. Но недозволено ли будет для него, есть ли ты дашь ему слово или письмишко, что он, и по возвращении в Россию, остается свободным и немедленно получит отпускную по форме. Это вообще со всеми нашими лакеями сделать надобно, есть ли уже нельзя с мужиками. — Время не приучает меня нисколько ни к какому хамству; а есть ли здесь кто к тому не привыкнет, то у того, видно, и на роду не писано быть хамом. —

Брат в Москве. Вероятно скоро сюда возвратится. Я собираюсь летом ехать в Москву и в деревню Симбирскую; не знаю удастся ли последнее. —

Познакомься с Вигелем. Он один из арзамасцев; человек умной. Полетика, вероятно, прежде их будет в Париже.

Конгресс, как уверяют, будет в Ахене. Отсюда и к вам недалеко. Вероятно, что государь захочет посмотреть корпус. Но будет ли уже тогда наш корпус во Франции? По крайней мере г[раф] Вор[онцов] там еще будет и, вероятно, увидит государя. Я надеюсь, что он не забудет или представить тебя к чему нибудь, или что-нибудь такое. Досадно, но справедливо, что все это у нас необходимо. Когда ты полагаешь возвратиться сюда? Не подумаешь ли ты о своей будущности? По моему мнению, побывав здесь, тебе лучше отправиться в чужие края, т. е. к какому-нибудь посольству. Хорошо кабы тебя там у вас узнал Каподистрия. Его порядочные люди очень хвалят. Я его не знаю. Только один раз был здесь у него.

28. Вчера и сегодня погода прекрасная; более 20° тепла на солнце. Жители петербургские вылезли из своих берлог, в которых большая часть из них конечно не сосали собственной своей лапы.

Из новостей здешних замечателен слух, давно уже носящийся, что по всей России будут учреждены наместничества, числом 12. Формы не суть дела; но я полагаю, что сии наместничества могут быть полезны как *paliativ-Mittel* при хорошем выборе наместников. В каждом наместничестве, внутри России, будет по 5 губерний, в пограничных по три.¹ Fürst должен получить еще 2 или 3 губернии. О его управлении я здесь не слышал ничего замечательного. — Я ему в Москве советовал быть осторожным в выборе людей; но он, как видно, не исполнил сего совета. Бывший адъютант его Бибииков женится или уже женился на Муравьевой-Апостол. Я писал к князю, или лучше сказать брат, как о солдатке, о которой ты прислал записку, так и о Мериане. Но нет ответа, вероятно и не будет.

Книга моя уже печатается. Я замечаю ошибки, которые пропустили в манускрипте. Но уже поправить нельзя. Она печатается у Греча, которой берет с меня очень дорого, а печатает не скоро.

Михайло Петрович в Москве. Его ожидают сюда на будущей неделе. Прости, любезной друг.

Весь твой

Н. Тургенев.

P. S. При сем посылается тебе 2 фунта хорошего чая, или лучшего цв е т о ч н о г о .

Я думаю, что ты по сию пору считаешься еще в Мин[истерст]ве финансов и получаешь жалованье. Я несколько раз говорил брату Ал[ександру] Ив[ановичу], что надобно тебе оттуда выйти. Но он все мешкает. Для сего, я думаю, всего лучше будет, есть ли ты к нам пришлешь просьбу в департамент об отставке из оногo. По приезде брата я ему скажу, что это непременно надобно сделать.

118

29 мая. 1818 г. СП[етерб]б[ург].*)

Пишу тебе, любезнейший Сергей, с каким-то французом. Твое письмо из под Мобежа мы получили. Я совсем не против системы Ланкастеровой, и почитаю ее великим орудием просве-

*) *Архив, № 384, лл. 150—151.*

щения и свободы людей, в особенности у нас, где и то и другое так нужно. — Теперь опять возобновились здесь и в Москве слухи об освобождении крестьян. Говорят да и перестанут; а порядок или лучше сказать беспорядок вещей остается все в одном и том же положении.¹ Ты теперь верно уже прочел статью об иностранных крестьянах в 17 № Сына От[ечест]ва. Ее писал один мой приятель и по моей прозьбе; но не я сам, как думает здешняя и московская публика. Хамы меня бранят. Порядочные люди говорят спасибо; хотя первых и более. Автор не хочет быть известным. А я говорю, что хотя и не писал статью, но разделяю мысли сочинителя.² Однако же начальство запретило цензуре пропускать подобные статьи, как pour так и contre. Охотники видеть во всем успехи разума человеческого заметят сие и в сем запрещении, равно разпространяющихся*) на pour и на contre. Но я в этом ничего не замечаю. Впрочем есть ли бы правительство (не начальство) хотело что-нибудь дел а т ь, то можно согласиться и не п и с а т ь. — Вчера и сегодня, беспрестанно размышляя о горестной участи наших крестьян и лакеев, я до чрезвычайности был взбешен поведением Бориса (кнещастию) Тургенева. Вобрази, что он колотил своего старого слугу Ивана в Москве, наконец велел его выбить палками и отправил пешком в Симбирск; а тот пошел! Я постараюсь, когда буду, есть ли это возможно, хладнокровнее об этом думать, показать все мое презрение гнусному Борису. Но между тем каково здесь жить, видя даже между родными таких извергов! Ici il n'y a point de milieu — или порядочный человек, или мерзавец, достойный всего презрения от честных людей. Сравни же с этим поступок п о в е с ы Каверина, к которому кучер принес 1000 рублей и просил за это свободы. Он ему отвечал, что дал бы ему свои 1000 р. за одну идею о свободе: но не имея денег, дает ему отпускную. В сем последнем поступке нет ничего удивительного для человека благомыслящего; а у нас это редкость.

Я удивляюсь, что тебе не понравился 2-й т[ом] Карамзина. Надобно прежде всего знать, что все что есть в летописи, есть и в К[арамзине]. Но сии источники редко достаточны. Начальные междоусобия в России гадки, но описаны удивительно; все это читается как роман. Не понравится тебе, что и здесь

*) Так в подлиннике.

нам не нравится, его правила о самодержавии в последних томах. Но это один важный в нем недостаток. Оригинальность сего творения также достойная замечания и уважения; а какой слог! Он второе издание продал за 50 000. Это хоть бы и не у нас!

Я собираюсь недели через три в Москву и в Симбирск.
Сюда ждут короля прусского с государем.

Прости.

Весь твой

Н. Тургенев.

119

СП[етер]б[ург]. 15 июня. 1818.*)

Надобно непременно как-нибудь сделать, чтобы Вор[онцов] тебя представил прежде отправления войск из Франции. Ты можешь, думаю, намекнуть ему об этом. Можно даже сказать, что и здесь по иностранной коллегии многим дают чины, чрез что младшие тебя делаются по коллегии тебе старшими. Например Северин, быв по чину тебя моложе, теперь уже кол[лежский] советник. Тебя же никак, как и здесь дипломаты говорят, представить нельзя, не имея представления от графа Воронцова. Таким образом ты можешь сказать графу мимоходом, что в службе чины необходимы. При совершенном же окончании, когда войска выйдут из Франции, опять можно будет тебя представить.¹

Посылаю тебе отчет о кредитных учреждениях. Это хорошо, хотя и неважно. Вначале учреждения министерств, внутреннее министерство отличалось гласностью, печатало свои отчеты и предположения. Теперь это забыто, и отчет министра финансов можно у нас почесть теперь новостью, тем более, что по финансам ничего еще не публиковалось и прежде.

Моя книга уже до половины отпечатана. В печати она мне более не нравится, нежели когда-либо; но дело уже сделано. Есть однако же и порядочные места, стоящие печати, особливо у нас; но сих мест немного.

*) *Архив, № 384, лл. 148—149.*

Читал ли ты статью в 17 № Сына Отечества? Теперь запрещено писать и pour и contre. Слухов об этом много носится; но нет ничего верного, даже вероятного, а еще менее утешительного.

Я собираюсь ехать в Москву и в Симбирск.

Прочти также в 24 № С[ына] От[ечест]ва статью о речи Уварова, Куницыным сделанную. Цензура многое исказила и иногда вместо будущего времени поставила настоящее.

Прости. Не имею времени боле писать.

Весь твой Н. Т.

Вчера приехал сюда государь. Ожидают и короля прусского. Посылаю для Мериана засвидетельствованную копию с указа о его Анне.

120

СПетербург. 12 сентября 1818.*)

Третьего дня приехал я сюда из Москвы и из Симбирска.¹ Для тебя, любезнейший Сергей, посылает Матушка по твоему желанию 5000 р[ублей]. Говоря о деньгах, я скажу тебе, что со времени моего пребывания в деревне, я конечно не полюбил денег, так как и прежде их не любил, но начал их некоторым образом весьма уважать, удостоверясь чего стоят крестьянам доходы, нами получаемые и проживаемые. Я хочу учиться беречь деньги, не для себя, но для того, что крестьянам нашим нужна помощь. Советую и брату и тебе делать то же.

Вот тебе отчет в моем путешествии в нескольких словах.

Я нашел, что работа крестьян на господина посредством барщины есть почти то же самое, что работа негров на плантации, с тою только разницей, что негры работают, вероятно, каждый день, а крестьяне наши только три дня в неделю, хотя впрочем и есть такие помещики, которые заставляют мужиков работать 4, 5 и даже 6 дней в неделю. Увидев барщину и в нашем Тургенева, после многих опытов и перемарав несколько листов бумаги, я решился барщину уничтожить и сделать с крестьянами условие, вследствие коего они обязываются платить

*) *Архив, № 384, лл. 129—130.*

нам 10 000 в год (прежде мы получали от 10 до 15 и 16 000). Сверх того они платят 1000 на содержание дворовых людей, попа и лекаря, с которым я заключил контракт на два года и уже отправил к нему несколько больных; остальных же он лечит у нас, приезжая из Ставрополя два раза в месяц в Тургенево. — Платя 10 или 11 000 р., крестьяне будут пользоваться всеми нашими землями, мельницами и водами, исключая лесу. Я им не сказал ничего решительно, но уверил их, что дам ответ к новому году. Они весьма довольны будут освобождением их от барщины и оброком. К новому году перемена состоится. Тогда не будет и управителей, которых крестьяне, по справедливости, не любят. Сверх того я стараюсь теперь сколь возможно скорее уничтожить существующую у нас там фабрику, на что и Матушка согласна. Оброк Матушке не очень нравится. Есть ли таким образом и без особенных нещастий крестьяне наши проживут лет 5, то конечно они поправятся. Между тем однако же надобно им делать денежные вспоможения. Для сего я учредил мирскую казну; но начало оной, данные мною на месте 500 р[ублей], тотчас же были издержаны на покупку лошадей тем, кот[орые] имели только по одной лошади. Между прочим я дал денег на лошадь и твоей кормилице и определил ей маленькое содержание. Оброчные наши мужики в Ахматове, Аннееве и Семиключевке, хотя имеют весьма мало земли, но живут лучше, потому что живут свободнее.

Сверх того нужны деньги для постройки и нескольких изб, хороших и белых, которые могли бы служить крестьянам примером, по коему они будут строить свои избы.

Вообще скажу тебе о наших крестьянах, что они очень не глупы, весьма трудолюбивы, и между ними нет ни воров, ни бездельников. Они живут не хуже других крестьян на барщине, но должны жить лучше, гораздо лучше, ибо настоящее их положение плохо и нестерпимо для благомыслящего человека.

Прости.

Весь твой

Н. Т.

Р. S. Теперь объявлен рекрутский набор с 500 по два. Нам следует поставить 3-х, но у нас есть три квитанции по Жуковке, кот[орые] мы посылаем в Тургенево и таким образом людей ни одного человека в рекруты не поставим.

26 сентября 1818.*)

Сегодня едет в Париж Михайло Петрович. Я решился послать с ним к тебе, любезнейший Сергей, лишь только отпечатанную мою книгу, исполненную различных ошибок типографских, так что в некоторых местах пропущены целые слова, отчего выходит бессмыслица. Самые грубейшие ошибки будут исправлены, и для того будет перепечатано 20 страниц. Но ты по крайней мере увидишь мою книгу, о которой теперь я жалею, что дал ее увидеть свету.

Вчера я был в здешнем военно-сиротском отделении, где одна школа заведена по Ланкастеровой системе.¹ Эта школа еще не в совершенном порядке, но я удивился всему ходу, и в особенностн искусству монитеров.² Они учатся по таблицам, тобою из Парижа присланным или привезенным Гречем. У нас в России умели однако же усовершенствовать и Беля и Ланкастера, а именно заставили учеников вертеться кругом, топать, ходить в нитку и в ногу, и т. п. Эти новости, я думаю, затрудняют ученье.

Греч с многими другими заводят теперь здесь новую вольную Ланкастерскую школу; собирают для того деньги. Начало сему было сделано в ложе. Дай бог успех; но у нас было и это хотели запретить, приводя, что распространение просвещения есть исключительно дело правительства! Однакож теперь позволили.

Не знаю, где найдет тебя это письмо. — Есть ли в Ахене, и есть ли там же будет и Штейн, то я думаю — ты у него будешь. Это единственный из всех стариков, которого я истинно люблю и почитаю. Дорого бы заплатил, чтобы поговорить с ним хотя с час. Бывало и в Франкфурте разговор с ним делал меня дня на два веселее и вливал мне в душу какую то надежду на лучшее. Теперь негде почерпнуть ее.**)

Карамзин, умнейший человек, всегда более отмечает сию надежду, а о других и говорить нечего. Не в Совете же предвидеть лучшую будущность!

*) *Архив № 384, лл. 117—118.*

***) Скажи ему о моей книге. Я бы прислал Штейну экземпляр моей книги, но она на русском! (*Примеч. Н. И. Т.*)

Я думаю, ты получил уже 5000 р., посланные тебе по приезде моем сюда.

Nodier, как пишут во фр[анцузских] газетах, с дороги в Одессу возвратился опять в Париж. Видно ему Nicole писал, что лицей не в цветущем состоянии. Батюшков, кот[орый] с особенным вниманием рассматривал лицей, будучи в Одессе, очень хвалит как учреждение, так и учредителя. Он француз — это не хорошо, но он, вероятно, думал о воспитании, а Антон Антонович и понятия об оном не имеет. Итак, где воспитывают Антонские — русские, там можно, думаю, воспитывать и Николаям — французам.³

Прилагаю при сем и книгу. Предисловие еще не напечатано. Ошибок пропасть.

Прости

Весь твой

Н. Т.

122

СП[етер]б[ург] 13 октября 1818.*)

Два письма твоих, любезнейший Сергей, одно от 7, другое от 9/21 сентября, мы получили вчера. Вместе с ними 4 №№ *Minerve*,¹ 2 *Israelite* и 4 *Vol[umes] Inquisition*. Не знаю: все ли номера *Minerve* присланы нам тобою. Есть ли все, то они у нас отыщутся; но теперь я не вижу нескольких №-ов сряду от 5-ти до 20.

— Мы думали, что гр[аф] В[оронцов] будет в Ахене, а следовательно и ты; теперь видим, что его там нет. Тебе же надобно непременно постараться побывать там. Я думаю для тебя очень было бы хорошо служить при С[аро]д[и]стр[и]а и интересно по роду дел и выгодно по службе.² Ожидаем дальнейших от тебя известий.

Книгу мою я послал тебе с Мих[аилом] Петр[овичем] в том виде, в каком она сначала отпечаталась. Теперь перепечатано 20 страниц, наиболее наполненных ошибками. Как скоро сие будет готово, еще пришлю тебе. — Книга впрочем неинтересна для знающих финансы; а у нас могла бы она годиться, но и того я не думаю; и напечатал ее, так сказать, от скуки.

*) *Архив, № 384, лл. 127—128.*

Впрочем откровенность в сочинениях не может у нас иметь, в теперешнем положении и правительства и публики, никаких следствий, кроме неприятностей. Над сими последними всегда можно смеяться, но лучше тогда, когда достоинство книги оправдывает автора в его собственном мнении. У нас иногда появляются в публике какие то судорожные порывы либеральности; но это ничего не значит; и сравнивая недавно наш век с веком Екатерины, мы нашли, что тогда было более умных и истинно смелых людей чем теперь. Беда как мы и в просвещении пойдем назад. По крайней мере итти недалеко. „Мы на первой станции образованности“ сказал я недавно молодому Пушкину. „Да, отв[е]чал он, мы в Черной Грязи“. Впрочем у нас можно довольно смело говорить; но зато писать совсем нельзя. Не суди по сказанному в моей книге о рабстве. Это было сказано и цензурою пропущено, прежде строгостей, кот[орым] была подвержена цензура после того; после споров о рабстве в Духе Журналов и в Сыне Отечества, запрещено писать ни pour ни contre.³

Я читаю теперь M[ada]me Stael о революции. Пропасть ума и в особенности благородства, и по сему я думаю, что сия книга будет иметь свое действие, обескуражит бездельников хотя немного и подкрепит людей честных. В рецензии Benj[amin] Const[ant] на эту книгу есть его собственные прекрасные и справедливые мысли.

Я думаю лучше всего адресовать наши письма к тебе на имя Шрёдера. Дети ген[ерала] Алексеева, точно, кажется, шалуны. Я видал одного из них. Но вряд ли они послушаются советов брата. Видал ли ты их дядю, Ф[илиппа] Ф[илипповича] Вигеля? Блюдов чуть было не умер в Лондоне. Теперь опять здоров попрежнему.

Посылаем тебе письмо Новикова, служащего при к[нязе] Репнине, о солдатке. Также и обратно письмо к Мих[аилу] Петр[овичу]. Напиши, пожалуйста, об нем, когда его увидишь. Его положение очень невеселое.

2-й Том M[ada]me Stael несравненно лучше двух других, в особенности 3-го. Она запуталась, говоря о возвращении Бонапарта. Rückichten и аксиомы, не подтверждаемые делом, произвели множество фраз. L'Europe s'est rassurée quand il parla de liberté et de loi! Это конечно вздор; но и твое замечание: bête et faux, не совсем справедливо. Конечно, прилепясь откровенно

к свободе, он мог бы peut-être сделать более. Но da liegt eben der Knoten. Было ли это с его стороны возможно? Я согласен почти с M[ada]me Stael в том, что при возвращении B[онапарта] французы должны были вручить ему власть диктаторскую и не говорить о конституции. Это значило гоняться за двумя зайцами; а независимость дороже свободы.⁴

Н. Тургенев.

123

[Приписка к письму А. И. Тургенева от 16 окт[ября] 1818 г. *)

Я думаю, что тебе весьма было бы полезно и любопытно пожить года 2 в Испании. Тогда и здесь служить лучше, а при миссии более разнообразных дел, чем здесь; к тому же когда же жить в чужих краях, как не в молодости. Может быть здесь служба была бы выгоднее, но и это невероятно, а там она выгоднее для жизни. Испания земля мало известная и любопытная не на долго. Не хорошо жить там долго, но хорошо там побывать.¹

Весь твой Н. Т.

124

2 ноября [1818 г. **)

Посылаю тебе, любезной Сергей, один полный экземпляр моей книги, кот[орая] однакож не вышла еще в печать, ибо находится у переплетчика.

Мы ожидаем от тебя известий. Вы, я думаю, уже вышли из Франции.

Спешу отправить

Весь твой
Н. Т.

*) Архив, № 384, л. 124 (оборот.)

**) Архив, № 384, л. 115.

19 декаб[ря] 1818. СП[етер]б[ург].*)

Два письма твои, любезнейший Сергей, мы получили. Одно из Герве, другое из Видгаузена. Известие, что ты не будешь сюда, нас опечалило, потому в особенности, что Ма-тушка ожидала твоего приезда. Но так и быть. Мне кажется есть за что сказать спасибо Каподистрии за советническое место в Мадрите. Лишь бы только это не переменялось. Хорошо побывать даже и в Мадрите. Боголюбов, как говорят, едет сюда; а товарищ его Валенстейн остается или нет в Мадрите. Этого Валенстейна я видел в Вене: не глупой человек. Но впрочем его не перевозносят, и между прочим говорят, что он жид. Булгари хвалят. Следственно он лучше своего брата. — Я ожидаю теперь твоих писем из Геттингена. Тебе, думаю, было неприятно там слышать, что Кавер[ин] все еще не заплатил своих долгов. Мейер прежде ко мне об этом писал; я советовал ему, по совету самого Кавер[ина], писать к Малышеву в Вену, но Мейер не имеет ответа и опять обратился ко мне. Я говорил Кав[ерину]; он отвечает, что заплатит, а что теперь нечем. И это правда. Книга моя здесь раскупается и за Геттингенский экземп[ляр] посылаю тебе другой. Да сверх того по экземп[ляру] Полетике и Стар[ынкевичу]. Тот экземп[ляр], которой я тебе сначала послал, и кот[орый] теперь у Полетики, никуда не годится. Его надобно изтребить. Здесь книга моя более нравится немцам, нежели русским. Первые хотят переводить; но я серьезно просил их, чтобы этого не делали.¹ — Нехорошо, что граф В[оронцов] не сказал, когда надобно было, о заведении Ланкастерских школ. Но для чего не сказать? Неужели одна только дистракция?

Жаль, очень жаль, что ты сюда не будешь. Кроме всего мне бы хотелось поговорить с тобою кое о чем, в особенности о Франции, которую ты теперь должен знать. Теперь что то опять показывается во Франции; какой то глухой отголосок мнения тех людей, кот[орые] некогда не только думали, но и действовали, или по крайней мере их последователи или преемники. Министры, точно, я думаю сожалеют о законе о выборах. Но при всем том я не понимаю, как В[enjamin] Соп-

*) Архив, № 384, лл. 111—112.

stant не выбран в депутаты. Французы его читают; он их учит точно как профессор или учитель учеников своих. Благодарность требовала, чтобы он был депутатом. Выбор Мануэля для меня все еще непонятен.² Объяснение Минервы также как и Conservateur³ недостаточны. Но я думаю, что точно большинство избирателей, платящих 300 фр[анков] податей, хотели Мануэля, по своим правилам, вопреки роялистам. Это показывает, что в Вандее роялисты дворяне и земледельцы, а что среднее состояние от них отдельно.

— Получил ли ты 5000 р[ублей], посланных от здешнего банкира Тэта к Лафиту, кот[орый] его уведомляет, что вексель им получен? Какое будешь получать в Мадрите жалованье? Потемкин получал более обыкновенного. Хорошо кабы об этом подумали; а то там, говорят, жить очень дорого.

Вообрази, что здесь в П[етер]бурге по сию пору, еще нет зимы, und keine Aussichten dazu! Это и неприятно и вредно, потому что привоз съестных припасов невозможен; все дорожает. — Мериан таки добился креста своему Квинкве. Вот хорошо, что к[нязь] Репнин в сем отношении вел себя благоразумнее, нежели наши добрые министры или ст[атс] секр[етари]. Но что намерен делать Мериан, по окончании своего дела? О Старынкевиче] говорят, что он возвращается в Россию. — Уведомь, есть ли еще нужна тебе будет моя книга. Я пришлю. Не прислать ли тебе Дмитриева сочинений, нового издания? Перемен мало и издание дурно. Но есть ли совсем у тебя его нет, то уведомь — у нас 2 экземпляра.

Поздравляю тебя с новым годом. Дай бог, чтобы в течение его у нас чтонибудь обновилось. Но надеяться, кажется, нечего. А по сию пору замечательного нового у нас только то, что дворяне Виленской губернии хотят улучшить состояние своих крестьян и сделать их свободными. Они уже получили дозволение от правительства и занимаются теперь этим делом. Более о сем ничего не слышно, да и нечего ни слышать, ни слушать.⁴

Прости, любезнейший! Будь здоров. Запасись терпением для Мадрита. Я думаю, чужому человеку оно там нужно более, нежели где либо. Впрочем для иностранца легче быть хладнокровным. Прости. Пиши к нам как можно чаще.

Весь твой

Тургенев.

P. S. Посылаю тебе еще один экземпляр. Отдай кому хочешь. Можешь отдать графу от моего имени.

P. S. Посылаю тебе и объяснение на мое объявление при книге.

126

СП[етер]б[ург], 28 дек[абря] 1818. *)

Третьего дня мы получили твое письмо от 1/5 декабря н. ст., любезнейший Сергей. Оно, как видно, прежде писано того, кот[орое] мы от тебя получили из Вестфалии. Ты должен быть опять теперь в Париже. Там, у Лафита, ты найдешь и 5000, посланные тебе чрез здешнего банкира Тэта, которого Лафит уже уведомил о получении твоего векселя. Мы еще здесь ничего не знаем о твоём определении, ибо указа в коллегию еще не пришло. Между тем сегодня здесь слышно было, что в Мадрите был бунт против короля, и бунт для короля совсем несчастный. Другие говорят, что это было только une fausse alarme.¹ У вас вероятно все это гораздо известнее. Пожалуй при случае уведошь. Теперь здесь утверждают, что заговор против нашего императора точно существовал в Бельгии. Я долго этому не хотел верить; но заговорщики, как видно, хотели только суматохи, т. е. выйти из настоящего положения, для них несносного; и в сем отношении можно несколько верить существованию заговора столь невероятного.²

Книга моя расходится или почти уже разошлась с успехом. Я читаю и слышу себе похвалы; смеюсь, что публика приняла мое сочинение за серьезное; и не думаю о своей книге. Между тем из много и недовольных моими правилами. А я и над этим смеюсь. — Хорошо кабы можно здесь было, хотя во внутренности сердца, мне над всем также смеяться. Но как посмотришь на все окружающее, то право не до смеху. Теперь говорят о каких то еще переменах в образе администрации. Ничего еще не известно, но я ничего не ожидаю. Не все новое хорошо, когда нет идей, новых и хороших. Между новостями у нас и то не хорошо, что нынешнею зиму у нас нет зимы. По сию пору мы ездим на дрожках и вероятно проедем до весны. Не бывает

*) Архив, № 384, лл. 103—104.

морозу более 4 и 5°, и то редко; снегу совсем нет. От этого терпит торговля, промышленность и продовольствие городских жителей.

На сих днях поехал отсюда священник к парижской миссии; с ним я послал к тебе 4 экземпляра моих налогов, из коих два для Старынкевича и Полетики. Дождемся ли мы Старынкевича сюда? Говорят, что он в П[етер]бурге жить не хочет. Коли так, то пусть остается в Париже.

Наконец Мериан добился креста для Квиниве. Это под каким номером, roth oder schwarz? Что будет Мериан делать, когда дела свои кончит в Париже? Будет ли он в Россию? — Но когда то ты сюда будешь? Мне об этом и думать трудно, ибо вижу перед твоим приездом года два, а может быть, и вероятно, более. Я все живу по старому. Обедаю в английском клобе. Два раза в неделю ежду в Совет. Иногда, очень, очень редко, бываю у тетушки, еще реже у графа Головина, председателя Департамента экономии в Совете, которой очень до меня добр; а прочее время, утро и вечер, сижу дома, и почти всегда один. Занятий своих книжных, постоянных не имею; читаю все сплошь, но мало; иногда бываю в театре немецком, реже в русском. Бедный Козлов все болен: у него отнялись совсем ноги, и нет надежды к выздоровлению. Тетушка все больна и очень слаба. Что делает Михайла Петрович?

Здесь Ланкастерская система начинает вводиться, но только для военно-сиротских отделений и для солдат. Министерство просвещения еще ничего не сделало в сем отношении. Сверх сего несколько частных людей, по подписке, заводят Ланкастерскую школу для бедных людей. Минист[ерст]во просвещения позволило; но сначала было запретило, под предлогом, что такие заведения должны быть делаемы от правительства. Вот какого рода регалия! Хорошо кабы правительство еще пользовалось как другими обыкновенными.

— Voilà à quoi nous en sommes! Мысль мерзнет и перо падает из рук при каждом движении патриотизма. И к тому же все это делают или всего этого не делают — люди добрые! Тем хуже!

Есть ли я тебе писал о смерти сестры Каверина, то это, к щастию, несправедливо. Он сам сюда возвратился. Ищет теперь быть адъютантом у когонибудь, потому что состояние его не позволяет служить во фрунте.

Я послал мою книгу к Антонскому, и он пишет мне, что „расплакался-то“. От других профессоров еще не получал ответа.

От Матушки мы часто имеем письма: она теперь, слава богу, здорова.

Не видал ли ты Штейна, проезжая около Рейна?

Прости, любезнейший! Будь здоров. Поклонись добрым испанцам да скажи им, что пора отступить от колоний.³ А независимым в Париже скажи, что ума у них много; но жаль, даже и мне, что они наперед не запаслись честностью. Это бы дало более веса их уму; а то мало им верить можно. Прости.

Твой

Н. Тургенев.

127

24 янв[аря] 1819 СП[етер]б[ург].*)

Приехавший сюда к[нязь] Меншиков сказывал нам, что видел тебя в Дрездене. Он был там принят в □. Говорил ли он тебе об этом? А приехавший из Вены Мюллер сказывал, что гр[аф] Каподистрия не успел или не имел времени доложить об определении тебя к испанской миссии. Хотя я об этом и жалею, однако это самое, может быть, позволит тебе побывать здесь и в Москве. Дали ли из Вены тебе знать о твоём неопределении? И что ты намерен теперь делать? Г[раф] Кап[одистрия] будет сюда не прежде мая. Гр[аф] Нессель[оде] сюда возвратился. И он может о твоём месте доложить. Впрочем я думаю, что жалованье и теперь твоё не прекратилось, ибо не было особого об этом повеления. Ожидаем твоих известий.¹ — Теперь же буду говорить тебе о нашем журнале, в которой ты должен присылать статьи.

Мне пришло на мысль издавать журнал. Главная цель сего состоит в том, чтобы распространить у нас здравые идеи политические. Для сего составные части журнала будут: политика. Пол[итическая] эконом[ия]. Финансы. Юриспруденция. История. Философия. Сия последняя статья будет состоять из рассужде-

*) *Архив, № 384, лл. 79—80.*

ний о воспитании и из литературы. Я сообщил мою идею Куницыну. Он ее принял. Сверх того присовокупились к нам несколько молодых людей, бывших воспитанников лицей и несколько офицеров. Из них мало умеющих писать хорошо. Но все вообще имеют хорошие правила и охоту. Жуковский участвует по литературе. Я много надеюсь на корреспондентов, в особенности на к[нязя] Вяземского. Старынкевич может нам сообщить весьма интересные статьи. Поговори с ним об этом. Сведения его в юриспруденции могут пролить свет и на наше законодательство. По возможности мы будем писать против рабства. Когда кончу, пришлю тебе проспектус. Между тем ты подумай, что нам сообщить, напри[м]ер] Обзорение Франции, а также о *Verfassung* и *Verwaltung* Франции. Все статьи должны иметь целью свободомыслие. Старынкевич мог бы принести пользу, написав о суде присяжных, и между прочим, так как он и свое русское знает, сказать что-нибудь о нашем судопроизводстве. Я пишу теперь без порядка. Мы только что разделили между собою работу. Я буду писать о финансах и о политике (*Verfassung und Verwaltung*).²

Есть ли есть новые книги, то присылай; теперь все в прок пойдет. —

Мысль о издании журнала меня оживила. Монотонная во всех отношениях жизнь моя здесь сделала и меня монотонным. Я не имел ни постоянных занятий, ни планов занятий. Теперь мне кажется, что я и то и другое имею. По крайней мере я думаю о журнале, хлопочу о нем и т. д.

Я говорил Каверину, что ты заплатил за него деньги в Геттингене. Он рад и обещает заплатить, но теперь нечем. —

У нас все идет по старому. Много говорили и говорят о переменах в системе управления; но по сию пору ничего еще не выходит. Говорят, что по всей России будут генерал-губернаторы. Что министерство полиции будет уничтожено. Исполнительный департамент оного перейдет к так или иначе называемому государственному департаменту и госуд[арственной] канцелярии, которая составитя под начальством г[рафа] Аракчеева и будет для штатской службы то, что главный штаб для военных, и проч. и проч.³ Все это говорят. Но теперь прибавляют также, что всего этого не будет. Для меня все равно. Но лучше уж оставаться при настоящем. — Книга моя давно уже разошлась вся (600 экз.). Теперь книгопродавцы предла-

гают мне печатать второе издание. Есть ли я напечатаю, то деньги хочу предоставить мирской казне наших крестьян.

Прости, любезнейший.

Весь твой Н. Т.

128

СП[етер]б[ург]. 23 февр[аля] 1819.*)

Давно уже, любезнейший Сергей, мы не получали от тебя писем. Давно, правда, и мы к тебе не писали. С последним курьером полученные при твоём письме разосланы, кроме одного: Франку, потому что на нём написано: Секретное, и потому что точно не видим, куда послать. Недавно был у меня полк[овник] Раевский, который видел тебя ещё в Лунау. Он хотел посылать табуку, а от тебя ожидает сигарок из Испании. Теперь, думаю, ты знаешь, что о месте твоём в Вене не докладывал гр[аф] К[апо]Distri[as]. — Гр[аф] Нес[сельроде], с кот[орым] брат об этом говорил, сказал ему, что можно о тебе доложить и без Capod[istriais] и что он, гр[аф] Н[ессельроде], только ожидает первого курьера из Мадрита, чтобы это сделать. Ты пишешь, что, по некоторым причинам, желаешь быть определен скорее. — Скорее уехать из Франции? Или скорее быть в Мадрите?

— Теперь, кажется, переменою министерства во Франции довольны. Хотя я и полагаю, что Деказ во всех отношениях плохая надежда для народа и слабая опора для престола.¹ Здесь вообще люди, кот[орые] о том думают, находят, что loi des Elections² точно не хорош, étant trop démocratique; потому что за $\frac{1}{12}$ часть 300-т фр[анков] каждый может быть избирателем. Я же полагаю, что кроме того, что выдача патентов может быть определена лучше, распространение избирательного права на возможно большее число людей для Франции теперь нужно и полезно. Через это большая часть народа занята выборами и не думает о другом, вредном или опасном для государства. Странно, что в Баварии представители, в формах и выражениях, дразнят французов; и признаюсь, что смешно сравнивать немец-

*) Архив, № 384, лл. 87—88.

ких адвокатов, профессоров и бюргермейстеров с Royé-Collard, Dupont de l'Eure etc. Немцы, чтобы быть в сем случае не смешными, должны оставаться и показывать себя немцами. К тому же есть ли баварцы хотя не непременно кого-нибудь передражнить, то они могут взять себе в пример северных немцев, которые их просвещеннее.³ Я уверен, что прусаки покажутся в лучшем виде, есть ли дождутся своей конституции.

Журнал наш все еще существует в наших намерениях. Охота есть; могли бы у некоторых быть и средства; но цензура теперь здесь слишком строга, или лучше сказать, правила ее слишком неизвестны; потому что цензурному уставу не следуют, а более руководствуются предписаниями министра. При всем том мы приготовляем пиесы. Я и твоего участия в нашем журнале ожидаю. — Составившееся здесь общество для заведения школ Ланкастерских утверждено и открыто. Много подписчиков. Греч тут хлопочет. Здесь заведена также при гвардейском корпусе такая школа для унтер-офицеров и солдат. В Киеве она идет очень хорошо.⁴

Есть ли прошлогодною Минерву можно иметь особо по книжкам, то не худо кабы ты прислал нам XII и XIII Livraison, кот[орых] я не нахожу между нашими номерами.

Я живу попрежнему. Ежжу в совет и в клуб. В совете занимаюсь; попадают дела иногда довольно важные. Но смотря на все вокруг себя, я не удивляюсь более той апатии, в которую впадают здесь даже люди с лучшими намерениями и охотою. Я думаю, что и со мною тоже будет. Скоро здесь все надоедает, ибо нигде нет этой verge или стремления к лучшему. Издали это незаметно; зато вблизи слишком ясно.

Щеты Каверина от тебя получили. Он теперь здесь и в хлопотах. В гвардии, в полку, он служит не может, потому что не имеет для этого теперь довольно денег. Должен перейти в армию; а так как чрез сие он теряет в производстве, то хлопочет об адъютантстве. Теперь, кажется, он заплатит не может. Но я не знаю, почему зять его Малышев не отвечал и не заплатил Мейеру, кот[орый] по моему совету адресовался к нему в Вену.

У нас зима продолжается порядочная. Только температура меняется ежедневно.

Не видал ли ты Штейна при проезде через Франкфурт?

Прости! Принесли советские дела и надобно их, прочитав, приготовить к завтрашнему общему собранию. Это дело для меня экстраординарное; ибо оно судное. А какой суд!

Прости. Весь твой

Н. Тургенев.

129

3 марта 1819. СП[етер]б[ург].*)

На сих днях сказывал брату французский Chargé d'affaires, что ты получил или тебе назначен Légion d'honneur, золотой.¹ А вчера меня уже поздравляли как с этим, так и с братниным ключом.² Я благодарил за первое представление, но не принимал второго. Этот ключ сделал нам большую досаду. Но, может быть, самая эта неприятность послужит к добру в другом отношении.

О тебе все еще здесь ничего неизвестно. Гр[аф] Нес[сель-роде] хотел доложить при первом случае, когда будет докладывать об испанской миссии; но курьера оттуда не приежало. Получаешь ли ты старое свое жалованье, 1500 р[ублей] сер[ебром]? И получил ли ты наконец 5000 р., Матушкою к тебе посланные? Здешний банкир Тэт давно уже имеет уведомление [от Лафита (на имя которого ты велел послать деньги), что вексель им, Лафитом, получен.

Наши работы для нашего журнала идут, хотя и тихо. Я начал писать: обозрение теперешнего состояния государств европейских. Но я вижу, что я час от часу делаюсь более неспособным к такого рода спекулятивным занятиям. Причиною тому служба здешняя. Я хотя моими собственными отношениями по службе и не недоволен, потому что дела по нашему департаменту обрабатываю без труда, и члены департамента мне верят. Но все окружающее, весь ход дел мне не нравится и нравиться не может. Недавно я занимался экстренным делом по другому департаменту. Когда это дело**) вошло в общее собрание, то дискуссия по оному показала мне всю неспособность и ничтожность характера наших членов всех.³ Это обстоя-

*) *Архив, № 384, лл. 91—92.*

**) *В подлиннике слово дело написано два раза.*

тельство сильно на меня подействовало и отняло последнюю надежду на что нибудь лучшее. Хаос! И нигде луча света! Но так и быть нечего делать.

Деревенские наши дела идут порядочно. Мужики не будут уже на проклятой барщине. С 1819 года она уничтожена в нашем Тургене. Крестьяне будут нам платить 10000 оброка всею деревнею en masse и разделят между собою землю как хотят. Ни фабрики, ни ткацкой и никакой барской работы не будет. Сверх того крестьяне будут давать 300 р[ублей] на лекарства и месячину для дворовых; мельница, ватага также предоставлены крестьянам. По сию пору я не мог еще завести вспомогательной кассы, ибо сначала положенные мною в оную 500 р[ублей] должно было роздать мужикам. Когда получу от Каверина твои 106, то заведу сию кассу как и прежде. Крестьяне будут довольны. Управителя прогнали. Надобно бы, хоть через год, совсем сделать крестьян свободными, оставя за нами землю; и от сего мы бы ничего не потеряли. Но я не могу приступить к этому, потому что Матушка этого не захочет. Все другие наши крестьяне в Симб[ирской] губ[ернии] и без того на оброке.⁴

За книгу мою выручено 2000 р[ублей]. Мне же она стоит 1700. Таким образом чистого барыша было бы только 300 р[ублей]. Она скоро раскуплена, и мне предлагали новое издание, я и согласился. Но думаю, что цензура не позволит, а у нас министр просвещения дал мудрое предписание цензуровать и такие книги, которые перепечатавают. Все 2000 я отсылаю в Симбирск для заплаты податей недоимочных, числящихся на казенных крестьянах, так как это объявлено от меня было.⁵

У нас несколько дней была хорошая погода, но с 15, более и менее, градусами холода. Ныне только 6°, но зато нет солнца. А март месяц.

Прости. Еду в Совет.

Весь твой Н. Т.

23 марта 1819.*)

Мы получили твои письма, любезнейший Сергей, вместе с Минервою, Conservateurом и табаком, от**)

Спасибо за то, за другое, за третье и за четвертое. Здесь многие рассуждают о теперешних обстоятельствах Франции и рассуждают различно. — Ты пишешь о моем или нашем будущем журнале; но почему ты думаешь, что мне для журнала нужен будет Journal des Modes? Нам нужна Минерва.

Я написал Prospectus для нашего журнала и пришлю тебе его как переписется. Общество наше — которое впрочем еще не есть общество — собиралось раза два. Мы слушали три или четыре пиесы. Одна из них только хороша. Другие слишком ученические. Да иначе и быть не может, потому что охотники — издатели все молодые люди, по большей части офицеры; имеют мало опытности в литературе. Несмотря на то, я надеюсь, что наш журнал состоится и что отсутствующие будут помогать присутствующим. Главная цель журнала: распространение здравых политических идей. Для этого надобно излагать в особенности теорию политических наук, и то очень осторожно, потому что наша цензура никуда теперь не годится. Но почитая долгом делать все что возможно, эти препятствия меня остановить не могут. Но остановит, т. е. меня в отдельности, недостаток времени. А вот этому причина: я теперь один работаю в Департаменте экономии Госуд[арственно]го совета. Товарищи мои, один Баккаревич, ничего не делающий, а другой нездоров. К тому же (это между нами) мне предложил министр финансов вступить в его министерство начальником III-го отделения в канцелярии. Это отделение от директора независимо, а прямо от министра. Место сие занимали: Рибопьер, гр[аф] Ламберт и теперь Жерве, кот[орый], будучи беспрестанно болен, не удовлетворяет требованиям службы. — Я на это согласился; и правду сказать, что не мог не согласиться. М[инистр] ф[инансов], которой меня незадолго еще очень не жаловал, переменил свой обо мне образ мысли и чрез гр[афа] Нессельроде предложил мне место, а потом и сам лично самым ласковым и весьма благородным образом. Я порадовался всего более тому, что нашел в Гурьеве

*) Архив, № 384, лл. 93—94.

***) Пропуск в подлиннике.

истинно благородного человека, любящего государство и служащего ему с честью и усердием. Есть ли бы чувство чести не было в нем сильнее слабостей человеческих, *vanités humaines*, то он не мог бы обратиться, и притом весьма благородным образом, к человеку, которого он не любил и о котором отзывался невыгодно. — Есть ли бы он, после сего, предложил мне быть у себя писцом, то я не мог бы отказать ему. — Я чувствую, что новая моя должность отнимет у меня много времени, что она не доставит мне такой опытности в делах, как должность советская; но, думая, что, *une fois ici*, надобно заниматься донельзя службою, я решаюсь вступить в канцелярское поприще. Я останусь в Совете, но оставляю Комиссию. Одно неудобство в том, что Дел[артамен]т экономии по большей части решает дела Министерства финансов; таким образом я буду докладывать в Совете по делам моего начальника. Но я не перемену своей системы — *беспристрастия*; хотя она и может обратиться мне во вред. — При сем случае я мог вновь удостовериться и в доброте характере гр[афа] Нессельроде.¹ — Не говори до времени об этом Мериану, потому что все его дела будут у меня. Тогда мы возобновим старую нашу переписку. — И здесь этого никто еще не знает, потому что надобно приготовить Жерве к этой перемене.

— Доказательством тому что у нас занимаются Францией, служат следующие бонмоты: *le Roi (ou plutot la France) a été casée, serrée, et maintenant elle est desolée.*²

А новое производство перов Орлов, Алексей, называет: *la Presse des Pairs* — что их как матросов в Англии, нахватили в Тюльерийском саду.³

— Ты, я слышу, танцуешь. Гр[афу] Головину дочь его писала, что с тобою танцовала. И так я с некоторым удивлением узнал, что теперь во Франции еще и танцуют! *Une écossaise constitutionnelle, indépendante, ou une contredanse monarchique ou une danse contre-monarchique?*

— В *Conservateure* есть преумные статьи; но, *de bonne foi*, неужели ультры серьезно хотят приобрести доверенность публики, защищая теперешнее испанское правительство?⁴

Кто главная причина всего того, что теперь делается во Франции? — Деказ, как видно, только орудие в руках других. Но кто эти другие? — Я думаю никто, кроме какой то невидимой силы, которая движет умами. Жаль, что взор не может

остановиться ни на одном умном, сильном и вместе честном во всех отношениях человеке. — Но, я думаю, Франции все с рук сойдет. Утвердится конституция, ультры и независимые перебесятся, и Франция, за слабость Бурбонов, оставит их в покое. Вот выгода конституций для царей!⁵

Прости. Весь твой

Н. Тургенев.

131

28 марта 1819 г.*)

Бывший товарищ твой, молодой Раевский прислал для отправления к тебе прилагаемое у сего письмо и ящик с табаком, которой постараюсь также отправить; но еще не уверен, возьмут ли. Отец его приехал из Киева третьего дня и привез табак. — Посылаю и письмо от К[атерины] Ф[едоровны] Муравьевой к M[ademoiselle] Johannot. Есть ли же в сей пакет не вложу, то отправлю его в письме гр[афу] Нессельроде. Он сказал мне недавно, что теперь скоро приступит к определению тебя в Гишпанию.

Мы писали к тебе третьего дня с франц[узским] курьером и послали фунт чаю.

На сих днях сделан Сперанский генерал-губернатором сибирским вместо Пестеля; пензенским же губернатором Лубяновский; симбирским Умянцов, а воронежским Снурчевский. *Malgré qu'il ne soit pas un c k и й, son origine n'est pas plus illustre, car c'est le fils naturel du f e u marechal, qui portoit presque son nom.* — Можно бы от всех Румянцовых, носящих ныне великое имя отца их, отнять по слогу или по два: полное название Румянцов для них тяжело. По моему новому месту, о котором я писал тебе в последнем письме, я не имею еще ответа.

На сих днях я видел К. Кобанова, адъют[анта] г[рафа] Вор[онцова]. Он спрашивал, что ему делать с Каверинным. Я отвечал, что делать нечего. У Каверина теперь нет денег. Но я надеюсь, что он заплатит, и тогда я отправлю деньги в Тургенево, по твоему назначению, для мирской казны. У нас остается теперь несколько господского скота. Мне хотелось бы

*) Архив, № 384, л. 101.

раздать коров мужикам. Это было бы им выгодно и улучшило бы породу их скота. Но не знаю, как приступить к этому, потому что Матушке это опять не понравится.

Прости. Твой Н. Т.

132

7 мая 1819. СП[етер]б[ург].*)

При составлении нашего журнального общества я наскоро написал род проспектуса. Дабы дать тебе понятие о том, чего мы хотим, я посылаю тебе этот проспектус, но прошу мне его возвратить вскоре по прочтении. Так как я его писал для печати, то и не мог всего сказать, а о многом позабыл сказать, наприм[ер] о современных происшествиях. Так как у нас нельзя прямо говорить то, о чем говорить надобно, то я и полагаю, что все это должно быть наряжено в одежду теории. Под сим покровом мы будем стараться разпространять здравые идеи. Например о всех дискуссиях политических мы будем говорить в политике, о финансовых в финансах. Прочтя проспектус, ты увидишь, чего я хочу; и я прошу тебя изготовить нам чтонибудь. Твое письмо к Мериану о Германии мне весьма понравилось, и есть ли бы наш журнал уже издавался, то я попробовал бы напечатать его. Твои артикли о Париже могли бы также войти в журнал. Не отставай и от русского языка, и попробуй чтонибудь написать по русски. Старынкевич мог бы написать чтонибудь весьма хорошее о французском судопроизводстве в сравнении с нашим и другими. Вот статьи *par excellence* для нашего журнала. Практические идеи скорее разпространяются. Журнал наш будет выходить не прежде 1 янв[аря] 1820 года; но мы положили за правило изготовить статей за полгода вперед.

Вчера я вступил в новую мою должность на место Жерве. Дела будет много, потому что как лица, так и вещи в этом отделении пребывают в беспорядке.¹

На сих днях был у меня Поль, почтмейстер заграничный. Он собирается в Финляндию. Пакет твой к Франку я не отправляя по причине надписи: С е к р е т н о е. Наконц[у] взял у меня

*) *Архив, № 384, лл. 77—78.*

его для доставления Ал[ександр] Н[иколаевич] Раевский, которой едет к кавказским водам. Я его здесь только два раза видел. Он привез мне письмо от М[ихаила] Орл[ова]. Малой, кажется, очень хороший и умной.

Тетушка было занемогла, но теперь ей лучше. Она видно простудилась, и с ней сделались Kämpfe, от кот[орых] произошла рвота. Но теперь и то и другое прекращено.

У нас ничего нет нового. Управление Петербурга, говорят, занимает сильно наше правительство. Говорят о сломке, перестройке домов; говорят, что из прекрасных улиц будут сделаны большие площади, как будто пустых мест и вообще пустого у нас мало.

Борис поехал в Саратов на следствие по злоупотреблениям какого то подполковника внутренней стражи. Он будет и в Симбирске. Мы с ним в ладах.

Здесь некоторые, и я вместе с ними, удивляются моему месту. Как это случилось, говорят они, что дали место по части финансов человеку, которой 10 лет занимается этою частью. Эдакая оказия! И подлинно это у нас странно.

Бетанкур, человек впрочем достойный и сведущий по части механики и т. п., сделан главным директором путей сообщения. Он по своей должности должен хорошо знать Россию и жить посреди народа внутри государства — а он ни слова не разумеет по русски. — Этому никто не удивляется.

Прости. Весь твой Н. Тургенев.

133

СП[етерб]б[ург]. 24 мая 1819.*)

Пишу тебе из канцелярии, в которой я провожу каждое утро, кроме двух в неделю, когда бываю в Совете, и сверх того часто и время после обеда. Недели две тому назад я писал к Мериану, прося его сообщить мне некоторые сведения о делах, которыми он занимается. Тогда они мне были нужны; но теперь я уже понатерся, и так как эти дела весьма незначительны в производстве, то я легко их узнал. Я писал также к Мериану, что мы не получили некоторых его писем; но теперь открылось, что

*) *Архив, № 384, лл. 72—73.*

эти письма, не касающиеся до дела, находились у министра, от кот[орого] я уже и получил их. Но вообще не худо, есть ли М[ериан] будет писать подробнее свои донесения. На его лаконизм жалуется и граф Ламберг. Впрочем я пользуюсь каждым случаем, чтобы говорить о Мериане, как о человеке благородном и достойном, в чем никто и не сомневается. Эта часть, заграничные дела, у меня самая легкая. Важнейшая и труднейшая: внутренние долги казны на частных людях. Тут тьма хлопот и забот, но, к щастью, по этой части я имею хороших чиновников. Год, два я могу прослужить с пользою для самого себя в этой должности. Но после сего времени, когда мне не останется вновь узнавать ничего, я не знаю, какую пользу занятия мои мне приносить будут, ибо тогда он[и] для меня будут машинальные. Но служить надобно; хотя я и не вижу ничего серьезного в службе, кроме дрянного жалованья, которое, при всей своей незначительности, необходимо для моего существования. Сего жалованья мне прибавилось, против прежнего, 1500 р[ублей]. В новом месте я получаю 3000, а в Комиссии законов, из кот[орой] я вышел, я получал 1500 р. При переходе моем в М[инистерство] ф[инансов] князь Лопухин представил в Комитет министров о производстве меня в чин. Комитет одобрил, государь утвердил указом, и таким образом я сделан статским советником.¹ Брат опять говорил с гр[афом] Нес[сельроде] о твоём месте. Гр[аф] все еще не приступает к окончанию сего дела. Есть ли гр[аф] Капод[истрия] будет в Париже, то лучше всего тебе с ним переговорить об этом. Он бы скорее это сделал.² Нового у нас ничего нет хорошего. Теперь говорят о новом *суп д'ауторитэ* министра духовных дел. Пастора Буссе, кот[орый] издал новый песенник для своего прихода, заключающий в себе песни не слишком *orthodoxes*, и ввел он их без дозволения министра, указом оставили от пасторства с тем, чтобы никогда его пастором в России не определять. И мы говорим о справедливости. Все происходит от нашего непросвещения. Люди необразованные не могут понять, что даже и справедливые деяния делаются несправедливыми, когда они производятся одною волею, а не силою закона. Недавно один неглупой человек мне сказал: „Нам надобно только выбить из головы, что у нас есть законы; и тогда мы будем покойны. До тех пор, пока мы будем это думать и видеть противное на деле, мы всегда будем недовольны“. Это правда.

Ты можешь узнать от Н[иколая] С[ергеевича] Свечина], какие гигантские планы приводят у нас в исполнение относительно украшения города. Ломают, строят и т. д. — а при всем том мы хотим и погашения долгов и улучшения достоинства ассигнаций. Я думаю, что мин[истр] фин[ансов], устроивший новую комиссию погашения долгов, делающую займы и проч., забыл простую истину или думал, что эта истина не сбудется у нас, а именно, „что в самодержавном правлении столь же трудно иметь систему кредитную как развить виноградные и лимонные сады на берегах Невы“. В этом не люди виноваты, но самая вещь. Безрассудно думать, чтобы люди были сильнее институций. Институции все, люди ничего. Каковы институции, таков и порядок гражданской. Береза никогда не принесет апельсинов. Дабы кушать апельсины, нужно и апельсинное дерево. А мы хотели к этой березе привить апельсин. Это не многие понимают, потому что люди самолюбивы и думают, что они могут делать все, когда они, при лучшей воле, сами собою ничего делать не могут. Потому, есть ли хотят плода, должны насаждать; есть ли хотят иметь хорошее управление, кредит и проч., должны ввести конституцию. Люди могут только насаждать. Но не посеяв, не могут собирать. Самодержавное правление так не согласно с счастьем гражданским, что самые великие качества государей самод[ержавных] недействительны для пользы государств, между тем как малейшие их слабости, от кот[орых] никто не свободен, причиняют невероятный вред.³

Прости. Весь твой

Н. Тургенев.

134

7 июня 1819. СП[етер]б[ург].*)

На сих днях приехал сюда Сушков. Все тот же. Он ищет места вице-губернаторского. Может быть найдет. Гр[аф] Нессель[оде] обещал представить его Гурьеву. Место в[ице-]губ[ернат]ора дает, кажется, теперь жалованье 6000 р[ублей], и вот пес plus ultra для честного чиновника. Конечно почти все,

*) Архив, № 384, лл. 64—65.

есть ли не все они имеют другие доходы, которые везде назывались бы воровством, а у нас просто доходами от места. Я не знаю, какие причины побуждают нас служить. Впрочем для образованного человека нет другого средства получить хотя маленький доход. Заниматься хозяйством? Но местное управление и все окружающее нас в деревнях и в губернских городах отобьет охоту от экономии. Работать для публики? Издавать журнал? Но цензура у нас так строга или, просто сказать, так глупа, что нет возможности трудиться с охотой. И так надобно жить не х о т я, т. е. не пользоваться временем, но только не противиться его течению.

Недавно я писал записочку к Мериану. Щеты банкиров, о кот[орых] я ему напоминал, уже получены, и кажется ими довольны у нас. Я продолжаю заниматься по новой моей должности. Хлопот много, а приятных занятий нет. Вся наша служба состоит в получении и отправлении бумаг. Оттого даже и министрам некогда думать об улучшении, ибо они беспрестанно должны думать об исполнении. К тому же исполнять легче, нежели улучшать.

Сушков познакомил меня с полковником Винсбергом, кот[орый] был у нас вместе с ним. — Сегодня, воскресенье, Ганеман говорит в одной из городских церквей проповедь. Недавно отставили здесь пастора Буссе, за то, что он ввел песенник, не дождавшись разрешения от министра дух[овных] дел.

У Каверина умерла сестра, не Малышева, а Алсуфьева; а он едет на сих днях в армейский полк, в которой он определен.

Вчера пела на здешнем театре в последний раз Sessi. Я слушал ее с живым удовольствием и удивлялся, что теперешний мой образ жизни не лишил меня еще чувства к прекрасному. Это здесь неминуемо должно случиться, рано или поздно. Странная участь здешних жителей или нашей братии. Наконец все чувства в них притупляются и остается только один эгоизм, которой тем более усиливается, чем более другие слабеют. Потому и нельзя назвать эгоизм чувством; он есть нечто противное чувствам.

Любопытно, есть ли бы кто из сведущих людей разтолковал и доказал фактами теперешнее плохое положение торговли во всей Европе. Наш курс сильно упал. Нет никаких требований из-за границы. Банкроты везде. Банкротство Клейна имело

бедственное последствие для Риги и для многих торговых городов. Хлеб наш чрезвычайно дешев.¹

При случае пришли мне *Journal des Débats* один номер 25 августа, где речь Луи о французской контрибуции. Есть ли в Монитере полнее, то пришли один № Монитера. — Прости.

Весь твой

Н. Тургенев.

135

СП[етер]бург. 26 июня 1819.*)

Это письмо отдаст тебе князь Трубецкой, едущий завтра отсюда с княг[инею] Куракиною. Это человек, по нашим теперешним обстоятельствам, полезный, сколько честный и ревностный патриот только полезным быть может. Я знаком с ним года с полтора, и нахожу в нем человека весьма почтенного, стремящегося всеми силами и неутомимого ко всему доброму. Познакомься с ним короче. Он расскажет тебе о теперешнем быту нашего отечества, о надеждах ее,**) к нещастию весьма слабых. В особенности должно тебя огорчить известие, что у нас теперь менее нежели когда либо думают об изтреблении гнусного рабства, несмотря на то, что Европа все еще остается об нас при прежнему мнении. Трубецкой сам хотел сделать опыт с своими крестьянами, но по сию пору ему не удалось. Он расскажет тебе и о том, как мало либеральные идеи у нас разпространились, несмотря на то, что наружность иногда нас пленяет. Эгоизм растет беспрестанно, и я думаю, что он усилился с некоторого времени. Прежняя дикость хотя в некоторых и исчезает, но никакое благородное чувство ее не заменяет. Между тем бедная масса русского народа терпит ужасные бедствия. Расспроси только о поселениях. А тот, которым восхищалась Европа, и которой был для России некогда надеждою — как он переменялся! — Одним словом теперь нельзя ничего предвидеть хорошего для России. Может быть сила обстоятельств чтонибудь сделает. Но кто может знать, что это чтонибудь будет и когда! Люди честные потопляют свое горе в пустых житей-

*) *Архив, № 584, лл. 58—59.*

**) *Так в подлиннике.*

ских занятиях, как пьяницы в вине. Так и меня служба занимает; но зато каждая минута пробуждения от этой деловой летаргии, каждая минута размышления глубоко трогает сердце и потрясает душу. Но и сила обстоятельств — может ли она быть сильнее апатии наших соотечественников? Россия, с самого начала своего существования, в течение осьми веков, никогда не наслаждалась гражданским благополучием. Слава покрывала ее часто, но счастье всегда ей было чуждо. Ныне можно ли смотреть без содрогания на внутреннее положение России. Иногда право приходит в голову и бросить все и ехать из России далеко, далеко, чтобы хотя несколько забыть не ее, но ее нещастия. — Русские привыкли к бедствиям всякого рода, и терпение сделалось их природой, их элементом. Блеснула заря лучшей будущности в начале сего царствования. Но теперь? Эгоизм, ленность, а к тому какая то недоверчивость ко всему доброму, какой то грубый мистицизм, этенуаризм¹ — вот удел России. Квиэтизм самый нелепый обуял теми, кот[орые] бы должны были действовать, и готовить Россию к счастливой будущности и кот[орые] могли бы уже наслаждаться плодами благородных трудов своих. — Как слепы, как виновны те, кот[орые], будучи довольны своим индивидуальным положением, думают, что люди обречены на постепенные и беспрестанные бедствия и что род человеческий неотменно должен переходить к лучшему чрез крайность зла. Но мы, кажется, и сей последней достигли. Но Россия непонятно терпелива. Удивительно, как мало чувствующих людей в России даже и между теми, которые размышляют!

Но несмотря на то я покуда остаюсь при той мысли, что надобно делать и испытывать все, что возможно.

Н. Т.

136

[Приписка к письму А. И. от 26 июня 1819].*)

Брата позвали с бумагами к князю, и он не мог продолжить письма своего. На прошедшей почте я получил записочку от Мериана. Он, как видно, не получил еще письма моего. Сегодня

*) *Архив, № 384, лл. 60 (оборот.) — 61.*

идет к нему благодарственное письмо от м[инистра] ф[инансов]. Я теперь, кажется, почти привык к новым моим занятиям и сожалею, что беспокоил Мериана прозьбою о доставлении мне некоторых сведений о банкирских делах и о том, чтобы писал свои рапорты пространнее. Ни то ни другое, в особенности сие последнее мне теперь не нужно, хотя первое и не излишне было бы. М[инистр] ф[инансов] при вступлении моем обошелся со мною точно благородно. Но при всем том систему его управления я также не одобряю. Система кредита, ныне у нас основанная, есть игрушка в сравнении с теми важнейшими переменами, которые должны бы у нас быть. М[инистр] ф[инансов] имеет в своем ведомстве казенных, удельных и арендных крестьян. Лучше бы кредита основать их благоденствие. Арендные в особенности несчастливы, и хуже даже помещичьих. На горных заводах продолжают работать казенными работниками, т. е. рекрутами и солдатами.¹ Надобно нам прежде основать свой кредит в отношении к человечеству. Впрочем и уменьшение количества ассигнаций хорошо и нужно. Но беда в том, что расходы у нас зависят не от закона, а от произвола. След[овательно] м[инистр] ф[инансов] должен бы был более сообразоваться с сим обстоятельством. Он гасит или жжет ассигнации. А вместе с тем перестраивают половину Петербурга, и содержат 1 м[иллион] войск. Что тут за система, в особенности кредитная.

Прости. — Пора послать письмо к Трубецкому.

Н. Тургенев.²

137

26 июля [1819 г.]*)

Я получил записку графини Разумовской о деле ее с банкиром Р[алем]. Я уже и по первому твоему письму справлялся о положении дел его. Узнал только, что он потерпел от банкротства рижского банкира Клейна, но более ничего, и здесь никто более сего о нем не говорит. По последнему письму твоему я опять справлялся, и опять узнал одно и то же. Здесь

*) *Архив, № 384, лл. 52—53.*

никто и никогда не почитал Р[аля] банкротом, и не знает, почему это думают в чужих краях. К тому же большая часть денег графини состоит в долгу на графе Головине; то поэтому для нее еще более в безопасности. Р[аль] как известно имеет значное недвижимое имущество, кроме своих капиталов. Вот все что я могу сказать тебе о деле гр[афини] Разум[овс]кой. Есть ли бы и после сего она захотела взять свои деньги от Раля, и есть ли я в сем случае могу служить ей, то я предлагаю для сего мои услуги. Но опасаться, кажется, нечего.

Я постараюсь с сим же курьером послать к Мериану карту Грузии, кот[орую] он желал иметь.

Брат Ал[ександр] Ив[анович] пишет тебе о том, что ему гр[аф] Н[ессельроде] сказал о твоем месте. Гр[аф] придумал было очень хорошо. Вместе с сим Тат[ищев] просится в отпуск; и когда, в отсутствии его, будет назначен другой Ch[argé] d'aff[aires], то я не знаю, каким образом тебя могут определить к исп[анской] миссии. Гр[аф] Н[ессельроде] предлагал другое место, такое же, в Константинополе. Но опять и для этого ждать надобно. Хорошо, есть ли бы это известие застало еще гр[афа] Кап[одистрию] в Париже. Он бы мог лучше присоветовать: что тебе делать. Хорошо бы, покамест, тебе приехать сюда. Но с сим сопряжено, кроме издержек, и то что отсюда труднее получить всякое место в чужих краях, в чем согласны и начальники. Государь не прежде возвратится сюда, как к 4-му сентября; и то ненадолго вероятно, ибо поедет в Варшаву потом. Предлагают также причислить тебя к парижской миссии; но 1.500 р[ублей] сер[ебром] жалованья для сего мало. — Получаешь ли ты сие жалованье теперь? Коллегия за последнюю треть требовала от нас вексель и на твое имя. Следственно и к тебе отправила. — Досадно, что намерение гр[афа] Н[ессельроде] не исполнилось. Но нечего тут делать. В нашей службе ничто неудивительно, и потому то она так редко бывает приятна, и потому то она отнимает последнюю силу жизни.

В[арфоломей] Ф[илиппович] Боголюбов, приехавший сюда, предполагает, по своим догадкам, что Тат[ищев] совсем хочет оставить Мадритский пост и желает, вместо того, быть в Константинополе. Не знаю так ли это; но жаль, очень жаль, что в твоем определении сделалась такая неудача; ибо в Мадрите покуда лучше было бы тебе, чем где либо в другом месте. Прости, любезнейший. Шуберт заплатил нам только 70 фр[ан-

ков]. Витнер, отъезжающий в Италию, говорит, что мы получим деньги от кого то. Сушков за 500 фр[анков] заплатил 470 р[ублей], кот[орые] и включены в посылаемые 4.000 р[ублей], равно как и 340 р[ублей], полученные от князя Лобанова.

Весь твой Н. Т.

138

(без даты).*)¹

Посылаю тебе 4000 р[ублей]. В них заключаются: отданных**) Сушковым 470 р[ублей], Лобановым не помню сколько: и присланные Магушкою для тебя 2000. Я ожидал было лучшего курса, но тщетно. — Уведомь о получении. —

Постарайся, брат, и с своей стороны о доставлении мне сведений о Reglemens sur le Timbre, о чем я пишу к барону Мериану, надеясь на его ко мне благорасположение.

Н. Тургенев.

Адрес: Pour M[onsieur]r S. de Tourgueneff Paris.

139

26 августа [1819 г.]. ***)

Два письма твоих, любезнейший Сергей, мы получили: одно в Мериановом пакете, другое по почте. Письма Малышева будут сегодня отправлены.

Я думаю — брат Ал[ександр] Ив[анович] писал к тебе о его мнении на шет предложения гр[афа] К[аподистрии], и я также думаю, что всего бы лучше ему побывать в чужих краях, каким бы то образом ни было. Здесь же оставив князя Г[олицына] ему мудрено будет служить. Получить место в чужих краях по дипломатической службе, тоже будет трудно.¹ Большого не дадут, а остальные сделались, кажется, исключительно принадлежностью детей здешних докторов, аптекарей, акушеров.

*) Архив, № 384, л. 51. Эта недатированная записка по содержанию должна следовать за предыдущим письмом, так как написана при отправке денег, о которых там шла речь.

**) Так в подлиннике.

***) Архив, № 384, лл. 47—48.

Странно, что теперешнее поколение медицинское в России непременно хочет оставить после себя поколение дипломатическое. Гр[аф] К[аподистрия] человек весьма благорасположенный, но кажется и он не понял еще необходимости иметь в дипломатической службе, в особенности при посольствах, одних только русских. Это бы полезно было для службы, и вместе с тем споспешествовало образованию России. Питомцы германских эскулапов остаются для России чуждыми и без всякой практической пользы.

Статья В[енjамин] С[онстант] в 78 № Минервы о мнимом заговоре в Германии, прекрасна, исполнена благих рассуждений, и основана на справедливости. Нельзя было ничего лучше написать теперь об этом предмете. Я с самого начала был уверен, что все это вздор; а когда мне сказали, что и Арндт арестован, то я в этом еще более уверился. Смешны немецкие правительства, что они вздумали теперь черпать из грязного источника французской полиции, когда уже и во Франции он почти совсем засорился и не служит более для употребления. Тут видна неловкость немецкая, тем более, что такие пакости, такая грубая ложь, совсем не в характере немцев.²

Какие работы давал тебе гр[аф] Н[ессельроде]? Нельзя ли, при удобном случае нам их сообщить? Кап[одистрию] сюда ежедневно ожидают. О Татищеве я слышал, что гр[аф] Н[ессельроде] писал к нему, что госуд[арь] согласен на его отпуск. Пока отпуска ему еще не дано. Говорят, что Тат[ищев] намерен совсем оставить пост испанской. Граф Н[ессельроде] представил, чтобы тебя причислить на время к парижской миссии. Ответа еще нет; — может быть при К[аподистрии] это дело пойдет скорее. Но и гр[аф] Н[ессельроде] делал все возможное и показал, при сем случае, редкую доброту души и готовность быть полезным.

Сушков отправился вице-губернатором в Уфу. И по моему отделению мы будем иногда с ним в сношении. То то пойдет писать! — Викснер уехал в Италию. Перед отъездом он был сделан старшим адъютантом при в[еликом] к[нязе] Мих[аиле] Павловиче. — Князь Лобанов, бывший адъютант гр[афа] В[оронцова], женится на княжне Лопухиной.

Я продолжаю *) попрежнему в моем 3-м отделении. Сверх занятий по моей должности м[инистр] фин[ансов] поручил мне

*) Очевидно, пропущено слово: *служить*.

особое дело, которое меня теперь всего занимает. Для этой то работы (это между нами) я просил Мериана о доставлении мне сведений о droit d'enregistrement et timbre. После я писал к нему, что сведения сии мне не нужны, ибо все нужное я нашел в канцелярии министерства. Теперь мне бы в особенности хотелось знать чтонибудь подробное о взимании сих пошлин, т. е. о самом процессе взимания; например в каких именно местах они взимаются, сколько для сего заведено книг. Также мне нужно и полезно было бы сведение об оценках недвижимых и движимых имений, как для сих пошлин делающихся, так и в других случаях. Этого нельзя найти в собранных о сем законах. Ты мне прислал однажды Code des Contributions directes. Есть ли бы был такой же Code des Contrib[utions] indirectes, то я надеюсь, что желание мое удовлетворилось бы. Нельзя ли тебе какимнибудь образом, хотя в манускрипте доставить мне вышепомянутые сведения?

У нас по сию пору погода прекрасная. Я здесь достал очень хорошего фр[анцузского] табаку, для себя и для Матушки.

Прости! Весь твой Н. Т.

140

11 сентября [1819 г. *)

Вчера мы получили письмо твое из Лондона, с Григ[орием] Орловым посланное; вместе с сим получил я и табакерку. Спасибо! Мериан намекал мне, по своему манеру, о том, о чем ты пишешь пространно. В ожидании назначения, конечно, хорошо было бы тебе занять место Голохв[астова]. Я думаю и м[инистр] ф[инансов] на это бы согласился. Но дело в том, что сие твое новое место должно быть только временно, и потому, может быть, затруднялись тебя на него определить. Впрочем я сам не знаю как это удобнее сделать. Я полагаю, что м[инистр] ф[инансов] сам собою определить тебя едва ли может; потому что и Голохвастов, думаю, был определен не им самим. Или есть ли и им, то Гол[охвастов] служит в министерстве же финансов; а ты по другому ведомству, в кол[легии] ин[остранных] дел.¹

*) Архив, № 384, лл. 35—36.

Что касается до квартиры у Мериана, то я не вижу никакой причины не жить тебе у него потому, что М[ериан] со мною, по службе, в сношениях. Это никак не мешает. — Есть ли в Варшаве или вообще к ноябрю месяцу дипломаты не решат твоей участи, то я думаю, тогда можно приступить к исполнению плана Мерианова. Может быть Гурьев и подумает, что я в этом участвую. Но вольно же ему будет так думать. Зачем они не приучаются думать о нас лучше! Я тогда прямо скажу ему, что тебе нужно жалованье, а что ты можешь занять место Гол[охвосто]ва!! Дипломатам же нельзя будет этому противиться.

Я не знаю, почему ты пишешь о деньгах. Мы к тебе посылаем только то, что Матушка тебе назначает, в числе чего и твоя часть деревенских доходов. Тут нет ничего лишнего! И посылаемые к тебе деньги надобно было бы проживать везде. Следственно все равно: в Париже ли или в другом месте ты их проживаешь!

Дашков, говорят, возвращается уже в Россию в отпуск, и уверяют, что он не хочет оставаться в Константинополе. Твое мнение о нем справедливо. Но здесь слышно, что он с Стр[огоновым] хорош, но что жизнь в К[онстантино]поле ему не нравится.

Прости, любезнейший. Спешу в канцелярию. Я очень занят.

Весь твой

Н. Т.

Р. [S]. Мне бы хотелось выписать из Франции сукна синего на кафтан и проч. не для щегольства, а для экономии. Я по сию пору ношу парижские фраки. Я пришлю для сего к тебе денег. Но уведошь покуда: можно ли прислать сукна не сшитого в кафтан. Это еще терпит время.

141

[Приписка к письму А. И. от 1 октября 1819].*)¹

Я получил официальное письмо от М[ериана]. Но с этой официальностью я не знаю что делать. Я не знаю может ли м[инистр] ф[инансов] сам собою определить тебя. Но есть ли

*) *Архив, № 384, л. 25 (обор.).*

и может, то лучше просто написать к нему, что нужен чиновник вместо Голохвастова, и что ты можешь занять это место, на некоторое время. Я думаю чем проще, тем лучше; прибавить на некоторое время, т. е. до тех пор, пока министр назначит другого чиновника, и пока этот другой в Париж приедет. Я думаю так лучше. Но и это надобно очень, очень обдумать прежде нежели М[ериан] решит писать. К тому же и тебе надобно обдумать это. Голохв[астов], возвратившийся из Парижа, сказывал мне (это между нами), что он отчасти от того оставил свое место, что опасался какой нибудь ответственности, ибо М[ериан] иногда через своего камердинера принимает векселя и деньги, когда это должен делать чиновник. Это вздор. Но М[ериан] не знает форм службы, и аккуратность тут не поможет.

142

31 окт[ября] 1819. *)

По всему предполагать можно, что ты получишь константинопольское место. Начальство обещало. Надобно только ожидать утверждения. Вчера хотели докладывать. Но только вчера государь возвратился из Царского Села, и доклада, кажется, не было.¹

Спасибо за посылки с Quinque полученные. Прошу тебя еще особенно, при проезде твоём через Рейн, достать для меня новую книгу Гёрреса: Teutschland und die Revolution. 1819. Она и в Германии запрещена. Я ее здесь теперь читаю, но желаю иметь в собственность. Она мне очень нравится, хотя в ней мало положительного. Постарайся на возвратном пути увидеть Штейна. Он должен быть в Франкфурте, и увидев его, скажи ему от меня сердечный поклон и то, что я чем более живу, тем более увеличивается к нему моя любовь и почтение. Долго будешь жить, а другого Штейна не найдешь.

Я не знаю можно ли тебе будет теперь же отправить свои книги из Парижа. Водюю, думаю, лучше, а для воды нужна весна. Сапод[istriais] сказал, что напишет к P[ozzo di Borgo] об отправлении тебя курьером.

*) Архив, № 384, лл. 11 и 13.

Не худо также, думаю, дополнить Минерву и Constitutionnel,² которых мы имеем несколько номеров 1819 года. У нас есть переплетенные четыре книги Mercure de France. Потом 1818. Mercure №№ 53, 54, 55, 56, 57.

Потом Minerve T[ome] I № или *) Livraison 1re до XI inclusive[ment], не достаёт к первому **) T[ome] Livr[aison] XII и XIII, кот[орые] нужно иметь.

Также есть у нас Minerve T[ome] II Livr[aison] XIV до 67 incl[usivement], T[ome] V (не достаёт 67, 68, 69.)

Ещё есть 70 до 76 incl[usivement], не достаёт 77 и прочих до нынешнего времени.

Conservateur у нас есть от 1 до 32 № incl[usivement], не достаёт 34, 35, 36, 33.

Ещё есть Conserv[ateur] № 37, 38, 39, далее нет.

Есть ли можно, то не худо иметь и Conserv[ateur]. А Минерву нужно иметь, как потому, что уже есть много №^{оа}, так и потому, что из нее видны успехи Франции в либеральности.

Хороши теперь будут немецкие газеты. Как их уцензурили! Со стороны жалко и досадно. Немцы, видно, осуждены навсегда ходить на помочах!

Карты для Мериана pošлю с Quinque и буду ему писать.

Теперь спешу в Совет.

Н. Т.

143

16 декаб[ря] 1819 г. ***)

На сих днях мы получили письмо твое чрез Мериана, вместе с письмом к тетушке и Шуберту, которые доставлены. Гр[аф] Кап[одистрия] уже из коллегии писал к Поццо, что ты назначен в К[онстантино]поль и чтобы он отправил тебя курьером. Указ же по сию пору еще не подписан, что уже не есть дело гр[афа] К[аподистрии], но гр[афа] Н[ессельро]де. По письму гр[афа] К[аподистрии] тебе, думаю, можно уже возвращаться.¹ Дашков же потому только не оставляет К[онстантино]поль, что нет ему преемника. По штату жаловня там 3000 р[ублей] в 50 шт[иверов].²

*) *Наверху надписано: оа.*

**) *Надписано: i manque au premier.*

***) *Архив, № 384, л. 2.*

Из новостей наших замечательны: графское достоинство, данное м[инистру] ф[инансов] Гурьеву и Коновницыну. Говорят, оба очень рады. Других новостей у нас быть не может, истинно интересных, разве почесть таким уничтожение income-tax, которая платилась по собственному объявлению контрибуентов и оттого приносила только 2700000. Она уничтожена 12 же декабря.

Холод у нас теперь ужасный 26° с ветром, что равняется более 30°. Прости. Твой Н. Т.

144

16 апр[еля] 1820. *)

Это письмо посылаю к тебе с князем Долгоруким, которой едет в Москву; а определен в константинопольскую миссию.¹ Он просил меня его с тобой познакомить. Так как я его сам не знаю, то и не могу ничего о нем сказать тебе. Жуковский его хвалит. Его же я попрошу доставить для Матушки и для Прилавовой табак.

Об Орлове, Мих[аиле], здесь говорили всякой вздор. Будто он, будучи в Москву**), ездил к своему приятелю гр[афу] Мамонову. Тот будто его не принимал, и Орл[ов] выломал дверь, чтобы войти к нему. Потом говорили, что Орлов рассуждал везде о конституции и проч. и проч. А наконец сказали, что он ездил в Москву чтобы рассмотреть с Мам[оновы]м сделанную ими конституцию для России. Этот последний слух дошел и до государя. Последнее, что слух до государя дошел, кажется, верно. Я хотел переговорить об этом с Алексеем Орловым; ездил к нему, но не застал дома, и не видал его по сию пору. Из всего этого вранья можно заключить только то, что все возможные нелепости имеют доступ и прием для щекотливых ушей правительства. — Орлов пишет ко мне, чтобы ты непременно у него остановился в проезде через Киев. Заежай в Киев и к нему. С такими людьми редко можно в свете встретиться. Пусть выдумают, что ты ездил для переговоров о конституции. От дураков ничем не спасешься.²

*) Архив, № 2373, лл. 1—2.

**) Так в подлиннике.

После того как граф³ был у меня, я почел долгом идти к нему. Заходил вчера, но не застал дома; оставил у него переписанную выписку из законов, о продаже людей, которую он иметь хотел, и копию с писем Мих[аила] Ор[лова] к Бутурлину. Между тем вчера я слышал, что граф продал 2700 душ в Белоруссии. Покупщик Добржанский, известная ракалия, которого вывел из ничего Вязьмитинов. Будучи при нем, Добржанский воровал беспрестанно и так, что когда Вязьмитинов делал представление о наградах, то государь, видя в представлениях и Добржанского, ничего не давал. Некоторые мне сказывали, что деревня продана для сестры гр[афа] Воронцова, и по желанию отца. Не знаю; но от души сожалею. Добржанский будет, без сомнения, мужиков притеснять.

Сегодня я получил письмо от Мериана. Он пишет, что нуждается книгопродавца Руссо, по твоему письму. Твое письмо к нему и к Шредеру пошлю с курьером, которой едет завтра или послезавтра, как мне сказывали.

Здесь в Пажеском корпусе недавно, как рассказывают, произошло следующее. Один паж, Арсеньев, лет 18 или 19, спросил у одного из учителей, зачем он пишет его ленивым, между тем как он не ленив. Из этого вышла история, и определено: Арсеньева высечь публично. Собрали пажей во фронт. Тащат Арсеньева. Он противится. Пена у него у рта, как говорят пажи. Они этим встревожились. Бросились на палачей. Отбили Арсеньева, и, как говорят, прибили полковника. Теперь рассматривают это дело. Решение будет, как говорят, то, что несколько пажей будут в солдатах, и притом высечены. Очень умно! Либо то, либо другое. Лучше то, нежели другое. Между тем говорят, что между пажами *regne un mauvais esprit*. И я уверен, что Занд грезится судьям!

Другая история, лучше конченная. В Павловском полку офицер отнимал все деньги у солдат. Они просят разговеться. Их собираются бить. Они не даются, и жалуются. Шефу выговор, офицера в армию. Солдатам ничего. И этот вид справедливости здесь удивителен. Обыкновенно солдат и в сих случаях бьют.

Прости, твой весь Н. Т.

20 апреля 1820. *)

Посылаю тебе письмо графа Воронцова. Он толкует продажу, как будто мы обвиняли его в чем нибудь особенном. Я хую самое действие продажи, и этого он ничем истолковать не может, коль скоро продажа сия существует. Я был два раза в его доме, но не заставал его. Относительно покупки Нессельродовой, граф думает, что мужики могут остаться мужиками в качестве вольных хлебопашцев. Но сии последние существовать не иначе могут, как имея собственную землю. Когда же граф отпустит на волю людей, на земле, Нессельроду проданной, живущих, то тогда они должны записаться в мещане. В крестьянах они оставаться не могут. Вся просьба Якушкина состояла в том, чтобы дозволить вольным теперь его мужикам нанять у него землю. —

Есть ли кн[язь] Долгорукий уехал и взял с собою табак, то доставит тебе и часы, серебряные, которые я ему же отослал вместе с табаком.

О помещении Пушкина теперь, кажется нельзя думать. Некоторые из его стихов дошли до Милорадовича, и он на него в претензии. Надеяться должно однако же, что это ничем кончится.

23 апреля [1820 г.] **)

Смерть Неверовского очень для нас печальна. Брату трудно и невозможно будет заменить его.

На сей почте я посылаю письмо Матушки к старосте.

Пушкина дело кончилось очень хорошо. У него требовали его оды и стихов. Он написал их в кабинете графа Милорадовича. Как сей последний, так и сам государь, сказали, что он ничего не должен опасаться, и что это ему не повредит и по службе. Он теперь собирается ехать с молодым Раевским в Киев и в Крым.

Одну из пиес французских я отдал переписывать. Обрато еще не получал. Отдам и другую. Прости, любезной Сергей.

Твой Н. Т.

*) *Архив, № 3199.***) *Архив, № 2373, лл. 3—4.*

24 апреля [1820 г.]*)

Получены сейчас из Парижа два письма и 16, 17, 18 et 19 Livraisons des Monumens de l'Indostan. Письма к тебе посылаются. О Livraisons ожидаем твоего ответа. Посылается также к тебе сочинение Муравьева, две части, а третья доставится после.

Посылку к Гагарину и письма пошлют с курьером на сих днях.

Я опасаясь, чтобы мещанское общество не сделало Федору затруднений в отъезде его за границу.

Рубашка твоя также к тебе пришлется.

Сегодня и теперь хоронят Неверовского.

Н. Тургенев.

28 апреля [1820 г.]**)

Мы получили письмо твое от 2-го апреля. По письму к Мериану, или возьмем его назад или напишем ему особо.

О Боголюбове и здесь говорят, что хотят поместить его в Гагу. Он мне сказывал, что будто народ в Мадрите чуть не разграбил английского посланника. Это невероятно, потому что ничего не говорится об этом в газетах.

На место Ермолова определен в Париж Поггенполь. Здесь нового ничего нет, разве только, что молодой Кушелев-Безбородко сделан камергером за свое училище.

У Воронцова я был два раза, не застав его дома. Потому и не видал его. — Он, говорят, в мае отсюда едет.

Каразин, которого кажется, ты у нас видал, толкует с ним и с двумя или тремя другими богатыми людьми, об устройстве крестьян. Ничего еще из этого не выходит. Это между нами. Каразин из сего делает тайну.¹

Не встречает ли Федор затруднений от магистрата при отъезде его за границу? Можно было бы написать отпускную

*) *Архив, № 3199.*

**) *Архив, № 2373, лл. 5—6.*

и отдать ему ее в руки, не делая гласною. Для него это бы, кажется, все равно. —

Как поедешь из Москвы, пожалуйста, брат, почаще пиши с дороги и из Киева. Орлову скажи при дружеском поклоне, что слухи о нем здесь кончились ничем. Сообщай нам также свои замечания с дороги.

Французские газеты я уже пришлю тебе в К[онстантино]поль. Француз еще не переписал их.

Прости, любезнейший. Будь здоров и весел.

Твой

Н. Т.

149

[Приписка к письму А. И. от 8 мая 1820 г. *]

Сегодня только француз принес мне переписанную одну тетрадь. Не знаю пошлю ее теперь к тебе или прямо в Киев к Орлову. Другую тетрадь, твою собственную, когда переписется, пришлю к тебе в Константинополь.¹ Орлов прислал мне проект общества переводчиков для перевода книг полезных иностранных на русский язык. В этом проекте, как и во всем, что пишет Ор[лов], много умного. Но с нашим равнодушием ко всему общеплезному вряд ли что можно будет сделать. Примешься горячо, но видя холодность вокруг себя, руки и дух упадают. К тому же у нас столько предметов требующих действия, что не знаешь за что приняться. Попробую еще раз; — что выйдет — не знаю.

150

[Приписка к письму А. И. от 11 мая 1820 г. **]

Писать до времени нечего, ни к тебе ни к Орлову. Дело еще только начинается. Прежде всего надобно испросить одобрение правительства на принятие некоторых мер в отношении крестьян. Еще нет теперь ничего.¹

*) *Архив, № 2379, л. 19.*

**) *Архив, № 2379, лл. 20 (оборот) — 21.*

На сих днях я был у гр[афа] Воронцова, и он мне чрезвычайно понравился и потому уже что понимает и чувствует вещи так как должно. Жаль, что он не долго здесь пробудет. Он мог бы быть начинщиком улучшения участи крестьян. И теперь главная надежда на него. К тому же с ним одним можно говорить здесь об этом, так чтобы обе стороны понимали друг друга. Что касается до других, то их *) надобно еще толковать и доказывать, что рабство не справедливо, и что крестьяне не могут вечно оставаться крепостными. А это толкование весьма трудно, часто даже остается без успеха.

Пушкин уехал отсюда курьером к генералу Инзову, которой, как говорят, будет на месте Бахметьева.

Прости, любезнейший.

Весь твой Н. Тургенев.

Михайлу Федоровичу сердечный поклон. Скоро буду писать к нему обстоятельно.

151

[Приписка к письму А. И. от 14 мая 1820 г. **)]

Граф В[оронцов] возвратился сегодня из своей финляндской деревни. Брат пойдет к нему говорить о затеваемом деле. Потом пойду и я. Не знаю выйдет ли что из всего этого. Есть ли не выйдет ничего, то я не знаю зачем будет оставаться здесь жить. Несносно скучно и пусто.¹

Я должен ответом Мих[аилу] Фед[оровичу], но теперь писать не могу. Что то не весело. К тому же и отвечать ему надобно, что везде царствующая у нас апатия убивственна. В рассуждении переводов книг скажу только, что года с три тому назад напечатан здесь очень хороший перевод Плутарха, 3000 экземпляров, на казенной щет, и по сию пору куплено только экземпляров 6. Вот образец нашей охоты к просвещению. —

Вексель на твое жалование за генв[арскую] треть отправлен в коллегию вместе с другими.

Прости. Твой Н. Тургенев.

*) Так в подлиннике.

**) Архив, № 2379, л. 23.

18 мая [1820 г.] *).

Вчера мы получили письмо твое из Москвы от 12 мая. На другой день нас уведомил Золотарев и другие, что ты отправился. Наше письмо теперешнее найдет тебя, думаю, в Одессе. Из Киева надеемся однакоже иметь от тебя известие. Как ты нашел М[ихаила] Ор[лова]? Брат его Ал[ексей] на него не похож. На ученых бесится и делает грубые неприятности офицерам; за то они его и не любят.

Вчера было в Летнем саду гулянье. Погода была хороша. Из наших окон смотрели некоторые приятели. Дамы наши разъехались: уже и гр[афиня] Вязмитинова едет в чужие края. Так же опять кн[ягиня] Смоленская, Нарышкина с Ал[ександром] Льв[овичем]. Петербург начинает пустеть. Разъезжаются на дачи; идут в лагерь для маневров. Гр[аф] Вор[онцов] еще здесь. Ничего еще не сделано в рассуждении крестьян.¹ У нас, кроме пожаров, нет ничего нового. В газете тоже ничего не видно. Кажется, что la petition de M[onsieur] Madier sur les menées des ultras наделала много шума. При сем случае St. Aulaire объявил, что ультры du Dep[artement] du Gars признают даже другого короля, а не Лудв[ига] XVIII. Что будет делать Monsieur, когда король умрет?²

Прости. Твой Н. Т.

12 июня [1820 г.] СП[етерб]б[урга].**)¹

Последнее твое письмо, любезной Сергей, мы получили из Киева. Теперешнее пишем к тебе через Бориса Сердобина. Я уведомлял тебя о начале действий наших в пользу освобождения крестьян. Из этого теперь вышло — не знаю что. Гр[аф] В[оронцов] докладывал Государю. Государь одобрил. После этого составили подписку. Подписались гр[аф] В[оронцов], к[нязь] Меншиков, другой граф Воронцов, гр[аф] Потоцкий, брат и приехавший сюда кн[язь] Вяземский из Варшавы. Между ими подписался и Васильчиков. Вдруг сей последний взбесился

*) Архив, № 2373, л. 7.

**) Архив, № 2373, лл. 12—13.

хамобесием, и потребовал свою подписку назад. Ему отдали. Открыли другую подписку; подписались те же и я. Эту подписку гр[аф] В[оронцов] отдал гр[афу] Кочубею, для представления государю. Между тем Вас[ильчиков] уже говорил о том государю, и, как заключить можно, показал себя недовольным в том, что будто это дело по всему городу разнеслось. Гр[аф] Кочубей объявил, что государь не запрещает освобождение, но не видит нужды в подписке, а позволяет, чтобы каждый свои предположения представил министру вн[утренних] дел. Между тем хамы ополчились на святое дело. О Воронцове говорили, что он делал все это из самолюбия; а более всего осуждали то, что мы тут подписались, говоря, что у нас мужиков нет или немного, и что имена наши доказывают дух партии. Граф же Кочубей уверял князя Менщикова, что он неотменно займется этим делом; что при отъезде графа В[оронцо]ва, ему подтвердил сам государь, непрестающий одобрять наших намерений, и, как по величайшему секрету нам сказано, не разделяющий мнения нашей публики о наших, т. е. Тургеневых, именах. За это ему, есть ли так, спасибо. —

Между тем ты можешь себе представить, что о нас все это говорили за спиной; я желал бы, чтобы мне это, как-нибудь, сказали в глаза. Я бы отвечал как следует. Из всего я вижу, что причина нападков публики на нас есть наша репутация, бог знает на чем основанная. Тебе кто-то говорил в Париже, что я *un homme de sang*; здесь говорят, что я *un homme dangereux, ambitieux*. Для нашего самолюбия не достаёт только того, чтобы эти люди были несколько менее презрительны, дабы можно было гордиться их ненавистью. — Вот на чем дело остановилось. Граф уехал. Князь Менщиков, кот[орый] во всем деле вел себя благородно, то в лагере, то в Царском Селе. Не знаем что делает Кочубей. Все это очень между нами. Может быть что-нибудь выдет, может быть нет. Апатия велика, крики хамов незначительны.²

Ожидаем твоих писем из Царя Града.
Малышева умерла.

Прости. — Что будет, буду уведомлять тебя.

Весь твой Н. Т.

22 июня [1820 г.]*

Третьего дня мы получили письмо твое из Одессы, перед отъездом в К[о]нст[антино]поль писанное.¹ Каково ты доехал? Из письма твоего видно, что путешествие твое по России произвело на тебя печальное впечатление. Таковы впечатления, производимые всем тем, что мы видим в России! С самым сильным желанием видеть все в хорошем виде, en beau, нельзя не устать душою, смотря на все недостатки, у нас существующие. При виде всего, невольно замечаешь, что чего то, и очень многого, везде не достает. Есть ли бы по крайней мере, при всем этом могла быть надежда развития сил нравственных и физических людей и природы. Но и того нет! Смотря на засеянное поле, воображаешь, каково оно будет, когда семена произведут растения. Но смотреть на поле дикое, ничего не представляющее и ничего не обещающее, печально и трудно.

В последнем письме моем я рассказал тебе все касающееся до предположений наших на шет крестьян.² Так все хорошее умирает у нас в самом начале, даже в намерении, в мысли.

Во Франции рассуждение о законе выборов было сопровождено самыми неприятными, глупыми и непозволительными произшествиями. Непозволительными потому, что погибло несколько человек: одного в сходбище народном застрелили, трое умерло от ран. Не знаю кого более винить. Но, кажется, всего более виноваты министры.³ Князь Гагарин пишет к брату об этом и ругает либералов и желает обратить тебя и его на путь, по его мнению, правый. Не обвиняя и не защищая ни ультров ни либералов, я нахожу только, что нам русским не пристало восставать на беспорядки, в других землях случающиеся, ибо у нас своего довольно, и такого, что мы сами улучшить можем, а именно рабство. Гагарин, восставая на либералов, и обвиняя их в том и другом, забывает, что ни В[enjamin] Constant ни Лафаетт не продавали душ крестьянских, чтобы жить в праздности и без пользы для отечества. Продавать мужиков, проживать эти деньги крови в Париже — я бы сошел с ума на месте того, кто это делает, и мне бы не пришло в голову обвинять кого бы то ни было. Русские, судящие о произшествиях Европы,

*) *Архив № 2380, лл. 42—43.*

в некоторых отношениях, похожи на астрономов, смотрящих на планеты, определяющих их движение, и забывающих или не мыслящих о том, что на земле делается. Видеть сучок, и не видеть бревна — вот удел этих русских. — Ничто меня не бесит так, как суждение о наших партизанах той или другой стороны во Франции, в Германии и проч. Думай о своем, делай свое, заботься о своем и после посмотри: останется ли у тебя время горячиться о чужом.

В Гамбургских газетах напечатано начало Schlussact или acte additionel Франкфуртского Союза. Этот Союз называется тут Völkerrechtlicher Verein состоящий из независимых между собой государей и городов, но в отношении других государств европейских, составляющих неразрывное целое. Есть ли это не галиматья, то я не знаю что это такое. Народное право, независимость и неразрывность, все вместе!!⁴

У нас лето плохое. И коротко и дурно!

Прости. Твой весь Н. Т.

155

1 июля [1820 г.]*

Вчера мы получили первое письмо твое из К[о]нст[антино]-поля. Чума нас беспокоит, хотя мы и надеемся, что ты принимать будешь все меры предосторожности, и растолкуешь опасность и Федору. Ты ничего не пишешь о буре, застигшей корабли, вскоре после твоего приезда. Нам сказывали, что на одном из сих кораблей был кн[язь] Долгорукий и что о нем не было тогда известия. Правда ли это?

Жалованье твое изчислено со дня выдачи пашпорта; но вместе с сим прежнее жалованье твое, 1500 р[ублей] серебром выдано тебе по день выдачи паспорта, и таким образом это, до некоторой степени, вознаграждается.

О Воронцове я писал тебе довольно обстоятельно. Теперь нет по делу освобождения никакого движения. Гр[аф] Кочубей обещал заняться этим предметом; но надежда на него плоха.¹

Газеты, французские по крайней мере, есть ли не брошюры, доходят к вам, думаю, прежде, нежели к нам. Брошюры к тебе

*) *Архив, № 2373, лл. 8—11.*

посылать будем. Теперь посылаем 2, которые можешь удержать у себя, ибо у нас есть другие экземпляры.

Министр финансов представил отчет за 1819 по питейным сборам. Выводит прибыли против откупов, 14 мил[лионов] р[ублей]. Б[арон] Кампенгаузен, в Совете, подал мнение, в котором гов[орит], что операция эта была важная и трудная и делает честь м[инистру] ф[инансо] в; но что сей прибыли полагать основательно нельзя; ибо казна имеет разные выгоды, коих откупщики не имели, и что злоупотребления, прежде бывшие, и ныне существуют, — и что чиновники по винной части, вероятно, также как и товарищи их по таможенной и провиантской частям, не упускают из виду личных выгод. — Это министру ф[инансо]в очень не понравилось, и он представит свое возражение. Мнение Камп[енгаузе]на впрочем довольно поверхностное; но замечание о взятошниках мне понравилось новостию такого рода у нас замечаний, хотя м[инистр] ф[инансов] и полагает, что нельзя порицать, таким образом, целый корпус чиновников.²

Вот наши казенные новости. Погода у нас скверная. Около двух недель беспрерывно льет дождик. Везде от того портятся хлеба; а у наших мужиков, в Симбирске, и озими совсем пропали.

Я живу попрежнему, в клобе, канцелярии и дома. Никого не вижу. Род неудачи, которую претерпел проект наш, столь благородно гр[афом] Воронцовым и кн[язем] Меншиковым предположенный, отдалил надежду какой-нибудь отрады в здешней петербургской пустой и скучной жизни. Кочубей может чтонибудь сделать. Но сделает ли? Не знаю.

Блюдов возвратился сюда. Я его еще не видал.

Прости до будущего курьера. Уведомляй, пожалуйста, о чуме. Говорят, в большие жары, летом она исчезает, так как и в большие холоды. Бог да сохранит тебя!

Твой Н. Тургенев.

Мы получили письмо твое от 15 июня, любезнейший Сергей. Очень обрадованы мы известием твоим об уменьшении чумной заразы. Авось совсем прекратится!

*) Архив, № 2373, лл. 14—15.

Ты пишешь, что неудачи могут мне наскучить; но что не надобно терять терпения. Так конечно! Но пожалуй не теряй его, но от этого прибыли мало. Терпение тогда только полезно, когда есть хоть какая нибудь возможность действовать. После того, что мы тебе писали о нашем предприятии, ничего не сделано. Но между тем вышло циркулярное предписание, по выс[очайшему] повелению, от министра вн[утренни]х дел, ко всем губернаторам. Поводом сего циркуляра было возмущение крестьян в Екатеринославской губернии. Возмущение произошло частью от притеснений помещиков, частью же от слухов, разглашенных некоторыми отставными тамошними подьячими из корыстных видов. Чернышев, имеющий на Дону особые поручения, сколько слышно, несколько сурово принялся за усмирение донских крестьян. Напротив того екатеринославский вице-губернатор Шамиот, как говорят, употребил более кроткие средства. Брат постарается тебе доставить копию с сего циркуляра.¹

Мы получили из Руана письмо и коносамент² от купца Didot по которому видно, что от книгопродавца Руссо отправлен сюда на имя брата ящик с книгами. Вероятно это твои книги, но кажется не все. Корабль не знаю пришел ли.

Погода у нас стоит прекрасная. В К[онстантино]поль отправляется еще отсюда один из Сакенов бывших в канцелярии иностранного министерства. Другой определен к лондонской миссии. Кривцов приехал сюда курьером, и, кажется, желает остаться в России.

Северин отказался ехать в Мадрид *comme Chargé d'affaires*. Он поехал с Каподистр[ией] в Варшаву, за государем. Здесь прожил месяца 2 кн[язь] Вяземский и поехал назад в Польшу.

Министры англ[ийские] предложили верхнему парламенту bill, чтобы объявить королеву прелюбодейкою, лишить права и названия королевы.³ Dies auf einen Gesetz Gebunde nicht gerichtliche Wege.

К числу новостей здешних можно причесть: утверждение государем плана о построении церкви на Воробьевых горах. Для сего правительство покупает, на 10 миллионов рублей, 14.000 душ крестьян у помещиков, и эти души, освобожденные от всех налогов и повинностей, должны по тяглам работать в Москве.

Тарифом новым вообще все недовольны; более же беспрестанными переменаами в тарифе.⁴

Прости. Твой Н. Т.

31 июля [1820 г.] СП[етер]б[ург]. *)

Мы получили письма твои, любезнейший Сергей, из Перы и Буюкдере. Ты писал их, не получив еще моих последних писем, где я писал о неудаче, постигшей предприятия графа В[оронцо]ва. Предприятие сие было бы слишком щастливо, есть ли бы удалось с первого раза. Что делать! Надобно сидеть у моря и ждать погоды. Авось наши надежды не навсегда останутся, в сем отношении, одними надеждами! Теперь существуют некоторые, хотя весьма слабые, признаки, что правительство помышляет сделать что-нибудь в пользу крестьян. Но все доброе у нас так трудно в делах государственных! К тому же знатные люди, которые говорили прежде всего в пользу уничтожения рабства, увидев первый шаг к сему уничтожению, восстали против. Это доказывается отчасти и негодованием, которое все они оказывают теперь к графу В[оронцо]ву, осмелившемуся быть лучше и благороднее их! — Впрочем ничего положительного нельзя теперь не только что сказать, но даже и думать об этом. —

О себе же я могу сказать, что я вчера подал министру финансов бумагу об увольнении меня из минист[ерст]ва. Ты помнишь, что я писал тебе в Париж о первом моем свидании с ним. Давно уже я уверился в истине слов твоих, что уверенность его были одни только пустые фразы, как ты писал мне тогда. Ныне же заставило меня оставить его следующее обстоятельство. При самом вступлении моем в м[инистерст]во, Гурьев дал мне работу: сделать проект о новом устройстве гербовых и крепостных сборов, сказав, что я должен делать это как я хочу. Так как он меня очень торопил, то я кончил эту большую работу в 2 месяца. Тут, вместо того, чтобы изчислять ценность имений по числу душ, я выдумал оценочные комиссии. Но видя неудобство в исполнении сего моего предположения я сказал Гурьеву и написал, что это неудобно, но что сие предположение, занимающее несколько листов, можно заменить двумя словами, сказав; по ст о л ь к у - т о д у ш а. Вообще я так писал, чтобы в проекте можно было более вымарывать, нежели ко всему прибавлять. Я отдал работу, и Г[урьев] с тех пор

*) *Архив, № 2373, лл. 16—17.*

ни слова мне о ней не говорил. Теперь, месяца за три назад, определяется в канцелярию министра П[аисий] С[ергеевич] Кайсаров. Министр, посредством Дружинина, дает ему ту же работу. Он составляет проект, и теперь м[инистр] ф[инансов] со своими доверенными людьми его рассматривает. А мне не сказали об этом ни слова. П m'a manqué, сказал я сам себе, и на другой же день подал в отставку. М[инистр] принял это очень холодно, сказав, что надобно погодить, куда он прийдет человека на мое место. Я небольших мыслей о моих способностях, но могу работать, в особенности, есть ли будут сказаны правила, на кот[орых] работать должно. Но они могут не давать мне работы, до моего места не принадлежащей. Однакоже так легко поступать со мною я не позволю.¹ — У меня есть намерение быть в Симбирске губернатором. Но и тут встретится пропасть затруднений, и я не знаю, что из этого выйдет.²

Брат Ал[ександр] Ив[анович] послал к тебе циркуляр губернаторам. Иные находят, что тут прав[ительст]во хотело сказать, что освобождения не будет; другие, что оно его тут обещает. Я не вижу ни того, ни другого. Но есть ли уж чтонибудь тут видеть должно, то я скорее соглашусь с последними; ибо, по крайней мере, прав[ительст]во не сказало именно, что освобождения не будет.

Сегодня мы получили письма от Матушки. Она все хлопочет о покупке деревни. Прости любезнейший!

Спасибо за чубук, о кот[ором] ты пишешь, но он будет напоминать мне несбывшиеся надежды; но я напишу на нем слово: Авось!

Весь твой Н. Т.

Мы получили письма твои. Ничего нет нового. На будущей неделе однакоже будет рассматриваться в Совете в Деп[артамент]е законов проект о запрещении продавать людей по оди-ночке. Этот проект основан на многих указах, запрещающих, но

*) *Архив, № 2322.*

не совсем ясно, продажу. Петр I был либеральнее всех прочих наших императоров и императриц в сем указе. Он просто сказал, что зло сие, называя его обычаем, надобно изкоренить, и велел Сенату в 1721 году придумать для сего закон. Они с тех пор думают. Voilà le cas de dire: Sie sprechen nicht viel, aber denken und desto weniger. Шишков вооружается против проекта и письменно и словесно. Ланской думает, что дворянин не может, на запрещение продавать людей согласиться, не изменив чести дворянина! Какие Баярды! Между тем однакоже есть или будут и защитники проекта. В числе коих, вероятно гр[аф] Кочубей, кот[орый] просвещеннее других.²

Я еще не кончил с министром ф[инансов]. После подачи моей прозьбы, я был у него с бумагами два раза. Он ничего не говорит. Я не почел за нужное напоминать ему, не хотя казаться докучливым. Между тем ему точно надобно кого-нибудь приискать.

Из Варшавы нет еще никаких известий. В газетах пишут, что от нынешнего сейма ожидают каких-то важных происшествий. Но не знаю что это такое. В Русском Инвалиде напечатан перевод (из Берл[инских] газет) ноты нашего двора к испанскому по случаю тамошней революции. Австрия собирает немецкую армию в Ломбардии. Пойдут ли они в Неаполь? Я думаю, эта экспедиция была бы не весьма трудна. Но есть ли дело завяжется с северною Италиєю, то тогда надобна будет другая армия.³ — Я читал недавно одну англ[ийскую] брошюру, в кот[орой] помещены сношения франц[узского] двора с Южною Америкою о сделании королем оной принца Лукского. Тут фр[анцузский] двор невыгодно изъясняется на шет Англии. Неужели все это для того, что Лукский принц Бурбон. Это судороги после смерти. Французская дипломатика дрягает ногою, привыкнув действовать при Наполеоне.

Лето у нас было предурное. Осень тоже. Во многих губерниях неурожай.

Фурст Репнин, сказывают, получил Алекс[андровскую] ленту.

Прости! Весь твой Н. Тургенев.

1 сент[ября] 1820. СП[етер]бург. *)

Мы получили письма твои, любезной Сергей: одно через Варшаву, другое от 2/14 августа. В последнем ты пишешь о Малышевой. Она умерла в Париже, будучи очень долго больна и долго находясь в опасности. Муж везет тело ее сюда. Он просил нас через кн[язя] Сер[гея] Труб[едко]го доставить ему позволение провести тело через границу, что брат и сделал, а я вчера уведомил о том Трубецкого. Каверин, Петр, я думаю, уехал уже теперь к ним же, в Париж. Малышев выехал было из Парижа, но в Мо вывалили их экипаж и Каверина сестра ушиблась. Потому М[алышев] возвратился в Париж. Он безутешен, как пишет мне Трубецкой.

Михайло П[етрович] опять в Париже. Ожидает отсюда остальных своих денег, чтобы возвратиться в Россию. О книгах твоих мы не имеем никакого известия. Я не помню, кому ты их поручил отправить. Есть ли одному только Мериану, то это плохо; ибо он, кажется, худой комиссионер. Я писал к нему дня за два до получения твоего письма, чтобы он уведомил меня: кто твои книги отправляет, где они, и как их отправить, есть ли они еще в Париже.

Первое твое письмо заставило нас пожалеть о теперешнем твоём положении. Я думаю более всего теперь надобно тебе стараться побывать в Греции, Египте, Иерусалиме; и, сделав это, думать о другом месте. После твоего определения открылись вакансии в Вене, в Лондоне. В Вену, говорят, назначают Кудрявского, архивариуса. Все, говорят, к лучшему. Не знаю почему и к какому лучшему ты попался в К[онстантино]поль. Что твой министр? и что чума? Напрасно ты нас не намерен уведомлять о ней.

У нас нет ничего нового. Мы дышим новостями европейскими. Ими только у нас и занимаются. О своем, даже о важном, никто не заботится. Вчерашние Гамб[ургские] газеты содержат в себе речь прокурора в верхнем парламенте, по процессу королевы. Удивительное дело! Как министры решились публично говорить о всех этих нелепостях и мерзостях?¹ Во Франции открыт новый заговор. Но по сие время известия о нем сбивчивы

*) *Архив, № 2373, лл. 18—19.*

и неполны. Здесь прошел слух о каких то арестациях в Берлине; но несправедливо.

Все говорят, что будет конгресс, но неизвестно где.

В Монитере помещено рассуждение о различиях революций гишпанской и неаполитанской. Тут есть справедливые мысли.²

Мы получили на сих днях ящик с книгами, принадлежащими Гагарину. Они отправлены, кажется, книгопродавцем Руссо.

Я все еще не совсем свободен от М[инистерст]ва ф[инансо]в. М[инист]р, как я слышал, представил о моем увольнении. Думаю, что скоро получится разрешение.

Прости, весь твой Н. Т.

160

10 сент[ября] 1820.*)

Что это твоему Федору вздумалось описывать чуму в письме его к Нат[алии] Фед[оровне]? Мы вложили это письмо в Матушкино. Матушка его распечатала и велела к нам написать, что она в великом беспокойстве на щет твой. Мы стараемся ее успокоить. Она, после долгого молчания о деревне, опять начала о ней писать мне. Мужики прислали мне весь оброк: хлеб не весь продан, или как Мат[ушка] пишет, не все деньги присланы. Не имея подробных ведомостей, я не могу об этом судить. Требуют их от старосты, но еще не получаю. Все это очень скучно и неприятно.

Так как м[инистр] ф[инансов] не получил еще разрешения на представление о моем увольнении, то я сказал ему, что он provisoirement может поручить управление 3-м отд[еление]м тому, кот[орого] он представил на мое место, Ф[едору] П[авловичу] Вронченку. Он это и сделал; и третьего дня я был в последний раз в отд[елении]. Теперь я сижу дома, читаю о жури. Хочется чтонибудь написать об этом. Мериан, как уведомляет нас кн[язь] Гаг[арин], отправил ящик книг сюда. Это вероятно твои. Сам М[ериан], от кот[орого] я вчера же получил записочку, ничего об этом не пишет.

Здесь нет ничего нового. Из Варшавы пишут, что правительством назначен в президенты сейма префект варшавский, чем поляки недовольны.¹

*) Архив, № 2373, лл. 20—21.

Кривцов, ездивший в Варшаву отсюда, возвратился. Я его еще не видал. Но слышу, что по желанию его, он будет где-то губернатором. Он женат на Ватковской.

— Жуковский отправляется в Берлин с великим князем Н[иколаем] П[авловичем], которой едет 18 сего месяца. Жуков[ский] едет прежде.

— Приехал ли к вам Дашков?

М[ихаил] Ал[ександрович] Салтыков, ездивший в свою деревню, сказывал нам, что мать Д[ашкова] очень о нем беспокоится не получая от него известий.

Стурдза и Северин пожалованы в д[ействительные] ст[атские] и ст[атские] с[оветники]. Говорят, что государь едет на конгресс в Тропау. А нам предвещают рекрутский набор и кажется навверное. Беда, величайшая из всех бед, для бедных мужиков.

Погода у нас холодная. Бывает солнце, но не всегда.

Прости. Весь твой Н. Т.

161

30 сентября. [1820 г.]*

Сегодня мы получили письмо твое от 1 сентября. Спасибо за описание праздника, ибо я вижу, что чумы у вас нет. Теперь как пишут, показалась желтая горячка в Кадиксе. Это тоже род чумы, или зараза. Куда ее бросило: из К[онстантино]поля в Кадикс! Здесь очень мало занимаются политикою. По крайней мере с новыми известиями из Европы число посетителей газетной комнаты в клубе не увеличилось. Бостон и биллиард, все попрежнему, занимает наших соотчичей исключительно. — Причина моего выхода из М[инистерст]ва ф[инансо]в была согласна правилам. Поручая мне работу sur l'enregistrement и le timbre, он просил меня поспешить окончанием, и сказал, что она будет рассматриваться, в моем присутствии, в его частном комитете. Я сделав, отдал проект мой министру. Он сказал, что сам прочтет. Вероятно не читал. А через год отдал Кайсарову М[ихаилу] С[ергеевичу] и поручил сделать тоже. Когда сей кончил, то

*) *Архив, № 2373, лл. 22—23.*

м[инистр] ф[инансов] начал немедленно его работу с ним рассматривать. А мне, в течение сего года, не сказал о моей работе ни слова. Я не сердился за то, что он отдал работу Кайсарову; но зато, qu'il m'a manqué, не говоря мне и не пригласив меня, как он говорил прежде. Эта легкость со стороны м[инист]ра была бы не столь для меня важна, есть ли бы я находился под его начальством по обыкновенному. Но он пригласил, обласкал меня. Он умел тогда не быть гордым. Почему же теперь не захотел быть справедливым? Вот причины. Но сии причины в некотором отношении, были и предлогом. Мне под конец очень наскучила моя должность. В Гур[ьеве] я нашел эгоиста, подобного прочим. Мне с ним трудно было. Он же, обещав сделать чтонибудь для моих подчиненных, ничего не сделал. К тому же дела, до 3-го отд[еления] касающиеся, иногда делались в других местах, хотя я в этом, скорее чем во всем другом, извинял министра. Но признаюсь, что иногда он мне кажется очень ненавистным. Иногда же я думаю о нем равнодушно.

Впродолжение некоторого времени мысль быть губ[ернаторо]м в Симбирске и хотя несколько полезным моей родине нравилась мне, увлекала меня. Но какие средства делать добро? И каково было бы мне теперь при наборе рекрутском, по 4 человека с 500? Губернатор обязан принимать рекрут. Какая обязанность! Она превосходит мои силы. Есть ли бы не было таких обязанностей то можно бы еще решиться, ибо можно хоть скольконибудь быть полезным. Но другие обстоятельства препятствуют. Нужна опора, ободрение от правительства. Я бы решился еще пожертвовать несколькими годами жизни, есть ли бы был уверен, что сии годы еще в большей скуке нежели здесь, с большими неприятностями проведенные, имели хотя какойнибудь результат. Но и сей надежды не имею.

За неимением лучших занятий я пишу теперь о жюри. Мне хочется просто и ясно представить сущность суда присяжных, и мимоходом поговорить о порядке уголовного судопроизводства вообще. Я уже написал несколько тетрадей и некоторые места живо чувствовал. Оканчивая каждую тетрадь, я радовался что оставил М[инистерст]во ф[инансо]в и заменил пустые канцелярские занятия занятиями есть ли не полезными для других, то приятными для меня. Давно я не проводил времени лучше, как писав это.¹ Труд подкрепляет и утешает нас. Так, но каково искать в труде утешенья, развлеченья? Это значит напиваться

до пьяна с горя. Ибо я право с горя тружусь! Я русской человек, и с радости—трудился бы вдвое! Но этому, кажется, не бывать, и мне с радости не трудиться! Бог знает что предстоит в будущем. Но настоящее тяжело. Тяжело все это видеть и чувствовать, что мы видим и чувствуем. Гр[аф] Вор[онцов], как я слышал, находится теперь в странствиях. Едет из Италии или откуда то в Париж, и из Парижа в Лондон.

Здесь слышно, что госуд[арь] 5 октября должен был ехать в Тропау. Проект закона об уголовном судопроизводстве был предложен польским министерством сейму и отклонен 117 головами против 3-х. Неужели министры не могли предвидеть такого большинства голосов? ²

Из Франции пишут (в берл[инских] газетах), что прав[ительств]во хочет преобразовать, reorganiser, армию. Вместо легионов будут полки и проч. Один из последних листов Débats наполнен новыми подпрефектами. От Мериана я давно уже не имел писем.

Наше правительство делало новый заем в 40 мил[лионов] серебром, через банкиров Бока и Баринга. Как слышно заем не будет однакоже простираться до всей сей суммы. Лучшего, в сравнении с двумя первыми займами, тут то, что правительство отдаст то, что заняло. А прежние займы, будучи в ассигнациях, очевидно, что с возвышением ценности ассигнаций, прав[ительств]во заплатит более нежели сколько оно заняло.

Прости, любезнейший. Твой Н. Т.

162

14 окт[ября] 1820. СП[етербург]. *)

Мы живем между дождем и грязью, в физическом и нравственном смысле. Поляков тоже помочило дождем. Но после как пишут, разгулялось. Речь при закрытии Сейма жестка. Эта самая жесткость понравится нашим русским патриотам. „Vous avez eu le bien pour le mal“. Мне же кажется, что лучше бы не упрекать благодетельствованных в сделанном благодеянии. Разгулялось потому, что государь назначил из среды Сейма комиссию, кот[о]

*) *Архив, № 2373, лл. 24—25.*

рая] должна, вместе с Госуд[арственным] советом, составить новый проект уголовного судопроизводства. В сию комиссию избраны те члены Сейма, кот[орые] наиболее восставали против отвергнутого проекта.¹

Мериан пишет ко мне, что он отправил часть книг сюда, другую в К[онстантино]поль. Мы еще нечего не получали. Получил ли ты чтонибудь?

По газетам видно, что ваш Али выдан туркам. Говорят, что и вероятно, что ему уже и голову отрубили. — Французские газеты наполнены радостными восклицаниями по случаю рождения нового Бурбона.² В Allgemeine Zeitung пишут, что Шатобриан хотел представить королю les dames de la Halle de Bordeaux, приготовил для сего речь; но король дал знать, что он не хочет принять и слушать Шатобриана. Дам представлял Desège.³

Мих[аил] Петр[ович] возвратился из Парижа. Жалко на него смотреть. Он жалуется, что его оттуда выписали. Тетушка же говорит, что она никак не согласится на то, чтобы он опять в Париж ехал.

Теперь уже начался Тропавский консилиум. Какой то рецепт пропишут? — Здесь, без консилиумов и без рецептов, все идет по старому.⁴ Наши лекаря, в Г[осударственном] совете заседающие, сами принадлежат к incurables.

Я продолжаю писать о суде присяжных. Нашел здесь несколько книжек о сем предмете. Но одна только действительно хороша, и именно: sur le jury par Philipps, traduit par Comte с предисловием сего последнего.⁵ Другие книги я получил, написав уже все главное о жюри. Иначе они меня только бы смешали.

Из письма твоего от 1-го октября я вижу, что я забыл тебя уведомить о получении чубука. Он ни в чем не испорчен, и я препорядочно из него курю, и он стоит в первом месте между чубуками. Трубки и табак я также получил. Еще нам доставил

*) Архив, № 2373, лл. 25—26.

фельдегерь четки, вероятно для московской тетушки. Этот ф[ельд]егерь сказывал мне, что он тебя видал в Буюкдере. Мы получили один, довольно большой, ящик твоих книг. Мериан пишет, что два другие отправил к тебе в К[онстантино]поль. Брат Ал[ександр] Ив[анович] вероятно, доставит тебе с сею же почтою реэстр полученных нами книг. Ты увидишь, что много дефектов. Не находятся ли недостающие книги в твоих ящиках? Уведомь.

Я было не хотел тебе писать о случившемся здесь произшествии. Но полагаю, что дойдут слухи, неосновательные и все будет увеличено, искажено. Здесь однако же произшествие всем известно в настоящем его виде. За две недели перед сим 1-я рота Семеновского полка просила капитана своего объявить командиру полка, полк[овнику] Шварцу, что им тяжело служить. Капитан уговаривал солдат; но они отвечали, что непременно хотят довести свои жалобы до командира, обещая впрочем исполнять свою службу по обыкновенному. Шварц, обращавшийся с солдатами весьма дурно, вместо того, чтобы явиться пред солдат и прекратить все или уговорив солдат или выйдя в отставку, жаловался, что солдаты оказались непослушными. Начальство, поспешив видеть в сем деле то, чего в нем не было, отправило всю роту в крепость. На другой день другие роты Сем[еновско]го полка вышли из казарм и когда им командовали строиться, они отвечали, что не могут строиться без головы, требовали, чтобы им возвратили роту, или бы их всех посадили в крепость. Тут оказалось первое непослушание, ибо 1-я рота жаловалась, но не была ослушна. Им сказали, чтобы они все шли в крепость, и они не выстроившись, но без шума, и без малейшего непорядка, пошли все в крепость. На другой день два батальона были отправлены в Кегсгольм и в Свеаборг, а один оставлен в здешней крепости. Два батальона отправлены без всякого конвоя, с своими офицерами. Все они говорили, что готовы служить и все делать, но что Шварц слишком их притеснял. Корпусный командир лишил Шварца команды. Есть ли с одной стороны нельзя не сожалеть о оказавшемся непослушании солдат, то с другой нельзя без чувства видеть 3000 человек, имеющих вид бунтовщиков, спокойно идущих в крепость, без малейшего шума и беспорядка на улицах. Многие генералы, смотря на них и сожалея о произшествии, до слез были тронуты поведением солдат. Тем все кончилось. После сего теперь

наряжена комиссия для исследования дела. Надобно ожидать решения из Тропау. Между прочим послан туда с подробными донесениями адъютант корпусного командира Чаадаев. Иные ожидают строгого решения. Иные напротив. Я надеюсь и желаю сего напротив. Впрочем теперь уже эта история замолкла. Зато в первые два дня ни о чем ином не говорили. Мне кажется поторопились дать сему происшествию более важности, нежели сколько оно в себе, в самом деле, заключало. Подобные истории случались в других полках, но немедленно тут же и прекращались.¹

Этот неприятный эпизод не мешает мне однако же заниматься моею книгою о присяжных; по тому судя, что я уже написал, из этого должна выйти книга. Я воспользуюсь французскою тетрадью „Essai sommaire de la procedure en France“, кот[орую] ты оставил здесь, и включу из оной в мою книгу изложение устройства судопроизводства во Франции. Кто ее писал? Я читал Cottu, и прежнюю его книжку, и последнюю, плод его пребывания в Англии.² Он, кажется, человек недалекий, но благонамеренный и беспристрастный. Я заимствовал из него некоторые подробности. Лучшая же книга, и кот[орая] наполнила меня охотою писать о жюри, есть сочинение Филиппа, переведенное Контом, известным фр[анцузским] публицистом. Между твоими книгами нет, кажется, ничего о жюри. Законоискусники, в особенности немецкие, восстают против жюри. Немцы говорят, что им не нужно ни взаимное обучение, ни жюри; потому что у них первоначальное учение и судопроизводство хорошо. Первое имеет справедливость. Последнее, кажется, несправедливо. Впрочем вообще новые политические идеи еще не вкоренились в Германии.

Со вчерашнего дня напало много снегу и сегодня ездят в санях.

Какова тебе кажется речь президента неаполитанского парламента? Без буфонства они не на час. Теория договора есть настоящее буфонство; но может быть ясна для итальянских понятий.³

Газеты все еще пишут о чуме в К[онстантино]поле, прибавляя впрочем, что она уменьшается.

Прости, любезнейший!

Твой весь Н. Т.

15 ноября [1820 г.]*

Будучи занят различными, самыми неприятными хлопотами, я не могу много писать к тебе, любезнейший Сергей. Главная часть сих хлопот касается деревни по делам рекрутского набора. Мне хочется добиться до того, чтобы убавить число рекрутов одним. С нас требуют 6, а можно бы требовать только 5. Дурное распределение, основанное на произвольных раскладках и существовании множества мелкопоместных помещиков, вредно, тяжело для прочих. Имея 640 душ, нам следовало бы поставить только 5 рекрутов, а за остальные 20 душ идти в денежную складку. Но вместо того, так как к нашим остальным душам присоединяются мелкие поместья других владельцев, имеющих по 20 душ, то в таком случае принято правилом брать рекрута с тех помещиков, кот[орые] наиболее имеют крестьян, следуя той аксиоме, что из 600 душ легче поставить 6, нежели из 20 одного. Тут есть какая то моральная справедливость, но нет справедливости законной. Желая помочь крестьянам, мы послали отсюда 3000 р[ублей] для покупки рекрутской квитанции. Квитанций, как мне пишут, там нет; а знакомые хотят иначе сие устроить. Пусть их делают что хотят, лишь бы одним человеком для наших крестьян было менее. Конечно и это „что хотят“ нехорошо. Но что ж делать?

О происшествии Сем[еновского] полка нет еще ответа из Тропау. Все его ожидают, иные со страхом, иные с надеждою.

Прости. Спешу в Совет.

Твой весь Н. Т.

P. S. Мы получили письмо твое от 15.* В книгах твоих, сюда присланных, нет ничего о жюри в особенности. Но есть Lanj-[uinois] Const[itutions] и B[enjamin] Const[ant] Ce qui faut pour un gouv[ernement] representatif. Может быть в сих увражах можно найти что нибудь о жюри. Из посланного к тебе реэстра ты увидишь какие твои книги здесь. Много дефектов. Неужели они пропали или не находятся ли они в твоих ящиках?

*) Архив, № 2373, лл. 27—28.

30 ноября 1820. *)

Мы получили вчера письма твои, любезнейший Сергей, от 1-го ноября. Ты ничего не пишешь нам о происшествии, известном по газетам, и случившимся с русским министром. Говорят, что янычары нанесли ему какое то оскорбление, и что 12 из них были за сие казнены, а Ага их отставлен. Не тот ли это Ага, у которого вы пили кофе? И что это такое? — Письма твоего к кн[язю] Вяз[емско]му мы не посылаем; ибо речь, которую ты так хулишь за перевод, действительно им самим переведена. И Карамзин, за сей перевод, в большой претензии на Вяз[емско]го. И так напиши ему другое письмо, не говоря о переводе. — А мы здесь прожили неделю в больших хлопотах по Совету, куда представлен был проэкт о пресечении продажи людей по одиночке и без земли. Сей проэкт, в Ком[миссии] с[оставления] законов сделанный, был отвергнут Деп[артамен]том законов. Надобно было писать объяснение. Не трудно было восторжествовать над Шишковым, писавшим журнал Деп[артамен]та. Но торжество не в торжество, когда большинство членов разделяют мнения Деп[артамен]та, и хотят драгое право торговать людьми оставить во всей его ненавистной силе. Тут были и другие хлопоты. При рассуждениях в Совете министр юстиции напал, неприличным образом, на Комиссию. Но брат, как член оной, хорошо отклонил нападкѣ, и я примолвил свое словцо. Все будет зависеть от решения государя. Есть однакоже члены и против продажи, и именно гр[аф] Кочубей, более просвещенный и более дело знающий. — Мы, по крайней мере, с своей стороны все сделали.¹

Решение государя о Семеновском полку: разкассировать весь полк, офицеров (с их гвардейскими чинами) и солдат по полкам армейским, судить виновных, и полковника за то, что не умел сохранить порядка. Вместе **) повелено набрать другой полк из гренадерских дивизий.

Конгресс из Тропау переносится в Вену.² Здесь точно не знают, когда возвратится государь. Полагают, что в декабре.

Ты слышал, а думаю, о Каразине. На сих днях разнесся слух, что его взяла полиция и посадила в крепость, или отпра-

*) *Архив, № 2373, лл. 29—30.*

**) *Так в подлиннике.*

вила в Харьков, место его жительства. Думают, что он опять чтонибудь писал к государю и давал советы. Ему уже давно государь запретил писать себе, и за неисполнение сего приказания он сидел уже в Харькове под арестом с неделю. Хотя он и несчастлив, но нельзя не сказать, que c'est un véritable brouillon. Вздор говорит и делает; вероятно и пишет. Между тем недавно государь сложил с него долг казне, до 27000 р[ублей] простиравшийся. Каразин читал мне устав, которым он управляет своею деревнею. Я видел, что этот устав должен быть разорителен для крестьян. Харьковские жители подтверждают это. Главная причина его ажитации есть, как видно, самолюбие. Он, в начале царствования, был близок к государю. Никто не удивился его арестации.

Мы обедали на сих днях у Кривцова. Жена его, кажется, добрая и милая, а он живет, кажется, не по своему состоянию. Ветрен в издержках; но доброй человек.

Дилижансы, по акциям графом Вор[онцовым] и другими учрежденные, устроены. На сей неделе отправились первые два дилижанса в Москву. Я намерен воспользоваться сим учреждением. В дилижансе 4 места, 2 по 95 р[ублей] и 2 по 56 р[ублей]. Занимающие сии последние сидят задом к лошадям.³

В Москве частные люди хотят завести центральное училище по Ланкастеровой методе; но не имеют еще позволения. Отложено до возвращения государя. Учредители предполагают, чтобы в сие училище посылать из разных казенных селений мальчиков и формировать их в монитеры. Московский ген[ерал] губернатор, человек весьма доброй и не враг просвещения, покровительствует сему рождающемуся заведению. В Туле же, как видно из журналов, заведено училище по Ланкаст[еровой] же методе. Здешнее идет хорошо. Учеников около 500, более и локаль не позволяет.

Я уже большую часть сочинения о жюри набросал на бумагу. Одна книга меня одушевила — это Philipps о jury, переведенная Контом. Cottu вздор, так как и прочие французы. В написанной половине находится то, что прямо до jury относится, т. е. изложение теоретическое и порядка jury в Англии и Фр[анции], также и порядка следствия. Это занимает 6 глав. Теперь остается писать об ответственности присяжных (не значущая глава), о наказаниях, о гласности судопроизводства и проч. и наконец кое что, что нахо[дится] в Карамзине, в Судебнике

и проч. о русском жури. Последние три недели я не принимался за это дело, по причине хлопот советских. Иначе все бы кончил, кроме русского ж[юри]. Не знаю как будет печатать. Я хочу dédier мою книгу польскому сейму, в изъявление моего желанья, чтобы оно у них было принято. — Прости!

Твой весь. Н. Т.⁴

166

15 дек[абря] 1820.*)

Мы получили письмо твое от 15/27 ноября, вместе с реэстром твоих книг. Что сказать тебе отсюда? К различным хлопотам и неприятностям здешним, присоединяются для меня еще деревенские. Вместо 5-ти требуют с крестьян наших 6 рекрут, и все это, может быть, от того, что от нас не была подана прозьба о совокуплении всех деревень, в четырех уездах, впрочем в одной и той же губернии находящихся, в одно целое. Уездные предводители раскладку сделали по уездам, отдельно, и требуют, по сей раскладке, 6 рекрут, тогда как у нас всего 614 душ, а для пяти рекрут надобно 625 душ. Я писал ко всем знакомым в Симбирск. К нещастию этими делами нашими занимается там Пазухин, которой, кажется, очень глуп и никакой пользы не приносит. Не получал еще оттуда ответа. Это меня более нежели беспокоит тем более, что и прошлого года, по недоразумению моих писем, отдали в рекруты, между прочим, такого человека, которого отдавать не следовало. Ужасно! Но вот каков порядок вещей у нас! Неужели должно самому жить в деревне? Есть ли бы я там жил, то я не взял бы на себя назначать рекрут.

Завтра едет Борис в Симбирск. Буду его просить; но, кажется, и тут толку мало будет.

Я намерен воспользоваться учреждением дилижанса и съездить в Москву во время праздников. Нужно побывать на чистом воздухе хотя зимой. Здесь душно.

Государя ждут сюда не иначе как после нового года. Газеты многие говорят о Семеновской истории. В Берлинских есть

*) *Архив, № 2373, лл. 31—32.*

статья, которую можно почесть официальной, которая довольно просто и справедливо излагает дело. Débats врут. Но говорят в Courier de Londre рассказано все иначе.

В последних Débats я читал речь Madier. Он говорит, что восхищался речью министра правосудия в 1819 году и что следовал его правилам.¹ А этот министр прав[осуд]ия тут сидит и его судит, и исповедует совсем другие правила! Франция не понимает представительного прав[ительст]ва, терпя, чтобы одни и те же министры переменяли свои мнения так, как одним только нашим переменять простительно.

Что ваш Али-паша? С ним, кажется, еще не сладят.

Любопытно знать: что думает турецкое правительство о проишествиях в Мадрите, Неаполе,² Лиссабоне.³

Я опять принялся за свое жюри. У меня теперь написано 7-мь глав. Остальные главы общие, не столько до жюри, сколько до юриспруденции вообще относящиеся. Это скучнее. — У нас ожидают нового цензурного устава. Существующий теперь весьма хорош. Написан в лучшее время России, 1805 году. Но не исполняется — и потому хотят сделать другой, по их лучше, по нашему хуже.⁴ Для неисполнения, кажется, всякой устав хорош. In den Staaten, die vorwärts schreiten, говаривал наш Сарториус, will man immer neuen Häuserbauen. В России это тем легче, что дома деревянные. — В П[етер]бурге, правда, много строят и каменных; но в уездных и губернских городах никто ничего не строит. Почему? Von den Einquartierungen. Построивший дом живет в сарае; а дом отведен для жительства военных чинов. — Вот наши успехи.

Н. Тургенев.

167

Января 1-го 1821 года 5 часов утра.*)

Первые слова с нового года пишу к тебе, любезнейший Сергей. Сегодня в 9 часов утра отходит дилижанс, с которым я отправляюсь в Москву.¹ Для того я и встал так рано. Проездить никогда не худо — к тому же и в дилижансе. К тому же

*) Архив, № 2373, л. 33.

и Матушка писала, чтобы приехать. Она все торгует деревни, но не слишком выгодные попадают. Вчера, т. е. накануне нового года, я обедал у молодого графа Кушелева. Тут был Бек и проч. Обыкновенный мой разговор тут бывает дальнейшее пояснение и толкование, и представление в разных видах текста, состоящего в том, что „верблюд скорее пройдет сквозь углиные уши, чем богатый войдет в царство небесное“. И подлинно! Сколько порядочных людей между богатыми? — Душа слабеет при богатстве.

Я еду в дилижансе с Василием Сергеевичем Алферьевым. Мы занимаем передние места, а задние занимают какой то татарин или армянин и какой то почтенный поселянин. В другом дилижансе — ибо каждый раз отправляется по два вдруг — не знаю кто едет. Охотников ездить в дилижансе очень много; записываются за две недели, чтобы иметь место; в особенности задолго занимают места задние, за кот[орые] платится половинная цена. Вообрази себе два верха кибиточные один к другому спинами поставленные посреди саней. Вот и скелет дилижанса. Тут впрочем особенно в новых, сегодня в первый раз отправляющихся повозках, все покойно, просторно и чисто. Едем в трое суток. Я думаю, что проеду более, ибо у нас теперь оттепель от кот[орой] дорога портится.

Я оставляю свое жюри. Написал 7-мь глав собственно до жюри относящиеся. Остаются главы общие, как то: о преступлениях и наказаниях, о слоге законов, о гласности судопроизводства и о Libelle или о преступлениях против свободы книгопечатания. Не знаю когда кончу.

Из Москвы буду писать тебе. Теперь прости.

Вот уже две недели как я приехал сюда в новозаведенном дилижансе. Время я провожу здесь довольно приятно. Но образ жизни московской мне не нравится. Обедают рано, и потому можно привыкнуть ужинать, а что еще хуже привыкнуть к раз-

*) Архив, № 2380, л. 91. В подлиннике дата стоит в конце письма.

личным вещам, к которым никогда привыкать не должно. По приезде моем сюда я писал довольно длинное письмо к брату, которое просил его переслать к тебе. Матушка хлопочет о покупке деревни. И я даю совет к покупке, но с тем, чтоб было достаточно земли.

Я говорил здесь с Нарышкиным о неотысканных твоих книгах. В потонувших его книгах и вещах твоих не было. У Мериана же осталось еще несколько ящичков Нарышкина с книгами. Я писал к Мериану и просил его посмотреть: нет ли, между сими ящичками с книгами, твоих,

Я часто выдаюсь здесь с Максимом Ивановичем. Он уверен, что до 1837 года последует пришествие второго сына божия, которой, по его мнению, уже давно родился и находится на земле; но через несколько лет явится в славе своей.

Видаю здесь и Герке. Он не имеет ни места, ни уроков. Живет у матери и читает книги. Видаю и Каверина. Недавно я обедал у его отца. Сестры Кав[ерина] милы, умны и заставляют любить себя. Старшая, Елисавета, кот[орая] была в Париже, благодарит тебя за дружбу с покойной Малышевой.

Английский здешний клуб всегда наполнен людьми; но все играют в карты. Печально или жалко видеть все это.

Москва красива и в сем отношении очень мне нравится. Жаль, есть ли это дорого стоит жителям. Прости.¹

169

5 марта 1821 г. Москва. *)

Четвертого дня ввечеру возвратился я сюда из Симбирска, любезной Сергей. Письмо сие намерен послать к тебе с отъезжающим отсюда в Царьград сардинским посланником Брузаско. Брат А[лександр] Ив[анович] уведомлял тебя о причине моей поездки. Я поехал туда в большом смущении. Исследовал дело. Нашел подозрение. Призвал исправника, но во время следствия, удостоверился, что донос полуумного пасынка на своего отчима и брата двоюродного более похож на пустословие, нежели на истину. Полуумный просил у обвиняемых им прощенья в том,

*) *Архив, № 2373, лл. 34—35.*

что выдумал на них все по злобе. Мне же и исправник говорил, что ничего не помнит. Мы его посылали в Ставрополь для освидетельствования лекарем, кот[орый] также нашел, что он полуумный и больной человек. Исправник дал такое же заключение. Исправник передаст дело в уездный суд; оттуда оно поступит в уголовную палату, где и кончится, как я надеюсь, ничем. Мое присутствие было нужно. Мужиков нашел я в несколько лучшем положении, и именно в отношении к скоту, и сие потому, что я распродал господский скот весь крестьянам, а частью роздал даром; да и продажа была дешевая. Крестьяне наши, будучи на оброке, несравненно бы более поправились, есть ли бы, в течение двух лет не было неурожая, из коих прошлогодний был особенно велик, так что со ржаных полей крестьяне не сняли ни колоса. От сего то и оброк они заплатили с затруднением, но заплатили сполна миром. Я сделал некоторую помощь деньгами; роздал более 1000 р.; но из сих денег мало досталось настоящим крестьянам; большую часть получили сироты и обремененные детьми вдовы. Ребятишки не только что от меня не бегали; напротив все за мною бегали. Старостою я недоволен. Он сильно пил. Я его хотел сменить. Он обещался вина не пить. А перед отъездом моим из Симбирска, я видел его пьяного. Все извинение было в том, что он, по словам его, напился пивом. Теперь посмотрю, что будет впереди. Сменить его трудно по тому, что он уже 10 лет старостою и еще потому, что мужики все им довольны; и он человек доброй. Так как Матушка непременно намерена купить деревню; то я ездил в Суровку, в 65 верстах от Тургенева отстоящую, которая будет продаваться с публичных торгов за долги помещика Соловово. Деревня оброчная; мужики зажиточнее обыкновенного; следственно хлопот менее. Есть ли отдадут за 300 000, то купить можно; ибо они дают оброка 25 000 р. Матушка было согласилась; но теперь опять отдумала, — хочет искать другой деревни. Я же не думаю и почти уверен, что выгоднее этой деревни не найти. В Симбирске я жил очень весело. Они думают, что я буду у них губернатором; но я, кажется, на это не решусь; ибо мало пользы могу сделать. По тому, что я там слышал и видел, Симбирская губерния есть одна из замечательнейших по жестокости помещиков и по злоупотреблениям на счет крепостных людей. Дядюшка П[етр] П[етрович] у кот[орого] крестьяне в хорошем, по тамошнему, положении, не сты-

дится продавать девок в чужие селения, вопреки воле их и их родителей. Но об этом говорить трудно, тем более, что нельзя предвидеть конца всем сим неизтовым глупостям и беззакониям. Аржевитиновы мыслят и действуют гораздо лучше прочих. Борис в отпуску в Симбирске. Но он мало мыслит; да и не может ничего сделать с дядюшкою. Впрочем в Симбирске пьют стаканами бургонское и шампанское. Здесь для меня хуже Симбирска. NB. Я обедал в Симбирске со Сперанским, проезжавшим в Пензу, и оттуда, вероятно, в П[етер]бург: человек весьма доброй и умной; но, кажется, не оставший от ученических своих замашек, заметных в прежнем его управлении делами.¹—Сегодня, т. е. в воскресенье (ибо я уже в 3-й раз принимаюсь за письмо сие) я еду в П[етер]бург. В среду буду обедать у Алексея Петровича в Н[ов]городе в день его рожденья. Мих[аил] Петр[ович] вчера отсюда туда же уехал. Весною он пускается в Париж и будет жить у Демидова. — П[етер]бург не представляет мне ничего приятного, кроме занятия моею книгою о жюри. Но вот надежды: Куницын издал естествен[ное] право, через час его книгу запрещают и полагают его самого отставить из ведомства м[инистерст]ва дух[овных] дел и просв[ещения] и так лучшего профессора не стало в П[етерб]ургском Университете. — Отец Мельхиседек третьего дня доставил Матушке коврик. Книги же, с ним тобою посланные, остановлены в Одессе, где ожидают разрешения от П[етерб]ургской цензуры. Я думаю не пропадут. Прости любезнейший.хлопот много. Тороплюсь. Будь здоров. Вось твой

Н. Т.

170

15 марта 1821 СП[етер]б[ург]. *)

9-го марта возвратился я сюда, любезной Сергей. В Москве я пробыл три дня: написал к тебе письмо и отдал Герке для передачи через В[асилия] Л[ьвовича] Пушкина посланнику сардинскому Брузаско, в Ц[арь]град едущему. Москва мне совсем не нравится. Симбирск имеет право на мою привязанность. В рассуждении мужиков, я ничего не могу сказать в особенности утешить

*) *Архив, № 2373, лл. 36—37.*

тельного, в том смысле, как бы мне хотелось. Им не сравненно лучше на оброке, нежели на пашне, и, в течение двух лет с половиною они могли бы представлять признаки лучшего бытия, есть ли бы неурожай не постигал их два года с ряду. Лучше против прежнего, у них скот рогатой и мелкой, но это от того, что я распродал и роздал им скот господской. Лошади же у них плохи. Занимаясь теперь в деревне другого рода делами, я не успел распорядиться касательно сего последнего. Теперь же я намерен писать туда и спросить будет ли полезно купить жеребца для кобыл крестьянских. Затруднение состоит в том, что наши крестьяне не имеют своего особенного конного табуна, а отдают пасти лошадей в чужие табуны. Степь, подле Андреевки находящаяся, и на которой прежде, за несколько лет или 10-лет, крестьяне и мы пасли скотину и косили сено, вспахана теперь соседними казенными крестьянами, и они наших крестьян в нее не пускают. К затруднениям для крестьян, притти в лучшее положение, должно причислить и то, что они, работая на стороне, ходя по Волге, в трудной бурлацкой работе, часто делаются жертвою обманов их подрядчиков: многие не получают за работу денег и нет никакого средства принудить должника к удовлетворению. Об одном я писал вчера к казанскому губернатору. Не знаю что будет! Часто крестьяне приходят в расстройство делаясь у них покражами лошадей. В воровстве сего рода общее мнение обвиняет татар. Иногда и другие покражи делаются: недавно у одного, почти самого зажиточного нашего крестьянина, украли и изломали меду и ульев слишком на 400 р[ублей]. От сих несчастий ничто крестьян спасти не может. Оброк, кот[орый] мы берем с крестьян, совсем не так мал, как думает Матушка и другие. На пашне мы не получили бы на этот год никакого дохода; а оброк получили. ЕСТЬЛИ и на следующий год будет неурожай; то надобно будет половину оброка сложить на один год. От сильных рекрутских наборов много горести и бедствий в деревне. Нет почти ни одного семейства, неимеющего родственников самых близких в солдатах. Отдавая сына в рекруты, мужик отдает ему все что может и приходит в расстройство. После того дети, кот[орые] пишут к отцам, беспрестанно просят у них денег. Приходит сын на побывку, и отец опять расстраивает себя, чтобы отпустить сына с деньгами с лошадью. От этого бывают и недоимки в оброке. Нынешний год я купил одного рекрута, и таким образом крестьяне поставили одним

мене. Сие было так: Пазухин, кот[орый] помогает крестьянам нашим в делах их, получил от меня 3000 р[ублей] для покупки рекрутской квитанции. Не найдя квитанции, ибо их совсем там нет, он, с моего разрешения купил человека. Но этот человек, как мне сказывал Пазухин и в сем случае, кажется, не солгал, сам пришел к нему и просил купить его в рекруты, зная, что ему дано будет 100 р[ублей] награждения, потому что господин продал бы его другому для рекрутства же. Бедствий, от рекрутских наборов происходящих, нельзя себе вообразить. — Управление крестьянами плохо. Земской пьян беспрестанно. Староста также. Я хотел было сменить его; но он обещал не пить вина; и я его оставил. Но перед отъездом моим из Симбирска, он был у меня пьяный — от пива, как он сказал мне. Это меня очень огорчило. Но делать нечего. Этот староста, по крайней мере, не притесняет крестьян, не любит драться, и при рекрутских наборах сохраняет справедливость. Преемник же его, бывший в моем предположении, мужик расторопный и весьма исправный, но любит драться. Первого мужики любят; последнего не любят. Установленных мною старшин я ныне отменил; а оставил в помощь старосте двух десятских. — Тебе известно, что я определил деньги за 1-е изд[ание] моей книги на заплату недоимок казенных крестьян. Недоимок, в нашей губернии, и вообще нет или мало, ибо общества отвечают за частные лица. Юрьев отдал, из сих денег, 1000 р[ублей] погорелым казенным крестьянам; остальные же 900 р[ублей] я у него взял и роздал своим, прибавил к тому рублей 300 или 400 р[ублей]. Из сих денег мало досталось настоящим крестьянам: все почти дано сиротам и вдовам. Сирот у нас много, как по причине рекр[утских] наборов, так и по другим — в деревне я нашел много больных, особенно лихорадкою. Нанял в Симбирске лекаря за 200 р[ублей] в год и отдал к нему человека учиться прививать оспу и проч. за 200 р[ублей] же. За сим лекарем будут ездить по 3 и по 2 раза в месяц. Теперь я в ткацкой устроил маленькую больницу: летом же изготовится для сего бывшая фабрика. Лекарства купил там, и пошлю отсюда. — В Симбирске жить было очень весело и приятно. Аржевитиновы оба там; играют в карты; но мужикам их лучше других. Вообще они порядочные люди. Петр Петрович продает девок в замужество в другие деревни, господам, из всех своих деревень. Отцы и невесты воют; а П[етр] П[етрович] врет и не чувствует всего ужаса дел своих. Борис там;

но ничего не может сказать отцу своему. Да и сам он — как я к сожалению моему заметил — мало расположен к добру; хотя впрочем и ужасается поступками дядюшки. Прости! Я думаю, у вас известно уже о греках. Здесь много говорят.

171

1 апреля 1821 СП[етер]б[ург]. *)

По последнему письму твоему, любезной Сергей, от 15-го марта, мы видели, что ты нечего не знал о происшествиях, в Греции. С тех пор разнеслись здесь различные слухи. Слышно было, что вся Греция взволновалась, и что в Конст[антино]поле была резня, что погибло туту **) 400 000 челов[ек] с обеих сторон; и что миссия наша, вместе с министром, ушла на лодке. Вчера же мы слышали, что в Царьграде все спокойно покуда; но что между тем, многие семейства прибыли оттуда в Одессу.¹ Хотя во всех слухах много прибавленного, часто совсем небывалого и проч., однакож происшествия сии не оставляют нас без беспокойствия на твой щет, особливо же все сие будет весьма беспокоить Матушку. Почта царьградская еще не приходила. Ожидали к сему дню. Мы надеемся иметь от тебя письма. Везде кутерьма! А проку мало! Неаполитанцы подтвердили мое о них мнение весьма невыгодное, которое однакоже я было переменил, читая речи членов парламента, адреса и прокламации оного. Но народ не действовал так, как говорил парламент. Вряд ли и греки не подвергнутся той же участи, как неаполитанцы!² Но все это до нас не касается. Напиши нам, брат, что вы будете делать, и можем ли мы, здесь, иметь достаточные причины быть на твой щет спокойными.

Возвратившись из Москвы, я еще не принимался за прежнюю мою работу о ж[юри]. Об американском ж[юри] или, лучше сказать, о ж[юри] в Америке я ничего не читал. Меня остановили главы общие юридические и главы о ж[юри] в России. Тут может надобно прибегнуть к одному только Судебнику. Между тем, слышал, что отсюда потребовали Канкрин и Аверина (в отставке, в Дерпте, жившего) в главную квартиру, и во мне родилось

*) Архив, № 2373, лл. 38—39.

**) Так в подлиннике.

желание быть там же; тем более, что, в нынешних обстоятельствах здесь очень неприятно; я написал об этом к гр[афу] Нес[сельроде] и просил ему*) доставить мне какоенибудь место. Для меня это весьма было бы приятно. Но не беда, есть ли и не сделает. Буду жить здесь и писать. Лень иногда одолевает. Да и цензура отнимает дух. Вчера я заглянул в мою теорию налогов, и весьма часто находил такие места, которые и мне и всем казались тогда ничтожными, но которых ныне цензура никак бы не пропустила. Меня радует то, что я успел хоть чтонибудь сказать истинного. Теперь это невозможно. — Недавно Бетанкур через Ал[ексея] Н[иколаевича] Оленина и сам предлагал мне место при его управлении. Занятие мое состояло бы в составлении исторического описания всего того, что в России было сделано для путей сообщения, и в издании журнала ежемесячного о том же предмете. Жалования Бет[анкур] предполагает до 6000 р[ублей]. Сначала вместо себя я предлагал ему Куницына; но он не согласился; а предложил еще мне. В это время письмо мое к графу, Н[ессельроде] было уже отправлено; и потому я сказал Бет[ан]куру, что не могу дать теперь решительного отзыва. Он это принял за отказ; да и я говорил в том же смысле; ибо он хочет, чтобы журнал начал выходить с 1822 году; а нужно, по крайней мере, полгода для приготовления. Хотя дело дорог и каналов и не мое; хотя бы оно и отвлекло бы меня еще более о ж[юри], но жалование делало бы для меня сие место выгодным. Устрашила меня только la périodicité! Не издавая никогда ничего периодического, не знаю, трудно это или нет.

О возвращении государя здесь ничего неизвестно. Известно однакож, что три или четыре корпуса нашей армии, между которыми корпус гр[афа] Воронцова, командуемый г[енералом] Ротом, получили приказание выступить в поход, и, как уверяют, пойдут даже за границу. Может быть окончание дела войны с Неаполем остановит движение сих войск. Говорят, что и гвардия выйдет отсюда в Могилев и займет те места, из которых выступают армейские войска. Но положительного приказания о сем не было. — Чаадаев, будучи адъютантом Васильчикова, подал в отставку. Его следовало отставить полковником, ибо он служил более года в чине ротмистра. Вместо того его отставили тем же чином, неизвестно почему. — Недавно я слышал, что

*) Так в подлиннике.

кн[язь] Сергей Трубецкой, находящийся в Париже, женится на дочери графини Лаваль. — Михайло Петрович назначен в мае ехать водою во Францию. Тетушке это очень неприятно; но и ему здесь жить очень плохо. В Париже он будет жить у Демидова. Тетушка нездорова. Алексей Петрович в Новгороде очень страдает от гемороя. Ему делали операцию. Теперь лучше.

15 апр[еля] 1821 СП[етер]б[ург].*)

Мы получили письмо твое от 1-го марта, любезнейший Сергей. „Писать нечего, но пересказать было бы что“, пишешь ты. Но пиши нам о себе. Здесь ежедневно разносятся слухи, один другого нелепее; но между вздором может случиться и правда. Вчера, например, слышал, что все министры, кроме б[арона] Стр[огонова] из К[онстантино]поля уехали, опасаясь смятения против греков; и что б[арон] Стр[оганов] отвратил и оное своим заступлением пред турецким правительством. Здесь впрочем этими делами мало публика занимается, как потому, что не ожидают ничего слишком важного, так и потому, что внимание всех устремлено теперь на Лайбах, на Италию и на движение наших войск. Отсюда потребовали некоторых чиновников, между прочим Аверина. Как это, так и многие другие причины побудили меня просить графа Нес[сельроде] о доставлении и мне какогонибудь места, подобного прежним моим местам. Я ему писал письмо, сказав, что мне трудно было бы просить кого либо другого. Не знаю что он сделает. Я, кажется, не могу ничего ожидать; тем более, что министр фин[ансов], посылает уже от себя (как я слышал в Вену) чиновника для денежных переводов, именно барона Бюлера, пустого немца, не замаравшего рук своих около работы, ни около денег. Между тем из газет видно, что графа N[ессельроде] ожидают в Париже. Жена его отсюда едет к нему и продала своих лошадей. Я никому здесь не говорил, кроме братьев, о моем письме к гр[афу] N[ессельроде]. А здесь делать нечего. Заниматься кабинетною работою здесь и трудно, да и лень; по службе же

*) Архив, № 2373, лл. 40—41.

у меня совсем нет никаких занятий. Президент нашего Деп[артамен]та, гр[аф] Головин, несколько уже времени болен и не встает с постели. К тому же и дела советские редко бывают обсуждаемы так, как следует.

Погода у нас теперь прекрасная. Вчера я был во франц[узском] театре. Я думаю, я писал уже тебе о предложении ген[ерала] Бетанкура мне: издавать, по части сообщений, журнал и составить обозрение того, что в России по сей части было сделано. Вместе с тем предлагали мне 6000 р[ублей] жалованья. Я отказался, не зная этого дела и не имея охоты заниматься не моею частию. Впрочем предложение сие было сделано после того, как я написал письмо к гр[афу] N[ессельроде] — Штейн, как я вижу из газет, находится все еще в Риме. И его посмотреть еще раз в жизни, стоило бы того, чтобы отсюда ехать. — Бывший адъютант гр[афа] В[оронцова] кн[язь] Голицын, женатый на гр[афине] Стр[огановой], с которым я обедал вчера у Льва Перовского, тебе кланяется. Он сказывал, что гр[аф] Вор[онцов] вероятно будет командовать сам своим корпусом, которой пошел за границу. Гвардия выступает отсюда 28 сего ме[ся]ца. Ей назначено итти в Витебск. За границу же идет тысяч 60 или 100 или 120, как говорят. Говорят также, что командовать сими войсками будет Ермолов.¹

Брат Ал[ександр] Ив[анович] посылает тебе две проповеди, при погребении Михаила говоренные. Живущему русскому вне отечества ничего другого послать нельзя. У нас только что одни проповеди теперь пишут и писать можно.

Мих[аил] Петрович собирается ехать во Францию водою. Алексей Петр[ович] намерен приехать сюда. Он страдает от гемороя.

Сперанский теперь здесь. Все к нему и он ко всем ездит. Я был у него в Симбирске. Здесь раза два встречал его; но у него не был.

Прости, любезнейший! Не пропускай, как до сих пор, ни одной почты; и напиши о себе.

Твой Н. Т.

16 апр[еля 1821 г.]. *)

С приехавшим вчера сюда курьером получено известие, что генерал La Tour, командующий королевскими войсками в Пиэмонте, вместе с несколькими австрийцами, под командою Бубны, разбили пиэмонтских инсургентов; заняли Турин, и осадили в последних ретраншементах инсургентов александрийских. Таким образом и пиэмонтские дела приведены к концу. Мне сказывали, что графиня Нессельроде, собравшаяся вчера выехать отсюда к мужу, отложила свое путешествие в следствие сих новостей. Некоторые полагают, что и государь, может быть, скоро сюда приедет. Но приказ о выступлении гвардии остается неотменным.

О К[онстантино]поле и о делах Молдавии и Валахии, об Али и об Ипсиланти здесь ежедневно проносятся слухи, один страннее другого: а публика наконец изверилась, и ничему не верит. Все вести могут только приходить из Одессы. Прямо же из Царьграда ничего неизвестно. Здесь мало греков; но зато в Москве их много, и, от нечего делать, они, вероятно выдумывают или украшают выдуманное. Из газет иностранных также ничего неизвестно. Покойны-ли вы, русские в Ц[арь]граде? Б[арон] Стр[оганов] и патриарх играют большую роль в рассказах греческих. Наконец им мало показалось и Ипсиланти и Али, и они соединили с греческими судами корабли американские. Али крестят, дают ему несколько имен, одно славнее другого.

Прости — весь твой Н. Т.

Адрес: Сергею Ивановичу Тургеневу.

1 мая 1821 СП[ереп]б[ург]. **)

Мы получили письмо твое, любезнейший Сергей, от 6 апреля, через Одессу. Ожидаем писем твоих через гр[афа] Толстого. С сею же почтою получено здесь известие, что в Царьграде начались самые ужасные беспокойства, ко вреду христиан, и что

*) Архив, № 2373, л. 42.

**) Архив, № 2373, лл. 43—44.

сии последние находят только убежище в домах различных иностранных министров. Пишут даже, что и миссия наша не вне опасности.¹ Все это не оставляет нас без беспокойства. Не пропускай, по прежнему, ни одного случая, писать к нам и особливо к Матушке, которая теперь имеет основательные причины беспокоиться на твой счет. О происшествии в Греции мы не имеем здесь никаких основательных известий. Из Одессы пишут много и разнообразно.

У нас апрель был прекрасный. О движениях нашей армии известно здесь, что 1-я армия получила приказание остаться по прежнему на мирном положении. Гвардия же продолжает выступать отсюда к Витебску и Могилеву. Один или два корпуса второй армии идут, как видно из австрийских газет, через Венгрию в Италию. Говорят, что корпус Рудзевича займет Пиемонт. А генерал Фуа говорит в камере депутатов: *Les armées Russes traversent la Hongrie et la Volhynie!!!* А верно он был в России в 1812-м году. Или нет! Он был, в то время, кажется, в Неаполе. И так, как французу, ему позволено не знать, где Волынь. *Oesterreichischer Beobachter* уверяет, что возмущения итальянские и греческие произтекают все из одного источника. Центр всех возмущений есть, по его словам, Париж. Оттуда инсургенты всего света получают инструкции и проч. и проч. И так *Benjamin* и *Lafayette* переписываются с Али!²

Все это смешно; а, право, мы на твой счет не совсем спокойны. — Брат собирается ехать на воды, в Тверской губернии, в деревне г[рафа] Кушелева находящиеся. Впрочем он теперь здоров. Но лекарь говорит, что для гемороя, которым брат страдал, не худо побывать на этих водах. Я, от нечего делать, опять принялся за жюри. Эта работа меня занимает, так, что я в отношении к самому себе, доволен теперешним моим положением; хотя конечно мог бы куда-нибудь поехать и на что-нибудь более полезное. Но у нас не до того, кажется. В Совете я не имею теперь никакого занятия. Департамент наш вовсе не собирался по сию пору, за болезнь председателя графа Головина. С больными и находящимися в отпуску, во всех четырех департаментах остается теперь 6 членов, кроме членов общего собрания; почему все члены деп[артамент]ов будут соединены вместе для рассматривания всех дел вообще. Совет наш из канцелярского дома переводится во дворец, ибо сей дом будут ломать для продолжения перестройки дворцовой

площади. — На сих днях я отправил несколько различных лекарств и инструментов для больницы в Тургеневе. Лекарь порядочно туда ездит и лечит крестьян. Не знаю каков то у нас будет урожай. Во многих губерниях, кот[орые] терпели в сей год недостаток и даже голод, говорят и на будущий год нет надежды на урожай.

Уваров подал в отставку от попечительства, но имел слабость остаться президентом Академии. Куницын, исключенный из Министерства просвещения, определен в Мин[истерство] финансов с 3000 р[ублей] жалованья. Спасибо Гурьеву! — Сперанский теперь здесь. Полагают, что он не воротится уже в Сибирь. Различные места здесь публика ему назначает.

Государя ожидают сюда. Говорят, что 2-го мая он будет в Варшаве. Полагают, не знаю почему, что государь не долго однако же пробудет в П[етер]бурге.

Прости, любезнейший! Бог да сохранит тебя.

Твой весь Н. Т.

175

15 мая [1821 г.] СП[етербург].*)

Сей час узнаю — и, к несчастью, известие, кажется, справедливо, — что Баранов, один из самых коротких приятелей моих, умер. Он, как я слышу, поехал осматривать свою губернию, дорогою занемог, и в пятый день умер. Это известие для меня весьма печально. Я всегда видел, что он был ко мне расположен весьма хорошо. Я не со многими связан так был, как с ним, и в нем видел те же чувства. Он, как и все люди, имел свои слабости; но не сердился, когда я восставал против них. Неужели на половине пути надобно уже лишаться спутников! Мы этого не замечаем — пока под старость остаемся одни. Бедной отец, бедная мать! Они его, а он их очень любили. Его жалеть должно и потому, что он был честной и умной губернатор, что у нас редко, очень редко.

От тебя мы не имели писем недели с три. Мы слышали, что гр[аф] Толстой от вас отправлен, и надеемся получить с ним

*) Архив, № 2373, лл. 45—46.

и письма твои и известия о тебе. Мы слышали также, что Дашков теперь в Ц[арь]граде и оставлен посланником там. Здесь различные известия о К[онстантино]поле, Пизани приехавший сюда из Лайбаха, рассказывал брату о вашем положении: оно неприятно и даже опасно. Недавно же здесь говорили, что в К[онстантино]поле стало покойнее. О происшествиях греческих мы узнаем по газетам, которые, однакоже, как говорит Сын Отечества, противоречат в известиях.— Так, верно, никакой журнал не пишет. По крайней мере надобно было бы сказать о самих известиях, не довольствуясь сказать, что они противоречат одно другому.

Мериан пишет нам, что он отправил к вам три ящика с твоими книгами в начале апреля. Ожидаем их спокойно; ибо они застрахованы. Книги твои, иеромонахом в Одессе оставленные, также сюда присланы будут.— Я продолжаю заниматься книгою моею о Jury. Какая противоположность между моим и твоим положением! Я в полной мере живу спокойно. Утро занимаюсь жюри, по вечеру читаю Juвпное¹ и 9-й том Истории Карамзина. А ты! Пизани сказывал, что вам и из дому вытти нельзя; что беспрестанно народ толпится у дверей посланникова дома и проч.

Хотев в одной из глав моей книги сказать несколько слов о теории преступлений и наказаний, я заглянул в тетрадь, писанную мною на лекциях Гёде об уголовном праве. Потом заглянул в Бентама. Философическая часть уголовного права отделана немцами чрезвычайно. Прочие народы настоящие дети в сравнении с немцами в предметах, до философии касающихся. Жаль, что англичане и французы мало знают немцев.

Апрель был у нас прекрасный. Май северный и холодный. Прости, будь здоров. Кланяйся Дашкову.

Весь твой

Н. Тургенев.

176

30 мая 1821. СП[етер]б[ург]. *)

О Конст[антино]поле с некоторого времени здесь ничего не слышно. Касательно же тебя в особенности мы слышим противо-

*) *Архив, № 2373, лл. 47—48.*

положности. Гр[аф] Т[олстой] говорит, что тебе, по особенным причинам, отменно надоело в Ц[арь]граде. Это же можно было заметить и из разговора, кот[орый] брат имел с гр[афом] Н[ессельроде]. Но Катак[ази] говорит, что это пустяки. Он был у брата. Я его не видал. Он, видно, тебя очень любит. Он думает, что есть ли ты подолее поживешь в Ц[арь]граде, то все обойдется, и будет хорошо. Я думаю, что в ремя есть вообще самое дурное лекарство, ибо оно служит только тогда, когда нет надежды ни на что другое.

Сию минуту получаем письмо твое от 7 мая. У вас продолжают злодействовать, пишешь ты. Я не знаю, зачем европейские министры смотрят на все это. Что теперь могут сделать переговоры дипломатические? А в таком случае и дипломатам лучше бы удалиться.—И в Инвалиде начали печатать о резаньях и о прочем и потому я и боюсь, чтоб эти известия не дошли до Матушки. Впрочем она писала, что слышала о смерти патриарха и архиереев.¹—Государь возвратился сюда 24. Теперь, кажется, мы скорее будем знать новости ваши, чем прежде; ибо курьеры прямо сюда будут ездить. Нового, с приезда государева, здесь ничего нет. Гр[афу] Нессельроду определено министерское жалованье с 1820 (т. е. 12 т[ысяч] р[ублей] асс[игнациями]), а граф Каподистрия получил аренду, говорят, в 20 и более тысяч рублей серебром дохода.—Здесь публика беспрестанно определяет Сперанского. Не может найти ему достойного места. Министерства одного, кажется ей, для него мало. И потому она соединяет М[инистерство] юстиции и М[инистерст]во вн[утренних] дел, поручает их Спер[анско]му в качестве генерал прокурора. Иногда же публика говорит, что он будет, по прежнему госуд[арственным] секретарем.

Camille Jordan умер, и левая сторона предложила, подпискою, воздвигнуть ему памятник. Еще одним честным человеком менее на земле. А в теперешних обстоятельствах Франции честные люди нужны, более, нежели когда либо.

Блулов третьего дня отправился в Carlsbad. Он все нездоров. Желая ему, душевно, выздоровления: человек весьма честной и благородный, хоть и ленивый; ибо ничего, в жизнь свою, не написал, имея талант необыкновенный.

Книги твои из Парижа еще не пришли сюда. Я посылаю, по требованию Мериана (для Клапрота), к нему некоторые русские книги.

Возвратившийся сюда кн[язь] Лопухин рассказывал, что он видел Старынкевича. Сего последнего уверили, что он болен и он прибегнул к Neuges Gur или Kur, от чего действительно очень ослабел. В Ахене арестовали его именно за долги, а вместе все книги к[нязя] Лоп[ухи]на, у него бывшие. Старынкевич, как я слышал, не иначе путешествует как с паспортами не на свое имя, ибо везде опасается арестации за долги. До чего может человек с любым характером унизиться. Для слабых-то людей еще справедливее, что „il n'y a que le premier ras qui coute“.

В течение всего мая погода была у нас скверная. Сегодня тоже. А у нас, в Летнем саду, сегодня в духов день, гулянье. Дождь, вероятно, его расстроит. Право, несносно из трех летних месяцев лишиться одного, а может быть, и всех.

Я не помню, что ты писал ко мне с отцом Мельхиседедом. Кажется ничего особенного не было; потому, может быть, я и не отвечал.

Прости! Не пропускай, пожалуйста, ни одного случая уведомить нас о себе; пиши чаще, как можно. Теперь это не роскошь, а действительная необходимость. Прости!

Твой Н. Т.

177

15 июня 1821 СП[етер]б[ург].*)

Последнее письмо твое, любезнейший Сергей, было от 7-го мая. С тех пор мы хотя и получили письмо твое, но старое, с Мингани от 21 апреля. Говорят, что здесь есть известия из Ц[арь]града от 19 мая. Известия, с газетами получаемые, часто несправедливы, а последние противоречат одно другому. В Correspondenz-Nachrichten der Allgemeinen-Zeitung стоит, что Пера вся была выжжена, и что после сего пожара, не могли отыскать русского министра и его свиты,¹ но это известие от 17 мая н. ст., т. е. от 5 ст. стилия, а письмо твое было от 7-го. Теперь и в Инвалиде печатаются известия о греческих и турецких делах из иностранных газет переводимые.² Об Ипсиланти

*) Архив, № 2373, лл. 49—50.

мне сказывали недавно, что он страстно был влюблен в дочь ген[ерала] Раевского, на которой теперь женился Мих[аил] Орлов. Не знаю, правда ли.

Книги твои сюда еще не приходили. Я купил для Мериана те книги, которые он желает иметь для Клапрота, и на сей неделе надеюсь их к нему отправить.

Новости, с приезда сюда государя, состоят в следующем:

1) Отставлен сенатор гр[аф] Стройновский, заслуживший весьма дурную репутацию по процессам, которые он имеет в польских губерниях, так, что по одному процессу некоторые сенаторы полагали, удовлетворив противную сторону, посадить Стр[ойновско]го в тюрьму на две недели, но так как он сенатор, то представить о сем выше.

2) В Г[осударственный] совет сделано три новых члена: граф Морков, бывший посланником в Париже, кн[язь] Волконский, нач[альник] штаба, и граф Карл Васильевич фон Нессельроде.

3) В Комитете министров, по мнению гр[афа] Милорадовича, г[осударе]м имп[ераторо]м утвержденному, положено: отдать под суд обер прокурора Вейдемейера и обер секретаря, сделав выговор и сенаторам того депар[тамен]та за двоякое, различное решение по одному и тому же делу. Об этом все говорят, но указа еще нет.

Наш президент Деп[артамен]та экономии, граф Головин умер, оставив после себя 6 м[иллионов] 600 т[ысяч] р[ублей] долгов, на уплату коих неостанет его имущества. Учрежденная по делам его комиссия предполагает разыграть имение его — 5000 христианских душ — в лотерею. Кредит его до самой смерти был самый пространный. Все старались отдать ему свои деньги. Множество небогатых иностранцев, учителей, актеров, имели у него все свои капиталы. Некоторые жили процентами с оных в чужих краях, И граф[иня] Разумовская, в Париже живущая, имеет на гр[афе] Гол[овине] 78 т[ысяч] р[ублей]. На место его никого еще нет в деп[артамен]те не назначено. Говорили, что будет кн[язь] Ал. Куракин, но не подтвердилось.

Государь, как сказывают, едет осматривать Новгородские поселения; потом поедет посмотреть гвардию, в августе; а зимою или весною, будет новый конгресс, как из австрийской официальной ноты видно.

Каразин из крепости выпущен и ему велено жить в деревне.

Сперанского публика назначает то туда, то сюда, даже выдумывает ему места новые. По сию пору ничего еще нет. Уверяют однакоже, что в Сибирь он уже не поедет.

Бедный Ив[ан] Ив[анович] Козлов совсем почти ослеп, не может распознавать людей. Недавно он писал к М^{ме} Krudener, что желает ее видеть. Она приехала и проговорила часа два, обещав опять навестить его.

Мих[аил] Петр[ович] Пут[ятин] поехал в деревню с Ал[ексее]м Петр[овиче]м. Он твердо намерен ехать в сентябре в Париж; но не знаю как это сделать можно будет. Тетушка беспрестанно больна и весьма слаба.

Наконец дня с три мы пользуемся (есть ли не наслаждаемся), хорошею погодою. Прощай. Пиши к нам чаще. Матушка беспокоится о тебе.

Прощай. Весь твой Н. Тургенев

178

22 июня [1821].*)

После отправленных к тебе писем наших мы узнали о всей опасности, в которой ты и другие русские находятся. Все представляется мыслям нашим, совершенно смущенным сими ужасными новостями. Есть ли не будет от тебя долго писем, то мы не будем знать что делать и что писать к Матушке. Она и теперь в больших беспокойствах, не зная еще ничего обстоятельно. Что будет!

Брат обедает сегодня у гр[афа] Каподистрии.

Пишем к тебе с отправляющимся сегодня курьером или почтою — не знаю. — Неужели нет никакого спасения? — Трудно думать и ужасно.

Н. Т.

179

30 июня [1821 г.].**)

Мы получили сейчас письмо твое от 15 июня. Не о перемещении и не о чем подобном дело, — но о спасении твоём,

*) Архив, № 2373, л. 51.

**) Архив, № 2373, лл. 52—53.

любезнейший Сергей, т. е. о спасении всей нашей миссии. Нам, во всех подробностях, достоверно известно положение ваше, и, по всем соображениям, я никак не могу предвидеть вашего освобождения. Одно только непонятное а в ось дает некоторую надежду. Вот уже неделя, как мы, узнав в точности о беде, в которой вы находитесь, не знаем что думать. Я не помню такого тяжелого для меня положения. — Ты пишешь, что вместо товаров корабли, ходящие по каналу, наполнены спасающимися. Следственно можно еще спастись? Но у них, видно, нет гвардии охранительной! — Как бы то ни было, но письмо твое нас весьма обрадовало и ободрило, потому что мы его не ожидали. Но содержание его однакоже произвело сие действие, хотя ты и пишешь, что мы не должны о тебе очень беспокоиться. Произшествия важны, велики, но они не могут однакоже в важности своей поглотить чувств индивидуальных. Этого и требовать нельзя. Но отстраняя даже индивидуальность я не могу отдать всего моего внимания, или даже большей части оно, произшествиям, вне моего отечества случающимся. Потому-то слухи о войне, которая кажется быть у нас популярною, увеличивая беспокойство мое, делая положение моего духа еще более смущенным, не вынуждают от меня решительного мнения на счет сей войны. Напротив того, имея в виду между государствами одну Россию, и между народами одних русских, я никогда не дал бы голоса моего ни для какой войны, кроме войны оборонительной. — Почему народы, упредившие других в устройстве гражданском, мало занимаются другими? — Единственно потому, что они, вследствие сего устройства, имеют более причин любить свое отечество.¹ И так любовь к от[ечест]ву делает нас равнодушными к прочим народам. В слове Фенелона: что „он любит семейство свое более себя, отечество более семейства и род человеческий более от[ечест]ва“, справедливо только первое. Все прочее есть афектация, которой Фенелону должноствовало бы быть чуждым. — Я сам не знаю как я заговорился. Теперь я не могу ничего делать, ни о чем думать, кроме как о тебе. Есть ли что делаю, то машинально. — Чтонибудь решительное узнаем мы в конце июля, а вы в начале июля. Какой ответ? — Признаюсь, я ничего не предвижу утешительного.²

Часто я воображаю себе, что миссия наша уже в Одессе. Нечего не может быть для нас щастливее сего — но может ли это быть?

Знакомый твой о тебе осведомляется. Лобанов, брат бывшего адъют[анта] гр[афа] В[орондо]ва, возвратившийся недавно из Парижа, сказывал мне, что и там многие у него о тебе спрашивали, при теперешних обстоятельствах Турции.

Прости! Любезнейший! Пиши когда только возможно. Да говори не обвиняя о том, что вас ожидает. Мы только это знаем.

Н. Т.

180

2 июля [1821 г.]*

Третьего дня мы писали к тебе, любезнейший Сергей, с отправившимся отсюда курьером в Вену, Малиновским. Из Вены бумаги будут посланы к вам. Они, как я слышал, содержат в себе повторения или копии тех, которые прежде к вам посланы. Все будет зависеть от того, какой вам ответ сделан будет. Это должно для вас решиться в половине или в конце сего ме[ся]ца. Я с нетерпением, но вместе и с большим беспокойством ожидаю сего ответа. Тут решится участь ваша. Но может ли она решиться отъездом из Царьграда? Напротив надобно думать и здесь думают, что вы должны будете переменить Буюкдере на семибашенную. Пожалуйста, брат, напиши что вы об этом думаете, и что полагаете делать, есть ли впрочем вам полагать можно.

Письмо твое от 15 июня, третьего же дня нами полученное, и на которое мы отвечали, не успокоило нас, но обрадовало. Матушка, как мне пишет Иван Степанович, несколько успокоилась, получив письмо твое от 5-го июня. Но ее постигло новое горе: тетушка Марья Семеновна скончалась 26 сего июня в своей подмосковной. Иван Степанович и Наталья Федоровна пишут мне, что, по получении сего известия, Матушка хотела было туда ехать, но ей отсоветовали. Н[аталья] Ф[едоровна] Ртищева поехала тут с гр[афи]нею Орловою и с Ив[аном] Степ[ановиче]м и нашла Александру Ильиничну в ужасных истерических припадках. На другой день тело перенесено в Москву для отпевания в приходе и похоронения в Девичьем монастыре.

*) Архив, № 2373, лл. 54—55

Александрю же Ил[ъинич]ну хотели привезти к Матушке. Тетушка скончалась неожиданно. Не знаю от удара или как?

Здесьняя наша тетушка все нездорова и слаба. Несмотря однакоже на сие, она едет завтра в деревню. Мих[аил] Петр[ович] туда уже уехал с Ал[ексеем] Петр[овиче]м. М[ихаил] Петр[ович] намеревается ехать отсюда в сентябре в Париж. Не знаю как он будет там жить.

Здесь беспрестанно говорят о войне. Слышно из Европы, что и там мнение общее в пользу войны. В Европе, не принимающей в сих делах прямого участия, можно желать ее; но нам — не знаю. По крайней мере я ее не желаю, и не желал бы даже и тогда, когда бы тебя не было в Царьграде. Нынешний год был голод в некоторых губерниях, особливо в Черниговской. Ал[ексей] Перовский, живущий там у гр[афа] Разум[овско]го, пишет мне, что и на будущий год они не могут ожидать ничего лучшего. В других губерниях градом выбило хлеб. У нас на низу, по последним известиям, было порядочно. Не знаем что впредь будет.¹

Из письма твоего к Мингани, которое он показывал брату, видно, что дамы уже отправлены от вас. Что же ты к нам об этом не пишешь? В случае разрыва отправитесь ли и вы? По крайней мере имеете ли надежду отправиться?

Пиши, брат, чаще как можно и все. Все твои известия не могут быть хуже слухов.

Прости. Твой Н. Т.

P. S. Я отыскал два письма твои, с от[цом] Мельхиседеком писанные. В одном ты упоминаешь 1) о деле, в Совете кораблекрушение претерпевшем,² 2) О том, чтобы перебраться со временем в Грузию — во втором 3) Описываешь неприятность и вместе выгоды своего теперешнего положения. 4) Пишешь о верующем письме на часть твоего жалованья. 5) Говоришь, что годовое жалованье есть лучшее награждение.

О 1-м нет надежды, чтобы теперь это дело всплыло. Обстоятельства, в воображении существующие, тому причиною.

О 2-м. Грузинский человек³ приманчив, но в нем не найдешь пищи для души.

О 3-м. Эти неприятности везде, и здесь их теперь более, нежели где либо, особливо для нас, имеющих образ мыслей постоянный и не очень подобоострастный.

О 4-м. Есть ли у тебя могут оставаться деньги от жалованья, то ты лучше сделаешь, ежели будешь их беречь. Это не мудрено. Надобно и в расходах иметь правила и теорию. Без теории, сказал недавно R[o]yer] Collard, часто самые благонамеренные люди не знают что делать в известных обстоятельствах; но и делая, не знают, что они дурно делают. Нам же денег не нужно. Мы получаем весь деревенский доход, и теперь лежит у меня в ящике около 5000 р[ублей]. Но мы живем очень экономно, и деньги эти, par le temps qui court, очень могут пригодиться. Тебе тоже советую сделать. И тебе, на всякой случай, при себе не худо иметь какую нибудь сумму чистыми деньгами.

В 5-м совершенно согласен. Шатобрианова Itinéraire⁴ у нас нет.

Н. Т.

181

7 июля 1821.*)

Мы писали тебе два раза, любезнейший Сергей, по получении твоего письма от 15 июня. Это письмо поручается отправить из Одессы г[осподи]ну Мингани, которой туда правительством отправляется. Там теперь должны находиться дамы, от вас уехавшие. Здесь никаких новых слухов на счет Царьграда нет. Ожидать надобно ответа от туда. Между тем все у нас говорят о войне. Я боюсь, что объявление о ней увеличит неприятность вашего положения. Недавно я слышал будто посланник, ходя гулять, бывает часто на фрегате вашем, дабы приучить людей видеть его на оном. Но этому известию не верю. Мудрено и не согласно с прямыми известиями.

По газетам видно, что против греков турки не предпринимают ничего положительного, оставаясь при своей системе губительства и разрушения. — Теперешнее молчание молвы о делах Константинопольских, — что оно предвещать может? — Бурю ли или некоторое успокоение? — Пожалуйста, брат, пиши. Теперешние известия решительны. Я думаю посланнику лучше трактовать с турками из Одессы, нежели из Буюкдере. Но можно ли попасть в Одессу?

*) *Архив, № 2373, лл. 57—58.*

Здесь, в отношении к делам внутренним нет ничего нового. Сперанский, как говорят, занимается теперь делами Сибири. Предполагают, что сему краю дано будет новое устройство. Сам же Сперанский, как с достоверностию утверждают, будет начальником Коммиссии составл[ения] законов и членом Деп[артамент]а законов в Гос[ударственно]м совете. Я думаю, что лучше сего ничего нельзя для него придумать. Он может приобрести себе славу и признательность России, устроив наше законодательство. Лет в 5 можно много сделать.

Ермолов, кот[орый] теперь здесь, отправляется, как сказывают, в Грузию. Он очень привязан к тамошнему своему месту, занявшись устройством сего края.

Тетушка Варв[ара] Сем[еновна] отправилась в деревню, несмотря на слабость своего здоровья. К Александре Ильиничне мы писали. Она в жалком положении.

Михайло Петрович вчера поехал в деревню к тетушке В[арваре] С[еменовне], а оттуда хотел ехать в Москву к Ал[ександре] Ильин[ичне].

Книги твои еще не приходили. Я, по смущенному расположению духа, не могу заниматься моим жюри. Но будучи обязан работать по службе, занимаюсь делами советскими.

Прости, любезнейший! Будь здоров! Когда-то бог приведет нас увидеться!

Твой весь Н. Т.

9 июля.

По сию пору ничего не слышно о Ц[арь]граде. В гамб[ургских] газетах я читал, что через Гамбург проехал турецкий курьер в Англию. Кажется, что англичане собираются in Trüben fischen, хотя Londonderry и порядочно говорил о греч[еских] делах в парламенте.¹ В Инвалиде запрещено помещать политические известия, вероятно за переведенную статью о вашем банкире Danesi, искаженную в иностранных газетах.²

Мы получили письмо твое, любезнейший Сергей, от 23 и 26 июня, вчера. Мы пишем к тебе различными дорогами. Вы:

*) *Архив, № 2373, лл. 59—60.*

ожидаете известий отсюда, а мы от вас о т в е т а. Я писал к тебе о слухах, здесь вообще носящихся, о популярности сих слухов; Вчера мы узнали, что действительно сии слухи основательны, все готовится. Видно ожидают ответа неудовлетворительного. Основательность сих слухов для нас весьма неприятна; ибо событие их*) может быть, и весьма вероятно, скорое, должно быть пагубно для вас. В противном случае можно было бы надеяться, что вы останетесь, по возможности, спокойными и современем выбраться можно было бы и из Царьграда. Но теперь как ожидать спокойствия и возможности уехать? — Вчерашнее известие о достоверности слухов весьма нас смутило. Не слыхав долго совершенно ничего, мы начинали было быть покойнее. К тому же я читал в иностранных газетах, что Порты хочет иметь посланников в Вене, Париже, Лондоне, и для того отзывает своих поверенных в делах. Есть ли это справедливо, то турки начинают следственно постигать некоторые правила права народного.

То, что брат Ал[ександр] Ив[анович] писал о тебе собственно, конечно имеет вид совершенный сплетней. Маленькой человек говорил сам не зная что, вероятно по чьему нибудь внушению. Aber wir können nicht da hinten kommen. Во всяком случае экспликация твоя должна быть, есть ли будет, осторожна; ибо изяснения фраз требовать трудно. Мне очень досадно было узнать суждение N[ессельроде] тем более, что они очевидно были неосновательны, и несогласны с отзывами другого. Но, право, я об этом и не думал, так как и ни о чем другом, с тех пор как мы узнали о таком положении вашем. Да и тебе, я думаю, теперь нечего об этом много думать.¹

Здесь получены известия, подтверждающие газетные о совершенном разбитии Ипсилантия и о изтреблении его войска. У вас, я думаю, это прежде нашего известно было.

Известны ли тебе Réflexions Hist[oriques] et pol[itiques] sur l'Empire Ottoman par C. L. D... (Duval?) Мне дали также читать в рукописи письма его к министру и проч. из лагеря вел[икого] визиря во время войны 1769. Говорят тут есть любопытные вещи, касательно затруднений в продовольствии. Я еще не прочел. — Книги твои еще не проходили. Комиссия Мерианова кончилась. Теперь дело идет о взаимных денжных награждениях. Не знаю что из него будет.

*) Так в подлиннике.

Матушка пишет, что она, есть ли сможет, поедет с Ал[ександрой] Ильиничной в Ростов. — Зовут меня в августе в Москву, но в августе мне никак нельзя отлучиться, за множеством дел, из Совета. В сентябре же, может быть, я туда поеду. Ермол[ов] едет в свою Грузию. Его присутствие полагают там нужным и по делам, до Грузии и Персии не касающимся.

Прости, брат! Пиши, есть ли нельзя делать более!

Н. Т.

183

17 июля [1821 г.]*)

Спасибо за письмо от 29 мая. Хорошо, что ты его написал, потому что посланного с курьером сухопутным мы еще не получали. Газеты различное говорят о происшествиях в Ц[арь]-граде. Во вчерашних гамбургских описан спор министра с визирем о банкире Danesi или Danoli, которого правительство посадило в тюрьму.

IX т[ом] Карамзина к тебе давно уже послан. Его можно назвать: Les galantries de l'Histoire de Russie. Карамзин хорош, когда он описывает. Но когда примется рассуждать и философствовать, то несет вздор. — Здесь многие находят, что рано печатать историю ужасов Ивана царя.

Спасибо за намек о жюри шотландском. В твоих книгах я надеюсь найти кой что о сем предмете, которым я продолжаю заниматься. Не знаю как сладить с двумя главами: о следствии и о теории наказаний и преступлений, которые я изложил на черно, по Göde Criminal-Recht, но которые выходят слишком пространны, в отношении к главному предмету. Теперь я перечитываю Бентама. Сколько ума! Может быть система его неудобноисполнительна, но он заставляет думать. Печально видеть, что из множества истин, столь ясно и столь давно в теории доказанных, так мало перешло еще в практику! Многие истины так часто были повторяемы, что сделались triviales, а есть ли предложить исполнить их на практике, то закричат: новость, новость! Опасные перемены! Как будто ум человеческий делает успехи для того только, чтобы изощрять самого себя!

Прощай!

Н. Т.

*) Архив, № 2373, л. 61.

19 июля [1821 г.]*)

На сих днях мы писали к тебе, в ответ на твои письма от 23 и 26 июня. Письма твоего от 1-го июля, которое ты обещаешь, мы еще не получили. Известия, которые должны притти от вас в конце сего ме[ся]ца, должны быть решительны. Те, которые думают знать турок, говорят, что от них трудно получить решительный или категорический ответ. Мне же кажется, что ответ иного рода будет признан неудовлетворительным. Этого-то я и боюсь. Между тем все здесь говорят о войне. Во вчерашних газетах берлинских описан переезд миссии из Перы в Буюкдере и сказано, что турки не дали перевести бумаг и домашнего скарбу. Это мы и прежде знали. Вообще известия, из австрийских газет почерпанные, весьма основательны.

В манускрипте Деваля (Deval) замечательно описание недостатка в продовольствии, существовавшего в компании 1769 года. Этот Deval был драгоманом французским, следовал с главной квартирою визиря, и при всем том его лошади падали от недостатка в корме. Из напечатанных вероятно его же *Réflexions* (в 1802) видно, что он и другие французские чиновники, во время кампании египетской, были заперты в семибашенной. Из манускрипта же видно, что Deval и другие иностранные агенты желали и советовали туркам освободить Обрескова. Каким образом Италинский в последнюю войну мог выехать? Это доказывало, что Турция постигла было, наконец, самые простые правила права народного. Но теперь, кажется, они их опять забыли, и обращаются к прежнему своему варварству. Да и вы—чего смотрели? У вас был фрегат. На что он был вам прислан? Посылка его была приглашением и вместе позволением.

Сегодня мы получили письмо от Матушки. Она продолжает беспокоиться о тебе, по многообразным слухам. Она поехала теперь, думаю, в Ростов с Алекс[андро]ю Ильин[ично]ю и хотят там говеть. В Москву же возвратятся к 12 августа. Зовут меня в Москву. В августе мне ехать нельзя, ибо в Совете много дела. Надеюсь съездить туда в сентябре с дилижансом, кот[орые] очень хороши и полюбились публике. За две недели надобно записываться, чтобы получить место. Много охотников.

*) *Архив, № 2373, лл. 62—63.*

Мих[аил] Петр[ович] пишет из деревни, что с Алексеем Петро[вичем] делаются сильные припадки от гемороя, так что два такие припадка лекарь почитает легкими ударами. Тетушка в своей деревне, но не знает, что Ал[ексей] Петр[ович] там болен.

В берл[инских] газетах пишут, что банкиру Данези отрубили голову. Все ужасы и сия казнь в особенности показывают как-то должно быть положение русской миссии. Мы стараемся успокаивать Матушку; но сами в ежеминутном беспокойстве и смущении.

По уведомлению здешнего банкира, книги твои, 3 ящика, пришли в Кронштадт. Также и отданный мною сему банкиру ящик с книгами к Мериану отправлен.

Сперанский сделан начальником Ком[иссии] сост[авления] законов, по случаю отпуска князя Лопухина на 2 ме[ся]ца. Повидимому Спер[ански]й окончательно останется в Коммиссии, а князь председателем Госуд[арственного] совета.

Прости, любезнейший! Будь здоров!

Прости. — Твой Н. Т.

185

2 августа [1821 г.]*)

В конце июля ждали от вас известий с решительным ответом; но по сию пору ничего не получено. Это обстоятельство, различные слухи из Вены о заключении послан[ника] в 7-баш[енную], помещение сего же известия в газетах франкфуртских всех принимающих участие непосредственное в делах Конст[антин]польских привели в беспокойство. Кораблей в Одессу также не приходило. С другой стороны говорят, что в Вене или в Одессе есть известия из Ц[арь]града от 4 июля нашего стиля, и что там все было по прежнему. Между тем слухи о войне продолжают; но, кажется, нет никаких приготовлений важных. По газетам видно, что турки превращают в пустыню и Молдавию и Валахию. Последние газеты содержат ответы рейс-эффенди различным иностранным послан[ника]м,

*) Архив, № 2373, лл. 64—65.

делавшим представления о поведении Порты против русского министра. Не знаю все ли это справедливо; но весьма вероятно. В сем ответе р[ейс-эф]енди говорит, что турецкое прав[ительств]о никак не желает войны с Россиею. — Есть ли оно хоть несколько понимает свои выгоды, то конечно мудрено ему желать умножать число своих неприятелей. Но не желая, тур[ецкое] прав[ительств]о делает все противное мирным сношениям. И газеты пишут, что русской послан[ник] „ist Sträng bewahrt in seinen Hause zu Bujukdere“ — Катакази говорил брату, что он никогда так не беспокоился на счет миссии, как теперь. — Не знаем что думать, и откуда ожидать, где искать надежды. — В Смирне, как видно по газетам, происходили также ужасы; но агенты держав европейских перешли на корабли, и ожидали там восстановления спокойствия. Вам этого нельзя сделать! — Вчерашние газеты говорят, по слухам, что Ипсилантий с братом своим посажен в крепость Carlsburg. Не знаю где эта крепость.¹

Три ящика книг твоих мы получили; вынули книги; все в целости доставлены. Теперь у нас их разбирают по списку, тобою из Ц[арь]града присланному. Против сего списка много лишних книг. Когда будут все разобраны по порядку, в каком записаны в твоём каталоге; то тогда окажется, есть ли недостатки. Этих книг покуда нельзя поставить в шкафы; ибо нет совсем места: они лежат на столах в моей комнате. Но к сентябрю жилище наше увеличится (вследствии постройки новой лестницы) одною или двумя комнатами, и тогда мы порядочно поставим твои книги, и будем их беречь. Когда же приведется тебе читать их! Теперешнее твое положение, столь долго продолжающееся и в будущем представляющее более дурного, нежели хорошего, сильно нас удручает. Ничто не идет на ум. Матушка также очень о тебе беспокоится. Она теперь поехала в Ростов с Алекс[андро]ю Ильиничною. Возвратится в Москву к половине августа. Мне хочется в сентябре съездить в Москву. Не знаю позволят ли отлучиться дела по Совету. Теперь по нашему деп[артамент]у много их накопилось. И для меня тем труднее ими заниматься, что я не могу, с теперешним расположением духа, ничего делать.

Мих[аил] Петр[ович] находится в деревне у Ал[ексея] Петр[овича] и у тетушки, которая живет в Тихвине. Он писал к нам, что Алексею Петровичу не лучше.

Здесь нового ничего. Сперанский вчера в первый раз присутствовал в Госуд[арственно]м совете. Он сделался членом оногo, по Деп[артаменту] законов. По Комиссии сост[авления] зак[она]в он еще ничего не предпринимает, ожидая, вероятно, возвращения князя Лопухина; ибо тогда, как полагать должно, он окончательно будет сделан начальником Комиссии.

Государь, как говорят, в этом ме[ся]це поедет смотреть гвардию.

Нынешнее лето весьма несчастливо для многих губерний. Здесь, в Москве и в некоторых других местах дожди испортили хлеб и сено. На низу, и между прочим у нас в Симбирске, хлеб пропал от засухи. У нас в деревне остался хлеб от прежнего времени, и я велел выдавать его крестьянам взаймы. Они прислали почти весь оброк за I-ю половину сего года.

Прости, любезнейший. Ожидаем от тебя писем. Что скажешь? — Твой Н. Т.

186

[Приписка к письму А. И. от 13 августа 1821 г.]*

Третьего дня узнали мы, что курьер из Одессы привез известия о приезде туда миссии цареградской. Ты можешь себе представить как это известие нас обрадовало. От бар[она] Ст[роганова], говорят, есть и письма из Одессы. Вы, вероятно, сидите в карантине. Это все лучше чем в Буюкдере. О способе или образе вашего отъезда из Константинополя говорят различно.

Прости. Весь твой Н. Тургенев.

187

[Приписка к письму А. И. от 15 августа 1821 г.]**

Завтра ты выходишь из карантина, и так это письмо найдет тебя на свободе. По приказанию, чтобы миссия ехала сюда, можно заключать, что ты в конце сего месяца или в начале будущего будешь здесь.¹

*) *Архив, № 2379, л. 136 (оборот).*

***) *Архив, № 2379, л. 141.*

О войне ничего не слышно определительного, между тем говорят, что государь едет отсюда 10 сентября, что ст[атс]-сек[ретари] едут также; ибо было приказание о приготовлении их экипажей к сему времени. Государь, как сказывают, намерен смотреть гвардию. Куда же едут с ним ст[атс]-сек[ретари] не знаю.

Вчерашние иностранные газеты не привезли ничего нового о Греции. В Одессе, думаю, все это скорее может быть известно. Дело греков, на островах живущих, кажется решительно возторжествовало, и они, кажется, останутся независимыми от турок, несмотря ни на что. Им поможет море. Славная участь сего элемента: охранять и независимость людей!

Что говорят в Одессе о преобразовании porto-franco?² Мне кажется, что первое учреждение оно было весьма трудно в исполнении. Жители, обещав сделать канал вокруг своего города, обещали, кажется, надеясь не сдержать своего обещания. Теперешнее положение, ограничивающее вольную пристань одним амбаром, конечно, для них не понравится. Жаль то, что сделав надобно было так скоро переделать.

Правда ли что от этого многие желавшие в Одессе поселиться, отложили это?

Прости. Твой весь Н. Т.

КОММЕНТАРИИ

I. КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О СЕМЬЕ ТУРГЕНЕВЫХ

Братья Тургеневы производили свой род от дворянина Петра Никитича Тургенева, обличавшего в 1606 г. Лжедмитрия I в самозванстве и за то казненного (Письмо А. И. Тургенева к С. И. Тургеневу от 21 июня 1820 г. — Архив, № 2379, л. 40). В действительности от П. Н. Тургенева пошла та ветвь рода Тургеневых, к которой принадлежал И. С. Тургенев, а братья Тургеневы происходили по прямой линии от Бориса Тургенева, сын которого Афанасий Борисович был убит в 1671 г. при защите г. Алатыря от войск Ст. Разина. Его сын Иван Афанасьевич и внук Андрей Иванович были помещиками Алатырского и Казанского уездов. Сын последнего, Петр Андреевич, отставной секунд-майор, помещик Казанской губернии, к которой причислялась тогда и будущая Симбирская губерния, умер до 1781 г. (Руммель и Голубцов. Родословный сборник русских дворянских фамилий, том II, СПб., 1887, стр. 538—546 и 548—551).

Его сын, Иван Петрович Тургенев, помещик Симбирской губернии, родился в 1752 г., учился в Московском университете, до 1789 г. служил в военной службе. По выходе в отставку поселился в Москве, где примкнул к масонскому кружку Н. И. Новикова. По политическим убеждениям И. П. Тургенев был консерватор. В его глазах книга Радищева была „вредное любописание“, французская революция произошла от пренебрежения „фундаментальных законов св. религии Иисусовой“, „добрый гражданин“ — тот, кто, „бояся бога, почитает государя, повинуется властям“. В 1792 г. при разгроме новиковского кружка И. П. был выслан в свою симбирскую деревню, откуда получил разрешение возвратиться при Павле. В 1800—1803 гг. занимал пост директора Московского университета. В Москве И. П. Тургенев был тесно связан с литературным кругом Карамзина и Дмитриева (Я. Л. Барсков. Переписка московских масонов XVIII в. Изд. отд. русского языка и словесности Акад. Наук. Петр., 1915. „Масонство в его прошлом и настоящем“, под ред. С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова,

изд. „Задруги“ и К. Ф. Некрасова. Т. II. Статья Е. И. Тарасова: „Московское Общество розенкрейцеров“).

Жена И. П. Тургенева Екатерина Семеновна, урожденная Качалова. В отличие от глубоко образованных мужа и сыновей, она была малограмотна, что доказывается ее письмами к сыновьям (Архив бр. Тургеневых, вып. 2, стр. 381). По взглядам Е. С. была настоящей крепостницей: нововведения сына Николая в деревне ее очень огорчали, и она постоянно думала о приобретении новых владений. Е. С. требовала от сыновей правильного исполнения церковных обрядов и очень заботилась об их карьере. Умерла она в 1824 г. Сыновей у И. П. и Е. С. Тургеневых было 5. Из них старший, Иван, умер в детстве.

Андрей Иванович Тургенев, род. в 1781 г. В 1797 г. поступил в Московский университет. В это время он близко сошелся с В. А. Жуковским и А. Ф. Мерзляковым, с которыми его сближало и общее сентиментально-романтическое мировоззрение, и общая любовь к поэзии. А. И. был центром кружка, к которому примкнули еще С. Е. Родзянко и позднее А. Ф. Воейков и А. С. Кайсаров, и сам подавал большие надежды, как поэт. В 1799 г. А. И. кончил университет и поступил на службу в Московский архив Коллегии иностранных дел. К 1800 г. относится основание им „Дружеского литературного общества“, к которому принадлежали упомянутые лица и которое собиралось у Воейкова. Осенью 1801 г. А. И. переехал в Петербург на службу в Коллегию иностранных дел. В 1802 он ездил в служебную командировку в Вену и вернулся в начале 1803 г. Умер в июне 1803 г. в Петербурге (О нем см. — Акад. А. Н. Веселовский. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и „сердечного воображения“, СПб., 1904, стр. 50—85; статьи В. М. Истрина — „Журнал Министерства народного просвещения“, 1910, №№ 3 и 10, и вступ. статья ко 2 вып. Архива бр. Тургеневых).

Александр Иванович Тургенев родился в 1784 г. В 1797 г. поступил в Московский университетский благородный пансион, который окончил весной 1800 г. Принадлежал к „Дружескому литературному обществу“, основанному его старшим братом. По окончании курса поступил на службу в Архив Коллегии иностранных дел. В 1802—1804 гг. учился в Геттингенском университете. В 1805 г. поступил на службу в канцелярию товарища министра юстиции Н. Н. Новосильцова. В 1806 г. сделан помощником референдаря 1 экспедиции Комиссии составления законов. 1810 — директор Департамента главного управления духовных дел иностранных вероисповеданий (с сохранением должности по Комиссии). 1812 — сверх прежних должностей помощник статс-секретаря Государственного совета по Департаменту законов и статский советник. 1816 — член совета Комиссии составления законов (с сохранением других

Портрет А. И. Тургенева

Литогр. Энгельмана по рис. Виньерона с портрета работы К. П. Брюллова

должностей) и действительный статский советник. 1819 — камергер имп. двора. В 1824 г. уволен от должности директора Департамента духовных дел. 26 июля 1825 г. уволен в бессрочный отпуск за границу (вместе с братом Сергеем). Службная карьера А. И. оборвалась в связи с осуждением брата Николая: 4 апреля 1826 г. он уволен из Комиссии составления законов, а 14 июня 1827 г. — из Государственной канцелярии. После этого он больше жил за границей, бывая в России лишь наездами. Умер А. И. Тургенев 3 декабря 1845 г. Характеристику его и о значении его для русской литературы и исторической науки см. во вступительной статье к настоящему тому. (Письма его и к нему в „Русской Старине“ и „Русском Архиве“. — Дневники и письма — Архив бр. Тургеневых, вып. 2, 4, и 6, „Остафьевский Архив“ кн. Вяземских. Большая часть материалов остается еще неизданной.)

Николай Иванович Тургенев. Родился в 1789 г. В 1798 г. поступил и в 1806 г. окончил Московский университетский пансион, в 1808 г. окончил Московский университет. С 1803 г. числился на службе в Московском архиве Коллегии иностранных дел. В 1808—1811 гг. обучался в Геттингенском университете. В 1812—1813 гг. служил секретарем ученого бюро 5 отд. канцелярии министра финансов. В 1813—1814 гг. состоял при бароне Штейне за границей. В 1815 г. управлял канцелярией ген.-губернатора занятых российскими войсками французских департаментов Алопеуса и работал в Ликвидационной комиссии „по приведению в известность и разделению между... державами как доходов, так и расходов по всем землям как Германии, так и Франции, находившимся под управлением союзных держав“. 25 августа 1816 г. назначен помощником статс-секретаря Государственного совета по Департаменту экономии и в октябре вернулся из-за границы в Петербург. В 1819 г. назначен управляющим 3-м отделением канцелярии министра финансов (с сохранением прежней должности) и произведен в статские советники. В 1820 г. уволен от службы в Министерстве финансов. 25 ноября 1821 г. переведен из Департамента экономии в Департамент законов на ту же должность. В 1824 г. 27 марта „произведен в действительные статские советники и уволен в отпуск за границу до излечения болезни с сохранением содержания с выдачей на путевые издержки до 1 тыс. червонцев“. В 1826 г. привлечен к ответственности по делу о тайных обществах, судим заочно, признан виновным по первому разряду и приговорен к смертной казни путем отсечения головы. В приговоре суда ему вменялось в вину, что он „был деятельным членом тайного общества, участвовал в учреждении, восстановлении, совещаниях и распространении оногo привлечением других; равно участвовал в умысле ввести республиканское правление; и удаляясь за границу, он по призыву правительства к оправданию не явился,

чем и подтвердил сделанные на него показания“. Указом от 10 июля осужденным по первому разряду смертная казнь была заменена лишением чинов и дворянства и вечной каторгой. 1826—1830 гг. Н. И. прожил в Англии, потом переехал во Францию. В 1833 г. женился на дочери ветерана наполеоновской армии, Гаэтана Виариса, Кларе (1814—1891). Имел детей: Фанни (1835—1890), Альберта (1843—1892 — художник и историк искусства) и Петра (1853—1912 — скульптор). В 30-х гг. Н. И. Тургенев писал и в 1847 г. напечатал трехтомный труд: „La Russie et les Russes“. В 1856 г. после прошения Александру II Н. И. был помилован с возвращением чинов и орденов. Приезжал несколько раз в Россию, но остался жить в Париже, где и умер 27 октября 1871 г. (о Н. И. см.: Дневники и письма — выпуски 1, 3 и 5 „Архива бр. Тургеневых“. Е. И. Тарасов. Декабрист Н. И. Тургенев в александровскую эпоху. Самара 1922. А. Н. Шебунин. Н. И. Тургенев. ГИЗ, М., 1925 г.)

Сергей Иванович Тургенев. Родился в 1792 г. Учился в Московском университетском пансионе, в 1810—1812 гг. в Геттингенском университете. В 1813—1814 гг. служил столоначальником в Департаменте государственных имуществ. 17 марта 1814 г. назначен правителем канцелярии саксонского генерал-губернатора кн. Репнина. В январе 1815 г. членом дрезденской Ликвидационной комиссии; с 1 сентября состоял по дипломатической части при командующем русским оккупационным корпусом во Франции гр. М. С. Воронцове. После эвакуации русских войск из Франции в конце 1818 г. совершил путешествие по Германии, после чего поселился в Париже. Свои немецкие впечатления изложил в рукописи „Mémoire sur l'état actuel de l'Allemagne“. Указом 3 января 1820 г. причислен к константинопольской миссии. В сентябре 1821 г., в связи с разрывом дипломатических отношений с Турцией, вернулся в Россию. В 1822—1825 гг., продолжая числиться по Министерству иностранных дел, работал в Комиссии составления законов. 26 июля 1825 г. уволен в бессрочный отпуск за границу (вместе с братом Александром). В 1826 г., под влиянием переживаний от событий 14 декабря, следственного дела декабристов и особенно осуждения брата Николая, психически заболел. Умер 1 июня 1827 г. в Париже.

II. ПРИМЕЧАНИЯ

К № 1

¹ Дата письма устанавливается дневником Н. И. Тургенева: запись там сделана в 4 часа утра, т. е. сразу после написания письма.

² Н. И. Тургенев покинул Геттинген, окончив университет, в котором обучался с 1808 г., и оставив там брата. Последний учился в Геттингенском университете с 1810 г. Запись в дневнике проникнута тем же настроением, что и письмо. Тургенев пишет, что вместе с Геттингеном он лишился „свободы, независимости, покоя“ („Дневники“, II, стр. 8). Настоящее письмо появляется в печати вторично. Оно было напечатано Е. И. Тарасовым в примечаниях ко II тому „Дневников“ Н. И. Тургенева, стр. 412.

Геттингенский университет по словам историка, „в девятом десятилетии XVIII века сделался средоточием реальных и материальных... наук“ (Шлоссер, История XVIII ст. и XIX до падения Франц. империи, изд. 2-е, т. IV, СПб, 1868, стр. 179). И, действительно, здесь лучше всего были поставлены науки юридические, экономические и исторические. Среди профессоров-юристов здесь выделялись Пюттер, Бемер; среди экономистов — статистик Ахенваль, на исторической кафедре особенно выделялись Шлецер, у которого учился А. И. Тургенев, Гаттерер и Шпиттлер, а в годы студенчества Тургеньевых — Геерен. Политическую экономию и „теорию политики“ в эти годы читал Сарториус. На кафедре юридических наук выделялись Гуго и Геде. В Геттингенском университете уже с 60-х гг. XVIII века учились и русские студенты. В 1801 г. в Г. ун-те число студентов равнялось 701, из коих 456 иностранцев. Русских в 1804 г. было 12 человек (См. Pütter. Versuch einer akademischen Gelehrten Geschichte von der Georgia-Augusta-Universität zu Göttingen. 1765. — Brandes. Ueber den gegenwärtigen Zustand der Universität Göttingen. 1802. — Salfeld, Friedrich. Geschichte der Universität Göttingen. 1820. — Wischnitzer. Die Universität Göttingen und die Entwicklung der liberalen Ideen in Russland im ersten Viertel des 19 Jahrhunderts. Berlin, 1907). Интересно, что в инструкции, данной русским студентам в 1808 г., когда уезжал за границу Н. И. Тургенев, Геттинген особенно рекомендовался как средоточие исторической науки, а последнюю предлагалось изучать в связи с экономикой, так как в истории главный предмет — „деяния“ людей, которых заставляют действовать их „нужды“ (см. „Дело 1808 г. по предложению г. министра об отправлении 12 студентов в чужие края для усовершенствов-

вания в науках с целью занятия профессорских мест в предполагаемом в столице университете“, Рукоп. отд. Рос. Публ. Библ., Библиотечное Обозрение, т. II, стр. 243). Надо полагать, что в составлении инструкции принимал участие А. И. Тургенев (об этом см. в книге: А. Н. Шебуни, Н. И. Тургенев. ГИЗ, 1925, стр. 34—36). Последний вынес из Геттингенского университета сохранившийся у него на всю жизнь интерес к исторической науке. Н. И. Тургенев специализировался здесь в области изучения экономических и финансовых наук и стал приверженцем учения Адама Смита (там же, стр. 32—39).

К № 2

¹ *Саксонская земля.* До 1806 г. Саксония была курфюршеством. В 1793—1796 гг. она принимала участие в борьбе реакционной Европы против французской республики, но в 1796 г. заключила мир. В 1806 г. снова выступила против Франции в союзе с Пруссией, но потерпела поражение при Иене, после чего заключила мир. С этого момента Наполеон явно покровительствует Саксонии, делая ее своей опорой в Германии против Пруссии и отчасти России. Он дает курфюрсту королевский титул, но обязывает его примкнуть к созданному им в Германии Рейнскому союзу и выставить 20 000-й корпус против России и Пруссии. По Тильзитскому миру 1807 г. Саксония должна была уступить часть земель Вестфальскому королевству, но была вознаграждена за счет Пруссии. Сверх того, созданное Наполеоном из польских земель Пруссии Варшавское герцогство было связано с Саксонией личной унией.

² *Вестфальское королевство.* Было образовано Наполеоном I в 1807 г. из земель между Рейном и Эльбой. В него входили отобранные у Пруссии западные провинции и земли курфюрстов гессенского и ганноверского и герцога брауншвейгского. Новое королевство вошло в состав Рейнского союза и было фактически зависимо от Франции. Королем Вестфалии Наполеон сделал своего брата Жерома. Тяжелое положение Вестфальского королевства объяснялось прежде всего наложением контрибуции в пользу Франции и обязанностью содержать французские гарнизоны. В 1809 г., когда Наполеон заставил Вестфальское королевство принять участие в войне с Австрией, здесь имели место народные волнения, за которыми следовало усиление военного режима, увеличение армии и повышение налогов. Сверх того, континентальная блокада, губительная для всей Германии, вредно отразилась и на Вестфальском королевстве. Наполеон, изгнав из Германии английскую торговлю, рассматривал германские государства, входившие в состав Рейнского союза, как рынок сбыта французских товаров и как страну их транзита в Польшу и Россию. Поэтому французские товары оплачивались здесь пошлиной не свыше 10%, транзит их был совершенно свободен. Что касается германских фабрикатов, то их ввоз во Францию был совершенно прекращен, и не только во Францию но и во все зависимые от нее страны. В дневнике Н. И. Тургенева геттингенского периода есть указания на тяжелое положение Вестфальского королевства, к которому принадлежал Геттинген. Так, 12 декабря 1810 г. он писал, что „везде жгут английские товары“ и особенно кофе, сахар и чай (Дневники, т. I, стр. 287).

3 До 1806 г. отношения Пруссии и Наполеона не были враждебными. После 1796 г. Пруссия не участвовала ни в каких коалициях против Франции. В 1805 г. после победы Наполеона над Россией и Австрией и выхода последней из войны с Пруссией был заключен союз, причем Пруссия уступила Франции свои рейнские владения и обязалась прекратить торговлю с Англией, за что была вознаграждена присоединением Ганновера. Но в 1806 г., образовав из всех западных немецких государств Рейнский союз и изолировав таким образом Пруссию, Наполеон вызвал ее на войну. Пруссия составила коалицию с Саксонией и Брауншвейгом, к которой потом примкнула и Россия. 13 октября в сражении при Ауэрштедте (деревня в Прусской Саксонии, на ручье Эме) пруссаки потеряли почти половину пехоты. 14 октября в битве под Иеной („Е н о й“, как пишет Тургенев) другая часть прусской армии и саксонцы были обращены в беспорядочное бегство. После этого Саксония заключила мир. Пруссия еще продолжала воевать в союзе с Россией, но после поражения русских при Фридланде должна была принять самые унижительные условия мира. В дневнике Тургенева указано, что в Ауэрштедте „очень приметны еще следы войны, от которой деревня сия столь много претерпела. На улицах лежат кучи камней“ (Дневники, т. II, стр. 10).

К № 3

¹ В Дрезден Тургенев приехал 30 июня нов. ст.

² *Дрезденская картинная галлерей* замечательна своим собранием картин, преимущественно итальянской и фламандской школ, составленным в XVIII веке. Из всех картин Тургеневу более всего понравились Св. Варвара, Мадонна Рафаэля и Ночь Корреджио. От последней он, однако, ожидал большего: „ожидал невозможного“ (Дневники, II, стр. 16).

³ *Королевская библиотека* в Дрездене — публичная библиотека. По словам показывавшего Тургеневу библиотеку смотрителя, в ней тогда было около 300 000 томов, и Тургенев отмечает, что она больше Геттингенской. Тургенев расписался в книге посетителей, в которой увидел, между прочим, подписи адмирала Нельсона и Наполеона (там же, стр. 18).

⁴ Описание скал Кушталь см. в дневнике Тургенева (там же, стр. 24).

⁵ Об обеде короля см. там же (стр. 26).

⁶ *Куроны* — члены „Куронии“ — студенческой корпорации, объединявшей студентов курляндского происхождения.

⁷ *Лейпцигский университет* — один из старейших в Германии — основан в 1409 г. Тургенев посетил здесь лекцию проф. Платнера по антропологии. Вот его отзыв об этой лекции: „Платнер мне очень понравился. Читает прекрасно, с чувством. Лице умное. — Я вспомнил о наших Геттингенских профессорах и только Геде показался мне достойным некоторого сравнения с Платнером“ (Дневники, II, стр. 11—12). За 22 года до Тургенева посетил Лейпцигский университет и слушал того же проф. Платнера Н. М. Карамзин („Письма русского путешественника“, изд. А. С. Суворина, СПб., 1900, т. I, стр. 114—116).

⁸ *Путешествие по Гарцу* — рукопись С. И. Тургенева (Архив, № 17), описывающая его поездку по горам этого названия, находящимся очень близко от Геттингена.

К № 4

¹ *Ландеманы* — земляки.

² *Гейдельбергский университет* — древнейший в Германии — существует с 1386 г.

³ Препывание Тургенева во Франкфурте описано в дневнике (II, стр. 32—34).

К № 5

А. И. Тургенев в письме к Николаю Ивановичу, посланном в начале мая, просил его ехать скорей в Париж, а оттуда, объехав Швейцарию и Италию, направиться через Вену в Россию, так как желание матери — видеть Н. И. уже зимою в России. Да и денег А. И. мог послать только 225 червонцев, между тем „курс не улучшается и время проходит“ (№ 386, л. 21). Повторяя то же самое в письме от 7 июня, А. И. присовокуплял, что постарается прислать еще денег в Париж, но сомневается, чтобы всех этих денег хватило на поездку по Швейцарии и Италии. „Поезжай, милый Николай, в Париж скорее, — писал А. И., — долго там засиживаться не для чего, да и невозможно при теперешней дороговизне. Да и служить пора, а у меня место для тебя готово“ л. 25. Наконец, в письме от 15 июня А. И. сообщал, что ему прибавлено жалованье. Он был в это время директором департамента Главного управления духовных дел иностранных исповеданий, и по этой должности ему полагалось 5500 руб. в год. Теперь ему увеличили до 6 тыс., считая со времени назначения, т. е. с 12 сентября 1810 г. Таким образом ему предстояло еще получить за прежнее 4500 руб. Кроме того, он состоял помощником статс-секретаря Государственного совета и членом Комиссии составления законов. Общий его годовой оклад теперь составлял 8250 руб. После нового года ожидалось еще новые штаты и оклады. Наконец, А. И. рассчитывал на казенную квартиру. Все это делало его независимым в денежном отношении от матери, и он решил послать 2 тыс. рублей братьям. Это составило 100 червонцев Николаю и 150 — Сергею (л. 27).

² Свои первые впечатления от Франции Николай Иванович изложил в письме к старшему брату от 31 июля: „При въезде моем во Францию однакож я увидел, что положение французов вряд ли не жалостнее, чем положение немцев. Как они скучны, эти веселые французы! Как мало смотрят они на славу, которую приобрело тсперь отечество их. Проезжая деревни, молодых людей совсем не видно. Женщин вообще впятеро более чем мужчин. Нищих тьма. Вот состояние того народа, кот[орый] природа одарила прекрасным климатом и великим характером. В городах всеобщая, т[ак] сказать, невеселость еще более приметна. Все они походят на крепости, которые недавно были оставлены неприятелем. Пленные гиспанцы, встречающиеся в некоторых местах в большом количестве, умножают мрачность города своим жалким состоянием. Шалон показался мне веселее прочих. Мы ночевали тут в прошедшее воскресенье и были на гулянье, где собрались почти все жители города. Они были одеты, гуляли, но веселости мало я заметил на лицах их. — Я заметил в французах одну добродетель, о кот[орой] я прежде не думал: я нашел их чрезвычайно скромными в своих разговорах и суждениях, касающихся до правительства“ (№ 2613, л. 111).

3 О *Palais Royal* — см. примечание к следующему письму.

4 По словам Прюдомма,* улица Ришелье, на которой жил Тургенев, „одна из самых богатых и посещаемых парижских улиц. Там живет много банкиров, негодянтов, нотариусов, рестораторов, много кафе, прекрасных меблированных отелей и т. д.“ На ней находились императорская (национальная) библиотека, Французский театр, Опера (*Prudhomme. Miroir historique, politique et critique de l'ancien et du nouveau Paris et du département de la Seine*, 3-me ed. 1807, V, p. 197.).

5 *Collège de France* — учебное заведение, основанное еще Франциском I для бесплатного обучения всех желающих иностранным языкам. В эпоху Наполеона там преподавались языки древнееврейский, сирийский, арабский, турецкий, персидский, греческий, латинский, французская литература, математика, астрономия, механика, экспериментальная физика, практическая медицина, анатомия, химия, естественная история, каноническое право, естественное и народное право, история и мораль (*Prudhomme*, op. cit., t. III, pp. 121—122).

6 *Ecole de Médecine* выделялась замечательной коллекцией инструментов хирургических и анатомических и библиотекой, три раза в неделю открытой для всех. Школа имела два отделения: медицинское и хирургическое. Учащиеся принимались только в том случае, если своими познаниями удовлетворяли требованиям регламента (*ibid*, pp. 221—223).

— *Jardin des Plantes* — был основан в 1688 г. для культуры иностранных растений. Знаменитый натуралист Бюффон сделал его „одним из наиболее драгоценных учреждений Европы“. Это было ученое и учебное учреждение, состоявшее из ботанического сада, химической лаборатории, анатомического кабинета, естественно-исторического кабинета, фармацевтической школы, богатейшей естественно-научной библиотеки, зверинца. При саде был амфитеатр, в котором происходили лекции. Кабинеты были ежедневно открыты для студентов. Библиотека и галереи открывались по средам и пятницам для публики. (*Ibid*, pp. 60, 73). Тургенев слушал в *Jardin des Plantes* лекцию знаменитого Ламарка о насекомых (*Дневники*, II, стр. 60).

К № 6

1 С. И. Тургенев намеревался совершить путешествие по Рейну. Но, вняв совету брата, он поехал в Гамбург и Голландию (см. *Дорожные записки С. И. Тургенева*, Архив, № 17).

2 *Комиссия* — имеется в виду Комиссия составления законов, состоявшая с 1 января 1810 г. при Государственном совете и подчиненная государственному секретарю.

3 *Кодекс Наполеоновский* — название изданного в 1804 г. французского кодекса гражданского права. Задачей его было, по определению Наполеона, „санкционировать завоевания революции; примирить римское право с французским обычным правом и путем незаметного перехода без потрясений

---

* Основатель популярной в первые годы революции газеты: „*Révolutions de Paris*“ и автор очень ценного путеводителя по Парижу.

связать прошлое с настоящим". Другими словами, Кодекс Наполеона санкционировал в сфере гражданских отношений замену сословно-феодалного строя бессословно-капиталистическим. Завоеывая и подчиняя своему влиянию другие страны, Наполеон вводил везде в употребление этот кодекс, игравший, таким образом, прогрессивную роль в феодальных странах.

⁴ Н. И. Тургенев вступил в масонскую ложу 31 августа н. ст. (Дневники, II, стр. 76). К сожалению, мы ничего более подробного об этом не знаем. Можно только считать, что подготовлен к такому вступлению он был уже давно, так как еще в Москве его религиозные взгляды определились. Он сочувствовал деизму и отрицательно относился как к церковному фанатизму, так и к атеизму. Уже тогда он думал, что, если „все верят в единого Бога“, этого достаточно для единения всех исповеданий. Но, прибавлял он, „кровожадные фанатики... заставляли других людей верить еще их выдумкам и проливали их кровь, если они не верили“. Тогда же, однако, Тургенев находил у Вольтера сильное оружие против Дидро и других „безбожников“ (Дневники, I, стр. 64 и 59). Все эти взгляды не представляли тогда ничего оригинального и были широко распространены в русской дворянской среде.

Французское масонство, с которым прежде всего столкнулся Тургенев, в наполеоновскую эпоху было довольно сильно количественно и пользовалось покровительством правительства. В 1805 г. великим мастером был избран брат Наполеона Жозеф, а его помощником Камбасерес. Особенное оживление французское масонство переживало с 1809 г., когда под главенством ложи Великого Востока состояла 741 ложа (Rebold, E. Histoire generale de la Franc-Maçonnerie, Paris, 1851, p. 168).

⁵ *Palais Royal* построен кардиналом Ришелье в 1629 г. и назывался *Palais Cardinal*. Свое название он получил, когда после смерти Людовика XIII, унаследовавшего его от Ришелье, перешел к Анне Австрийской. Перед революцией он принадлежал герцогу Орлеанскому, известному Филиппу Эгалитэ; в эпоху Директории здесь помещалась военная комиссия. При Наполеоне часть дворца была предоставлена в распоряжение Трибунала; в остальных помещениях его находились всевозможные магазины и лавки, кабинет для чтения, игорные дома, рестораны, кафе и т. д.

К. Ф. Рылеев, посетивший Пале-Рояль в 1815 г., говорит о нем в своих письмах из Парижа; „Зрелище великолепное, особенно при освещении вечером. Средний этаж также полон магазинами, ресторациями или живущими в нем купцами и ремесленниками, а верхние по большей части есть обиталище тех презренных жертв распутства, кои в полном множестве топятяся в Пале-Рояль. Без ужаса не могу вспомнить о них. Красота некоторых чрезвычайна. В ином месте не смел бы подумать об них худо, когда б твари сии своим нахальством себя не изобличали... Ты знаешь мою стоическ[ую] твердость против искушений сего род[а], следственно не можешь сомневаться, что друг твой и в Пале-Рояль избег сего соблазна... Смело можно сказать, что Пале-Рояль есть душа Парижа. Здесь стекаются все сословия, здесь бывают все их сборища, здесь в какой-нибудь из кофейниц решалась судьба многих и может быть производились и составлялись важнейшие заговоры“ (В. И. Маслов. Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. Киев, 1912. Приложения, стр. 18).

6 *Старая диссертация* Н. И. Тургенева — написанное им в конце 1810 г. и не сохранившееся „рассуждение“ о банках. Судя по конспекту этой работы в дневнике ее автора, он здесь рассматривал вопрос о банках частных и государственных (причем находил, что первые не могут иметь тех дурных следствий, как вторые), о бумажных деньгах, ажиотаже и пр. Повидимому, в этой работе Н. И. Тургенев хотел впервые провести свои экономические воззрения, усвоенные в университете: отрицательное отношение к меркантилизму, симпатию к идее свободы торговли и к капиталистическому хозяйству (Дневники, I, стр. 273—277). А. И. Тургеневу работа брата очень понравилась, и он хотел переписать ее набело и, написав от имени автора письмо, „посвятить государю, который должен знать, что Тургеневы не по пустому проживают в чужих краях“ (письмо к Н. И. Тургеневу от 15 июня 1811 г. Архив, № 386, л. 27).

7 При Наполеоне I вся театральная работа направлялась рукой императора, стремившегося дисциплинировать искусство. А эта „дисциплина“ требовала от театра, чтобы он воспевал славу и победу, войну и победителя. Этой цели более всего служил Théâtre français (Французский театр) в Париже, в котором шли главным образом трагедии Расина. Одну из них, „Британника“ („Britannicus“), видел 7 сентября Тургенев.

8 *Journal de l'Empire* — С 1789 г. в Париже выходила под редакцией Лувэ и Лакретелля младшего газета „Journal des débats et décrets“, в которой дискуссии законодательных собраний и официальные акты печатались нередко с большей полнотой, чем в официальном „Moniteur Universel“. В 1799 г. газету приобрели братья Бертэны, при которых она дважды переменяла название и до некоторой степени — свой характер: в конце концов ее название стало просто „Journal des Débats“, а характер ее изменился в том отношении, что к официальным материалам в ней прибавился фельетон литературной и театральной критики. В 1805 г. газета стала называться „Journal de l'Empire“ и под этим названием выходила до падения империи. В 1811 г., когда число выходивших в Париже газет было уменьшено до 4, „Journal de l'Empire“ был изъят из частных рук и стал правительственным.

К № 7

1 Н. И. Тургенев путешествовал по Голландии в апреле и мае 1810 г. Путешествие это он описал в особой рукописи, в архиве его не сохранившейся. Дороговизна жизни в Голландии объяснялась, как и везде, континентальной блокадой. Но здесь эта блокада давала себя знать в особенности, так как по своему положению Голландия была торговым посредником между континентом и Англией. С другой стороны, Наполеон совершенно разорил голландскую промышленность, установив сюда беспошлинный ввоз французских сукон и запретив ввоз испанской шерсти в Голландию. Конечно, в этих условиях голландцы вынуждены были заниматься контрабандным ввозом английских товаров. За покровительство этой контрабанде Наполеон в 1810 г. лишил своего брата Людовика голландской короны и присоединил Голландию к Франции, отдав первым делом приказание о сожжении всех привезенных в Голландию английских товаров.

К № 9

¹ *Napoléon d'or* — наполеондор — французская золотая монета в 20 и 40 франков (с портретом Наполеона на лицевой стороне), чеканившаяся с 1808 г.

К № 10

¹ *Паулы* или *паолы* (от Paolo — Павел — имя нескольких римских пап) — старинная римская серебряная монета — 52—55 сантиметров.

² *Крест легиона 2-го класса* — орден почетного легиона, учрежденный по мысли первого консула Бонапарта законом 19 мая 1802 г. и существующий во Франции до сих пор.

К № 11

¹ *Пандекты* — В немецких университетах так назывались курсы „современного римского права“, т. е. римского права в применении к современности. Такие курсы были самостоятельным произведением немецкой науки права. Это не было историческое изучение римского права, это было объяснение современных правовых отношений юридическими категориями римского права. Так, например, крепостные отношения, развившиеся в немецкой деревне в XVIII веке, рассматривались с правовой стороны как тождественные институту римского рабства. Таким образом „современное римское право“ служило интересам господствующих классов.

К № 12

¹ Н. И. Тургенев вернулся в Россию в феврале 1812 г. Указом 21 марта он был назначен секретарем ученого бюро канцелярии министра финансов и в этой должности прослужил в Петербурге до октября 1813 г. С развитием военных действий против Наполеона он стал стремиться за границу, так как совершавшиеся за границей события, надвигавшиеся изменения карты Европы, судеб государств и народов — живо интересовали его. По протекции С. С. Уварова он был 20 октября „откомандирован для временного служения к министру барону Штейну“, назначенному председателем Центрального административного департамента. Центральный административный департамент был учрежден согласно конвенции 9/21 октября 1813 г. для временного управления всеми занятыми странами. Назначение Штейна было определено ст. 7-й Конвенции. Согласно ст. 10—11 союзные державы назначали ему в помощь своих комиссаров, которые составляли совет. Права департамента: назначение губернаторов в занятые провинции, снабжение их инструкциями, направление и наблюдение за их деятельностью, смещение их в случае негодности (ст. 14). Губернаторы назначаются по преимуществу из высших военных чинов, под-

чиняются Центральному департаменту, заботятся о продовольствии войск, собирают припасы или деньги на военные нужды и т. д. Для управления провинциями они сохраняют везде существующие власти и действуют через их посредство (ст. 15 и след.). (Мартенс. Собр. трактатов и конвенций, т. III, стр. 141—147.) Н. И. Тургенев был назначен русским комиссаром при Штейне. Выехал он из Петербурга 24 октября, 20 ноября н. ст. был в Варшаве, 26 — в Дрездене, 28 — в Лейпциге.

² С. И. Тургенев окончил Геттингенский университет в августе 1812 г. и выехал из Геттингена 21 августа. В конце 1812 г. он прибыл в Петербург. Таким образом, возвращение его в Россию относится к самым решающим месяцам войны 1812 г. Дорогой он мечтал о военной службе и смерти за отечество (Дорожные записки с Геттингена до Петербурга. Архив, № 17, л. 231). Эта мысль о военной службе занимала Сергея Ивановича в течение всего 1813 г. Он считал, что „политические недостатки“ и несовершенство юридической части в России открывают много возможностей в этом отношении, но не был уверен в достаточности приобретенных им сведений, а главное находил, что в военное время эта часть не может не быть в пренебрежении. Вообще, — заявлял он в письме к своей кузине А. П. Сушковой, — „военное ремесло есть единственно выносимое для порядочного человека в настоящее время“ (Архив, № 16, лл. 2 и 5). Но, не надеясь на согласие матери, Сергей Иванович долго не решался просить ее об этом. Между тем, 28 июня 1813 г. он был определен столоначальником в Департамент государственных имуществ. Но и после этого он не оставлял мысли о военной службе. 19 августа он писал об этом: „Для меня нет положения несноснее, как тревожиться душою и сибарититься телом; так же если бы работать, то я бы хотел не одной головой, но всеми членами; а где это лучше можно найти, как не на войне? Вот почему я хочу давно туда, где летают бомбы и пули, из которых одна может быть навеки меня успокоит. Сверх того маленькие дураки мне надоели, все великое для меня лучше, с тем только исключением, что Бонапарт, большой вор, несноснее для меня, чем все маленькие, которые меня обкрадывают“ (там же, лл. 20—21). Из дневника Сергея Ивановича видно, что, когда Николаю Ивановичу было предложено место при Штейне, он стеснялся принять его, думая, что это место хорошо подошло бы младшему брату и тем отвлекло бы его от поступления в опасную военную службу. Но сам Сергей Иванович и после этого продолжал думать о военной службе, не находя сочувствия у окружающих (там же, л. 35).

Николай Иванович, как видно из этого и следующих писем, считал себя обязанным доставить брату какое-нибудь интересное место за границей.

³ *Лейпцигское сражение* между наполеоновской армией с одной стороны и соединенными силами русских, австрийцев, пруссаков и шведов произошло 16—19 октября нов. ст. Уже накануне сражения Наполеону изменили баварцы; во время сражения — саксонцы. Французы потеряли до 60 тыс. чел. и 300 орудий. Потери союзников тоже были велики (до 50 тыс.), но победа была за ними. После битвы неаполитанский король Мюрат, зять Наполеона, изменил ему. Потом поднялись все мелкие немецкие державы, и ко 2 ноября французская армия уже отступила к левому берегу Рейна.

⁴ Это письмо до нас не дошло.

К № 14

¹ 11 декабря союзная *Главная квартира* выступила из Франкфурта. Это было началом выполнения разработанного плана наступления на Францию.

² Визит императора Александра в Карлсруэ имел официальным предлогом свидание с тещей, а на деле преследовал цель соглашения с Баденом о совместных действиях против Наполеона.

³ Н. И. Тургенев, находившийся в теснейшем общении с Штейном, в это время живо интересовался вопросом о будущем устройстве Европы. 17 декабря он начертил в своем дневнике план этого устройства: создание сильной немецкой державы, связанной узами династического родства с Россией, на Рейне, создание Итальянского королевства под главенством родственников австрийской династии, в Голландии — воцарение Оранских, родственников английской и прусской династий. И все это для „обезопасения Европы от Франции“ (Дневники, II, стр. 231).

К № 15

¹ Н. И. Тургенев прибыл в Фрейбург 19 декабря. Сюда в это время была перенесена главная квартира союзников. 21 декабря начался переход союзными войсками Рейна.

² Письмо Н. И. Тургенева к братьям, написанное на третий день приезда в Фрейбург, не сохранилось.

К № 16

¹ Н. И. Тургенев хотел устроить младшего брата при генерал-губернаторе какой-нибудь из отобранных от Наполеона провинций, находившихся под общим управлением Штейна. Но его останавливали „различные слухи“, которые все сводились к ожиданию скорого мира. Слухи эти имели источником разногласия среди союзников. В то время как Россия настаивала на продолжении борьбы до низложения Наполеона, Австрия хотела только ослабления последнего, не желая лишать престола его жену, австрийскую принцессу, и их сына.

² Русская гвардия перешла Рейн 1 января нов. ст. Таким образом союзные войска вступили в пределы Франции.

К № 17

¹ Впечатление Н. И. Тургенева о бедственном положении Франции совпадают с сообщениями других современников. Интересные данные находим в письме К. Я. Булгакова к брату (тоже из Лангра) от 11/23 января: „Ну, брат, хвалена Франция, что за земля.* Говорят, что мы находимся в самой бедной части, но она и вообще такова, по словам ее же жителей... Что здесь можно отметить положительного, это — их ненависть к Наполеону, но ведь он действительно сделал их прямо жалкими: вы не видите молодых людей, вы встречаете только стариков и детей; последний сын должен был пойти, а в течение

---

* Далее приводим в переводе с французского.

двадцати лет никто не вернулся; платить им не по силам. Мы останавливались в Альткирхе в маленьком двухэтажном домике, имевшем только три окна. И что-ж? его хозяин уплатил в этом году 1200 франков налога. Жители очень бедны. Нет торговли и некому возделывать землю. Лаггр известен лезвиями ножей, что-же? вы их найдете здесь очень мало, а в фабричном городе даже 8-ми дневная остановка работы приносит чувствительный вред“ („Русский Архив“, 1904, VIII, стр. 585—6).

² *La levée en masse* — массовый набор — совершенно не удался, как правильно замечает Тургенев. Вместо 300 000 ратников было к концу января набрано только 63 000 (Henri Houssaye, 1814, Paris, 1894, p. 10).

³ Военные неудачи и хозяйственные затруднения во Франции отразились наконец на поведении до тех пор всегда послушных законодательных учреждений империи. В последних числах декабря комиссия Законодательного корпуса представила, что национальный дух французов не может быть возбужден борьбой за сохранение „слишком обширной территории или преобладания, враждебного независимости народов“. Французы поднимутся только тогда, когда будут уверены в том, что их кровь прольется только для защиты отечества. Но о защите отечества можно будет говорить лишь при условии „полного и постоянного выполнения законов, гарантирующих французам права свободы, безопасности, собственности, а нации — свободное пользование ее политическими правами“. Таким образом французская буржуазия переходила в оппозицию к своему императору. Автором доклада был Ленэ. 31 декабря Наполеон распустил Законодательный корпус (Revue chronologique de l'histoire de France, 1787—1818, Paris, 1823, pp. 584—585).

⁴ Игра слов. Речь идет об И. М. Муравьеве-Апостоле.

К № 18

¹ 29 января состоялось сражение под Бриенном. Наполеон атаковал русские корпуса Сакена и Олсуфьева и силезскую армию Блюхера. Обе стороны потеряли 3 тыс. человек убитыми и ранеными. Блюхер отступил и стал ожидать подкреплений. Наполеон стал его преследовать. 1 февраля у деревни Ротьер (расст. 2¹/₂ лье к северу от Бриенна) Блюхер, получив подкрепления отрядами австрийскими Гилау, баварскими Вреде, вюртембергскими и русскими вел. князя Константина, имея армию около 110 000 чел., перешел в наступление против Наполеона, имевшего менее 40 000 чел. Французы потеряли около 6 тыс. человек и отступили к Труа. Союзники потеряли не менее, но пропорционально их силам это не была большая потеря. 5-го — отрядом прусского генерала Йорка был занят Шалон на Марне. 6-го — Наполеон оставил Труа для преследования отрядов Блюхера, действовавшего изолированно на Марне. 7-го — Труа был занят союзными войсками. 5 февраля открылась мирная конференция в Шатильоне, которую затягивали под всякими предлогами: английский представитель Кэстльри говорил своим союзникам, что англичане не подпишут договора о мире, даже если Наполеон согласится на все условия, пока не будут разрешены все вопросы о европейских границах между союзниками; представитель Наполеона Коленкур не имел определенных инструкций, так как Наполеон предпочитал полное поражение и гибель позорному миру, а его

приближенные настаивали на мире для спасения столицы. Единственный сторонник мира в Шатильоне, австрийский уполномоченный Стадион, находил, что конференция „превращается в дрянную комедию, только и интересную своей пошлостью“ (Сорель. Европа и Французская революция, рус. пер., т. VIII, СПб, 1908, стр. 209). Только 7-го Коленкуру объявили условия: возвращение к дореволюционным границам. Коленкур растерянно напоминал об условиях, предложенных союзниками во Франкфурте, предусматривавших возвращение к естественным границам (Рейн, Альпы, Пиренеи). 9 февраля, по требованию России, переговоры были отсрочены. Александр желал наступления на Париж, англичане и пруссаки его поддерживали. С 10 февраля главная квартира союзников была в Труа. Наполеон, узнав, что армия Блюхера дефилирует по дорогам, ведущим к Парижу, 9 февраля отказался от посылки инструкций Коленкуру.

² Письма Н. И. Тургенева, все время находившегося в главной квартире при Штейне, свидетельствуют, что в чиновных кругах далеко не были осведомлены об истинном положении вещей и считали мир возможным. По дороге из Лангра в Женеву Н. И. Тургенев наблюдал тяжелое положение присоединенных к Франции швейцарских кантонов. Он указывает, что в этих кантонах, расположенных на горах Юры, земля бесплодна и жители промышляли контрабандой, но с присоединением к Франции лишились и этого. По пути к Труа Тургенев видел везде оставленные деревни. „Дома пусты, но мебели и посуда целы, т. е. предоставлены воле проходящих солдат. Поля устланы соломой, разломанными бочками, посудой, пухом — следы бивак“. Он находил, что „путешествовать или ездить курьером в теперешнее время во Франции, где на почтовых дворах нет ни лошадей, ни повозок, ни корма — ужасно“ (Дневники, II, 232—240).

³ Восторженное отношение Тургенева к Александру I, „сему виновнику щастливых происшествий“, вполне соответствует настроениям патриотически увлеченной части русского дворянства.

К № 19

¹ 10 февраля Наполеон разбил русских при Шампобере, 11-го — при Монмирале, 12-го — при Шато Тьерри. Во многих местах Франции вооруженные отряды крестьян и рабочих нападали на казаков, убивали отсталых, захватывали пленных и т. д. Казалось, возрождался революционный патриотизм эпохи первых коалиций (Сорель, цит. соч., стр. 222. Houssaue, op. cit., pp. 55—56). На конференциях союзников в Труа мнение австрийцев о возможности мира с Наполеоном, если он согласится на шатильонские условия, нашло уже поддержку пруссаков и англичан. С русской стороны было другое предложение: продолжить наступление на Париж, там назначить русского губернатора, затем поступать согласно воле парижского населения. Если оно выскажется за Наполеона, заключить мир с ним. Перспектива „революционного“, под эгидой русского губернатора, волеизъявления парижского населения не улыбалась Меттерниху, и он стал думать о сепаратном мире. Пруссия и Англия выступали посредниками между крайними позициями России и Австрии. Но 14 февраля Наполеон нанес поражение Блюхеру (в 1½ лье к северу от Монморайля, на Марне), и 15-го союзники решили предложить Наполеону

мир на шатильонских условиях, оставляя пока открытым вопрос о будущем управлении Францией. Но теперь уже в кругу приближенных Наполеона шатильонские условия называли „бессмысленными мечтаниями императора Российского“ и считали возможным заключение мира только на условиях, предложенных в Франкфурте. 17-го — на возобновленной в Шатильоне конференции Коленкур на условия союзников ответил просьбой об отсрочке. А 18-го — Наполеон, нанеся поражение австрийцам при Монтеро, писал Коленкуру, что единственно приемлемый для него мир — границы, установленные республикой, от которой он получил Францию. Австрийская армия отступала. 23 февраля союзники оставили Труа, 24 — Наполеон его занял. Союзники отступили к Шемону. 27-го — состоялось заседание конференции в Шатильоне, на котором союзники объявили Коленкуру, что будут ждать до 10 марта ответа Наполеона на их требования. Между тем Блюхер уже успел соединиться с русской армией Винценгероде и прусской Бюлова и мог теперь противопоставить Наполеону более 100 000 человек. В Шомоне шли переговоры о заключении союзного трактата, не допускающего никакого сепаратного мира, о котором втайне помышляла Австрия. Этот трактат был заключен 10 марта. Однако неясность военного положения делала теперь мир с Наполеоном вполне возможным, и эти настроения отразились на письме Н. И. Тургенева.

² Сергей Иванович 4 марта получил сообщение, что он увольняется в отпуск в Германию, где должен явиться в Дрезден к назначенному саксонским генерал-губернатором кн. Репнину и быть в его распоряжении (Дневники С. И. Тургенева. Архив., № 16, л. 83). Указом 17 марта Сергей Иванович был назначен, с сохранением занимаемой должности, состоять „при генерал-губернаторе королевства Саксонского генерал-адъютанте князе Репнине, правителем канцелярии по гражданской части“ (Архив. Копия формулярного списка С. И. Тургенева, № 116а).

³ „De l'Allemagne“ — сочинение m-те Сталь. Оно вышло первым изданием в 1810 г., но было уничтожено по распоряжению министра полиции. Тургенев ссылается, повидимому, на издание 1813 г. (второе). Нам не удалось познакомиться с этим изданием. Мы полагаем, что Тургенев узнал „точное описание П[етер]бургских обществ“ в обрисовке венского общества, особенно в следующем отрывке: „один из главных недостатков венского общества тот, что дворяне и литераторы не собираются в одной компании. Причина этого вовсе не тщеславие дворян, а то обстоятельство, что в Вене немного насчитывают выдающихся писателей, и читают в ней довольно мало, каждый живет в своем кружке, потому что в стране, где общие идеи и общественные интересы имеют так мало возможности для развития, существуют только кружки“ (Цит. по изд. 1814, t. I, p. 66).

⁴ Н. И. Тургенев получил чин коллежского ассесора еще 20 декабря 1813 г.

К № 20

¹ Дата письма устанавливается тем обстоятельством, что в 1814 г. пасха была 10 апреля нов. стиля. В этот же день происходил и описываемый Тургеневым парад (Шильдер. Имп. Александр I, III, стр. 223). Совершенно

ни на чем не основаны вычисления Е. И. Тарасова, редактора „Дневников“ Тургенева. Запись дневника от второго дня пасхи Тарасов датирует 22 апреля и делает следующее курьезное примечание: „В рукописи здесь было оставлено пустое место. Очевидно Тургенев не успел высчитать, что пасха в 1812 г. была 21 апреля“ („Дневник“, II, стр. 250). Не говоря уже о том, что Тургеневу вовсе не надо было высчитывать, какое было число в тот день, когда он делал свою запись, очевидно, Тарасов забыл, что дело происходит не в 1812, а в 1814 году. При этом он даже не заметил, что дальше идет запись от 17 апреля (стр. 252).

² Русские современники, а за ними и историки единогласно говорят об энтузиазме, с каким парижское население встретило победителей и особенно Александра. Но французские историки отмечают, что энтузиазмом была охвачена не а р я д н а я толпа, что ряд домов были закрыты и окна завешены, что трудящиеся Парижа сидели дома или смотрели на процессию молча (Houssaye, *op. cit.*, pp. 552—557; Сорель, цит. соч., стр. 253—254). Старое дворянство и изменившая Наполеону буржуазия готовились к принятию изложенной революцией династии.

Описывая парад и молебствие на месте казни Людовика XVI, Н. Тургенев с восторгом пишет: „Религия и свобода восторжествовали“. Но его энтузиазм и восхищение Александром тесно связаны с либеральными идеями. „Теперь, — говорит он, — возвратится в Россию много таких русских, кот[орые] видели, что без рабства может существовать гражданский порядок...“ После всего происшедшего „освобождение крестьян мне кажется весьма легким, и я поручился бы за успех даже скорого переворота... Вот венец, кот[орым] русский император может увенчать все дела свои“ (Дневники, II, стр. 250—253).

К № 21

¹ О Шатильонском конгрессе и военных действиях — см. примечания к предыдущим письмам.

² Интересно подтверждаемое здесь указание французских источников, что „мужики вооружались и ежедневно били и резали наших курьеров и партизанов“. Указание весьма ценное и лишний раз свидетельствующее, что народная масса не хотела и противилась социальной и политической реставрации, приближение которой чувствовалась за иностранными штыками.

³ Н. И. Тургенев не знал, что Сергей Иванович уже давно был в пути к месту своего назначения. 25 марта / 6 апреля он был уже в Риге (Архив, № 16, л. 85).

⁴ После соглашения между союзниками и Талейраном о восстановлении династии Бурбонов было принято и решение о разработке конституции. Александр I далеко не сразу согласился на Бурбонов. Он понимал, что к старому возврат невозможен. „Принцы, — говорил он, — вернутся озлобленные несчастиями и не властны будут умерить вражды между теми, кто за них страдал и пострадавшими по их вине... Увлечения, овладевшие новыми поколениями, неблагоприятны для Бурбонов; протестанты ожидают их возвращения со страхом и будут противиться реставрации; дух времени против них...“ (Сорель, стр. 241). Тем более понимал это Талейран. Старый аристократ и бывший

епископ, он навеки скомпрометировал себя в глазах роялистов своей службой революции и Наполеону. Его тонкие и умело рассчитанные своевременные переходы от одного правительства к другому всегда отражали интересы новой буржуазной Франции, новых богачей и капиталистов, обогатившихся за счет свергнутых классов. Оградить эти интересы от посягательства эмигрантов при реставрации было теперь его первой задачей. Речь шла по существу о сделке между старым и новым господствующими классами. Этой цели и служила принятая сенатом в заседании 6 апреля конституция, которую Тургенев называет *constitution des rentes* (конституция доходов, ренты). Конституция прежде всего признавала Францию наследственной монархией и от имени французского народа „свободно“ приглашала „Людовика-Станислава-Ксавье Французского, брата последнего короля“, занять трон под именем короля французов и после принесения им присяги конституции.

Таким образом конституция, маскируясь идеей народного суверенитета, провозглашала короля „народным избранником“, но тем самым отказывала ему в наследственном титуле „короля Франции и Наварры“ и связывала его присягой конституции. Далее конституция прокламировала возвращение титулов старому дворянству и сохранение их за новым. Законодательная власть вручалась королю, Сенату и Законодательному корпусу, причем право инициативы предоставлялось двум названным учреждениям, право установления налогов только Законодательному корпусу, за королем оставалось право утверждения законов. Звание сенатора наследственно. Они назначаются королем и несменяемы. Все нынешние сенаторы, кроме отказавшихся от французского гражданства, сохраняют свои места и доходы. Депутаты Законодательного корпуса избираются департаментами, но все нынешние депутаты сохраняют свои места и жалованье до истечения срока своих полномочий. Король имеет право отсрочки занятий или роспуска нижней палаты, но с обязательством произвести новые выборы в трехмесячный срок. Далее конституция устанавливала ответственность министров, свободу вероисповедания и печати, независимость судебной власти и т. д. Все военные, состоящие на действительной службе, все отставные офицеры и солдаты, вдовы и пенсионеры сохраняют свои чины, места и пенсии. Проданные национальные имущества (т. е. земли эмигрантов и духовенства) сохраняются за новыми владельцами. Ни один француз не может быть преследуем за свои убеждения или голосования, когда-либо произведенные. Кодекс Наполеона остается в полной силе под именем гражданского кодекса французов. Все французы имеют равное право на занятие любых гражданских и военных должностей. (Текст сенатской конституции см. в книжке „*Pièces sur les grands événements arrivés en France*“. Paris, 1814, pp. 103—108.)

Таким образом, конституция прежде всего гарантировала сохранение власти, приобретенного имущества и всех завоеванных революцией прав за буржуазией и наполеоновскими деятелями. Она, конечно, была неприемлема для представителей старого порядка. Король отказался ей присягнуть, приняв титул короля Франции и Наварры, Людовика XVIII, считая себя наследником умершего в тюрьме сына Людовика XVI. Данная им конституция во многом отличалась от сенатской и, в частности, право законодательной инициативы оставляла за королем.

К № 22

¹ С. И. Тургенев прибыл в Дрезден 12/24 апреля (Архив, № 16, л. 97).

² Настроение русских в Париже очень хорошо обрисовано в письме К. Н. Батюшкова к Д. В. Дашкову от 25 апреля: „Первые дни нашего здесь пребывания были дни энтузиазма. Теперь мы покойнее. Бродить по бульвару, обедать у Beauvilliers, посещать театр, удивляться искусству, необыкновенному искусству Тальмы, смеяться во все горло проказам Брунета, стоять в изумлении перед Аполлоном Бельведерским, перед картинами Рафаэля, в великолепной галлерее Музеума, зевать на площади Людовика XV или на Новом мосту, на поприще народных дурачеств, гулять в великолепном Тюльери, в Ботаническом саду или в окрестностях Парижа, среди необозримой толпы парижских граждан, жриц Венериных, старых роялистов, республиканцев, бонапартистов и пр., и пр., и пр., — теперь мы это делаем и делать можем, ибо мы отдохнули и телом и душой“ (Батюшков, Сочинения, изд. 1934, стр. 411—412). Сам Н. И. Тургенев в это время часто посещал театры, ходил в Пале-Рояль, где вел политические разговоры и читал брошюры и газеты. В это время он уже заметил, что Бурбонов „не очень народ любит“ (Дневники, II, стр. 251—253).

³ 11 апреля нов. стр. 1814 г. между союзными державами и Наполеоном был подписан договор, по которому: 1) Наполеон отказался за себя и всю свою семью от каких-либо прав на Францию, Италию или какую-либо другую страну; 2) Наполеон и Мария-Луиза сохраняли свои титулы; 3) Наполеону предоставлялся в пожизненное владение остров Эльба и 2 млн. франков ежегодного дохода из средств Франции (на себя и Марию-Луизу); 4) Мария-Луиза получала во владение герцогство Пармское, Пиаченцу и Гвасталлу; 5) члены семьи Наполеона получали имения или денежные доходы из средств Франции и сохраняли свои титулы; 6) первая жена Наполеона, Жозефина, получала 1 млн. из средств Франции и т. д. (Мартенс. Собр. трактатов и конвенций, т. XIV, стр. 205—211). Наполеон уехал на о. Эльбу 20 апреля.

К № 23

¹ Это письмо в отличие от предыдущих написано непосредственно к Сергею Ивановичу в Дрезден.

² После заключения мира 30 мая н. ст. Н. И. Тургенев был назначен членом ликвидационной комиссии Центрального административного департамента, местопребывание которой было определено во Франкфурте.

К № 24

¹ Рукопись Сарториуса „Uber den Deutschen Bund“, упоминаемая в письме Н. И. Тургенева к старшему брату от 6 ноября 1814 г. (Архив, № 2617, л. 29, обор.).

² Речь идет о княгине В. А. Репниной, жене Репнина-Волконского.

³ Т. е. чин надворного советника, который Н. И. Тургеневу был дан указом 30 июня. В дневнике Тургенев записал: „Хотя и не уважаю знаков отличий, однакоже крест для меня приятно иметь иногда, напр. вчера за обедом у моей хозяйки, или для тесноты в театре“ (Дневники, II, стр. 256).

¹ *L'Ambigu*. В ноябре 1789 г. в Париже стала выходить газета „Les actes des arôtres“ под ред. знаменитого памфлетиста Пельтье. Это был орган роялистов, главной задачей которого была борьба с революцией путем эпиграмм и насмешек. В 1792 г. Пельтье стал выпускать вместо нее „Correspondance politique des véritables amis du roi et de la patrie“. Вышло 84 номера. С падением монархии 10 августа издание прекратилось. Пельтье эмигрировал в Лондон, где стал выпускать орган под названием „Paris pendant 1795“, pendant 1796 и т. д. до 1802 г. После этого он стал издавать „L'Ambigu, variétés atroces et amusantes, journal dans le genre égyptien“ („Смесь, разные разности жестокие и забавные, газета в египетском стиле“). Газета была переполнена эпиграммами и насмешками над Наполеоном и его приближенными. Насмешки носили реакционный и пошловатый оттенок. Выходила до 1818 г. Во время борьбы против Наполеона 1813—1814 гг. в „Ambigu“ печатались официальные документы и материалы обеих сторон.

² Тургенев приводит здесь (лишь приблизительно, не точно, но по смыслу верно) отдельные вопросы и ответы из напечатанного 30 июля 1814 г. в „Ambigu“ „Petit Cours de la Littérature d'Histoire, de Philosophie et de Morale, de Religion et d'Enthou siasme, extrait de l'Allemagne par M-me la Baronne de Stael“. Этому „курсу“ предшествует заявление редакции, что, прежде чем серьезно заняться разбором сочинения м-ме Сталь, „мы позволили себе отметить в его стиле несколько легких недостатков, которые не могут вредить репутации автора“. Эти „заметки“ редакция и представляет на суд публики. Не знаем, исполнила ли редакция свое обещание серьезно заняться разбором сочинения м-м Сталь, но в книжках „Ambigu“ за 1814 г. его не появилось.

³ *Römischer Kayser* — Римский император — название гостиницы в Франкфурте, в которой жил Тургенев.

⁴ Ликвидационная комиссия занималась проверкой счетов Центрального департамента и губернаторов, ему подведомственных.

К № 27

¹ Н. И. Тургенев ехал в Вену, так как, по случаю открытия там общеевропейского конгресса, все дела, связанные с ликвидацией военного периода, переносились туда.

² Речь идет о возможности для Н. И. Тургенева получить место в русском консульстве или посольстве в Лондоне.

К № 29

¹ В Дневнике Н. И. Тургенев следующим образом объяснил свой отказ от места в Англии: „Узнание Англии, финансов, парламента, с одной стороны, скучная, уединенная, дорогая жизнь с другой. Сверх того здесь представились трудности для получения консульского места; а при посольстве служить без денег нельзя. Итак я обратил свои взоры на отечество, начал представлять

и напоминать себе людей и вещи, коих старался по сию пору только забыть. Старался воображать себе все петербургское в лучшем, сносном виде, старался себя обманывать“ („Дневники“ II, стр. 270).

К № 32

¹ С. И. Тургенев в январе 1815 г. был назначен членом дрезденской ликвидационной комиссии, которой было поручено уравнивание саксонских счетов. Но он снова мечтал о военной службе.

К № 33

¹ С возвращением 20 марта Наполеона в Париж военные действия должны были возобновиться, и вступление С. И. Тургенева в военную службу должно было показаться вполне своевременным. Но можно было ожидать, что война долго не продлится и вступление в армию после войны было уже не так удобно мотивировать.

К № 34

¹ С 19 мая (1 июня н. ст.) 1815 г. Н. И. Тургенев „находился управляющим канцеляриею генерал-губернатора занятых российскими войсками французских департаментов Алопеуса и был употреблен им по разным делам в качестве советника“. Русскими войсками тогда была занята Лотарингия, и Алопеус был назначен ее генерал-губернатором. Местопребывание его было в Нанси. Тургенев прибыл в Нанси 15 июня н. ст. вместе с Алопеусом (см. письмо к А. И. Тургеневу от 16 июня. Архив, № 2617, л. 49). Так как в то же время Тургеневу, как и его начальнику, была поручена работа в Комиссии по ликвидации всех счетов и дел, связанных с союзническим управлением отобранными от французов землями, то ему приходилось уже во время службы в Нанси выезжать часто, по поручению Алопеуса, в Франкфурт, где должна была работать Ликвидационная комиссия.

² Как мы уже знаем, С. И. Тургенев снова стремился на военную службу. В архиве братьев Тургеневых сохранилось заявление С. И. об этом с резолюцией ген.-адъютанта гр. Остермана-Толстого (использовано в виде обложки к письмам в № 950).

Как видим, Н. И. Тургенев поддерживал брата в его намерении вступить в военную службу.

К № 35

¹ Н. И. Тургенев с 7 июля находился в Нанси. „Я живу теперь очень хорошо“, — писал он старшему брату 9/21 июля: „Много занятий, тихая, беззаботная жизнь заставляют меня позабыть Париж, быв от него так близко... Алопеусом я очень доволен“ (№ 2617, л. 52).

² Сергей Иванович уже с 4/16 июля находился в Париже. Здесь он, как видно из его дневника (№ 2578, записи от 4/16, 8/20, 16/28 и др.), живя на одной квартире с Репниным, заканчивал с ним работу по комиссии, но большую часть времени отдыхал и веселился в ожидании решения своей дальнейшей судьбы. Вопрос о его устройстве находился в следующем поло-

жении. Александр Иванович, узнав о намерении брата идти в военную службу, решительно протестовал против этого. В письме от 9 июля ст. ст. он ему писал, что страшно обеспокоен его желанием. „Я нахожу почти невозможным по состоянию нашему, бесполезным и не приличным тебе по мнению государя о переменяющих род службы и вредным для твоей слабой груди и для твоего умственного усовершенствования. Да и какое поприще ожидает тебя в военной службе теперь, когда прелесть ее, состоявшая в щастии участвовать в защите отечества, уже исчезла. Сверх того получено здесь повеление не принимать ни из отставных военных, ни из гражданских чивов в военную службу за полным и чрезмерно полным комплектом офицеров. Да что скажет Матушка, когда узнает о твоём намерении? Право и состояние не позволяет нам переменять род службы. Для будущего спокойствия и для утверждения нашей независимости от людей и обстоятельств нужно улучшить его, а не расстроивать. Еще раз повторяю, милой друг и брат, не думай, чтобы теперешнее мое положение, в самом деле критическое, заставляло меня говорить в сем смысле; право нет, но оно заставляет меня более нежели когда-либо чувствовать нужду в достатке, необходимом для семейственного, единственного прочного щастия. Ни ты, ни Николаша не писали еще ко мне подробно вашего мнения о моем намерении. Дело приближается к концу; но нельзя надеяться совершить его без исполнения некоторых надежд, на милости государя основанных. Уведомь меня, сделает ли или может ли что-нибудь сделать кн[язь] Репнин. Я дал ему записку, о кот[орой] и к вам писал“ (Архив, № 382, л. 112.)

К сожалению, предыдущие письма Александра Ивановича не сохранились. Лишь основываясь на последующих его письмах, мы можем полагать, что намерения, о которых он здесь говорит, были матримонимального свойства, и что в связи с этим он хлопотал об устройстве своих братьев на хорошие места, боясь потерять возможность самому материально их поддерживать. Записка кн. Репнину, о которой говорит Александр Иванович, касалась вопроса о награждении (об этом упоминает Александр Иванович в письме Сергею Ивановичу от 24 июля — № 382, л. 115).

Между тем Сергей Иванович 5/17 июля написал старшему брату, что готов на все жертвы для его счастья и отказывается от военной службы. К сожалению, и это письмо Сергея Ивановича не сохранилось. Мы узнаем о нем из восторженного ответа Александра Ивановича от 24 июля. Заявляя решительно, что никогда не употребит в свою пользу любовь своих братьев, Александр Иванович вместе с тем сообщает, что сватовство его еще не дало результатов. „Начались между Матушкой и отцом ее [т. е. невесты. А. Ш.] переговоры. Как это кончится — не знаю. Надежда и вера в Провидение“. Относительно места для Сергея Ивановича А. И. пишет: „Гр. Петр А[лександрович] Толстой поскакал в Париж; вероятно будет послом. Не хочешь ли с ним остаться? Он любит вас, и я говорил с ним о вас нынешним летом. Неужели не дадут вам выгодных мест? Я не прощу этого никогда ни Булгакову ни к[нязю] Репнину“ (№ 382, лл. 115—116).

В тот же день Сергей Иванович писал старшему брату, „что только по совету Булгакова, которой обещал посодействовать, Репнин представит нас к награждению“. В конце письма С. И. присоединяет фразу, характерную для его политического настроения: „Не надейтесь на Г[осударя]. Il ne faut

pas se donner au Diable". О себе С. И. писал в этом письме: „Об определении себя думал, но еще ничего не делал и живу между тем без жалования на деньги брата Николая. Мне трудно хлопотать, потому что я никого кроме Булгакова не имею“ (№ 2577).

В письме Николая Ивановича к старшему брату, написанном в один день с публикуемым письмом к Сергею Ивановичу, содержатся следующие строки о последнем: „Как сказывали мне, Париж ему не нравится, может быть от того, что мало денег. Я ему дал здесь 50 луддоров, половину полученных мною на дорогу во Францию и pour les frais d'équipement“.

³ О передаче управления французам находим следующее место в том же письме к Александру Ивановичу: „Наше положение здесь должно переменитья, но не знаем еще обстоятельно к а к. Судя по ноте, поданной министрами союзных держав Талейрану, управление занятыми французскими провинциями должно быть передано французским начальствам, но образ нашего совместничества с ними еще не определен. Между тем слышно, что войска немецких держав оставляют Францию и возвращаются во свояси. А о наших, австрийских и проч. говорят, что остаются зимовать во Франции“ (№ 2617, л. 53).

К № 36

¹ Длинный промежуток в письмах объясняется тем, что Николай Иванович ездил в Париж вместе с Алопеусом.

² С. И. Тургенев 1 сентября „высочайшим именным указом пожалован в надворные советники и определен в Коллегию иностранных дел с оставлением при генерал-адъютанте и генерал-лейтенанте графе Воронцове“. (См. копию послужн. списка, 1820 г., № 1161а.) Н. И. Тургенев был произведен в коллежские советники.

³ Ни в этом, ни в последующих письмах 1815 г. мы не находим отзывов о политическом положении во Франции, которое оба брата имели возможность наблюдать лично. Это объясняется тем, что, находясь в то время близко друг от друга и иногда выходясь, братья имели возможность обмениваться мнениями при встречах. Поэтому и переписка данного периода носит исключительно сухой, деловой характер. Но положение Франции живо интересовало их. Николай Иванович еще 14/26 июля, находясь в Нанси, записал в своем дневнике: „Странно положение Франции. Трудно, весьма трудно положение короля. Я думаю, что для теперешнего правительства Франции нет иного средства, как управлять народ роялистами и строгостью. Много беспокойных умов, мало приверженцев к Бурбонам“. Около того же времени в письме к Александру Ивановичу Н. И. заметил, что „королю французскому трудно будет управлять своими поданными, ибо много якобинцев“ (письмо от 9/21 июля, № 2617, л. 52). 22 июля/3 августа Николай Иванович распространился на эту тему несколько более. „Многие из французов, любящих короля и спокойствие, желают, чтобы войска наши остались здесь подолее. Волнения хотя в народе и нет, но много еще здесь беспокойных умов, готовых при первом случае на всякие преступления. Привязанности к Бурбонам немного в здешнем и почти всех северных департаментах. Якобинцы очень возвысились во время последнего царствования Наполеона, которой был орудием главных якобинцев. Русских здесь и во всей Франции, в особенности в Париже,

любят более нежели других иностранцев, и подлинно наши войска это заслуживают примерным поведением своим“ (там же, л. 54). Таковы были первые впечатления от обстановки, создавшейся после вторичного падения Наполеона.

20 августа/1 сентября Н. И. писал старшему брату уже из Парижа: „Французы живут в каком-то недоумении на собственной свой щет, и на щет обстоятельств. Никогда никакой народ не находился в столь странном положении как теперь они. Много различия в мнениях. Хотят покоя, но многие не хотят терпеть унижения. Но нравственная сила делается недействительною от физической слабости и изтощения всех и каждого“ (№ 2617, л. 56 об.).

Аналогичны были отзывы Сергея Ивановича. 4/16 июля он был в театре и на следующий день записал в своем дневнике: „В антрактах требовала очень малая часть публики Henri IV, которого и проиграли. Но все это слабо; энтузиазма и даже похожего на оной ничего не заметно... В общем мнении большая перемена, и король много потерял своим поведением в глазах французов“ (Парижский дневник С. И. Тургенева, № 2578).

Интересно, что К. Ф. Рылеев, с которым Тургенев тогда не были знакомы, в своих парижских письмах тоже отмечает, что „здешние умы расположены к мятежам, сердца к мести“. Он боится „за остающихся здесь пруссаков и австрийцев“ и считает возможным повторение „Варфоломеевской ночи“ (В. И. Маслов Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. Киев, 1912, стр. 53).

К № 37.

Это письмо помещено Тургеневым после № 45. Однако содержание его убеждает в том, что оно должно быть напечатано именно здесь. В № 38 повторяется то, что здесь говорится о 6000 франках Мериана, о табакерке и долге Алопеусу, который оказывается уже уехавшим, в то время, как по сообщению настоящего письма он собирается ехать.

К № 38

¹ Служебные обязанности Н. И. Тургенева в Нанси окончились с отъездом Алопеуса. Последний уехал 8 октября н. ст. (см. дневник Н. И. Тургенева, цит. изд., стр. 300), с передачей управления французам, в Берлин, к месту своей постоянной службы. Того же числа Н. И. Тургенев был „вновь назначен комиссаром в Ликвидационной комиссии для окончания остановленных во время войны дел ее“. Поэтому он должен был снова ехать в Франкфурт, но задерживался в Нанси, ожидая приезда младшего брата.

² Сергей Иванович, как видно из его дневника, приступил к своим новым служебным занятиям 10 октября н. ст. (Дневник С. И. Тургенева за 1815—1816 гг., Архив, № 18, л. 2.)

К № 43

¹ Николай Иванович приехал в Франкфурт 1 ноября нов. ст. Об этом он сообщил Александру Ивановичу письмом от 3 ноября. „Судя по свиданиям, которые я имел здесь с моими товарищами австрийским и прусским комиссарами, — писал Н. И. в этом письме, — мне кажется, что наша ликвидация придет к желаемому концу в скором времени. По сию пору не достает только щетов центрального или главного департамента, т. е. щетов от Штейна, которого секретарь еще не мог привести их в порядок“ (№ 2617, л. 65).

² Сергей Иванович находился в это время в Нанси вместе с Воронцовым.

³ В письме Николая Ивановича к старшему брату от 11 ноября содержится эта его просьба об уплате жалованья в двойном размере (№ 2617, л. 68).

К № 45

¹ О своем прибытии в Нанси Николай Иванович писал одновременно с публикуемым письмом более подробно старшему брату. По его словам, Алопеус „вздумал, что устройство расчетов по его управлению, здесь производящееся, беспорядочно, и потому просил меня привести все в порядок и к концу . . . Приехав сюда, я нашел дела в величайшем порядке, но в неподвижности, потому что нет еще денег для заплаты по контрактам. Недоумение Алопеуса произошло единственно от его легкомыслия“ (№ 2617, л. 73).

² Поступок Алопеуса по отношению к Н. И. Тургеневу объяснен в письме Александру Ивановичу от 16 ноября: „Служение мое в Нанси, которое было для меня самое лестное в жизни, не имело никаких последствий. Алопеус воспользовался присутствием государя в Берлине только для себя и для миссии, из которой двое были в Нанси, о других, бывших в Нанси, — забл. Мне это досадно. Не потому, что я лишаюсь пустого уважения; но потому что я удостоверен, в чем и Алопеус не может не согласиться, я удостоверен, что я в Нанси один более делал, нежели все прочие мои товарищи вместе. Алопеус сам везде отдавал мне справедливость. Но эгоизм его видно был сильнее чувства справедливости. Я просил сказать ему, что я не ожидал от него такого поступка“ (№ 2617, л. 71 об.).

³ Сергей Иванович с 12 ноября нов. ст. находился опять в Париже.

К № 46

¹ Большой перерыв в письмах объясняется тем, что Николай Иванович ездил в Париж, где и виделся с младшим братом. Оба они присутствовали на процессе маршала Нея. В письме к Александру Ивановичу Н. И. описывает: „Ней показал, в особенности под конец, большое присутствие духа и хладнокровие. Говорил хотя и нескладно, но твердо и хорошо. Адвокат хотел было привести в его пользу последний мирный договор, по которому г. Sagte-Louis, место рождения Нея, уступлено Пруссии, Ней, по крайней мере, для вида, не соглашался на это и сказал: *Oui, je suis français et mourrai comme tel.* * Президент, по предложению прокурора, запретил приводить такие оправдания в пользу Нея. Тогда сей последний сказал, что он запрещает своим адвокатам продолжать защищать его. И когда прокурор предложил присудить Нея к смерти, то сей последний, по вопросу президента, ответил, что он не имеет никаких замечаний против сего предложения. После сего публичное заседание кончилось, т. е. перы остались одни. Ней отобедал и лег спать. Мы дожидались с 5 часов до одиннадцати решения комнаты.** Ней умер также с бодростью. Сначала прогнал было духовника, но один из старых солдат сказал ему: «Генерал, я тоже был во многих битвах и всегда выходил

* Да, я — француз и умру таковым.

** Букв. перевод — *Chambre* — палата.

из них невредимым, потому что я всегда молился богу». Нею сказал ему: «Вы правы» и призвал духовника. Никто не знал часа, в которой он должен был быть расстрелян, а потому мы и не могли сего видеть. На другой день Рিশелье объявил в камерах амнистию, с исключением тех, кои были на двух списках, изданных правительством. Эта амнистия пришла очень кстати. Все ее хвалят, все ею довольны... Вообще жители Парижа кажутся не так веселыми как прежде — да право и имеют на это причины“ (письмо от 10 дек. нов. ст., № 2617, лл. 77—78). Сергей Иванович записал свои впечатления от суда в дневнике: „Если подобные Нею люди жить не умеют, то они по крайней мере умеют умирать“ (Дневник, № 18, л. 18). — Не все сведения Н. И. Тургенева вполне точны.

² 13 декабря нов. ст. Николай Иванович уехал из Парижа в Нанси. В день его отъезда Сергей Иванович записал в своем дневнике: „Вот я опять двенадцать дней приятных провел, но зато теперь мне очень, очень грустно. Брат Н[иколай] прожил у меня ровно одиннадцать суток, уехал сегодня в Нанси, оттуда во Франкфурт, а оттуда в Россию; след[овательно] я на долго с ним простился. Я думаю, что я не долго выдержу Мобежскую жизнь. И мне очень хочется в Россию, хоть ненадолго.“ Сергея Ивановича мучило предчувствие, что он расстанется с братом надолго (Дневник, № 18, л. 17 обор.).

К № 48

¹ Борьба вокруг вопроса об устройстве Германии на Венском конгрессе разрешилась актом о конституции Германского Союза, подписанным 8 июня 1815 г. Боролись в Вене два течения. Одно возглавлялось Штейном, противником восстановления „36 маленьких деспотов“, т. е. прежнего раздробленного состояния Германии, другое — Меттернихом, сумевшим настоять на организации Германского Союза, в котором он надеялся обеспечить Австрии руководящую роль. Акт о конституции провозглашал целью Союза „соблюдение внешней и внутренней безопасности Германии, независимость и неприкосновенность принадлежащих к ней земель“ (ст. 2), обеспечивал всем членам равные права (ст. 3), учреждал сейм во Франкфурте на Майне из уполномоченных отдельных правительств под председательством Австрии (ст. 4—5), обязывал все государства к взаимной помощи на случай войны, запрещал им вступать в союзы друг против друга или воевать между собой, требуя от них разбора конфликтов в особой комиссии (ст. 11). Наконец, ст. 13 возлагала на все государства обязательство создать „конституционно учрежденные собрания земских чинов“, без ясного определения, что это собственно такое. По конституции открытие сейма назначалось на сентябрь 1815 г., но, как видим, он еще в декабре не открылся (см. А. Н. Шебунин. Европейская контрреволюция в первой половине XIX в., стр. 69—70 и 75—76. Мартенс, т. IV, стр. 441—447).

К № 49

¹ *Теперешняя оппозиция правительству.* — Речь идет о борьбе между министерством герцога Рিশелье и большинством палаты депутатов, состоявшим из ультрароялистов.

² *Тугендбунд* — (Союз Добродетели) — тайное общество, возникшее в Пруссии в 1808 г. и действовавшее главным образом среди офицеров и молодежи. Целью его было воспитание в населении патриотического духа для предстоявшей борьбы против Франции. Союз, по словам устава, составлял „оплот трона нынешнего властелина Пруссии и дома Гогенцоллернов против безнравственного духа времени“ (§ 11) и боролся с влиянием „подкупленных писателей“, врагов „существующих порядков“ (§ 22). От членов отбиралась подписка об обязательстве быть преданным династии „особенною верностью“. Стремясь иметь опору во всех классах народа, Союз заявлял, что он „не взирает на различие состояний и сословий“ и требовал от вступающих в него помещиков обязательного освобождения своих крестьян.

Первоначально Тугендбунд существовал открыто, и устав его был утвержден королем, но 31 декабря 1809 г. был закрыт по требованию Наполеона и после этого действовал тайно. В 1815 г. часть первой редакции устава была напечатана в журнале „*Freimüthige Blätter*“ (4 тетр.). Однако Н. И. Тургеневу, повидимому, была известна какая-то другая редакция, согласно которой организация носит чисто конспиративный характер. Отметим, что как раз около этого времени русские военные власти за границей обратили внимание на связь русских офицеров и чиновников с масонами и членами Тугендбунда, настроение которых теперь уже не казалось таким верноподданническим. Рапорт полк. Дибича от 8/20 февраля 1816 г. отмечает: „очень значительное число русских офицеров и чиновников, вступивших в общество [масонское. А. Ш.], наблюдение за речами этих неопитов, обрадовавшихся возможности высказаться, наблюдение за всеми махинациями во Франции — тенденция так называемого тугендбунда — распространяемые слухи, равнодушие прусских офицеров к своему государю, превосходно усвоенное нашими офицерами во Франции — связи этих обществ с Франкфуртом, Берлином, Дрезденом, Лейпцигом, Бамбергом, Мюнхеном, Варшавой и С.-Петербургом“ („Русск. Старина“, 1907, № 4, стр. 219). Любопытно, что здесь среди перечисляемых городов на первом месте стоит Франкфурт, в котором тогда жил Н. И. Тургенев. А впоследствии он сам рассказывал о встречах с членами Тугендбунда (*La Russie et les Russes*, I, 520, 521). Известно влияние устава Тугендбунда на „законоположение“ Союза Благоденствия 1817—1818 гг. (В. И. Семеvский. *Общественные и политические идеи декабристов*, СПб., 1909, стр. 419—428). Однако вопрос об этом влиянии еще совсем не может считаться изученным до конца, так как и история Тугендбунда несомненно еще не исследована полностью.

К № 50

¹ Речь идет о письме А. И. Тургенева от 4 декабря 1815 г., которое Николай Иванович переслал младшему брату вместе с публикуемым письмом. В этом письме А. И. Тургенев сообщал брату о неудачном финале своего романа. „Обстоятельства мои, милый друг и брат, переменились, — писал он, — я уже не должен надеяться быть счастливым и принадлежать С. А. Нерешимостью ли моего характера или трудностями, которые нам предстояли на пути жизни, устрешенная С. А., после уверений самых страстных, решилась

прервать связь нашу. Еще в воскресенье неделя ровно тому, как она готова была на все, только страшилась за меня и опасалась моей нерешимости, а через день после того, во вторник, объявила через Свечину, что почитает все конченным, и что принуждена была к сему, уверившись, что я не имею к ней никакой привязанности и что только ласкаю ее пустыми и ложными уверениями" и т. д. (письмо полностью напечатано В. М. Истриным в предисловии к 2 вып. „Архива бр. Тургеневых“, СПб., 1911, стр. 120—121). Кто была эта *С. А. — мы не знаем. В. М. Истрин называет ее „особой из большого света“. Если вспомнить „нерешимость“ Александра Ивановича, его усиленные заботы об улучшении положения своего и братьев, проявившиеся именно в период этого романа, то можно с этим согласиться*. Предполагавшийся брак был, очевидно, неравным. Александр Иванович еще 27 августа 1814 г. писал Жуковскому о невозможности для него счастья и прибавлял, что невозможность эта „зависит почти от условий большого света“. Публикуемое письмо, как и запись в дневнике от 7 января (Дневники, II, стр. 310—311), свидетельствуют о крайне тяжелом впечатлении, произведенном письмом А. И. на Николая Ивановича. Он ответил старшему брату только 6/18 января. Сообщая брату о тяжелом впечатлении, произведенном на него письмом от 4 декабря, Н. И. пишет: „Скажите, что вы разумеете под вашею нерешимостью? Есть ли вы уверены были в своем щастии, что на свете могло вас заставить отказаться от него?“ По словам Н. И. Тургенева письмо брата возродило в нем уже начавшее исчезать отвращение к жизни. Со своей стороны Н. И. готов всем пожертвовать для счастья брата (Архив, № 2617, лл. 83—84).

К № 51

¹ Орден иезуитов был запрещен папской буллой 1773 г. Екатерина II дала им убежище в своих владениях, но не пускала их дальше Белоруссии, где она рассчитывала с их помощью воспитывать католическую молодежь в духе преданности русской власти. Павел I, видевший в иезуитах мощное орудие монархической власти против революции, допустил их в столицы. При Александре I, накануне войны 1812 г., иезуиты, которых император хотел использовать в целях борьбы с влиянием Наполеона в Белоруссии, добились указа о преобразовании их полоцкой коллегии в академию с правами университетов. В 1814 г. орден иезуитов был восстановлен во всей Европе. Это обстоятельство изменяло положение иезуитов в России: из орудия русского самодержавия они становились орудием международного католицизма и могли подчинить свою деятельность целям чуждым и даже враждебным русской политике. В то же время они повели очень умелую пропаганду католицизма в кругах петербургской аристократии. Пропаганда эта грозила оформлением феодально-католической группировки, независимой от царской власти в церковном отношении и связанной с международными кругами реакции.

* П. И. Бартнев утверждал, что предполагаемой невестой А. И. Тургенева была Екатерина Александровна Саблукова, дочь члена Государственного совета и бывшего вице-президента мануфактур-коллегии А. А. Саблукова, сестра автора известных записок о Павле I Н. А. Саблукова („Русский Архив“, 1904, XI, стр. 370). Если это верно, то как согласовать это с инициалами „С. А.“? Может быть „С.“ — Catherine?

Это побудило Александра I указом от 20 декабря 1815 г. изгнать иезуитов из Петербурга и Москвы. Н. И. Тургенев находил в этом указе „тог благородный и либеральный дух, коим наше пр[авительст]во, т. е. государь, отличается от других“. (Письмо к А. И. Тургеневу от 14/26 янв. 1816 г. — Архив, № 2617, л. 88). А. И. Тургенев отвечал в письме к С. И. от 27 февр.: „Указ о иезуитах писал Шишков; бранят за него и меня и за дело; ибо я славлюсь участием в их изгнании, так как и в открытии их козней“ (Там же, № 382 л. 137). В 1820 г. иезуиты были окончательно изгнаны из России, и А. И. Тургенев и на этот раз сыграл в этом крупную роль. Впоследствии Н. И. Тургенев в книге „La Russie et les Jésuites“ (Paris, 1845, — под псевдон. Henri Lutteroth) осветил эту историю по материалам семейного архива. Здесь он высказал свое убеждение, что иезуиты были изгнаны за стремление „подчинить Россию римскому главенству“.

² 6 января 1816 г. в Берлине был подписан прусским королем указ о тайных обществах. В указе говорилось, что, когда отечество было в опасности, правительство одобрило организацию „морального и научного общества“, известного под именем Тугендбунда. Оно представлялось средством „для воспитания любви к отечеству и сообщения душам энергии и мужества в несчастии“. Но устав этого общества побудил короля вскоре после этого закрыть его. Принципы этого общества, одушевившие нацию, дали благие результаты. Но теперь, когда цель достигнута, тайные общества только вредят единству настроения, мешают спокойному исполнению каждым своих обязанностей в законных рамках и т. п. Вследствие этого всякие тайные общества, существующие в стране, должны на каждое свое собрание просить разрешения правительства с указанием цели собрания. Всякая дискуссия по этому поводу в печати запрещается. („Conserveateur Impartial“, 1816, № 4, 14/26 janv.)

Русская политика этого времени, двусмысленная и тщательно завуалированная либерально-мистическими фразами, сказала и на отношении России к этому факту. Программный доклад гр. Каподистрии в январе 1816 г. указывал на необходимость для всех правительств считаться с „духом века“ и хвалил Пруссию за то, что в ней „все находится под скипетром общественного мнения“ (Маргенс, VII, стр. 219), а император в письме к прусскому королю от 15/27 января поздравлял его „с успехом мудрых и энергичных мер“, принятых с целью замедлить „эксцентрическое направление тайных³ учреждений, заблуждения которых могли вызвать законное беспокойство“ (Briefwechsel König Friedrich Wilhelm III und der Königin Luise mit Alexander I, herausgegeben von P. Bailleu. Leipzig, 1900, S. 269).

³ *Geist der Zeit* — дух времени (назв. соч. Арндта).

⁴ *Rheinischer Merkur* — газета, издававшаяся в 1814—1816 гг. в Кобленце либеральным публицистом Герресом (1776—1848). В молодые годы Геррес был поклонником французской революции и сторонником присоединения к Франции левого берега Рейна, но с возвышением Наполеона стал горячим поборником освобождения и объединения Германии. „*Rheinischer Merkur*“ был закрыт за нападки на Австрию и Россию, в которых Геррес видел врагов объединения Германии.

⁵ 16 января 1816 г. в „Северной Почте“ (№ 4) появилось сообщение: „Главная квартира российских войск будет находиться в Мобеже“. С. И. Тургенев прибыл в Мобеж 31 января нов. ст.

⁶ Сведения о жизни русской армии в Мобеже, сообщаемые по газетным сведениям Н. И. Тургеневым, не соответствуют тому, что об этом пишет Сергей Иванович. „Здесь офицерский стол стоит без вина 30 и 40 су. Гр[аф] Воронцов так много выхлопотал для наших офицеров, что они никогда не имели так много денег, как теперь здесь. Солдатам тоже во многих местах хорошо“, осторожно прибавляет С. И. (Дневник С. И. Тургенева. Запись 4 февраля 1816 г. — Архив, № 18, л. 39 обор.).

⁷ Австро-баварский конфликт был вызван недовольством Баварии существовавшим разграничением территории между этими двумя государствами.

К № 52

¹ В письме к А. И. Тургеневу от 14/26 января 1816 Н. И. писал: „В англ[ийских] газетах читал я, что тамошнее библейское общество положило послать несколько тысяч экземпляров англ[ийских] библий для корпуса английского, остающегося во Франции. Это весьма полезно и хорошо и заслуживает подражания со стороны Петербургского биб[лейского] общества относительно русских, во Франции остающихся, солдат. Не худо бы вообще подумать о нравственном занятии как солдат, так и офицеров корпуса гр. Воронцова. Библии могут и должны служить для одних и для других. А сверх того хорошо бы отправить водою во Францию несколько пуд[ов] русских книг, вместо нежелая продавать их из Академии“ (Архив, № 2617, л. 86).

К № 53

¹ *L'Oracle* — газета, выходившая в Брюсселе в 1800—1827 г. и заключающая в себе только известия.

² *Surveillant*, — повидимому, *Mercure Surveillant* — либеральная бельгийская газета. О ней имеется следующий отзыв в дневнике Сергея Ивановича: „Самой интересной нидерландской журнал есть кажется „le Surveillant“, особливо статьями о Франции и в последнее время о Тугендбунде. Он же либеральный. Я велел его выписать не столько для себя, потому что я бы мог его читать у графа [Воронцова], сколько для Старынкевича“ (Дневник С. И. Тургенева. Запись от 5/17 февраля 1816. — Архив № 18, л. 49 обор.) Позднее соединился с „*Nain Jaune réfugié*“ (см. ниже).!

³ *Nain Jaune* — газета, выходившая в Париже с 15 декабря 1814 г. до 15 июля 1815 г. под редакцией Кошуа-Лемэра, Этьенна, Мерль и Жуи. Предшественником N. J. был „*Journal des arts, des sciences et de la littérature*“. Кошуа-Лемэр, дав ему новое название, преобразовал его в политический листок. Номер N. J. составлялся из „*Tablettes historiques*“, литературно-критических статей, театральных обзоров. Но самое главное место в газете, место, посвященное обоснованию главной мысли редакции, занимала хроника под заглавием: „*Vruits de ville et revue des journaux*“. Это была злая, остроумная, но вместе с тем очень осторожная сатира на сторонников старого режима и их прессу. К этому присоединялся отдел карикатур.

Как видно из последующих писем Н. И. Тургенев стал внимательным читателем „*Nain Jaune*“, который он обычно называл „Карликом“. В дальнейшем мы увидим, что он даже кое-что заимствовал из „Карлика“. О влиянии

„Nain Jaune“ „очень определенно говорит кн. П. А. Вяземский: «Желтый Карла» может научить шутить забавно. Наша молодежь учится по негтайнам государственных наук. Это — «Кормчая книга» наших будущих преобразователей» (Вяземский, Полн. собр. соч., X, стр. 11). В 1816 г. вместо „Nain Jaune“ выходил в Бельгии „Nain Jaune réfugié“.

К № 54

¹ К настоящему письму было приложено большое письмо А. И. к С. И., начатое 12 декабря 1815 г. и законченное 11 января 1816 г. 12 декабря А. И., между прочим, писал: „Благодаря богу теперь я спокойнее. Спокойствие же мое в невинности моего сердца и след[овательно] моих намерений. Одного желаю: ее счастья. Надеюсь, что оно возвратится к ней с спокойствием душевным, которое сим происшествием конечно нарушено было. Я не виню ее, вся вина в обстоятельствах, я верю более нежели когда-нибудь, что все устроится к лучшему...“ (№ 382, л. 121). К письму от 11 января приложена копия письма А. И. к С. А., в котором он оправдывал свою медлительность необходимостью убедить мать согласиться на его брак. Письмо это не произвело никакого впечатления на С. А., и она после этого отзывалась об А. И. как о личности, которой не сможет оказывать никакого уважения („un individu auquel je ne pourrai assorder aucun estime“). Несмотря на это А. И. уверял брата, что теперь совершенно спокоен.

² О мельнике-„пророке“ появилась следующая заметка в петербургской французской газете „Conservateur Impartial“ за 3/15 марта (№ 18) 1816 г.: „Адам Мюллер, крестьянин с фермы, находящейся на расстоянии 2 лье от Гейдельберга, пришел недавно поспешно в Франкфурт, вследствие нового видения, которое он будто бы имел, чтобы возвестить членам сейма о кровавой войне, предстоящей ближайшей весной. Дух, охвативший этого честного и простого, но с несколько поврежденными мозгами, человека, привлек ему в Франкфурте последователей среди многих людей, которых до сих пор считали очень чувствительными“. Адам Мюллер был известным мистиком, близким к знаменитой баронессе Крюденер (Muhlenbeck. Les origines de la Sainte Alliance, Paris, 1887, pp. 89—90).

К № 56

¹ *Censeur ou Examen des actes et des ouvrages qui tendent à détruire ou à consolider la constitution de l'Etat* — журнал, выходивший в 1814—1815 гг. под редакцией Конта и Дюнуайе. Всего вышло 7 книг. Возобновил издание в 1817 г. под названием „Le Censeur européen ou Examen de diverses questions de droit public et de divers ouvrages littéraires et scientifiques considérés dans leurs rapports avec les progrès de la civilisation“. Вышло до 17 апреля 1819 г. 12 книг, после чего стал ежедневной газетой под названием „Censeur européen“. В 1820 г. с восстановлением цензуры соединился с „Courrier français“. В 1814—1816 гг. „Censeur“ был наиболее последовательным органом буржуазного либерализма. Он все время защищал конституционные принципы, разоблачал стремления эмигрантов и духовенства, критиковал правительство и особенно пропагандировал идею парламентского министерства. На Н. И.

Тургенева чтение „Censeur“ имело несомненно очень сильное влияние. Еще в дневнике начала 1815 г. находим выписки из этого органа и замечание: „Читая эту книгу сердце радуется успехам свободы гражданской, хотя и в чужой земле“ (Дневники, II, стр. 283). Чтение „Censeur“, защищавшего аристократический принцип майоратов, привело Тургенева и к мысли о перах в России. Это звание, полагал он, следует давать богатым дворянам, освобождающим своих крестьян (там же, стр. 301—302. См. об этом во вступительной статье).

² *Манифест... о последних происшествиях в Европе* — манифест Александра I от 1 января. В манифесте, очень просторном и проникнутом мистическим духом, заявлялось, что победа над Наполеоном — дело не человеческое, а божье. „Не нам, не нам, а имени твоему, господи“. Всем подданным царь выражал благодарность. О Наполеоне манифест говорил как о преступнике, присвоившем себе „богу токмо единому свойственное право единственного и владычества“. Париж, по словам манифеста, — гнездо мятежа, разврата и пагубы народной. Манифест этот произвел очень тяжелое впечатление во Франции, где он был издан отдельной брошюрой и пущен в продажу. Лагарп писал по этому поводу Александру, что некоторые эпитеты шокируют французов и отнимают у них последнее утешение. По мнению Лагарпа, манифест своим появлением доказывает существование заговора против славы, приобретенной Александром в 1814 г. (Шильдер. Император Александр I, IV, стр. 449).

³ Александр Иванович хлопотал о назначении Николая Ивановича помощником статс-секретаря Государственного совета. Н. И. 15 февраля нов. ст. писал к старшему брату, что предпочитает службу в канцелярии министра финансов. „Вообще служба по части финансов одна только может быть для меня приятна и только по сей части я могу надеяться служить с пользою. Итак пожалуйста избавьте меня от канцелярии Совета“ (Архив, № 2617, л. 91).

К № 57

¹ Н. И. Тургенев получил от старшего брата письмо от 25 января с копией указа: „Откомандированного в 1813-м году из Министерства финансов к барону Штейну надворного советника Николая Тургенева, всемиловнейше жалуя в коллежские советники, повелеваю причислить в число чиновников Госуд. канцелярии с производством жалованья по две тысячи рублей, сверх получаемых им из Комиссии составления законов тысячи пять сот рублей. Из штатов же Министерства финансов его исключить. СПбург 14 генваря 1816. Александр“ (Архив № 382, л. 132). По этому поводу Н. И. писал старшему брату одновременно с публикуемым письмом: „Сообщенный вами о мне указ для меня весьма неприятен. Я думаю, что если бы отказаться от перемещения, то никто бы сего перемещения не сделал. Я просил вас в последнем письме моем возпрепятствовать моему определению в Совет, хотя это письмо и не могло дойти до вас во время состояния указа, но я предполагал, что вы сами рассудите, что, по моей склонности к финансам, мне нужно переходить в канцелярию Мин[истерства] фин[ансов], нежели переходить в другую“ (Архив, № 2617, л. 95).

К № 58

¹ Н. И. Тургенев еще в Геттингене написал сочинение о налогах, которое стал перерабатывать, имея в виду напечатать.

² *Le Nain tricolore (Le Nain tricolore)* — листок революционно-бонапартистского направления, содержащий в себе резкие призывы к ниспровержению Бурбонов. Вышел и разошелся только № 1. № 2 был конфискован полицией еще в рукописи. 11 июня 1816 г. редактор его Дюфей, бывший член редакции „Nain Jaune“, издатель Бабеф, сын знаменитого Гракха Бабефа, и трое сотрудников были приговорены судом к ссылке („Journal des Débats“, 12 juin, 1816).

К № 59

¹ *Moniteur universel* — газета, выходившая в Париже с 1789 до 1865 г. Основателем ее был Панкук, известный издатель и журналист XVIII в. Главной задачей „Moniteur“ была публикация отчетов о заседаниях Национального Собрания, потом к этому присоединились и другие официальные акты внутренней и внешней политики, наконец, был заведен в газете и литературный отдел. Печатаемая отчеты законодательных собраний Франции, последовательно сменявших друг друга, плывя спокойно по руслу следовавших друг за другом течений, партий и классов, Moniteur сумел сохранить и свой характер документального издания при всех режимах и передавал свои традиции от одного состава редакции другому. С 1800 г. стал официальным органом французского правительства.

² *Masson* (а не *Maçon*) — выпустил в 1816 г. книгу: „*Considérations sur la nature, les bases et l'usage du crédit public, particulièrement en ce qui concerne les finances de la France*“. В „Journal des Débats“ от 13 марта напечатана рецензия на эту книгу, причем указаны ее достоинства: краткость, поучительность, рассудительность.

К № 61

¹ *Тестамент королевы fac-simile* — 22 февраля 1816 г. в заседании французской Палаты депутатов было оглашено министром полиции Деказом завещание казненной в 1793 г. королевы Марии Антуанетты. Деказ сообщил депутатам, что по приказанию короля факсимиле завещания будет отпечатано, и „каждому из вас будет вручено по экземпляру“ („Journal des Débats“, 23 fevr. 1816).

² *Der Wächter* — газета буржуазно-либерального направления, издававшаяся Арндтом в 1815—1816 гг. в Кельне и проповедывавшая идею объединения Германии и конституционного устройства.

К № 62

¹ Указом министру финансов от 28/III 1816 г. предписано платить Н. И. Тургеневу с 1/II до возвращения в Россию сверх получаемого жалованья

200 руб., считая рубль = 59 голландских штиверов (письмо А. И. к С. И. от 1/IV 1816 г. — Арх., 382, л. 140 об.).

² *O Nain Jaune* см. в примечании к письму от 6 февраля, Тургеневу в этом журнале должны было казаться „ложными“ его симпатии к бонапартизму, его насмешки над русской политикой по отношению к Польше (напр. карикатура на Венский конгресс, изображавшая Александра I сидящим на бочке, с надписью „Польша“, из бочки выглядывают стремящиеся вырваться оттуда люди) и т. д.

³ При Геттингенском университете с 1739 до 1752 г. выходил орган под названием: „Göttingische Zeitung von Gelehrten Sachen“.

В 1753 г. он изменил свое название („Göttingischen Anzeigenv on Gelehrten Sachen“) и расширил свое содержание. С 1802 г. название было „Göttingische Gelehrte Anzeigen“. Издание состояло из рецензий на ученые труды и издания, появлявшиеся в различных европейских странах (в том числе и в России). Таким образом, оно имеет большую ценность для истории европейской научной мысли. Рецензия проф. Сарториуса на книгу Сея „Traité d'économie politique“ была напечатана в 52-й части „Göttingische Gelehrte Anzeigen“, от 30 марта 1816 г.

К № 64

¹ *Vauca Ausgleichung Comission* — та самая комиссия по уравниванию саксонских счетов, в которой в 1815 г. работал С. И. Тургенев.

² *Карлик*, т. е. *Nain Jaune*.

К № 65

¹ *Chateaubriand — Essai historique, politique et moral sur les Révolutions anciennés et modernes. Londres, 1797.*

Именно эту работу Шатобриана в это время читал Тургенев. Книга эта писана автором в эмиграции после поражения контрреволюционной интервенции. Заинтересовавшая Тургенева 1-я часть содержит параллель между революциями античными и новейшими, причем в центре внимания автора по преимуществу древняя Греция (особенно Афины) и Франция. Он находит, что французы лишь пародировали древних, переняв у них только пороки. Характерно для всех революций республиканского типа, по мнению Шатобриана, то, что их всегда начинала знать, пробуждавшая своей борьбой с монархом за власть стремление к власти в народе. Предвестником революции в Афинах, как и во Франции, была философия. Но греческие философы интересовались нравственной стороной человека, французские — политической. Поэтому греки много выиграли в области нравственности, французы — напротив, потеряли. Якобинцев Шатобриан считает подражателями принципам древней Спарты. Но спартанское законодательство соответствовало потребностям народа, едва вышедшего из первобытного состояния, а французы уже были нравственно испорченный народ. Вот почему в итоге деятельности якобинцев, сумевших, правда, защитить страну, народ стал еще более развращенным.

Тургенев читал книгу Шатобриана с интересом и делал из нее выписки (Дневники, II, стр. 329—331) (см. примеч. к № 66).

К № 66

¹ „Увраз“ Шатобриана — „Essai sur les Révolutions“ (см. примечание к предыдущему письму). Во второй части книги Шатобриан подвергает критике и сомнению идеал политической свободы, как и вообще всякие политические идеалы, противопоставляя им идеал внутренней свободы, нравственного совершенствования, „духовной жизни“. „Суета сует и всяческая суета“ — вот, собственно, единственная мысль этой книги.

Отсюда дальнейший шаг был в сторону религиозных идей, за которыми на смену политическому скептицизму пришли „правильные монархические идеи“ (Chateaubriand, Mémoires d'outre tombe). В эпоху реставрации Шатобриан — один из вождей ультрароялистов. Вот почему Тургенев находит, что прежде Шатобриан „был умнее, чем теперь“.

² В начале мая 1816 г. в окрестностях Гренобля несколько отставных военных возбуждали крестьян волости Визиль к нападению на город. Интересно, что это было в той самой волости, в которой в марте 1815 г. появление во Франции Наполеона нашло первый отклик. 4 мая около 10 час. вечера перед городом появилась толпа в количестве 300—400 чел. и пыталась проникнуть в город, но была разбита войсками, причем 200 чел. было взято в плен. Из них 25 чел. было расстреляно, 2 гильотинировано. По словам письма из Франции, напечатанного в „Северной Почте“ (№ 43, от 27 мая), целью движения было „вести опять во Францию безначалие, грабежи и все бедствия, постигшие оную в 1793 г.“.

Около того же времени в Париже была раскрыта тайная организация, существовавшая под именем „Филантропического общества“. У одного из членов организации, офицера, был найден портрет Наполеона II и присяга. В „Moniteur universel“ от 14 мая было напечатано, что заговорщики „в большинстве люди из низшего класса народа, старые мастера революции, безумцы, не обладавшие средствами исполнения“. „Moniteur“ уверяет, что целью их была „анархия, разбой и возвращение отвратительного режима 1793 года“.

В действительности же это было движение мелкой буржуазии, недовольной господством дворянской реакции.

К № 69

¹ Левис. — Имеется в виду книга этого автора: „Considérations morales sur les Finances“, в которой много места уделено развитию промышленности в Англии. Успехи этой промышленности Левис ставит в значительной степени в связь с существованием в Англии политической свободы. Отмечает он и рост нищеты в Англии. Тургенев сравнивает эту книгу с сочинением Сея „De l'Angleterre et des Anglais“.

К № 70

¹ В начале 1816 г. в корпусе гр. М. С. Воронцова возник вопрос о воспом судопроизводстве. Воронцов, англоман и противник аракевевской системы, стремился ввести в своем корпусе новые правила и, в частности, отмену

телесных наказаний. Ознакомившись с историей русского военного судопроизводства, Воронцов, по его словам, пришел к заключению, что то, что он „почитал пороком военных наших уложений, было ни что иное . . . как упущение правил оными изложенных и что сие упущение происходило и происходило больше всего от аудиторов * наших“. По законам Петра I аудиторы должны быть хорошие юристы, а у нас они часто „фельдфебели и унтер-офицеры из крестьян, чуть-чуть читать и писать умеющие и привыкшие думать, а часто и чувствовать, что палка есть единственный закон и управление роты, верх человеческого искусства“. Со своей стороны, Воронцов как убежденный аристократ вообще склонен был считать палочную систему в армии следствием проникновения на командные посты выдвигавшихся Павлом и Аракчеевым незнатных людей и противопоставлял им идеальные порядки времен Суворова. Проект правил для военных судов, составленный Воронцовым, преследовал в первую очередь цель „преобразования аудиторов“ и „соблюдения правил всеми народами принятых и в наших же уложениях начертанных“ (см. письмо Воронцова к А. А. Закревскому от 17/29 февраля 1816 г. — Сборник Русского исторического общества, т. 73, стр. 478—481). Составив проект, Воронцов показал его С. И. Тургеневу и просил сделать на него замечания. Сергей Иванович представил их, после чего Воронцов распорядился подождать с печатанием составленных им правил. „Дело интересное, — пишет Сергей Иванович, — и если он захочет, то я серьезно ею [военно-судную частью. А. Ш.] займусь“ (запись в дневнике С. И. Тургенева от 3/15 марта, Архив, № 18, л. 64). Результатом совместной работы Воронцова и С. И. Тургенева явились „Некоторые замечания о производстве в корпусе военных судов“. „Замечания“ предписывают следовать правилам военно-судной части, изданным в 1812 г. для действующей армии, а в иных случаях законам Петра I. „Главнейшее следствие прежнего обряда в военно-судных делах была медленность оных и пространная ненужная переписка, сие и теперь водится“, хотя и по законам Петра, и по правилам 1812 г. все судопроизводство должно быть словесным. Далее отмечается, что очень часто на суде бывает даже неясно, в чем обвиняется подсудимый, из-за отсутствия предварительного дознания, и суду приходится „изыскивать вину и доказательства“. Поэтому надо 1) чтобы на суде был „показатель вины“ или „челобитчик“, 2) чтобы подсудимый имел защитника или защищал себя сам, 3) чтобы аудитор наблюдал за соблюдением законного порядка и ведением протокола. Роль аудитора — посредническая между подсудимым и „челобитчиком“. Аудитор должен быть знающим законы, „а отнюдь не употреблять в судах не знающих, или за аудитора фельдфебелей“. Дальше „замечания“ останавливаются на порядке судебного заседания. Суд должен быть гласный. Главнокомандующий может прощать обвиняемого или смягчать приговор (Арх., № 1835). „Замечания“ были опубликованы приказом по корпусу.

К № 71

¹ Тариф 1816 г. явился на смену тарифу 1811 г., проникнутому запретительными тенденциями. В годы континентальной блокады русским прави-

* Аудитор в военном суде совмещал в себе обязанности следователя, прокурора и секретаря.

тельством был издан благоприятный для интересов русской промышленности запретительный тариф. С возобновлением отношений с Англией в 1812 г. сразу поднят был вопрос о пересмотре тарифа. Но купечество в особой записке обратило внимание правительства на то, что „в нынешнее несчастливое время разорения от неприятеля грабежом и огнем от разрешения товаров последует заводчикам вторичное разорение“ (К. Лодыженский. История русского таможенного тарифа, СПб., 1881, стр. 173). Купцов поддержали министры внутренних дел Козодавлев и иностранных дел гр. Румянцев, и старый тариф был сохранен. Однако с окончанием войны усилился натиск сторонников пересмотра тарифа в духе свободной торговли. Землевладельческое дворянство было заинтересовано в свободном ввозе иностранных промышленных товаров как лучших по качеству и отрицательно относилось ко всякого рода покровительству фабрикам и заводам в ущерб земледелию. Особенно энергично отстаивал эту позицию „Дух Журналов“ см. о нем примечание к № 92), заявлявший, что „правительство в делах народной промышленности не иначе должно действовать как только с советом и примером, а отнюдь не принуждением, ниже какими-либо распоряжениями, стесняющими свободу частную“ („Дух Журналов“, 1816, ч. I). Новый тариф был издан 31 марта 1816 г. Он был проникнут умеренно-фритредерским духом: бумажные, шерстяные ткани, сукна и другие аналогичные товары, ввоз которых был прежде запрещен, теперь допускались с умеренной пошлиной (от 15 до 35% ценности). Но запретительные статьи все же сохранились и в этом тарифе.

² *Реконесансы* — от reconnaissance. Одно из значений этого слова: документ, признающий существование какого-либо обязательства, что может быть применено и к облигациям и к кредитным билетам, о которых здесь и идет речь.

³ *Официальные замечания на уголовное уложение в Баварии* — Anmerkungen zum Strafgesetzbuche für das Königreich Baiern. Nach den Protokollen des Königlichen geheimen Rats. I und II B. — 1813. III B. — 1814. Рецензия на „Anmerkungen“ напечатана в 96 ч. „Göttingische Gelehrte Anzeigen“ от 15 июня 1816 г.

К № 72

¹ *Барбадос* — самый восточный из Малых Антильских островов, с 1652 г. — английская колония. В 1816 г. здесь было одно из многочисленных восстаний невольников-негров против своих поработителей. Результатом этих восстаний было освобождение негров в 1834 г. Тургенев заинтересовался этим событием как противник рабства и крепостного права. В бунте он видел предостережение „сильным мира сего“.

К № 73

¹ В Прибалтийском крае уже к концу XVIII века землевладельцы считали возможным пересмотреть феодальные методы ведения хозяйства. В связи с этим в 1803 г. был учрежден правительством комитет с участием представителей лифляндского дворянства, выработавший положение о лифляндских

крестьянах, утвержденное 20 февраля 1804 г., а через год распространенное и на Эстляндию. „Положение“ ограничивало власть помещиков над крестьянами, строго разделяло землю в каждом имении на господскую и крестьянскую и устанавливало определенные повинности крестьян в пользу помещиков. В 1811 г. прибалтийское дворянство просило о полном уничтожении крепостного права при условии сохранения всей земли за помещиками. Это и было сделано в 1816 г. по отношению к Эстляндии. Восторженно приветствовавший эту меру Н. И. Тургенев таким образом обнаруживал свою симпатию к капитализирующему помещичьему хозяйству и свою полную чуждость интересам крестьян. (Документы об освобождении эстляндских крестьян напечатаны в „Сборнике исторических материалов, извлеченных из архива собственной его имп. вел. канцелярии“, IV, стр. 313—368.)

² *Ливеранты* — от англ. *livery* — члены купеческих гильдий.

³ Книга Делольма — *Constitution de l'Angleterre ou Etat du gouvernement anglais comparé avec la forme républicaine et avec les autres monarchies de l'Europe* (2 тома) вышла в 1771 г. Автор этой книги считает, что Англия в средние века имела большое преимущество перед Францией, а именно: сильную королевскую власть, под давлением которой объединились знать и народ в борьбе за свободу. Отмечая как основу английской свободы свободу личности, Делольм считает особенно положительной стороной английской конституции отделение власти законодательной от исполнительной. Принадлежность последней королю, естественному защитнику народа от аристократии, гарантирует от установления аристократического строя (De Lolme, I, p. 59; II, p. 102). Книга Делольма вслед за Монтескье имела большое влияние на политическую мысль континентальной Европы. Она способствовала образованию того специфически континентального представления об английской конституции, которое особенно ярко развивал потом Малле дю Пан, и которое видело в этой конституции компромисс между твердой властью и свободой, аристократией и демократией. Под влиянием этого представления воспиталась оппозиционно-аристократическая идеология конца XVIII и начала XIX века. В русских условиях эти идеи увлекали крупных землевладельцев, дороживших сословными преимуществами, но мечтавших о соединении их с капиталистической системой хозяйства.

Тургенев, внимательно читавший книгу Делольма, был поражен в ней, во-первых, ясным определением свободы личности, во-вторых, взглядом на монархическую власть как защитницу интересов народа. То и другое соответствовало его собственным взглядам (Дневники, II, стр. 336—337).

К № 74

¹ Резко пессимистические отзывы Тургенева о Германии объясняются его разочарованием в ее способности к действительному объединению на конституционных началах. Живя в Франкфурте, где должен был работать германский сейм, это более чем скромное порождение объединительных порывов немецкой буржуазии 1813—1815 гг., он ясно видел их жалкие результаты. Между тем, даже сейм никак не мог собраться. Уже 21 августа в „*Journal des Débats*“ было напечатано письмо из Франкфурта, заявлявшее, что в этом месяце нет никакой надежды на открытие сейма. Вряд ли — прибавляло

письмо — можно рассчитывать и на следующий месяц. В письме к Александру Ивановичу от 19 июля Николай Иванович выразился о немцах крайне резко: „я удостоверился, что немцы не заслуживают ни национальности, ни даже независимости. Пустой, право, пустой народишка: или бессмысленные ребята, или престарелые старики — из сих двух родов людей состоят немцы“ (Архив, № 2617, л. 109).

К № 75

¹ *L'art de diner en ville*. Мы не нашли нигде библиографических указаний об этой книге. В дневнике С. И. Тургенева есть о ней упоминание и отзыв. Ее точное название — „*L'art de diner en ville à l'usage des hommes de lettres*“ (Искусство обедать в гостях как руководство для литераторов). Это — маленькая поэма. Вот отзыв Сергея Ивановича о ней: „Она весьма забавна, умна и содержит в себе множество стихов. Сочинил ее книгопродавец* имени своего не выставил. Я прочел ее с большим удовольствием“ (Дневник С. И. Тургенева. Запись от 10/22 октября 1819 г. — Архив, № 25, л. 23 обор.).

К № 76

¹ Значок, употребляемый Тургеневым в этом и другом письмах, заимствован им из „*Nain jaune*“. В № 5 этого журнала от 5 января 1815 г. были напечатаны „Органические статуты ордена Гасильник“. Статуты начинались обращением Мизофана 2367-го: „милостью князя тьмы, повелителя темных островов, королевства кротов, озера раков и других мест“ к его „верным подданным, людям, носящим шляпы, чалмы, барреты,** меховые облачения, сутаны и ливрен, ко всем слепым, кривым и близоруким“. Желая задержать „угнетающий прогресс“ просвещения, Мизофан возвещает учреждение ордена. Орден состоит из великого мастера, судей или великих гасильников, командоров, рыцарей двойного гасильника и просто рыцарей. Во главе — совет под председательством великого мастера. Принимаются в орден лица, представившие доказательства о четырех поколениях невежества как по материнской, так и по отцовской линиям. Основные принципы ордена: оскотинить, чтоб управлять; преследовать, чтоб победить; ползать, чтоб достигнуть. Каждый вступающий в орден должен приносить клятву в ненависти к философии, к либеральным идеям и к конституционной хартии. В № 9 „*Nain jaune*“ (от 25 января) был напечатан церемониал принятия в орден. В № 13 (от 15 февраля) протокол заседания, где этот значок употреблен для обозначения членов ордена Гасильник. Н. И. Тургенев обозначает им реакционеров, гасителей света.

² В „Северной Почте“ от 28 июня напечатано: „Г. Начальник Главного Штаба его императорского величества сообщил Г. Главкомандующему в Санкт-Петербурге, что по воле государя императора поставлен у каменного трактира трех рук, что на Царскосельской дороге, столб с четырьмя руками с надписями: на 1 в Санктпетербург, на 2 в Царское Село, на 3 в Петергоф и на 4 зимняя

* Пропуск в рукописи.

** Кардинальские шапки.

дорога в Москву, и что его величеству угодно, дабы место сие именовалось впредь четырьмя руками". Скептицизм Тургенева в отношении ожидавшихся им реформ сильно питался подобными сообщениями, свидетельствовавшими, по его мнению, о том, какими ничтожными вопросами были заняты власть имущие.

Сам Н. И. Тургенев именно в эти месяцы (июнь—август) усиленно занимался составлением планов реформ и в частности много думал над крестьянским вопросом (Дневники, II, стр. 333—338).

К № 81

¹ В письме к Александру Ивановичу от 16 сентября Н. И. Тургенев писал: „Не знаю, что-то сердце стынет, приближаясь к северу“ (Архив, № 2617, л. 115 обр.). О настроении Н. И. Тургенева в этот момент и отношении к этому настроению старшего брата — см. во вступительной статье.

² В № 76 „Северной Почты“ от 20 сентября 1816 г. появилось сообщение: „Служащему в Государственной канцелярии, коллежскому советнику Николаю Тургеневу всемилостивейше повелено быть помощником статс-секретаря по Департаменту государственной экономии с производением определенного по ему званию жалованья и с оставлением в Комиссии составления законов на прежнем основании“.

К № 82

¹ О настроении Ал. Ив. Тургенева — см. во вступительной статье.

² О „Северной Почте“ — см. примечание к № 83.

³ О Германии — см. в примечании к № 74.

К № 83

¹ *Über den Bauerstand* (О крестьянском сословии) — соч. Арндта.

² *Арзамас* — литературное общество последователей Н. М. Карамзина, основанное в 1815 г. для борьбы против сторонников шишковской „Беседы любителей русского слога“. Первое заседание Арзамаса состоялось 22 октября 1815 г. при участии Д. В. Дашкова (кличка: Чу), С. С. Уварова (Старушка), Д. Н. Блудова (Кассандра), С. П. Жихарева (Громобой), А. И. Тургенева (Эолова Арфа) и В. А. Жуковского (Светлана). Клички были заимствованы из баллад Жуковского. На заседании было принято что то вроде устава, возлагавшего на каждого вступающего в Арзамас члена обязанность произнести речь, посвященную кому-либо из членов „Беседы“ или возглавлявшейся Шишковым Российской Академии. В следующих заседаниях членами Арзамаса были избраны: Ф. Ф. Вигель (Ивиков Журавль), П. И. Полетика (Очарованный Челнок), Д. П. Северин (Резвый Кот), кн. П. А. Вяземский (Асмодей), В. Л. Пушкин (Вот), Д. А. Кавелин (Пустынный), К. Н. Батюшков (Ахилл), А. Ф. Воейков (Дымная Печурка или Две огромные руки), Л. А. Плещеев (Черный Вран), Д. В. Давыдов (Армянин). О политической физиономии Арзамаса — см. во вступительной статье.

3 „Северная Почта“ — официальный орган министерства внутренних дел, выходящий с 1 ноября 1809 г. В 1816 г. „Северная Почта“, пытаясь попасть в тон заграничным декларациям Александра I, „пустилась в либеральность“. Так в № 41 (от 20 мая 1816 г.) провозглашается, что „умеренность цензуры и благоразумная свобода тиснения полезны“. В № 54 (от 5 июля) печатается корреспонденция из Франкфурта, указывающая, что в то время как революция „дала Франции не свободу, а деспотов“, „образованность... нанесла смертельный удар деспотизму в Европе“ и „провозгласила повсюду конституции“. В № 65 (от 12 августа) помещается перевод статьи из „Conservateur Impartial“ о повсеместном распространении „конституционно-монархических правил“. В № 75 (от 16 сентября) дается резкая характеристика партии ультра-роялистов, а в следующем № (от 20 октября) приветствуется роспуск реакционной „бесподобной“ палаты, что толкуется как укрепление конституции. По словам самого императора, „Северная Почта“ должна была „содержать всегда умы народные в том направлении, которое наиболее соответствует благонамеренным видам правительства“ (письмо к Аракчееву от 18 октября 1809 г. — „Русская Старина“, 1870, т. I, стр. 345). В либеральных дворянских кругах, близких Н. И. Тургеневу, к „либерализму“ „Северной Почты“ относились иронически, видя в нем проявление чиновничьей угодливости императору. „Теперь я думаю, желтый карла ей в подметки не годится. Есть такие благословенные желудки, которые все переваривают, только чтобы хозяину стола угодить или, лучше сказать, которые ничего не варят, а все принимают и все пропускают“, — писал Н. И. Тургенев кн. П. А. Вяземский 3 июня 1818 г. („Остафьевский архив“, I, стр. 106).

К № 85

¹ Вскоре после роспуска „бесподобной“ палаты вышла брошюра Шатобриана „La Monarchie selon la charte“, защищавшая принципы парламентаризма. Такова была официальная позиция ультрароялистов, имевших большинство в „бесподобной“ палате и надеявшихся иметь его в новой. Напротив, группа левого центра вынуждена была в это время выступать против парламентаризма и в защиту королевских прерогатив. Только соответствующее давление на короля могло оградить буржуазию от натиска дворянской реакции. Поэтому упоминаемая Тургеневым брошюра Вильмена, профессора литературы и сторонника левого центра, „Le roi, la charte et la monarchie“, указывала, что при настоящем положении вещей во Франции королю должно быть обеспечено руководящее положение. Н. И. Тургенев, полагавший, как видим, что брошюра вышла из правительственного лагеря, отмечает, что в ней больше либерализма, чем „в Шатобриановых, истинно возмутительных либелях“. И это, конечно, верно, так как суть либерализма была не в политических формах, а в защите классовых интересов буржуазной Франции против социальной реакции, хотя бы последняя прикрывалась парламентскими формами. Политика Ришелье, вопреки мнению Тургенева, твердостью не отличалась. Принцы, стоявшие на стороне ультрароялистов, прежде всего — брат короля и наследник престола, граф д'Артуа, негласный вдохновитель этой партии, и сын его, герцог Беррийский.

2 Сергей Иванович в недошедшем до нас письме, повидимому, жаловался братьям на скверное отношение к нему со стороны русского посольства в Париже, где ему часто приходилось бывать по поручениям Воронцова. Отношение это определялось откровенным поведением самого Сергея Ивановича, совершенно не скрывавшего своих убеждений. 8 декабря 1816 г., отправляя письмо к братьям, он записал в своем дневнике: „Надобно, чтоб мое положение переменилось; средств к тому сообразных совершенно с моим независимым характером не нахожу и не найду“ (Архив № 20, л. 40).

О различии отношения к такому его поведению старших братьев см. вступительной статье.

3 Годовое отчетное собрание Публичной Библиотеки состоялось 2 января в присутствии министра народного просвещения кн. А. Н. Голицына. Директор библиотеки А. Н. Оленин напомнил собранию о дне посещения библиотеки императором, послужившем причиной установления ежегодного празднования. Библиотекарь Красовский прочел краткий конспект составленного им Отчета библиотеки за 1816 г. Помощник Библиотекаря Н. И. Гнедич прочел свою поэму „Рождение Омера“, „основанную на счастливых для поэзии о певце Ахиллеса преданиях древних писателей и на некоторых мыслях новейших критиков, судивших о его творениях“. Затем были розданы публике печатные экземпляры „Отчета“ за 1815 г. Штабс-капитан Яковлев прочел „сочиненное титулярным советником Гречем в прозе: о б о з р е н и е р о с с и й с к о й с л о в е с н о с т и 1815 и 1816 годов: ибо сим чтением г. Греч не мог сам заняться, за слабостью своего здоровья“. Библиотекарь И. А. Крылов прочел свои басни: 1) Кукушка и Горлинка, 2) Сочинитель и Разбойник, 3) Похороны. После всего публике было предложено „пристойное угощение“ („Северная Почта“, 10 января 1817 г., № 10). Столь возмущившее Тургенева „Обозрение“ Греча: содержало в себе в качестве основной мысли указание, что в России литература имеет больше возможностей для процветания, чем в других странах, так как имеются налицо необходимые для этого условия: „благоразумная свобода и внимание правительства“, а также еще от времени Петра I „правило терпимости всех вероисповеданий“. У нас, говорил далее Греч, „незнатность и бедность породы не препятствуют возвышаться людям с способностями и познаниями“. Со своей стороны, Греч рекомендовал писателям содействовать своими трудами „утверждению в соотчичах их правил веры, нравственности, любви к отечеству, распространению истинного просвещения“ и т. д. („Сын Отечества“, 1817, № 1, стр. 3—11. „Выписка из отчета“, прочитанного Красовским, напечатана там же, № III, стр. 89—109). Тургенева это заседание так возмутило своим казенным оптимизмом, что он избрал его темой для своей речи в Арзамасе (см. ниже, примечание к № 89).

4 Точное название упоминаемой Тургеневым книги Сабатье — *Tableaux comparatifs des dépenses et des contributions de la France et de l'Angleterre, suivis de considération sur les ressources des deux Etats servant de réfutation à l'ouvrage de M. Gentz. 1805.*

5 Книга Геерена о Немецком Союзе носит название „*Der Deutsche Bund in seinen Verhältnissen zu dem Europäischen Staatensystem*“. Автор книги, по словам Тургенева, „представляет союз сей составною частью Европейской системы государств“, так как полное объединение всех немецких государств было бы опасно для Европы, и прежде всего угрожало бы России и Франции.

Тургенев думает, что такое мнение о Германии „не стоит доброго немца“. Что касается существующего Немецкого Союза, то, говорит Тургенев, „есть ли бы Н[еерен] посмотрел, во первых, на членов Нем[ецкого] Сейма и принял бы в уважение дух им свойственный, то он умерил бы восторг свой“. По мнению Тургенева, „направление политики не только первоклассных держав, но даже и малых держав, входящих в состав Нем[ецкого] Союза, ясно доказывает, что Франкфурту не предназначено быть средоточием Европейской политики. Сие направление доказывает, что малые Нем[ецкие] державы не разделяют мнения Г[еерена] о важности Нем[ецкого] Сейма“, („Дневники“, III, стр. 65—69). Заметим здесь, что когда Тургенев писал эти строки, он уже имел материал для суждения о деятельности Союзного Сейма Германии, который начал свою работу 5 ноября. О взглядах Геерена на Немецкий союз см. в статье А. Н. Шебунина „Западно-Европейские влияния в мировоззрении Н. И. Тургенева“— „Анналы“, III, стр. 212.

⁶ Бельгия в 1814 г. была присоединена к Голландии и своей особой конституции не имела, а управлялась на основании конституции королевства Нидерландов, которая была единогласно принята голландскими Генеральными Штатами. В Бельгии ее было предложено рассмотреть собранию нотаблей, причем, несмотря на неполный состав этого собрания и некоторые разногласия, 24 августа 1816 г. конституция была провозглашена как принятая обеими сторонами. В действительности интересы бельгийского населения конституцией защищались слабо. Так, например, на нее возложена была доля голландского государственного долга, представительство от обеих частей государства было установлено равное, хотя Бельгия была более населенной и т. д.

⁷ Протоколами Арзамаса устанавливается, что кроме заседания 11 ноября 1816 г. (см. примечание к № 84) Н. И. Тургенев присутствовал еще в заседании 24 декабря 1816 г. Даты третьего заседания на котором он присутствовал, установить не удалось, так как в протоколах следующим идет заседание от 6 января 1817 г. В протоколе заседания 24 декабря упомянуто, что „Варвик“ (т. е. Н. И. Тургенев) „не исполнил обета и еще не усypил ни одного безвестного Эдвина и не вступил еще как повелитель в святилище Арзамаса“ („Арзамас“, стр. 181).

К № 86

¹ *Mercur de France* — один из самых старых французских журналов. Начал выходить в 1672 г. под названием „*Mercur galant*“. Вышло 6 книг, в 1677 г. вышло 10 книг „*Le pouveau Mercur galant*“, после чего выходил под старым названием до 1714 (477 книг). С 1714 до 1716 г. „*Nouveau Mercur galant*“ (33 книги). С 1717 до 1721 г. „*Le pouveau Mercur*“ (54 книги). С 1721 до 1723 г. „*Le Mercur*“. Наконец с 1724 до 1791 г. „*Mercur de France*“. В последние годы политический отдел журнала был руководим Малле дю Паном. С 1791 до 1799 выходил: „*Mercur français*“ республиканского направления. С 1799 г. выходил опять „*Mercur de France*“, не имевший определенной политической физиономии. В конце 1816 г. стал органом левого крыла либералов, так наз. „независимых“.

К № 87

128 января 1817 г. когда управлявший Англией сын сумасшедшего короля Георга III, принц-регент Георг, крайне непопулярный в стране, ехал открывать парламент, его карета была забросана камнями, и сам он подвергся тяжким оскорблениям. По предложению правительства парламент постановил приостановить действие закона о неприкосновенности личности (Habeas Corpus Act) до 1 июля. В стране поднялась волна протестов и манифестаций. В графстве Йорк и в Манчестере было проектировано движение в Лондон 100 тыс. чел. с петицией к парламенту. Вожаки движения были арестованы, клубы закрыты. Но после этого были раскрыты заговоры в Бирмингэме, Ноттингэне и Дерби, и постановлением парламента от 3 июня срок приостановки действия Habeas Corpus Act был продлен до 1 марта 1818 г.

К № 88

1 После роспуска „бесподобной“ палаты и новых выборов французское правительство вступило в переговоры с державами-оккупантами о сокращении оккупационной армии. Итогом этих переговоров явилась нота Англии, Австрии, Пруссии и России от 10 февраля нов. ст. Нота заявляла, что пребывание во Франции оккупационной армии было необходимо для укрепления „законной и конституционной власти“ короля, и что, так как в этом направлении многое уже достигнуто, державы считают возможным сократить оккупационную армию на 30 тыс. чел. пропорционально силам каждого, т. е. на $\frac{1}{5}$ часть каждого корпуса, и начать это сокращение с 1 апреля. 17 февраля нов. ст. С. И. Тургенев подал Воронцову записку „*Quelques réflexions sur le renvoi d'une cinquième de l'armée d'occupation*“. С своей стороны он указывал, что предположенное сокращение преждевременно, в частности следует принять все меры, чтобы русский корпус остался во Франции целиком. „Главное сдерживающее начало для французов есть присутствие союзников и в особенности русских, которых они ненавидят менее, а уважают и боятся более, чем других“. Далее говорится, что сокращение оккупационной армии окрылит надежды всех борющихся во Франции партий. „Легкомыслие, председательствующее в совете министров нынешнего состава, легко убедит их, что Бурбонов поддерживает не союзная армия, а их удивительная администрация. Оппозиция не более рассудительна, она даже думает, что одни только союзники мешают ей сделать все хорошие вещи, которые она намеревается устроить для приведения Франции в состояние, ей подходящее или правильнее подходящее ультрам. Антибурбонисты ничего не желали бы лучшего, так как каждый из них имеет свой проект относительно Франции и своего человека для приведения этого проекта в исполнение. В результате все партии соединятся на требовании нового сокращения союзной армии. Тем временем дружба между дворами может легко охладеть и они возможно будут стремиться к разрыву единственной связи их соединяющей, т. е. оккупационной армии, сотрудничающей для одной цели и по приказаниям одного вождя“. Поэтому следовало бы целиком оставить во Франции армии великих держав и вывести только отряды мелких. Но в общем, по мнению С. И. Тургенева, пора поду-

мать об укреплении конституционной монархии во Франции иными средствами, кроме военных. „Возвращение к конституции, вызванное по крайней мере отчасти советами иностранных государей,* и покровительство, оказываемое французским правительством тем, кто наиболее заинтересован в сохранении существующего строя, и кем слишком пренебрегали в течение последнего года,** могут быть включены в число этих хороших средств“ (Архив, № 1859).

А. И. Тургенев ознакомил с содержанием записки Сергея Ивановича, не называя имени автора, гр. Каподистрию. Но последний согласился „с мнением тех, кои полагают оставить все число войск или выводить только войска малых держав, признавая пребывание наших войск во Франции вредным для них самих, следов[ательно] и для нас. По его мнению Россия не должна желать этого и чем скорее выведется и остальные, тем лучше и для нас и для Франции“ (Письмо А. И. Тургенева к Серг. Ив. от 28 февр. 1817 г. — Архив, № 382 и 28). Позиция Каподистрии, конечно, объяснялась его всегдашним желанием показать Франции расположение к ней России, так как в планы этого министра входило франко-русское сближение.

² В заседании Арзамаса 24 февраля Н. И. Тургенев формально был принят в число членов. Выступление его с речью следующим образом отмечено в протоколе: „лицо его пылало огнем геройства, и голова, казалось нам, дымилась как Везувий. Извержение черепа воспоследовало, пролилась река лавы; но переменим тон и скажем слогом древних песен, потекла эта реченька на правую на сторонущку, да за батюшку, за Аничков мост, да и к какой-то Библиотеке. Там пламенная река истощила свою ярость; там несчастные жертвы Помпеи — Г. [Греч] и Геркуланума К. [Красовский] будут храниться под ее лавой и пеплом, будут в грядущие веки ужасать библиотекарей и журналистов“ („Арзамас“, стр. 190—191). В своей речи Н. И. Тургенев избрал объектом нападения отчетное заседание Публичной Библиотеки (см. выше примечание к письму от 4 января). С особенным упорством он напал на Греча за его слова о „благоразумной свободе“ печати, будто бы существовавшей тогда в России. Тургенев вспомнил при этом, что „не только у нас, но и во всей Европе приятными наименованиями стараются покрывать наготу деспотизма и порока“. Прямодушные люди, говорил оратор, не верят этим словам и „под благоразумным человеком разумеют эгоиста, под благоразумием цензуры — благоразумие полиции“.

Сравнение текста речи Н. И. Тургенева, произнесенной в Арзамасе и приложенной к протоколу („Арзамас“, стр. 191—194), с текстом, набросанным им еще 11 января в дневнике (Дневники, т. III, стр. 17—20), приводит, однако, к заключению, что первоначальный текст был резче по форме и определеннее по содержанию. Здесь в начале речи было проведено сближение между „литературными халдеями“, против которых боролся Арзамас, и „политическими хамами“, на которых (по его выражению) восставал Тургенев.

---

* Под возвращением к конституции здесь разумеется указ 5 сент. 1816 г. о роспуске „бесподобной“ палаты.

** Речь идет о системе белого террора, царившего в 1815-1816 гг. и направленного против противников дворянской реакции.

³ Вывоз хлеба из России в послевоенные годы чрезвычайно усилился. В то время как в 1815 г. пшеницы вывезено 639 139 четв., а ржи, ячменя и овса — 574 133 четв., последующие годы дают:

	для пшеницы:	для ржи, ячменя и овса
1816	1 441 335 четв.	632 511 четв.
1817	2 338 462 „	2 865 636 „
1818	1 774 516 „	1 444 318 „

(Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Под ред. В. И. Покровского, т. I. Изд-во тамож. сборов, СПб., 1902, стр. 4.) Возвышение в цене ассигнационного рубля (см. примечание к письму от 10 мая 1817 г.) объяснялось притоком серебра из-за границы в связи с усилением вывоза хлеба.

К № 90

¹ *Conservateur Impartial* — официальная газета на французском языке, выходившая с 1813 г. в Петербурге. По существу это был орган министерства иностранных дел, и главным руководителем его был гр. Каподистрия. В этом органе принимали видное участие Д. Н. Блудов и С. С. Уваров, поместившие там в 1817 г. в №№ 63, 78 и 83 статьи о русской литературе (см. во вступительной статье, стр. 37—38). Статьи, упоминаемые Тургеневым, преследовали цель защиты русской политики от нареканий за границей. Библейское общество, организованное в России в 1812 г. и ставившее себе целью распространение Библии среди населения, было в руках русского правительства средством борьбы против распространенного в дворянской среде рационализма; кроме того, включая в свой состав людей разных исповеданий и сектантов в частности, общество служило средством влияния на религиозные течения в Европе, в первую очередь в Германии.

Стурдза в своей статье высказывает следующие соображения в защиту Библейского общества. Оно не посягает на право церкви, не ставит себе задачи истолкования Библии, но только распространяет ее, считая, что религия — лучший путь к сближению народов. Участие в этом обществе представителей духовенства „наиболее сильная гарантия деятельности общества“. Они отвечают за точность издаваемых текстов и их переводов. Наконец, распространение Библии есть, может быть, наиболее верное средство приобретения других частей света к благам европейской цивилизации. Внимательный читатель почувствует, что скрывается за этой апологией. Библейское общество — одно из орудий укрепления международного преобладания России. Статья Каподистрии посвящена разъяснению официальной позиции России в вопросах внешней политики. Эта позиция — охрана всеобщего мира. Многие, говорит автор, этому не верят, как не верят в устойчивость мира вообще. Но сейчас международный мир покоится на твердой базе венских и парижских договоров, подписав которые все державы приняли на себя обязательства. Акт о Священном Союзе беспримерен в истории дипломатии: „он предложил зданию всеобщего умиротворения точку опоры, независимую от всех интересов и являющуюся неуживимой. „Революция дала хороший

урок государям и народам, научив их по-новому относиться к своим правам и обязанностям“. Теперь всякому честолюбию противостоят две силы. Первая — сила чести, соединенная с верой в договоры. Вторая — „та, которая получается в результате соединения сил всех государств, непричастных к безумным проектам агрессивных правительств“. Мир необходим правительствам, чтобы „обеспечить свои права и найти средства против истощения ресурсов; народам — чтобы осуществить свои установления и стереть глубокие следы бедствий...“ Отношения великих держав к малым покоятся на преобладании, но это преобладание коллективное и солидарное, исключаящее посягательство на независимость. Напротив, система, построенная на преобладании какого-либо одного крупного государства, привела бы к порабощению малых народов.

Здесь перед нами умелая, тонкая и достаточно дипломатичная защита официальной позиции России.

К № 91

¹ Рецензия на книгу Hennet „Théorie du crédit public“ — напечатана в „Journal des Débats“ от 14 марта 1817 г.

² М. Ф. Орлов в первый раз присутствовал в Арзамасе 16 марта. Он получил кличку Рейна. В протоколе его присутствие отмечено особо. „Славный Рейн, старец вод вечно юный, привыкший к кликам победы, послышал ликованья арзамасцев, победителей тьмы беседной; он восплескал величавыми струями, ... приветствовал арзамасцев тихим журчанием: ему отвечали восклицаниями радости. «Ликуй, вещали, о ты, с минуты мирозданья не зревший лица Арзамаса, ликуй и огражай в себе все арзамасское, т. е. все благородное, все, что пылает любовью к добру и к изящному, к красотам природы и души человеческой»“ („Арзамас“, стр. 196.)

³ „Дух Журналов или собрание всего, что есть лучшего и любопытнейшего во всех других журналах, по части истории, политики, государственного хозяйства, литературы, разных искусств, сельского домоводства и проч.“ выходил под редакцией Г. М. Яценкова в 1815—1820 гг. Журнал этот имел совершенно определенную политическую физиономию. Он выражал стремления аристократической оппозиции. Так, он находил, что „Колберт весьма заблуждал, отдавая мануфактурам и коммерции предпочтение пред земледелением“ (1815, ч. 6, статья „Заблуждения Колберта“, т. е. Кольбер, известного министра Людовика XIV), и защищал свободу торговли, приветствуя тариф 1816 г. опять-таки в интересах сельского хозяйства (1816, ч. 2). В то же время он очень много распространялся о благодетельности конституционных учреждений (1815 г., ч. 5, „Письмо одного немца из Филадельфии“, 1816, ч. 3, „Письмо из Вашингтона“, ч. 4, „Путешествие эрцгерцогов Йоаганна и Людовига по Англии“ и т. д.), порицая в то же время „якобинцев и иллюминатов“ (1815, ч. 2, статья „О религии“) и заявляя, что в периоды, когда „народ находится как бы в жестокой горячке, или в припадке сумасшествия ... надлежит отсечь, так сказать, одним ударом зараженные члены“, для чего „нужна власть выше конституции“ (1815, ч. 8, статья „И конституции бывают иногда губительны народам“). Наконец, классовая сущность желательной „Духу Журналов“ конституции раскрывается в следующем месте статьи

„О мануфактурах в России“: здесь на вопрос „кто должен править“, дается ответ: „С кем цари держали совет, и кто смел говорить с ними свободно, откровенно и безбоязненно, — вельможи“ (1816 г. ч. 2).

В ряде статей „Дух Журналов“ защищает крепостное право. См., напр., статью „О переселениях (Выписка из частного письма из Рейнской области)“, автор которой уверяет, что крестьяне Рейнской области „вольны как птицы небесные; но также как сии бесприютны и беззащитны, погибают от холода и голода, в то время как в России крестьяне — д е т и, а помещик их о т е ц“ (1817, ч. 5). На ту же тему распространяется в той же книжке журнала „Русской дворянин Правдин“ в статье „Сравнение Русских крестьян с иноземными“. (См. примечание к № 118). Понятно, что Тургеневу, поборнику буржуазного строя, этот журнал не нравился. Статья „О почтах“ помещена в кн. I „Духа Журналов“ за 1817 г. (стр. 43—54).

⁴ *La loi sur les crих séditieux* — закон о мятежных возгласах, принятый „бесподобной“ палатой, карал за такие возгласы ссылкой.

⁵ Имения членов бывшего вестфальского правительства (т. е. короля Жерома Бонапарта) были признаны национальным имуществом и распроданы. Гессенский курфюрст, к владениям которого после Венского конгресса была присоединена часть Вестфалии, аннулировал эту продажу и хотел изгнать покупателей. Но Германский сейм в Франкфурте отменил его решение и оставил без удовлетворения его протест по этому поводу.

⁶ 22 мая 1815 г., когда национальное движение германской буржуазии еще находилось в состоянии подъема и нужна была поддержка против вернувшегося во Францию Наполеона, прусский король подписал манифест об образовании комиссии при канцлере для разработки конституционного акта. Манифест определенно обещал народное представительство и местное самоуправление. С окончанием борьбы против Наполеона реакция в Пруссии укрепилась и вместо конституции указом 20 марта 1817 г. был учрежден совещательный государственный совет в составе принцев крови, фельдмаршалов, канцлера и министров с подразделением на отделы: 1) иностранных дел, 2) военный, 3) юстиции, 4) финансов, 5) торговли и промышленности, 6) внутренних дел и полиции, 7) духовных дел и народного просвещения. В указе от 30 марта было указано, что это и есть исполнение обещания 22 мая 1815 г.

⁷ В России с XVI века торговля вином составляла одну из важнейших статей казенных доходов. До указа 2 апреля 1817 г. существовала откупная система взимания питейного сбора. До войны 1812—1815 гг. правительство считало, что она себя оправдывает. В 1809 г. управлявший Министерством финансов Ф. А. Голубцов заявлял, что „никакой другой из столь значущих государственных доходов не поступает в казну с такою определенностью, исправностью и удобностью как откупной“ („Министерство финансов 1802—1902 гг.“. Юбилейное издание, СПб., 1902 г., стр. 110). Но война резко изменила положение: обеднение масс, злоупотребления откупщиков, вздорожание хлеба и вследствие этого повышение заготовительной стоимости вина (с 50 коп. до 1 р. ассигн. за ведро) привели к тому, что уже к декабрю 1813 г. недоимки по откупам составляли 40 млн. руб. ассигн. Министр финансов Д. А. Гурьев, считая, что откупная система себя не оправдывает, писал: „Содержатели откупов, умножая свои прибыли на счет народа и казны

и мало-по-малу соединяя в небольшом числе рук великие капиталы, из сборщиков дохода превратились в распорядителей оного в свою пользу. Ведаая одни настоящее количество сборов, они предписывали условия, на которых обещали уделять казне такую часть оного какую желали..., удерживали из условленного и в контракте определенного платежа весьма значительные суммы и под разными предложениями накаплили чрезвычайные недоимки“ (там же, стр. 113—114). Закон 2 апреля 1817 г. и упразднил откупа, вводя в 29 великороссийских губерниях с 1 января 1819 г. казенную продажу питей. Винокурение должно было производиться на казенных и частных заводах (последние могли принадлежать только дворянам, чиновникам обер-офицерских классов и войсковым обывателям). На частных заводах полагалось выкуривать не менее 2000 ведер полугара и всю выкурку (кроме 10⁰/₀ на усущку и утечку) продавать казне по цене, определенной на торгах. Казна открывала лавки и приглашала продавцов, которые обязаны были продавать вино по казенной цене. Они, однако, прибегали к подлогам и обманам. С 1821 г. питейный доход стал падать. Причины этого были: злоупотребления ведавших этим чиновников, в частности вице-губернаторов, злоупотребления торговцев (тайное корчемство) и пр. (там же, стр. 115—118). Дворянство было очень недовольно винной монополией. В заявлении симбирского предводителя дворянства Николаю I был заявлен протест против запрещения дворянам выкуривать 90 ведер для собственного потребления, что прежде, якобы, служило „чадолюбивому“ помещику для „сближения со своими крестьянами по обычным сельским празднествам“. Курское дворянство жалуется на равнение корчемства и просит о свободном винокурении. „За что отнято у дворян курение вина для собственного обихода“, патетически воскликнул декабрист Каховский. „Запрещенное винокурение отняло во многих губерниях все средства к сбыту семян“, вторил ему А. А. Бесгужев. И в п. 9 манифеста, составленного кн. С. П. Трубецким, в ряду других мероприятий объявлялось учреждение свободного винокурения. С 1 сентября 1827 г. была уничтожена винная монополия и восстановлена откупная система.

К № 93

¹ *Tables de Logarithmes des nombres entiers, au moyen des quels la multiplication se réduit à l'addition et à la soustraction. Paris, 1817.* По отзыву „*Conservateur Impartial*“ (№ 35, 1817) эти таблицы составлены с большой точностью и пригодны для пользования астрономам, геометрам, финансистам, коммерсантам и вообще всем, обязанным часто прибегать к вычислениям.

² Книга „*Des avantages de la Mendicité bien réglée dans l'économie sociale; des inconvénients de la suppression absolue, et de la nécessité de réformer la législation à cet égard. Par L. P. A. H.*“ была написана в защиту нищенства и подачи милостыни против законов о заключении нищих в тюрьму и выражала, таким образом, точку зрения буржуазных благотворителей. Автор ее — секретарь и казначей бюро благотворительности при 10 округе Парижа. О ней см. в „Дневниках“ Н. И. Тургенева, III, стр. 78. Е. И. Тарасов, редактор „Дневников“, ошибочно обозначил автора L. P. A. U.

3 Преобразование кредитных учреждений в 1817 г. вызывалось финансовыми затруднениями. Внешние займы, которые в XVIII в. обычно Россия делала в Голландии, в эпоху Наполеона были невозможны, в виду захвата им Голландии. Приходилось прибегать к внутренним займам. 25 марта 1809 г. и был опубликован указ о таком займе, но последний дал слабые результаты; в 1809—1810 гг. облигаций было реализовано всего на 3 285 558 руб. Дворянство и купечество предпочитали вносить свои сбережения в государственные кредитные учреждения, платившие аккуратно 5% в год; поэтому и правительство прибегало к займам у этих учреждений. Наконец, прибегали к усиленному выпуску ассигнаций. В 1810 г. внутренний долг составлял уже 668 млн. руб. ассигн., в том числе 557 млн. по выпуску ассигнаций. Была учреждена Комиссия погашения государственных долгов. Она стала продавать государственные имущества, причем вырученные ассигнации погашались. Но продажа давала мало: в 1810—1811 гг. было внесено и сожжено ассигнаций всего на 5 млн. руб. Война потребовала новых выпусков ассигнаций; кроме того, английские субсидии помогали вести войну.

После войны положение было критическим. С 1801 до 1810 г. ассигнаций было выпущено на 320 + 5 млн. руб., а к 1818 г. вся сумма ассигнаций равнялась 836 млн. руб. Курс ассигнационного рубля до 1805 г. был 70—80 коп. серебром, в 1808 г., упал до 53 $\frac{3}{4}$, в 1809 до 44 $\frac{2}{8}$, а в 1815 г. на петербургской бирже за 1 рубль ассигнациями давали 20 коп. серебром. В связи с усилением вывоза хлеба в 1816—1817 гг. курс ассигнаций повысился (см. письмо от 25 февраля и примечание к нему) до 30—40 коп. В связи с этим адмирал Мордвинов, раньше писавший о губительности чрезмерного количества ассигнаций и необходимости его уменьшения, теперь находил, что если „ассигнационный рубль приблизился к постоянной цене в отношении серебряного рубля, то не об уменьшении количества ассигнаций, но об удержании впредь постоянной цены оного помышлять должно“ (Архив гр. Мордвиновых, IV, стр. 665). Однако ясно было, что такое положение неустойчиво, и необходимость финансовых реформ ощущалась остро.

16 апреля 1817 г. был опубликован новый устав Комиссии погашения государственных долгов: комиссия выплачивала 6% в год по бессрочным займам; сами эти займы не подлежали налогам. В распоряжение Комиссии из государственных средств в 1817 г. было отпущено 40 млн. руб., а с 1818 г. отпускалось по 60 млн. руб. 7 мая был учрежден Совет государственных кредитных установлений. Снова были выпущены внутренние займы (10 мая 1817 г. и 16 июня 1818 г.). Все это мало давало средств и вынуждало снова прибегать к выпуску ассигнаций. Полную оценку Н. И. Тургеневым финансовой политики правительства см. в письме от 26 июня 1819 г. (№ 136).

4 М. Ф. Орлов выступал с речью в заседании Арзамаса 22 апреля. В своей речи он указал, что не может выступать критиком произведений, из которых ни одного не имел силы дочитать до конца. Далее отмежевавшись от „либерализма“ „Северной Почты“ и других органов печати, Орлов выразил надежду на „приближение того счастливого дня, когда общим вашим согласием определите нашему Обществу цель достойнейшую ваших дарований и теплой любви к стране Русской... Тогда-то... начнется для Арзамаса

тот славный век, где истинное свободомыслие могущественной рукой закинет туманный кризис предрассудков за пределы Европы“ („Арзамас“, стр. 206—210).

К № 95

¹ *Жерманик (Germanicus)* — трагедия Антуана Арно. Герой трагедии Германик, племянник и приемный сын римского императора Тиберия, знаменитый римский полководец. Трагедия Арно имела успех не благодаря своим литературным достоинствам, а благодаря содержащимся в ней политическим намекам. В ней видели апологию Наполеона и особенно империи эпохи Ста дней. Постановка „Germanicus“ на сцене повлекла за собой политические демонстрации, и пьеса была некоторое время запрещена. Бонапартистская часть либеральной партии приветствовала ее (см. рецензию Жуи в „Mercure de France“ 10 мая 1817 г., II, pp. 255—266).

² *Banques Sab.* — сочинение Сабатье — „Des banques, de leur influence pour faciliter la circulation des capitaux“. Об этой книге см. „Дневники“, III, стр. 78—79.

³ *Протестация против занятия Ольденбурга* — очевидно, имеется в виду нота протеста России против оккупации герцогства Ольденбургского Наполеоном в 1811 г. Она напечатана в „Histoire de France depuis 18 brumaire“ Биньона, X, pp. 52—54.

⁴ Решение издавать журнал в Арзамасе было принято, повидимому, весной. Непосредственным толчком к этому решению была речь М. Ф. Орлова (о ней см. № 93 и примечание к нему).

К № 96

¹ Рейнские провинции Пруссии при Наполеоне принадлежали Франции и имели с ней тесную связь. Тургенев хочет сказать, что с отделением их от Франции они должны экономически пострадать, так как лишились рынка сбыта своих промышленных товаров.

² Взгляды Тургенева на еврейский вопрос сложились под влиянием антисемитских настроений франкфуртской буржуазии, с представителями которой ему приходилось сталкиваться во время его жизни в Франкфурте, когда в этом городе были приняты местной властью законы против евреев.

³ В „Mercure de France“ под общим заглавием „Tableau politique de l'Europe“ — печатались статьи Бенжамена Констана. Из них первая (в номере от 18 января „Mercure“, I, pp. 104, 113) и вторая (в номере от 22 февраля, I, pp. 354—365) были посвящены Германии; третья (номер от 19 апреля, II, pp. 131—139) и четвертая (№ 4 от 10 мая, II, pp. 278—285) — Бельгии и Голландии. Статьи о Германии проникнуты тем либеральным оптимизмом, который так характерен для настроений европейской либеральной буржуазии в первые годы после падения Наполеона: вера в новую эру, в успешное развитие начал свободной торговли, мирную конституционную эволюцию и т. п. В первой статье Б. Констан говорит о Пруссии. Без особых доказа-

тельств он видит в ней какой-то природный свободный дух, и реакция его не пугает. Все же он находит необходимым скорейшее дарование Пруссии конституции, учитывая развитие в прусской молодежи какого-то военного духа, пока еще связанного с идеей свободы и национальной независимости, но в дальнейшем грозящего эволюцией в более опасную сторону. Конституция от этого предохранит. Вторая статья посвящена Австрии и франкфуртскому сейму. Австрия — консервативна, ее развитие идет медленно, но — утешает автор — и она не избегнет общего влияния эпохи, причем, если во Франции идеи свободы представлены средними классами, а в Пруссии — дворянством, в Австрии они почему-то должны быть распространены самим правительством и непосредственно в народные массы. О сейме Констан решительно говорит: „Мы увидим, что представительная система делается базой германской конфедерации, и немцы получают единственную еще недостававшую им свободу конституционную“. Конечно, Тургенев, более трезво оценивавший германскую действительность, не мог одобрить этих статей Констан. В отношении Бельгии, напротив, все рассуждения Констан, хотя он и воздерживается от выводов, направлены на доказательство невозможности для нее унии с Голландией. Он указывает на противоречие экономических интересов этих стран (Голландия связана торговыми узами с Англией, а Бельгия как промышленная страна не может быть довольна восстановлением этой торговли), на политические преимущества Голландии в Нидерландском королевстве и на французский язык и французское влияние в Бельгии (см. примеч. к № 85).

К № 99

¹ „Освобождение“ крестьян в Курляндии было произведено на тех же основаниях, что и в Эстляндии (см. примечание к № 73).

² О статье, которую Н. И. Тургенев написал вечером 5 августа, названной им в дневнике „вступление к...“, в которой он излил чувства „любви к отечеству“ — см. во вступительной статье.

К № 100

¹ Об учреждении при Главном педагогическом институте благородного пансиона было опубликовано 25 августа в „Русском Инвалиде“. В пансион принимались дети дворян с платой по 1500 руб. в год плюс 300 руб. единовременного взноса при поступлении. Пансион давал своим ученикам помещение, стол, услуги, одежду, обувь, белье и т. п. и обещал им дать возможность „приобрести познания, требуемые от университетских студентов“ при поступлении. В пансионе преподавались: закон божий, логика и нравственная философия, право, политическая экономия, математика, русская словесность, языки английский, немецкий, латинский и греческий, история, география, естественная история, архитектура, рисование и черчение, танцование, фехтование и пение.

² *Acta Lutomorum* ou Chronologie de l'histoire de la France — Maçonnerie française et étrangère. 2 vol. Paris, 1815. Это — работа масона Тори. Первый том содержит: 1) хронологическую таблицу важнейших событий в истории

масонства, 2) список степеней, обрядов, тайных организаций и т. д., 3) библиографию трудов, очерков, энциклик и пр. по истории масонства. Во втором томе — документы и указатель. В „Аста“ немало сведений о русском масонстве, доставленных автору полк. Брозиным (I, 218 и 257). Сведения эти, однако, частично опровергались официальными руководителями русского масонства.

К № 101

¹ Открытие благородного пансиона при Главном педагогическом институте состоялось 1 сентября 1817 г. В 12 часов дня торжество началось молебном. Потом директор Д. А. Кавелин прочел „важнейшие статьи“ из положения о пансионе, список чиновников и воспитанников и закончил торжественным обещанием родителям от имени „всего пансионного сословия“, что детей будут любить как своих. После речи директора родителям показали помещение, а затем был предложен завтрак („Русский Инвалид“, 12 сентября 1817 г., № 212).

Судьба этого учебного заведения связана с судьбой всего дела просвещения в эту эпоху. Когда через несколько лет началось преследование профессоров за вольнодумство, и в этом преследовании деятельное участие принял Д. А. Кавелин, это не могло не отразиться на пансионе, и качество учебной работы в нем должно было понизиться.

² Н. И. Тургенев, как мы знаем, стал масоном в 1811 г. в Париже (см. примеч. 4-е к № 6). В 1815 г. в Париже же он вместе с Михайловским-Данилевским и Брозиным был посвящен в высшие степени масонства (Дневники, II, стр. 254). В России масонство в эпоху Александра I было очень распространено. При этом сами руководители масонства заботились о том, чтобы в ложи не проникали радикальные веяния (иллюминацизм) и чтобы здесь господствовал консервативный дух. Так, напр., известный масон А. Ф. Лабзин писал 28 мая 1816 г. министру народного просвещения и духовных дел кн. А. Н. Голицыну, что „есть управляющие ложами люди весьма вредные, не только неверующие, но и не скрывающие своего неверия“ („Русская Старина“, 1894, № 12, стр. 101). В сочинении такого видного масона, как И. В. Лопухин, „Духовный Рыцарь“ обязанностью масона считалась „непоколебимая верность и покорность к своему государю... наипаче в настоящие времена адского буйства и волнения противу властей державных“. (Материалы по истории русского масонства, вып. I, под ред. В. Ф. Саводника. Масонские труды И. В. Лопухина, стр. 3). В 1815 г. несогласия и столкновения между ложами побудили их руководителей прибегнуть к вмешательству правительства, в результате чего все масонские ложи в Петербурге были разделены на два разряда, из которых один был под руководством директориальной ложи Астреи. На собрании этих лож и был Н. И. Тургенев 1 сентября 1817 г. В это время под руководством Астреи состояло 12 лож, из них петербургских 6, в которых было 724 члена. Из декабристов многие в это время были членами масонских лож и пытались использовать их в желательном направлении (см. работу В. И. Семевского „Декабристы-масоны“. „Минувшие Годы“, 1908). Н. И. Тургенев, как видно из его писем, относился в это время к масонству скептически.

³ Последний сохранившийся протокол Арзамаса („Арзамас“, стр. 233—234) и дневник Н. И. Тургенева свидетельствуют, что представители были выбраны,

„законы“ (т. е. устав) утверждены в заседании от 13 августа. Тогда же обсуждались программы, предложенные М. Ф. Орловым и Н. И. Тургеневым. По словам протокола, по поводу последней „произошел страшный арзамаский язычный бой, и совершилось вторичное смещение языков“.

К № 102

¹ Настоящим письмом устанавливается дата (6 сентября) еще одного до сих пор неизвестного заседания Арзамаса, на котором обсуждались программы статей „все исключительно литературные“. Программы Н. И. Тургенева и М. Ф. Орлова были предложены еще в заседании 13 августа (см. примечание к № 101). На следующий день Н. И. Тургенев был охвачен сомнением в своей способности к литературной работе, но потом стал набрасывать в своем дневнике положения своей статьи (Дневники, III, стр. 43 и сл.). Как видно из настоящего письма, сомнения эти не покидали его и далее.

К № 103

¹ К этому письму была сделана приписка А. И. Тургеневым, пославшим брату вместе с этим письмом протоколы Арзамаса.

К № 104

¹ О статьях Блудова и Уварова — см. во вступительной статье.

² Брошюра Константа, упоминаемая Тургеневым, очевидно, „Des élections prochaines“ (Paris et Brux., 1817). Тургенев оворит здесь о новых выборах в палату депутатов, только что закончившихся на основании нового избирательного закона (от 5 февраля 1817 г.). Закон этот увеличил количество избирателей в 5 раз за счет крупных землевладельцев. Роль буржуазии на выборах стала значительнее. На выборах победили поддерживавшие правительство группы правого и левого центра. Но вместе с тем определилась и либеральная оппозиционная группа „независимых“, возглавлявшаяся Бенжаменом Констаном.

³ 31 октября 1817 г. исполнялось 300 лет со времени обнародования Лютером своих тезисов против продажи индульгенций. Этот момент считается началом реформации.

⁴ В „Русском Инвалиде“ от 30 августа 1817 г. (№ 201) было помещено содержание окружного письма к евангелическому „духовенству Вестфалии“. Здесь указывалось, что целью реформации было „торжество духа истины, любви и мира, не допускающего никакого неприязненного отношения к иноверцам“. Как оказывается, заметка была помещена А. И. Тургеневым, которого, очевидно, это окружное послание заинтересовало в виду его соответствия проводившейся в то время русским правительством официальной линии сближения христианских исповеданий.

К № 106

¹ *Lettres Normandes* — полупериодическое издание либерального направления, представлявшее собой нечто среднее между газетой и брошюрой.

Выходило с 18 сентября 1817 г. до 11 сентября 1820 г. Журнал был левее большинства либеральных органов. Так, например, он резко критиковал m-те Сталь за защиту английской конституции и аристократической верхней палаты, нападал на Бенжамена Констана и других либералов за „ложную вежливость“ по отношению к правительству и правым партиям и защищал идею народного суверенитета. „Статья“ „Du Czar et du C-te Ruppin“ — в действительности не статья, а только абзац весьма ядовитого содержания во втором из „Lettres“. Автор вспоминает приезд в Париж Петра I в 1717 г. и его времяпрепровождение: беседы с лучшими публицистами, посещение промышленных мастерских, заседаний ученых обществ, спектаклей Французского театра и т. д. „Пожалейте вместе со мной, сударыня, этого несчастного монарха, — говорит автор, — пожалейте его за такое плохое времяпрепровождение“... Увы, тогда не существовали еще „Варьетэ“ и другие увеселительные заведения современного Парижа. „Вы спрашиваете меня, что делает в Париже граф Руппин, я по-истине об этом не знаю ничего: позднее может быть я смогу вас удовлетворить“ („Lettres Normandes“, I, pp. 12—13). Псевдоним загадочного графа Руппина раскрывается в следующем письме из Парижа от 19 августа 1817 г., помещенном в № 70 (от 9 сентября) „Conservateur Impartial“: „Граф Руппин (король прусский) прибыл 16 в отель прусской миссии. Спустя два часа по прибытии, он отправился рассеяться от тягостей своего путешествия в театр «Варьетэ»“... В следующем номере той же газеты находим сообщение: „Граф Руппин продолжает посещать все, что город Париж может предложить любопытного и нового“. В дополнение к этому колкому выступлению по адресу бедного „графа Руппина“ и в разъяснение этого псевдонима добавим, что Neu-Ruppin — город в Бранденбурге, в 70 км от Берлина.

² Последнее собрание Арзмаса в 1817 г., о котором сохранилось известие, состоялось 2 октября. Сам Н. И. Тургенев уже в половине сентября пришел к заключению относительно своей программы, что „предмет слишком обширен и превосходит теперешние мои силы“ („Дневники“, III, стр. 60).

³ Отрицательное отношение братьев Тургеневых к тогдашнему английскому правительству объясняется его реакционной политикой (см. примечание к № 87). Как видим, это отрицательное отношение несколько не изменяло взгляда Н. И. Тургенева на английскую конституцию, в которой он не видел никаких теневых сторон.

К № 107

¹ Здесь, очевидно, имеется в виду работа Ганиля: „Da la Législation, de l'Administration et de la Comptabilité des finances de la France depuis la Restauration, 1817.“

² *Ориенталисты* — профессора, приглашенные С. С. Уваровым из Парижа на кафедру восточных языков, открытие которой было намечено в 1818 г. в Педагогическом институте (о них см. в примечании к № 114).

³ *Указ 1809 г. о производстве в 8 и 5 класс и об экзаменах* — имеется в виду указ 5 августа 1809 г., составленный Сперанским. Указ устанавливал правило, согласно которому производство в чины коллежского ассессора (8 класс) и статского советника (5 класс) разрешалось лишь в отношении лиц,

предъявивших свидетельство об образовательном цензе или сдавших соответствующие испытания. Обычно говорят, что указ вызвал ненависть к Сперанскому в чиновничьей среде. Классовый характер этой ненависти раскрыт в записках жены сенатора В. И. Бакуниной „Какой способ имеют бедные дворяне, желающие служить в гражданской службе, учиться языкам, римским правам, философии, физике и проч. По этим экзаменам все места должны быть заняты семинаристами, подобными Сперанскому“ („Русская Старина“, 1835, IX, стр. 394). Фактически указ 1809 г. после падения Сперанского был отменен. У нас нет сведений о судьбе проекта Н. И. Тургенева. Во всяком случае в Государственном Совете он не рассматривался и принят не был.

⁴ *Порядок определения и производства чиновников Медицинских, составленный у Велли.* Главное в этом законе было увеличение жалованья военным медикам по представлению Вилье, указывавшего, что „жалованье военного медика от 400 до 750 руб. не только недостаточно для покупки им инструментов и книг, но и не удовлетворяет самонужнейшим потребностям его“, в частности в Грузии, по ходатайству Ермолова, в виду „непомерной в некоторых полках смертности нижних чинов“ и необходимости „приохотить врачей“, жалованье прослужившим там 2 года было увеличено вдвойне (Архив Государственного Совета, IV, ч. II, Дела д-та законов, стр. 71—78).

⁵ *О комитете по отмене телесных наказаний* — см. примечание к № 109.

К № 108

¹ *Книга Азаиса „De la sagesse en politique Sociale ou de la Mesure de Liberté qu'il est convenable en ce moment d'accorder aux principaux nations de l'Europe“.* Тургенев цитирует ее по выдержкам, приводимым в рецензии на нее в № 332 от 28 ноября „Moniteur universel“. Азис в своей книге говорит о влиянии географических условий на политическое устройство. Приводим полностью цитируемое Тургеневым место о России: „Очевидно, что уравновешивающая конституция совершенно не подошла бы еще империи, протяжение которой громадно, цивилизация очень неравномерна, во многих местах очень мало развита, с территорией, перерезанной большими озерами, обширными пустынями, что делает из нее разнородную громаду, без единства, без связи. Необходимо, чтобы правительство и подданные могли ясно сговариваться и быстро сообщаться, чтобы уравновешивающая конституция подходила к местным условиям“.

К № 109

¹ „*Жидовский журнал*“ — „Israélite Français, ouvrage moral et littéraire“, — выходивший под редакцией Колона, „великого раввина парижской синагоги“, Симона Мейера и др. с 1 августа 1817 по 1 марта 1818 г. Журнал этот посылался Сергеем Ивановичем по просьбе Александра Ивановича, которому он был нужен по его работе в Комитете по устройству евреев.

² Книга *Правда*, о которой здесь говорится, — „Des colonies et de la révolution actuelle en Amérique, Paris, 1817.“

³ Дебаты о свободе печати во французской палате депутатов начались 7 декабря в связи с внесением в палату правительством законопроекта о борьбе с злоупотреблениями печати. Законопроект возлагал ответственность за издания не только на автора, но и на издателя и типографа, определяя случаи, когда возможно изъятие произведения, уже вышедшего в свет; наконец, устанавливал компетенцию судов по делам печати. Против законопроекта решительно выступали „независимые“, левый центр требовал внесения в него существенных поправок, поддерживали его правый центр и правые.

⁴ Комитет об отмене телесных наказаний был учрежден 30 ноября 1817 г. под председательством московского генерал-губернатора гр. Тормасова. По поручению последнего правитель его канцелярии, декабрист В. И. Штейнгель, представил в комитет записку: „Нечто о наказаниях“, в которой предлагал заменить кнут ссылкой на каторгу или поселение, или сечением розгами у позорного столба (Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной е. и. в. канцелярии, вып. I, стр. 292—306). На ту же тему подал записку и член комитета Н. Н. Новосильцов (там же, стр. 307—319). Комитет высказался за немедленное запрещение, путем указа, вырывания ноздрей. По вопросу о наказаниях кнутом и клеймении комитет пришел к заключению, что здесь отмена при помощи указа опасна, так как народ поймет это как отмену всякого наказания (Евреинов. История телесных наказаний в России, стр. 92—93). Указ о запрещении вырывания ноздрей был опубликован (Полн. собр. законов, № 27. 197), а вопрос о кнуте поступил в Государственный Совет, который до него добрался только 24 октября 1824 г. Было заслушано мнение адмирала Мордвинова, а затем все дело направлено к Сперанскому, как работавшему над уголовным уложением (Архив гр. Мордвиновых, V, стр. 684—687). Тем дело и кончилось.

⁵ Немецкий сейм за год своей работы не дал никаких результатов. Причиной этого, конечно, было то обстоятельство, что руководившая сеймом Австрия никоим образом не была заинтересована в действительной реорганизации политического устройства Германии, а стремилась только к увеличению своего влияния на мелкие немецкие государства, а Пруссия была еще слаба для борьбы с австрийским влиянием.

⁶ Из какого сочинения Коцебу приводит выдержку Тургенев — установить не удалось.

К № 110

¹ Брошюра Ланжюинэ — „Appréciations du projet relatif aux trois concordats“. Paris, 1817.

² Брошюра Констан — „Considérations sur le projet de loi relatif aux élections, adopté par la chambre des députés“. Paris, 1817.

³ Брошюра Шатобриана, — вероятно или „Opinion sur le projet de loi relatif aux journaux“ или „Opinion sur le projet de loi relatif aux finances“.

⁴ Речь барона Мартина де-Грэй, либерального депутата, о свободе печати была произнесена в заседании палаты депутатов 11 декабря 1817 г. („Moniteur universel“, 1817, № 346, 12 декабря). В этой речи было указано, что все уже

существующие законы о злоупотреблениях печати отменили свободу последней. По мнению Мартина де-Грэй, единственный суд, допустимый по делам печати, — суд присяжных. В заключение он призывал всех „хороших и лояльных“ депутатов голосовать против правительственного законопроекта.

К № 111

¹ Под мистиками..., общество которых недавно кто-то называл русской *Tugendbund*, разумеется библейское общество. Общество это было основано (см. примечание к № 91) с целью борьбы против распространенного в дворянской среде рационализма. На этом пути оно перешло к борьбе с просвещением и прогрессивными идеями. Так, при открытии симбирского отделения общества 1 января 1818 г. губернатор Магницкий произнес речь, в которой громил „нового идола—разум человеческий“, характеризовал французскую революцию как господство „элочестия и разврата“, а Наполеона — как „сподвижника князя мира сего“, и призывал готовиться к „великому дню решительного сражения царства тьмы с царством света“ (Пыпин. Религиозное движение при Александре I, П., 1916, стр. 145—152). Однако в эти годы такие выступления еще были довольно редки. Официально еще было признано, что религиозную пропаганду следует совмещать с подготовкой к введению „законно-свободных учреждений“. Но, когда в 1820—1821 гг. напуганное европейскими революциями правительство круто повернуло на путь реакции, деятели библейского общества (Голицын, Магницкий, Рунич) первыми проявили себя в этом отношении.

² Создание в России военных поселений явилось одним из наиболее отвратительных выражений процесса разложения крепостного строя. Распорядительская роль в Европе, принятая на себя русским самодержавием и властно требовавшая постоянного приумножения армии; полное нарушение финансового равновесия вследствие того, что эта огромная армия поглощала около половины всего расходного бюджета, внушительный размах массового движения, — такова обстановка, в которой зародилась идея военных поселений. В условиях, когда на русскую армию, сверх непосредственных ее задач, разрешаемых на полях битв, ложилась дополнительная задача по охране и поддержке самодержавного строя внутри страны, армия эта, все чаще выражавшая свое недовольство, грозила со временем превратиться в силу, враждебную самодержавию. Отсюда и идея создания военных поселений, т. е. такой армии, которая была бы совершенно изолирована от всего народа, находилась бы на самоснабжении и, вместе с тем, сулила уничтожение отяготительных для дворянства рекрутских наборов.

Сущность этой системы заключалась в заселении отдельных областей империи регулярными воинскими частями и „военизированными“ крестьянами, причем те и другие должны были совмещать в себе функции и солдат, и земледельцев. При этом военные поселяне, попадавшие таким образом под двойной пресс, оказывались стеснены буквально во всех жизненных проявлениях и ни шагу не могли ступить свободно. Брак и деторождение, сон и еда, работа и отдых — все было строжайше и мелочно регламентировано. Дети поселян отбирались от родителей и отдавались в кантонисты, имуществом своим они не вольны были располагать. Каждое их действие и волеизъявление должно было

согласовываться с инструкциями и предписаниями. Все это, конечно, ни в какой мере не искупалось правительственными ссудами, мелкими льготами и казенными работами а материальном благополучии поселян.

Создание военных поселений встречено было крайне настороженно и враждебно основной массой дворянства, усмотревшей в этой организации военную барщину, которая должна была претвориться в особую касту, в новую опричнину. Со своей стороны сами военные поселяне отвечали бунтами с восстаниями, из которых наиболее внушительным было восстание на Украине в 1819 г., в округах Чугуевского и Таганрогского уланских полков, затопленное правительством буквально в потоках крови и произведшее глубочайшее впечатление на будущих декабристов, в частности на Н. И. Тургенева (Дневники, III, стр. 224). Успокоение, наступившее затем в военных поселениях, было чисто внешним. Южные заговорщики всецело рассчитывали на поддержку военных поселян, а при выработке декабристами в 1825 г. оперативного плана восстания в Петербурге учитывалась возможность, на случай неуспеха, отступления к Новгородским и Старорусским военным поселениям и использование их в качестве опорной базы.

Кризис военных поселений разрешился мощным восстанием 1831 г., после подавления которого правительство оказалось вынужденным приступить к постепенной ликвидации военных поселений. (Подробно см.: С. Н. Валк. Поселения военные (Энцикл. словарь бр. Гранат, т. 33). Сергей Гессен. Солдатские волнения в начале XIX в. М., 1929; его же. „Холерные“ бунты 1830—1831 гг. М., 1932; П. П. Евстафьев. Восстание военных поселян Новгородской губ. в 1831 г. М., 1934).

³ С. И. Тургенев уже в 1816 г. занялся организацией ланкастерской школы при корпусе гр. Воронцова в Мобеже. Метод Ланкастера во Франции пропагандировался парижским обществом первоначального обучения. С. И. Тургенев подыскал при помощи этого общества организатора для первой школы. В школе этой училось до 260 солдат. Потом была основана школа для подготовки учителей из офицеров и унтер-офицеров. Заинтересовавшись этой работой, Сергей Иванович составил специальную записку для брата А. И. о ланкастерском методе (Дневник С. И. Тургенева. Запись от 7 августа 1816 г. — Архив, № 19, л. 48). Когда школа в Мобеже стала работать полным ходом, Сергей Иванович писал братьям, что „никогда не чувствовал более удовлетворения“, чем теперь, когда смотрит на это созданное при его участии дело (Архив, № 21, л. 5).

Прочитав в письме брата о желании его покинуть Россию, Сергей Иванович записал в своем дневнике: „Если все благомыслящие люди будут думать только о бегстве? Нет надежды! Верь, что есть, и она будет. Он не предвидит успеха; предприятию э т о г о р о д а и успех не нужен, чтобы поддержать среди трудов. Жертвуя еще собою, мы можем быть уверены, что оставим потомкам доброе имя и доброй пример. Но, кроме того, не должно ли считать на случай, на провидение“ (Архив, № 23, лл. 66—67). В том же духе С. И. Тургенев написал письмо к Орлову (там же, л. 66).

Система по толлам — то есть метод массового обучения в противоположность групповому, применявшемуся в ланкастерских школах.

⁴ Блудов должен был сообщить Сергею Ивановичу подробности об отношении к нему дипломатических кругов. Об этом еще 1 января писал ему Александр Иванович: „Я случайно узнал сегодня, милый друг и брат, что образ

мыслей твой, иногда вероятно с живостью изъясняемый, парижским нашим дипломатам не нравится. . . Вероятно тебя упрекают в выборе связей и предметов разговора; ибо одно название дипломата налагает на тебя такие обязанности, которых другие не имеют". Александра Ивановича все это встревожило, и он советует брату быть осторожнее (Архив, № 383, лл. 120—121). 29 января Александр Иванович сообщил брату, что виделся с Нессельроде, который его успокоил, сказав, что держится о С. И. хорошего мнения и ни от кого из дипломатов не слышал о нем ничего дурного. В дальнейшем разговоре, однако, Нессельроде прибавил, что имеет частные сведения о либеральном образе мыслей Сергея Ивановича и его неосторожности в разговорах и советовал в дальнейшем быть осторожнее (там же, л. 120).

К № 112

¹ Закон о „внесвободном книгопечатании“, т. е. о борьбе с злоупотреблениями печати (см. примечания к №№ 109 и 110) был принят во французской палате депутатов большинством 122 против 111. В палате перов он вызвал более энергичную оппозицию, к которой примкнула и часть ультрароялистов во главе с Шатобрианом, заявившим, что по этому закону Монтескье был бы привлечен к ответственности за свои „Персидские письма“. В заседании 23 января палата перов большинством 102 голосов против 59 при 1 воздержавшемся отклонила законопроект.

² Сессия английского парламента открылась 27 января. Тургенев еще не имел о ней известий. Его интересовало настроение парламента и в особенности либеральной оппозиции в виду реакционной политики министерства и острого недовольства в стране. Но оппозиция министерству в тогдашнем английском парламенте была действительно слаба.

К № 113

¹ Первая ланкастерская школа, организованная при военно-сиротском отделении гр. Сиверсом, была устроена при деятельном участии Н. И. Греча. Последний в 1817 г. ездил в Париж, познакомился с ланкастерскими школами и при помощи Н. А. Старынкевича и С. И. Тургенева составил таблицы для азбуки. По возвращении в Россию он был приглашен гр. Сиверсом помочь в деле организации школы. Он согласился, но скоро разошелся с Сиверсом (Греч. Записки о моей жизни. Academia, М.—Л., 1930).

² 15 марта должна была начать действовать „Варшавская репрезентация“, т. е. предстояло открытие польского сейма. После победы над Наполеоном, которого поляки в 1812 г. поддержали, и не желая „оставлять в недовольстве поляков очаг смуты и волнений, которые некоторые державы и соседние и более отдаленные — могли бы при первой же войне обратить в свое орудие“, * — Александр I дал полякам конституцию. По конституции был учрежден сейм из двух палат — сенаторской и депутатской. Сенат состоял из пожизненных, назначаемых монархом членов. Палата депутатов — из 77 депутатов от дворян-

* См. ответ русского правительства (от 30 октября 1814 г.) на английский меморандум о Польше, напечатанный в книге проф. Ш. Аскенази. Царство Польское 1815—1830. Перев. с польского. М., 1915, стр. 22.

ства и 51 — от буржуазии. Были назначены наместник и министры из поляков. Но фактическим наместником был великий князь Константин, номинально лишь командовавший войсками, предназначенный императором, как он сам признался австрийскому послу, быть „сильной рукой власти“, пускающей в ход репрессивные средства, если поляки попытаются перейти „определенную линию“. (Донесения австрийского посла гр. Лебцельтерна. СПб., 1913, стр. 60.)

³ На сейме 1818 г. Константин появился в качестве „депутата“ от Праги (варшавского предместья).

К № 114

¹ 22 марта состоялось торжественное заседание в Главном педагогическом институте, посвященное открытию кафедры восточных языков и расширению преподавания истории. Об этом заседании появилась статья в „Сыне Отечества“ 1818 г., ч. 45, № 13, стр. 22—36. Статья принадлежала Ф. Н. Глинке (подпись Ф. Г.). Заимствуем сведения из этой статьи. Председательствовал на заседании министр народного просвещения кн. А. Н. Голицын. Первым выступил с большой речью попечитель учебного округа С. С. Уваров. О его речи, которую Глинка охарактеризовал словом „чудесна“, см. во вступительной статье к настоящему тому. Затем проф. Раупах читал „Немецкую речь о пользе истории и новом способе учения оной“. Следующим выступил проф. Деманж, произнесший „речь на языке арабском, речь умную и любопытную, приносящую большую честь талантам и познаниям молодого ученого; он означал различные эпохи в истории сего языка, исчислил знаменитейших писателей, обратил внимание слушателей на разные грамматические свойства арабского языка“. В заключение проф. Шармуа, „милый необыкновенною скромностию молодой человек... умел переселить меня на берега Персидского залива и во время чтения его мне казалось, что ветер, играющий с волнами, в которых рождаются драгоценные перлы, навевал на грудь мою негу и роскошь своего края, томя и восхищая чувства“.

К № 115

¹ 15 марта, при открытии польского сейма, император Александр произнес речь, в которой призывал поляков доказать современникам, что „законно-свободные постановления, коих священные начала смешивают с разрушительными учениями, угрожающими в наше время бедственным падением общественному устройству, не суть мечта опасная, но... совершенно согласуются с порядком и общим содействием, утверждают истинное благосостояние народное“. Со своей стороны император обещал „спасительное влияние“ „законно-свободных учреждений“ распространить и на все страны, „провидением попечению моему вверенные“. Как видно из печатаемого письма, речь вызвала переполох среди „английских клубистов“, т. е. петербургских дворян, увидевших здесь кроме обещания конституции и намерение освободить крестьян. Так же поняли речь в Москве и в провинции. Об этом писал из Пензы А. А. Столыпину Сперанский, со своей стороны опасавшийся, что страх помещиков перед освобождением не останется тайной для крестьян, которые из этого сделают выводы, что „правительство не только хочет даровать свободу, но что оно уже ее

и даровало, и что одни только помещики не допускают или таят ее провозглашение. Что за сим последует, вообразить ужасно, но всякому понятно“ („Русский Архив“, 1867, стр. 1697). С сочувствием, но тоже не без страха, огнеслись к речи в кругу аристократической и военной фронды. Закревский в письме к Киселеву назвал речь прекрасною, но выразил опасение, что „последствия для России могут быть ужаснейшие“ (Сборник Русского исторического общества, т. 78, стр. 192). Киселев со своей стороны, находя речь „чудесной“, опасался „разных толков“ (там же, стр. 2). Наиболее определено было отношение М. С. Воронцова, который, назвав речь „великодушной и прекрасной“, нисколько не испугался ни дворянских толков, ни крестьянских бунтов, а, напротив, высказался за „постепенное увольнение от рабства мужиков в России“ (там же, т. 73, стр. 496, Архив Лонгиновых в ИРЛИ Акад. Наук СССР 21.167/CLXXIIб 19). Точка зрения дворянства в целом, лучше всего была выражена А. П. Ермоловым, который, полагая, что „власть дворянства есть необходимая сила для удержания равновесия“, надеялся, что „все останется при одних обещаниях всеобъемлющей перемены“ (Сборник, т. 73, стр. 280). Отзыв о речи Н. И. Тургенева исполнен легкого скептицизма, но не чужд некоторых надежд. Умеренное крыло тайного общества, к которому он принадлежал, не чуждо было мысли сделать эту речь отправным пунктом открытого выступления в форме подачи адреса о конституции (см. статью А. Н. Шebuнина „Н. И. Тургенев в тайном обществе декабристов“ в сборнике „Декабристы и их время“, I, стр. 134—135). Восторженно воспринял речь М. Ф. Орлов. Его отзыв в письме к С. И. Тургеневу от 19 июня записан последним в дневнике: „Орлов пишет мне о речи государевой, возрождающей в сердце новые надежды“ (Архив, № 23, л. 90). Сам Сергей Иванович отнесся к речи с полным недоверием. Он написал братьям: „Не прельщайтесь блестящим и обманчивым красноречием“ (запись в дневнике от 14—26 апреля, № 23, л. 65 об.). Такое же недоверие обнаружил А. С. Пушкин; в его „Noël“ Мария, укладывая спать маленького спасителя, говорит ему: „Пора уснуть бы наконец, послушавши, как царь-отец рассказывает сказки“.

² *Независимые* — левое крыло либеральной партии во Франции, выражавшее интересы средней (и отчасти крупной) буржуазии. Выделилась эта группа из общей массы либералов в конце 1816 г., когда после роспуска „бесподобной“ палаты, навешшего удар ультрароялистам, либералы поддерживали министерство.

К № 116

¹ Отношение Тургенева к Польше аналогично отношению большинства декабристов: все они обвиняли правительство в потакании полякам и забвении интересов России.

К № 117

¹ Проект разделения России на 12 наместничеств был составлен еще в 1816 г. Эта административная реформа должна была быть шагом к конституции, которую разрабатывал Новосильцов и которая предусматривала именно такое учреждение наместничеств, управляемых наместниками с помощью местных сеймов, посылающих своих депутатов в сейм государственный.

¹ Слухи об освобождении крестьян, особенно упорно ходившие в 1818 г. имели некоторое основание. Действительно, в правящих сферах этот вопрос тогда ставился на очередь так же, как и вопрос о конституции. Аракчеев, по поручению императора, работал над проектом такого освобождения („Десятинадцатый век“. Исторический сборник. Книга вторая. Изд. П. Бартенева, М., 1872, стр. 146—149). Слухи эти продолжались в течение всего 1818 и первых месяцев 1819 г. Так, в донесениях петербургской высшей полиции о настроениях в России с августа 1818 по 1 мая 1819 г. читаем по этому поводу: „О сем предмете много толковали и толкуют. . . Кажется, что помещики внутренних губерний несколько были встревожены сими слухами, ибо в письмах выражали свое опасение. Страх сей миновал и начали взирать на сию меру, как на отложенную до неизвестного времени. Хотя иные полагают, что не все еще созрело к исполнению, но однакоже вообще уверены, что она рано или поздно будет исполнена. Если средний класс вообще благословляет государя, не останавливающегося в благих своих намерениях ни силою предрассуждений, ни застарелыми преимуществами, не соглашающимися с образованностью века, то не все прочие классы одинакового с ним мнения“ („Русская Старина“, 1881, XI, стр. 669). Здесь интересно указание на сочувствие реформаторским намерениям „среднего класса“, т. е. буржуазии, и на помещичьи страхи.

² Статья „О состоянии иностранных крестьян“, напечатанная в № 17 „Сына Отечества“ (ч. 45), принадлежала перу проф. А. П. Куницына. Она выдержана в том же тоне либерализма, которым проникнуты и все выступления Н. И. Тургенева. Куницын писал ее против статьи „Сравнение русских крестьян с иностранными“, помещенной в № 49 „Духа Журналов“ за 1817 г. и подписанной: „Русской дворянин Правдин“. В статье „Правдина“ защищалось крепостное право и „сытому“ существованию русских крестьян, о которых заботятся помещики, противопоставлялась голодная жизнь крестьян иностранных. Куницын отвечал на это: иностранный крестьянин „сам себе принадлежит и не переходит из рук в руки посредством меня, продажи, дара, наследства и других сделок, но всегда остается своим господином“. Он „занимается делами, к его пользе относящимися, по собственному усмотрению: нанимает землю у кого хочет и такую какую ему надобно; платит за нее оброк, на какой сам добровольно согласится“. Помещики там не помогают нуждающимся крестьянам? Тем лучше. Там каждый зато „сам бывает деятелен в приобретении достатка и бережлив в употреблении оного“. Крестьяне там имеют хорошее хозяйство, дома и скот. Наконец, в заключение своей защиты капиталистического хозяйства в деревне Куницын указывает, что за границей „помещики получают с своих земель доход в три и даже в четыре раза больший прогиву тех стран, где земля обрабатывается крепостными руками“.

¹ Осенью 1818 г. должен был состояться конгресс держав-победительниц в Аахене. На конгрессе должно было обсуждаться предложение России о выводе иностранных войск из Франции. Приводим здесь отзыв гр. М. С. Воронцова

о С. И. Тургеневе. Отзыв был дан в письме к А. Я. Булгакову. Выписка из письма была сообщена Булгаковым А. И. Тургеневу, а последним переслана к младшему брату в письме от 19 ноября 1817 г.: „Невозможно быть более довольным, чем я доволен Т[ургеневым]; это действительно превосходный и достойный уважения молодой человек. Если у него еще имеются несколько ультра-либеральные идеи, это должно быть пройдет, да и к тому же лучше человек, мыслящий в этом направлении, чем в ином; так как основанием этих идей служит благородство, великодушие и справедливость в то время как основание тех, кто ударяется в другую крайность, таково, что приходится зажать себе нос, когда об этом говорят. Мне кажется даже, что Т[ургенев] с некоторого времени стал рассудительнее, чем был; по мере того, как узнаешь людей, открываешь, что то, что хорошо в теории, часто требует изменений на практике, и что ввиду большого количества убийц в обществе, это общество не может быть управляемо так, как если бы оно состояло целиком из честных людей“. Посылая эту выписку брату, А. И. Тургенев приписал: „Прошу прочесть и молчать. Мое родительское сердце радуется“ (Архив, № 383, лл. 100—об. 101).

К № 120

¹ Н. И. Тургенев ездил в Симбирскую губернию и провел там июль и август. О его деревенских нововведениях см. во вступительной статье, стр. 78—79.

К № 121

¹ О ланкастерских школах см. примеч. к №№ 113 и 128.

² *Мониторы* (фр. *moniteur*) — по системе взаимного обучения — ученики, передающие своим товарищам полученные от учителя сведения.

³ Лицей в Одессе был организован в 1817 г. В 1805 г. частный пансион Вольсея был переименован в Благородный воспитательный институт. В 1811 г. он стал казенным учебным заведением, а в 1817— преобразован в Ришельевский лицей. В первые 20 лет своего существования он был скорей средним, чем высшим учебным заведением. При нем было начальное училище, пансион и педагогический институт.

К № 122

¹ *La Minerve française* — орган „независимых“ либералов (ред. Б. Констана, А. Жэ, Жуи и др.), выходивший с февраля 1818 до марта 1820 г. вместо „*Mercure de France*“. Имел очень большой успех. От „*Mercure de France*“ „*Minerve*“, отличалась прежде всего составом редакции, в которой были представлены не только чистые либералы, но и бонапартисты (Жэ, Жуи) и более демократические течения в лице „якобинца“ Тиссо, а в числе сотрудников был „народный певец“ Беранже. Тон „*Minerve*“, ее нападки на реакцию были несравненно резче. Но по существу программа была та же: защита интересов буржуазной Франции и идеи конституционной монархии, проповедь чисто легальных мер борьбы и противодействие всяким революционным выступлениям.

В письме П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 3 декабря 1818 г. говорится „Читаешь ли «Минерву», катехизис друзей положительной свободы? Какой твердый и ясный ум у этого Benjamin! Отними иногда личное пристрастие, личные выгоды, и он важнейшие политические, т.-е. государственные задачи решит, как дважды два — четыре“ („Остафьевский архив“, I, стр. 161).

² С. И. Тургенев был отпущен Воронцовым в Аахен по письму Каподистрии. Последний, по его словам, любил и уважал А. И. Тургенева и желал лично познакомиться с его братом, о таланте которого он много слышал, чтобы иметь представление о том, какую работу ему можно было бы поручить (Архив кн. Воронцова, кн. 37, стр. 500).

³ Споры о рабстве в „Духе Журналов“ и в „Сыне Отечества“ — см. примеч. к № 118.

⁴ Речь идет о посмертной работе m-me Сталь „*Considérations sur les principaux événements de la Révolution Française*“. I том этого сочинения содержит разбор событий революции, кончая принятием конституции 1791 г. II том заканчивается реставрацией 1814 г. В III томе: реставрация, Сто дней, вторая реставрация и итоги. Основная мысль сочинения — защита принципов английской конституции, вполне приложимых, по мнению автора, и к Франции. Все партии эпохи Революции совершили ошибки: дворянство, не идя на компромисс с буржуазией и начав борьбу за восстановление старого порядка; буржуазия, вступив в борьбу с дворянством и сведя к нулю значение королевской власти, что открыло путь к дальнейшему развертыванию революции. Принятие вместо конституции 1791 г. иной, построенной на английских принципах (двухпалатная система, сильная власть короля) предохранило бы от демократического натиска. Резко критикуя деспотизм Наполеона и защищая хартию 1814 г., m-me Сталь вместе с тем обрушивается на ультрароялистов за их нежелание считаться с интересами новой буржуазной Франции. Тургенев здесь останавливается на рассуждениях m-me Сталь об эпохе Ста дней.

Мысль m-me Сталь о политике Наполеона эпохи Ста дней сводится к следующему. Наполеон, говоря о свободе, только компрометировал ее. Это было на руку всем врагам свободы. С его поражением погибла национальная независимость. „С того момента когда его приняли обратно, надо было дать ему военную диктатуру, восстановить конскрипцию, призвать всю нацию в массу, наконец не стеснять себя свободой, когда была под угрозой независимость“ (M-me Stael, *Considérations etc.* Paris, 1818, II, p. 141). Тургенев был настолько заинтересован этой работой, что в своем проектировавшемся в 1819 г. журнале предполагал поместить о ней статью, которую предлагал написать И. И. Пущину. (Пущин. Записки о Пушкине, стр. 116—117). „Рецензия“ Бенж. Констанана на соч. m-me Сталь — это три статьи в „*Minerve Française*“ 1818, II, pp. 105—110, 316—325, 601 и сл. Констан говорит здесь, что английскую конституцию можно и должно хвалить, но существует ли она сейчас — вопрос.

К № 123

19 октября на Аахенском конгрессе Священного Союза было вынесено постановление о выводе оккупационных войск из Франции. В связи с этим служба С. И. Тургенева при гр. Воронцове прекращалась. 16 октября Александр Иванович писал младшему брату, что видел письмо графини Нессель-

роде (жены министра) к С. П. Свечиной, в котором сказано о Сергее Ивановиче: „у него будет хорошая должность в Испании“. „Сначала, — пишет по этому поводу Александр Иванович, — меня это не очень порадовало, и больше хотелось бы, чтобы прежде ты поработал с гр[афом] Капод[истрией], но Николай не так думает и я с ним теперь более согласен... Северин всегда уверял меня, что так как несколько министров отличных было среди в Испании, то нигде нельзя с большею пользою начитаться как там и образовать себя для дел дипломатических“ (Архив, № 384, л. 124).

К № 125

¹ Книга Н. И. Тургенева „Опыт теории налогов“ вышла в свет в декабре 1818 г. Е. И. Тарасов выяснил незначительное научное значение этой книги как труда компилятивного, основанного в большей своей части на лекциях проф. Сарториуса (см. Е. И. Тарасов. Декабрист Н. И. Тургенев в Александровскую эпоху, Самара, 1920, стр. 231—257). Несмотря на это, общественное значение книги несомненно. Это — опыт обоснования идей экономического либерализма. Автор книги считает самым важным явлением в новейшей истории Европы „образование среднего состояния граждан, сделавшегося весьма важным в составе государственном“, и открыто заявляет о своей симпатии к конституционному строю. Не менее ясно он высказывается за уничтожение крепостного права, доказывая, что выгоды самих помещиков „требуют изменения условий сельского быта“. Выступая таким образом как решительный сторонник капитализма, Тургенев отстаивает интересы сельского хозяйства перед интересами промышленности. Находя, что правительства „должны более всего сообразоваться с выгодами помещиков и земледельцев“, а не с выгодами купцов, он высказывается против покровительства фабрикам и заводам и, явно заботясь об интересах крупного землевладения, против прогрессивного подоходного налога на землю (подробнее об этом — в цит. книге А. Н. Шебунина, стр. 53—64). О полемике, связанной с „Опытом“ и о выступлениях самого автора в защиту своей книги в „Сыне Отечества“, см. работу Н. К. Пиксанова „Безвестные статьи Н. И. Тургенева“ — сборник „Декабристы и их время“, II, стр. 113—129.

² Выборы в палату депутатов во Франции в конце 1818 г. проходили под знаком борьбы между сторонниками министерства и „независимыми“ либералами. Последние восторжествовали во многих местах. Выбор Манюэля, принадлежавшего к левому крылу партии, члена палаты представителей эпохи Ста дней, известного противника Бурбонов, был замечателен тем более, что Манюэль был избран от департамента Вандеи, проявившего себя своими контрреволюционными выступлениями еще в эпоху революции. Объяснение этих выборов Н. И. Тургеневым очень интересно, но требует уточнения. Дело в том, что по новому закону о выборах в Вандее, как и в департаменте Сарт, от которого был избран Лафайет, увеличилось количество избирателей из числа покупателей национальных имуществ (Carpefigue. Histoire de la Restauration, II, p. 352). Результаты выборов очень напугали главу правительства Ришелье, писавшего по этому поводу: „Я вижу с сожалением, что закон 1817 г. последовательно удаляет из палаты всех роялистов... Я вижу

с ужасом приход людей «Ста дней», они так испортили наше положение в Европе» (ibid. p. 254).

³ *Conservateur* — орган ультрароялистов, выходявший с октября 1818 до марта 1820 г. под редакцией Шатобриана, Бональда, Виллеля и др. Был создан в противовес органу „независимых“ либералов „*Minerve française*“. В письме Шатобриана к издателю „*Conservateur*“ Ленорману, напечатанном в № 1, говорилось, что орган „будет защищать религию, короля, свободу, хартию и честных людей“. В существе это была защита интересов дворянства и духовенства в рамках конституционной хартии 1814 г. Не все ультрароялисты одинаково относились к последней: так, ни Бональд, ни Виллель не были ее сторонниками, но Шатобриан, главный редактор, отстаивал эту линию очень последовательно и в марте 1820 г., после восстановления предварительной цензуры, объявил о прекращении издания по принципиальным мотивам.

⁴ О выступлении виленского дворянства у нас имеется очень мало материала. В „Старой записной книжке“ кн. П. А. Вяземского имеется запись под 16 декабря: „В Литве задумывают установить состояние крестьян. Грабовский* подавал просьбу о том государю. Боюсь, чтобы эта свобода крестьян не была уловкою рабства панов. Увидим, как приступят к делу. Хотят собрать по одному депутату с уезда и решить эту задачу. Дай бог! Крестьяне Литовские ужасно угнетены“ (Сочинения, IX, стр. 63—64). В письме гр. В. П. Кочубея к М. М. Сперанскому от апреля 1819 г. говорится о „беспокойстве насчет вольности крестьян“. „Приписывают его величеству намерение произвести оную по одиночке в губерниях. Остзейские губернии получили уже преобразование. Витебская губерния, или несколько уездов оныя, просит, чтобы по тому же примеру было образовано сословие крестьян. В Виленской образуется также новый порядок вещей“ (сборник „В память гр. М. М. Сперанского“, СПб, 1872, стр. 160—161). Наконец, в статье виленского жителя К. К. Гелинга: „К вопросу о начале крестьянского дела“ содержится следующее сообщение: „Уже в 1817 г. во время дворянских выборов в Вильне многие уездные депутаты заявили в собрании о желании помещиков дать крестьянам свободу; а когда по поводу сего желания последовал, в начале следующего 1818 года, высочайший рескрипт на имя литовского генерал-губернатора Римского-Корсакова и собраны были подписки — кто из помещиков желает увольнение крестьян, а кто нет, то из каждых 18 подписавшихся едва один оказался отрицательного мнения. Совершенно посторонние обстоятельства приостановили дальнейший ход дела...“ („Русская Старина“, 1886, XII, стр. 546). Упоминаемый рескрипт дан 17 апреля 1818 г. (Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной е. в. канцелярии, вып. V, стр. 270—271).

К № 126

¹ Испания после борьбы, которую она выдержала против наполеоновского завоевания, находилась в очень тяжелом положении. Конституция 1812 г., провозглашенная в процессе борьбы, была королем отменена. Всю страну охва-

* Гродненский губернский маршал, т. е. предводитель дворянства.

тила жесточайшая католическая реакция. Духовная инквизиция подчинила себе многие отрасли государственного управления. Финансы страны и торговля были в упадке. На этой почве в испанских провинциях вспыхнули крупные бунты в конце ноября. Местами к восставшим присоединились посланные для умирения солдаты. Справиться с восстаниями не удавалось. Они продолжались и в течение 1819 г. Но слух об опасности для короля, передаваемый Тургеневым, был ложный.

² По сообщению „*Minerve Française*“, 1818, IV, pp. 234—235, заговор против русского императора в Бельгии был организован жившими там эмигрантами-бонапартистами. 300 заговорщиков должны были захватить Александра на пути из Аахена в Брюссель и заставить его подписать акт об освобождении Наполеона.

³ Испанские колонии в Америке (Мексика, Новая Гренада, Венецуэла и др.) восстали против своей метрополии еще в 1811 г. К концу 1818 г. они уже фактически были самостоятельными республиками, но Испания все еще не хотела с этим примириться и пыталась с ними бороться.

К № 127

¹ 23 января А. И. Тургенев писал Сергею Ивановичу, что он уже говорил с Нессельроде о его назначении в испанское посольство. „Он обещал мне при первой возможности устроить это, хотя в делах нет формального о сем доклада“ (Архив, № 384, л. 81).

Сергей Иванович после ликвидации служебных своих отношений с Воронцовым отправился путешествовать по Германии, 18 января он вернулся в Париж.

² О журнале, затевавшемся в это время Н. И. Тургеневым, см. во вступительной статье.

³ Министерство полиции, учрежденное в 1810 г., было уничтожено 4 ноября 1819 г. и присоединено к Министерству внутренних дел.

К № 128

¹ Под впечатлением выборов конца 1818 г. (см. примечание к № 126) премьер-министр Франции, герцог Ришелье, стал искать сближения с ультра-роялистами. Но последние поставили свои условия: изменение избирательного закона и отставка министра полиции Деказа как главного виновника роспуска „бесподобной палаты“. На последнее не мог согласиться король, очень любивший Деказа. Ришелье подал в отставку. Новый кабинет был сформирован под председательством генерала Дессоля, получившего также портфель министра иностранных дел. Фактическим главой кабинета стал Деказ, занявший пост министра внутренних дел (с подчинением ему полиции). Член группы левого центра Серр, занимавший перед этим пост президента палаты депутатов, был назначен министром юстиции. Через него и Деказа, близкого к той же группе, министерство становилось кабинетом левого центра и получило название „доктринерского министерства“.

² *Loi des Élections* — избирательный закон 5 февраля 1817 г. давал избирательное право каждому французу, достигшему 30-летнего возраста

и платящему в год 300 франков прямого налога. Закон этот подвергся сильным нападкам справа, *étant trop démocratique* (как слишком демократический). Слова Тургенева, передающего суждение людей, „[о-рые] о том думают“, очевидно, относятся к его товарищам из тайного общества. Интересно, что с их точки зрения закон тоже был слишком демократичен, так как он устанавливал единый признак избирателя, отбрасывая всякие сословные, корпоративные и т. п. деления избирателей, предлагавшиеся справа. Сам Тургенев, как видим, не возражает против предоставления избирательных прав возможно большему числу французов на том основании, что выборы отвлекут их от мысли о чем-либо „вредном или опасном для государства“, т. е. от революционных выступлений.

³ Бавария была одним из немногих немецких государств, уже тогда имевших конституцию. Баварская конституция была опубликована 26 мая 1818 г. Она предусматривала двухпалатную систему, причем в нижнюю палату выборы производились по пяти куриям: 1) землевладельцы-дворяне, 2) духовенство, 3) города, 4) землевладельцы не-дворяне, 5) профессора. Верхняя палата (сенат) состояла из принцев королевской фамилии, сановников, князей и графов Римской империи, епископов и лиц, назначенных королем. Палаты вотируют налоги без права ставить какие-либо условия. Законодательная инициатива принадлежит королю. Конституция, предоставляя кое-какие уступки буржуазии, в основном была феодальной, так как в значительной части Баварии за землевладельцами сохранялись права сенъериальной юстиции. Конституцию критиковали с разных сторон. В то время как буржуазные либералы были недовольны ее феодальным характером, в дворянских кругах считали, что права дворянства обеспечены недостаточно. Официальный ответ на критику был, что правительство далеко от желания оттолкнуть от себя класс, который во всех отношениях является одной из главных опор трона, порядка и общественного спокойствия, и потому дало дворянству „все привилегии, совместимые с общими обязанностями всех подданных государства“ (*Lesur. Annuaire historique . . . de l'année 1818. Paris, 1819, pp. 235—238*).

⁴ Общество для учреждения училищ по методе взаимного обучения Бея и Ланкастера было организовано по инициативе Н. И. Греча и Ф. Н. Глинки среди членов масонской ложи „Избранного Михаила“. Председателем общества был избран гр. Ф. П. Толстой, его помощниками Н. И. Греч и Ф. Н. Глинка, казначеем Н. И. Кусов. Общество было утверждено кн. А. Н. Голицыным, министром народного просвещения. Каждый член общества платил по 30 руб. в год членского взноса. Проект устава общества см.: „Русская Старина“, 1881, 1, стр. 181—183. Утвержденный устав напечатан в „Русском Вестнике“, 1819, № 5. См. также воспоминания гр. Ф. П. Толстого — „Русская Старина“, 1878, XXI, стр. 214—222.

Школа при штабе гвардейского корпуса была заведена Н. И. Гречем по предложению начальника штаба ген. Н. М. Сипягина. Начальником ее был член Союза Благоденствия И. Г. Бурцов, помещалась она в казармах Павловского полка. Школа (на 250 чел.), по словам Греча, шла успешно, и 19 июля 1819 г. был произведен экзамен в присутствии императора и ген. Бенкендорфа. После экзамена были учреждены школы при гвардейских полках, и Греч был назначен их директором с 5 тыс. руб. жалованья (Греч. Записки о моей жизни, изд. Academia, стр. 394—396 и 401—407).

Обществом ланкастерских школ в Петербурге была открыта с 16 июля 1819 г. школа на 250 чел. в Коломне, на Прядыльной улице, в доме колл. асс. Кленовского. С 1819 до 1823 г. через эту школу прошло 815 чел. (см. „Сын Отечества“, 1823, № 10, стр. 97—107). Кроме того, существовали школы в ряде провинциальных городов и в имениях гр. В. П. Кочубея, С. С. Апраксина и гр. Н. П. Румянцева. Уже скоро ланкастерские школы были взяты под подозрение, а в конце царствования Александра под влиянием раскрытия революционной пропаганды в этих школах, ведшейся кишиневскими деятелями тайных обществ, и закрыты.

К № 129

¹ *Légion d'honneur* — орден почетного легиона (см. примечание к № 10). При реставрации изображение на нем Наполеона было заменено изображением Генриха IV, а императорский орел — тремя лилиями.

² О камергерском „ключе“ А. И. Тургенева — см. во вступительной статье.

³ Экстренное дело, которым Н. И. Тургенев занимался по „другому“ (т. е. не тому, в котором он служил) департаменту, было дело „о провиантских чиновниках, судимых за разные преступления по должности“, разбиравшееся в департаменте гражданских и духовных дел Государственного Совета. 6 февраля Тургенев докладывал по этому делу в департаменте. Он находил, что в деле имеется лицепрятие: двух освобождают от суда, в то время как вина по крайней мере одного из них несомненна. 24 февраля дело слушалось в общем собрании Государственного Совета. Тургенев записал в дневнике: „Перед заседанием подписали журнал о провиантских чиновниках. Тогда я не вытерпел и сказал членам: как они прослушивают по 15 журналов в одно заседание и как они рассуждали о каналье, имеющем протекцию“ („Дневники“, III, стр. 186—187).

⁴ О положении крестьян Тургеневых — см. во вступительной статье.

⁵ На оборотной стороне 1-й страницы „Опыта теории налогов“ было напечатано: „Сочинитель, принимая на себя все издержки печатания сей книги, предоставляет деньги, которые будут вручаться за продажу оной, в пользу содержащихся в тюрьме крестьян за недоимки в платеже налогов“.

В 1819 г. „Опыт теории налогов“ вышел вторым изданием.

К № 130

¹ Указом от 2 апреля Н. И. Тургеневу „повелено быть управляющим 3-м отделением Канцелярии министра финансов с оставлением в занимаемой должности в Государственном Совете“. Принимая эту новую должность, Тургенев записал в своем дневнике: „Что меня тут ожидает? Занятия скучные, при которых я ничего приобрести не могу; потеря времени для моих собственных занятий. Выгод же денежных нет, для честолюбия также нет никакой приманки. Да и о каком честолюбии я могу думать? Мне кажется, что новая должность, есть ли ее иметь буду, очень мне наскучит в скором времени. Но впрочем — что делать? Я живу в П.-Бурге. Надобно служить“ („Дневники“, III, стр. 190).

² Le Roi (ou plutôt la France) a été casée, serrée et maintenant elle est desolée — король (или скорее Франция) была заключена в клетку, сжата, а теперь она в отчаянии. Здесь каламбур: casée — De Cases — министр внутренних дел; serrée — Serge — министр юстиции; desolée — Dessoles — председатель совета министров и министр иностранных дел.

³ Образование министерства Дессоля-Деказа во Франции вызвало переход палаты перов, состоявшей в большинстве из ультрароялистов и сторонников правого центра, в оппозицию. По предложению Бартеlemi, палата перов большинством 98 голосов против 55 высказалась за изменение избирательного закона от 5 февраля 1817 г. в реакционном направлении. Тогда министерство, поддерживаемое палатой депутатов, поставило перед королем дилемму: или роспуск нижней палаты и отставка кабинета, или обновление состава перов. Король колебался. Однако новое выступление перов положило конец этим колебаниям. 4 марта палата перов большинством 93 голосов против 54 отвергла принятый нижней палатой закон об изменении сроков финансового года. Министерство победило. 5 марта королем был подписан указ об увольнении 60 перов и назначении вместо них новых, среди которых был ряд наполеоновских маршалов и генералов. (Lesur. Annuaire historique... de l'année 1819, pp. 31—59 et 533—534. — Caréfigue, op. cit, II, pp. 394—404).

⁴ Статьей „Conservateur“ об Испании мы, к сожалению, указать не можем в виду отсутствия в ленинградских библиотеках комплекта этой газеты.

⁵ „Независимые“ на первых порах поддерживали кабинет Дессоля-Деказа, но ставили условием дальнейшей поддержки решительную ликвидацию всех реакционных мероприятий, проведенных с 1815 г., в частности требовали амнистии „цареубийцам“, т. е. возвращения изгнанных в 1815 г. бывших членов Конвента. Из замечаний Тургенева о „независимых“ видно, что для него при всем его увлечении их печатью и, в частности, публицистикой Бенжамена Констан, они как партия были слишком крайними.

К № 132

¹ О вступлении своем в должность по Министерству финансов Тургенев говорит в дневнике 9 мая: „Пропасть затруднений, как в отношении к чиновникам, из коих один только хорошо знает часть свою, впрочем самую легкую из всех. С 11-го (часа) утра я прихожу в канцелярию; читаю, подписываю бумаги, хожу к министру, возвращаюсь, опять читаю, рассматриваю. Отобедав в клобе, в 7 часов опять иду в канцелярию и сижу до 10 часов. Вся моя голова наполнена делами, кот[орыми] я занимаюсь... Я не знаю, скоро ли я привыкну к новой моей должности, но по сию пору у меня голова совершенно идет кругом и, вышед из канцелярии, я чувствую себя, как с просонья... Неужели я закабалил себя навсегда? Никак не могу привыкнуть к этой мысли“ („Дневники“, III, стр. 195—196).

К № 133

¹ Н. И. Тургенев был произведен в статские советники указом 15 мая 1819 г. „за особенную деятельность и неусыпные труды по комиссии составления законов по части законодательства“.

² Задержка с назначением Сергея Ивановича в Испанию происходила, по словам гр. Нессельроде, оттого, „что на это место был еще другой кандидат — Потемкин“ (письмо А. И. Тургенева к С. И. от 6 мая 1819 г. — Архив, № 384, л. 75).

³ Суждения Н. И. Тургенева о невозможности для самодержавия удовлетворительной финансовой политики (см. № 93 и примечание к нему) и о несовместимости самодержавия с „щастием гражданским“ крайне показательны для пережитой им с 1816 г. эволюции. См. об этом во вступительной статье, стр. 64—65.

[К № 134

¹ В письме Н. И. Тургенева дана пессимистически преувеличенная и в сущности неверная оценка состояния русской внешней торговли (в частности — хлебной). В 1819 г. ее состояние не было хуже, чем в предшествовавшие годы. Если в отношении вывоза пшеницы можно отметить некоторое понижение (1 708 565 четв. против 1 774 516 четв. в 1818 г.), то вывоз ржи, ячменя и овса, напротив, увеличился (с 1 444 318 четв. до 1 648 963 четв.). Оценка Н. И. Тургенева несомненно вызвана общим неблагоприятным конъюнктурным состоянием европейской торговли, банкротством рижского купца Клейна и т. п. Если оценка неверна в отношении 1819 г., то, с другой стороны, в ней верное предвидение того кризиса, который охватил русскую торговлю с 1820 г. Спрос на русский хлеб до этого года объясняется неурожаями на западе. После этого неизбежен был упадок, которому в значительной степени способствовал хлебный закон в Англии, стеснявший ввоз хлеба в эту страну.

К № 135

¹ *Этеньуаризм* — от франц. *éteignoir* — гасильник.

К № 136

¹ Крестьяне казенные или государственные наравне с помещичьими крестьянами и мещанами платили подушную подать и несли рекрутскую и земские повинности. Среди них выделялась группа крестьян удельных. Это были в сущности крепостные царской семьи, положение которых отличалось от помещичьих только тем, что их нельзя было отчуждать и они были все на оброке. Арендными крестьянами назывались крестьяне конфискованных имений в Западном крае, отдававшиеся в аренду частным владельцам. Их положение было очень тяжелым.

² В письме Александра Ивановича, к которому сделана настоящая приписка, содержится сообщение, что император не согласился на назначение Сергея Ивановича поверенным в делах в Испанию, и на это место назначается Потемкин. Причиной этого, очевидно, было укоренившееся в правящих кругах убеждение о крайне либеральном образе мыслей Сергея Ивановича. Со своей стороны, Нессельроде предложил Александру Ивановичу предста-

вить о назначении его брата советником посольства в Константинополь, но Александру Ивановичу это не улыбалось. „Граф Нессель[оде], — пишет далее А. И., — согласен и на приезд твой сюда, но и он не советует теперь возвращаться, да и я опасаясь, чтобы здесь еще более не испортилось дело твое“ (Архив, № 384, л. 55).

К № 139

¹ А. И. Тургенев, недовольный отношением к себе своего начальника кн. А. Н. Голицына, думал о перемене службы и хлопотал о назначении в какое-либо посольство. Но, спустя некоторое время, отношения его с Голицыным улучшились, и он оставил свое намерение.

² 23 марта 1819 г. в г. Мангейме Коцебу был убит студентом Зандом. Занд был казнен. После этого в Германии усилилось реакционное движение, возглавлявшееся австрийским канцлером кн. Меттернихом, который сознательно преувеличивал революционную опасность в Германии. Он запугивал немецкие правительства деятельностью тайных обществ, разнузданностью прессы и т. п. В августе состоялась конференция представителей этих правительств в Карлсбаде, на которой Меттерних предложил ряд мероприятий против университетов, печати и т. п. Действуя таким образом, Меттерних рассчитывал усилить влияние Австрии на немецкие правительства. Кроме того, он указывал на истоки немецкого революционного движения, шедшие, по его мнению, из Парижа, и, запугивая этим русского императора, стремился помешать политике франко-русского сближения, проводившейся Каподистрией (см. об этом А. Н. Шебунин. Европейская контр-революция, стр. 164—167). В Германии шли аресты. Среди арестованных были Аридт и Гёррес. Статья Б. Константа, упоминаемая Тургеновым, — одна из серий статей „De l'état de l'Europe au point de vue constutionnel“. Вот ее содержание. Европа находится в брожении. Класс, который боится все потерять, если государи и народы придут к соглашению, удваивает свои усилия, чтобы помешать этому соглашению. Пруссия, шесть лет безуспешно ждущая конституции, стала театром суровых репрессий и арестов, притом главным образом тех людей, которые возглавляли национальное движение 1813 г. против Наполеона, Немецкая олигархия открыла поход против студенческих ассоциаций, в свое время также сыгравших немалую роль в борьбе за освобождение Германии. Поход этот усиливается от одной мысли о возможности введения конституции в Пруссии: „Это те самые люди, которые противопоставляли введению народного представительства требование восстановления самых неправых привилегий дворянства“. Наконец, здесь несомненно участие тех людей, которых тяжело назвать французами, но которые после роспуска „бесподобной палаты“ волнуют Европу „своими секретными нотами, своими манифестами против конституции“ (т. е. ультрароялистов). Революционный заговор в Германии выдуман людьми, ставшими „общими инквизиторами от Петербурга до Мадрида и от Берлина до Венеции“. Они кричат о международном заговоре против тронов, и центр этого заговора помещают в Париже („Minerve Française“, VI, pp. 593—605).

К № 140

¹ В тот же день, когда написано это письмо, Александр Иванович писал брату, что хочет говорить с Нессельроде о его назначении в Константинополь. Вечером А. И. приписал к своему письму, что, поговорив с Николаем Ивановичем, решил отложить разговор с Нессельроде до получения ответа от Каподистрии (Архив, № 384, лл. 36—37).

К № 141

¹ В письме Александра Ивановича содержится сообщение, что Нессельроде согласен на назначение Сергея Ивановича в Константинополь и на предварительный приезд его в Петербург (Архив, № 384, л. 24).

К № 142

¹ В письме Александра Ивановича от того же числа имеется сообщение, что Каподистрия тоже согласен на назначение С. И. в Константинополь (Архив, № 384, л. 22).

² *Constitutionnel* — либеральная газета, выходившая с 1815 до 1830 г. Руководители ее: Жэ, Жуи, Тиссо и Эварист — представители бонапартистского крыла партии „независимых“. Защищая хартию 1814 г., „*Constitutionnel*“ связывал ее с идеями 1789 г. и Учредительного собрания. В основном же „*Constitutionnel*“ — защитник интересов промышленной буржуазии, протекционистской политики и старой наполеоновской армии.

К № 143

¹ Указ о причислении С. И. Тургенева к Константинопольской миссии был подписан 3 января 1820 г. Но еще в ноябре 1819 г. об этом назначении, а также об отправке С. И. курьером в Петербург, была послана депеша в Париж к Поццо ди Борго (Письмо А. И. к С. И. от 19 ноября — Архив, № 384, л. 5).

² *Штивер* — голландская монета (ныне не существующая) = $\frac{1}{20}$ гульдена. Русский рубль тогда колебался в цене от 50—60 штиверов.

К № 144

¹ С. И. Тургенев прибыл в Петербург в конце января и пробыл там до 20 марта, когда вместе с Александром Ивановичем выехал в Москву к матери.

² Об инциденте Орлов-Мамонов — см. во вступительной статье.

³ Граф — М. С. Воронцов, находившийся в Петербурге с конца 1819 г.

К № 148

¹ Идея организации легального общества освобождения крестьян зародилась в беседах кн. П. А. Вяземского с С. И. Тургеневым во время проезда

последнего через Варшаву в январе 1820 г. Сергей Иванович, приехав в Петербург, сообщил об этой идее брату Николаю. 27 февраля Вяземский писал последнему, что хочет „завербовать несколько высокопревосходительств“ (Архив бр. Тургеневых, вып. 6, стр. 4). „Из высокопревосходительств“ прежде всего решили завербовать М. С. Воронцова, на которого Каразин действовал с другой стороны, убеждая его в необходимости организации такого общества, которое кроме улучшения участи крестьян будет иметь „нечувствительный присмотр“ за всеми другими обществами. (Роль Каразина в этом деле освещена в статье Н. К. Кульмана „Из истории общественного движения в царствование Александра I“ — „Известия отдел. русск. языка и словесности Академии Наук“, т. XIII, кн. I, СПб., 1908.)

К № 149

¹ Сергей Иванович должен был в ближайшие дни после этого письма выехать в Киев, где ему предстояла встреча с М. Ф. Орловым. См. письма 150 и 152.

К № 150

¹ В письме Александра Ивановича, к которому сделана эта приписка, после просьбы передать поклон Орлову, идет следующее место: „Скоро уведомим его о предложении некоторых помещиков. Может быть Николай успеет и сегодня написать к нему по секрету“ (Архив, № 2379, л. 20).

К № 151

¹ В письме, к которому Николай Иванович сделал приписку, Александр Иванович писал: „Гр[аф] Воронцов возвратится сегодня из финляндской деревни. Я доставляю тебе бумагу, которую он намерен показать государю об учреждении из дворян общества, которого целию должно быть освобождение от рабства крестьян и дворовых. Но это еще тайна для других. Потолкуй разве с Мих[аилом] Орл[овым]“ (Архив № 2379, лл. 16—17).

К № 152

¹ С. И. Тургенев выехал из Москвы 12 мая. 17 он был уже в Киеве. По поводу затевавшегося общества освобождения крестьян Сергею Ивановичу написал 21 мая Александр Иванович: „Третьего дня гр[аф] Воронцов говорил с государем об известном деле; прочел ему краткую записку, содержащую наше предположение и получил совершенное одобрение и благодарность. Долго говорено с ним. Вчера же гр[аф] Воронцов, кн[язь] Меншиков, и приехавший вчера из Варшавы кн[язь] Вяземский подписали бумагу, и гр[аф] Вор[онцов] с кн[язем] Меншиковым повезли ее с согласия государя к гр[афу] Кочубею. Будет или нет — но голос подан и дворянство останется без пятна, или по крайней мере без укоризны, что не решилось сделать первого шагу. Сегодня подпишется Николай за себя и за тебя. Он же будет и главным производителем. В сем деле, по словам Вяземского: за начинающего бог“ (Архив, № 2379, лл. 118—119). Получив это письмо, Сергей Иванович записал

в своем дневнике, что не помнит других столь приятных писем. „По крайней мере покуда дело идет на лад. Смею ли льстить себя мыслию, что и я к добродушному предприятию был побудитель. Рад тому [что] делается и для самой вещи и для того, что брат Н[иколай] И[ванович] будет главным делопроизводителем. Наши имена, сверх того, стоят одни из первых на роковой бумаге“ (Архив, № 26, л. 42 об). Записка, представленная Воронцовым императору, о которой говорит в своем письме Александр Иванович, напечатана Е. И. Тарасовым в комментариях к дневникам Н. И. Тургенева, III, стр. 488—490.

² Уже в середине 1819 г. отношения между министерством Дессоля-Деказа и „независимыми“ во Франции сильно ухудшились. К концу года успех „независимых“ на выборах и в частности избрание Грегуара заставили Деказа искать сближения с правыми группами. Тогда Дессоль подал в отставку. Деказ стал во главе кабинета. 13 февраля 1820 г. племянник короля, герцог Беррийский, один из сторонников ультрароялистов, был убит республиканцем Лувелем. После этого атака на министерство справа была еще более усилена, и 20 февраля Деказ был заменен Ришелье. Между тем в палату поступила петиция Мадье де Манжо, советника магистратуры г. Нима, в которой разоблачалась тайная деятельность ультрароялистов. В частности петиция цитировала циркуляр, присланный тайным руководящим центром этой партии 18 февраля, рекомендовавший своим единомышленникам вести себя так, как будто „фаворит“ (т. е. Деказ) был уже низвергнут, и этим добиваться его низвержения. Автор петиции указывал, что белый террор в Ниме 1815 г. был вызван этой самой организацией, и намекал, что автором циркуляра является Витролле, приближенный наследника престола гр. д'Артуа. При обсуждении этой петиции 25 апреля Бенжамен Констан и другие „независимые“ прямо говорили о существовании во Франции закулисного тайного правительства, намекая на гр. д'Артуа, как главу его. Депутат г. Нима гр. Сент-Олер в своей речи указал как на факт в Ниме давно известный, что ультрароялисты „повинуются иному правительству, помимо королевского и даже . . . иному королю, чем сам король“. Палата единогласно постановила направить петицию к министру внутренних дел. Но когда 1 мая „независимые“ предложили палате принять адрес королю, нападавший на министерство за потворство ультрароялистам, палата отвергла это предложение („Annuaire historique . . . pour 1820“ par Lesur, pp. 89—94).

К № 153

¹ Датировка этого письма может вызвать сомнение. В № 2373 оно помещено за письмом от 1 июля. Таким образом, очевидно, его дату прочли как 12 июля. Между тем это письмо является ответом на письмо С. И. из Киева в то время, как письмо от 1 июля — ответ на первое письмо его из Константинополя. По содержанию же этого письма видно, что это именно то письмо, в котором рассказывается о неудаче предприятия, и о котором упоминается в письме от 22 июня.

² Одновременно с этим письмом писал младшему брату и Александр Иванович. Приводим выдержки из его письма: „В последнее время мы очень с Вор[онцовым] сблизились. Он говоря с государем об известном деле упомянул и о нас с Николаем. Государь отозвался, что он знает меня лично

и уважает меня, а о Николае слышит по службе много доброго... Здесь приписывают наше предложение честолюбию Вор[онцова] и нашему желанию выслужиться и якобинству“ (Архив, № 2379, л. 49). Сергей Иванович, получив письма братьев, записал в своем дневнике: „Они (т. е. письма. А. Ш.) произвели во мне удовольствие и горесть. Надеемся на людей; один человек все испортил. И этот человек — Васильчиков, о котором так много хорошего говорили? Подписка была средство единственное, верное. Трудно было успешнее придумать. И смотри как было все пошло хорошо. Два Воронцова, Потоцкий, Меньшиков, Вяземский и пр. и пр. Но были два Тургенева и это взбесило невежд. Если бы предвидеть можно было, Тургенева бы не подписались. Они не имени своему, а делам славу ищут. — И что за партии в России. Но еще не все потеряно... Жаль, что лишились центра, и что все непременно через канцелярии министерские итти должно“. 19 июля С. И. Тургенев написал братьям, что не надо терять терпения и продолжать начатое. Следует забросать министра внутренних дел проектами. Это вынудит правительство реагировать. В особенности Николай Иванович должен представить свой проект и ознакомить с ним „своих партизанов“. (Излагаем по записи в дневнике С. И. Тургенева — Архив, № 26, л. 68.)

К № 154

¹ С. И. Тургенев прибыл в Одессу 26 мая и в тот же день послал письма братьям и Орлову. Через несколько дней после этого он выехал к месту своей новой службы. 7 июня он уже был в Буюкдере, предместья Константинополя, где помещалось русское посольство.

² Приводим выдержку из письма Александра Ивановича к С. И. от 21 июня, свидетельствующую о том, насколько старший брат был увлечен предпринятой попыткой организации общества освобождения крестьян. „Между тем как ты наблюдал рачительные действия рабства, мы воевали против его защитников, и мысли наши во многом были сходны, ибо и мы предлагали частное постепенное освобождение, которое бы не только подготовило всеобщее, но и повлекло к оному необходимою силу в ещ ей, la force des choses. Попытки и покушения наши не совсем останутся тщетными, и есть ли не пойдут по нашим следам, которых мы протоптать не успели, то не устроятся первого опыта. Православие наше этому не мешает, так как и ничему добру и прямо государственному, и с пользою всегда смешано быть может. Это есть стихия, ingrédient, ко многому служащая. Даже иногда отзывается чем-то конституционным. За что же оставлять Россию навсегда? Чем она согрешила, потому что над ней творятся прегрешения? Неужели должно оставлять друга в нещасти и бежать от него, чтобы не слышать стонов и воплей его? Ах, они издали, кажется, еще слышнее и доходят прямо к сердцу. Москва помнит тургеневские богадельни. Зачем же оставлять расслабленное правительство? Разве Петр Тургенев отчаивался в спасении отечества, укоряя Гришку во лжи и грозно умоляя его отречься от России и царства.* И мы будем дондеже есмы умолять соотчичей отречься от рабства. И делом и сло-

---

* Петр Тургенев, которого братья считали своим предком, публично обвинявший Лжедмитрия в самозванстве и казненный им.

вом будем друзьями народа“ (Архив, № 2379, л. 40). Письмо это очень характерно для А. И. Тургенева. Увлечшись в первый раз в жизни делом, которому братья отдавали свою жизнь уже ряд лет, он даже кажется здесь более стойким, чем брат Николай, которому постоянные неудачи иногда навевали желание бежать из России. Характерен и некоторый консерватизм А. И. Тургенева, сказавшийся здесь и в приплетении православия, и в апелляции к тени предка.

³ Министерство Ришелье, стѣвшее у власти во Франции после отставки Деказа, быстро повернуло в сторону реакции. Внесенный уже Деказом проект нового избирательного закона был изменен в еще более реакционном духе: он создавал между избирателями привилегированную группу имеющих право избрания депутатов; остальным предоставлялось только право назначения кандидатов. Кроме того, были внесены законопроекты о введении цензуры и об ограничении индивидуальной свободы. При обсуждении избирательного закона, начавшемся 15 мая, группа левого центра и „независимые“ выступали сплоченно против правительства. Лозунги их были: защита хартии 1814 года и интересов „новой Франции“, разоблачение интриг ультрароялистов, стремящихся к восстановлению старого порядка. Ни министерство, ни либералы не имели в палате большинства, голоса разделились приблизительно поровну, и исход голосования обычно зависел от нескольких голосов колеблющихся. Поэтому противники министерства прибегли к средствам общественного давления. 30 мая и 1 июня в Париже состоялись студенческие манифестации под лозунгом „Да здравствует хартия“, 2 и 3 июня выступили роялистские контрманифестации с лозунгом: „Да здравствует король“. Между обеими группами произошли столкновения, закончившиеся убийством студента Лаллемана. После этого республиканские организации берут дело в свои руки, и 5 июня движение охватило рабочих. Манифестации продолжались 6, 7, 8 и 9. Правительство пустило в ход вооруженную силу и к вечеру 9-го движение было подавлено, причем были убитые и раненые. Под влиянием движения правительство пошло на уступки; с другой стороны, напуганные выступлением рабочих депутаты левого центра и часть независимых охотно пошли на компромисс с министерством. В основном это была победа реакции.

⁴ *Schlussact* или *acte additionel* — заключительный или дополнительный акт. Проведя через карлсбадскую конференцию немецких государств ряд желательных ей реакционных мероприятий, Австрия добилась полного преобладания в делах Германии. При этом она вполне подчинила своему влиянию Пруссию и вместе с ней действовала против конституционных государств южной Германии. Теперь она считала момент подходящим для совершения дела, которого в течение нескольких лет не мог сделать Франкфуртский сейм, а именно точного определения прав и обязанностей этого сейма. С этой целью и для обеспечения в этом деле руководящего влияния Австрии и пресечения возможности вмешательства России, покровительствовавшей малым немецким государствам, сессия сейма, посвященная выработке заключительного акта германской конфедерации, была проведена в Вене под председательством самого Меттерниха. Она открылась 25 ноября 1819 г. Здесь, однако, пришлось отказаться от мысли о посягательстве на конституции южных государств. Конституционный строй был теперь символом независимости этих государств от Австрии и Пруссии. Надо было сохранить этот вид независи-

мости, и вместе с тем заставить эти государства служить общему делу германской реакции. Вот почему в письме Меттерниха к премьер-министру Бадена и было указано, что речь идет только „о сохранении того, что существует“, и что интересы конституционных и абсолютистских правительств в одинаковой мере требуют объединенного противодействия „разрушительным стремлениям“ („Annuaire historique... de l'année 1820“, pp. 600—602). Принятый в Вене заключительный акт (резолуция) устанавливал следующие основные положения. „Германская конфедерация есть федеративный союз государств и вольных городов Германии, покоящийся на публичном праве Европы и заключенный для охраны независимости и неприкосновенности составляющих его государств, а также в интересах внутренней и внешней безопасности Германии в целом“ (ст. 1). На этом основании конфедерация, признавая независимость входящих в нее государств во внутренних делах, в отношении дел внешних составляет одно целое (ст. 2). Выход членов конфедерации из нее воспрещается (ст. 5). Сейм конфедерации состоит из уполномоченных государств, ответственных только перед ними (ст. 8). В случае внутренних беспорядков в каком-либо из немецких государств, интересы конфедерации требуют ее активного содействия правительству этого государства в деле подавления этих беспорядков (статьи 25—28). Для защиты независимости Германии конфедерация имеет право объявления войны, заключения мира и т. п. (статьи 35—40). Конституционный строй, существующий в некоторых немецких государствах, сохраняется в них полностью, но основным принципом конфедерации является сохранение за государствами верховной власти и невмешательство конституционных учреждений в отправление государствами их обязанностей членов конфедерации (статьи 56—58). В государствах, где свобода печати признана конституцией, должен быть издан закон о борьбе с злоупотреблениями печати особенно в тех случаях, когда от этих злоупотреблений возникает опасность для спокойствия страны или всей Германии (ст. 59). Таким образом, вряд ли можно согласиться с оценкой, данной Тургеневым заключительному акту. Это вовсе не „галиматья“, а очень тонкое и умелое ограждение германской конфедерации от влияния на ее дела конституционных учреждений и привлечение конституционных государств к общему делу реакции (Ibid., pp. 588—596).

К № 155

¹ Министр внутренних дел гр. В. П. Кочубей еще в феврале подал в государственный совет записку о необходимости запретить продажу крестьян без земли. 4 июня Кочубей подал о том же записку в комитет министров. После неудачи попытки организации общества освобождения крестьян Кочубею поручена была вся работа по этому вопросу.

² В отчете министра финансов „о питейных сборах в 29 великороссийских губерниях“ за 1819 г. было указано, что прибыль в питейных сборах по сравнению с прошлым годом, когда существовала откупная система, составляет более 14 047 195 р. 84 к. Из этого департамент экономии государственного совета сделал вывод о большей выгодности казенной продажи питей. Выгодность эта состоит еще „в том, что ныне сей доход поступает с большою верностью, нежели сие было при откупах, равно как и в том, что простой класс

народа находит выгодную отрасль промышленности в содержании питейных домов". Мнение барона Кампенгаузена в протоколе департамента изложено в нескольких словах. Оно „заключается в том, что было бы справедливо предоставить винокурение частной промышленности". Здесь устраниено все основное в мнении Кампенгаузена: выступление против чиновничьих злоупотреблений (Архив Государственного совета, том IV, Журналы по делам департамента госуд. экономии, СПб., 1881, ч. I, стр. 1225—1226).

К № 156

¹ Крестьянское движение в Екатеринославской губернии и на Дону — „это одно из наиболее крупных движений крепостных крестьян" (И. И. Игнатович. 1818—1820. „Историк-Марксист", 1935, № 2—3, стр. 99—121). Закрепощение крестьян на землях казачьей старшины в 1796 г. и последовавшие затем покупки и переселения крестьян из центральной России — первая причина взрыва на Дону. Второй причиной была интенсификация помещичьего хозяйства и связанное с этим усиление эксплуатации крестьян. Бежавшие после 1796 г. на Дон крестьяне из Великоруссии и Украины были убеждены в том, что указ о закрепощении к ним не относится. Действия правительства поддерживали их в этом убеждении. Учрежденный в 1819 г. Донской комитет имел задание ослабить новое донское дворянство, которое, сосредоточив в своих руках громадные земли, рабочую силу и военную власть, представлялось центральной власти опасной политической силой. Командированный комитетом на Дон ген. А. И. Чернышев сумел прежде всего ловко изолировать атамана Денисова и его ближайших сторонников от массы дворянства, затем расколол последнюю на мелкие партии и поставил перед правительством вопрос об ограничении прав донских помещиков „точными правилами". Результатом этого был рескрипт Александра I Денисову, отмечавший постоянное поступление жалоб со стороны крестьян на жестокие обращения с ними помещиков и непомерную их эксплуатацию. Рескрипт этот стал известен крестьянам и поселил среди них надежды на освобождение.

Движение началось еще в 1818 г. на реке Сале. Расследование, производившееся местными чиновниками о жалобах, поданных царю, вызвало сопротивление крестьян, отказавшихся работать на помещиков и отвечать следователям. Движение было усмирено казаками, причем значительное число крестьян подверглось экзекуции.

В 1819 г. движение охватило крестьян, насильственно переселяемых из сальских слобод на Миус. Царский рескрипт Денисову попал на Дон в январе 1820 г., и к концу января Миус был охвачен движением, а в феврале оно уже перекинулось в Ростовский уезд Екатеринославской губернии. В апреле положение стало уже настолько тревожным для помещиков, что рескриптом царя от 28 апреля Чернышеву была вручена полная власть для усмирения. Однако в мае движение в Миусском округе настолько усилилось, что Чернышев только энергичными военными мероприятиями и жестокой расправой смог подавить движение.

В Екатеринославской губернии в начале июня движением были охвачены, кроме Ростовского, еще Бахмутский и Славяносербский уезды. Из последнего оно могло перебраться в Слободско-Украинскую и Воронежскую губернии.

Поэтому, посылая сюда войска, Чернышев прежде всего постарался отрезать бунтующие уезды от этих губерний. Движение здесь было усмирено к началу июля Шемиотом. Правительство было сильно напугано этим движением и мысль о „твердых правилах“ была оставлена.

Циркуляр министра внутренних дел губернаторам от 10 июля 1820 г. возлагал ответственность за беспорядки на „людей развратных или неблагонамеренных, кои из видов корыстных, а может быть и иных, рассевают разные нелепые слухи, пишут крестьянам просьбы, внушают им вредные мысли о вольности . . .“ Министр, предписывая губернаторам арестовывать таких „злонамеренных людей“, заявлял, что если бы государь решился „сделать положение крестьян на взаимной пользе их и помещиков основанное“, то он бы сделал это открыто. Далее следовало предписание подавлять всякое неповиновение крестьян помещикам „буде нужно мерами вооруженного побуждения“. С другой стороны, предписывалось „принимать меры к воздержанию от употребления во зло власти“ (Сборник Русского исторического общества, т. 78, стр. 530—531). Как показывает это и следующее письмо Н. И. Тургенева, в кругах, к нему близких, склонны были толковать этот циркуляр в благоприятном для дела освобождения смысле. 30 июля Николай Иванович записал в своем дневнике беседу с Чаадаевым, сообщившим ему, что „прав[ительство] хочет что-то сделать в пользу крестьян, и что Екат[еринослав]ское возмущение имело влияние на сие намерение правительства“. „Великий боже, — приписал Тургенев, — неужели одно благое намерение правителей должно родиться из потоков крови управляемых?“ (Дневники, III, стр. 234).

² *Коносамент* — накладная на товары, погруженные на судно.

³ О процессе английской королевы см. ниже примечание к № 159.

⁴ Тариф 1819 г. был проникнут духом свободной торговли. Им были недобровольны фабриканты, требовавшие запретительных мер, но „беспрестанные перемены в тарифе“, как говорит Тургенев, внушали недоверие и сторонникам свободы торговли.

К № 157

¹ Во время службы Н. И. Тургенева в министерстве финансов ему было поручено министром разработать проект реформы гербовых сборов. Думая всегда над вопросом об освобождении крестьян и стремясь к организации вокруг этого вопроса помещичьего общественного мнения, Тургенев и в порученной ему работе хотел провести некоторые мероприятия подготовительного характера в желательном ему направлении. Он хотел прежде всего заменить подушную подать, это яркое проявление крепостного строя, поземельным налогом. Для этого надо было прежде всего произвести оценку помещичьих имений не по количеству душ, а по количеству земли. Тургенев предлагал организовать для этой цели на местах выборные помещичьи оценочные комитеты, которым надлежало, произведя такую оценку, распределить затем между помещиками общую сумму причитающегося с губернии поземельного налога. Понятно, что этот проект, не имевший, строго говоря, прямой связи с реформой гербовых сборов, не мог понравиться министру. Кроме того, за год службы Тургенева в министерстве политическая реакция в России настолько усилилась, что либеральный сотрудник министру уже не казался удобным. К сожалению, проект

Тургенева не сохранился ни в его архиве, ни в архиве министерства финансов, и известен лишь по его воспоминаниям („La Russie et les Russes“, I, pp. 138—146).

² Мы полагаем, что желание Н. И. Тургенева получить место симбирского губернатора следует объяснять стремлением членов Союзов Благоденствия к занятию видных административных должностей с целью влияния на общество и постепенного захвата власти. С этим следует сопоставить аналогичное желание М. А. Фонвизина получить место губернатора в Смоленске, о чем сообщил дежурный генерал Главного штаба А. А. Закревский начальнику штаба кн. П. М. Волконскому в письме от 3 декабря 1820 г. (Сборник Русского исторического общества, т. 73, стр. 120). Волконский ответил, что государь „полагает его весьма способным к сей должности, но вместе с тем объявил мне, что он известен за весьма большого масона, о чем и сожалеет, и поручает вам иметь во время пребывания его в С. Петербурге особенный за ним надзор“ (там же, стр. 34).

К № 158

¹ Настоящее письмо появляется в печати вторично. Оно было напечатано Е. И. Тарасовым в примечаниях к III тому „Дневников“ Н. И. Тургенева, стр. 491—492.

² Вопрос о запрещении продажи крестьян без земли возник еще в 1819 г. вследствие жалобы крестьян помещика Курской губернии Жданова на то, что он „продает крестьян по одиночке“. Министр юстиции кн. Лобанов-Ростовский находил, что такая продажа противоречит указу Петра I 1721 г. Поэтому Комиссии составления законов было поручено составить соответствующий законопроект. А. И. Тургенев как секретарь Комиссии поручил разработать проект своему брату. Проект Н. И. Тургенева состоял из двух частей: основной, запрещавшей какое бы то ни было отчуждение (продажу, мену, заклад, подарок, обращение в дворовые) крестьян от земли, и добавочной, запрещавшей раздробление помещичьих имений на части, заключающие в себе менее 100 душ. Н. И. Тургенев рассчитывал привлечь этим проектом поддержку крупных землевладельцев, заинтересованных „в благоустройстве и улучшении своего имения, не говоря о тех мелких дворянах, кои привыкли смотреть на крестьян своих, как на вещь, лишь бы только достать через нее более денег“. Вождем оппозиции проекту в Государственном совете был адмирал А. С. Шишков, поддержанный В. С. Ланским и И. Б. Пестелем. С другой стороны министр юстиции и председатель Государственного совета кн. Лопухин хотели разрешить вопрос каким-нибудь незначительным законом и находили проект Н. И. Тургенева слишком радикальным. Подробно об этом см. в статье А. Н. Шебунина „К истории борьбы по вопросу о продаже крестьян без земли“. „Архив истории труда в России“, кн. 6—7, стр. 116—129 и в его же книге „Н. И. Тургенев“, стр. 73—80.

³ 1820 год был годом революций в Западной Европе. В начале 1820 г. вспыхнуло восстание в Испании в войсках, предназначенных к отправке в Америку для подавления колониальной революции. Восстание охватило всю армию, и король вынужден был согласиться на восстановление отмененной конституции 1812 г. Испанская революция вызвала большие симпатии членов

тайного общества в России. Н. И. Тургенев в дневнике от 24 марта писал: „Слава тебе, славная армия гишпанская. Слава гишпанскому народу“ (Дневники, III, стр. 225—226). Ф. Н. Глинка в одной из статей, посвященных событиям 1812 г., провел любопытную параллель между историей России и историей Испании, находя в той и другой много сходства и тем подсказывая читателям выводы о возможности и желательности такого сходства и в будущем („Соревнователь Просвещения и Благотворения“, 1820, № 7). В июле произошла революция в Неаполитанском королевстве. Она была организована тайным революционным обществом карбонариев и также носила военный характер. Восставшие принудили короля провозгласить конституцию, подобную испанской. Неаполитанская революция, руководимая карбонариями, казалась более радикальной. Русская нота об испанских событиях порицала прежде всего испанское правительство за то, что оно не дало своевременно стране конституционных учреждений, которые таким образом получили бы консервативный характер. Вырванные мятежом, эти учреждения могут породить лишь хаос. Осуждая таким образом революцию, Россия требовала от испанских кортесов законов против восстаний и бунтов, заявляя, что только при таких условиях возможно сохранение дружественных отношений с Испанией.

Австрия, отнесшаяся хладнокровно к испанской революции, была, напротив, очень обеспокоена неаполитанской, которая могла распространиться на всю Италию и тем самым на австрийскую Ломбардию, и стала сразу готовиться к вооруженной интервенции.

К № 159

¹ В 1820 г. умер сумасшедший король Англии Георг III и на престол вступил сын его Георг IV, уже с 1811 г. фактически царствовавший под именем принца-регента. Он был крайне непопулярен в стране и имел репутацию кутилы, картежника и мота. Жена его, Каролина, с 1814 г. жила вместе с дочерью за границей. Узнав о вступлении мужа на престол, она объявила о своем намерении вернуться в Англию и воспользоваться правами своего звания. Попытка короля откупиться от ее приезда деньгами не имела успеха. Тогда король представил в парламент документы, обвинявшие королеву в супружеской неверности. Палата лордов сразу стала на сторону короля. В палате общин раздалась протесты оппозиции по поводу беспримерности подобного дела. 6 июня при въезде королевы в Лондон она была встречена бурными овациями городского населения. На следующий день в палате общин было оглашено ее письмо — протест против опозоривания ее имени. Тем не менее обе палаты постановили организовать секретный комитет для рассмотрения предложения короля. В результате работ этого комитета 5 июля лорд Ливерпуль внес в палату билль о лишении королевы ее титулов и прав и о разводе. Вокруг этого дела разыгралась борьба в стране. Все противники землевладельческого правительства и сторонники парламентской реформы были на стороне королевы. Она получала сочувственные адреса от всевозможных групп буржуазного населения. Тем не менее рассмотрение билля началось. 17 августа в палате лордов был оглашен обвинительный акт (королеву обвиняли в связи с итальянцем Пергами). Прения, разгоревшиеся в связи с этим, широкая поддержка, которую оказывала королеве лондонская буржуазия, в конце концов

вынудили правительство взять билль обратно. В скором времени после этого Каролина умерла („Annuaire historique . . . de l'année 1820, pp. 341—385“). Н. И. Тургенев находил, что „одна только совершенная невинность или самое грубое бесстыдство могли решить королеву выдержать сие жестокое испытание“ (Дневники, III, стр. 237).

² Статья в „Moniteur universel“ (№ 253 от 20 августа 1820 г.) об испанской и неаполитанской революциях отмечала разницу между двумя революциями. Здесь говорилось о героизме и великодушии испанского народа по отношению к королю, который остался „свободным в отпавлении своей верховной власти“ и мог „признать действительные нужды“ народа и „даже просить то, что было незаконно в манифестировании этих нужд“. В Неаполе, по мнению автора статьи, было совсем не то: там финансы процветали, король „любим, как отец“, и революция не имеет оправданий. Кроме того, она способна „внезапно навлечь на Европу бич всемирной войны“. Вывод статьи: „никогда законы, навязанные силой государю и его народу, не будут нам казаться достойными священного названия законов“. Отзыв Тургенева об этой статье показывает, что и он первоначально отнесся к неаполитанской революции отрицательно. Потом он изменил свое мнение.

К № 160

¹ В 1820 г. общеевропейская реакция уже довольно сильно захватила Россию. В связи с этим и отношения между императором и польским сеймом сильно изменились к худшему. Тяжелая рука великого князя Константина и политика Новосильцова усиливали оппозицию в Польше. В конце августа 1820 г. перед открытием сейма маршалом (председателем) его был назначен префект варшавского воеводства Рембелинский. По поводу этого назначения „человека на казенном жалованьи“ кн. П. А. Вяземский 30 августа писал А. И. Тургеневу из Варшавы: „Все на этот выбор ропщут. Зачем гласно и торжественно объявлять, что людей независимых боишься? Чего бояться? Малого жужжания? Пусть жужжат: кто жужжит, тот не кусает. Государя, как на зло, набивают превратными понятиями о людях и вещах. Когда будет на нашей улице праздник?“ спрашивает Вяземский и отвечает: „Кажется никогда . . . Нас морочат и только; великодушных намерений на дне сердца нет ни на грош. Хоть сто лет он живи, царствование его кончится парадом, и только“ („Остафьевский Архив“, II, стр. 55—56).

К № 161

¹ Работа Тургенева о жюри (суде присяжных) до нас не дошла. Но о ней можно судить по другой его работе „Мысли о возможных исправлениях российского судопроизводства“ (Архив, № 1132. Извлечение напечатано в Архиве гр. Мордвиновых, VI, стр. 299—312). Здесь Тургенев отстаивает систему гласного словесного суда, независимого и несменяемого, высказывается за учреждение независимого сословия адвокатов и введение в судопроизводство беспристрастного элемента присяжных. С. Г. Волконский утверждает, что все напечатанное Тургеневым впоследствии за границей о финансах и судопроизводстве „есть свод того, что им приготовлено было для применения при пере-

вороте, им и нами замышляемом для России“ (С. Г. Волконский. Записки, СПб., 1901, стр. 423). По показаниям М. И. Муравьева-Апостола, И. И. Пущина и А. В. Поджио на собрании Северного общества у Пущина в 1823 г., Тургенев взялся составить проект суда присяжных („Восстание декабристов“, I, стр. 209—210, II, стр. 226).

² 1/13 сентября, открывая польский сейм, император дал резкую оценку распространенным в Европе революционным настроениям. „Дух зла, — говорил он, — покушается водворить снова свое бедственное владычество; он уже парит над частью Европы, уже накаплиет злодеяния и пагубные события“. Император взывал к „благоразумию и умеренности“. Несмотря на это, сейм отверг все главные законопроекты, внесенные правительством, в частности кодекс уголовного судопроизводства. Критикуя кодекс, оппозиция указывала, что он лишает суд всех элементов, обычных в конституционном строе: суда присяжных, гласности, правомочной организации защиты. При этом в речах и петициях сейм вообще обвинял правительство в отступлении от конституционных основ. На речь императора Тургенев кратко отозвался в своем дневнике: в ней „я ничего не заметил, кроме негодования на новейшие происшествия в Европе. Я думаю, польским депутатам интереснее было бы слушать что-нибудь о своем“ (Дневники, III, стр. 238).

К № 162

¹ В заключительной речи при закрытии польского сейма, произнесенной 1/13 октября, император упрекал поляков в неблагодарности. „Vous avez reçu le bien pour le mal“ (Вы получили добро за зло), сказал он, напоминая, что конституция („добро“) была дана полякам, несмотря на то, что они в 1812 г. поддерживали Наполеона („зло“). Останавливаясь на работах последней сессии, Александр сказал: „Вы замедлили дело восстановления отчизны вашей“. Тем не менее, император назначил согласительную комиссию для выработки нового проекта уголовного судопроизводства, включив в нее депутатов — оппозиционеров. Вяземский находил, что это „и умно и великодушно“ (Остафьевский Архив, II, стр. 79—80). Но он не знал, что, уезжая из Варшавы, Александр дал своему брату полную свободу действий (*carte blanche*) в отношении поляков и их свобод.

² *Рождение нового Бурбона* — сына герцогини Беррийской, графа Бордоского (29 сентября нов. ст.).

³ Dames de Halle de Bordeaux — т. е. торговки Бордо прислали в Париж депутацию, которая поднесла герцогине Беррийской колыбель для ее новорожденного сына. Инцидент с заменой Шатобриана, который должен был представить депутацию герцогине и королю Десезом, вызвал ряд писем в редакцию „Journal des Débats“ (номера от 30 сентября, 3, 4 и 6 октября), перепечатанных (в немецком переводе) в „Allgemeine Zeitung“ (номера от 13, 14, 15, 16, 17 октября).

⁴ 23 октября нов. стиля в г. Троппау начался конгресс держав Священного Союза, посвященный вопросу о подавлении неаполитанской революции. Англия, боясь оппозиции в парламенте и в стране, отказалась участвовать в конгрессе. Франция по тем же соображениям высказывалась против какого бы то ни было вмешательства. Ришелье писал по этому поводу, что задача эпохи

„сделать переход от старого порядка к новому свободным от потрясений и конвульсий“, а те страны, которые уже имеют новые учреждения, „обязаны их укрепить и утвердить всеми силами“ (Сборник Русского исторического общества, т. 54, стр. 555). Истинная причина французской политики была, однако, в боязни усиления Австрии, которая требовала, чтобы интервенция была поручена именно ей. „Что скажет вся Франция“, — писал министр иностранных дел Паке, „если в результате своих операций Австрия тем или иным путем сделается госпожей всей Италии“. Тем не менее австрийская точка зрения на конгрессе восторжествовала благодаря поддержке России.

⁵ Книга Ричарда Филиппа, английского журналиста, о жюри вышла в Лондоне в 1814 г. Она была переведена на разные европейские языки.

К № 163

¹ Восстание л.-гв. Семеновского полка, — внешняя история которого в общем верно передана Н. И. Тургеневым, — явилось ответом на усиление в войсках палочной дисциплины, представлявшейся правительству вернейшим средством против развития в солдатских массах вольнодумства. С этой целью в 1820 г. в целый ряд гвардейских полков назначены были командирами тупые и жестокие фрунтовики, „бурбоны“, вышедшие из аракеевской школы и умевшие объясняться только посредством кулака и палки.

„Бунт“ Семеновского полка, скорее напоминавший демонстрацию, был ликвидирован без военного вмешательства, чего крайне опасалась петербургская власть, ибо все гвардейские полки в эти дни открыто выражали сочувствие семеновцам, и большинство полковых командиров сомневались в своих солдатах. А один флигель-адъютант прямо заявил, что найдись только офицер, способный возглавить солдат, как „все пошло бы к чорту“.

Ближайшие месяцы отмечены были серьезным брожением в гвардии, из-за которого правительству мерещился призрак военной революции. В гвардейских казармах появились прокламации, проникнутые резкими антидворянскими настроениями, с призывом к экономическому и политическому перезороту, очевидно, вышедшие из солдатской же среды. Крепло грозное для правительства солдатское единство, солидарность между отдельными полками, настроение которых, по словам современников, было „мятежническим“. Этот „мятежнический дух“ выражался прежде всего в постоянных жалобах солдат на жестокое обращение и разные несправедливости. В разных полках происходили вспышки открытого возмущения. Сыщики подслушивали солдатские разговоры о том, что „ежели государь не простит семеновцев, тогда все гвардейские полки положат ружья“, что „все полки подымутся“, „вся гвардия взбунтуется и сделает революцию“.

Правительство вылавливало всех наиболее выдающихся солдат. Семеновцы были жестоко наказаны и разосланы по армейским полкам. Вслед за тем, 14 мая 1821 г., большая часть гвардии отправлена в поход, в котором она, как в карантине, пробыла до следующего года. Вместе с тем правительство пошло и на некоторые уступки, несколько смягчив условия солдатского быта. Все это в сумме — обескровление гвардии путем изъятия „вольнодумцев“, крутая расправа с семеновцами, поход и правительственные уступки — привело к некоторому, но в сущности чисто внешнему успокоению. (Подробно

см. Сергей Гессен, Солдатские волнения в начале XIX в., М., 1929; его же, Мятеежники 1820 года, М., 1935; С. Чернов. Солдатские настроения в начале 1820-х гг., сб. „Бунт декабристов“, Л., 1926).

² *Прежняя книжка Cottu* — „Réflexions sur l'état actuel de Jury, de la liberté individuelle et des prisons“.

„*Последняя книжка — того же автора — „плод его пребывания в Англии“* — „De l'administration de la justice criminelle en Angleterre et de l'esprit du gouvernement anglais“, Paris, 1820.

³ 1 октября открылись заседания Неаполитанского парламента. Тронная речь была прочитана, по болезни короля, принцем-регентом. В ней было выражено требование изменения конституции в консервативном духе. Президент парламента, Гильди, ответил речью, в которой ссылался на теорию общественного договора Руссо.

К № 165

¹ При обсуждении в общем собрании Государственного совета вопроса о запрещении продажи крестьян без земли (см. примечания № 158) против тургеневского проекта выступил, между прочим, адмирал Н. С. Мордвинов, мотивировавший свое мнение тем, что в России крестьяне должны быть в большей зависимости от помещиков, чем в других странах „по малонаселению... , по великому пространству ее... , по недостатку капиталов“ и т. д. Вопрос был передан для нового изучения в министерство внутренних дел и там похоронен. Столкновение А. И. Тургенева с министром юстиции рассказано в письме первого к Вяземскому от 1 декабря („Остафьевский архив“, II, стр. 110—111, в приложениях — переписка по этому поводу А. И. Тургенева с государственным секретарем А. Н. Олениным — там же, стр. 441—446).

² Конгресс из Троппау был перенесен не в Вену, а в Лайбах, куда был приглашен и неаполитанский король, который должен был, согласно заранее намеченному плану, просить об интервенции.

³ Компания по изготовлению дилижансов была организована М. С. Воронцовым совместно с кн. А. С. Меншиковым. Последний 27 февраля 1821 г. писал Воронцову: „Наши дилижансы в самом цветущем ходу, охотников много, отправление исправно“ (Архив Воронцовых в Ленингр. отд. Института истории АН СССР. Бумаги М. С. Воронцова. Письма к нему кн. А. С. Меншикова).

⁴ Ответ Сергея Ивановича на это письмо и письмо А. И. от 2 декабря сохранился и печатается нами в приложениях к настоящему тому.

К № 166

¹ См. *Мадье*.

² *Происшествия в Мадриде и Неаполе* — см. примечания к № 158.

³ *Происшествия в Лиссабоне*. — Португалия в 1820 г. пережила революцию типа испанской и неаполитанской. В эпоху напряженной борьбы между Францией и Англией Португалия, связанная торговыми интересами с Англией, была под угрозой нападения Наполеона, который хотел ее заставить присоединиться к континентальной блокаде. В 1808 г. регент Португалии Иоанн, не надеясь защитить Португалию от Наполеона, уехал в Бразилию, бывшую тогда

колонией Португалии. С этого момента резиденция была в Бразилии, и положение переменялось в обратную сторону: отныне Португалия стала колонией. Иоанн широко открыл двери в Бразилию английским купцам, в то же время англичане широко хлынули в Португалию. Английский генерал Бересфорд стал во главе португальской армии, которую наполнил английскими офицерами. Бересфорд сумел отстоять Португалию от натиска французов. После поражения Наполеона он стал полным правителем Португалии. Его реакционная политика, господство англичан, полный упадок национальной торговли и промышленности вызвали уже в 1817 г. военный заговор, организованный генералом Фрейром, но раскрытый правительством. В 1820 г., когда под влиянием испанских событий Португалию охватило революционное брожение, Бересфорд отправился в Бразилию для доклада королю о необходимости уступок. В его отсутствие 24 августа произошло военное восстание в г. Оporto, руководимое представителем знатной дворянской семьи Сепульведа и поддерживаемое дворянством и торговой буржуазией. Лозунгом восстания была конституция, „которая вернула бы Португалии ее государей, народу — его свободы, а армии — ее древнюю славу“ („Annuaire historique . . . pour l'année 1820“, р. 471). Овладевшая в результате восстания властью „временная правительственная юнта“ состояла из 6 человек, — представителей дворянства, духовенства, магистратуры и торговой буржуазии. В выпущенном ею манифесте все бедствия Португалии объяснялись отъездом „обожяемого государя“, ожидаемая конституция называлась восставлением старинных свобод и — уверяли авторы манифеста — не должна принести никаких изменений основным принципам монархии. Таким образом, консервативно-дворянский характер этого восстания, в котором буржуазии принадлежало весьма скромное место, совершенно несомненен. Попытка лиссабонского правительства бороться с восстанием окончилась полной неудачей, и 15 сентября в самом Лиссабоне произошло военное восстание, после чего в результате переговоров между двумя революционными центрами было образовано временное правительство. Под давлением революционного движения в армии это правительство вынуждено было созвать кортесы (по образцу испанской конституции) с широким буржуазным представительством и отказом от сословного принципа. Кортесы (1821 г.) выработали конституцию, провозгласили отмену инквизиции и феодализма. Король, вернувшийся в Португалию, был вынужден присягнуть конституции. В 1823 г. восторжествовала реакция, и был восстановлен абсолютизм.

⁴ Цензурный устав 1804 (а не 1805) г. был либеральнее всех уставов, последовавших за ним. Действительно, хотя устав и предлагал поступить „по законам“ с авторами рукописей, „явно отвергающих бытие божие“, вооружающих „против веры и законов отчества“ и оскорбляющих верховную власть (§ 19), но в то же время цензорам предлагалось „в запрещении печатания или пропуски книг“ руководствоваться „благоразумным снисхождением“ (§ 21). Наконец, устав признавал, что „скромное и благоразумное исследование всякой истины, относящейся до веры, законоположения, управления государственного, или какой бы то ни было отрасли правления, не только не подлежит и самой умеренной строгости цензуры, но пользуется совершенною свободою тиснения, возвышающего успехи просвещения“ (§ 22). Однако неопределенность выражений („скромное и благоразумное исследование“), на ряду с предписаниями § 19, открывали дорогу административному произволу. И произвол этот не раз резко

проявлялся в цензурных мероприятиях эпохи. Так, в 1818 г., когда после варшавской речи императора в печати появились статьи об освобождении крестьян и о конституции, в циркуляре министра народного просвещения от 24 мая было указано, что „обо всем, касающемся правительства, можно писать только по воле самого правительства, которому лучше известно, что и когда сообщить публике; частным же лицам не следует писать о политических предметах ни за, ни против“... После этого цензурные притеснения усилились. Особенно же резкий поворот в сторону реакции наметился в 1819—1821 гг., когда последовало запрещение „Духа Журналов“ за „явное порицание монархического правления“, было запрещено найденное тогда письмо Ломоносова „О размножении и сохранении русского народа“ и т. п.

К № 167

¹ Н. И. Тургенев ехал в Москву на съезд Союза Благоденствия. Решение о созыве съезда было принято, как это доказано С. Н. Черновым (см. его „Несколько справок о Союзе Благоденствия перед Московским съездом 1821 г.“, Саратов, 1924), в результате тяжелого кризиса, переживавшегося тайным обществом. Кризис был отчасти вызван приездом Пестеля в Петербург с программой республики и восстания, неприемлемой для Тургенева, Глинки и других умеренных членов организации. Отсюда — идейный разброд и разногласия. Немалую роль здесь сыграли и солдатские настроения в связи с бунтом Семеновского полка, настроения революционные и резко-антидворянские, о которых члены тайного общества знали от Глинки, служившего адъютантом генерал-губернатора, и которых они не могли не бояться. Правительство было известно о предстоящем съезде. В письме командира гвардейского корпуса, И. В. Васильчикова, к начальнику Главного штаба кн. П. М. Волконскому указывалось, что „на съезде хотят положить основание ассоциации, имеющей целью освобождение крестьян и перемену правления“. Васильчиков знает и имена некоторых участников съезда: Фонвизин, Михаил Орлов, Граббе, Николай Тургенев, Глинка и Муравьевы, отец и сын. Это, по его словам, личности „с такими сумасбродными головами, что достойны привлечь внимание правительства своими проделками“ („Русский Архив“, 1875, II, стр. 442).

К № 168

¹ Письмо написано во время Московского съезда. Очевидно, к этому следует отнести слова: „Время я провожу здесь, довольно приятно“ так как отношение Тургенева к „московскому образу жизни“ вообще, в частности, к английскому клубу было, как видно из письма и из дневника („Дневники“, III, стр. 259), резко отрицательным.

На московском съезде, в результате борьбы между умеренным большинством съезда, во главе с М. А. Фонвизиным, и М. Ф. Орловым, отстаивавшим более революционную позицию, восторжествовало мнение Фонвизина о необходимости закрытия Союза Благоденствия и организации нового тайного общества, причем Н. И. Тургеневу поручалось заняться организацией такого

общества в Петербурге, братьям Фонвизиним в Москве, Якушкину — в Смоленской губернии и Бурцову на юге (см. С. Н. Чернов. К истории политических столкновений на Московском съезде 1821 г., Саратов, 1925). Н. И. Тургенев на съезде председательствовал.

К № 169

¹ О поездке Николая Ивановича в Симбирск Александр Иванович писал младшему брату 31 января: „На прошлой неделе получаю я от дядюшки письмо, в коем он уведомляет нас, что в нашей деревне найдено тело человека, что и крестьяне — убийцы наши *) и что почти признались, я послал это письмо к Николаю и он решился сам туда ехать; после того я получил другое письмо от наших крестьян, при сем прилагаемое, и послал его Николаше; но вероятно оно уже не застанет его в Москве, пусть он побывает в Тургеневе и спасет невинных; а между тем и о других похлопочет“ (Архив, № 2379, л. 92). Впоследствии в своей второй оправдательной записке Н. И. Тургенев свое участие в Московском съезде старался изобразить как нечто случайное: он ехал в Москву по личным делам, потом, имея отпуск всего на 28 дней, спешил в Симбирскую губернию „для сделания некоторых распоряжений в управлении крестьян и их повинностей, распоряжений, согласных со всегдашним образом“ его мыслей, и на съезде был только между прочим и не до самого конца („Красный Архив“, XIII, стр. 82—85). Из печатаемых писем видно, что никаких личных дел, кроме разговоров с матерью о покупке деревни, у Тургенева в Москве не было, что поездка в Симбирск совсем не входила в его планы (в частности, распоряжения о повинностях крестьян были сделаны во время поездки 1818 г.), наконец, что, выехав из Петербурга 1 января, он вернулся 9 марта, еще на возвратном пути пробыв три дня в Москве, и таким образом был в отсутствии не 28, а 38 дней. Дорогою из Москвы в Симбирск Тургенев был занят мыслями о „совете народа“, т. е. народном представительстве (Дневники, III, стр. 258).

К № 171

¹ С конца, XVIII века среди подвластных Турции греков возникло движение, направленное к освобождению от турецкого ига. Движение это было естественным последствием развития торговли по Средиземному и Черному морям. Упомянутые в торговых документах того времени „турки“, с которыми вели торговлю русские, французы, итальянцы и т. д., были в подавляющем большинстве греки. Само турецкое население, находившееся в феодальной зависимости от господствующего класса, еще не могло выделить из себя сколько-нибудь сильной торговой буржуазии. Напротив, греки усиленно занялись торговой деятельностью и с этой целью стали селиться в большом количестве в городах южной России: Херсоне, Таганроге, Одессе. В 1814 г. в Одессе Николаем Скуфасом было основано тайное общество г е т е р и я, целью которого было освобождение греков. Русское правительство, мечтавшее о сокрушении Турции и завоевании Константинополя, еще в XVIII веке поощряло борьбу подвластных Турции народностей. С назначением же русским министром

* Так в рукописи.

Каподистрии гетеристы все свои надежды возложили на помощь России. И несомненно, что использование греческого, сербского и других национальных движений входило в планы правительства Александра I. Но когда в 1820 г., решившись на восстание, гетеристы обратились к Каподистрии за поддержкой, он вынужден был им отказать. Основной причиной этого отказа было то обстоятельство, что в это время страх перед революциями уже в сильной степени влиял на русскую политику, и Александр I вступил на путь сближения с Австрией, сторонницей сохранения в неприкосновенности существовавшего европейского порядка внутренних и внешних отношений и в особенности сохранения целостности Турецкой империи.

Поэтому Каподистрия считал движение несвоевременным. Движение возглавил сын бывшего валахского господаря, генерал-майор русской службы Александр Ипсиланти. В ответ на письмо последнего к Александру, извещавшее о предстоящем восстании и выражавшее надежду на помощь России, русский император ответил, что не может связывать своей политики с „постыдными и преступными действиями тайных обществ“, и приказал исключить Ипсиланти из русской службы. Восстание, начавшееся в Морее, к концу марта уже охватывало большую часть Греции и Ионические острова (Гидра, Специя и Инсара). В Морее и на Гидре были образованы правительства из представителей крупной торговой буржуазии.

² Неаполитанский парламент, начавший свою работу 1 октября 1820 г., занялся уничтожением феодального строя и переустройством государства. Король, получив приглашение на конгресс в Лайбах, в послании 1 декабря к палатам заявил, что ставит целью своей поездки добиться посредничества Франции между Неаполем и реакционными державами, но требовал, как необходимого условия для осуществления посредничества, следующих изменений в конституции: 1) учреждение палаты перов, 2) неограниченное veto короля, 3) законодательная инициатива — королю, 4) право роспуска парламента и т. д. Парламент отверг эти требования и заявил о готовности народа умереть за существующую конституцию. Тем не менее парламент, несмотря на протесты народа, не помешал поездке короля в Лайбах. В стране начиналась борьба между умеренно-конституционной партией, возглавлявшей движение, и революционерами-карбонариями, уже требовавшими дальнейших радикальных изменений. Но подлинного подъема в стране не состоялось, и в марте австрийская армия вступила в пределы королевства. Тургенев находил „много умеренности, истинного ума и благоразумия в членах Неаполитанского парламента“ и в речах их „глубокое чувство негодования к несправедливости и чувству патриотизма“. Но, прочитав в газетах об уничтожении корпуса генерала Пепе, он записал в дневнике 26 марта: „Неаполитанцы не сражаются: бегут. Есть-ли это так, то мы увидим разницу между энтузиазмом на трибуне и истинным энтузиазмом“ (Дневники, III, стр. 260).

К № 172

¹ Неаполитанская революция была подавлена вступлением 24 марта нов. ст. в Неаполь австрийской армии. Но вслед за этим вспыхнула революция в Пьемонте. Державы Священного Союза были охвачены страхом. Опасаясь, что Австрия не сможет справиться с движением своими силами, Рос-

сия обещала ей помощь, и русской гвардии приказано было выступить в поход.

Выступление гвардии из Петербурга помешало начатой Н. И. Тургеневым, согласно решениям Московского съезда, организации нового тайного общества (см. об этом в статье А. Н. Шebuнина „Н. И. Тургенев в тайном обществе декабристов“, сборник „Декабристы и их время“, I, стр. 136—141). О том, с каким настроением шла гвардия в поход, правительству было известно. В письме командира гвардейского корпуса Васильчикова к начальнику главного штаба кн. П. М. Волконскому говорится: „Настроение умов не хорошо. Неудовольствие всеобщее и неизбежность жертв, сопряженных с ведением войны, необходимость которой непонятна простым смертным, должны несомненно произвести дурное впечатление. Известие о движении войск не могло остаться долго тайною. Солдат доволен, но нельзя сказать того-же относительно офицеров, которые не желают итти против неаполитанцев. Вы можете поэтому судить, как успешно распространились у нас либеральные идеи“. Васильчиков советовал „не натягивать более парусов, чем ветер позволит“ (Н. К. Шильдер, Император Александр I, IV, стр. 192—194).

О том, насколько был „доволен солдат“, мы имеем в настоящее время несколько иные сведения. Агенты тайной полиции в начале 1821 г. сообщили о разговорах в солдатской среде. По словам солдата Карасева, солдаты молят бога, чтоб послал опять „Наполеонушку“. . . „в таком случае будет всем капут“. Солдат Игинский сказал: „Есть-ли война, тогда может всякий положить ружье и сделать перемену на свою обиду“. Солдат Васильев выразился совсем без обиняков: „в первое сражение выдадим государя неприятелю“. (Статья С. Н. Чернова „Из истории солдатских настроений 20-х гг.“, сб. „Бунт Декабристов“, Лгр., 1926, стр. 92, 105 и 183).

К № 174

¹ Греческое восстание вызвало массовые погромы христиан в Турции. В частности был убит константинопольский патриарх Григорий.

² *Oesterreichischer Beobachter* — официоз австрийского правительства, выходивший под редакцией личного секретаря Меттерниха — Пилата. В Ленинградских библиотеках нет этой газеты за 1821 г., почему мы не имели возможности познакомиться с указываемой Н. И. Тургеневым статьей, но содержание ее ясно из передачи Тургенева. Оно, очевидно, соответствовало официальной точке зрения австрийского правительства. Меттерних заявил, что „греческое восстание есть непосредственное следствие плана, заранее составленного и прямо направленного против самого страшного для революционеров могущества, против союза двух монархов с целью охраны и восстановления“, и что Франция „стоит во главе всех революционных движений в Европе“ (Métternich, Mémoires, III, p. 501).

К № 175

¹ *Ivanhoe* — роман В. Скотта.

К № 176

¹ В „Русском Инвалиде“ первые известия о греческом восстании появились 17 мая (№ 110). Здесь сообщалось о переправе 5000 греков через Дунай и об образовании в Яссах временного правительства. Затем очень краткое сообщение № 114 от 21 мая говорило о стремлении Порты покончить с „беспокойствами“ на полуострове Морее и о „раздражении турок“ против константинопольских греков. Наконец, только в № 118 от 25 мая было подробное сообщение о переправе армии Ипсиланти через Дунай, о сочувствии грекам болгар и сербов, о восстании в Эпире и Морее и о турецких зверствах в Константинополе.

К № 177

¹ В ленинградских библиотеках нет „Allgemeine Zeitung“ за 1821 г., почему мы не могли проверить сообщения Тургенева о помещенных там известиях.

² В „Русском Инвалиде“ были помещены сообщения: в № 126 от 3 июня о начале военных действий турок против восставших и об успехах восстания в Морее; в № 133 от 11 июня — о беспокойном настроении и бегстве греков и европейцев из Смирны и о поражении турок у Патраса; в № 134 от 12 июня о подробностях патрасского сражения; в № 135 от 14 июня о действиях Ипсиланти и о настроении в Смирне; в № 136 от 15 июня подробности о христианском погроме в Константинополе.

К № 178

¹ В дневнике Н. И. Тургенева под 23 июня 1821 г. записано: „Вчера узнали мы, что все посольство наше в К[онстантино]поле находится в великой опасности. Б[арон] Ст[роганов] пишет, что он не может даже выйти в сад без того, чтобы множество турок не смотрели на него, не окружали его. След[овательно], как отсюда выехать? Очень вероятно, что их посадят в Семибашенную. Но что, есть ли и заключение надобно считать выгодой! Это чрезвычайно нас встревожило и тревожит. Я ничего не могу делать, ни о чем думать“.

К № 179

¹ Продолжавшаяся борьба греков за независимость, жестокие расправы турок с ними и с христианами вообще вызвали, наконец, колебания в русской политике. Русскому послу в Константинополе была отправлена инструкция, в которой говорилось: „Если крайности, которым предаются турки, продолжатся, если в их владениях наша святая религия будет каждый день предметом новых оскорблений; если они будут стремиться к истреблению греческого народа: то понятно, что Россия, равно как и всякая другая европейская держава, не останется спокойною зрительницею такого нечестия и таких жестокостей“. Строганову предписывалось покинуть Константинополь, если турецкая политика не изменится. В то же время русское правительство проводило переговоры со своими союзниками о согласованном выступлении

перед Турцией в защиту греков. Ни Англия, ни Австрия не были, однако, расположены к выступлениям энергичным, боясь больше всего ослабления Турции и усиления России. Колеблющаяся политика русского правительства вызывала определенное недовольство дворянского общественного мнения. Граф М. С. Воронцов в письме к Н. М. Лонгинову решительно заявлял: „России нельзя не иметь вход и выход Черного моря в своих руках, Царьград должен быть нашим Гибралтаром, но с тою разницею, что у англичан Гибралтар служит к сношениям с морем столько же и больше принадлежащим Франции, Гиспаниии, Италии и пр., а Черное море все наше и торговля лучшей части России не в наших руках, коль скоро канал Дарданельский не наш будет“ (Архив Лонгиновых в ИРЛИ АН СССР 23.630/12.) Декабрист А. В. Поджио впоследствии показывал, что политика Александра I находилась под влиянием венского кабинета, противника „всякого вторжения сил наших в Турцию, опасаясь при огромных силах наших завоевания ее“. Для самого Поджио было ясно, что в последнем случае русская торговля на юге достигла бы господствующего положения над всей восточной торговлей (Довнар-Запольский. Мемуары декабристов, стр. 192—193). Каховский с негодованием писал из крепости: „Единоверные нам греки, несколько раз нашим правительством возбуждаемые против тиранства магометанства, тонут в крови своей; целая нация истребляется, и человеколюбивый союз равнодушно смотрит на гибель человечества“ („Из писем и показаний декабристов“, стр. 15). Высказывался в пользу вмешательства и М. А. Фонвизин („Голос минувшего“, 1916, № 10, стр. 149). В донесении французского посла из Петербурга указывалось, что в гвардии были речи „о подчиненности австрийской политике, . . . о пренебрежении греками“ (В. кн. Николай Михайлович. Император Александр I, СПб., 1912, том II, стр. 418). Как видим, Н. И. Тургенев совершенно не разделял этого воинственного настроения. С его точки зрения внутренние вопросы были для России важнее всех проблем внешней политики. В дневнике он писал: „все, и дипломаты, и министры, и публика, — более или менее принимают участие в греках; бранят, проклинают турок. Делают подписки для спасающихся греков в Одессе. Все эго хорошо. Но кто из всех этих господ принимает должное или какое-нибудь участие в судьбе наших крестьян? . . . А тут долг более святой, нежели в отношении к грекам. Лучше ли жить многим из наших крестьян под своими помещиками, нежели грекам под турками? (Дневники, III, стр. 179).

² Беспокойство за брата все более овладевало Н. И. Тургеневым. Он опасался расправы турок с русским посольством. „Самые мрачные и решительные мысли бродят в голове моей“, писал он (там же, стр. 271).

К № 180

¹ В 1820 г. был сильный неурожай в Черниговской и Смоленской губерниях. По донесениям кн. Репнина в Комитет министров в Черниговской губернии в Сурожском повете люди не едят по 2—3 дня, начались болезни, в Новгород-Северском повете начались разбои на больших дорогах. Комитет министров, ассигновав 1 млн. рубл. на помощь казенным крестьянам Черниговской губ., помощь помещичьим считал обязанностью их владельцев (Середонин. Комитет

министров, I, стр. 168). С другой стороны, всякая общественная помощь вызывала подозрения правительства. Министр внутренних дел гр. Кочубей писал императору 8 апреля 1821 г. „Я слышал, что когда в Москве была открыта подписка, . . . то некоторые лица, вероятно с целью очернить правительство, пожелали пожертвовать большие суммы и подчеркнуть этим его мнимое безучастие“ („Русская Старина“, 1902, II, стр. 390). Из записок декабриста И. Д. Якушкина мы знаем, что сборы в Москве были организованы членом тайного общества М. Н. Муравьевым (впоследствии усмирителем поляков) и его тещей Н. Н. Шереметевой. Затем Муравьев вместе с Якушкиным и И. А. Фонвизиним поехали в Рославльский уезд, составили список голодающих и привлекли к делу помощи помещиков Левашевых и Тютчева, которые „не были членами Тайного Общества, но действовали совершенно в его смысле“. На собранные деньги был закуплен хлеб. Потом Муравьев собрал всех рославльских помещиков и составил с ними записку министру внутренних дел о необходимости помощи. Результатом этого была посылка в Смоленскую губернию сенатора Мертваго, в распоряжение которого был отпущен 1 млн. рубл. на помощь голодающим. Якушкин рассказывает о разговоре императора с кн. П. М. Волконским. Когда последний стал уверять императора в ничтожности тайного общества, Александр сказал: „Ты ничего не понимаешь, эти люди могут кого хотят возвысить или уронить в общем мнении; к тому же они имеют огромные средства: в прошлом году во время неурожая в Смоленской губернии, они кормили целые уезды“. При этом царь назвал Якушкина, Фонвизина, Муравьева, Левашева и Пассека, которого Якушкин в результате этой благотворительной деятельности принял в тайное общество. Слова эти были переданы Якушкину П. И. Калошиным, по поручению Н. И. Тургенева, советовавшего быть осторожнее (Якушкин. Записки, изд. 1905, стр. 57—60—64).

² *Дело в Совете кораблекрушение претерпевшее* — вопрос о запрещении продажи крестьян без земли (см. примечание к № 165).

³ *Грузинский человек* — А. П. Ермолов.

⁴ Говорится о сочинении Шатобриана: „Itinéraire de Paris à Jérusalem“, 1811.

К № 181

¹ Позиция английского правительства в греко-турецком вопросе вполне совпадала с позицией Австрии. Боясь больше всего усиления России, Англия рекомендовала ей долготерпение, утверждая, что „разрыв России с Портой будет торжеством для врагов порядка, ибо эти преступные люди были виновниками греческой революции и возбудили ее для того, чтобы занять Россию и воспрепятствовать ей следить за их пагубными заговорами и уничтожить их в других государствах европейских“ (Соловьев. Собр. сочинений, стр. 702).

² О греческом купце и банкире русского посольства Данези было помещено сообщение в „Русском Инвалиде“ от 18 июня 1821 г. Здесь говорилось, что Данези был арестован 29 апреля за отказ уплатить по векселю валахского господаря. Через несколько дней его освободили, но потом опять арестовали. Требование русского посла об его освобождении не было удовлетворено, и послу заявили, что Данези обвиняется в измене. Меморию протеста, которую посол хотел вручить великому визирю для передачи султану, великий визирь отказался принять. Старший советник посольства Фонтон пошел с этой

меморией на улицу, по которой султан шел из мечети, и криками обратил внимание султана, после чего мемория у него была взята. На нее последовал отрицательный ответ. По словам „Annuaire“ Лезюра, Данези обвинялся в снабжении средствами восставших греков. Только заступничество английского посла спасло Данези от казни: его отправили в ссылку („Annuaire historique . . . pour l'année 1821, pp. 395—396).

К № 182

¹ В письме от 31 мая Александр Иванович писал Сергею Ивановичу: „Ты должен знать, что гр[аф] Нессельроде дал мне почувствовать, что у тебя дурно с бар[оном] и сказал даже Булгакову о тебе: Il s'est cassé le coup auprès du baron S[troganoff];* я объяснялся с ним по сему случаю и он жалеет, что ты не умел с ним ужиться; я говорил, что ты, может быть не имеешь его полной доверенности; но что он тобою доволен; а он все пожимал плечами и как будто не все высказывал, что было на уме. Я говорил ему, что желаю для тебя другого места. Но кроме лондонского теперь нет“. Александр Иванович говорил и с Каподистрией, „спросил его, правда ли, что бар[он] не хорошо к тебе расположен; он отвечал, что нет, что он писал, что всеми своими доволен; и что ни слыхал ничего дурного о тебе“ (Архив, № 2379, л. 120). На следующий день Александр Иванович писал по тому же поводу: „с Нессельр[оде] нет возможности объясниться, ибо он иначе смотрит на вещи; а Капод[истрия] скорее поймет нас“ (там же, л. 24). Наконец, в письме от 15 июля А. И. писал брату, что теперь совершенно спокоен на его счет (там же, л. 26).

К № 185

¹ Положение в Турции становилось все тревожнее. В июне произошла резня греков в Смирне. Греки массами бежали из города или скрывались в доме французского консула. Но их ловили на иностранных кораблях и немедленно умерщвляли. Так, например, поступили с 50 греками, найденными на одном русском корабле („Annuaire historique, Лезюра на 1821 г., pp. 408—409). В июле в русской политике как будто стала брать верх позиция Каподистрии, настаивавшего на войне с Турцией, над позицией Нессельроде, сторонника мира и союза с Австрией. Каподистрия настаивал на сближении с Францией. Наконец, император заговорил с французским послом о союзе и войне с Турцией, указывая, что „если открыть циркуль“ „от Босфора до Гибралтара, . . . каждый найдет свою выгоду и свое место“ (депеша французского посла Лаферриона от 19 июля. Велик. кн. Николай Михайлович, цит. соч., II, стр. 376—377). В конце июля в Константинополе произошли новые убийства и погромы, русское посольство покинуло Константинополь, и 2 августа, как раз в день написания настоящего письма, Сергей Иванович Тургенев прибыл в Одессу.

К № 187

¹ С. И. Тургенев пробыл в карантине в Одессе до 17 августа. 4 сентября он уже был в Петербурге.

* Он себе разбил шею около барона С[троганова].

² *Porto-franco* (порто-франко) — (свободная гавань с правом беспошлинной торговли — было учреждено в Одессе в 1817 г. По словам Одесского отделения Коммерческого совета „порто-франко, увеличив ввоз товаров иностранных, много содействовало к оживлению вывоза российских произведений и тем возвысило цену сих последних, так что оные всегда продаются в Одессе гораздо дороже, нежели во всяком другом порте Черного и Азовского морей. . . Быстрый „упадок цен на пшеницу в 1819 г. во всей южной Европе ввергнул одесскую торговлю в великую опасность, которая была отвращена только тем, что упавшая в цене пшеница была променена в портах Средиземного моря на иностранные произведения; но промен сей не мог бы иметь места без существования здесь порто-франко“. Далее оказывается, что „в то самое время, когда цены недвижимым имениям внутри России упали почти ежегодно, доходы помещиков, привозящих свой хлеб в Одессу, весьма мало или совсем не уменьшились“ (Архив кн. Воронцова, кн. 39, стр. 33—49).

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. ПИСЬМА НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ТУРГЕНЕВА К СЕРГЕЮ ИВАНОВИЧУ ТУРГЕНЕВУ ЗА 1826 ГОД

С сентября 1821 г. братья Тургеневы жили в Петербурге все вместе. Сергей Иванович, продолжая числиться в Министерстве иностранных дел, в то же время получил место в Комиссии составления законов. В это время началась деятельность Северного общества. В нашем распоряжении нет данных о том, в какой мере был осведомлен о работе этого общества С. И. Тургенев, но, очевидно, он остался вне общества. Николай Иванович принимал в обществе деятельное участие, но, повидимому, отстранялся от руководящей роли. В апреле 1824 г. он получил заграничный отпуск „до излечения“ от желудочной болезни, которою он страдал, и покинул Петербург.

Письма 1824—1825 гг., из которых большая часть написаны к обоим братьям, не представляют большого интереса по содержанию и потому нами не печатаются. Н. И. Тургенев, лечась в Карлсбаде и Мариенбаде, отдыхал в Италии, был весь поглощен заботой о восстановлении своего здоровья и даже заграничным впечатлениям мало уделял места в своих письмах.

Отметим здесь те немногие интересные сведения, которые дают нам эти письма. В Берлине (письмо от 5/17 мая 1824 г. — Архив, № 230, лл. 9—10) Н. И. Тургенев слушал лекции проф. Штрауса по богословию и проф. Раумера по истории и смотрел в театре пьесу известного драматурга Клейста „Kätchen von Heilbronn“. Отзыв его о последней следующий: „При всем уважении к немцам я не мог удержаться от смеха, когда зрители трогались некоторыми истинно-немецкими пассажами“. В Карлсбаде Тургенев встретился с проф. Раупахом. „Я заметил, что он большой болтун. Беспреданно говорит об Италии, то об истории“ (письмо 28 мая, 9 июня 1824 г., — там же, лл. 13—14). Здесь же он встретил своего товарища по тайному обществу — М. Ф. Митькова, а через последнего познакомился с С. П. Свечиной, с которой до того знаком не был, хотя она была близким другом А. И. Тургенева (письмо от 10/22 июня 1824 г. — там же, л. 25). 23 июля ст. ст. он посетил Зоннсен-

штейн, где лечился К. Н. Батюшков. „Войдя в ворота, первой попавшийся мне навстречу, был он. Лицо мрачное. Он прогуливался. Я его не остановил. Он шел по другой стороне и меня не узнал. Лекарь после мне сказал, что я хорошо сделал, и не свел меня с ним. Лекарь гов[орит], что теперь ему немного лучше. Прежде он воображал, что он в тюрьме“ (письмо от 25 июля/6 августа, — там же, лл. 26—27). 8/20 августа, когда Тургенев был в Мариенбаде, туда приезжал Д. Н. Блудов, и Тургенев ему очень обрадовался. 14/26 туда же прибыл Митьков. Все трое проводили время большею частью вместе, причем беседовали о положении дел на фронте греко-турецкой борьбы и о переменах в Министерстве народного просвещения в связи с отставкой кн. А. Н. Голицына (письмо от 13/25—14/26 августа, — там же, л. 31 от 15/27 августа — лл. 33—34 от 20 августа/1 сентября — л. 35). 30 августа/11 сентября провели вечер у Блудова. „Говорили о вас, о Карамзине, о Жуковском, о Дашкове. Бл[удов], говоря однажды о п[етер]б[ургской] жизни, справедливо заметил, что полезно, даже для здоровья, погреться у прекрасной души Карамзина“ (письмо от 30 августа/11 сентября — там же, л. 36). В марте 1825 г., приехав в Рим, Тургенев встретил там Чаадаева. „С ним провожу целый день. В продолжении страстной недели мы вместе ежедневно ездили в Ватикан; смотрели на духовные церемонии и три раза слушали славное Miserere . . . Святую неделю мы провели в прогулках и осмотре некоторых древностей . . . Часто мне казалось весьма странным, что случай привел меня в Рим вместе с Чаадаевым. Я его всегда любил и уважал, но теперь более чем когда либо умею ценить его. В продолжении всего путешествия голова его весьма хорошо образовалась. Размышления и болезнь (и он терпит от желудка) сделали однакоже его несколько мрачным; так что в первые дни мне грустно было смотреть на его. К тому же он очень похудел. Здесь же нашел я Митькова. Он также почти беспрестанно вместе с нами“ (письмо от 1/13 апреля, — там же, л. 56). В письме от 11/23 мая из Вены находим сообщение о встрече с гр. М. А. Милорадовичем, „кот[орый] отвез брата своего в Sonnenstein. Он видел там Батюшкова. Ему не лучше. Не принимает лекарства, не обедает с другими. Сестру видел только 2 раза. Между тем доктор не теряет надежды“ (там же, л. 61).

Приехав снова в Карлсбад, Тургенев застает там Блудова (письмо от 29 мая/10 июня 1825 г., — там же, лл. 64—65), от которого получает „Полярную Звезду“ и „Северные Цветы“ (отзыв о них из того же письма см. во вступительной статье).

Летом 1825 г. А. и С. И. Тургеневы также получили заграничный отпуск. 27 июля ст. ст. они прибыли в Карлсбад. Окончив здесь курс лечения, Сергей Иванович отправился в Швейцарию, где пробыл до конца ноября, когда выехал в Италию. Александр и Николай Ивановичи с 10 октября нов. ст. нахо-

дидись в Париже. Отсюда Н. И. Тургенев 4/16 декабря писал младшему брату, что недавно обедал в обществе видных представителей французской науки и публицистики, сотрудников журнала „La Révue Encyclopédique“. Из них он называет археолога Александра Лаборда. „Тут между прочим был Тальма. Он весьма умно и просто говорил о своем искусстве. После обеда читал одно место из новой трагедии Леонида par Richald,*) кот[орую] дают здесь почти через день. Читал прекрасно. Один грек, обливаясь слезами, бросился целовать руки Тальма. В этих стихах есть пророчество Леонида о будущей свободе греков. Вообще французам делает честь то участие, которое они везде показывают в участи греков“ (Архив, № 307, л. 25). 13/25 декабря братья Тургеневы были у Ройе-Коллара. „Замечательный и почтенный человек“, писал о нем Николай Иванович: „Сравнивал прежнее состояние французов, т. е. до революции с теперешним. Находил многое хорошее, что было прежде и чего теперь нет. Наприм[ер], что теперь люди в отдельности, les individus, лучше, но что люди en corporation были лучше тогда и проч“. В том же письме Н. И. Тургенев, конечно, ничего не знаящий о восстании в Петербурге, сообщает брату, что около половины января они собираются в Англию (письмо от 11/26 декабря, — там же, л. 27. См. примеч. к письму от 31 мая/12 июня 1826 г.).

Ниже мы печатаем письма 1826 г.

*) Пиша (Pichat, а не Richald), Мишель (1790—1828), французский драматург, республиканец по убеждениям. Его трагедия „Леонид“ (из древнегреческой жизни), имевшая шумный успех, была впервые поставлена во Французском театре 26 ноября 1825 г. с Тальма в заглавной роли.

Гласгов. $\frac{31 \text{ мая}}{12 \text{ июня}}$ [1826 г. *)

Третьего дня приехав сюда, нашел я письмо твое от 5/17 мая из Вены. Будучи в Абердине я получил письмо твое от 10 мая из Вены и послал на него ответ к М[ериану] 28 мая. Я весьма рад, что ты отложил поездку в Париж и решил ехать в К[арлс]бад и Дрезден. Но не случилось чего особенного в состоянии твоего здоровья? Прежние твои письма я, кажется, все получил. Не писал к тебе, не зная где ты. В Дрездене ты мог уже иметь известия обо мне. Я писал к Бас[санжу] и послал письмо в К[арлс]бад к англичанину майору Дальтону, которого, если ты в К[арлс]баде, ты вероятно уже видел. Я много ему обязан за его услужливость и просил его привезти мне мои журналы из К[арлс]бада в Англию. Надеюсь, что он получил письмо мое. Есть ли можно, то пошли с ним ко мне некоторые другие мои вещи, напр[имер] табакерку с Лютером. Но главное для меня мои журналы: две книги в зеленом переплете. Я только по твоим письмам узнал о посылках и поисках относительно меня. Наконец в Эдинбурге получил первое положительное известие о себе от бр[ата] Ал[ександра] Ив[ановича]. Он писал мне, что многие из задержанных показали, что я был одним из главных членов тайных обществ, что один цитовал мои фразы и пр[очее] и пр[очее]. Брат Ал[ександр] заклинал меня прислать оправдание. Я это исполнил, но кажется написал его не так как бы должно было. Отправив его в П[етер]б[ург] получил через л[ондонскую] миссию приказание гр[афом] Нес[сельродом] объявленное, явиться в П[етер]б[ург] для ответа. Вместе с сим миссии предписано, в случае отказа, сигнализировать меня пред англ[ийским] прав[ительством], как заговорщика и преступника. Я отвечал, что за болезнью ехать не могу и что послал оправдание.¹ После этого неисполненного мною повеления я совер-

*) Архив, № 230, лл. 239—240.

шенно понял мое новое положение. Я увидел, что я должен навсегда оставаться в Англии. Первые дни мне было очень грустно. Письма Ал[ександра] Ив[ановича] усиливали грусть мою. Я видел, что моя беда более горестна для него нежели для меня. Прожив весьма в мрачном расположении духа еще три недели в Эд[инбург]е, я поехал на север Шотландии. Путешествие по краю живописному, размышление и решение важной задачи: проститься с отечеством, привычка к этой мысли мало по малу меня успокоили и что касается до меня, то я даже совещусь теперь почитать себя несчастливым и упрекаю себя, что этот перелом в моей жизни сначала встретил во мне так мало твердости. Я могу оставаться в Англии. Я могу жить здесь покойно. Но горе мое вне меня. Беды моей я никак не почитаю и не могут почитать истинным несчастьем для меня. Знаю и вижу, что еще меня ожидает в России: осуждение, приговор; но я не в России. И при всем этом, если бы все ограничивалось одним мною, я право бы и не охнул. Но вижу, к душевному моему прискорбию, что Вы, мои братья, несчастливы мною. На тебя я более надеюсь. Надеюсь, что ты будешь смотреть на все это как должно. Но горе брата Ал[ександра] Ив[ановича] меня сокрушает. Письма его как свинец падают на мою душу. Вчера получил от него последнее письмо, кот[орое] недель 6 было в дороге. Вижу, что он в сильном горе обо мне и сверх того не знает истинного положения моего духа; ибо уговаривает меня переносить беду с твердостью, беречь себя и пр. Поэтому я вижу, что гораздо нужнее твердость ему, нежели мне. Я переносил горе с твердостью или со слабостью первые три или 4 недели. Но теперь, право, мне нечего переносить и если бы не брат Ал[ександр] и не ты, я, право, и не заметил бы очень сильно случившихся со мною перемен. Я всегда думал, что в России мне жить трудно. Теперь обстоятельства заставляют меня сделать, что я хотел сделать прежде. Но прежде я имел обязанности к земле, в кот[орой] родился. Теперь исполнение сих обязанностей сделано невозможным. И так я буду жить здесь, буду ходить, читать, иногда ездить, а может быть найду и какое нибудь занятие. Не буду вместе с вами! Но из этого не следует, чтобы мы не могли иногда видеться. Истинно не видя в моем положении ничего несчастного, письма от бр[ата] Ал[ександра] Ив[ановича] навоят на меня и печаль и какой то ужас. Горе его обо мне так

сильно, что читая его письма мне кажется иногда, что я в какой то беде, в какой то пропасти. Смотрю, ищу и не нахожу ничего. Впрочем брат Ал[ександр] справедливо замечает, что судьба как то охранила меня в последнее время и что это вселяет в него какую то надежду. Я желаю исполнения его надежд. Но с моей стороны не вижу, что могло бы случиться со мною весьма приятного. Возможность возвратиться в Россию? Я едва ли бы захотел воспользоваться сею возможностью; ибо не вижу ничего такого, что могло бы манить меня туда, особливо после того, что меня там провозгласили или провозгласят преступником. Итак, я должен мыслить относительно меня самого только об одном: поселиться в Англии.¹ Дабы обеспечить и мое собственное здесь существование и избавить брата от хлопот в сем отношении, я намерен из Лондона договориться с банкиром, написать к нему, чтобы он перевел мне третью часть нашего имения. Недвижимым мне и владеть уже нельзя!!! Этот капитал я буду иметь в Англии и жить потихоньку процентами. С экономией и живя en pension, а не в трактире, процентов мне будет достаточно. Вместе с сим и брат может тогда располагать собою свободнее. Иначе он бы хлопотал о переводе мне денег ежегодно. Да и кто знает, что может случиться с имением осужденного! Мер[иан] пишет мне: *emparez vous de la langue. Entprenez q[uel]q[ue] chose. Surtout ne restez pas dans le vague.* Все это я и сам думал. Первое возможно, а второе, думаю, весьма трудно. Но, конечно, я буду желать и стараться взяться за какое нибудь дело. Положение брата печалит меня и в другом отношении. Карамзин, кот[орого] он называет истинным, нежнейшим другом, — на краю гроба. Это несчастье серьезнее моего. Сердечно жаль и самого К[арамзина] и семейство и брата. Жуковский едет за границу. За него боятся водяной. Брат будет один и один с горем его за К[арамзина] и за меня! Не знаю как разтолковать ему, что нет причин так много обо мне грустить и беспокоиться. Каково тем, кот[орые] будучи обвиняемы вместе со мною, страдают теперь в неволе! Я перед ними щастливец. Не знаю чем заслужил это щастие и щастие другого рода, и именно: чувствовать цену свободы. Наслаждаться ею есть уже выгода; чувствовать сие наслаждение есть выгода, большая и чистейшая. Покуда эти блага не оцененные при нас — можно ли без малодушия жаловаться на судьбу. Я даже не могу сказать, чтобы испытывал теперь обыкновенное

действие des privations: желать того, чего иметь не можешь. Не вижу в себе желания ехать домой. Буду жить в Лондоне, где думаю быть дней через 10. Жить там мне есть чем. С 150 т[ысячами] я могу иметь около 300 ф[унтов] доходу. Этого мне весьма довольно; довольно будет и менее. — Тебе, любезнейший, советую более всего думать о здоровьи. Щастье и *) зависят от вас двух. Пока вы *) буду доволен судьбою.

Желание видеть в Англии выборы парламентские, которые уже начались, заставляют меня выехать из Глазгова сегодня. Это письмо пошлю из Ланарка, где ночую и посмотрю фабрику известным квакером Овенем учрежденную и водопад Клайд. Выборы в Шотландии не интересны. Ты видишь, что я ежду как должно путешествовать. Погода прекрасная. Жаль будет, если ли проживу лето в Лондоне, а не на свежем воздухе, которой я люблю очень. Но надобно осмотреться в Лондоне и основать свое житие в каком-нибудь частном доме. Пиши мне, адресуя к Райксам или к Гартману, на имя кот[орого] брат Ал[ександр] прислал мне 35 т[ысяч] р[ублей] думая, что я поеду в Америку. Но Alien Bill предложен правительством для отмены.² Да и без того меня отсюда не прогонят.

Не худо если бы Дальтон привез мне сапог на хроющую ногу, кот[орый] должен быть в К[арлс]баде.

Адрес: A. Monsieur Monsieur S [erge] Tourgueneff
à Dresde ou à Corlsbad.

2

Лондон 11 июля [29 июня 1826 г.].**)

Я писал к тебе во время моего путешествия и послал письмо из Карлайля в конверте Бассанжа. Так как здесь за конверты или оболочки платят вдвое, то сие второе письмо посылаю без оболочки, адресовав к Бассанжу и к тебе. Я думаю это не помешает верности доставления письма. Впрочем уведоь меня об этом. Вот две недели как я возвратился в Лондон. После того как я писал к тебе, я видел несколько выборов.¹ Замечательны и особенны были выборы в Appleby, где либеральная партия уже третий раз вотирует за Брума, но все без успеха. Главный владелец в графстве имеет довольно влияния

*) Оторван кусок бумаги.

***) Архив, № 230, лл. 241—242.

для того, чтобы посылать в парламент двух своих сыновей. Брум ежедневно говорил к народу с гастингсов.² Я обедал каждый день с его партизанами за общим столом. Он тут президировал. Однажды между двумя партиями дошло было до драки. Каменья летали из одной кучи в другую, но все обошлось без дальнейшего шума. Противникам Брума избрание стоит весьма дорого. Кроме обыкновенных издержек, как то привоз и отвоз и угощение избирателей, они для увеличения числа своих партизанов наделали множество фригольдеров, т. е. дали каждому земли столько, чтобы можно*) иметь 40 шиллингов дохода. В Престоне я видел шута Коббета, кот[орый] был одним из кандидатов. Речи, кот[орые] он говорил, даже не забавны. Гунт, как я видел по газетам, вел себя благопристойнее в Sommersethire. Приехав сюда я отыскал по газетам Boarding house или пенсион, в кот[ором] теперь живу. Плачу 42 шиллинга или 2 гинеи в неделю за комнату и за пищу. Дом очень благопристойный. Жильцов обоего пола около 10.

Здесь я получил старое письмо твое из Вены от 10 мая, (кот[орого] другой экземпляр получил уже прежде) вместе с письмом из Дрездена от 18/30 мая. Потом получил письмо твое от 28 июня вместе с письмом Петра Як[овлевича] и брата Ал[ександра] Ив[ановича] от 17 мая. На сем последнем есть несколько строк твоих карандашом, которых я не понимаю. „Извините, что прочел“ — сказано тут. К кому это относится? Я думаю мы можем читать наши письма и запечатанные и распечатанные. Какие вести о Воейковой? О чем ты тут же упоминаешь? Я имел письмо от Ал[ександра] Ив[ановича] уже от 27 мая, и отвечал ему на этих днях. Толковал ему сколько мог, что истинно нет ни для меня ни для вас достаточных причин беспокоиться и горевать о том, что со мною случилось. В первые дни по получении первых известий о мне и по отправлении моего объяснения в П[етербург], мне, точно, было весьма грустно, и письма, кот[орые] я тогда писал к Ал[ександру] Ив[ановичу] конечно могли его опечалить. Но с тех пор нравственное мое положение совершенно изменилось. Теперь я совершенно покоен и не мало не грущу и даже не забочусь о себе самом. Обстоятельства все это сделали. Пусть они все и разделяют. Не имея ни малейшего упрека от совести, я покоен с этой стороны. В положении моем нет ничего

*) Очевидно, пропущено было.

печального. После деятельной жизни в П[етербурге], после путешествия, в котором я более думал так сказать об исполнении обязанностей путешественника, нежели о приятностях путешествия, я нахожу, что покойная жизнь мне теперь к стати. Живу в светлой комнате, хожу, читаю, и все это ни мало не торопясь и с какою то приятною беззаботливостию — чего же желать более. Главное и единственное мое горе это брат Ал[ександр] Ив[анович]. Кроме того, что вследствие его характера он должен очень беспокоиться обо мне и самое пребывание его в П[етер]бурге посреди людей и мнений, меня обвиняющих, имеет особенные невыгоды. На его месте я, право, не думал бы ни о чем этом и жил бы так как будто со мною ничего не приключилось. Надеюсь, что последние мои письма успокоят его, есть ли дойдут до него. Я думаю, что ты должен посылать к нему при случае мои письма к тебе, дабы он имел верные о мне известия. Я не знаю что советовать и ему и тебе. Но один совет дать могу и исполнение его было бы для меня большим утешением и именно: и тебе и ему жить так, как бы вы жили, есть ли бы со мною ничего не было, и воображать, что я живу в Англии как путешественник, а не по принуждению. И подлинно! Раздумав все хладнокровно, можно ли без ребяческой слабости, почитать меня, как вам, так и мне самому несчастливым? Я был бы несчастлив есть ли б в делах моих было что либо не позволительное. Но опыт доказывает противное. В фразе, мне приписываемой, от которой я не отрицаюсь в моих изъяснениях, нельзя видеть ничего иного кроме шутки и я помню, что это действительно была шутка. Главная цель и в так называемом тайном обществе, и во всей моей жизни была: освобождение крестьян. Теперь при невозможности содействовать сей цели, я радуюсь, что деятельная часть моей жизни была направлена к такой цели. — Теперь о твоих комиссиях: я право не знаю как отсюда пересылать вещи даже и в Париж. Кроме почты я никаких okazji не имею. По почте же не знаю все ли можно пересылать, ибо многое может быть запрещено, или подвержено пошлинам. Вообще я здесь еще не осмотрелся и не видел совершенно никого из тех кот[орых] видал прежде. Я получил здесь сапог от Ал[ександра] Ив[ановича] из П[етер]бурга. Пошли к нему прилагаемую записку для сапожника. Галерея in Pall-Mall, т. е, казенная, весьма незначительна состоит из нескольких Hogartов, Rembrandтов и известной картины del Piombo, вос-

кресение Лазаря. Недавно для сей галлерей правительство купило три картины за 9 т[ысяч] ф[унтов] ст[ерлингов]. Я думаю, что такие картины в Италии можно купить за 2 тысячи фунтов.— Я думаю, что майор Dalton, кот[орого] Петр Як[овлевич] знает, будет в Дрездене. Я писал к нему, чтобы он привез мне из К[арлс]бада мои журналы и есть ли можно я желал бы иметь еще кой какие безделицы оттуда.— На что мне мое жюри? Напиши и Ал[ександру] Ив[ановичу], чтобы не присылал. Покуда я хочу здесь только читать. Это гораздо приятнее. Занятия постоянного я кажется здесь иметь не могу. О Карамзине также я никакого артикля написать не могу. Вообще [англичане] *) мало интересуются всем иностранным, кроме того, что сопряжено [с видами] *) торговли и промышленности.

Адресуй свои письма ко мне по прежнему на имя Raikes et Co London Wall, 79. Что намерен ты делать зимою? В Италию? Или куда?— Только, думаю, что всего менее тебе должно думать о приезде в Лондон. Единообразность в жизни есть главная моя потребность.— Покуда прощай! До какого срока ты отпущен?

3

Лондон [8] 20 июля 1826.**)1

Один молодой англичанин, живущий в одном доме со мною, едет послезавтра на пароходе в Гамбург, оттуда в Берлин и через 3 или 4 недели полагает быть в Дрездене. Я посылаю с ним это письмо и попрошу отдать тебе лично. Я думаю— переписка по почте между Лондоном и Дрезденом довольно верна и писем, вероятно, не читают. Потому я и пишу тебе по почте довольно ясно. С Ал[ександром] Ив[ановичем] я не могу таким же образом переписываться. Видно посылка его писем ко мне сопряжена с затруднениями. По сию пору я получаю от него только вторые экземпляры старых писем. Оказии отсюда в П[етерб]ург я не имею, ибо никого здесь не знаю. Живу в Boarding House. Хозяйка и другие жильцы очень порядочные люди. Но беседы мои с ними не весьма интересны, ибо я должен говорить по английски, чего не могу делать порядочно. По письмам Ал[ександра] Ив[ановича] вижу, что он очень о мне беспокоится, уговаривает меня быть твердым, и пр. и пр. Это

*) Здесь одно слово запечатано. Раскрываем по догадке.

**) Архив, № 230, лл. 243—244.

беспокойство частью в его характере, но кроме того его положение, среди нашей православной публики, должно много способствовать и его беспокойству и его горю обо мне. Я с моей стороны, право, очень мало думаю о себе и никак не могу почитать себя несчастным. И где причины почитать мне себя несчастным? Что за беда, что обстоятельства принуждают меня жить в Англии и жить покойно и свободно, таскаться по улицам и читать книги и газеты? Это совсем не неприятно. Напротив, теперешний род жизни мне нравится. Давно мне хотелось посвятить несколько времени чтению и жизни спокойной. Невозможность быть на что либо полезным в России освобождает меня от упреков совести, кот[орые] я мог бы иметь, есть ли б будучи в состоянии действовать для пользы мужиков, я избрал произвольно теперешний род жизни. Думая же теперь о том, как я действовал в России, я нахожу утешение в моих действиях. Хлопотав на лево и на право, и взад и вперед, в пользу освобождения крестьян, мне теперь кажется, что хлопоты мои были не совершенно бесполезны. Я по крайней мере обратил внимание некоторых на этот предмет, и мнение Г[осударственного] совета об улучшении закона о вольных хлебопашцах, которого я был причиною, служит этому доказательством, не говоря о многих частных делах, проходивших через мои руки, кои все были решены в пользу свободы.² Думая теперь о затруднениях, с каковыми сопряжены у нас все попытки сего рода, я сам удивляюсь, как и сколько — как бы это мало не было — могло мне удасться. — Что вперед со мною случиться может — кто это знает? Но я знаю по крайней мере, что пребывание мое в Англии, на свободе, вне власти тех людей, которые меня называют преступником, и я не могу не благодарить судьбу, которая каким то непонятным образом привела меня сюда в самое то время, как фельдъегери искали меня в Италии и в Париже. Если б я остался две недели долее в Париже, то вместо Bedfordsquare я сидел бы теперь в Петропавловской крепости и вместо Edinbourg Review² читал бы допросные пункты! Это спасение было бы для меня наслаждением, есть ли бы мысль о тех, которые, более меня заслуживая покровительство судьбы, не испытали сего же блага, меня не огорчала. Граббе, фон Визины, Якушкин, как мне писали, сидят в крепости. Их участь меня более огорчает, ибо я их более уважаю, жалея при том и о других. Один упрек могу только себе сделать: это некоторая слабость, с которою я

написал мое оправдание, слабость или неискренность, — может быть. В сем объяснении я сказал о обществе то, что оно было действительно, т. е. вздор, ребячество, прибавив впрочем, что есть ли бы оно было чтонибудь значительное, то „у меня не достало бы духа смело выйти вперед и, оправдывая намерение, обвинять себе перед существующими законами“. Ал[ександр] Ив[анович] послал его к г[осударю], не надеясь впрочем никакого успеха. Лучше было бы удержать его. Я показывал в объяснении, что, будучи в обществе, я имел только одну цель: освобождение крестьян, и что эту цель почитал и почитаю важнейшею для меня в жизни. Пишут, что арестованные все показывают. Я этому верю, видя, что они не забыли даже и моей фразы: *Le président sans phrases*. В объяснении я не отрицаюсь от сей фразы, замечая только, что не помню при каком случае произнес ее, и что ее никак нельзя иначе понимать как шуткою.³ Из подробных объяснений подсудимых всякой беспристрастный человек должен убедиться в незначительности бывших обществ. Что касается до заговора, то по письмам брата можно заключать, что действительно показания подсудимых позволяют думать о таком заговоре; но мне кажется, что они слишком много на себя показывают, и судьи, в настоящем смысле сего слова, нашли бы тут не заговоры, а разговоры. Против меня, впрочем, нет показаний в сем отношении. Скоро мы может быть узнаем о решении сего дела. Никакой приговор не только не опечалит, но даже не удивит меня. Лишение чинов и дворянства не большая потеря для живущего в Англии. К тому же тогда я, в некотором смысле, буду ближе к самому почтенному классу моих земляков, к классу бедных крестьян. Но такой приговор для находящихся в России, конечно есть несчастие и только за них я сожалеть буду, за них и за вас, ибо для вас иметь брата, осужденного в той земле, к кот[орой] вы принадлежите, будет конечно неприятно. Вот единственная причина для меня огорчаться. Но я думаю, что, будучи на вашем месте, я нашел бы средство не огорчаться такою бедою! В жизни есть много других гораздо более важнейших причин печалиться. И между сими причинами одна покрывает все прочие: несчастное положение крепостных людей в России! — В некотором смысле, для меня исключительно, приговор такого рода будет даже утешением, ибо я найду в нем доказательство, что я жил в России не для обедов и других глупостей и выгод скотских.

С душою свободной, с совестью чистою и только с сожалением, что не сделал более, я не променяю своей участи на участь этих рыцарей брюха и подлостей, которые тяготя землю, тяготят и бытие подобных себе по наружности, но высших по качествам нравственным. Есть ли бы со мною не случилось этой передраги, я попал бы, может быть, наконец, на ту же дорогу эгоизма и преступного равнодушия, по которой идут у нас к ничтожной могиле даже и менее дурные люди. Теперь, благодаря тому, что со мною случилось, мнения мои возвысились и, думаю, очистились от многого очень нехорошего и я не оставляю той мысли, кот[орая] представилась мне в самом начале, тогда когда я еще горевал о себе: что судьба делает с своей стороны все для того, чтобы сделать из меня порядочного человека. Всякой противной, т. е. так называемый выгодной поворот в моих обстоятельствах может противодействовать судьбе; и потому, есть ли я могу дорожить нравственным достоинством, я не должен желать этих выгод, которые впрочем могут только быть мне общи с самыми мелкими двуногими тварями, пресмыкающимися между передними и бостонными залами! При всем их благополучии я думаю, что никому из них лент, место не могут принести такого удовольствия, какое я нахожу иногда при чтении одного артикля из Edinb[ourg] Review. Это наслаждение чтения было долго для меня чуждым. В России я читал процессы и даже из книг только такие, кот[орые] могли иметь отношение к процессам. Теперь я читаю что хочу. Это приятно по крайней мере по новости. — О здоровьи не могу ничего сказать положительного. Положение моего желудка — ибо в нем и здоровье или нездоровье — и постоянно и не постоянно. Иногда приходят такие периоды, в кои, в продолжение 4, 5, 6 недель, он очень исправен, регулярен без всяких лекарств. Потом делается не исправен и требует пособий. Очень часто я употреблял порошки Петра Яковлевича; тоже пилюли Крей-сига. На сих днях значительные дозы и того и другого оставались без действия. Но притом я не чувствую большой тяжести. К английским пилюлям, следуя советам Крейсига, не прибегаю. Может быть не худо было бы ехать в Чельтенгам; но теперешний род жизни, покойный, так мне нравится, что не хочется с ним расстаться. На будущее лето однако же думаю непременно туда ехать. Причин, отчего желудок периодами исправен, или нет, не могу никаких придумать. Диета, путешествия,

ничего не показывают; ибо исправность и неисправность приключались при одинаковой диете во время езды и во время пребывания на одном месте. Кажется только, что накопление мокрот мешает исправности. Вот все что могу сказать. С лекарями здесь не советовался.— Что твое здоровье? Пожалуйста уведомя обстоятельно. Что делает с тобою Крейсиг? Напиши также, что ты намерен далее делать. По крайней мере что думаешь. Ко мне, я думаю, тебе ехать не надобно. Я могу только провести с тобою несколько приятных дней. Долго тебе со мною оставаться нельзя. Но после этих приятных дней мне должно будет с тобою расстаться. Тогда одиночество будет мне тягостно. Итак лучше отказаться от удовольствия, дабы не иметь печали.— К брату Ал[ександру] Ив[ановичу] я не могу ясно писать о положении моем, т. е. о моих мнениях. А хотелось бы показать ему как мало я забочусь о всех П[етер]б[ургских] толках и приговорах. Если найдешь верный случай уведомить его о сем, то уведомя или пошли к нему это письмо и другие мои письма.— Англичанин, с кот[орым] я посылаю это письмо, думает ехать в Конст[антино]поль.— Есть ли ты можешь, то дай ему туда к комунибудь письма. О греках мало теперь слышно. В Миссолунги, кроме греков, погибло много иностранцев. Уничтожение янычаров кажется успешно, но авось прежде нежели учредят турки свою армию, греки освободятся.⁴ Надеются на Кохрана. Он имеет какой то корабль с пушками, кот[орые] стреляют как то посредством паров. Здесь мало этим занимаются. Да правду сказать мыслящим англичанам есть довольно предметов думать о своих бедах. Ужасное число unemployed работников и отсутствие всякой надежды на улучшение их существования, невозможность придумать действительных средств к улучшению, все это очень серьезно и печально,⁵— что Петр Яковлевич? Обнимаю его мысленно. Прощайте оба. Бог с Вами!

Н. Т.

4

Лондон [13] 25 июля [1826 г.]*¹

Вчера получил письмо твое от $\frac{2}{14}$ июля, извещающее о намерении твоём жениться. Так как для формального предло-

*) *Архив, № 230, лл. 245—246.*

жения и следовательно для произведения в действо сего намерения ты ожидаешь к себе брата Ал[ександра] Ив[ановича] из П[етер]бурга, то я должен полагать, что вы оба, будучи вместе придумаете все касательно тебя лучше, нежели сколько я могу о сем деле судить, в отдалении и при неизвестности относительно лиц и обстоятельств. По моему мнению ты весьма хорошо сделал решившись ожидать приезда Ал[ександра] Ив[ановича]. Ум хорошо, а два лучше, особливо есть ли второй ум по самому роду обстоятельств холоднее, и следовательно может видеть вещи со всех сторон и дать совет полезный. С моей стороны я могу только сказать, что не надобно торопиться предпринимая сделать самый решительный шаг в жизни. Этот совет может показаться тривиальным; но он важен в теперешнем твоём положении. Что могу сказать более? — Ты ожидаешь от сей женитьбы счастья возможного для себя и для нас! Конечно, есть ли ты найдешь его, то найдешь его не только для себя, но и для нас; ибо твоё счастье будет счастьем и для нас. Но есть ли судьба готовит тебе противное!.. Ожидай брата. Рассмотрите все хладнокровно и не приступайте к делу не обдумав всего обстоятельно.²

Письма твоего от 30 июня я не получил. Последнее твоё было от 28 июня, на кот[орое] я тебе отвечал 10 июля, № 2. Потом я писал к тебе, от 20 июля, с одним англичанином, M[iste]r Dannage, кот[орый] поехал отсюда в Гамбург, Берлин и чрез месяц полагал быть в Дрездене. Я просил его отдать тебе письмо лично, ибо в нём открыто писал тебе о моих теперешних обстоятельствах и показывал, что не имею причин горевать о моем положении. Он, вероятно, не найдет тебя в Дрездене. На пакете я написал: S'informer chez Mo[n]sieur Bass[ange]. Не уведомишь ли ты сего последнего, чтобы он принял письмо и удержал до твоего возвращения?

Ты проежал через К[арлс]бад по дороге в M[ариен]бад. Не знаю успел ли ты видеть там майора Д'Альтона, которого я просил привезти мне оттуда две книги моего журнала.

Вчера и третъего дня я читал в различных газетах рапорт следственной комиссии учрежденной для исследования заговоров и тайных обществ. Показания и признания отвратительны. Я никак не воображал, чтобы действительно были замыслы на убийства какие либо. Конечно, все кончалось похвальбами и гнусными фразами, но и это гадко до нельзя. По самому рапорту

видно, что эти замыслы существовали или прежде нежели я приехал в П[етер]б[ург] или после моего отъезда в К[арлс]-бад. Никто в сем отношении на меня не показывал. Да и показывать не возможно. Ни один из тех, кот[орые] признались в произнесении какихнибудь мнений о заговорах на жизнь чью либо, никогда ни пол слова не говорил об этом мне. Только один, Рылеев, показывает, что между прочим и я согласился на его мнение относительно депортации государя. Но по всему в рапорте я вижу, что это его мнение было произнесено им уже после моего отъезда из П[етер]бурга. Я пишу сегодня в П[етер]б[ург] к брату Ал[ександру] Ив[ановичу], чтобы он представил куда можно некоторые мои объяснения о сем обстоятельстве. Не знаю застанет ли его мое письмо в П[етер]бурге. А мне очень трудно видеть обвинение совершенно неосновательное и против которого легко можно оправдать меня, есть ли только справятся о числах и спросят подтверждения или от того, кот[орый] показывает или от других. Определив обстоятельство подробно, я уверен, что доказательство будет ясно в мою пользу. Впрочем рапорт подтверждает все, что я говорил о тайных обществах по мере как я их знал, т. е. что все было вздор или лучше сказать, что я ничего не знал серьезного. Затем гнусностей и ужасов сделались и мне известными только теперь из рапорта.

Р. S. Написал письмо к брату Ал[ександру] Ив[ановичу] и посылаю сегодня же. Прошу его представить от моего имени куда следует прозбу о том, чтобы взяли справку: когда было рассуждаемо о предложении Рылеева: депортировать г[осударя] и спросили бы его и о других, которых он цитует вместе со мною: был ли я тут? Я уверен, что справка покажет, что это было или не в моем присутствии или даже тогда когда я уже был за границей. Есть ли письмо не найдет брата в П[етер]б[урге] и есть ли ты теперешнее мое письмо получишь при нем в Мариенбаде, то нельзя ли ему написать комунибудь в П[етер]бурге о сей справке? Далее я изъявляю желание, чтобы спросили всех признавшихся в преступных замыслах: говорил ли кто либо из них, хотя шуткою или [частно]*) мне о таких замыслах. Одного из них Ник[иту] Мур[авьева] [я видал]*) часто. Но он никогда мне не говорил ничего*). Других я даже не знаю. — Судя по

*) Кусочек бумаги оторван. Заключенное в скобки восстановлено по копии, напечатанной в „Русской Старине“.

беспристрастию с каким изложен рапорт, я уверен, что сии мои желания могут быть исполнены, и тогда я буду совершенно чист от всех обвинений положительных. За участие в обществе, признававшем законом зеленую книгу, совестно будет обвинять и меня и других.³

Прощай, любезнейший брат и друг! Еще умоляю тебя: не торопись в решении важнейшего дела в жизни. Дождись брата. Обдумайте все! Хотя я сам и verhunzt мою жизнь, но это для меня не так важно, как твое благополучие, и потому совет мой может быть competens. Прощай! —

5

Londres Le 1 août (1826).*)¹

J'ai reçu ta lettre du 20 juillet datée de Marienbad. En même temps j'ai reçu la lettre d'Alex[an]dre du 3 juillet. Dans ce moment il doit être à M[arien]bad. J'espère qu'étant réunis, vous réglerez au mieux l'affaire importante et que vous ne manquerez pas de m'en donner de nouvelles. J'ai reçu ta lettre que tu m'a écrite avant de quitter Dresde, et j'y ai répondu par la mienne du 25 juillet, adressée à Bassange. Ce que je disois alors, je le repete à présent: Ne précipitez pas l'affaire du mariage. Considérez-bien toutes les circonstances avant de Vous décider à des démarches, qui une fois faites seront decisives pour toute la vie. Ma dernière lettre à Alex[an]dre ne le trouvera pas à P[éters]bourg. Je dois le regretter beaucoup. Je te mandois dans ma dernière ce que je le priois de faire pour moi. Peut être qu'il lui sera possible de le faire de Marienbad en écrivant à quelqu'un à P[éters]bourg. Je tiens beaucoup — et c'est très naturel — à ce que la démarche que je le priois de faire, soit faite par un autre au moins, dès qu'elle ne peut l'être par lui même. Alex[andre] me dit entre autres que mon mémoire avoit deplu, entre autres parceque j'y represente que toute l'affaire n'a pas été serieuse, mais il ne me dit pas si on a été convaincu, que je ne pouvois pas proser differemment, vu que je ne savois plus ce que j'ai appris après par les feuilles publiques.² Voilà pourtant ce que doit m'interessier le plus, et je dois conclure de ce déplaisir, que la conviction en question n'a pas eu lieu. C'est precisement pour produire cete conviction et pour prouver la veracité de mon mémoire quant à ce qui me regarde individuel-

*) Архив, № 230, лл. 247—248

lement, que je priois Al[exandre] de faire les démarches que je lui indiquois dans ma dernière lettre qu'il n'au recevoir avant son départ.

En passant par Carlsbad tu n'a pas vu, a ce qu'il paroît, le Major d'Alton, dont j'y ai fait la connoissance, et auquel j'ai écrit par Bassange, en le priant de prendre deux volumes de mon journal, que j'ai laissés a Carlsbade avec mes autres effets, et de me les apporter en Angleterre. M-r D'Alton m'a temoigné beaucoup d'amitié en Angleterre et je ne doute pas qu'il viendra bien me rendre ce service, s'il aura reçu ma lettre. Au reste je n'ai pas besoin de ce journal, j'ai voulu seulement prévenir qu'il ne soit pas perdu, et maintenant je préférerai que tu le prenne avec toi et le garde avec mes autres effets. Je crois que M-r D'alton voudra bien ce charger de m'apporter q[uel]qu'uns de mes effets que tu voudra m'envoyer.

Quant à ta commission de machines pour les aiguilles, je crois qu'il est bien facile d'en trouver ici, mais les envoyer voila ce que je ne fais pas. Je tacherai de prendre des informations à ce sujet, mais cela m'est un peu difficile, vu que je ne connois ici absolument personne, excepté ceux qui logent dans la même maison que moi et qui n'en savent rien.

J'attends la lettre qu'Alex[andre] m'a promis de m'écrire avant son départ de S[ain]t P[eters]bourg, mais je ne suis pas du tout impatient en l'attendant, vu que je suis parfaitement tranquille à mon sujet. Le genre de vie que je mène ici me plait: je lis et je rôde dans les rues. Peut être avec le temps je me deciderai à entreprendre q[uel]que voyage dans quelque pays jouissant d'un climat chaud. Mais cela ne presse pas. Pour des pays froids je n'y pense pas et ne peux ni pourrai y penser quelque puissent être les événemens futurs.

Alexandre me parle d'un certain article de journal, mais il ne me dit pas quel est ce journal. Si c'est un journal publié ici, je pourrois prendre des informations. En tout cas je voudrois savoir, quel est ce journal et quand l'article a été publié. Je n'ai rien lu de particulier sur toute l'affaire, et en général je ne lis que le Times³ et q[uel]q[ue] fois l'Etoile⁴ et le Constitutionnel,⁵ mais pas regulièrement. Enfin, j'espère, avoir quelques détails sur tout ce qui me concerne, dans la lettre qu'Alex[an]dre m'a promise, ou dans une lettre ultérieure. J'espère aussi qu'Alex[an]dre après avoir lu les lettres que je t'ai écrites (N 3 en particulier) sera enfin

convaincu, que je n'ai besoin ni de consolations ni d'efforts particuliers pour me *stutzen* dans les circonstances. Je suis très tranquille et je ne me crois pas du tout malheureux; si je pense à des voyages, c'est seulement en perspective. Le présent ne m'est pas du tout à charge. *Il dolce far niente* a aussi ses avantages, et je peux m'y abandonner en toute conscience, vu que je n'ai rien à me rapprocher pour avoir été placé dans cet état d'inanité et de fainéantise. Si j'ai quelques desirs pour moi individuellement c'est de faire ici, quelques connoissances, qui pourroient avec le temps m'aider à réaliser mes projets de voyage. Adieu.

P. S. Je t'ai écrit après Aberdeen: du 11 Juillet à Dresde par la poste N 2; du 27 Juillet N 3 avec un Anglais, M[iste]r Donnage, qui doit être à Dresde à la fin de juillet ou au com[mencement] du mois d'Aout; du 25 N 4, par la poste à Dresde.

A Alex[an]dre № 1, 2, 3, 4, qu'il a reçu et puis du 7 Juillet, № 5, par la poste. Et du 25 Juillet, № 6, idem.⁶

Адрес: Messieurs Bassang et Co à Dresde Germany pour remettre à M-r S[erge] Tourgueneff

ПЕРЕВОД

Лондон 1 августа 1826.*)¹

Вчера я получил твое письмо от 20 июля, датированное из Мариенбада. В то же время я получил и письмо Алекс[ан]дра от 3 июля. В настоящий момент он должен быть в М[ариен]баде. Я надеюсь, что соединившись вы наилучшим образом устройте важное дело и что вы не преминете поставить меня об этом в известность. Я получил письмо, которое ты мне написал прежде, чем покинуть Дрезден, и я ответил на него письмом от 25 июля, адресованным Бассанжу. То что я говорил тогда, повторяю и теперь: не торопитесь с браком. Взвесьте все обстоятельства перед тем, как решиться на шаги, которые будут иметь решающее значение на всю жизнь. Мое последнее письмо к Алекс[ан]дру уже не застанет его в П[етер]бурге. Приходится об этом очень пожалеть. В моем последнем письме к тебе я упоминал о том, что я просил его сделать для меня. Может быть у него будет возможность сделать это из Мариенбада, написав кой-кому в П[етер]бург. Я очень хотел бы — и это вполне естественно — чтобы то, что я просил его предпринять, было предпринято хотя бы кем-либо другим, если он сам не может этого сделать. Между прочим, Алекс[ан]др говорит мне, что моя записка не понравилась отчасти потому, что в ней указывалось на несерьезность всего дела, но он не говорит, убедились ли в невозможности для меня написать иначе в виду того, что мне было известно только то, что появилось в печати.² Однако, именно это должно меня больше всего интересовать, и из этого недовольства я принужден заключить, что такого убеждения не было. Именно для того, чтобы внедрить

*) Архив, № 230, лл. 247—248.

это убеждение и чтобы доказать точность моей записки в том, что касается лично меня, я и просил Ал[ександра] предпринять шаги, указанные ему мною в последнем письме, которого он не успел получить до своего отъезда.

Проезжая через Карлсбад ты, повидимому не видался с майором Д'Альтон, с которым я там познакомился и которому написал через Бассанжа, прося его взять две книги моего дневника, оставленные мною в Карлсбаде с прочими вещами, и привезти их в Англию. Г-н Д'Альтон выказал ко мне в Англ[ии] очень дружеское отношение, и я не сомневаюсь в том, что он окажет мне эту услугу, если получит мое письмо. Впрочем мне этот дневник не нужен; я хотел только предупредить, чтобы он не пропал, а теперь я предпочел бы, чтобы ты взял его с собой и сохранил с прочими моими вещами. Я думаю, что Г-н Д'Альтон согласится взять на себя труд привезти мне некоторые из моих вещей, которые ты мне захочешь переслать.

Что касается твоего поручения относительно машин для иголок, то я думаю, что их здесь найти очень легко, но отправить их — от этого я отказываюсь. Я попытаюсь навести здесь по этому поводу справки, но это для меня несколько затруднительно, в виду того, что я здесь абсолютно никого не знаю за исключением тех, кто живет в том же доме и ничего об этом не знает.

Я жду письма, которое Алекс[андр] обещал написать мне перед своим отъездом из С[анк]т П[етер]бурга, но я, ожидая его, не ощущаю никакого нетерпения, так как совершенно спокоен на свой счет. Образ жизни, который я здесь веду, мне нравится: я читаю и брожу по улицам. Может быть со временем я решусь предпринять какое-либо путешествие в какую-нибудь страну с теплым климатом. Но это не к спеху. Что же касается холодных стран, я не думаю о них и не мог бы думать, каковы бы ни были события в будущем.

Александр говорит мне о какой-то статье в газете, но не говорит мне, что это за газета. Если это газета, выходящая здесь, я бы мог навести справки. Во всяком случае я бы хотел знать, что это за газета и когда статья была напечатана. Я ничего особенного не читал относительно всего этого дела и вообще я читаю только „Таймс“, ³ а иногда „Этуаль“ ⁴ и „Конституционнель“, ⁵ но нерегулярно. Накопец, я надеюсь узнать некоторые подробности обо всем, что меня касается, из письма, которое мне обещал написать Алекс[андр] или из одного из следующих писем. Я надеюсь также, что Алекс[андр] по прочтении написанных мною писем (№ 3 в особенности), убедится наконец, что я не нуждаюсь ни в утешениях, ни в особенных усилиях, чтобы меня поддерживать в данных обстоятельствах. Я совершенно спокоен и совершенно не считаю себя несчастным; если я и думаю о путешествиях, то только в перспективе. Настоящее мне совершенно не в тягость. Сладкое ничегонеделание имеет тоже свои преимущества, и я думаю отдаться ему со спокойной совестью, так как мне не в чем себя упрекать в создавшемся для меня положении бездействия и праздности. Если у меня есть кой-какие личные желания, так это завести здесь несколько знакомств, которые могли бы мне со временем помочь осуществить мои планы путешествий. Прости.

P. S. Я тебе написал после Эбердина: 11 июля в Дрезден почтой № 2, 10 июля № 3 с англичанином М[исте]ром Доннаджем, который должен быть в Дрездене в конце июля или в нач[але] августа месяца, 25, № 4, почтой в Дрезден.

Алекс[ан]дру № 1, 2, 3, 4, которое он получил, и затем 7 июля, № 5 почтой. И от 25 июля, № 6, то-же. ⁶

ПРИМЕЧАНИЯ К ПИСЬМАМ 1826 г.

К № 1

¹ Н. И. Тургенев узнал о восстании 14 декабря на вечере у гр. Разумовской 30 числа. Впечатление от этого известия и от последовавших сообщений об арестах Трубецкого, Оболенского, Бестужевых и Рылеева было ошеломляющее. В начале января Николай Иванович вместе со старшим братом покинули Париж и направились в Англию. В ночь с 8 на 9 они прибыли в Лондон. На основании письма от 14/26 декабря 1825 г. (см. предисловие к приложениям) можно теперь утверждать, что поездка в Англию была задумана до петербургских событий, но возможно, что она была ускорена этими событиями. В Англии Н. И. Тургенев узнал кое-что о показаниях арестованных и о бунте Черниговского подка. Повидимому, восстание было для Тургенева совершенно неожиданным. Он был глубоко потрясен известиями об арестах своих друзей, повидимому, ожидал и своего привлечения к суду, но отнюдь не считал восстания преступным. 11 февраля Н. И. Тургенев получил письмо о привлечении к делу его и Сергея Ивановича. Последний находился в это время в Неаполе. События 14 декабря повлияли на него очень сильно: он волновался, следил по газетам за списком арестованных. Уже 5/19 января, спрашивая братьев, известно ли им об аресте Трубецкого, он умолял их сообщить ему свои планы (Архив, № 385, л. 110). 28 января он писал им, что ждет с нетерпением прибытия курьера, который должен привезти подробные сообщения о происшествиях (там же, л. 112 об.). 6 февраля к Сергею Ивановичу пришли два чиновника из посольства и отобрали у него бумаги. Ему при этом сообщили, что Николаю велено отправить с фельдъегерем в Петербург. Его первой мыслью после этого было немедленно ехать в Петербург, но на следующий день он почувствовал себя дурно и решил отложить поездку. Тем не менее 9-го он написал братьям, что намерен выехать, как только ему полегчает. Письмо это братья получили 16. Александр Иванович решил ехать навстречу Сергею. С дороги он написал Николаю, что привлекается к суду только он. „Св[ечина] сказала мне“, писал Александр Иванович, „что к ней пишут, что и за Митьковым послано. Она думает, что он мог словами тебя компрометировать, ибо хвалил ей тебя чрезвычайно; сам же говаривал ей слишком либерально; так что она и прежде думала о нем, нежели получила известие“ (Архив, № 385, л. 45). 11 марта Александр Иванович написал Николаю о своем решении ехать в Петербург (там же, л. 47). Он действительно туда выехал. 17 апреля Николай Иванович получил от него письмо с подробностями о своем привлечении и о показаниях, данных против него арестованными.

С этого момента его отношение к последним изменяется в дурную сторону. По настоянию старшего брата Н. И. Тургенев написал оправдательную записку, в которой доказывал, что единственным оформленным тайным обществом, которое он знал, был Союз Благоденствия, имевший чисто филантропический устав и прекративший свое существование в 1821 г.; после 1821 г. он слышал только разговоры о тайном обществе и потому не может быть ответственным за восстание (напечатано в „Русской Старине“, 1902, № 4, стр. 50—62). 24 апреля эта записка была отправлена в Петербург. Между тем Сергей Иванович продолжал волноваться за брата. Его особенно мучило, что он не выехал к нему по получении известия; он считал это непоправимым своим грехом перед братом. Нервы его были сильно не в порядке, и вообще его здоровье ухудшилось. В начале мая по ст. ст. он выехал из Неаполя. 14/26 прибыл в Дрезден, где встретил П. Я. Чаадаева.

² Alien bill, т. е. закон об иностранцах, был принят английским парламентом в 1818 г. Он разрешал натурализацию иностранцев в Англии только по постановлению парламента или распоряжению короля. Alien bill был издан в интересах господствовавшей тогда в Англии реакции. Защищавший его министр иностранных дел лорд Кэстльри сослался на пример Нидерландов, которые из-за отсутствия такого закона стали местом скопления иностранцев, организующих „непрерывную борьбу против законных правительств“ (Lesur. Annuaire historique. . . pour l'année 1818, pp. 356—358). Alien Bill был отменен в 1826 г.

К № 2

¹ Английские парламентские выборы 1826 г., свидетелем которых был Тургенев, происходили в обстановке острого экономического кризиса и политической борьбы вокруг предложенного министерством Каннинга, с целью успокоения Ирландии, билля об эмансипации католиков, т. е. распространении на последних гражданских прав.

² *Гастингсы* — англ. h u s t i n g s — избирательные собрания.

К № 3

¹ Это письмо в выдержках было напечатано А. А. Фоминым в „Русской Старине“, 1901, V, стр. 237—239.

² Как видно из этого и других писем, Н. И. Тургенев усиленно утверждал, что единственной его задачей и в тайном обществе и вне его была работа для освобождения крестьян. Мы знаем, что это действительно было главной (хотя и не единственной) его задачей. В этой связи любопытно остановиться на одном неизученном еще моменте — участии его в выработке мнения Государственного совета „об улучшении закона о вольных хлебопашцах“.

Закон 1803 г. о вольных хлебопашцах отразил эмансипаторские настроения стремившихся к фермерскому хозяйству крупных землевладельцев. Весь вопрос об освобождении крестьян этим законом сводился к частной инициативе помещиков; освобождение, как мера общегосударственная, отпадало. Закон устанавливал правила, на которых должно совершаться освобождение крестьян у помещиков, желающих прибегнуть к такому освобождению. Требовалось

прежде всего наличие соглашения между сторонами, утвержденного министром внутренних дел; затем закон предусматривал наделение крестьян землею на условиях, определенных в упомянутом соглашении. Освобожденные крестьяне составляли сословие свободных хлебопашцев. На практике закон дал очень небольшие результаты. Поэтому неоднократно подымался вопрос об изменении закона в смысле изъятия из него правила об обязательном наделении крестьян землею и признания полной свободы сделок между сторонами. Однако об участии в таких ревизионистских попытках Н. И. Тургенева ничего не говорит и автор статьи „Судьба указа о свободных хлебопашцах в царствование Александра I“ — В. В. Бирюкович („Архив истории труда в России“, кн. I, Пгр., 1921, стр. 63—79). Между тем, Н. И. Тургенев еще в записке „Нечто о крепостном состоянии“, составленной в конце 1819 г. по поручению гр. Милорадовича для представления царю, указал на необходимость пересмотра закона, чтобы „ограждая выгоды крестьян... оградить и выгоды помещиков“. При этом „правительство могло бы взять на себя большую часть обязанностей помещиков в отношении к крестьянам, как-то: управление или разбор их взаимных споров, дел и т. п. Помещик же, удержав за собою собственность земли, заключал бы с живущими на ней крестьянами добровольные условия, которые состояли бы под защитой и покровительством правительства“ (Дневники, III, стр. 432). А в 1824 г., перед самым отъездом за границу, Тургенев и по службе принял участие в попытке пересмотра закона. В департаменте гражданских и духовных дел Государственного совета, где служил Тургенев, рассматривалось дело о крестьянах помещика Владимирской губ. Козмина. Последний „уволил крестьян своих вечно на волю со всею владеемою ими землею, по двум отпускным, в кои изъяснил, что делает сие увольнение на основании указа 1803 г. февраля 20; но чтобы крестьяне не прежде как по его смерти сим воспользовались, для вступления в состояние государственных поселян“. После смерти Козмина его наследницы обжаловали его завещание в Сенат. Последний нашел, что формы закона в данном случае не соблюдены (Козмин составил завещание и не провел отпускных через надлежащие инстанции); поэтому завещание следует считать недействительным, а землю и крестьян передать наследникам. Крестьяне подали жалобу царю, который приказал Комитету министров рассмотреть ее. Комитет министров, констатировав, что здесь совсем особенный случай, так как Козьмин уволил своих крестьян не в свободные хлебопашцы, как полагается по закону 1803 г., а в государственные поселяне, направил дело в Государственный совет. Здесь оно поступило в вышеупомянутый департамент, и Н. И. Тургенев составил мнение департамента. Приводим это мнение в выдержках по подлиннику, писаному рукою Тургенева: „Г[осударственный] с[овет] в деп[артамент]е гр[ажданских] и дух[овных] дел рассмотрев сие дело находит, что распоряжение помещика Козмина касательно отпуска людей его на волю лично, не может* подлежать опровержению** ибо право сие принадлежит всякому помещику и может быть исполняемо посредством различных актов и между оными посредством духовных завещаний. Относительно же представленной от помещика сим крестьянам земли, то хотя в сем случае и не

* Зачеркнуто „быть“.

** Вместо зачеркнутого: „опровергнуто“.

были соблюдены формы, указом 1803 [года] февраля 20 и 21 предписанные, но воля помещика Козмина об увольнении крестьян с землею не подлежит сомнению; ибо акт, сие увольнение содержащий, им самым подписан, и он подлежащим образом об оном допрошен“. Ссылаясь далее на царскую резолюцию по аналогичному делу крестьян помещика Рычкова, Тургенев заключает мнение департамента: „крестьян бывших помещика Козмина, согласно данной им отпускнуой, сделав свободными и предоставив им землею, в отпускнуой означенную, причислить в звание свободных хлебопашцев“. За этим следует уже заключение общего характера. Находя, что формы, предусмотренные указом 1803 г., „многосложностию своею препятствуют составлению условий между помещиками и крестьянами“, департамент полагал, что „надлежит устранить все излишние формы, кои не нужны, для удостоверения воли и согласия уговаривающихся сторон и для правильности их действий... Вместе с сим департамент не может пройти молчанием, что весьма было бы полезно допустить увольнение крестьян не только с землею, но также и без оной. Личная свобода и недвижимая собственность суть два различные предмета и не должны быть смешиваемы. Уволенные лично крестьяне могут, и по всем вероятностям, конечно будут, оставаться на той же земле, на которой они дотеле жили. Новое в России свободное сословие тогда только в существе своем составиться может, когда на истинных началах учреждено будет, и когда отъяты будут существующие ныне препоны, помещикам освобождать, а крестьянам получать свободу. Такое постановление тем более удобно, что крестьяне, уволенные лично, могут приобрести землею покупкою, ибо на таковое приобретение предоставлено им законное право“. (Цитировано по подлинному делу — Арх. Гос. сов. Дело Д-та гражд. и дух. дел, 1824, № 18, лл. 58—59, см. также печатн. изд. Арх. Гос. сов.. т. IV, журн. департамента и т. д., ч. I, стр. 706—709). Общее собрание Гос. совета и император согласились с мнением департамента (там же, стр. 710). Таким образом, „улучшение“ закона сводилось не только к устранению „излишних форм“, но и к большему, чем прежде, обеспечению интересов помещиков.

² *Edinburg Review* — шотландский журнал, выходящий с 1802 г. и основанный Сидней Смитом, Генри Бруггэмом, Жеффри и Горнером. Это — политическое, научное и литературное обозрение, находившееся под покровительством английской партии вигов и защищавшее либеральные взгляды. С 1825 г. там сотрудничал Маколей.

³ Фраза *Le président sans phrases* была произнесена Тургеневым, по показанию Пестеля, на совещании Союза Благоденствия в начале 1820 г., когда после доклада Пестеля о преимуществах и недостатках как монархического, так и республиканского образа правления, был поставлен на голосование вопрос: „монарх или президент“. Бригген смягчил показание Пестеля: по его словам, это было чисто теоретическое состязание по политическим наукам, а Тургенев вместо инкриминируемой фразы сказал: „Республиканское правление с президентом очень хорошо, но главное всегда зависит от устройства в народном представлении“. По показанию Н. М. Муравьева, совещание не имело „никакого влияния на последующие собрания членов“ и происходило во время „полного изнеможения Союза Благоденствия“, но на очной ставке с Пестелем Муравьев признал правильность показаний Пестеля („Восстание декабристов“, т. I, стр. 311—312 и 317—318). Как видим, Н. И. Тургенев не

отрицал произнесения им этой фразы, но вряд ли она выражала его подлинное убеждение, так как, конечно, он не был республиканцем.

⁴ *Миссолунги* — город в западной Греции, расположенный на берегу Патрасского залива. В начале греческой революции там было не более 2—3 тыс. жителей, но сюда стекались беглецы из Этолии и Эпира; город был укреплен и в 1822 г. с успехом защищался против турок. В 1823 г. здесь была сделана столица правительства западной Греции, воздвигнуты новые укрепления, население увеличилось до 13 тысяч. Сюда приехало много сочувствовавших грекам иностранцев, в том числе Байрон. Поэтому турки направили все усилия на взятие этого города. Долго им это не удавалось. Однако осада истощила греков, тем более что военные действия в Морее шли для них неудачно. Тем не менее они не сдавались и боролись до последнего истощения: все способное носить оружие население было истреблено, и 25 апреля 1826 г. турки заняли город. Но в Миссолунгах погибло много иностранцев, и в связи с этим фонды Греции в Европе сильно поднялись. Активно поддерживала греков Англия. Со вступлением на престол Николая I и Россия изменила свою политику. Учитывая недовольство дворянства политикой своего предшественника и заботясь об охране черноморской торговли, Николай встал на путь сближения с Англией и Францией, и уже в следующем году соединенный англо-русско-французский флот нанес поражение туркам при Наварине.

⁵ Свирепствовавший в Англии экономический кризис именно в июле принял особенно острые формы. „В конце июля главные манчестерские фабриканты, которые благодаря своим большим средствам могли до сих пор пускать в ход свои мастерские все рабочие дни, решили давать работу своим рабочим только 4 раза в неделю; мероприятие, в результате которого, говорят, должно последовать уменьшение количества бумажных тканей, вырабатываемых еженедельно в Манчестере, на 160 000 кусков. В Бирмингэме работа ограничивалась двумя днями, и фабриканты угрожали полным закрытием предприятий: они указывали правительству на то, что некоторые рабочие уже многие месяцы живут только на сбережения, большинство — с продажи мебели и платья...“ (Lesur. *Annuaire historique universel pour l'année 1826*, pp. 564—565).

К № 4

¹ Извлечения из этого письма были напечатаны дважды: в „Русском Архиве“ 1895 г., т. II, стр. 466—467, и в „Русской Старине“, 1901, V, стр. 239—240. Полностью письмо печатается впервые.

² Здоровье С. И. Тургенева в Дрездене стало сильно ухудшаться. Болезнь его приняла характер психического заболевания. Он и П. Я. Чаадаев жили в Дрездене вместе с семейством Е. Г. Пушкиной. Здесь С. И. встречал очень сердечное отношение и внимательный уход. Под влиянием этого у него появилось желание жениться на дочери Е. Г. Пушкиной. Между тем, последняя в это время уведомила о состоянии Сергея Ивановича старшего брата, и Александр Иванович собирался в дорогу. От Николая Ивановича состояние младшего брата скрывали и он отнесся к его матримониальным намерениям вполне серьезно.

³ Как видно из этого места, Тургенев при чтении донесения следственной комиссии по делу о тайных обществах был глубоко возмущен показаниями

обвиняемых против него. Повидимому, особенно возмущали его показания левых членов тайного общества, со взглядами которых он никогда согласен не был, и которые (Рылеев) стали во главе общества уже после его отъезда за границу. В связи с этим настроением стоит и упорное отрицание Тургеневым его участия в Северном обществе, отрицание совершенно голословное, опровергаемое всеми имеющимися данными.

К № 5

¹ Небольшая выдержка из этого письма была напечатана в „Русской Старине“, 1901, V, стр. 241.

² В письме от 3 июля А. И. Тургенев извещал брата, что его оправдательная записка не имела успеха и что ему ставят в вину его неявку к суду. После этого Н. И. Тургенев ждал приговора.

³ *Таймс* (*Times*) — большая английская газета, выходящая с 1 января 1788 г. Основана издателем Уолтером. Особенных успехов достигла при его сыне Джоне Уолтере, руководившем газетой с 1803 до 1847 г. Последний сумел установить прочные связи с другими странами и, пользуясь многочисленными курьерами, получал свежие политические новости часто раньше правительства. Поэтому отдел иностранной корреспонденции в „Times“ достиг высшего совершенства. Уолтер сумел также приспособить для обслуживания потребностей делового читателя парламентские отчеты, излагая прения в форме простых резюме. Политический отдел „Times“ был также хорошо поставлен. Не примакая ни к какой партии, газета всегда выражала преобладающее в господствующих классах настроение. Все это сделало ее органом очень популярным в широких кругах английской аристократии и буржуазии и за границей.

⁴ *Etoile* — вечерняя газета, выходившая в Париже с 21 октября 1820 г. по 1 июля 1827 г.

⁵ *Constitutionnel* — о нем см. стр. 431.

⁶ После этого письма переписка между Николаем и Сергеем Тургеневыми прекратилась. С прибытием старшего брата в Дрезден переписка продолжалась только между ним и Николаем Ивановичем. Поглощенный вопросом об оправдании, последний в течение долгого времени даже не догадывался о болезни младшего брата.

II. РАЗНЫЕ ПИСЬМА

В группе „разных писем“ мы даем несколько разрозненных писем, так или иначе связанных с основным материалом настоящего тома.

Сюда относятся: коротенькая записка В. А. Жуковского С. И. Тургеневу и большое ответное письмо последнего 1817 г., очень важное для истории Арзамаса, письмо С. И. Тургенева к братьям от 3 янв. 1821 г., единственное из немногих уцелевших его писем к братьям, имеющее большой общественно-литературный интерес, письмо Н. И. Тургенева к С. П. Жихареву от 25 ноября 1825 г. и ответное письмо Жихарева. Два последних документа, дополняя переписку, напечатанную С. Я. Штрайхом в приложении к „Запискам Современника“ (изд. „Academia“), имеют первостепенное значение для истории либеральных опытов Н. И. Тургенева в собственном его хозяйстве.

1

В. А. ЖУКОВСКИЙ — С. И. ТУРГЕНЕВУ*)

[В конце 1817 г.]

До сих пор я писал как секретарь теперь пишу к тебе, любезной Сергей Иванович, как сам то есть как Жуковский. Обнимаю тебя от всего сердца; прошу обо мне вспомнить и продолжать помнить. Я опять в Москве; живу здесь один представителем всех нас. От этой мысли часто и грусть на душу взбегает. Есть ли будет досуг, напиши ко мне строчки две, от меня же не ожидай прозы; что же будет в стихах, то все получишь: ты издавна балуешь Музу мою своею лаской. Есть ли пришлешь матушке своей портрет свой, то я заграблю тот, которой у нее теперь: я вопреки ее думаю, что он сходен. Глаза не бешеные, а в них светятся либеральные идеи. Но об этом при свидании. Обнимаю тебя. Поклон Старынкевичу.

Жуковский.

2

С. И. ТУРГЕНЕВ — В. А. ЖУКОВСКОМУ

[Декабрь 1817 г.]. **)

Какой до ***) меня доброй дух ****) настроил Матушку диктовать Вам ее ко мне письмо? Оно мне вдвое дороже вашу приписку, почтеннейший и любезнейший Василий Андреевич, которого ***) впрочем не нужно было чтобы *****) напомнить мне

*) Приписка к письму Е. С. Тургеневой, написанному под ее диктовку Жуковским. — *Арх.*, № 383, л. 92 обор.

**) *Арх.*, № 400 б. Черновик.

***) *Зачеркнуто* для.

****) *Зачеркнуто* гений.

*****) *Зачеркнуто* хотя.

*****) *Зачеркнуто* вас мне.

вас, имя коего ношу в сердце и как Тургенев и как русский. Чем более читаю произведения русской словесности, тем более обожаю вашу музу. Но не балуйте вы ее. Помните, что талант ваш не весь вам принадлежит, но и отечеству. Употребляйте его не только для себя, но и к просвещению России. — Грешно другим писателям не употреблять его совсем в противную сторону. — Я укоряю в этом и Карамзина. Зачем не оставить Пеззаровию и подобным проповедовать мрак, деспотизм [по русски самодержавие] и рабство? — Как бы приятно было видеть все дарования на стороне либеральных идей, коими если не честь, то душа моя пламенеет, все невежество, всю скуку, всю глупость на стороне противной! Пишите же в пользу либеральности. Нельзя *) образовать ум лучше, как восхищая вместе дух а кто читает спокойно стихи ваши, того нам и не надобно.

Что Арзамас, что его журнал? Кажется Рейн¹ со своей статьей о представительном правлении слишком быстро потек. Вспомнить бы ему о Шафгаузенском водопаде. Да и брат Николай будет едва ли не в пустыне проповедовать или по крайней мере, можно опасаться, как бы такие проповеди тем не кончились. — Я писал уже к Михайле Орлову, что мне кажется в Петербурге не только журнала не из чего составлять, но и говорить то не о чем, когда сойдутся два порядочных человека. Один журнал, которой бы можно попробовать предпринять кажется был бы дух Журналов, которой бы содержал в себе все выписки из прочих, в одном смысле разумеется либеральном (правда, эта статья была бы пребедная); потом критику прочих журналов, новых брошюр, театров и проч.

Какая бы жатва для Блудова и Вяземского! А другие бы изподтишка серьезно проповедь вели; так бы Арзамас был *ridendo castigat mores*. Тогда бы Инвалид не смел в XIX столетии уверять, что человек не признающий бытия И[исуса] Х[риста] не сможет достигнуть нравственного совершенства.² Тогда бы стоило только перепечатать объявление о новой книжке, издаваемой Росс[ийской] Академией, под названием кажется Известия, чтобы предать ее посмеянию.³ Тогда бы Сев[ерная] П[очта] не подшучивала над либеральными идеями несколько месяцев спустя после того, как она их проповедо-

*) *Зачеркнуто* просвещать.

вала.⁴ Тогда бы публика наша видела, что из всех политических известий в наших газетах одно только всегда справедливо, о благодарствен[ных] молебствиях в царские дни.⁵ Но я заметил, что ужасно много уже написал. Как быть! Просить извинения; вперед не буду.

Здесь мало весьма выходит нового, — что бы могло быть для вас интересным. — Надеюсь А[лександр] И[ванович] отдал вам Арно басни.⁶ Здесь теперь печатают французских классиков хорошо и дешево. Есть ли вам каких надо, сделайте дружбу дайте мне знать, я перешлю. Мы получаем все русские новости. Недавно братья прислали мне Батюшкова — еще два послания к Ал. Тургеневу.⁷ Дело кончено: вы насильно вытащите его с собой в бессмертие. С нетерпением ожидаю Истории русской.⁸

Простите. Не забудьте отсталого от всех вас меньшего Тургенева, которого вы совсем некстати перестали называть просто Сергеем, как прежде на Покровке.

3

С. И. ТУРГЕНЕВ — БРАТЬЯМ

3 января 1821 г.*)

На сей раз должен я отвечать на две почты ибо вчера получил я и последние ваши письма от 2 декабря.¹ — Произшествие в Совете удивило и огорчило меня. — Я мало надеюсь для самого дела en grand и есть ли что может утешить меня, так это поведение ваше строгое и благородное. — Правда, я и не ожидал иного. Конечно, вы с своей стороны все сделали. Может быть старания ваши какой-нибудь успех иметь будут. Стремясь к добру, которое мы едва ли назначены видеть во всей полноте, хорошо по крайней мере убавить число зла. Я и тому уже рад, что о таких важных предметах рассуждают или по крайней мере говорят. И это может иметь полезные следствия. Пусть порицают ваши средства, пусть оспаривают вашу цель самую; и это уже начало. — Но какое постыдное поведение членов Совета! „Perhaps it is in its depraving influence on the moral sense of both, slave et Master, that slavery is most deplorable. Brutal cruelty is a rare and transient mischief, but the de-

*) *Арх., № 2326. Печатается с копии, написанной неизвестной рукою.*

gradation of saul is universal“: Поведение Ол[енина] отвечает его фигурке. Он родился, живет и умрет мальчиком. А кажется где бы приличнее разпетушиться ему с князем Лобановым? ² Хорошо ли дело представлено будет государю, особливо есть ли оно пошлется в чужие края? В Петербург он в декабре не вернется, поелику он поедет в Лайбах, с прочими государями, ддя свидания с неаполитанским королем, которой уже туда отправился. ³

Я полагаю, что вы не огорчаетесь мнением о вас публики — она сама иногда завидует тем, которые ею пренебрегают. Что-ж во всем этом делал Маугерас — Лопухин? Что Марченко? — И в какое время эти люди (sic?) спорят о том, можно ли торговать людьми! Северные американцы отказывают Мисури составить особенную провинцию, потому что жители ее не хотят отказаться от рабства ⁴ — остальной свет волнуется за свободу политическую; а мы... Ей ей! Не только иностранцы, но верно и многие русские, не знающие дела не поверят таковому ходу его. — Когда два важных дела на шее, то надо разобрать которое из них *); и при нужде пожертвовать им, чтобы не испортить обоих. Не этот ли случай с Ливеном?

Не думаю я, чтоб прилично было брату *) посвятить при теперешних обстоятельствах книгу свою *Jury* польскому сейму, которой впрочем уже не существует, разве оговорив те обстоятельства, которые прогневали императора. — ⁵

Нельзя ли поместить **) в Московскую ланкастерскую школу двух или трех мальчиков на наш щет хотя бы из казенного селения, по близости к Жуковке находящегося, с тем чтобы они или в этом селении или в нашем могли со временем завести школу. Есть ли будешь в Москве, то подумай об этом на досуге.

Полно, удержатся ли дилижансы? ⁶ Я боюсь наших аристократических идей, которые нигде сильнее не являются, как на почтовых дворах. Бритой прапорщик из кадетского корпуса почитает себя вправе издеваться над бородачем. Усядутся они в одной карете? Ты говоришь мне об ответственности присяжных, я разумею о неответственности. Но это

*) Пропуск в рукописи.

**) Это слово вставлено рукою С. Т.

нужно ясно изложить и показать, что присяжные судят только по нравственному убеждению. У нас нужно бы это растолковать, как вещь новую и притом показать важность звания присяжного сравнивая оное с совестными судьями,⁷ но в делах более важных. Я помню, что Ив[ан] Влад[имирович]⁸ судил часто более как присяжной, чем как судья уголовной.

Нельзя ли во избежание лишней поставки рекрут, разделить Тургенево, как Жуковку между матушкой и нами. Довольно платить за себя; а еще за других; это несносно. Дело идет о людях, а не о деньгах. Вы еще делаете пожертвования, за что же одного меня лишаете удовольствия участвовать в оном. Я знаю, что между нами все вместе, но именно потому я и должен делиться. Потребуйте же от меня денег. Право их у меня довольно. Не прислать ли верующего письма на треть моего жалованья, которое предлагал я уже и прежде? —

О Семеновском полке⁹ мы уже получили приказ российской армии. Приказ написан не красиво, но умно, кажется об этом есть уже и в немецких газетах „*Veobachter*“,¹⁰ которой новость эту получил вероятно прямо из Троппау. Письмо союзных государей к неапольскому королю, также как и прокламация короля сего, напечатаны в неапольских газетах и скоро должны быть в других, почему я их не сообщаю. О происшествии в Буюгдере, я, кажется, уже писал к Вам тогда же. — Это довольно исправно сообщено в „*Journal de Francfort*“. Только янычара ни одного убито не было, а один из наших караульных был ранен. Он теперь совершенно здоров и получает от государя по представлению г[рафа] Строганова пенсия по смерти. Он рад этому. Да и прочие янычары узнали об этом с большим удовольствием. Дело все было кончено важно; но так скоро и удачно кончилось, что я и Бутенев проспали его. — Миссия получила всевозможное удовлетворение, и с тех пор командирован в Буюгдере турецкой чиновник, для содержания порядка. Ему предписано в принимаемых мерах согласоваться с министром русским. Мы были у ага янычарского прежде этого происшествия, а оставлен ага крепости, из которой солдаты нас атаквали; чиновник неважной.¹¹

Почему бы не послать письма моего к Вяземскому? Он мне писал, что он только участвовал в речи. Перевод ее подлинно никуда не годится; но он не может на меня сердиться за такое мнение, полагая, что я не довольно хорошо знаю по

русски, чтоб судить о слоге нашем. Другого письма мне писать не хочется, но есть ли вы не решитесь послать прежнего, то пошлите ему выписку из этого письма к Вам. Совсем же не отвечать ему было бы с моей стороны весьма неприлично. Лучше бы послать мое письмо как оно есть. Вы не обязаны знать, что я пишу к нему. Стихи его, вчера мною полученные, также очень плохи. Он рассказал довольно забавных мыслей о шпанском табаке. Из нее можно бы сделать порядочный Quatrain но не более.

В Вену государь вероятно не поедет. Меня признаюсь арестация Кар[азина] удивила. Неужели других мер против таких людей взять нельзя? Лучше бы казалось опубликовать *) их пустыми марателями бумаги; ибо цель таких людей есть та, чтобы хвастаться тем, что они пишут к императору, и таким образом пускать пыль в глаза невежд. 500 горошенок мне уже ненужны поелику я не ношу...**) Но в России они редки. Можно сберечь их для кого другого. Помните, что я советовал Маргарете Петр[овне] носить **). Я уже писал, что сапогов ни башмаков мне покуда не нужно.

Куда ж Новосильцова, есть ли он оставил Варшаву? Поверьте, что здесь письма никем не распечатываются, что ж в Петербурге делается того не знаю, да признаться и не боюсь. Мы бы слишком несчастливы были, есть ли бы будучи принуждены жить всегда порознь, еще не могли переписываться откровенно. Я готов публиковать мои письма так же как и ваши. Честные люди найдут в них чувства всегда благородные: о дурных не пекусь. Им надо бы нас бояться, а не нам их. Я знаю о чем дело, но до нас оно вовсе не касается. — Могу ли знать кто наемкнул вам. — Это было бы мне нужно для соображения по службе. Я слава богу совершенно здоров. — Чумы у нас нет, да и в городе очень мало. — Между тем еще новый год настал. Не ужели и он пройдет как последний попустому? Еще год! Эти щисления кажутся ничего не значущими, особливо при единообразной пустоте в жизни. — Однако, как подумаешь!.. Год за годом... А что проку? Как посмотришь на свет, и на себя, и на Россию, которая лучше и себя и света...

Последний год встретил я в ажитациях разного рода, среди самой шумной столицы Европы. Нынешний начинаю и вероятно

*) Это слово вставлено рукою С. И. Тургенева.

**) Одно слово неразобрано.

проведу в бесплодном спокойствии, в турецкой деревне. И волнение и апатия, и Париж, и Буюгдере — все одинаково! — Как это неутешительно! И к чему все это приведет? Неужели только еще к Новому Году? Когда же новая жизнь настанет? Без нее и 1821 год будет как 1820 и 19-е столетие как 13-е. Я все один, и час от часу более чувствую, что один! Уже почти не молод, а все еще безнадежен... Грустно, да как быть. Терпение! — Простите.

4

Н. И. ТУРГЕНЕВ — С. П. ЖИХАРЕВУ

25 декабря 1825 года.*)¹

Нездоровье собственное и твоих близких не мешает тебе, любезной друг, думать о нас. — Спасибо! — Ты требуешь от меня ответа о наших крестьянах. Мудрено было бы отсюда решить о том, что должно делать за Волгою, есть ли б решение могло быть двоякое. Но вопрос, тобою делаемый, может быть решен только одним способом. Против пашни, которой хотят (или пишут, что хотят) сами крестьяне, представляются затруднения двух родов: 1) Материальный недостаток нужных для господского хозяйства заведений, как-то: амбаров, гумен, скота и даже мельницы, которая предоставлена крестьянам, и которую они отдают в годы. 2) Нравственные. Эти неудобства не так ощутительны, но важны. Никакие распоряжения не могут предупредить или отвратить множества или важных или мелких и ежедневных несправедливостей и злоупотреблений, которые сопряжены с господскою работою. Мне кажется, что пашню можно ввести только тогда, когда сам живешь в деревне и притом с большими изменениями методы, теперь везде существующей. — Пашня конечно выгоднее и вернее. Оброка платить не будут, по крайней мере будут большие недоимки. Все это так, но во всяком положении надобно принимать выгоды с невыгодами. В нашем положении, в положении людей, шатающихся по свету или для здоровья или для удовольствия, мы пользуемся или надеждою того, или другого. Вот выгоды. Уменьшение дохода — вот невыгоды. И так исчего делать.

*) *Арх., № 307, лл. 20—21.*

Надобно оставаться при оброке. — Но вместе с сим можно и мужикам сообщить, что мы им отдали мельницу, им дешево продали скот и через то лишили себя возможности возобновить пашню; что возобновив ее нельзя будет опять ввести оброка. Есть ли же нужно будет пострадать, то можно сказать, что деревня назначится в продажу. — Впрочем может быть и подлинно некоторым крестьянам трудно платить оброк. Хлеб везде очень дешев. Но тут-то и затруднение. Один не платит от невозможности платить. Другой не захочет платить от того, что первой не платит. Что тут делать? — Не знаю. Лучше уменьшить всю массу оброка, нежели, оставляя его в теперешнем количестве, получать часть одного, не получая часть другого. — Не думаю, чтобы Татаринов уговаривал крестьян идти на пашню. Уверен, что по крайней мере половина и даже большая часть крестьян предпочитают пашне оброк. Но при сем различии желаний, можно, но не теперь, а в случае нужды сообщить крестьянам, что те, которые не хотят оброка, будут посажены на пашню по прежнему. Но и это средство я предполагаю употребить только для острастки, а не для исполнения действительного. Для бедных есть у нас условие, и именно: я уговорился с крестьянами, что 15 тягол (или двойное число полутягол) должны ежегодно быть свободны от платежа оброка. Это и делалось при мне. Ежегодно некоторые из сих тягол переменались. Освобождаемые не получали участков в бывшей земле, удерживая за собою только ту землю, которую имели прежде. — Нельзя ли принять следующие средства?

Освободить вообще от оброка, не лишая участия в земле $\frac{1}{4}$ часть тягол, и вместо 10 т[ысяч] рублей определить 7500, т. е. сбавить $\frac{1}{4}$ оброка. И ежегодно переменять тягла, в состав сей $\frac{1}{4}$ входящие, так что каждое тягло будет иметь после 3-х лет один год льготы. При сем можно удержать и силу означенного выше условия, т. е. что совершенно бедные 15 тягол не должны платить оброк и вместе не должны иметь участия в бывшей господской земле.

Или:

Не проще ли будет оброк уменьшить вообще $\frac{1}{4}$ частию и $7\frac{1}{2}$ тыс. распределить на все тягла, за исключением 15 бедных?

И так теперь я от тебя требую ответа! Ты прокурор. Но и я не чужд судейским хитростям и вопросом отвечаю на

вопрос! Но, любезной друг, реши как думаешь лучше! — Может быть братья забыли тебе сказать, что иногда наши крестьяне просят позволения выдавать дочерей за вольных. В этом никогда им не было отказа. Я уверен, что и ты не отказал бы в такой прозье. Но на всякой случай предуведомляю и прошу давать сии позволения.

5

С. П. ЖИХАРЕВ — А. и Н. ТУРГЕНЕВЫМ

28 декабря 1825. *)

Четыре письма ваших, одно за другим, от 17-го, 18-го, 20 и 25 ноября мы получили и вслед за оными от Булгакова 12 пар башмаков. Нет слов изъяснить вам и нашу радость и благодарность. Горя и беспокойства как будто не бывало. Награди вас провидение за то, что и в самом Париже, где все забыть можно, вы о нас не забыли. Но и мы за то думаем и говорим о вас беспрестанно, а если редко и не все пишем, то вините не нас, а обстоятельства.

Теперь вы уже все знаете: не заставят ли эти сведения кого-либо из вас возвратиться на Русь? Все, что ни слышу, подает мне утешительную надежду, что положение ваше было бы не худо. Добрые люди воскресают и именно те, от коих вы имеете право ожидать всего. Мы благодарим бога, что вас не было здесь недели две тому назад, — теперь просим и молим, чтоб он возвратил вас скорее. Если ошибаемся, то это только потому, что слухи могут быть неверны. Впрочем общий голос всегда верен.¹

Журналы Вяземскому отдали все по принадлежности. Вот от него письмо и 435 р[ублей] денег для отдачи князю Василию Гагарину. Иван Ив[анович] Дмитриев доставил мне незапечатанную записку и вам, которую также посылаю. Есть еще письмо от М[ихаила] О[рлова] к Николаю, но я удержал его и не пошлю, — а для чего вы узнаете после.² Можете бранить меня за это сколько хотите, последствие меня оправдает.**)

*) *Архив, № 385, лл. 277—280. Дата первоначально стояла 24, потом исправлено на 28. На полях рукою Жихарева: Это письмо написано еще 24 числа, но за праздниками залежалось до сегодня.*

**) *Против этого места пометка на полях.*

Максиму за письмо к Сераф[иму] несмотря на невероятную дерзость ничего не было. Есть истины, которые и обнаружить опасно. В случаях же гонения на него, я бы умел пособить ему во славу истины и вас. Теперь бояться ему нечего да он и не боялся голубчик и прежде, путешествуя к Герасиму почти ежедневно, все также попрежнему.³

Письма к граф[ине] Толстой я отправляю чрез мужа ее, которой ожидает ее из Петербурга ежедневно и дожидаться не может. Не думаю, чтоб место ему дали.⁴ В бытность здесь Бибикова, женившегося на богатой Кушниковой, я много раз говорил ему, но обстоятельного ничего в ответ не получил. Впрочем откровенно скажу вам, что на Бибикова надежда плохая: он нашел ключи и кажется снял маску, делает по видам и угождениям тем, в ком есть нужда или может случиться. Да и гнаться не за чем. Есть ли и дадут какое либо место, то не будет того, что желали именно квартиры, — а что стоит быть под начальством мошенника Воскресенского. Теперь есть случаи другие: есть ли постараются в П[етербурге] за графиню, то удобнее она выхлопочет место мужу; а постараться теперь есть кому, и я уверен, что и Бибиков не откажет, буде его попросит известное вам лицо. Он таков.

Александра Ильинична читала конец письма вашего к преосвященному Филарету. Он очень доволен; что вы его помните. Посылает вам свое благословение и наставление, чтобы вы еще побыли за границею. — В этом я не согласен с ним. Мне кажется, что именно вам то⁵ и надлежит приехать.

Мысль о издании Gazette des Tribunaux не новая. Третьего года князь наш⁶ имел намерение печатать наши процессы и представлял об этом — но комитет не согласился и это так осталось. Проспект, присланный вам, в общих идеях совершенно сходен с его проектом; разумеется что хуже написан.

Описание вашей жизни парижской так увлекает нас за вами, что мы почти ежедневно перечитываем ваши письма. Я прокурор — следовательно не могу быть охотник до процессов, — но желал бы хоть издали послушать какого-нибудь главного оратора-юриста. О французской же трагедии и говорить нечего: воображаю Тальму в роле Леонида и станавлюсь десять лет моложе.⁷ Не увидите ли знакомую мою Фодор Менвиель? Поклонитесь ей от меня. Я учил ее грамоте, переводил для нее оперы и стоял за нее один против всей дирекции и Шахов-

ского с товарищи. Мы плакали при описании вашем погребения Гоу. Есть из чего и учиться и служить. Жил — уважаем, умер — обожаем. Слава посвятившему жизнь для блага народа, но и слава народу, которой умеет чувствовать заслуги.⁸

Вяземского портрет совсем не похож, и я не знаю, зачем вы приказываете сбересть его для вас. У меня портрет гораздо похожее. Сергей не забывает нас. Не смотря на его нездоровье пишет часто, но упрекает также нас в молчании, как и вы. Это ей богу несправедливо. Я пишу довольно часто, хотя и не так как бы хотел. Боюсь, что письма мои не так скоро до него доходят — но виноват ли я в этом? Последнее письмо мое вряд ли скоро дойдет по обстоятельствам. Во всяком случае известите его и от себя, что писано к нему 2 раза и в Рим на имя князя Гагарина и прежде в Неаполь *poste restante*. Вы щастливцы имеете курьеров — а я кроме почты ничего не имею. Много пишу, что лежит на сердце — но почта чувств не имеет. Как бы это объяснить вам?

Варинька моя оправляется по маленьку, хотя еще рана на шее велика, но мы и не залечиваем ее, чтобы материя выходила; а Платон в воспоминание ваше громогласно декламирует: *Helas! aux cris plaintifs jetés par la patrie* и проч[ее] выученное из письма вашего. Ребенок самый милый и по нраву и по открывающимся способностям. Дай боже, чтоб только был жив. Я боюсь за обоих, боюсь привязываться к ним, и есть минуты, в которые желал бы, чтобы они были не так милы.

Вопрос мой Николаю был самый безхитростный: мужики хотят итти на пашню, одни потому, что платить говорят нечем, другие потому, что не хотят платить, смотря что другие не платят. Посадить ли их на пашню или оставить на оброке? Разрешения требовал я потому, чтобы не упустить времен и принять надлежащие меры. Касательно пашни сам же я представлял затруднения, которые от заведения всего к тому принадлежащего быть могут. Где же тут хитрость судейская, как говорит мой чудотворец? Теперь я знаю что делать: — принудить крестьян заплатить то, что должны они. Об этом хлопотать буду и должен. Но вот дело: Сушков и еще Татаринов уговаривают мужиков итти на пашню, потому якобы, что повинность ровнее. Богатые знать не хотят бедных, и крестьянская зависть не хочет отвечать за другого. Как хочешь уменьшай массу оброка — все таки платить сполна не будут, потому

что иной и малого заплатить не хочет и не может. Я решился считать в недоимке оброк на некоторых бедных, не показывая, что им прощается, дабы и другие, которые в состоянии, не последовали примеру. Когда возвратитесь, то можете простить сами и уменьшить оброк как хотите, но я сего сделать не в состоянии, ибо со временем доведет это до того, что и всякой оброк для них тягостен будет. Не платят они единственно от нерадения, ибо столь умеренной оброк и с теми выгодами, которые вы им предоставили, всегда выработать они могут. Не говорю о погоревших, коим по милости вашей дана льгота на год и сверх того по 50 [рублей]—на двор—но тем, кои избежали сего несчастья, стыдно не заплатить оброка столь ничтожного.—Посылаю в Тургенево после нового года надежного человека с предписанием вразумить мужиков, что они не хорошо делают, а между тем и взглянуть на старосту, которого поступки в сем случае мне подозрительны. О последствиях уведомлю.

Я пишу сбивчиво—но вы меня поймете. Сделаю что должно и можно: мужики останутся как есть т. е. на оброке.

Некоторые из должников ваших хуже мужиков—но за то я не Николай—и у меня сии заплатят; иначе я не был бы прокурором.⁹ Я не разобрал последних строк Николая о выдаче крестьянских дочерей по прозьбе отцов за вольных, Написано: в этом никогда. Что никогда? Не отказывать, что ли? Или не позволять? Полагаю первое скорее.

Простите покамест, наши единственные, милые. Обнимаю вас. Будьте веселы, здоровы и щастливы.

Ваш С. Жихарев.

ПРИМЕЧАНИЯ К „РАЗНЫМ ПИСЬМАМ“

К № 2

¹ Рейн — арзамасское прозвище М. Ф. Орлова.

² См. об этом на стр. 58 примеч. 2-е.

³ *Российская Академия* — основана в 1783 г. для разработки русского языка и словесности. С 1813 г. президентом Росс. Академии был А. С. Шишков, и она стала служить тем же целям, что и руководимая последним Беседа любителей русского слова, т. е. защите литературного староверчества и борьбе с новыми писателями. Поэтому в арзамасских кругах имя Российской Академии служило предметом постоянного осмеяния.

⁴ О „Северной Почте“ — см. на стр. 398.

⁵ О значении этого письма для истории Арзамаса — см. во вступительной статье.

⁶ См. Арно (словарь в конце книги).

⁷ „Еще два“ послания Батюшкова к А. И. Тургеневу: послание 1816 г. „О ты, который средь обедов“ (Соч., изд. 1887 г., кн. II, стр. 243) и 1817 г. „Есть дача за Невой“ (Там же, стр. 281). До этого (в 1812 г.) Батюшков написал „Ответ А. И. Тургеневу“ (Там же, стр. 148).

⁸ Т. е. „Истории Государства Российского“ Карамзина.

К № 3

¹ Т. е. письмо Н. И. Тургенева от 30 ноября 1820 г. (см. стр. 321) и А. И. Тургенева от 2 декабря.

² Государственный секретарь А. Н. Оленин отклонил жалобу А. И. Тургенева на оскорбление, нанесенное министром юстиции кн. Лобановым-Ростовским Комиссии составления законов, и предложил обратиться к председателю Государственного совета („Остафьевский Архив“, II, стр. 410—411).

³ См. примеч. 2-е к письму Н. И. от 30 ноября 1820 г., стр. 444.

⁴ *Миссури* в XVIII в. входил в состав Луизианы. С 1818 г. он добивался принятия в Союз в качестве штата. Но палата представителей Соединенных Штатов требовала от Миссури предварительной отмены рабства негров. Сенат же соглашался принять без всяких условий. Двухлетняя борьба закончилась принятием компромиссной резолюции, на деле же Миссури вступил в союз в качестве рабовладельческого штата.

⁵ См. письмо Н. И. 30 ноября 1820 г. и примеч. к письмам от 30 сент. и 14 окт., стр. 322—323, 441—442.

⁶ О дилижансах см. в письме Н. И. от 30 ноября 1820 г. и примеч. к этому письму, стр. 322 и 444.

⁷ *Совестный суд* — особенный суд, утвержденный при Екатерине II для разбора: 1) гражданских дел (тяжб), по которым стороны взаимно согласятся прибегнуть именно к совестному суду, 2) уголовных дел, по которым имеются смягчающие обстоятельства в пользу преступника, или сомнение в его виновности, 3) контроль над административными арестами, чтобы никто не был заключен более 3 дней без предъявления обвинения. Совестному суду предлагалось руководствоваться не только законами, но и „человеколюбием, почтением к особе ближнего и отвращением от угнетения“. Таким образом по идее этот суд должен был отличаться мягкостью и быть независимым от администрации. По исследованию А. А. Кизеветтера („Голос Минувшего“, 1923, № 1), совестные суды на деле были очень далеки от понимания этих в общем неопределенных, гуманных принципов, а руководились „старо-заветной мыслью, что судья имеет дело не с преступником, а с преступлением, и что преступление само по себе, независимо от степени вложенной в него злой воли“ требует возмездия. С. И. Тургенев предлагал брату Николаю коснуться этих судов в своей работе о суде присяжных.

⁸ И. В. Лопухин.

⁹ Т. е. о бунте Семеновского полка.

¹⁰ Т. е. „Oesterreichischer Beobachter“.

¹¹ Речь идет о нападении турецких солдат на русское посольство и о перестрелке, которая была между ними и охранявшими посольство отрядами янычар. „Annuaire historique“, 1820, pp. 532—533. Ага—офицер высших чинов, командир.

К № 4

¹ Это письмо служит ответом на письмо Жихарева к А. И. Тургеневу от 2 ноября 1825 г., напечатанное С. Я. Штрайхом. См. „Записки Современника“, II, стр. 397—400. Жихарев просил Н. И. Тургенева решить вопрос: что делать с крестьянами Тургенева, неплатящими оброка. Об этом см. во вступительной статье (стр. 80—81).

К № 5

¹ Здесь, конечно, говорится о событиях 14 декабря. „Добрые люди воскресают, и именно те, от коих вы имеете право ожидать всего“ — вероятно, намек на назначение кн. А. Н. Голицына членом следственной комиссии. о чем 15 декабря был дан неопубликованный секретный указ военному министру (Шильдер. Имп. Николай I, том I, стр. 32). Слухи об этом назначении, очевидно, дошли до Жихарева и настроили его оптимистически, в виду близости, существовавшей между Голицыным и А. И. Тургеневым.

² М. Ф. Орлов был арестован 21 декабря в Москве. 28 декабря он уже был привезен в Петербург и допрошен Николаем I, а 29 заключен в крепость (см. публикацию П. С. Попова „М. Ф. Орлов и 14 декабря“ — „Красный Архив“, XIII, стр. 155 и 157).

³ В письме от 2 ноября 1825 г., напечатанном у С. Я. Штрайха, читаем: „Мазгин нездоров; вы, я думаю, уже знаете, настроил к пр. Серафиму

письмо защитительное о книгах qui sont prohibés, письмо, наполненное громкими и дерзкими истинами, если только истина дерзка быть может. Впрочем много и непристойностей“ (Жихарев. Записки Современника, ред. С. Я. Штрайха, II, стр. 398). Место это вызывает большое недоумение по значительности сообщенного в нем факта дерзкого и смелого письма к митрополиту Серафиму, приписываемого здесь какому-то совершенно неизвестному и никем из современников не упоминаемому Мазгину. Превращение „Мазгина“ в Максима в публикуемом нами письме побудило нас обратиться к подлиннику письма, напечатанного у С. Я. Штрайха. Оказалось, что приведенное место следует читать „Максим Невзоров, вы, я думаю, уже знаете, настроил к пр[еосвященному] Сераф[иму] письмо защитительное о книгах qui sont prohibés, письмо, наполненное жестокими и дерзкими истинами, если только* истина дерзка быть может“ (Архив, № 3027). Таким образом, речь идет об известном мистике М. И. Невзорове, письмо которого к митрополиту Серафиму в защиту запрещенной мистической литературы было напечатано с цензурными изъятиями еще А. Н. Пыпиным в его работе о библейском обществе (А. Н. Пыпин, Религиозные движения при Александре I. Предисл. и примеч. Н. К. Пиксанова. Изд. „Огни“. П. 1916, стр. 281—292). Выпущенное Пыпиным место было восстановлено А. Гробовым и напечатано вместе с письмом М. И. Невзорова к кн. А. Н. Голицыну. („Голос Минувшего“, 1913, XII, стр. 276—278). Письмо — яркий протест против лицемерия господствующей церкви. Нужно только отметить, что А. Гробов со своей стороны допустил существенную ошибку, отнеся письмо к 1824 г. Между тем у А. Н. Пыпина оно датировано точно: 23 июня 1825 г. Самый текст письма не оставляет сомнения в правильности этой датировки: Невзоров ссылается на царский указ, данный „в 17 день ноября протекшего 1824 года“.

⁴ В письме от 2 ноября (Жихарев, II, стр. 398) Жихарев писал, что пытается доставить место гр. Андрею Толстому, о чем его, повидимому, просил А. И. Тургенев.

⁵ Нефедьева.

⁶ Т. е. Александру Ивановичу.

⁷ Кн. Д. В. Голицын — московский генерал-губернатор.

⁸ О Тальме в роли Леонида см. в письме Н. И. Тургенева к С. И. Тургеневу от 4/16 декабря 1825 г., стр. 459.

⁹ Похороны генерала Фуа (см.), либерального депутата, состоялись в Париже 30 ноября 1825 г. при громадном стечении народа. На могиле была произнесена речь Казимиром Перье, призывавшим почтить „во имя родины, во имя красноречия, во имя священной дружбы, во имя гражданина, оратора, знаменитого государственного деятеля“ (Lesur. Annuaire historique... 1825, pp. 248—249). Князь П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу: „С чувством прочел я описание погребения Фуа. Во Франции весело и жить и умирать... Человек, каков Фуа, согражданин человеческому роду, и о нем плачешь, как о ближнем. Таких людей не легко замещать в иерархии общественной“ (Архив бр. Тургеневых, вып. 6-й, стр. 21).

¹⁰ Дальнейшую переписку по этому вопросу см. в „Записках“ Жихарева, ред. С. Я. Штрайха, II, стр. 403, 408, 415—416, 422 и 429, „Руская Старина“. 1882, № 2, стр. 479—480. Анализ всего вопроса о тургеневских крестьянах и их повинностях см. во вступительной статье.

III. О ПРИНЦИПАХ ПУБЛИКАЦИИ ПИСЕМ

Письма Н. И. Тургенева печатаются в настоящем издании по современной орфографии с сохранением особенностей правописания, связанных с произношением слов (например: всякой, счастье, приежжать, прозьба, разположение) и индивидуальных особенностей (например: есть ли, имянно, энтузиасм, эгоисм). Текст исправляется: 1) при описке или несогласовании падежей (без оговорки), 2) при пропуске букв и сокращении слов (с дополнением в квадратных скобках).

Прописные буквы сохраняются в личных именах, в названиях учреждений и географических названиях. Названия титулов, сословий, национальностей, термины религиозного характера, политические термины (отечество, государство, правительство, конституция, самодержавие), наименования научных дисциплин и другие слова, которые Тургенев иногда без всякой системы пишет с прописной буквы, печатаются со строчной буквы.

Транскрипция личных имен соответствует подлиннику. Пунктуация подлинника в основном сохраняется и исправляется лишь в случае явно ошибочной расстановки или отсутствия знаков препинания. Подчеркнутое в тексте набрано в разрядку.

Сохраняется также присущая Тургеневу манера начинать некоторые русские слова иностранными буквами (слова на букву N — Нота, Ноябрь, Наполеон, Нессельроде), или давать личным именам, написанным иностранными буквами, окончания русских падежей (Rembrandтов). В иноязычных текстах сохраняется орфография подлинника.

Письма заграничные в подлиннике в иных случаях датированы и старым и новым стилем (в виде дроби), в иных — только новым (в знаменателе с чертой над ним). Мы датлируем все загра-

ничные письма в обоих стилях, заключая дату старого стиля в тех случаях, когда она в подлиннике отсутствует, в квадратные скобки. В подлиннике нередко ошибки в датировке: разница между стилями сплошь и рядом оказывается не 12 дней, как это было в действительности, а 11, 13 и даже 14. В таких случаях мы считали, что человек, находившийся за границей, мог ошибиться скорей в определении даты старого, чем нового стиля. Поэтому исправлению подвергалась дата старого стиля с указанием в подстрочном примечании на дату подлинника.

IV. ПЕРЕВОД ИНОСТРАННЫХ СЛОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ

<i>Стр.</i>	<i>Иностранный текст</i>	<i>Русский перевод</i>
89	Poste restante —	до востребования.
90	Geheimer Rath —	тайный советник.
91	du wirst desweilen gut machen —	ты сейчас же все уладишь.
95	de voir une ancienne connoissance — weitgetrieben —	видеть старого знакомого. далеко зашло.
96	eine Rheinreise machen —	совершать путешествие по Рейну.
97	Wozu kann das am Ende führen? —	К чему это может в конце концов привести?
102	Voilà Pestalozzi, voilà Guillaume Tell — Ce sont des Chinois —	Вот Песталоцци, вот Вильгельм Телль. это — китайцы.
104	die schrecklichsten Jahren meines Lebens von Achenbrenner —	„Самые страшные годы моей жизни“ Ашенбренера.
110	il sera enchanté de servir sous vos ordres. — Je le ferai venir. —	Он будет в восторге служить под Вашим началом. Я его вытребую.
111	die Schweine nach Bauzen führen des Bauzens Dohse —	свиньи указывают путь в Бауцен. бауценовская порция.
116	dans cette belle et noble France —	в этой прекрасной и благородной Франции.
117	de la levée en masse — Der Rhein, Deutschlands Strom, aber nicht Deutschlands Grenze —	массового набора. Рейн — река Германии, но не граница Германии.
118	pièces de circonstance —	статей на злобу дня.
120	souvent on prend pour une Politique profonde ce que n'est que l'alternative de l'ambition et de la faiblesse —	часто принимают за глубоко-мысленную политику то, что на самом деле является либо честолюбием, либо слабостью.
120	De l'Allemagne — der guten Sache —	о Германии. доброму делу.
121	opus —	труд.

- 122 Vive Alexandre le Magnanime, vive notre délibérateur — да здравствует Александр Великодушный, да здравствует наш освободитель.
- 123 Si les affaires vont se traîner en longueur, nous ferons venir votre frère cadet ici. — Если дела затянутся надолго, мы вызовем сюда вашего младшего брата.
- 124 Staats-Kanzler — государственный канцлер.
Lieutenant--Général du Royaume — наместник королевства.
129 Staats-Rath — статский советник.
Geheimer Rath — тайный советник.
Herr Oberst — господин полковник.
Sa Majesté Impériale vous a nommé — Его императорское величество произвел вас в чин надворного советника и пожаловал вам орден св. Анны второй степени —
Conseiller de Cour et vous a accordé S(ain)te Anne seconde classe — Я счастлив, что на мою долю выпало сообщить вам об этом знаке одобрения, который вы получаете от вашего августейшего государя. Примите, милостивый государь, уверение в глубоком моем к вам уважении.
je suis charmé de pouvoir faire part de cette marque de satisfaction que vous obtenez de Votre Auguste Maître. Agréez, Monsieur, l'assurance de ma très haute considération. Signé: Ch(arles) Baron Stein Fr(ank) f(ort) 13 juillet 1814. — Подписал: Карл барон Штейн. Франкфурт. 13 июля 1814.
Смесь.
- 130 l'Ambigu — Уроки литературы и т. д.
Leçons de la Littérature etc. — Вопрос: Что такое Дунай?
De m a n d e: Qu'est-ce que c'est que le Danube? R é p o n s e. Le Cours de ce fleuve ressemble à la vie d'un chevalier; il semble que s'est le Danube qui a cultivé tout ce qui l'entoure. C'est le Dieu tutelaire de la liberté du Midi de l'Allemagne; il raconte l'histoire des temps passés (Donc il est chevalier, laboureur, Dieu, historien en même temps). — Ответ: Течение этой реки напоминает жизнь рыцаря; кажется, будто это Дунай возделал все его окружающее. Это бог — покровитель свободы южной Германии; он рассказывает историю прошедших времен (ведь он в одно и тоже время рыцарь пахарь, бог, историк).
Que fait M-r de Villers? Réponse: Par son esprit et par ses connoissances il représente la France en Allemagne et l'Allemagne en France. Demande. Qu'est-ce que la douleur? Réponse. C'est un secret de la nature. — Что делает г. Вийе? Ответ: По своему уму и своим знаниям — представляет Францию в Германии и Германию — во Франции. Вопрос: Что такое боль? Ответ. Это — секрет природы.
- des Römischen Kaysers — римского императора.
133 die Kayserstadt — императорская резиденция.
liegende Grunde — недвижимое имение.

- 134 alles das lässt sich nicht ändern — все это не поддается изменению.
- 136 Mundstück — мундштук.
- 138 à compte — в счет.
- 139 aus der Sommen des Verwaltungs Rath. — из сумм административного департамента.
- suspendrons — уничтожим.
- 141 rayé — полосатую.
- 142 de l'ancienne ferme — прежнего откупа.
- 149 qu'il ne me préparoit pas pour une décoration ou pour un avancement, ne sachant pas en combien cela pouvoit me convenir et croyant ces récompenses au-dessous de mon mérite. — что он меня не представлял ни к ордену, ни к повышению по службе, не зная, насколько это меня устроило бы, и считая эти награды ниже моих заслуг.
- 152 Der Bundestag — союзный сейм.
- Territorial Ausgleichungen — территориальном уравнении.
- 153 Opinions préliminaires sur les finances par M. le Duc de Gaëte — Предварительные замечания о финансах герцога Гаета.
- Quelques mots de consolation aux créanciers de l'Etat (par M. Bricogne) — Несколько слов утешения кредиторам государства (г. Бриконь).
- 155 Geist der Zeit — дух времени.
- Rheinischer Merkur — Рейнский Меркурий.
- 157 Vaut mieux tard que jamais — лучше поздно, чем никогда.
- 158 Oracle de Bruxelles — Брюссельский Оракул.
- Surveillant — Наблюдающий.
- Nain Jaune — Желтый Карлик.
- 161 Geist — дух, призрак.
- 162 Voilà un modèle du style épistolaire — вот образец эпистолярного стиля.
- 163 Censeur — рецензент.
- Preussens Rheinische Mark — прусская рейнская марка.
- Klugblatt — треугольник ума.
- 166 Say De l'Angleterre et des Anglais — Сея — об Англии и об англичанах.
- 167 Cathéchisme d'Economie Politique — катехизис политической экономии.
- quelques brochures scandaleuses несколько бесчинных брошюр.
- suppléments — приложения.
- 168 par diligence — дилижансом.
- 170 de Pradt Sur l'Espagne — Прадта — об Испании.
- facsimile — факсимиле.
- abstraktisch — взятое отдельно.
- Mémoires de M-r Brunn Neergard sur la servitude et l'affranchissement des paysans Danois — Записки г. Брюнн Ниргарда о крепостном состоянии и освобождении датских крестьян.
- Der Wächter — часовой.

- 172 à propos de bottes — ни к селу, ни к городу.
Journal de Liège — Льежская Газета.
- 173 Cöttingische Gelehrte Anzeigen — Гёттингенские Ученые Известия.
- 174 die Souveraine Gewalt — верховная власть.
Bignon Etat financier, militaire etc. Биньона — Финансовое, военное и т. д. положение Европы.
- 175 Ausgleichung Commission — Комиссия по уравниению
- 176 Licht im Schatten — свет во тьме.
- 177 das Nähere — подробно, подробности.
- 180 der Eigenthümer hat sich nicht gefunden — владелец не нашелся.
- 181 au Directeur de la poste aux lettres — почтмейстеру.
- 182 Aller und Jede — всем и каждому.
- 183 Die 23 Kisten von Königstein — 23 ящика из Кёнигштейна.
- 184 Manière de dîner en ville — Обыкновение обедать вне дома.
- 185 A propos du président Kotzebue — Кстати о президенте Коцебу.
- 189 De Lolme Constitution d'Angleterre — Делольма — Английская конституция.
- Dictionnaire Historique et Géographique de l'Empire Russe par Wsévolovskiy — Исторический и географический словарь Российской империи Всеволожского.
- 190 Rapporteur — докладчик.
- 191 Wir sind armstätisch geworden — мы стали бедны городами.
Bock-Leder — козловая кожа.
L'art de dîner en ville — Искусство обедать вне дома.
Livres-valeur 2 francs — печатное ценностью 2 франка.
Objets sans valeur — предметы без цены.
- 194 Der Mensch ist nicht zum Glück geboren — человек рожден не для счастья.
- 197 velour de laine — шерстяной бархат.
garnitures — отделкой.
- 200 Staats-Verfassung — госуд. устройство, конституция.
Staats Verwaltung — государственное управление.
Idem — то же
- 201 Deutschheit — немецкий дух, германизм.
Turn-Anstalt — гимнастическое заведение.
- 202—203 Discours de l'Académie française — Речи французской академии.
- 203 pour être conséquent — чтобы быть последовательным.
- 204 Ueber den Bauerstand — о крестьянском сословии.
eine chinesische Ruhe ist kein Glück und liegt am allerweitesten von einem Staate der den Namen eines menschlichen Staates verdiente — китайское спокойствие не есть счастье и находится дальше всего от того государства, которое заслуживает название человеческого.
- in zurückschreitende Zustände — в состоянии отсталости.

- 204 C'est-à-dire que les personnes qui n'ont pas encore les principes arrêtés sur les idées libérales ne peuvent les goûter en les puisant de cet égout du Nord — т. е. люди, которые еще не имеют установившихся взглядов на литературные идеи, не могут их оценить, черпая из этой северной клоаки.
- 205 solche sind die Judicien des vorschreitenden Zustandes des ganzen Reichs — таковы оценки прогрессирующего состояния всего государства.
Les Discussions sur le budget — прения о бюджете.
- 208 Et le public d'applaudir (правильнее: applaudir) — A публика давай аплодировать.
Drei tausend $\frac{1}{2}$ Slaven — $3\frac{1}{2}$ тысячи рабов.
- 209 Des recettes et des dépenses de la France, par Sabatier, première partie — О доходах и расходах Франции — Сабатье. Часть первая.
Allgemeine Bundes-Armée — Всесоюзная армия.
- 210 Comptes-rendus — отчеты.
- 212 Réflexions — размышления.
- 213 non de gagner du temps, mais d'en perdre — не выигрывать время, а терять его.
malgré bon gré — волей-неволей.
- 214 en gros — оптом.
en détail — врозницу.
Le gros bon sens — простой здравый смысл.
- 215 Ce n'est pas si mal qu'on le pense „Observations sur les véritables intérêts de l'Europe“ — это не так плохо, как думают.
„Замечания об истинных интересах Европы“.
- 216 Pas si bête — не так глупо.
- 217 fonds — фонды.
Caisse d'amortissements — Касса погашения государственных долгов.
caisses d'escompte et des dépôts — учетные и сохранные кассы.
- 219 de la loi sur les cris séditieux — закон о мятежных возгласах.
R gia=Regalia — регалия.
- 221 Tables de Logarithmes des nombres entiers, au moyen desquels la multiplication se réduit à l'addition et à la soustraction — Таблицы логарифмов целых чисел, посредством которых умножение сводится к сложению и вычитанию.
Avantages de la Mendicité bien réglée — Выгоды хорошо-организованного нищенства.
sur le tap's — на рассмотрении.
fiat justitia — да восторжествует справедливость.
- 222 une bibliothèque renversée — приведенная в беспорядок библиотека.
Belle manière de commencer — Хороший способ начинать.

- 223 ohne Sturm und ohne Ruhe — без бури и без покоя.
- 229 Acad. Freund=Akademischer Freund — академический товарищ.
- 229 der Landstände — земских чинов.
- cela tient au secret maç[onique] — это масонский секрет.
- Vénérable — „Достопочтенный“ (звание президента масонской ложи).
- 231 volumes — тома.
- 232 incohérences — несоответствий.
- 234 conspirateur — заговорщик.
- De la Monarchie Prussienne — О прусской монархии.
- 235 Sur la campagne de 1813 — О кампании 1813 года.
- 237 La danse de Saint Vit — Пляска святого Вита.
- 238 pour les Grands Dignitaires — для больших сановников.
- Lettres Normandes — Нормандские письма.
- inclusivement — включительно.
- du Tzar et du comte Ruppin — О царе и о графе Руппине.
- die sich und zwar mit Recht durch einen verdreuten Franzosen geschmeistert sehen — которые видят себя справедливо облитыми грязью каким-то сумасбродным французом.
- 239—240 comme de raison — как и следовало ожидать.
- 240 s'est soustrait à la juridiction des hommes — подчинился людской юрисдикции.
- A propos de toutes ces — кстати обо всех этих.
- 241 Avis aux grands de la terre qui sont dans le cas de pardonner — Обращение к сильным мира сего, которые властны прощать.
- 245 qu'elle est coupée des grands lacs, qu'elle contient des déserts — что она изрезана большими озерами, что она имеет пустынные пространства.
- qu'il n'y a rien de si humain, de si naturel qu'elle — что нет ничего столь человеческого, столь естественного, как она.
- L'Etat c'est moi — Государство это — я.
- 246 Liberté de la Presse — свобода печати.
- intacte — незапятнанная.
- et sa théorie des produits est très ingénieuse — и его теория продуктов очень остроумна.
- 247 pseudo — лже.
- Die Deutschheit ist in die Beresina auf dem Russischen Eise aufgeblüt — Германизм распустился пышным цветом на Березине среди русских льдов.
- nachdem Russen unserem Kerker aufgemacht haben wir müthig herausgetreten sind — Мы мужественно выступили после того, как русские раскрыли нам наши тюрьмы.
- das ist deutsch — это по-немецки.
- 248 sans faire ombrage à personne — не беспокоя никого.

- 250 willkommen — желанна.
- 252 en dérouté — разбита.
- 253 Lasciate ogni speranza voi chi entrate — Оставьте всякую надежду вы, которые входите.
- 255 Welt-Geschichte — мировая история.
- 257 le reste ne vaut pas la peine d'être nommé — остальное не стоит даже упоминания.
- 259 Leliette. Sur la servitude — Лельетт. О рабстве.
- Sur l'abolition de la servitude — Об уничтожении рабства.
- Esprit des Journaux — Дух Журналов.
- 260 Paliativ (palliativ) — Mittel — паллиатив.
- 261 Ici il n'y a point de milieu — здесь нет середины.
- 262 Rücksichten — рассуждения.
- L'Europe s'est rassuré quand il parla de liberté et de loi — Европа успокоилась, когда он заговорил о свободе и законности.
- bête et faux — глупо и ложно.
- 263 peut-être — может быть.
- da liegt eben der Knoten — в этом и заключается затруднение
- 270 und keine Aussichten dazu — и никаких видов на это.
- 271 une fausse alarme — ложная тревога.
- 272 roth oder schwarz — красным или черным.
- Voilà à quoi nous en sommes — вот до чего мы дошли.
- 275 loi des Elections — избирательный закон.
- étant trop démocratique — как слишком демократический.
- 277 Chargé d'affaires — поверенный в делах.
- 279 Journal des Modes — Журнал Мод.
- 280 une fois ici — раз уж я здесь.
- le Roi (ou plutôt la France) a été casée, serrée, et maintenant elle est désolée — Король (или вернее Франция) была заключена в клетку, подавлена, а теперь она в отчаянии.
- la Presse des Pairs — набор перов.
- Une écossaise Constitutionnelle, indépendante, ou une contredanse monarchique ou une danse contre-monarchique — конституционный независимый. экоссеэ, или монархический контрданс, или контр-монархический танец.
- de bonne foi — по совести.
- 281 Malgré qu'il ne soit pas un sкий son origine n'est pas plus illustre, car c'est le fils naturel du feu maréchal, qui portoit presque son nom — Хотя его фамилия и не оканчивается на „ский“, его происхождение не более знатно, так как это побочный сын покойного фельдмаршала, носившего почти ту же фамилию.
- 283 Krämpfe — судороги.
- 284 Coup d'autorité — проявление строгой власти.

<i>Стр.</i>	<i>Иностранный текст</i>	<i>Русский перевод</i>
284	ortodoxes —	правoverные.
285	nec plus ultra —	и не дальше, предел.
291	Reglements sur le Timbre —	уставы гербовых сборов.
293	droit d'enregistrement et timbre —	о крепостных пошлинах и гербовых сборах.
	Code des Contributions directes —	Уложение о прямых налогах.
	Code des Contributions indirectes —	Уложение о косвенных налогах.
259	Teutschland ¹ und die Revolution —	Германия и революция.
296	Livraison —	выпуск.
	inclusivement —	включительно.
	income-tax —	подоходный налог.
298	règne un mauvais esprit —	царит дурной дух.
300	Livraisons des Monumens de l'Indo-stan —	Выпуски памятников Индостана.
303	la pétition du M(onsieur) Madier sur les menées des ultras —	петиция г. Мадье о происках ультров.
304	un homme de sang —	кровожадный человек.
	un homme dangereux, ambitieux —	человек опасный, честолюбивый.
306	Schlussact —	заключительный акт.
	acte additionnel —	дополнительный акт.
	Völkerrechtlicher Verein —	союз, покоящийся на народном ² праве.
308	Dies auf einen Gesetz-Gebunde nicht gerichtliche Wege —	А это по закону—неправомерный путь.
310	Il m'a manqué —	он оказал мне неуважение.
311	Voilà le cas de dire: Sie sprechen nicht viel, aber denken um desto weniger —	вот случай сказать: они говорят немного, а думают и того менее.
313	Provisoirement —	временно.
316	Vous avez eu le bien pour le mal —	вы получили добро за зло.
317	Allgemeine Zeitung —	Всеобщая газета.
	les dames de la Halle de Bordeaux—	торговки из Бордо.
	incurables —	неизлечимые, неизлечимо больные.
	Sur le jury par Philips, traduit par Comte —	О суде присяжных Филиппа, перевод Конта.
319	Essai sommaire de la procédure en France —	Краткий очерк судопроизводства во Франции.
320	Lanjuinois Constitutions —	Конституции Ланжуине.
	Benjamin Constant, Ce qu'il faut pour un gouvernement représentatif—	Бенжамен Констан. Что нужно для представительного правления.

¹ Старинная форма — Deutschland.

² Тогдашнее название международного права.

- 322 c'est un véritable brouillon — это настоящий смутьян.
323 dédier — посвятить.
324 Courrier de Londres — Лондонский Курьер.
In den Staaten, die vorwärts schreiten, will man immer neuen Häuser bauen — В государствах,двигающихся вперед, всегда стремятся к строительству новых домов.
von den Einquartirungen — от постоев.
332 la périodicité — периодический характер издания.
336 Les armées Russes traversent la Hongrie et la Volhynie — Русские армии проходят через Венгрию и Вольтынь.
Oesterreichischer Beobachter — Австрийский Наблюдатель.
340 Kur — лечение.
il n'y a que le premier pas qui coute — труден только первый шаг.
Correspondenz-Nachrichten der Allgemeinen-Zeitung — сообщения корреспондентов Всеобщей Газеты.
346 Par le temps qui court — в настоящее время.
Itinéraire — путеводитель.
347 In Trüben fischen — ловить рыбу в мутной воде.
348 Aber wir können nicht dahinter kommen — но мы не знаем закулисной стороны.
Réflexions historiques et politiques sur l'Empire Ottoman — Исторические и политические размышления об Оттоманской империи.
349 Les galanteries de l'Histoire de Russie — галантности из русской истории.
Göde Criminal-Recht — Уголовное право Гёде.
triviales — пошлыми.
352 ist streng bewahrt in seinem Hause zu Bujukdere — строго охраняем в своем доме в Буюкдере.
462 emparez-vous de la langue. Entrez quelque chose. Surtout ne restez pas dans le vague — овладейте языком. Займитесь чем-нибудь. В особенности не оставайтесь в неопределенности лишений.
des privations — билль об иностранцах.
463 Allien Bill — Эдинбургское Обозрение.
467 Edinburg Review — президент без фраз.
468 Le président sans phrases — незанятый, неупотребленный.
470 unemployed — Навести справку у г. Бассанжа.
471 S'informer chez Monsieur Bassange — испортил.
473 verhunzt — компетентен.
Competens — смехом бичует нравы.
485 ridendo castigat mores — Может быть, вследствие развращающего влияния на нравственное чувство своих — раба и господина — рабство еще более

transient misschief, but the degradation of soul is universal —	презренно. Зверская жестокость является злом редким и переходящим, моральное же падение — всеобщим.
488 Beobachter—	наблюдатель.
Journal de Francfort —	Франкфуртская Газета.
493 Gasette des Tribunaux —	Судебная газета.
494 Hélas aux cris plaintifs jetés par la patrie—	Увы, жалобные крики, испускаемые родиной.

V. БИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

Аверин, Павел Иванович, управляющий Ликвидационной комиссией по заграничным расчетам в Кенигсберге. По отзыву Ф. Ф. Вигеля, „человек с необыкновенными, можно сказать, с несносными странностями“ (Записки Ф. Ф. Вигеля, V, 84) 190, 197, 331, 333.

Аверкиев, Александр Егорович (1790—1858), сенатор и тайный советник 184.

Алафонов, сослуживец Н. И. Тургенева по Парижской ликвидационной комиссии 150, 227.

Адабашев, приятель Н. И. Тургенева 160, 199.

Адами, поставщик сукна 186, 187, 189, 192.

Adan de Borde, лейпцигский знакомец Тургенева 90.

Адеркас, Борис Антонович, псковский гражд. губернатор в 1816—1826 гг. 209.

Азаис, автор книги „De la sagesse en politique sociale“ 244, 245, 413.

Александр I Павлович (1777—1825), император с 1801 г. 114, 116—118, 122—124, 126, 128, 148, 166, 169, 170, 172, 173, 175, 192, 193, 208, 237, 255, 263, 271, 290, 316, 332, 341, 353, 354, 370, 372, 373, 380, 385, 386, 389, 391, 398, 410, 415, 417, 418, 425, 427, 433, 437, 441, 442, 448, 449, 451, 452, 468.

Александра Ильинична — см. Нефедьева.

Александра Петровна — см. Путятина.

Александра Федоровна (принцесса Фредерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина) (1798—1860), дочь прусского короля Фридриха-Вильгельма III и будущая русская императрица, с 1 VII 1817 г. жена великого князя Николая.

Павловича. Жуковский назначен был к ней преподавателем русского языка только в конце августа 1817 г., хотя кандидатура его была выставлена еще в начале апреля, когда он сообщал А. И. Тургеневу о том, что должность эта предложена Г. А. Глинке, который, в свою очередь, хочет передать ее ему, Жуковскому. „Место это предлагают ему с 3000 жалованья от государя и 2000 от великого князя, с квартирою во дворце великого князя и другими выгодами. Занятие: один час каждый день. Остальное время свободное... Он желает знать, могу ли я принять на себя эту должность, и требует моего скорого ответа, чтобы меня на свое место представить. Я не сказал ему ни да, ни нет. Без твоего совета и совета Николая Михайловича [Карамзина] не решусь ни на что. Место это кажется мне выгодным по многим причинам“. И далее следует длинный ряд „причин“, сквозь которые отчетливо проглядывает доминирующее желание Жуковского попасть ко двору (Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895, стр. 177—179).

Но хотя Карамзин и А. И. Тургенев поощрили Жуковского, утверждение его затянулось надолго, очевидно, вследствие происков „халдея“, т. е. А. С. Шишкова, хотевшего пристроить к великой княгине „своего человека“. 25 августа А. И. Тургенев писал Вяземскому: „Светлана [Жуковский] назначен учителем к великой княгине Александре Федоровне и завтра ей представляется. Халдей хотел отбить у него это место, но Арзамасец-Карамзин отстоял честь и славу Арзамаса, и козни халдейские не удались“ (Остафьевский архив, I, 82—83).

Жуковский был в восторге от своего назначения. „Я люблю свою должность, — записывал он в своем дневнике 27 X 1817, — и мне совсем не кажется отдыхом тот день, в который не могу ею заняться... Я надеюсь со временем сделать свои уроки весьма интересными. Они будут не только со стороны языка ей полезны, но дадут пищу размышлению и подействуют благотворным образом на сердце“ (Русский Вестник, 1889, VIII, 356—357).

Этим надеждам Жуковского не суждено было осуществиться. Александра Федоровна, по традиции возглавлявшая разные благотворительные учреждения, прославилась расточительностью для себя и необыкновенной скупостью для бедных. В Петербурге ходили легендарные рассказы об ее жестокости, простиравшейся до поощрения телесных наказаний солдатских жен и дочерей 232.

Алексеев, Илья Иванович (1770—1830), генерал-лейтенант, бывший долгое время адъютантом гр. И. П. Салтыкова, был женат на Наталье Филипповне Вигель, старшей сестре известного мемуариста, товарища Тургеневых по „Арзамасу“. Из двоих сыновей их старший, Александр Ильич, шт.-капитан л.-гв. Конно-егерского полка, в 1826 г. арестован был по делу Пушкина, о распространении стихов „Андрей Шенье“. Военно-судной комиссией он приговорен был к смертной казни, замененной заключением в крепости и затем переводом в армию 162, 206, 267.

Алексей Петрович — см. *Пулятин*.

Али-паша Янинский (1744—1822), повелитель значительной части греческого материка и обладатель несметных богатств. Человек большого ума,

но без всякого образования, он принадлежал к числу жесточайших азиатских тиранов и терроризировал подвластную ему страну. В 1820 г. Турция, опасавшаяся все возрастающего влияния Али, объявила его опальным, на что Али ответил открытым восстанием против султана, купив сочувствие подвластных ему греков, уже мечтавших о свободе, разными льготами и обещанием либеральной конституции. 15 X 1820 г. А. И. Тургенев писал Вяземскому: „Али-паша хотел дать конституцию своей земле, подобную испанской. В камере единственно должны были присутствовать три четверти греков и одна четверть турок. J'espère, que c'est libéral!“ (Остафьевский архив, II, 89). В роли вождя восстания Али был столь же жесток, как и в роли правителя. „Вчера поутру я читал в Huges о безумных злодействах Али-Паши, как по его приказанию сотни несчастных жителей Превезны казнены были в Салагоре“, записывал Н. И. Тургенев 14 IX 1822 (Дневники и письма Н. И. Тургенева, т. III, 325¹). Вскоре после того Али был убит 335, 336.

Алопеус, Давид Максимович, граф (1769—1831), видный русский дипломат, в 1813 г. бывший генеральным комиссаром при союзной армии, в 1815 г. назначенный военным губернатором Лотарингии, а с лета того же года заменивший Штейна в Ликвидационной комиссии. Таким образом, Алопеус играл весьма значительную роль в служебной биографии Тургенева 119, 131, 139—141, 144, 148, 150, 152, 177, 180, 185, 186, 199, 359, 378, 380—382.

Алферьев, Василий Сергеевич (ум. в 1854 г.), поэт, столоначальник III отделения министерства финансов 225.

Алсуфьева — см. *Олсуфьева, Мария Павловна*.

Анна Петровна — см. *Сушкова*.

Ансильон, Фридрих, (1762—1837), прусский госуд. деятель и политический писатель. Профессор истории, с 1803 г. член Академии Наук и королевский историограф. В своих основных трудах („Tableaux des révolutions du Système politique de l'Europe depuis le XV siècle“. Berl., 1804, 1805, и „Nouveaux essais de politique et de philosophie“. Berl., 1824) он выступал как противник французской революции и сторонник английской конституции. С 1810 г. он — воспитатель кронпринца; с 1814 — чиновник министерства иностранных дел. Брошюра его, о которой говорит Тургенев, носила название „Über Souveränität und Staatsverfassung“ (Berl., 1816). В ней, между прочим, развивается мысль, что верховная власть в государстве определяет общую волю, а государь ее творит и изъясняет. Сделав эту выписку из брошюры в своем дневнике, Тургенев пишет: „Идея воли есть свобода, но не повеление и не определения посторонние. Сотворить волю еще невозможное. О, живогное Ансильон! И ты воспитываешь королевских детей! — Лагарп, прекрасный Лагарп не давал верно таких уроков“ (Дневники, II, стр. 239) 172, 174, 176, 179, 180, 182.

---

¹ Во всех последующих ссылках на „Дневники и письма“ Н. И. Тургенева цит. сокращено „Дневники“.

Анстедт, Иван Осипович (1766—1835), русский дипломат, уроженец Страсбурга, с 1789 г. состоявший на русской службе в Коллегии иностранных дел. В 1812 г. был директором дипломатической канцелярии при армии Кутузова, затем в свите Александра I, которого сопровождал до самого Парижа. Участвовал в ряде комиссий Венского конгресса. Во время похода 1815 г., совместно с Канкринным, составил конвенцию, дополнявшую Калишскую. В Париже участвовал в заключении конвенции относительно оккупационной армии, а с 1818 г. был чрезвычайным послом и уполномоченным России при Германском союзе 151, 156, 157, 161, 169, 170, 172, 178, 184.

Антон Антонович — см. *Антонский-Прокопович*.

Антонский-Прокопович, Антон Антонович (1762—1848), профессор Московского университета, первый читавший курс энциклопедии и естественной истории. С 1791 по 1824 г. он, сперва в звании инспектора, а потом — директора, стоял во главе Московского университетского благородного пансиона, в котором воспитывались Тургеневы 128, 129, 243, 266, 273.

Апраксина, Екатерина Владимировна (1767—1854), сестра московского ген.-губернатора кн. Д. В. Голицына и жена ген. С. С. Апраксина, известного московского хлебосола 204, 248.

Аракчеев, Алексей Андреевич, граф (1769—1834), всесильный временщик при Павле I и Александре I. С 1808 г. — военный министр, а с 1815 г. — фактический глава государства, организатор и руководитель военных поселений 114, 170, 243, 274, 393, 398, 420.

Аржевитинов, Иван Семенович, сын Харитины Петровны Аржевитиновой, рожд. Тургеневой, родной тетки Н. И. Тургенева, — симбирский помещик. В 1818 г., во время пребывания в Симбирске, Н. И. Тургенев записывал: „В два или три дня пребывания моего здесь я имел случай заметить образ жизни провинциальных дворян, и по тому, что я видел в доме Аржевитиновых, я, кажется, могу заключить о прочих. Я приходил туда по утру и находил уже хозяев и гостей за пикетом, после обеда — за бостоном, за шашками и за банком. Между тем фигуры рабов, как привидения из мира нечистоты, мелькали по комнатам. Все эти карточники более бы занимались делом, если бы у них не было крепостных крестьян“ (Дневники, III, 135) 190, 211, 215, 328, 330.

Аржевитинов, Петр Семенович (ум. 1827), ротмистр Лубенского драг. полка, брат предыдущего 328, 330.

Ардт, Эрнст-Мориц (1769—1860), немецкий поэт, публицист и ученый. В 1806 г. — профессор истории в Грейсхвальдском университете. Выразитель патриотических настроений немецкой буржуазной интеллигенции, он выступал против Наполеона, вследствие чего после поражения пруссаков под Иеной вынужден был скрыться за границу. В 1811—1812 гг. был в России вместе со Штейном. Руководя идейно немецким национальным движением и выражая

точку зрения буржуазного либерализма, в 1812 г. опубликовал „Катехизис немецкого солдата“. Статья его, упоминаемая Тургеневым, посвящена вопросу об историческом праве немцев на обладание Рейном. Как ученый он проявил себя исследованиями по истории крепостного права („Über d. Bauerstand“ и др.). В 1826 г. был обвинен в демагогии и лишен кафедры, которую занимал в Боннском университете 117, 170, 201, 204, 292, 386, 390, 397, 430,

Арно, Антуан-Винцент (1766—1834), поэт-драматург и баснописец. Автор „Сегмаписус“ (см. стр. 408) и других трагедий. Басни его (первое их издание вышло в 1812 г.) больше похожи на сатиры. Он был сторонником Наполеона и при нем занимал пост вице-президента института и генерального секретаря университетского совета. После вторичного падения Наполеона эмигрировал в Бельгию, где принял участие в „Nain Jaune réfugie“. В 1819 г. вернулся во Францию. Собрание его сочинений в 5 томах вышло в Париже в 1817—1819 гг. 234, 240, 408, 486.

Арсеньев, Павел Николаевич, сын воспитателя великих князей Николая и Михаила Павловичей. По делу о так наз. „Арсеньевском бунте“, сущность которого рассказана Н. И. Тургеневым, был в июне 1820 г. исключен из Пажеского корпуса и определен рядовым в 18-й егерский полк. Одним из важаков этого „бунта“ был А. Н. Креницын (1801—1865), который, согласно показанию декабриста А. С. Гангеблова, являлся главою общества „из семи или десяти пажей, вышедших уже из ребяческого возраста“. Тесная связь Креницына с А. А. Бестужевым заставила следственную комиссию по делу декабристов вновь заняться „Арсеньевским бунтом“ и обществом пажей. Однако „по изысканию Комиссии не оказалось, чтобы означенные затем пажей имели какую-либо связь с политическим обществом, которое и по правилам своим не могло принимать к себе учеников. Александр Бестужев отозвался, что... ежели в Пажеском корпусе существовало означенное общество, то верно цель его не стремилась далее стен корпуса, ибо голова Креницына была слишком слаба, чтобы замышлять что-либо важное. Комиссия оставила сие без внимания“ (Алфавит декабристов, стр. 104, 272, 333) 298.

Д Артуа, Карл, граф, младший брат Людовика XVIII, будущий Карл X, французский король в 1824—1830 гг. 123, 124, 303, 398, 433.

Архенольц, Иоганн-Вильгельм (1763—1812), немецкий историк. Тургенев читал его книгу „England und Italien“ (Leipzig, 1787), переведенную в 1802—1805 гг. на русский язык 98.

Ашенбреннер, автор романа „Die Schrecklichsten Jahre meines Lebens“ 104.

Баиреев, товарищ Н. И. Тургенева по службе у Алопеуса 142.

Базиль — см. *Перовский, В. А.*

Балашев, Александр Дмитриевич (1770—1837), петербургский военный губернатор и министр полиции 169.

Балугьянский, Михаил Андреевич (1769—1847), профессор политической экономии, ректор Петербургского университета и один из ближайших помощников М. М. Сперанского. Еще до приглашения своего в Россию (в 1803 г.) занимал выдающееся положение среди венгерских профессоров в Пеште. Тургенев относился к нему резко отрицательно. Будучи в 1812 г. определен ученым секретарем в возглавлявшееся Балугьянским V отделение канцелярии министра финансов, он на страницах своего дневника постоянно жаловался на скуку и неудовлетворенность, вызываемые новыми его занятиями. Корень недовольства Тургенева заключался в убеждении, что Балугьянский слепо исполняет волю министра финансов Д. А. Гурьева (см.). Много лет спустя, в „России и русских“, он писал: „По приезде в 1812 г. в Петербург я был определен в секретари ученого комитета. Комитет возглавлялся профессором политической экономии, служившим сильнейшим орудием министра в осуществлении всех его проектов, часто имевших губительные последствия для казны... его шарлатанство на первых же порах восстановило меня против него, что я при всяком случае давал ему почувствовать“ (La Russie et les russes, I, 130) 184, 222.

Бальорн, Фридрих, доктор юридических наук, приват-доцент Геттингенского университета, ведший практические занятия по римскому праву 97.

Бантыш-Каменский, Владимир Николаевич (род. 1778), товарищ Н. И. Тургенева, сын известного археографа, служивший в архиве Московской иностранной коллегии 209.

Бантыш-Каменский, Николай Николаевич (1738—1814), археограф, управляющий архивом Московской иностранной коллегии 257.

Баранов, Александр Николаевич (1793—1821), близкий приятель Тургенева и товарищ его по службе у Алопеуса. Зарекомендовавший себя талантливым администратором, Баранов в 1820 г. назначен был Таврическим гражд. губернатором. Назначение это отвечало требованиям врачей, настаивавших на переезде вечно хворавшего Баранова в южный климат. Но и это не помогло, и в следующем году Баранов скончался. Смерть его, видимо, действительно тяжело потрясла Тургенева. В тот же день он записывал в дневнике: „Сегодня услышал, что Баранов умер! Какая неожиданная весть! Он был одним из самых коротких моих приятелей. Я замечал, что он хорошо ко мне расположен. Я терял приятелей, может быть друзей. но они остались живы. Этого смерть отняла у меня! Непонятное, но сильное чувство: сожаление. Я чувствую, что мне чего-то не достает“ (Дневники, III, 266) 144, 194, 196—199, 215, 216, 236, 237, 337.

Баратаев, Михаил Петрович, князь (1784—1856), сосед Тургеневых по имению в Симбирской губернии, где он был предводителем дворянства. Писатель и нумизмат, выдающийся деятель масонства 231, 252.

Барин, банкир 316.

Барклай-де-Толли, Михаил Богданович, князь (1761—1818), военный министр и главнокомандующий 1-й западной армией в 1812 г. По возвращении в Россию он был назначен главнокомандующим 1-й армией, с которой в 1815 г. вступил в пределы Франции 138—140, 187.

Бароцци, Иван Францович, действ. статский советник, состоявший в Коллегии иностранных дел. В 1815—1816 гг. был комендантом в г. Нанси 145, 233, 234.

Бассанж, дрезденский банкир 179, 460, 463, 471, 475, 476.

Батюшков, Константин Николаевич (1787—1855), поэт 120, 200, 227, 235, 266, 374, 376, 397, 458, 459.

Бахметев, Алексей Николаевич (1774—1841), генерал-от-инфантерии бывший до 1820 г. наместником в Бессарабии 302.

Башиц, геттингенский студент, приятель Н. И. Тургенева (см. Дневники, II, 34) 93.

Белль, Эндрю (1753—1832), английский педагог, теоретик системы взаимного обучения (см. Ланкастер) 265, 426.

Бенеке, Георг-Фридрих (род. 1762), воспитанник Геттингенского университета, с 1805 г. занявший там профессорскую кафедру и преподававший немецкий и английский языки. Подобно многим геттингенским профессорам, Бенеке, на ряду с лекциями, давал и частные уроки студентам-иностранцам. Тургенев брал у него уроки английского языка и, судя по записям дневника, близко с ним сошелся (Дневники, I, по указ.). „Вот уже другой семестр, как я читаю с Бенеке *Paradis lost*, — писал он 29 XI 1809 г. брату Александру, — и каждый день чувствую более охоты к английскому языку. Притом какого учителя я имею — лучшего иметь не возможно, думаю, в самой Англии“ (там же, стр. 381) 107, 112, 133.

Бенисен, Леонтий Леонтьевич, барон (1775—1826), один из крупнейших боевых генералов наполеоновских войн 117.

Бентам, Иеремиа (1748—1832), знаменитый английский философ, юрист и публицист 338.

Бервиц, полковник, приятель Тургеневых 145, 146, 148, 191, 206.

Бернадот, Жан-Баттист-Жюль, маршал Наполеона, в 1810 г. избранный наследником бездетного и дряхлого шведского короля Карла XIII. Стал фактическим правителем Швеции, Бернадот в 1818 г., после смерти короля, возшел на престол под именем Карла-Йоанна 263.

Бернар, франкфуртский купец 332, 334.

Бетанкур, Августин Августинович (1758—1824), генерал-лейтенант, выдающийся строитель, инспектор Института путей сообщения, а с 1819 г. — главнокомандующий путями сообщения 332, 334.

Бетев, знакомый Н. И. Тургенева 233, 236.

Бетман, крупный франкфуртский коммерсант, с которым Тургенев познакомился в бытность свою в 1811 г. во Франкфурте, имея к нему рекомендательное письмо от лейпцигского консула И. И. Шварца 93, 101, 151, 171, 349.

Бибиков, Александр Ильич (1729—1774), генерал-аншеф, маршал Комиссии для составления проекта нового уложения при Екатерине II. Тургенев советует брату прочесть „Записки о жизни и службе А. И. Б., написанные сыном его, сен[атором] Б.“ (СПб. 1817) 245.

Бибиков, Дмитрий Гаврилович (1791—1870), директор деп-та внешней торговли, впоследствии — министр внутренних дел. Был женат на Софье Сергеевне Кушниковой 493.

Бибиков, Иларион Михайлович, товарищ Тургеневых, позднее флигель-адъютант, полковник л.-гв. Гусарского полка, директор канцелярии начальника Главного штаба. Был женат на сестре декабристов Муравьевых-Апостолов, Екатерине Ивановне (Интересную переписку с Бибиковыми С. И. Муравьева-Апостола см. в сборнике „Декабристы. Материалы для характеристики“. М., 1907.) 14 XII 1825 был в свите Николая I и жестоко избит при попытке вернуть к повиновению Гвардейский экипаж (Междоусарствие 1825 года и восстание декабристов. Гиз, 1926, стр. 24) 137, 141, 184, 246, 249, 260.

Биньон, Луи-Пьер (1771—1841), франц. политический деятель, историк и публицист. В эпоху директории и Наполеона — дипломат. При реставрации член партии „независимых“ либералов. Главный его труд „Histoire de France depuis 18 brumaire jusqu'en 1812“ (10 томов) очень ценен материалами дипломатического характера. Работа его, упоминаемая Тургеневым, носит название „Exposé comparatif de l'état financier, militaire, politique et moral de la France et des principales puissances de l'Europe“ (1814). Труды Биньона, резко критиковавшего политику европейских правительств, привлекли внимание декабристов (см. об этом у В. И. Семевского: „Общественные и политические идеи декабристов“. СПб, 1909 г., по указ.) 174.

Бистром, Карл Иванович (1770—1838), генерал, командующий пехотой гвардейского корпуса, или брат его, Адам Иванович (ум. 1828), генерал-майор, командир Павловского полка 184.

Блудов, Дмитрий Николаевич (1785—1864), литературно-одаренный и широко образованный человек, один из ближайших друзей Жуковского, вкусу которого последний доверял больше, нежели своему, и видный член „Арзамаса“. Начав службу в Коллегии иностранных дел, Блудов упорно и весьма успешно делал карьеру, благодаря тому, что отлично умел приспособляться к любым обстоятельствам и любым людям. Консерватор по убеждениям, он умел ладить и с либералами, ловко преподнося, когда это требовалось, мелочные уступки „новым веяниям“. В конце концов из него выработался типичный бюрократ николаевского времени, последовательно занимавший посты товарища министра народного просвещения, министра внутренних дел, министра юстиции, президента Академии Наук и председателя Комитета министров.

Резким поворотом в своей карьере Блудов был особенно обязан назначению сзоему на пост делопроизводителя Следственной комиссии по делу декабристов. Положение Блудова, друга многих декабристов, после 14 декабря оказалось весьма неловким и двусмысленным. Карамзин, бывший с Блудовым в коротких отношениях, незадолго перед смертью обратил на него внимание Николая I, в результате чего 28 февраля 1826 г. Блудов был „прикомандирован к Следственной Комиссии для составления общего о действиях оной донесения“. Смысл и содержание составленного им „Донесения Следственной комиссии“, представляющего собой скорее не официальный отчет, а литературное произведение, — хорошо известны. Наградю за это послужило назначение его товарищем министра народного просвещения 120, 182, 200, 204, 206, 209, 211—213, 219, 224, 232, 235, 244, 247, 249, 251, 256—258, 267, 339, 397, 403, 411, 458, 459, 485.

Блэкстон, Вильям (1723—1780), английский юрист. Вероятно, Тургенев говорит о его главном труде „Commentaries of the Laws of England“, Oxford, 1765—1768. Это был основной комментарий ко всем вопросам конституционного права Англии, надолго сохранивший свое значение 226, 234.

Блюхер, Гебгард-Лебрехт (1742—1819), прусский фельдмаршал, в 1813—1815 гг. главнокомандующий Силезской армией 119, 123, 371—373.

Боголюбов, Варфоломей Филиппович (178?—1842), воспитанник кн. А. Б. Куракина, числившийся при мин-ве иностранных дел. По отзыву Н. И. Греча, он был вором, сплетником, а возможно, что и шпионом. Несмотря на это, он сумел проникнуть в круг Арзамасцев, из которых особенно близок был с С. С. Уваровым 126, 135, 206, 269, 290, 300.

Божелли, франкфуртский книгопродавец 201.

Бок, банкир 316.

Бональд, Луи-Габриэль (1753—1840), франц. писатель и политич. деятель, видный теоретик и идеолог феодальной реакции и один из вождей ультра-роялистов. Тургенев упоминает, повидимому, его книгу „Pensées sur divers sujets et discours politiques“. Paris, 1817 210, 424.

Борель — см. *Фош-Борель*.

Бори, де-Сен-Венсан, Жан-Батист (1780—1846), знаменитый французский натуралист. Был в военной службе, в штабах Даву, Нея и Сульта. В 1815 г. был изгнан из Франции в числе других приверженцев Наполеона, поселился в Брюсселе и принял участие в редактировании „Nain Jaune réfugié“. Здесь с ним встречался и много беседовал С. И. Тургенев. В 1828 г. получил разрешение вернуться во Францию. Тургенев, очевидно, читал его „Justification de ma conduite et de mes opinions“, вышедшее первым изданием в 1815 г. 9 октября 1815 г. в „Journal des Débats“ была помещена рецензия на эту книгу. Автор рецензии готов, по его словам, верить, что Бори был скорее

слепым орудием в руках бонапартистов, чем их преступным соучастником, но считал необходимым защитить правительство Бурбонов от обвинений в реакции 189.

Борис, Боричка — см. *Тургенев, Б. П.*

Борк, актер немецкой труппы в Петербурге 194, 197, 247.

Брем, генерал-интендант 228.

Брис, комический и оперный актер французской труппы в Петербурге 187.

Брозин, Павел Иванович (1760—1845), полковник, флигель-адъютант Александра I. Был близок к кружку братьев Тургеневых. С Н. И. Тургеневым сблизился в Париже, где они в 1814 г. вместе посещали масонские ложи и „получали также вместе высшие степени“. В „Списке бывшим членам Великой провинциальной ложи“ в Петербурге, 1816 года, среди отсутствующих членов назван «Брозин — в свите его величества». В печатном списке членов той же ложи 1818 года упомянут „Павел Брозин в Париже, генерал-майор и кавалер в свите е. и. в-а“. Любопытно отметить, что этот же Брозин послужил источником известного слуха о принадлежности к масонству Александра I (В. И. Семевский. *Декабристы-масоны*. Мин. Годы, 1908, II, 12—13; III, 135). При отобрании в 1822 г. подписок о непринадлежности к масонским ложам, генерал-майор Брозин 2-й, „свиты его величества по квартирмейстерской части“, заявил, что он „принадлежал к нескольким ложам внутри России и вне оной, но наименования их не помнит“ (Русск. Старина, 1907, VI, 668) 168, 410.

Брузаско, сардинский посланник при русском дворе 326, 328.

Брум, Генри-Петер, барон (1778—1868), англ. политический деятель, физик и юрист. Один из основателей журнала „Edinburg Review“, виг, страстный противник рабства и торговли неграми. С 1810 г. (с перерывом 1812—1816 гг.) — член палаты общин. Был одним из наиболее влиятельных и горячих противников политики министерства тори и Священного союза и сторонником судебной реформы и эмансипации католиков. В процессе королевы Каролины в 1820 г. выступал ее защитником 463, 464.

Брюно, Матюрен, самозванец, выдававший себя за сына Людовика XVI (умершего в тюрьме и известного под именем Людовика XVII). Он нашел сторонников и даже писал письмо Людовику XVIII, требуя от него уступки отцовского наследства. 19 февраля 1818 г. осужден руанским судом на 5 лет заключения за самозванство и на 2 года за оскорбление суда 251.

Бубна-и-Литциц, Фердинанд, граф (1768—1825), австрийский фельд-маршал. Участник антифранцузских коалиций и усмиритель пьемонтской революции (1821 г.) 335.

Булаков, Константин Яковлевич (1782—1835), московский, а потом петербургский почт-директор (с 1819 г.) 112, 113, 119, 124, 126, 135, 138, 140, 237, 370, 379, 380, 453, 492.

Буллари, Марк Николаевич, граф, советник и исправляющий должность поверенного в делах русского посольства в Мадриде 269.

Бунзен, Христиан-Карл (1791—1860), видный дипломат и разносторонний ученый, изучавший в Геттингене историю под руководством Геерена 107.

Буссе, Иоанн-Генрих (1763—1835), почетный член Академии Наук, в 1800 г. назначенный пастором евангелической церкви в Петербурге, с титулами петербургского сенатора, консисториальрата и члена консисториального заседания Юстиц-коллегии. В 1819 г. Буссе издал для своих прихожан новый сборник духовных песен, вопрос о допустимости которого вызвал горячие споры. Александр I, найдя в книге Буссе „места, требовавшие пояснений к отнятию в них соблазнительного смысла, и таковые правила, каковые едва ли находятся в нравоучительных книгах, и мысли, кои не могут быть петы ни в каком благопристойном обществе“, отрешил Буссе от должности и приказал ему выехать за границу. Однако, есть указания на то, что действительной причиной выслаки Буссе был его либеральный образ мыслей. (Русск. Старина, 1870, II, 549, 557; Русск. Архив, 1889, II, 194, 334). Происшествие с Буссе вызвало реформу в управлении евангелическо-лютеранской церковью в России, выразившуюся в учреждении епископства и Генеральной консистории, в обязанности которой входило охранение церкви „от введения правил, уклоняющихся от христианской нравственности“ (Н. В. Варадинов. История министерства внутренних дел, т. II. СПб., 1859, стр. 627—631) 284, 286.

Бутенев, Аполлинарий Петрович (1780—1868), дипломат, впоследствии бывший чрезвычайным министром в Турции 194, 488.

Бутурлин, Дмитрий Петрович (1790—1849), военно-исторический писатель, с 1817 г. — флигель-адъютант. Друг М. Ф. Орлова и, возможно, один из участников „Ордена русских рыцарей“. Позднее Орлов, разоидясь с ним во взглядах, в письмах к нему подверг критике его „Военную историю походов Россиян в XVIII столетии“ („Декабристы и их время“, I, стр. 299—205). Рецензия на его книгу „Tableaux de la campagne d'automne en 1813 en Allemagne par un officier russe“, помещена в № 25 (от 25 июня) „Mercure de France“ (II, pp. 332—338). Автор рецензии, приписавший книгу Жомини, выражает изумление, зачем это последнему понадобилось скрывать свое имя. Впоследствии Бутурлин был сенатором, членом Госуд. совета, директором Публичной библиотеки, а в 1848 г. председателем ультрареакционного комитета по делам печати 235, 298.

Бюллер, Федор Яковлевич, барон, действ. стат. советник, чиновник для особых поручений при министре финансов 333.

Валленштейн, Юлий, колл. ассесор, чиновник коллегии иностранных дел, сверхштатный советник русского посольства в Мадриде 269.

Варвара Семеновна — см. *Путьятина*.

Варфоломей Филиппович — см. *Боголюбов*.

Васильчиков, Илларион Васильевич (1776—1847), генерал-адъютант, командир гвардейского корпуса 303, 304, 332, 433, 446, 449.

Вейдемейер, Иван Андреевич (ум. 1820), обер-прокурор синода, член Государственного совета, писатель. Ближайший друг семьи Тургеневых, постоянно упоминаемый в переписке И. П. Тургенева 98, 100, 341.

Велли — см. *Вилие Я. И.*

Веллингтон, Артур, герцог (1769—1852), главнокомандующий английскими войсками в 1813—1814 гг., победитель Наполеона I в битве при Ватерлоо, один из лидеров консервативной партии. По окончании войны Веллингтон стал главнокомандующим союзной армии во Франции, в которую входил русский корпус Воронцова, расположенный в Мобеже. В 1818 г. вошел в состав кабинета в качестве генерал-фельдцейхмейстера великобританской армии и поддерживал все репрессивные меры против рабочих. Говоря о „покушении“ на него, Тургенев имеет в виду заговор против Веллингтона, как одного из представителей реакции, раскрытие которого было одной из причин к изданию alien bill 234, 251.

Вестман, Илья Карлович, статс-секретарь иностранной коллегии 162, 170, 172, 178.

Витель, Филипп Филиппович (1786—1856), директор департамента иностранных исповеданий, член „Арзамаса“, автор известных „Записок“ 258, 259, 267, 397.

Вийе или, как его называли немцы, *Виллерс (Willers) Карл-Франсуа-Доминик* (1765—1815), французский философ. Во время революции эмигрировал в Германию, с 1811 г. профессор философии в Геттингенском университете. Переводчик и популяризатор Канта на французском языке 130.

Викснер, полковник, старший адъютант вел. князя Михаила Павловича. Друг С. И. Тургенева 290, 292.

Виллие, Яков Иванович, баронет (1765—1864), родом из Шотландии, с 1790 г. в русской службе полковым врачом. Вскоре приобрел обширную известность как хирург, так что уже в 1798 г. назначен был лейб-хирургом, а в 1809 г. президентом Медико-хирургической академии. Пользуясь неограниченным доверием Александра I, которого он сопровождал во всех путешествиях, Виллие произвел большие преобразования в ученой части военно-медицинского ведомства 243.

Вильдермет, уланский офицер, по аттестации Тургенева. Однако, в л.-гв. Уланском полку не было офицера, носившего эту фамилию 152, 163.

Вильсон, Роберт-Томас (1777—1849), англ. адмирал и писатель. В 1812—1815 гг. находился в русской службе и действовал против Наполеона. В 1816 г. за содействие побегу Лавалетта (см.) был предан с разрешения английского правительства французскому суду и приговорен к 3 месяцам тюрьмы 156, 183.

Винсбери, полковник, петербургский знакомый Тургенева 286.

Войков, Александр Федорович (1778—1839), известный литератор и журналист, редактор „Сына Отечества“ и „Русского Инвалида“. Товарищ Жуковского по Московскому унив. благородному пансиону, Войков в молодости был дружен с Тургеневыми, участвовал в провах Н. И. Тургенева в Геттинген, а затем, состоя в 1812—1814 гг. на военной службе, встречался с ним за границей 121, 358, 397.

Волков, Роман, академик исторической живописи (с 1808 г.), написал в 1811 г. портрет Александра I, признанный последним за самый схожий (Портрет М. И. Голенничева-Кугузова его работы см.: Д. А. Ровинский. Подробный словарь русск. гравир. портретов, т. I, стр. 576) 192.

Волконская, Зинаида Александровна, княгиня, урожд. княжна Белосельская-Белозерская (1792—1862), поэтесса и музыкантша. Ее литературный салон в Москве в 1820-х годах служил одним из центров литературной, художественной и артистической жизни. Была замужем за кн. Н. Г. Волконским (1781—1841), братом декабриста 232.

Волконский, Петр Михайлович, светлейший князь (1776—1852), генерал-фельдмаршал, министр императорского двора, один из ближайших друзей Александра I 114, 127, 134, 193, 246, 341, 439, 446, 449, 452.

Вольтер, Франсуа (1694—1778), знаменитый писатель XVIII в. Панглосс — действующее лицо повести Вольтера „Кандид или оптимист“, наставник героя повести. Повесть эта направлена против философского оптимизма, которым одно время был охвачен сам Вольтер 165, 366.

Воронцов, Михаил Семенович, граф (1782—1856), государственный деятель первой половины XIX в., в 1815—1818 гг. командовавший оккупационным корпусом во Франции. По политическим взглядам — консерватор английского типа. С. И. Тургенев с 1/IX 1815 состоял при нем по дипломатической части и заведывал ланкастерской школой в Мобеже 138, 139, 141—144, 153, 158, 173, 227, 236, 259, 262, 266, 269, 281, 292, 298—300, 302—304, 306, 307, 309, 316, 322, 332, 334, 344, 360, 380, 382, 387, 392, 393, 399, 401, 416, 419, 420, 422, 425, 431—434, 444, 451.

Воронцов-Дашков, Иван Илларионович, граф (1790—1854), камергер, состоял сверх штата при посольстве во Франкфурте на Майне 156—158, 161, 190.

Воронцова-Дашкова, Ирина Ивановна, графиня, урожд. Измайлова (1768—1848), мать предыдущего и сестра кн. Е. И. Голицыной 193.

Вронченко, Федор Павлович (1779—1857), будущий бесславный министр финансов, а тогда вполне заурядный чиновник-выскочка и хвостун („Вральченко“, как называет его Тургенев) 197, 313.

Всеволожский, Николай Сергеевич (1772—1857), с 1808 г. вице-президент московского отделения Медико-хирургической академии, потом тверской губернатор. В 1809 г. он завел в Москве свою типографию, в которой французы в 1812 г. печатали свои прокламации и бюллетени. Французская актриса Луиза Фюзиль, жившая в Москве, говорит, что Всеволожский выделялся среди русских „своим умом и знаниями, приобретенными в путешествиях по Европе и Азии“ (L. Fusil. Souvenirs d'une actrice. Paris, 1841, t. II, p. 261). „Dictionnaire géographique-historique de l'empire de Russie“ был отпечатан Всеволожским в его собственной типографии в 1813 г. В предисловии к своей работе он говорит, что она написана на французском языке, так как ее задача — ознакомление Европы с Россией, население которой, „масса, всегда растущая и влияющая благодаря своему географическому положению на судьбу всех народов Европы и Азии“. Книга содержит в себе политические и статистические таблицы, описание старых и новых мест, городов, крепостей, их географического положения, истории, промышленной жизни, торговли, климата, населения, обычаев и религии. Упоминаний об этой работе мы нигде не нашли. Но о другой его работе („Путешествие через южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париж в 1836—1837 гг.“) есть рецензия П. А. Плетнева, в которой автор назван „знатоком древне-классической литературы“, опытным и осторожным наблюдателем (П. А. Плетнев. Сочинения и переписка, 1885, II, стр. 277) 189, 205.

Вяземская, Вера Федоровна, княгиня, урожд. княжна Гагарина (1790—1886), жена поэта 223.

Вяземский, Петр Андреевич, князь (1792—1878), поэт и критик, деятельный член „Арзамаса“, один из ближайших друзей Пушкина. В 1818—1821 гг., служа в канцелярии Н. Н. Новосильцова в Варшаве, участвовал в выработке проекта русской конституции. „Либеральный дух“, обнаруженный в его перлюстрированных письмах, явился поводом к увольнению его от службы и установлению за ним секретного надзора полиции. С 1830-х гг. изменил либеральному образу мыслей и вновь пошел на государственную службу. В 1855—1858 гг. занимал пост товарища министра народного просвещения и заведывал цензурой. Был очень близок со всеми братьями Тургеневыми, в особенности с Александром, переписка с которым напечатана в издании „Остафьевский архив“ 223, 274, 303, 308, 321, 388, 397, 398, 422, 424, 431, 432, 434, 441, 442, 444, 485, 488, 492, 494.

Вязмитинов, Сергей Козьмич, граф (1749—1819), военный министр с 1802 и петербургский главнокомандующий с 1805 г., впоследствии совмещавший эту должность с должностью министра полиции 193, 298, 303.

Габбе, Михаил Андреевич (род. 1794), полковник 16-го егерского полка, ранее служил в л.-гв. Литовском полку. Привлекался к делу декабристов в виду полученных следственной комиссией указаний на то, будто он был принят М. А. Фонвизиним в Союз Благоденствия. За недостатком улик освобожден от ответственности (Алфавит декабристов, стр. 60—61, 301) 153, 155, 157, 160, 173, 179, 187.

Гагарин, Григорий Иванович, князь (1782—1837), товарищ В. А. Жуковского и А. И. Тургенева по Моск. университетскому пансиону, причастный к литературе, автор сборника „Эротические стихотворения“ (СПб., 1811), почетный член „Арзамас“ и Академии Художеств. Будучи дипломатом, он сделал довольно значительную карьеру. В 1806 г. состоял при посольстве в Константинополе сверх штата, в 1808 г. секретарем русского посольства в Париже, потом полномочным министром в Турине и Мюнхене, с 1816 г. был советником русского посольства в Риме, а затем там же чрезвычайным посланником. Жена его, Екатерина Петровна Гагарина, ур. Соймонова (1790—1873), родная сестра С. П. Свечиной и приятельница А. И. Тургенева, под влиянием сестры перешла в католичество 158, 162, 176, 178, 180—183, 185, 188—190, 192, 193, 197, 198, 204, 227, 253, 300, 305, 313, 494.

Гаген, барон, чиновник 196.

Гаёте, дус — см. *Годен*.

Галич, Александр Иванович (1783—1843), воспитанник Петербургского педагогического института, в 1808 г. в числе лучших студентов отправленный за границу для приготовления к профессорской кафедре по философии. Пробыл за границей до 1813 г. и там увлекся шеллингианством. Впоследствии недолгое время был профессором российской и латинской словесности в Царскосельском лицее (близко сойдясь там с юношей Пушкиным). Затем стал профессором новооткрытого Петерб. университета, который, однакож, в 1821 г. вынужден был оставить, будучи обвинен Руничем в атеизме и дискредитировании власти 93.

Ган, Александр Иванович, чиновник коллегии иностранных дел, состоявший при кн. П. Б. Козловском и пользовавшийся большими симпатиями Тургенева 202, 209.

Ган, Иван Иванович, отец А. И. Гана 209.

Ганеман, Ф. К., преподаватель латинского языка в Москве, у которого брали уроки братья Тургеневы. Н. И. Тургенев считал его знающим и способным педагогом (Дневники, I, 359). Он и позднее поддерживал с Ганеманом дружеские отношения 197, 237, 239, 286.

Гарденберг, Карл-Август, князь (1750—1822), прусский государственный канцлер, явившийся с 1810 г. преемником Штейна по высшему руководству всеми делами Пруссии 185, 246.

Ганиль, Шарль (1758—1836), франц. политический деятель и экономист, либерал. В 1815—1823 гг. — член палаты депутатов. Труды его не имели серьез-

ного научного значения, но способствовали распространению экономических знаний. Брошюра его, упоминаемая Тургеневым в письме от 6 января 1816 г., — „*Considérations sur la situation financière en France*“, очень понравилась Тургеневу. В дневнике от 5 янв. 1816 г. он записал: „*Ganilh* восстает против податей при переходе имений из рук в руки. Он справедливо замечает, что они падают не на доход, а на капитал. В особенности он хулит сию подать при продаже имений с публичного торга или при конкурсе, дабы подать не причинила более вреда плательщику, нежели сколько ей убытка причинять позволено. Можно напротив того возвысить сию подать с наследств, достоящихся дальним родственникам, побочным детям в особенности, с даровых имений, с продажи мужа жене и т. п.“ (Дневники, II, 309). В полном согласии с этим Тургенев в „Опыте теории налогов“ высказывается за освобождение от налога имений, переходящих от отца к детям, продающихся при конкурсе, и напротив за повышение налога с наследств, переходящих к дальним родственникам, и с даровых имений. Сочувственно цитируя брошюру Ганиля, Тургенев называет его „одним из новейших политических писателей“ (Опыт теории налогов. СПб., 1818, стр. 115—122) 153, 242, 244, 254, 412.

Гарнье, Герман (1754—1821), французский экономист и политический деятель 182.

Геиман, прусский комиссар во Франкфурте 157.

Геде, Христиан-Август-Готлиб (1774—1812), с 1807 г. профессор уголовного права в Геттингенском университете. Параллельно читал курсы церковного права, юридического и политического красноречия и др. Н. И. Тургенев высоко оценивал Геде и еще в 1810 г. писал брату Александру, что он „читает очень хорошо“ (Дневники, I, 396); впоследствии в 1820-х годах он пользовался записями лекций Геде при своих научных занятиях, а еще позднее, в своей „*La Russie et les Russes*“, аттестовал его великолепным лектором и выдающимся ученым (I, 560) 338, 349, 361, 363.

Геерен (Heeren), Арнольд (1760—1842), известный немецкий историк, бывший профессором философии и истории в Геттингенском университете, посвятивший себя преимущественно изучению торговых сношений древних народов. В 1809 г. напечатана была его книжка: „*Johann v. Müller der Historiker*“, посвященная немецкому историку, романисту и поэту Иоганну-Мартину Миллеру (1750—1814), примыкавшему к так наз. геттингенскому союзу поэтов. В 1810 г. Жуковский писал А. И. Тургеневу: „Я читал уже Гереново сочинение о Миллере... Герен мне очень нравится. Просто, но дельно пишет“ (Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895, стр. 69). Книга Геерена о Геремском Союзе „*Der Deutsche Bund in Verhältnissen zu dem Europäischen Staatensystem*“ 98, 107, 112, 118, 180, 182, 184, 209, 361, 399, 400.

Гезелиус, геттингенский приятель Н. И. Тургеневы (см. Дневники, I, 245) 112.

Георг IV (1762—1830), сын Георга III, с 1811 г. — принц-регент, а с 1820 г. король Англии 212, 401, 440.

Герке, московский приятель Тургеневых, „малый умный и веселый“, по отзыву Н. И. Тургенева (Дневники, II, 210) 326.

Геррес, Иоанн-Иосиф (1776—1848), нем. общ. деятель. В молодости поклонник французской революции и сторонник присоединения к Франции левого берега Рейна, в эпоху Наполеона стал вместе с Арндтом поборником освобождения и объединения Германии. В 1814—1816 гг. — редактор „Rheinischer Merkur“. Книга его „Deutschland und Revolution“ (Кобленц, 1819) была запрещена, а он привлечен к ответственности 295, 430.

Гнедич, Николай Иванович (1784—1833), поэт, переводчик „Илиады“ Гомера 208.

Гёде — см. *Геде, Х.-А.-Г.*

Годен, Мартин (1756—1844), франц. финансист и полит. деятель. При директории — генеральный комиссар почт. После 18 брюмера и до падения Наполеона — министр финансов, причем в эпоху „Ста дней“ снова занял этот пост. Способствовал восстановлению франц. финансов, проводя систему комбинирования прямых и косвенных налогов. Получил от Наполеона титул duc de Gaëte. В 1815—1819 гг. — член палаты депутатов 153, 163.

Гогарт, Вильям (1697—1764), англ. живописец 108, 465.

Голенищев-Кутузов-Смоленский, Михаил Илларионович, св. князь (1745—1813), фельдмаршал. (О портрете его, работы Р. Волкова, см. выше, стр. 523) 109, 192.

Голенищев-Кутузов, Павел Васильевич, граф (1772—1848), генерал-адъютант, приближенный Николая I. После смерти М. И. Милорадовича — С.-Петербургский военный генерал-губернатор. Участник убийства Павла I 202.

Голенищев-Кутузов, Павел Иванович (1767—1829), сенатор и бездарный стихотворец, автор множества торжественных од. Во времена Павла I назначенный куратором Московского университета, он своим обскурантизмом вписал весьма мрачную страницу в историю русского просвещения. Отношение братьев Тургеневых к Кутузову осложнялось еще недоразумениями, происшедшими между ним и их отцом, бывшим во времена его кураторства директором Московского университета. Андрей Тургенев, в своем Дневнике зло клеймивший Кутузова за пресмыкательство перед Павлом, запечатлел его в эпиграмме:

О, как священная Религия страдает:
Вольтер ее бранит, Кутузов — защищает.

Несомненно, что сватовство Михайловского-Данилевского к дочери Кутузова также отразилось на охлаждении Н. Тургенева к старому другу (ср. ниже, стр. 551) 202.

Голицын, Александр Николаевич, князь (1773—1844), личный друг Александра I, в 1816—1824 гг. обер-прокурор синода и министр народного

просвещения и духовных дел, памятный ханжеством и обскурантизмом. В молодости вольтерянец, впоследствии — мистик, учредитель и президент Библейского общества. Содействовал изгнанию из России иезуитов, почему и был назван Тургеневым „русским Помбалем“ 155, 243, 291, 399, 415, 418, 426, 430, 458.

Голицын, Василий Сергеевич, князь (1794—1836), товарищ С. И. Тургенева по масонской ложе („Русск. Архив“, 1865, стр. 495—496), в 1815—1817 гг. поручик Смоленского драгунского полка и адъютант гр. М. С. Воронцова 334.

Голицын, Дмитрий Владимирович, князь (1771—1840), Московский генерал-губернатор 322, 493, 498.

Голицын, Сергей Михайлович, князь (1774—1859), известный богач и вельможа. Женат был на Е. И. Измайловой 118.

Голицына, Аделаида Павловна, княгиня (1790—1882), дочь гр. П. А. Строганова, с 1821 г. жена кн. В. С. Голицына 334.

Голицына, Евдокия Ивановна, княгиня, урожд. Измайлова (1780—1850), хозяйка одного из наиболее блестящих петербургских салонов, литературно-образованная женщина, слышавшая крайней патриоткой. Она была известна под именем „ночной княгини“ („Princesse Nocturne“), потому что гости, собираясь у нее поздно вечером, засиживались до утра. К числу ее многочисленных поклонников принадлежали Пушкин и М. Ф. Орлов 193.

Головин, Николай Николаевич, граф (ум. в 1821), обер-шенк и член Государственного совета, заменивший в 1818 г. Н. С. Мордвинова на посту председателя департамента экономии. Светский и малообразованный человек, он, по словам Н. И. Тургенева, „приступая к исполнению своих обязанностей, находился в довольно затруднительном положении, так как не искусился в делах, подобно старому адмиралу“. В конце концов, Головин предоставил Тургеневу работать почти вовсе самостоятельно. „На сих днях умер гр. Головин, оставив после себя около 7 миллионов долгов, — записывал Н. И. Тургенев, 1 VI 1821. — Кредиторы не получают всех своих денег. Надеются, что имение его будет куплено в Удельный департамент“ (Дневники, III, 268) 280, 290, 334, 336, 341.

Голохвастов, Дмитрий Павлович (1796—1849), двоюродный брат А. И. Герцена. Начал службу в коллегии иностранных дел. Впоследствии попечитель Московского учебного округа, прославившийся как охранитель и обскурант 293—295.

Горчаков, Алексей Иванович, князь (1769—1817), генерал-от-инфантерии, сенатор, в 1812—1815 гг. управляющий военным министерством, потом член Государственного совета. 16 IX 1817 г. Н. И. Тургенев записывал: „В прошедшем заседании общего собрания Государственного совета читаны донесения Комиссии, вследствие коих Горчаков, Молчанов с кучею мелкопоместных хамов отданы под суд... Ужасный ход дел. Важнейшие люди обви-

няются во взятках, и к тому же все им с рук сходит, кроме награбленных денег и наворованных аренд" (Дневники, III, 60). Горчаков умер 12 ноября, т. е. не дождавшись конца разбирательства, в котором Н. И. Тургенев принимал ближайшее участие 230, 234, 240, 243.

Граббе, Павел Христофорович (1798—1875), участник войны 1807—1812 гг., адъютант А. П. Ермолова, в 1812—1813 гг., позднее полковник сперва Лубенского драгунского, затем Северского конно-егерского полка. Близкий товарищ М. А. Фонвизина и И. Д. Якушкина, он в 1818 г. принят был в Союз Благоденствия, в котором играл значительную роль, но после 1821 г. уклонился от активного участия в тайном обществе. Арестованный 18 XII 1825 г. в месте расположения своего полка, Граббе доставлен был в Петербург и содержался на городском карауле, откуда по выс. повелению 2 I 1826 г. был освобожден, но на следующий день вновь арестован по приказу И. И. Дибича (Декабристы и их время, т. II, М., 1932, стр. 391). По докладу Следственной комиссии, 18 III 1826 г. Николай распорядился подвергнуть Граббе заключению в крепости на 4 месяца. Граббе содержался в Динамюндской крепости и 19 VII 1826 г. освобожден и обращен на службу в тот же полк (Алфавит декабристов, стр. 73) 211, 446, 467.

Грегуар, Анри (1750—1831), священник, франц. политический деятель, член Учредительного собрания и Конвента, республиканец. В 1791 г. избран епископом, работал для сближения церкви с революцией, инициатор закона об отделении церкви от государства. После заключения конкордата с Римом сложил с себя сан. При Наполеоне — сенатор, голосовал в 1804 г. против провозглашения империи. В брошюре о сенатской конституции „De la Constitution française de l'an 1814“ он критиковал эту конституцию за недостаточно ярко выраженный принцип народного суверенитета и настаивал на избирательном принципе в отношении сената 126.

Грей, Мартин, либеральный французский депутат 248, 414, 415.

Греч, Николай Иванович (1787—1867), журналист, писатель и педагог, автор известных учебных руководств по русской грамматике и литературе. Редактор и издатель журнала „Сын Отечества“, основанного им в 1812 г., который, соответственно „духу времени“, отражал националистически-франкофобские настроения дворянской и буржуазной общественности. Однако, по окончании войны, журнал быстро перестроился, в известной мере превратившись в рупор будущих декабристов, с другой стороны, энергично поддерживая литераторов, группировавшихся вокруг „Арзамаса“ в их литературных боях с „шишковистами“. В этот период „Сын Отечества“ был наиболее влиятельным и передовым журналом. Наряду с Пушкиным, Жуковским, Вяземским, Батюшковым и др., в нем печатались многие будущие декабристы: Рылеев, А. и Н. Бестужевы, Н. Муравьев, Батеньков, Кюхельбекер, Глинка, Корнилович. Сам Греч в этот период был тесно связан с Союзом Благоденствия, организовывал и руководил солдатскими школами взаимного обучения. Впоследствии, однако, революционное движение в петербургской гвардии 1820—1821 гг. (из-за которого Греч едва не пострадал, будучи заподозрен в авторстве солдатских про-

кламаций) и, особенно, декабрьские события 1825 г. и последовавшее за ними усиление цензурно-полицейских репрессий отбросили Греча в лагерь официально-консервативной журналистики, сделав из него беспринципного литературного дельца и агента III отделения 192, 208, 211, 218, 221, 223, 225, 240, 260, 265, 276, 399, 417, 426.

Гротуэ, геттингенский приятель Н. И. Тургенева 112.

Грунер, Юстус, воспитанник Геттингенского университета, прусский государственный деятель, непримиримый враг Наполеона. В 1806—1807 гг. был начальником берлинской полиции, а затем заведующим тайной полицией. Поддерживал тесную связь с прусскими патриотами. После франко-прусской конвенции 1812 г. вышел в отставку. Состоял при Штейне в Австрии (см.: М. Вишницер. Барон Штейн и Н. И. Тургенев. Мин. Годы, 1908, VII, 251) 131, 185.

Гуго, Густав (1764—1844), профессор Геттингенского университета, во времена Тургенева читавший курсы римского права, естественного права и Code Napoléon, основоположник исторической школы в юриспруденции. В 1809 г. Тургенев записывал, что Гуго „читает хорошо, но слишком, так сказать, мямлет... Думаю, что для Гуго нечувствителен будет недостаток в студентах; ему, который был главною причиною всех несчастий, постигших род студенческий“ (Дневники, I, 225). Последнее замечание находится в явной связи с выразительным упоминанием Тургенева о „харе Гуго“, но в чем заключалась вина Гуго перед студентами — остается нерасшифрованным. Впоследствии Тургенев вспоминал, что Гуго натолкнул его на мысль о предпочтительности оброчного труда по сравнению с барщинным 94, 97, 161, 361.

Гунт, т. е. *Гёнт, Джемс-Генри-Лей* (1784—1859), англ. писатель и политический деятель, либерал 128, 464.

Гурьев, Александр Дмитриевич, граф (1784—1865), старший сын министра финансов, тогда генерал-майор, впоследствии председатель Департамента государственной экономии Государственного совета. В то время, состоя при дивизионном начальнике 1-й гренадерской дивизии, Гурьев находился вместе с С. И. Тургеневым в Мобеже 113, 169, 184, 221.

Гурьев, Василий Петрович, прокурор в Туле 230, 236.

Гурьев, Дмитрий Александрович, граф (1751—1825), бездарный и, повидимому, недобросовестный чиновник, благодаря придворным связям и сближению с кружком „молодых друзей“ назначенный в 1802 г. товарищем министра финансов. В дальнейшем покровительство Сперанского привело Гурьева в 1810 г. на пост министра финансов. Приняв в крайне тяжелом положении финансовое хозяйство страны, разоренное непрерывными войнами, Гурьев еще усугубил назревший кризис, ограничившись попрежнему введением новых и повышением старых налогов и безотчетным печатанием ассигнаций. Несизменное заступничество всеильного Аракчеева служило Гурьеву щитом против

непрекращавшихся нападков на него в Государственном совете. И только утратив симпатию Аракчеева, он в 1823 г. вынужден был выйти в отставку 115, 180, 221, 279, 285, 294, 297, 307, 309, 315, 337, 405.

Густав Андреевич — см. *Розенкампф*.

Дабелов, Христофор Христианович (1768—1830), профессор права в Галле и Дерпте, автор ряда трудов по германскому праву и его источникам. В 1814—1816 гг. напечатал ряд политических брошюр (главным образом о германском союзе и его конституции). О сожжении одной из них геттингенскими студентами ничего не известно 161.

Давид, Жак-Луи (1748—1825), знаменитый французский исторический живописец. Член Конвента, вотиравший смертную казнь Людовику XVI, близкий друг Робеспьера, только благодаря своей громкой славе сохранивший голову после падения Робеспьера, наконец, привилегированный живописец Наполеона I, Давид после реставрации как „царубийца“ был изгнан из Франции и поселился в Брюсселе. Н. И. Тургенев довольно сдержанно относился к творчеству Давида (Дневники, II, 48, 55) 234.

Данези, банкир 349, 351, 452, 453.

Данилевский — см. *Михайловский-Данилевский, А. И.*

Данте, Алигьери (1265—1321), великий итальянский поэт, автор „Божественной Комедии“ 253.

Дашков, Дмитрий Васильевич (1784—1839), воспитанник Московского унив. благор. пансиона, начавший службу с 1801 г. в архиве иностранной коллегии. Автор нескольких критико-полемических статей, направленных против А. С. Шишкова и его школы, Дашков принадлежал к числу основателей и деятельнейших членов „Арзамаса“. С 1817 г. служил вторым советником при посольстве в Константинополе, а в январе 1820 г., был командирован обозрывать и устраивать русские консульства в Леванте. Впоследствии министр юстиции 204, 211, 220, 294, 296, 314, 338, 376, 397, 458.

Деказ, Эли (1780—1860), франц. политический деятель. В 1811 г. — член парижского апелляционного суда и секретарь матери Наполеона. В 1814 г. — сторонник Бурбонов, потом фаворит Людовика XVIII, министр полиции в первом кабинете Ришелье. Деказ действовал сначала в духе реакции, но потом, придя к убеждению, что реакция неизбежно привела бы к революции, стал склоняться к сближению с левым центром и уговорил короля распустить „бесподобную“ палату, чем навлек на себя ненависть ультрароялистов. После отставки Ришелье в конце 1818 г., он в качестве министра внутренних дел в кабинете Дессоля стал фактическим главой правительства, опиравшегося на левый центр. Под влиянием успехов либералов Деказ повернул направо и в ноябре 1819 г., сформировав новый кабинет, стал готовить изменение избирательного закона в реакционном духе, но расположения реакционеров не

спискал и после убийства герцога Беррийского в феврале 1820 г. был уволен в отставку и назначен послом в Англию 206, 219, 275, 280, 390, 425, 428, 433, 435.

Делиль, Жак (1730—1813), французский классический поэт, при жизни слышавший светилом французской поэзии, но вскоре развенчанный, особенно после появления романтиков 182.

Делольм, Жан-Луи (1740—1806), швейцарский публицист 189, 395.

Деманж, Иван Францович (1780—1845), профессор арабского языка в Петербургском университете и Институте восточных языков мин-ва иностранных дел. Он не оставил ни одного печатного труда, что дало право историку востоковедения утверждать, что он „не питал никакой любви не только к своей специальности, но и вообще к научным занятиям“ (Н. И. Веселовский. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. СПб., 1878). С другой стороны, существует известие, что он был прекрасным преподавателем (В. В. Григорьев. С.-Петербургский университет, стр. 21) 254, 418.

Демидов, Алексей Петрович (ум. 1854), полковник 121, 328, 333.

Ден, банкир и купец в Альтоне 112, 125, 127.

Десез, Ромэн (1748—1828), адвокат и судебный деятель, один из защитников Людовика XVI на суде. В эпоху конвента, Директории и Наполеона — тайный агент Бурбонов во Франции. С 1815 г. — пэр Франции 317, 442.

Дмитриев Иван Иванович (1760—1837), поэт, друг и единомышленник Карамзина, один из основоположников сентиментальной школы в России. Видный государственный деятель, до 1814 г. бывший министром юстиции (О „профанировании“ им Тальма см. стр. 565) 96, 228, 270, 357, 492.

Дмитриев-Мамонов, Матвей Александрович, граф (1790—1863), сын генерал-адъютанта и фаворита Екатерины II, отставной генерал-майор, участник войны 1812 г. Совместно с Н. И. Тургеневым и М. Ф. Орловым проектировал в 1817 г. организацию „Ордена русских рыцарей“, затем член Союза Благоденствия, автор проекта республиканской конституции, проникнутой крайним аристократизмом. В 1817 г. заболел душевным расстройством и переселился в деревню, отчего и избежал привлечения к делу декабристов. В „Алфавите декабристов“ о нем сказано: „Был в числе членов Союза Благоденствия, но никто не показал, чтобы он принадлежал к тайным обществам, возникшим впоследствии. Генерал-майор Орлов присовокупил, что он с Мамоновым в 1817 г. составлял план учреждения Тайного Общества, под именем Русских Рыцарей, для сопротивления лихоимству и другим беспорядкам, но когда узнал, что уже подобное общество заведено, оставил свое намерение. Мамонов оказался в сумасшествии. В бумагах же его найден проект республиканской конституции“ (Алфавит декабристов, стр. 122) 297, 431.

Добржанский, белорусский помещик, чиновник министерства полиции 298.

Долгоруков, Сергей Николаевич, князь (1770—1829), ген.-от-инфантерии, дипломат, писатель. В 1811—1812 гг. был посланником в Неаполе, затем командовал пехотным корпусом 109, 205, 297, 299, 306.

Дружинин, член Совета комиссии составления законов 310.

Дубовик, Илья Семенович, чиновник мин-ва иностр. дел 213.

Disc de Gaëte — см. *Годен*.

Дюнойе, Бартеlemi-Шарль (1786—1862), франц. экономист, помощник Конта по редактированию „*Censeur*“, видный деятель либеральной партии эпохи реставрации. В политической экономии он был последователем Ж.-Б. Сея, всю жизнь защищая капиталистический строй 255, 388.

Дюпон-де-л'Эр (Dupon de l'Eur), Жак-Шарль (1767—1855), франц. политический деятель. При Наполеоне председатель суда и член Законодательного корпуса. Член палаты депутатов во время первой реставрации и во время Ста дней. Противник вторичной реставрации Бурбонов, с 1817— депутат, примыкал к левому крылу „независимых“. В 1820—1823 гг. принимал участие в заговорах против Бурбонов. Пользовался большой популярностью в кругах средней и мелкой буржуазии 276.

Дюфур, Селим (ум. 1872), издатель газеты „*Journal de St. Petersbourg*“ и французский книгопродавец в Петербурге 253.

Екатерина II Алексеевна (1726—1796), русская императрица с 1762 г. 106, 245, 267, 385.

Екатерина Павловна (1788—1819), великая княгиня, сестра Александра I, с 1809 жена принца Георга Ольденбургского 170.

Елизавета Марковна — см. *Оленина*.

Ермолов, Алексей Петрович (1772—1861), генерал-от-артиллерии, пользовавшийся широкими симпатиями среди радикально настроенного офицества. Назначение его в 1817 г. в Грузию приписывалось отчасти стремлению правительства удалить его из Петербурга 181, 300, 334, 347, 349, 419, 452.

Ждановский, секретарь Московского архива иностранных дел, „тихий человек, который ни перед кем пикнуть не смел“ (Вигель. Записки, I, 163) 257.

Жерве, Андрей Андреевич (1773—1832), предшественник Тургенева на посту начальника III отделения министерства финансов. Начав службу в армии и потом перейдя в мин-во финансов и состоя при главной армии, командирован был сперва в Голландию, а потом в Германию и Францию. Возвратившись в 1816 г. в Россию, Жерве в следующем году назначен был управляющим III отделением мин-ва финансов, но болезненное состояние заставило его

в 1819 г. подать в отставку. 30 апреля он получил бессрочный отпуск с сохранением содержания и выехал за границу. Тогда же, 30 апреля, А. И. Тургенев писал Вяземскому: „Сегодня, вероятно, брат вступит в министерство финансов, управляющим третьим отделением, на место Жерве, который за болезнью должен оставить эту должность, становящуюся важнее со дня на день по всем иностранным сношениям и присоединенным к сему отделению из других департаментов делам. Брат долго не хотел принимать должности по министерству финансов, но граф Нессельроде был его на сей раз счастливым негоциатором. Министр финансов сказал брату столько лестного, что ему нельзя было уже более на него сердиться, и он сдался“ (Остафьевский Архив, I, 225) 115, 116, 138, 150, 152, 157, 162, 163, 169, 177, 180, 182, 279, 280, 282.

Жихарев, Степан Петрович (1787—1860), страстный театрал и автор известных записок (переизданы в 1934, под ред. С. Я. Штрайха). С 1806 г. служил в Коллегии иностранных дел, а с 1812 г. — в Канцелярии статс-секретаря П. С. Молчанова для занятий по Комитету министров и Комиссии прошений. Кроме того, был правителем дел Театрального комитета. В Петербурге постоянно вращался в театральных и литературных кругах, поддерживал тесную связь с А. А. Шаховским, был членом „Беседы любителей русского слова“, но потом примкнул к арзамасцам, с которыми, впрочем, был связан не столько родством литературных взглядов, сколько тесными личными отношениями. С братьями Тургеневыми Жихарев был даже сродни, а с Александром и учился вместе в университетском пансионе. Он поддерживал с ними оживленную переписку, частью сохранившуюся в Архиве Тургеневых (некоторые письма Жихарева к А. И. и Н. И. Тургеневым собраны во II томе назв. издания его „Записок“) 120, 129, 130, 179, 199, 206, 215, 218, 220, 224, 234, 235, 243, 246, 249, 397, 483, 495.

Жолливе, член французской палаты депутатов в 1815—1818 гг. Не принадлежа ни к какой группе, обычно выступал в согласии с большинством и потому часто противоречиво. По законопроекту о злоупотреблениях печати он произнес речь в реакционном духе 246.

Жомини, Генрих Вельяминович, барон (1779—1869), генерал русской службы, выдающийся писатель по вопросам военного искусства. Впоследствии был директором Николаевской академии генерального штаба 235.

Жордан, Камилл (1771—1821), французский политический деятель. Первоначально горячий сторонник революции, по мере ее развития менял позиции и в период якобинской диктатуры эмигрировал. По возвращении сошелся с монархистами, сторонниками английской конституции, и защищал эти взгляды в Совете пятисот и в брошюре 1802 г. против Наполеона. Член палаты депутатов с 1816 г., принадлежал к группе левого центра (доктринерам) и обычно поддерживал умеренно-роялистское министерство, но иногда критиковал его, когда оно уклонялось вправо. Речь его в заседании 13 декабря 1817 г. о свободе печати была направлена против министра юстиции, garde des sceaux (хранитель или страж печати, „страж дураков“, по определению Тургенева), Пакье. Последней, защищая законопроект, утверждал, что в Англии только с 1791 года,

после парламентских дебатов между Фоксом и Питтом, продолжавшихся несколько лет, прошел закон о подсудности преступлений печати суду присяжных, что, по его мнению, неприменимо к Франции, где суд присяжных судит лишь уголовные преступления (*Moniteur universel*, vol. 57, p. 1372). Жордан отвечал на это: „Вам изобразили билль, предложенный Фоксом, как важную законодательную реформу, но он был лишь разъяснением закона в смысле, соответствующем наиболее древнему его толкованию. . . Здесь предполагали, что Питт возражал против этого билля, но он говорил в его защиту“ и т. д. По словам Жордана, суд присяжных для английского народа стал „политическим таинством“ (*ibid.*, p. 1389). Жордан голосовал все же за законопроект, но с существенными поправками 246, 339.

Жоффруа, Юлиан-Луи (1743—1814), знаменитый французский критик. С 1800 г. и до смерти вел отдел театральной критики в „*Journal des Débats*“, переименованном в 1805 г. в „*Journal de l'Empire*“. В статьях своих он резко критиковал Тальма, превозносил второстепенных актеров. Рассказывали, что, выведенный из себя, Тальма дал ему пощечину 100.

Жуковский, Василий Андреевич (1783—1852), поэт и переводчик, один из крупнейших представителей школы русского сентиментализма. Сближение его с Тургеневыми связано с четырехлетним пребыванием Жуковского в Московском университетском пансионе, куда он был помещен в 1797 г. и где постоянно проводил время в семье директора пансиона, И. П. Тургенева. Позднее он поддерживал тесную связь с братьями Тургеневыми, в особенности с Александром Ивановичем. (Подробно см. во вступит. статье, стр. 30—31) 137, 169, 177, 205, 206, 208, 209, 211, 213, 218, 220, 224, 229, 232, 234—236, 249, 274, 297, 314, 358, 385, 397, 458, 462, 483—486.

Завадовский, Александр Петрович, граф (1794—1845), сын екатерининского фаворита, камер-юнкер, приятель Грибоедова и Пушкина. Дуэль Завадовского с Шереметевым (см.) произвела огромное впечатление в Петербурге уже по одному тому, что к делу причастно оказалось несколько выдающихся людей. Центром, вокруг которого завязался весь клубок, была прославленная петербургская танцовщица Авдотья Ильинишна Истомина, игравшая заметную роль в жизни литературно-великосветской молодежи. С начала 1816 г. Истомина жила с штабс-ротмистром Кавалергардского полка Василием Васильевичем Шереметевым, но в начале ноября 1817 г., после ссоры, уехала от него, чем и решил воспользоваться увлекавшийся ею Завадовский. Живший вместе с ним Грибоедов, как-то после спектакля привез Истомину к нему, о чем стало известно Шереметеву, вызвавшему обидчика на дуэль. Этим дело не кончилось. К числу друзей Шереметева принадлежал будущий декабрист Александр Иванович Якубович, тогда корнет л.-гв. Уланского полка, известный бреттер и повеса. Он, в свою очередь, вызвал на дуэль Грибоедова, как инициатора интриги. К числу секундантов принадлежал и П. П. Каверин. Дуэль состоялась 12 ноября. Первым выстрелом Шереметев задел сюртук Завадовского. Каверин уговаривал Завадовского пощадить Шереметева, но он нанес Шереметеву смертельную рану в живот, от которой тот на следующий день скончался. Дуэль между Грибоедовым и Якубовичем не могла состояться, так

как надо было отвезти в город умирающего (Н. К. Пиксанов. Сочинения Грибоедова, т. I, стр. XXVII). Завадовский был выслан за границу и несколько лет провел в Англии. Потом, с 1826 г. он состоял на особом учете тайной полиции как лицо не вполне политически благонадежное и крупный игрок. Истомина, Грибоедов и Каверин остались безнаказанными, хотя и привлекались к следствию, а Якубович, уже ранее того предназначенный к переводу в армию, был арестован и потом отправлен на Кавказ, где стяжал громкую славу своей беззаветной храбростью, романтическими подвигами и приключениями, волновавшими воображение молодого Пушкина. Он не простил Грибоедову своего выстрела: спустя два года они встретились в Тифлисе и 23 ноября 1818 г. обменялись выстрелами. Якубович счастливо вышел из дуэли: пуля пролетела у него под затылком, у Грибоедова была раздроблена кисть левой руки. Противники примирились и затем сохраняли дружеские отношения (Записки Н. Н. Муравьева-Карского. Русск. Архив, 1886, III, 331—335.)

О впечатлении, произведенном этими событиями на круг молодежи, в котором вращался Н. И. Тургенев, можно судить по Пушкину, навсегда запечатлевшему в своей памяти образ Якубовича, „героя моего воображения“. „Когда я вру с женщинами, — писал он в 1825 г. А. А. Бестужеву, — я их уверяю, что я с ним разбойничал на Кавказе, простреливал Грибоедова, хоронил Шереметева“ (Пушкин. Письма. Том I. Под ред. Б. Л. Модзалевского. М.—Л., 1926, стр. 169). Позднее Пушкин неоднократно пытался использовать эту дуэль и смежные с ней эпизоды в своих произведениях („Русский Пелаг“, „Две танцорки“, „Роман на Кавказских водах“) 239, 240.

Закревский, Арсений Андреевич (1786—1865), дежурный генерал Главного штаба с 1815 г., впоследствии московский генерал-губернатор 212, 323, 419, 439.

Зас, по всей вероятности, генерал-лейтенант Андрей Андреевич Зас, начальник 2-й Кирасирской дивизии, и генерал-майор Петр Андреевич Зас, состоявший при цесаревиче Константине в Варшаве и убитый в 1830 г., во время восстания 229, 231.

Иван Владимирович — см. *Лопухин*.

Иван Семенович — см. *Аржевитинов*.

Ивашев, Василий Петрович (1794—1839), декабрист, сын П. Н. Ивашева. В 1815 г. из Пажеского корпуса выпущен корнетом в Кавалергардский полк. Трудно установить, к какому графу В. в адъютанты прочил сына П. Н. Ивашев (по всей вероятности, к гр. М. С. Воронцову). В 1821 г., уже будучи ротмистром, В. П. Ивашев назначен был адъютантом к гр. П. Х. Витгенштейну, главнокомандующему 2-й армией. Еще прежде того, в 1820 г., он вступил в Южное Общество, и хотя не принимал деятельного участия в заговоре декабристов, но был осужден по II разряду в каторжные работы на 20 лет. Каторгу отбывал в Чите и Петровском заводе. В 1835 г. обращен был на поселение в г. Туринск, где и умер 226.

Ивашев, Петр Никифорович, генерал-майор, начальник штаба при Суворове. Сосед Тургеневых по имению в Симбирской губернии, где за ним с женой было около 2 тыс. душ. Выйдя в отставку, Ивашев всецело посвятил себя сельскому хозяйству 111, 206, 226, 233.

Имберг, Алексей Осипович (1790—1864), правитель канцелярии малороссийского ген.-губернатора 136, 164.

Инзов, Иван Никитич (1768—1845), генерал-лейтенант, главный попечитель и председатель Комитета об иностранных поселенцах Южного края России. В 1820—1823 гг. исполнял обязанности наместника Бессарабской области. Массон и либерал, близкий в молодости к кружку Новикова, Инзов с большим сочувствием и симпатией отнесся к Пушкину, официально прикомандированному к нему после высылки из Петербурга. Предоставив ему максимальную свободу и не обременяя служебными обязанностями, Инзов неизменно аттестовал его петербургской власти наилучшим образом, причем Пушкин и прожил почти все время на квартире своего начальника 302.

Иорк, Иоанн-Давид-Людвиг, граф (1759—1830), прусский фельдмаршал. Принимал выдающееся участие в военных действиях 1813—1814 гг. и особенно отличился в бою под Вартебургом (3 окт. 1813 г.), за что получил прибавку к фамилии: фон-Вартебург 126, 371.

Ипсиланти, Александр Константинович (1792—1828), сын молдавского и валахского господаря, в период покровительства Александра I грекам принятый на русскую службу в Кавалергардский полк (как и его братья) и произведенный во флигель-адъютанты. В битве под Дрезденом в 1813 г. он лишился руки. В марте 1820 г. Ипсиланти стал во главе тайного греческого общества, ставившего целью освобождение Греции. В феврале 1821 г. Ипсиланти с братьями и кн. Г. Кантакузиным во главе кавалерийского отряда перешел Прут (границу России и Молдавии) и направился в Яссы, где обнаружил прокламацию, послужившую сигналом к началу восстания греков против турок.

Об увлечении Ипсиланти старшей дочерью Н. Н. Раевского, Екатериной Николаевной, в литературе нет никаких иных свидетельств. Замечание Тургенева скорее может относиться к брату А. Ипсиланти, Николаю, в 1818 г. назначенному адъютантом к Н. Н. Раевскому, красивому и светскому молодому человеку, считавшемуся лучшим танцором в Кишиневе. Впрочем, Ф. Ф. Вигель вспоминает, что уже после женитьбы М. Ф. Орлова на Е. Н. Раевской, „перед своим великим и неудачным предприятием нередко посещал сей дом с другими своими соумышленниками русский генерал князь Александр Ипсиланти“ (Записки, VI, 115) 335, 340, 448, 450.

Истомина, Авдотья Ильинишна (1799—1948), премьерша петербургского балета, воспетая Пушкиным в I главе „Евгения Онегина“ (О роли ее в дуэли гр. А. П. Завадовского с В. В. Шереметевым см. стр. 535—536) 239.

Каблуков, Платон Иванович (1778—1835), полковник Кавалергардского полка. Тяжело раненный под Аустерлицем и никак не могший поправиться

он в 1810 г. уволен был за границу „для излечения от полученных увечьев“ и до конца 1811 г. состоял при русском посольстве в Париже (Сборник биографий кавалергардов. 1801—1826. СПб., 1906, стр. 45—47) 95.

Кавелин, Дмитрий Александрович (1780—1851), приятель Жуковского и Тургеневых, воспитанник Московского благор. пансиона. Был директором Медицинского деп-та мин-ва полиции и членом Медицинского совета. В 1817 г. назначен директором Главного педагогического института и благородного пансиона при нем. Жуковский ввел Кавелина в „Арзамас“, где он носил имя „Пустынника“. С 1819 г. был директором СПб. университета и сыграл значительную роль в деле его разгрома в 1821 г. 231, 397, 410.

Каверин, Павел Никитич (1763—1853), отец Петра Павловича Каверина, генерал-майор, московский обер-полицеймейстер (1797—1802), позднее Калужский и Смоленский губернатор, сенатор 254, 326.

Каверин, Петр Павлович (1794—1855), близкий товарищ Тургенева по Геттингену, где он учился в 1810—1812 гг., после пребывания в Московском благородном пансионе и в Московском университете. Весельчак, лихой повеса и вместе с тем человек весьма развитой, образованный и не лишенный поэтического дарования, Каверин был в тесной связи с Грибоедовым, Вяземским, Лермонтовым и, особенно, с Пушкиным. Послания к нему Пушкина свидетельствуют о том, что, на ряду с кутежами и лихими проказами поэта сближали с Кавериным также и общность литературных и умственных интересов. Тургенев в Геттингене был очень близок с Кавериным, отец которого просил его заботиться о сыне. Прямо из Геттингена Каверин попал на войну — в сотенные начальники и адъютанты начальника Смоленского ополчения. Позднее он был адъютантом Беннигсена, а 16 января 1816 г. переведен в л.-гв. Гусарский полк и состоял адъютантом у гр. Толя. Именно с этого времени Каверин входит в кружок петербургской светской молодежи, состоит членом „Зеленой Лампы“ и даже участвует недолго в Союзе Благоденствия. Тогда же он снова тесно сошелся с Н. Тургеневым. История с долгом Каверина С. И. Тургеневу отражена в письме его к А. И. Тургеневу, которое последний 11 IX 1820 переслал брату, Сергею: „М. Г. А. И. Садясь в коляску ехать за границу, видел я как батюшка мой получил письмо от вас насчет долга моего брату Сергею. Мне очень больно, что вы его так беспокоите из-за денег, которые я должен. Теперь у него их нет; он все мне отдал, чтобы ехать за сестрой в Париж. Впрочем про этот долг мне Сергей ничего не писал и даже я не знаю, сколько именно. Вы часто смеялись, что гусару книги не нужны и с этой шуткой не отдавали моих — не согласитесь ли их теперь взять за долг? Их тысячи на полторы наберется. Извиняюсь очень, что пишу скоро, право со станции из Смоленска. Прошу вас покорнейше про эти деньги забыть до времени нашего свидания с Сергеем.“ А. И. Тургенев, пересылая это письмо Сергею, приписывал: „Я писал к отцу не зная еще о смерти Мальшевой; книгу его у нас 12 или 15. Я никогда его благородству не верил, и теперь еще менее. Я намерен отвечать отцу, послать каталог книгам и сказать, что я, после твоего письма, о содержании коего сообщу ему, не буду более требовать и напоминать о долге; но не скрою моего негодования к сыну“ (Архив,

№ 2379, л. 68 об — 69) 89—93, 96, 99, 101—103, 108—110, 117, 128, 133, 206, 209, 218, 236, 239, 254, 256, 261, 269, 272, 274, 276, 278, 281, 286, 312, 326.

Каверина, Елизавета Павловна, сестра предыдущего, с 1821 г. жена при-
теля Пушкина, М. А. Щербинина 326.

Казначеев, Александр Иванович (1788—1880), старший адъютант гр. Воронцова во время пребывания последнего в Мобеже. Впоследствии, по назначении Воронцова новороссийским генерал-губернатором, занял пост правителя его канцелярии 248, 258.

Кайсаров, Михаил Сергеевич (1780—1825), старший брат А. С. Кайсарова, друга Андр. И. Тургенева, воспитанник Московского благородного пансиона. Служил в коллегии иностранных дел и затем в мин-вах внутренних дел, полиции и финансов. Замечание о нем Тургенева является слабым отзывом серьезных несогласий между ними как по служебной линии, так и на почве литературных споров (Дневники, III, 245, 246, 300) 125, 314, 315.

Кайсаров, Паисий Сергеевич (1783—1844), брат предыдущего, генерал от инфантерии, в 1812 г. был дежурным генералом армии, потом командовал передовыми войсками, а в 1813 г. состоял во главе летучего партизанского отряда. В 1814 г., будучи начальником конного отряда, обратил на себя внимание смелостью предпринимаемых им экспедиций и точностью доставляемых сведений 125, 310.

Каменские — см. *Бантыш-Каменские, В. Н. и Н. Н.*

Кампенаузен, Бальтазар Бальтазарович, барон (1772—1823), член Госуд. совета, государственный контролер. „Кампенаузен задел винных чиновников, — писал Тургенев в Дневнике. — Поделом. Они винны во всяком смысле“ (Дневники, III, 233) 307, 437,

Канкрин, Егор Францович, граф (1766—1845), генерал-интендант, а потом министр финансов с 1823 по 1844 г. Он хорошо знал и ценил Тургенева. В 1821 г., когда Тургенев переведен был в Департамент законов, Канкрин, только-что назначенный членом Гос. совета по деп-ту экономии, по словам Тургенева „изъявил мне сожаление свое о моем перемещении“ (Дневники, III, 306) 175, 187, 331.

Каннин, Джордж (1770—1827), англ. государственный деятель 207.

Каподистрия, Иван Антонович, граф (1776—1831), уроженец о. Корфу, греческий государственный деятель, сторонник независимости Греции под русским протекторатом. В 1809 г. першел на русскую дипломатическую службу, участвовал в Венском, Аахенском и Троппауском конгрессах, с 1816 по 1822 гг. вместе с гр. Нессельроде, руководил внешней политикой России. При этом, в противовес Нессельроде, стремился к сближению с Францией и мелкими немецкими государствами против Австрии. Впоследствии, с 1827 г., президент Греции 161, 199, 216, 217, 257, 259, 266, 269, 273, 275, 284, 290, 292, 295, 296, 308, 339, 342, 386, 402, 403, 422, 423, 431, 448, 453.

Каразин, Василий Назарович (1773—1842), украинский помещик и общественный деятель. В начале царствования Александра I подавал ему записки об ограничении самодержавия и уничтожении крепостного права и был инициатором основания Харьковского университета. В дальнейшем роль Каразина переменялась. Он стал выступать в печати как защитник самодержавия и крепостного права, подавал правительству доносы и т. п. В то же время Каразин иногда не прочь был попрежнему блеснуть либеральной фразой. Своим двусмысленным поведением он возбудил против себя и правительство и либералов. После восстания Семеновского полка он был заподозрен в составлении солдатской прокламации, просидел 6 месяцев в Шлиссельбурге и затем был сослан на житье в деревню 300, 321, 341, 432, 489.

Карамзин, Николай Михайлович (1766—1826), знаменитый писатель и историограф. Подробно о нем и отношении к нему Тургенева см. во вступ. статье, стр. 29. Упоминаемое Тургеневым стих. Карамзина „Освобождение Европы и слава Александра I“ написано в 1814 г. 166, 168, 172, 174, 182, 200, 203, 204, 206, 252, 254, 256, 261, 265, 321, 322, 338, 349, 357, 363, 397, 458, 462, 466, 485.

Каролина-Амалия-Августа (1768—1821), англ. королева, жена Георга IV 308, 312, 440, 441.

Кассиус, Иван Иванович, старый знакомец Тургеневых, „человек очень почтенный, но притом несчастный“, по отзыву Н. И. Тургенева. Преследуемый служебными неудачами, Кассиус жил за границей в вечной нужде. В 1808 г. Н. И. Тургенев встретался с ним в Геттингене, где Кассиус тщетно дожидался назначения в канцелярию Розенкампа. „Он в очень жалком положении, — писал Н. И. Тургенев, — за несколько месяцев ему почти есть нечего было, а выехать отсюда также не может, потому что имеет на себе много долгу“. В 1811 г. они встречались в Лейпциге, где Кассиус, находившийся в совершенной нищете, давал немцам уроки русского языка. В 1813 г. он служил в Лейпциге, в канцелярии Репнина (Дневники, т. I и II, по ук.) 111.

Катакази, Константин Антонович, кишиневский губернатор (1818—1826), родом грек из Константинополя, женатый на сестре Ипсиланти 339.

Катрин, художник, преподававший в Московском университетском пансионе 211.

Каченовский, Михаил Трофимович (1775—1842), историк и журналист 206.

Кенигфельс (ум. 1817), сослуживец Н. И. Тургенева, в 1816 г. назначенный секретарем посольства во Франкфурте 149, 224.

Киселев, Павел Дмитриевич (1788—1872), будущий видный государственный деятель, уже тогда делавший карьеру и пользовавшийся большим доверием Александра I, который еще в 1814 г. приблизил Киселева к себе, возлагая на него различные дипломатические миссии. В 1817 г. Киселев

произведен был в генерал-майоры. Приятель Тургеневых, Вяземского, молодого Пушкина, Киселев играл заметную роль в дворянской фронде. Назначенный вскоре после того начальником штаба 2-й армии (в Тульчине), он поддерживал тесную связь с будущими декабристами, в особенности с Пестелем, и, повидимому, подозревал существование заговора 237, 419.

Клейн, рижский банкир 286, 289, 429.

Клеменец, франкфуртский купец 195, 197.

Клостерман, секретарь русского посольства во Франкфурте 146, 162, 186.

Коббет, Вильям (1762—1835), англ. политический деятель и публицист 464.

Козлов, Иван Иванович (1779—1840), в молодости офицер, потом чиновник, светский человек и знаменитый танцор. В 1819 г. вследствие паралича, он лишился ног, а в 1821 г. — ослеп. К этому же времени относится начало его повтической деятельности. Выдающийся поэт, он был учеником преимущественно Жуковского и Пушкина, с которыми был очень близок. С Н. И. Тургеневым Козлов был в большой дружбе. В дневнике своем (26 декабря 1818 г.) он писал, что Тургенев „прекрасный человек, просвещенный, такой интересный — своим смелым, великодушным порывом к прекрасному, к великому, к идеалу. — Он только что написал замечательный труд „теорию налогов“. Гагарин мне доставил его“. Тургенев снабжал Козлова либеральной литературой: так, 31 марта 1819 г. он принес ему „прекрасные стихи молодого Пушкина к императрице Елизавете“, а 9 декабря „интересное письмо Мих. Орлова к Бутурлину“ („Старина и Новизна“, XI, стр. 39, 40 и 42) 211, 217, 226, 237, 253, 272, 342.

Козловский, Петр Борисович, князь (1783—1840), писатель и дипломат. В 1802 г. назначен поверенным в делах в Кальяри, а с 1812 г. был чрезвычайным посланником и полномочным министром при Сардинском дворе. Позднее — посланник в Штутгарте, а затем провел несколько лет в Англии. По отзывам современников, Козловский „был один из умнейших людей эпохи, в которой ум был не особенная редкость“. Восторженные отзывы о нем оставили П. А. Вяземский и П. А. Плетнев. Последний вспоминал в 1845 г.: „Князь Козловский служил при разных миссиях, знал прекрасно по-латыни, был, кажется, католик, всегда весел и остроумен, толстяк, гастроном, почти все лучшее на разных языках прочитал... Я несколько раз обедал с ним у Соболевского вместе с Вильегорским, Пушкиным, Жуковским и Вяземским. Все мы очень любили его ум, веселый и практический“ (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, II, 525—526). Перу Козловского принадлежит ряд статей по русской истории, политической экономии и пр. Пушкин; привлекий его к сотрудничеству в „Современнике“, писал в 1836 г. Чаадаеву: „Козловский был бы для меня провидением, если бы он как-нибудь захотел сделаться литератором“.

Еще в 1811 г. Тургенев, записывая свои впечатления от встречи с Козловским, отмечал: „Он меня очень удивил своими рассуждениями о характере народов. Я думаю, что долгое пребывание в чужих краях есть подлинно зараза для многих русских“ (Дневники, II, 143). Очевидно, именно эти рассуждения

Козловского о характере и судьбах русского народа порождали во многих враждебное и скептическое к нему отношение. Около этого же времени Тургенев писал брату Александру о своих частых встречах с Козловским: „Я уверю всех, но, кажется, без успеха, что он очень умен и весьма сведущ“. Замечания о Козловском Тургенева интересно сравнить с подробными записями бесед с ним маркиза Кюстина (Кюстин. Николаевская Россия. М., 1930, по ук.), по поводу которых Плетнев, в цит. письме, замечал: „К счастью, Козловский тогда уже был покойник, когда книга вышла, а то она повредила бы ему“ 107, 136, 201, 202, 206—208, 253.

Козодавлев, Осип Петрович (1754—1819), товарищ Радищева по Лейпцигскому университету и один из учредителей „Российской Академии“. С 1810 г. министр внутренних дел, более всего известный своими мероприятиями по подъему национальной промышленности и реализацией безземельного освобождения остзейских крестьян 181, 201, 394.

Коновницын, Петр Петрович, граф (1764—1822), генерал-от-инфантерии, главный начальник кадетских корпусов 297.

Констан, Бенжамен (1767—1830), видный теоретик французского буржуазного либерализма эпохи реставрации. Наиболее последовательный противник как аристократических привилегий, так и демократических идей, Констан был убежден, что „люди, которых бедность держит в вечной зависимости, осуждая их на поденную работу, не более детей посвящены в общественные дела и не более иностранцев заинтересованы в национальном благосостоянии, составных элементов которого они не знают и выгодами которого пользуются лишь косвенно“ (В. Constant. Reflexions sur les Constitutions, 1814, p. 106). В основе воззрений Констан лежала свобода частной хозяйственной инициативы, невмешательство правительства в экономическую жизнь, ограничение функций правительства охраной внутреннего порядка и защитой от внешних нападений и идея личной свободы, на которой „основывается общественная и частная мораль“ и „покоятся все расчеты промышленности“. Констан — сторонник конституционной парламентской монархии, наилучшим образом, по его мнению, гарантирующей безраздельное господство буржуазии 236, 246, 248, 267, 269, 270, 292, 305, 320, 336, 408, 409, 411, 412, 414, 421, 422, 428, 433.

Конт, Шарль (1782—1832), французский публицист и ученый, один из редакторов (вместе с Дюнойе) журнала „Censeur“ (см. стр. 388—389). В 1820—1823 гг. профессор естественного права в Лозаннском ун-те 255, 322, 388.

Королева английская — см. *Каролина-Амалия-Августа*.

Королева французская — см. *Мария-Антуанетта*.

Король неаполитанский — см. *Мюрат*.

Кохран, Александр-Томас (1775—1860), английский адмирал, либеральный политический деятель и писатель. В 1818 г., по проискам своих полити-

ческих противников исключенный из флота, отправился в Чили, где предложил свои услуги по организации флота для борьбы с Испанией за освобождение. Задачу эту он блестяще выполнил, нанеся испанцам серьезные удары. В 1823 г., недовольный отношением к нему чилийского правительства, вернулся в Англию, а в 1826 г. отправился в Грецию, где был назначен командующим греческим флотом 470.

Коцебу, Август (1761—1819), немецкий драматург и романист, создатель мещанской драмы, автор огромного множества комедий и драм. Написанные в сентиментальном духе, они очень скоро устарели, и Тургенев, видя драматические произведения Коцебу на сцене, неизменно жаловался в своем дневнике: „Какой вздор... Ушел от скуки... Глупая пиэса...“ и т. п. (Дневники, II, по ук.). Впечатление, произведенное слухом о смерти Коцебу, объяснялось не только и не столько его литературной славой. Последние годы жизни он состоял на службе у русского правительства, активно борясь с либеральным объединительным движением в Германии. Впоследствии Коцебу погиб от руки студента Карла Занда. Этот террористический акт, произведший огромное впечатление как в Германии, так и в России и воспетый Пушкиным в „Кинжале“, был резко осужден Тургеневым. „Коцебу заколан одним студентом. Немцы пошутить не умеют. Верно это обстоятельство повредит делу просвещения в умах наших свинчаток; как будто кинжал и просвещение имеют что-нибудь между собою общего“. И через несколько дней снова: „Неприятное происшествие. Но действия фанатизма неисповедимы. Равно глупо, равно ужасно убийство из фанатизма религиозного и политического“ (Дневники, III, 191—192) 161, 163, 185, 247, 414, 430.

Кочубей, Виктор Павлович, граф (1769—1834), государственный деятель, личный друг Александра I и член „Негласного комитета“. В 1802—1807 и 1819—1823 гг. — министр внутренних дел. Впоследствии председатель Государственного совета 112, 141, 304, 306, 307, 311, 321, 424, 427, 436, 452.

Крезов, Андрей Павлович, бухгалтер Государственного заемного банка 177.

Кривцов, Николай Иванович (1791—1843), старший брат декабриста С. И. Кривцова, участник войны 1812 г. С тяжелым ранением взятый в плен после Бородина, Кривцов беседовал с Наполеоном в Кремле. Поправившись, он объехал всю Европу, познакомившись с Б. Констаном, Сталь, Контом, Лагарпом, Гете. В 1817 г. он вернулся в Петербург англоманом, атеистом и либералом. Как и Тургеневу, он импонировал своим вольнодумством юному Пушкину, с которым близко сошелся (см. о нем в книге М. О. Гершензона „Декабрист Кривцов и его братья“, М., 1916) 184, 218, 220, 231, 243, 248—251, 256, 308, 322.

Крылов, Иван Андреевич (1769—1844), баснописец 208, 399.

Крюденер, Барвара-Юлия, баронесса (1764—1824), известная деятельница мистического движения 342.

Кудрявский, Христиан Емельянович (ум. 1878), архивариус московского Архива иностранных дел, потом поверенный в делах при вольных городах в Германии, а позднее полномочный посол в Испании 119.

Куницын, Александр Петрович (1783—1841), профессор, в 1811—1820 гг. преподававший в Лицее нравственные и политические науки и увековеченный в восторженных и благодарных отзывах Пушкина. Тургенев избрал его в соредакторы проектировавшегося им общественно-политического журнала (см. вступ. статью). Во время университетского разгрома 1821 г. Куницын едва не попал под суд, а книга его о естественном праве была конфискована.

Статья Куницына, упоминаемая Тургеневым, посвящена была разбору речи С. С. Уварова о пользе восточной словесности и всеобщей истории, произнесенной им 23 III 1818 г. на открытии кафедры всеобщей истории в Главном педагогическом институте (ср. стр. 35—36) и вскоре после того напечатанной отдельным изданием. Страстно написанная статья Куницына оканчивалась весьма многозначительно: „Говоря о порядке вещей, введенном германскими народами, автор прибавляет: «Мы, по примеру Европы, начинаем помышлять о свободных понятиях». Конечно так, но мы давно о них помышляли. Никогда не были они чужды российскому народу; веча, боярские думы, третейский и совестный суд, разбирательство дел при посредничестве присяжных, равных званием подсудимому, были еще в древности существенными принадлежностями образа правления в нашем отечестве. В важных происшествиях государства обыкновенно все сословия принимали участие и действовали единодушно. Отражение нашествия врагов, постановление общих законов, избрание достойного поколения для занятия российского престола обыкновенно составляли предмет совещания и согласного решения всех государственных чинов состояний. Иностранные народы прежде нас дали непременные формы государственному правлению, но не позже их мы о том помышляли“ (Сын Отечества, 1818, ч. 46, № 24, стр. 189—190.) 262, 274, 328, 332, 337, 420.

Куракин, Александр Борисович, князь (1751—1818), русский посол в Париже, вице-канцлер 95, 101, 106, 135.

Куракин, Алексей Борисович, князь (1759—1829), канцлер императорских орденов, министр внутренних дел 341.

Кутузовы — см. *Голенщевы-Кутузовы*.

Кушелев-Безбородко, Александр Григорьевич, граф (1800—1855), чиновник Коллегии иностранных дел, „хворый и тщедушный“, по отзыву Вяземского. Он на свои средства учредил гимназию высших наук и Лицей кн. Безбородко в Нежине, за что и получил камергерский ключ. В период строительства Союза Благоденствия, Тургенев, повидимому, расценивал Кушелева как возможного и желательного прозелита. Доносчик М. К. Грибовский в „Записке о тайных обществах“, поданной в 1821 г., сообщал об обещании, данном в 1818 г. Тургеневым, А. Ф. фон-дер Бриггеном и Ф. Н. Глинкою, вовлечь в заговор „молодых графов Шереметева и Кушелева, для лучшего успеха над которыми полагали представить способных наставников“ (Н. К. Шильдер. Александр I, т. IV, стр. 211) 300, 325, 336.

Лабенский, Ксаверий Ксаверьевич (1800—1855), сын русского консула в Париже, старший советник министерства иностранных дел. Под псевдонимом Жан Полониус выпустил несколько сборников стихов и отдельных крупных поэтических произведений 109, 212.

Лавалетт, Антуан-Мари, граф (1769—1830), французский политический деятель, женатый на племяннице имп. Жозефины. До реставрации 1814 г. занимал пост начальника почтового ведомства. Когда Людовик XVIII бежал 20 III 1815 из Парижа (при приближении Наполеона), Лавалетт немедленно именем императора объявил себя вновь начальником почты. За это, после реставрации, он был предан суду и приговорен к смертной казни. Вечером, накануне казни (23 XII), жена Лавалетта добилась свидания с мужем и, обменявшись с ним платьем, осталась в тюрьме, а Лавалетту удалось бежать и затем переправиться в Англию. Жена его, оставленная в тюрьме, сошла с ума, а сам он в 1822 г. был помилован Людовиком XVIII 152.

Лаваль, Александра Григорьевна, графиня, ур. Козидкая (1772—1850), известная миллионерка, жена гр. И. С. Лаваль и мать кн. Е. И. Трубецкой, жены декабриста 333.

Лагарп, Фредерик-Сезар (1754—1838), швейцарский политический деятель и воспитатель Александра I. Истинный характер влияния его на Александра до сих пор недостаточно исследован. Новейшие авторы склонны преуменьшать влияние Лагарпа, сводя его значение к сообщению им воспитаннику лишь ряда отвлеченных принципов и положений. В действительности, как свидетельствуют материалы архива Лагарпа (*Le Gouverneur d'un prince Frédéric César Laharpe et Alexandre I de la Russie. Lausanne, 1902*) и переписка его с Александром (*Сборник Русск. Ист. Об-ва, т. V и Старина и Новизна, кн. II*), Лагарп не только очень считался с окружавшей Александра действительностью, но и сам был далек от радикальных принципов и воззрений. В своих лекциях он старался внушить воспитаннику отрицательное отношение к „самовластию“ и уважение к „законности“, но отнюдь не колебал принципа самодержавия, а напротив, на примерах Тита, Траяна, Марка Аврелия и др., рисовал идеал прогрессивного самодержца. По вступлении Александра на престол, Лагарп удерживал его от поспешных конституционных преобразований и настойчиво рекомендовал ему политику укрепления самодержавия путем постепенного возвышения „среднего сословия“ в противовес „склонному к смутам и заговорам дворянству“ (*Ст. и Нов., II, 78*). С этой же целью Лагарп оказал влияние на издание указа 12 декабря 1801 г. о праве купцов, мещан и свободных крестьян приобретать земли (*Le Gouverneur d'un prince, p. 172*). Также определенно было влияние Лагарпа и в области внешней политики. В лекциях он усиленно нападал на завоевательную политику и решительно защищал политику мира. Но „система“ его совсем не носила характера отвлеченного пацифизма и не отрицала ни войн, ни завоеваний, что доказывается письмом Лагарпа от 3 15 XI 1822, в котором он убеждает Александра стать на сторону греков против турок, соблазняя его „ключами от Дарданелл и Черного моря“ (*Там же, стр. 166—167*).

Н. И. Тургенев познакомился с Лагарпом в 1814 г. у Штейна. С первого взгляда Лагарп мало понравился ему, но он отнесся к нему с интересом, па-

мятя, что Лагарп „мог иметь влияние на вселение в ум государя тех человеколюбивых и истинно благоразумных правил, которые ознаменовали поступки и деяния монарха, обожаемого Европою и имеющего право на признательность отечества“ (Дневники, II, 244). Постепенно, однако, Лагарп сам по себе начинает нравиться Тургеневу. Они вместе радуются взятию Парижа союзниками (там же, 250). Наконец, Лагарп знакомит его с письмами Александра к нему, и Тургенев при чтении их „испытывает наслаждение истинное, душевное“ (стр. 252). Впоследствии, когда Тургенев, уже осужденный декабрист, снова встретился с Лагарпом, он заметил некоторую осторожность и боязливость по отношению к себе со стороны швейцарского республиканца. К политическим советам, дававшимся Лагарпом Александру, у него тоже вырабатывалось критическое отношение: он не находил в них ничего существенного с точки зрения буржуазного либерализма (*La Russie et les Russes*, I, pp. 435 et 444). Слух об опубликовании Лагарпом его переписки с Александром оказался ложным 170, 174, 389.

Ламберт, Яков Осипович, граф, управляющий Госуд. комиссией погашения долгов, начальник III отделения мин-ва финансов, сенатор. Тургенев весьма критически относился к Ламберту, сталкиваясь с ним еще по делам ликвидационной комиссии (1816) и тогда же отмечал в Дневнике: „Он спрашивал меня о таких предметах и так, что я увидел совершенное его неведение сего дела“ (III, 11, ср. там же, стр. 195—196) 279, 284.

Ланжюинз, Жан-Дени (1753—1827), французский политический деятель, член Учредительного собрания и Конвента, где примыкал к жирондистам. После их падения бежал и вернулся в Конвент после 9 термидора. Один из авторов конституции 1795 года, потом член Совета старейшин. При Наполеоне примыкал к оппозиции, однако стал сенатором и получил графский титул. В эпоху реставрации — член палаты пэров, где принадлежал к либеральному крылу. Он был одним из теоретиков партии „независимых“, притом более левым, чем Б. Констан. В своем труде „*Constitutions de la nation française*“ (2 vol. Paris, 1819) он, восхваляя хартию 1814 г., настаивал на некоторых существенных изменениях в ней. Так, он был сторонником решительного проведения буржуазного начала бессословности, уничтожения майоратов и дворянских титулов, понижения избирательного ценза и т. п. 246, 248, 320, 414.

Ланкастер, Жозеф (1771—1838), английский педагог, создатель особого вида школ, в которых преподавание основывалось на системе взаимного обучения: наиболее успевающие ученики под руководством педагога преподавали своим менее способным товарищам. Ланкастерские школы имели успех, и к 1811 г. в Англии их насчитывалось уже около 100, с 30 тыс. учащихся. Педагогическая система Ланкастера изложена им в книгах: *Improvement in Education* (1805) и *The British System of Education* (1810). Вероятнее, однакож, что Тургенев имел в виду не одну из этих книг, а русское руководство, напечатанное тогда же, в 1817 г., в Мобеже. Появление этой брошюры вызвано было организацией при оккупационном корпусе Воронцова четырех ланкастерских школ. Позднее школы эти получили довольно широкое распространение в русских войсках, особенно в гвардии (подробно см. стр. 426) 210, 250, 251, 254, 260, 265, 269, 272, 276, 322, 416, 426.

Латур, генерал, команд. войсками в Пьемонте 335.

Лафайетт, Мари-Жан (1757—1834) французский политический деятель, либерал 305, 336.

Лафит, Жак (1768—1844), видный французский государственный деятель и крупнейший капиталист и банкир, в 1814 г. назначенный управляющим государственным банком 270, 271, 277.

Левис, автор книги „*Considérations morales sur les Finances*“ 181, 392.

Лельетт, автор книги, „*Sur la servitude* — 259.

Ленэ, Жозеф-Анри-Иоахим (1767—1835), французский политический деятель, сторонник либерально-буржуазных воззрений и противник крайностей. На посту члена администрации департамента Жиронды (с 1795 г.) он старался смягчить гонения на родственников эмигрантов и не присягнувших священников. В 1813 г. в качестве председателя комиссии законодательного корпуса был автором оппозиционного доклада этой комиссии (см. стр. 371), послужившего причиной роспуска законодательного корпуса. За это выступление Наполеон назвал его продавшимся Англии. В 1816—1818 гг. Ленэ был министром внутренних дел, оставаясь на тех же умеренных позициях. Однако по выходе в отставку он примкнул к ультрароялистам. Любопытно, что около этого же времени и Тургенев изменил своему первоначальному мнению о Ленэ. „Вчера я читал в *Журнал des Débats les Débats* Палаты депутатов . . . — записывал он в марте 1820 г. — В речи Ленэ есть патетические места, но есть и принужденное красноречие: он силится что-нибудь сказать и сравнил мнения с рекою, превращающею людей в кинжалы“ (*Дневники*, III, 226) 125, 214, 219.

Лесовский, Степан Иванович (1782—1830), боевой офицер, участник войн с Наполеоном, будущий начальник московского округа жандармов и сенатор 161, 162, 170, 172, 178.

Лисаневич, Дмитрий Тихонович (1778—1825), генерал-лейтенант, С.-Петербургский обер-полицеймейстер 184.

Лобанов-Ростовский, Алексей Яковлевич, князь (1796—1891), ротмистр л.-гв. Гусарского полка, с 1826 г. — флигель-адъютант, а позднее генерал-адъютант Николая I 215, 217, 218, 291, 292, 344.

Лобанов-Ростовский, Дмитрий Иванович, князь (1752—1838), генерал-от-инфантерии, в 1817 г. неожиданно ставший министром юстиции. Н. И. Тургенев в 1818 г. иронизировал, что „чтобы знать что-нибудь, надобно учиться; но эта истина не понятна . . . для князя Лобанова, министра юстиции. Потому-то сии люди и уверены всегда, что они все знают, потому что они не понимают, почему они не могут и не должны знать всего, не имея никогда случая знать что-нибудь“ (*Дневники*, III, 178, ср. стр. 158, 249, 278) 230, 235, 439.

Лонгинов, Николай Михайлович (1775—1853), секретарь императрицы, впоследствии член Государственного Совета 230, 233, 234, 236, 247, 451.

Лондондерри, Роберт Стюарт, маркиз, более известный под именем лорда Кэстльри (1769—1822), англ. политический деятель, с 1812 г. министр иностранных дел. Сторонник непримиримой борьбы с Наполеоном, он, после падения последнего, главную опасность усматривал в усилении России, вследствие чего сблизился с Австрией. Какую его речь имеет в виду Тургенев, установить не удалось. 2 VI 1821 в палате лордов он заявил, что „Турция утопает в крови“, из-за деятельности тайных обществ, руководимых „кровожадными заговорщиками“ (Lesur. Annuaire historique uneverseel pour 1821, p. 535), 347.

Лопухин, Иван Владимирович (1756—1816), известный мистик, один из основоположников русского масонства. Был очень близок с И. П. Тургеневым и покровительствовал его сыновьям. Умер 22 VI 1816 г. 197, 226, 227, 410, 488.

Лопухин, Петр Васильевич, князь (1741—1827), председатель Государственного совета 182, 284, 351, 353, 439, 487.

Лопухина, Софья Петровна, княжна (ум. 1835), дочь князя П. В. Лопухина, в 1819 г. вышедшая замуж за кн. А. Я. Лобанова-Ростовского 292.

Лубяновский, Федор Петрович (1777—1869), действ. тайный советник, сенатор, с 1819 г. пензенский губернатор 281.

Луи, Жозеф-Доминик (1755—1837), французский политический деятель, министр финансов в 1814—1815 и 1818—1819 гг. Конституционалист по убеждениям, Луи строго придерживался правила о необходимости соблюдения государством своих денежных обязательств в отношении кредиторов. Ему принадлежит изречение: „Дайте мне хорошую политику, и я вам дам хорошие финансы“ 202, 246, 249, 287.

Людовик XIV (1638—1715), король Франции с 1643 г. 245, 404.

Людовик XVI (1754—1793), король Франции с 1774 г., последний король эпохи старого порядка, казненный по постановлению Национального Конвента 21 I 1793 г. 122.

Людовик XVIII (1755—1824), брат Людовика XVI, король Франции с 1814 г. 124, 125, 303.

Мадатов, Валериан Григорьевич, князь (1782—1829), генерал-лейтенант, участник первой турецкой войны и войны 1812 г. Назначенный в 1812 г. окружным начальником в ханствах ширванском, карабахском и шекинском, Мадатов рассчитывал на получение того поста, на который был назначен Ермолов. Однако, он продолжал службу и при Ермолове и потом при Паскевиче 181.

Мадье де-Монжо (1785—1865), адвокат, автор петиции в палату депутатов 1820 г. за которую был привлечен к суду. В защитительном слове ссылался на речь министра юстиции Серра 23 марта 1818 г. в секретном комитете палаты пэров. По его словам, „шеф правосудия сам уверяет, что могущество и смелость заговорщиков могли испортить и парализовать наиболее благородные органы общественного тела. Г. Серр просветил мою ненависть к политике партии, которая только преступлениями захватила власть и только преступлениями ее удерживает“ (*Journal des Débats*, I XII 1820). Суд объявил ему выговор за подачу петиции с необоснованными обвинениями 303, 433.

Максим Иванович — см. *Невзоров*.

Малиновский, отправленный в 1812 г. курьером в Вену. Не представляется возможным установить, какой это Малиновский. Поездка его, повидимому, находилась в связи с проектом, о котором К. Я. Булгаков тогда же сообщал брату, „пересылать письма в Вену и оттуда через Пруссию так, чтоб они поспевали в 12¹/₂ суток и проч., à peu près, как ездят австрийские курьеры“ (*Русский Архив*, 1903, I, 63—64) 344.

Мальшев, Иван Захарович, шурин П. П. Каверина, богатый псковский помещик 254, 269, 276, 291, 312.

Мальшева, Елена Павловна (1797—1820), сестра П. П. Каверина, жена И. Э. Мальшева, пользовавшаяся горячими симпатиями всех братьев Тургеневых и всего их кружка. От матери Мальшева унаследовала чахотку. Муж более двух лет, в поисках исцеления, возил ее из одной европейской столицы в другую, но все оказалось тщетно. С. И. Тургенев, узнав о смерти Мальшевой, „огорчился необыкновенным образом“ (*Остафьевский Архив*, I, 521, II, 62; Ю. Н. Щербачев: *Прятели Пушкина М. А. Щербинин и П. П. Каверин*. М., 1913, стр. 40—41) 286, 304, 312, 326.

Мамонов — см.: *Дмитриев-Мамонов, М. А.*, гр.

Мантейфель, лейпцигский студент, знакомец Н. И. Тургенева. 10 VII 1811 в Лейпциге Тургенев записывал: „Встретил Мантейфейля и Трейера, ходил с ними в Eißbude, потом ужинал с ними: Мантейфель, как русский, везде платил один и — нескудно“ (*Дневники*, II, 30) 92.

Манюэль, Жак-Антуан, (1775—1827), французский политический деятель, член наполеоновской палаты представителей 1815 г. и палаты депутатов 1818—1823 гг., либерал 270, 423.

Мария-Антуанетта, французская королева, жена Людовика XVI, казненная 16 октября 1793 г. 170, 390.

Мария Семеновна — см. *Нефедьева*.

Мартос, Никита Иванович (1787—1813), сын известного скульптора. В 1808 г., по окончании Академии художеств по архитектурному классу, от-

правлен был за границу пенсионером Академии и жил в Риме, изучая римские архитектурные древности. „Давно уже не говорил я так много по-русски, как сегодня с Н. Ив. Мартосом, — записывал 4 XI 1811 Тургенев. — Он сегодня поутру пришел ко мне, и из одного сего поступка я узнал в нем настоящего соотечественника“. С тех пор Мартос стал неразлучным спутником Тургенева во все время пребывания его в Риме, перезнакомил его с русскими, показывал достопримечательности Рима, рисовал с него портрет. „Без него я бы не знал, что делать“, замечал Тургенев (Дневники, II, по ук.). 106, 108.

Марченко, Василий Романович (1782—1841), сослуживец Тургенева, в 1815 г. назначенный статс-секретарем и правителем дел комитета министров, в 1821 г. заменил Тургенева в департаменте экономики 165, 234, 243, 249, 487.

Матвеев, Федор Михайлович (1758—1826), первый русский пейзажист, проведший почти всю жизнь за границей, где пользовался большой популярностью 106.

Мейер, богатый ростовщик, ссужавший Тургенева деньгами 145—148, 254, 269, 276.

Меншиков, Александр Сергеевич, св. князь (1787—1869), правнук знаменитого петровского фаворита, будущий морской министр и главнокомандующий крымской армией в 1853—1855 гг. Начал службу в 1805 г. при Берлинской и Лондонской миссиях, в 1809 г. перевелся в гвардейскую артиллерию, участвовал в Турецкой и „Отечественной“ войнах, в 1811 г. сделан флигель-адъютантом. В 1817 г. принимал участие в организации Ордена Русских Рыцарей. В том же году Меншиков сделан генерал-адъютантом и сопровождал Александра I на конгрессы в Троппау, Лайбах и Верону. Либеральные взгляды Меншикова и гласно проповедуемые им „вольнодумные“ мысли навлекли на него немилость царя. Повредило ему и участие в 1820 г. вместе с М. С. Воронцовым, Вяземским, тремя братьями Тургеневыми и др. в попытке организации общества освобождения крестьян. В 1824 г., отказавшись от назначения посланником в Дрезден, он вышел в отставку, но в 1826 г. вернулся в службу. На принадлежность Меншикова к масонской ложе в Дрездене есть совершенно точное указание. В „Списке гг. военным генералам, штаб и обер-офицерам и нижним чинам, кои принадлежали к масонским ложам и, на основании высочайшего повеления, отказались от оных данными подписями“ (составлен в 1822 г.), под № 36 значится: „Князь Меншиков, состоявший в ложе „Золотого яблока или Пеликана (точно не упомнит) в Дрездене“ (Русская Старина, 1907, VI, 665) 273, 303, 304, 307, 432, 434, 444.

Мерзляков, Алексей Федорович (1778—1830), критик и поэт, с 1804 г. занимавший кафедру красноречия и поэзии в Московском университете 243, 358

Мериан, Андрей Адольфович (1772—1828), дипломат, на ряду с Н. И. Тургеневым был русским представителем во Временном центрально-административном департаменте союзных правительств, созданном взамен Админи-

стративного совета, в октябре 1813 г., для управления оккупированными областями. Швейцарец по происхождению, отпрыск старинного Базельского рода, Мериан по своим политическим взглядам, повидимому, был совершенным единомышленником Н. и С. Тургеневых. Воспитание он получил в Англии, службу начал в Австрии, а в 1812 г., в чине статского советника, поступил в русскую службу. По отзыву современника, Мериан был „человек глубоко образованный, чуткий, обладающий обширными познаниями, в котором кажущаяся сухость обращения скрывает глубокие чувства“ (Мин. Годы, 1908, VII, 249). Тургенев высоко ценил дипломатические способности Мериана (см. Дневники, II, 468) и охотно выслушивал его советы. Уже после возвращения Тургенева в Россию, они поддерживали постоянную связь путем чуть ли не ежедневного обмена письмами. Мериан большую часть жил в Париже, исполняя разные дипломатические поручения во Франции (Остафьевский Архив, I, 602) 139—149, 152, 155—158, 162, 163, 166, 168, 170, 172, 175—177, 180—183, 187, 188, 191, 206, 209, 211, 215, 217, 224, 227, 246, 249, 253, 260, 263, 270, 272, 280, 282—284, 286, 288—291, 293—296, 298, 300, 312, 313, 316, 318, 326, 338, 339, 341, 348, 351, 381, 460, 462.

Милорадович, Михаил Андреевич (1770—1825), генерал-от-инфантерии, петербургский военный генерал-губернатор 299, 341, 459, 479.

Мирабо, Оноре-Габриэль, граф (1749—91), знаменитый оратор и деятель французской революции. Работа его, о которой упоминает Тургенев, — „La Monarchie Prussienne“, (1788, 4 vol. in 4°, ou 8 vol. in 8°), посвященная анализу государственного устройства и народной жизни Пруссии, основана на личных наблюдениях, вынесенных из пребывания в Пруссии в 1786—1787 гг. с тайным дипломатическим поручением 234.

Михаил, петербургский митрополит (ум. 1821)—334.

Михаил Павлович, вел. князь (1798—1849) 292.

Михаил Петрович — см. *Путятин*.

Михаил Федорович — см. *Орлов*.

Михайлов, фельдъегерь 215, 216.

Михайловский Данилевский, Александр Иванович (1789—1848), старинный приятель Тургеневых, товарищ Н. И. Тургенева по Геттингену, где они учились одновременно, слушая приблизительно одних и тех же профессоров и имея общих учителей английского и латинского языков. В Геттингенс Н. Тургенев и Данилевский сошлись очень коротко, постоянно встречались, вместе ходили в гости, играли в карты и пр. Однако, и тогда, повидимому, их товарищество не переходило в дружбу, о чем можно судить, напр., по такой знаменательной фразе в Дневнике Тургенева под 4 II 1811: „Я еще пробыл несколько времени один у Данилевского. Что думать об этом человеке? Во всяком случае надобно думать о нем, а не писать“ (Дневники, I, 293). Участник войны 1812—1815 гг., Данилевский быстро растерял поверхностные

либеральные убеждения и стал обыкновенным, хотя и не лишенным способностей, карьеристом. В 1815 г. он был уже полковником, а в 1816 г. — флигель-адъютантом Александра I.

Впоследствии Михайловский-Данилевский — известный официозный военный историк 90, 92, 112, 113, 115, 117, 126, 127, 129, 131, 134, 138—140, 166, 168, 178, 192, 199, 206, 208, 211, 216, 223, 238, 239, 247, 410.

Моден, Гавриил Карпович, граф (1774—1833), гофмейстер при дворе вел. князя Николая Павловича 258.

Мойер, Иван Филиппович (1786—1858), доктор медицины и хирургии, с 1815 г. занимавший кафедру хирургии в Дерптском университете. 13 января 1817 г. Мойер женился на Марии Андреевне Протасовой, сестре „Светланы“, А. А. Воейковой, и кузине В. А. Жуковского, в которую поэт был страстно влюблен и жениться на которой мешало ему родство. Невозможность соединиться с любимой женщиной чрезвычайно тяжело отражалась на душевном состоянии Жуковского. „Наш Жуковский погибает и я едва не плачу с досады, — писал в июне 1814 г. кн. П. А. Вяземский А. И. Тургеневу, — образумится ли он когда-нибудь, заживет ли так, как и рассудок, и всё, и все велят ему жить?“ (Остафьевский Архив, I, 24). А сам Жуковский незадолго перед тем писал тому же А. И. Тургеневу: „Мысли пробуждаются в голове; но, взявшись за перо, чувствую, что в нем паралич, и остается только жалеть о самом себе. Не умею тебе описать своего положения. Это не горе — нет! и горе есть жизнь; — а какая-то мертвая сухость. Все кажется пустым, а жизнь всего пустее. Такое состояние хуже смерти“ (Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу, стр. 119). Поверхностное отношение Н. И. Тургенева к этой личной драме поэта — несколько неожиданно, ибо он должен был быть хорошо о ней осведомлен через брата, Александра, который, будучи ближайшим „поверенным“ Жуковского, помог другу своим участием перенести и самый тяжелый удар — замужество М. А. Протасовой 218.

Молчанов, Петр Степанович (1773—1831), статс-секретарь у принятия прошений, занимавший в 1808—1815 гг. должность управляющего делами Комитета министров. По отзыву П. А. Вяземского, Молчанов был „всемогущим дельцом“, и действительно И. И. Дмитриев, напр., не поладив с ним, вынужден был выйти из Комитета министров. Уволенный в 1817 г. Молчанов стал сенатором 1-го департамента, но уже утратил всякое влияние на государственные дела. В молодости занимался литературой, а уже будучи в отставке и ослепши, сблизился с Вяземским, Плетневым, Пушкиным, ценившими его ум и блестящую память, делавшую его увлекательным рассказчиком 230, 234, 240, 243.

Монреаль, банкир 213.

Monsieur — см. *Д'Артуа*.

Мордвинов, Николай Семенович, граф (1754—1845), адмирал, выдающийся государственный деятель. Крупнейший представитель русского „торизма“

начала XIX века, убежденный, что „права политические должны быть основаны на знатном сословии, весьма уважаемом“, поборник аристократической конституции, он в то же время энергично защищал интересы торгового и промышленного развития страны, высказываясь вначале и за облегчение участи крестьян. К 1820-м годам он, однако, пришел к убеждению, что колебать крепостное право нельзя до тех пор, пока повышение цен на хлеб, рост населения и технический прогресс не сделают наемный труд выгодным для помещиков. Тем энергичнее Мордвинов ратовал за развитие производительных сил, смело критикуя в качестве председателя Департамента экономики политику министерства финансов и доказывая, что не налогами и не ассигнациями можно поднять благосостояние государства. Своими выступлениями он стяжал большую популярность: он был воспет Пушкиным и Рылеевым, его „мнения“ разошлись по рукам во множестве копий, декабристы намечали его во временное правительство. В работе о тарифе („Некоторые соображения о предмете мануфактур в России и о тарифе“, Архив гр. Мордвиновых, V, стр. 68—103 и „дополнительные рассуждения“ о том же, стр. 104—120) Мордвинов высказывался за запретительную систему, утверждая, что только покровительство мануфактурам выведет „Россию из чреды Испании и Португалии, овцеводством и земледелием токмо занимавшихся, с предоставлением всех родов рукоделий Англии“. Н. И. Тургенев, служивший в деп-те экономики под начальством Мордвинова относился к нему, несмотря на различие во взглядах, с глубоким уважением (см. *La Russie et les Russes*. I, p.p. 123—127) 169, 172, 222, 244, 414, 444.

Морена, Жером, граф (1701—1781), франц. политич. деятель, известный своими интригами и беспринципностью 487.

Морков, Аркадий Иванович, граф (1747—1827), посланник в Стокгольме и потом в Париже 341.

Моро, Жан-Виктор-Мари (1763—1813), французский полководец, соперник Наполеона, которому содействовал при перевороте 18 брюмера, но против которого потом стал организовывать оппозицию. За участие в заговоре Пишегрю был изгнан из Франции. В 1813 г. по приглашению Александра I принял участие в военных действиях против Наполеона и был смертельно ранен в битве при Дрездене 116, 121.

Моро, вдова маршала 120.

Муравьев, Михаил Никитич (1757—1807), историк, поэт и педагог, наставник-воспитатель Александра и Константина Павловичей. В павловское время принадлежал к небольшому кружку, поощрявшему либеральные симпатии наследника, а с воцарением своего питомца стал сперва статс-секретарем по приему прошений, а затем товарищем министра народного просвещения, являясь проводником начинаний Негласного комитета. Как писатель Муравьев примыкал к сентиментальному направлению. С Карамзиным и его окружением он был связан и личными отношениями 240, 241, 300, 452.

Муравьев, Никита Михайлович (1796—1843), сын М. Н. Муравьева, капитан Гвардейского генерального штаба. Один из основателей „Союза

Спасения“, а потом член Верховной Думы и один из идеологов Северного общества, автор „Конституций“. 1 II 1826 в Следственной комиссии, Н. М. Муравьев дал показание об известном совещании членов коренной думы Союза Благоденствия в 1820 г. у Ф. Н. Глинки. На этом совещании, по его объяснению, во время диспута о преимуществах республиканского строя „когда дело дошло до Н. Тургенева, тогда он произнес: п р е з и д е н т а без всяких толков! (Le président — sans phrases)“ (Восстание декабристов I, стр. 311). Кроме того, Н. Муравьев подтвердил показание Рыльева о согласии Тургенева на вывоз царской семьи за границу, хотя отмечал, что „не в состоянии привести выражений, коими Тургенев изъявил свое условное согласие“ (см. выше стр. 48). Н. Тургенев столь же резко возражал против этого обвинения и в своей „оправдательной записке“ (Красный Архив, 1925, XIII, стр. 89) 472, 480.

Муравьев-Апостол, Иван Матвеевич (1765—1851), писатель и государственный деятель, отец декабристов. „Кавалер“ при вел. князьях Николае и Михаиле Павловичах, затем в 1797—1805 гг. русский посланник в Гамбурге и потом в Мадриде, позднее — сенатор. Член Российской Академии и „Беседы любителей русской словесности“, в „Чтениях“ которой помещал свои произведения, по преимуществу переводы с древних языков 117, 249, 260, 371, 442.

Муравьева, Екатерина Федоровна (1771—1848), вдова М. Н. Муравьева, мать декабристов Никиты и Александра Муравьевых 281.

Мусина-Пушкина, Екатерина Васильевна, графиня, урожд. княжна Волконская (1754—1829), жена известного археолога и собирателя рукописей гр. А. И. Мусина-Пушкина 101.

Мюллер, Иоганн (1725—1809), немецкий историк и публицист. Тургенев имеет в виду курс его лекций по всеобщей истории: „24 Bücher Allgemeine Geschichte. 1811“ (Дневники, II, 320) 180, 182—184.

Мюрат, Иоахим (1771—1815), один из ближайших сподвижников и любимцев Наполеона, ставший в 1808 г. королем неаполитанским. Отзыв о нем Тургенева проникнут личной симпатией. „Он мне понравился более всех ему подобных, — писал Тургенев. — Смеется, кланяется, как должно; и совсем не манерится, и хват сверх того собою“ (Дневники, II, 152) 110, 369.

Наполеон I Бонапарт (1769—1821), французский император с 1804 по 1814 гг. 107, 111, 117, 121—124, 126, 147, 161, 267, 268, 311, 317, 362, 363, 365—378, 381, 384—386, 389, 392, 405, 407, 408, 415, 422, 425, 427, 430, 442, 444, 445.

Нарышкин, Александр Львович (1760—1826), главный директор театральной дирекции, обер-камергер, а с 1819 г. — канцлер всех российских орденов. Известный мот и остролов 248, 253, 303.

Нарышкин, Михаил Михайлович (1798—1863), полковник Тарутинского пех. полка, декабрист, член Союза Благоденствия и Северного общества. Сближение его с Тургеневым относится ко времени совместной работы в тайном обществе. Впреки этому Тургенев во второй оправдательной записке писал: «Что касается до Нарышкина, которому я... по словам Семенова, предлагал вступить в [Северное] общество, скажу только, что я не помню, чтобы я с Нарышкиным когда-либо говорил» (Красный Архив, XIII, 1925, стр. 89) 184, 326.

Наталья Федоровна — см. *Ртищева*.

Неверовский, Петр Яковлевич (ум. 1820), чиновник по особым поручениям в комиссии составления законов и начальник 2-го отделения в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий, один из ближайших и любимых сотрудников А. И. Тургенева 299, 300.

Невзоров, Максим Иванович (1762—1827), поэт и публицист, один из руководителей старого масонства, сподвижник Н. И. Новикова и И. В. Лопухина, ближайший друг семьи Тургеневых. Привлекался к процессу мартинистов. Издавал журнал „Друг Юношества“, в котором напечатал в 1809 г. статью, содержащую страстный протест против эксплуатации крепостных крестьян помещиками. В письме к Голицыну в 1819 г. Невзоров приписывал недовольство низших классов тяжести налогов и податей, а также введению военных поселений (Т. Соколовская. Русское масонство, стр. 44—45). Проповедью подобных взглядов объясняется „изгнание“ Невзорова в 1817 г. из Московского университета, в котором он занимал разные должности 202, 326, 493, 497—498.

Нессельроде, Карл Васильевич, граф (1780—1862), реакционный дипломат школы Меттерниха, вице-канцлер, с 1816 по 1856 г. стоявший во главе министерства иностранных дел 94, 112—114, 124, 134, 136, 141, 160, 166, 168, 170, 171, 175, 180, 181, 183, 184, 188, 200, 203, 216, 225, 230, 235, 257, 273, 275, 277, 279—281, 284, 285, 290, 292, 296, 299, 332—335, 339, 341, 348, 417, 425, 429, 431, 453, 460.

Нессельроде, Мария Дмитриевна, графиня (1786—1849), жена вице-канцлера и дочь министра финансов гр. Д. А. Гурьева 333, 335.

Нефедьева, Александра Ильинична (1782—1857), двоюродная сестра Тургеневых — 197, 199, 344, 347, 350, 352, 493.

Нефедьева, Мария Семеновна, урожд. Качалова (1757—1821), тетка Н. И. Тургенева по матери. Скупая и корыстолюбивая женщина, она имела весьма дурное влияние на сестру, Е. С. Тургеневу, которую со всеми перессорила. Племянники относились к ней недоброжелательно (Е. И. Тарасов. Детство и юность Н. И. Тургенева. Журн. мин-ва народн. просвещ., 1915, № 8, отд. 2, стр. 210) 95, 197, 199, 202, 215, 344.

Нибур, Бартольд-Георг (1776—1831), знаменитый немецкий историк, автор „Römische Geschichte“ и других трудов, проникнутых строго критическим

отношением к источникам. Главное значение в истории придавал политическому развитию народов. Тургенев, вероятно, имеет в виду его издание „Preussische Correspondenz“, скоро прекратившее свое существование 176.

Николай Александрович — см. Старынкевич.

Николай Павлович (1796—1855), великий князь, император с 1825 г. 202, 225, 314, 481,

Николай Семенович — см. Мордвинов.

Николль, Доминик-Карл (1758—1833) аббат. Во время французской революции эмигрировал и с 1793 г. жил в России. В Петербурге он открыл пансион для детей русской аристократии. В 1817 г. был назначен директором только-что учрежденного Ришельевского лицея в Одессе. В 1820 г., в связи с обвинением его в распространении католицизма среди воспитанников лицея и в отрицательном отношении к Библейскому обществу, подал в отставку и уехал во Францию (см. Farras. Vie de l'abbé Niccolée. Paris, 1857) 266.

Новиков, Михаил Николаевич (1777 — около 1822), двоюродный племянник Н. И. Новикова, правитель канцелярии Малороссийского генерал-губернатора кн. Н. Г. Репнина. Видный масон, член ложи „Избранного Михаила“, основатель и управляющий мастер ложи „Любовь к истине“ в Полтаве. Вместе с тем был деятельным членом Союза Спасения и Союза Благоденствия. Пестель свидетельствовал, что принят был в тайное общество в 1816 г. именно Новиковым (Восстание декабристов, IV, 80). Согласно показанию того же Пестеля „первую мысль о республиканском правлении подал проект конституции Новикова“. „Отличительная черта Конституции Новикова заключалась в том, что она была республиканская, и верховная власть в оной находилась в особом сословии, коего председатель имел два голоса, а прочие члены только по одному, — показывал Пестель. — Прочие предметы определялись как и во всех почти республиканских конституциях. Много было сходства с американскою“ (Там же, IV, 101, 113). По отъезде на службу в Полтаву, Новиков принял поручение организовать там управу тайного общества, и хотя он, повидимому, не успел этого сделать, но есть основания полагать, что учрежденная им масонская ложа должна была служить преддверием к тайному обществу.

Тургенев познакомился с ним, конечно, по тайному обществу, где Новиков, впрочем, вопреки своей энергичной деятельности, повидимому, не пользовался авторитетом. С. П. Трубецкой показывал: „О Новикове мы узнали, что он завел масонскую ложу; но как действовал для общества, мне осталось неизвестным; только слышали мы после, что он по званию своему вел себя дурно, стараясь нажить; отчего по обществу мы не желали иметь с ним сношений“ (Восстание декабристов, I, 85). Столь же нелестный отзыв дал о нем и декабрист М. И. Муравьев-Апостол, адъютант Репнина: „Заметь, что Новиков позволял себе многие злоупотребления, несовместимые с моими мыслями, я от него совершенно отстал“. Масонский соратник Новикова,

В. Л. Лукашевич, также свидетельствовал, что он „ни доверием, ни уважением в Малороссии не пользовался“ (В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. СПб. 1909. стр. 298) 267.

Новиков, Николай Иванович (1744—1818), писатель, журналист и издатель, заключенный Екатериной II в Шлиссельбург как опасный „вольномудец“. „Живописец“ — один из сатирических журналов, издававшихся им, рассчитанный на дворянскую интеллигенцию и нарождавшееся третье сословие 199, 241, 357.

Новосильцов, Николай Николаевич, граф (1761—1836), выдающийся государственный деятель начала XIX в., наиболее влиятельный член „негласного комитета“. С 1813 г. вице-президент Временного совета по управлению Варшавским герцогством, с 1815 г. императорский комиссар Царства Польского, где ожесточенно боролся с польским национальным движением и патриотическими организациями. После восстания 1831 г. вернулся в Петербург и умер в звании председателя Государственного совета и Комитета министров. В представлении Тургенева запечатлелся, видимо, образ еще молодого Новосильцова, хорошо ему знакомого по близкой связи его с И. П. Тургеневым. Будучи очень высокого мнения о Новосильцове (см. Дневники, II, 188, 214, 308), Тургенев, на слух о назначении его министром народного просвещения (впоследствии не подтвердившийся), откликнулся в письме к брату Александру, от 30 XII 1815: „Дай бог чтобы, опытность не погасила в нем того пламени, которым он и его сотрудники озарили эпоху российской истории: первые пять лет царствования императора“ 121, 152, 243, 414, 419, 489.

Нодье, Шарль (1780—1844), известный французский писатель, примыкавший к романтической школе, автор нашумевшего романа „Jean Sbogar“. По соглашению с аббатом Николлем, он должен был помочь последнему в организации Ришельевского лицея, открыть в Одессе типографию и издавать там политическую и литературную газету. (Практически это не состоялось — см. Frappaz. La vie de l'abbé Nicolle. Paris, 1857, pp. 118—119.) 1 ноября 1817 г. в „Journal des Débats“ была напечатана статья его об Одессе и Ришельевском лицее (выдержки перепечатаны в той же книге, стр. 277—280.) 265.

Ожаровский, Адам Петрович, граф (1776—1855), генерал-адъютант, генерал от кавалерии, сенатор. Родственник декабристов Муравьевых-Апостолов 170.

Оленин, Алексей Николаевич (1763—1843), президент Академии Художеств и директор Публичной библиотеки 332, 399, 444, 487.

Олсуфьева, Мария Павловна (1798—1819), сестра П. П. Каверина 286.

Оранский, принц (1792—1849), сын нидерландского короля Вильгельма I, с 1840 г. король Нидерландов. С 1816 г. был женат на сестре Александра I, Анне Павловне 234.

Ореус, Иван Максимович (1787—1863), чиновник мин-ва финансов, впоследствии вице-директор департамента внешней торговли 177, 183, 187, 190, 197, 200.

Орлеанский, герцог Луи-Филипп (1773—1850), родственник Бурбонов, имевший либеральную репутацию. В 1830—1848 гг. король французов 216.

Орлов, Алексей Федорович, князь (1787—1862), побочный сын гр. Ф. Г. Орлова, генерал-адъютант, командир л.-гв. Конного полка, участник всех наполеоновских войн, с 1805 г. и до взятия Парижа. Старший брат М. Ф. Орлова, он отнюдь не разделял его либеральных взглядов, а напротив того, искореняя их в своих подчиненных, успешно делал карьеру и пользовался дружеским расположением великих князей. 14 декабря 1825 г. Орлов первый явился со своим полком на Сенатскую площадь. Победою в этот день Николай в значительной мере обязан был преданности, распорядительности и решимости Орлова. 25 XII он получил графский титул, и с этих пор стал ближайшим другом и доверенным Николая, ценившего его едва ли не выше всех своих приближенных и облекавшего его всегда неограниченным доверием 157, 237, 280, 297, 303.

Орлов, Григорий. Неизвестно, которого Григория Орлова имеет в виду Тургенев. Возможно, что это Григорий Федорович Орлов (ум. 1850), генерал-майор, брат Алексея и Михаила Орловых. Вероятнее, что имеется в виду граф Григорий Владимирович Орлов (1777—1826), сенатор и действительный камергер, большею частью живший за границей, вследствие болезни своей жены. Он издал на французском языке несколько книг по искусству. Вяземский вспоминал о нем: „В нем была европейская благонамеренность в уме и обращении. Пожалуй говори, что не он писал свои книги. Спасибо ему и за то, что русский граф и русский барин нескольких тысячей душ искал он отличия авторского и, следовательно, признавал его в душе“ (П. А. Вяземский. Собрание сочинений, IX, 78) 293.

Орлов, Михаил Федорович (1788—1842), декабрист, брат А. Ф. Орлова. Воспитывался в пансионе аббата Николая. С 1805 г. в военной службе. Участвовал в походах 1805—1807 гг. В 1810 г. — адъютант кн. П. М. Волконского. В 1812 г. — флигель-адъютант и полковник. В 1814 г. был уполномочен Александром I для подписания капитуляции Парижа, после чего произведен в генерал-майоры. В 1815 г. назначен начальником штаба 7-го пехотного корпуса, но по болезни два года пролежал в Париже. В Петербург приехал весной 1817 г. К этому времени относится его деятельность в „Ордене Русских Рыцарей“ и „Арзамасе“ (подробно см. во вступ. статье, стр. 40—48). Назначенный вскоре после того в Киев начальником штаба 4-го пехотного корпуса, он там, по словам Н. И. Тургенева, „сблизился с филантропизмом“ и занялся организованной Н. Н. Раевским ланкастерской школой. Школа эта в 1819 г. насчитывала до 800 учеников, и преподавались в ней, кроме чтения, письма и счета, грамматика и закон божий. В № 85 „Русского Инвалида“ за 1819 г. была помещена корреспонденция, в которой говорилось, что видеть это заведение „и не восхищаться оным были бы две совершенно несовместимые идеи“. 11 VIII 1819 г. Орлов был избран вице-президентом киевского отделения Библейского об-

щества. При этом он произнес речь, в которой убеждал Общество открыть бесплатную школу и обрушился на реакционеров, „любителей не древности, но старины, не добродетелей, но только обычаев отцов наших, хулителей всех новых изобретений, врагов света и стражей тьмы“. Вся русская история, по мнению Орлова, „полна их покушений против возрождения России“. Он заявил себя сторонником „образования отечественного, не того, которое родится от гордого умствования и порождает беззаконие, но того, которое ведет к познанию всех наших обязанностей гражданских и духовных“ (Сборн. Русс. ист. об-ва, т. 78, стр. 524—525). Речь Орлова имела большой успех среди либералов. Вяземский писал А. И. Тургеневу: „Я в восхищении от этой речи . . . Орлов недюжинного покроя. Наше правительство не выбирать, а удалять людей умеет с мастерскою прозорливостью“. Не меньший успех имели распространявшиеся в копиях письма Орлова к Д. П. Бутурлину, в которых автор говорил о своей „истинной и непреклонной ненависти к тиранству“ и заявлял, что „Россиянин должен проклинать тот несчастный закон, который осудил на рабство большую часть наших сограждан“ (Декабристы и их время, I, стр. 199—205). Письма Орлова к Бутурлину упоминает в своих показаниях А. А. Бестужев, на ряду с запиской Д. И. Фонвизина о необходимости основных законов и стихами Пушкина, как образцы немногочисленной рукописной литературы политического содержания. В 1820 г., назначенный начальником 16-й пехотной дивизии в Кишинев, Орлов возглавил Бессарабскую ячейку Союза Благоденствия, открыл ланкастерскую школу, в которой его товарищи по тайному обществу, В. Ф. Раевский и К. А. Охотников, занимались революционной пропагандой, и повел энергичную борьбу с телесными наказаниями в дивизии (см. М. О. Гершензон. Молодая Россия, 1923, стр. 9—78). Это создало ему большую популярность в дивизии. В 1821 г. Орлов выступил на московском съезде Союза Благоденствия с предложениями о необходимости революционизировать тайное общество. Предложения эти не были приняты, и Орлов формально вышел из тайного общества, не теряя, однако, связи с ним. Из дневников Н. И. Тургенева видно, что происшествия на съезде послужили предметом переписки между ними в 1821 г. (III, 269). В 1823 г. Орлов после ареста В. Ф. Раевского был отстранен от командования дивизией и поселился в Москве. В 1825 г. перед восстанием петербургские заговорщики очень рассчитывали на его поддержку, но Орлов остался в стороне. Арестованный и привлеченный к следствию, он, вследствие заступничества брата Алексея, был только выслан под надзор в деревню 153, 157—160, 169, 178, 204, 213, 218, 220, 222, 224, 229, 233, 238, 243, 283, 297, 298, 301—303, 341, 404, 407, 408, 411, 416, 419, 431, 432, 434, 446, 485.

Орлова, Екатерина Николаевна — см. *Раевская*.

Остен-Сакен, Фабиан Вильгельмович, князь (1752—1837), генерал-фельдмаршал 139, 371.

Оуэн, Роберт (1771—1858), великий английский утопист. Согласно его теории, человек есть продукт окружающих условий и воспитания и изменение к лучшему этих условий улучшит самого человека и повысит качество его труда. Оуэн стремился всячески повысить благосостояние рабочих своей Нью-Лэнаркской хлопчатобумажной фабрики. Но надежды его на то,

что его пример найдет подражателей и господствующие классы пойдут по проложенному им пути, оказались тщетными 463.

Павел Петрович — см. *Соколович*.

Пазухин, Петр Семенович, советник симбирской гражданской палаты по счетной части 323, 330.

Панкратьев, сослуживец С. Тургенева, в середине февраля 1817 г. приехавший в Петербург. 15 февраля Н. Тургенев записывал: „От Сергея получил я длинное письмо. Панкратьев сказывал, что ему там жить весело“ (Дневники, III, 27) 210.

Панчулидзева, Александр Алексеевич (1790—1867), флигель-адъютант Александра I. В 1819 г. вышел в отставку с чином полковника 127, 130, 131.

Паулучи, Филипп Осипович, маркиз (1779—1855), ген.-от-инфантерии, с 1812 г. лифляндский и курляндский генерал-губернатор. В 1817 г. произнес нашувешую речь, предшествовавшую освобождению крестьян в вверенных ему губерниях. „Речь, которую говорил Паулучи в Митаве, — записывал Н. И. Тургенев, — печатают, как я слышу, даже и на русском в Инвалиде. Этого бы я не посоветовал, а еще менее говорить такие речи. Там, где нужно отвратить угнетение и жестокое своеволие, не к стати говорить о свободе... Дурной знак, когда говорят там, где нужно действовать. Слова, часто жизнь вещей и идей, еще чаще бывают смертию их“ (Дневники, III, 24) 210, 229,

Пезаровиус, Павел Петрович (1776—1847), редактор газеты „Русский Инвалид“ 485.

Перовский, Алексей Алексеевич (1787—1836), известный в свое время писатель под псевдонимом „Погорельский“. Побочный сын (как и его братья, Василий и Лев) гр. А. К. Разумовского. В 1807 г. окончил Московский университет и, после недолгого пребывания на гражданской службе, зачислен был штабс-ротмистром в 3-й Украинский казачий полк, с которым проделал кампанию 1812—1813 гг. После того назначен адъютантом к кн. Репнину-Волконскому и, очевидно, именно в это время сблизился с Н. И. Тургеневым. По возвращении в Россию, в 1817 г. назначен был чиновником особых поручений при департаменте духовных дел иностранных вероисповеданий. В этой должности он оставался до 1822 г., когда, выйдя в отставку, всецело посвятил себя литературной деятельности 142, 144, 147, 202, 205, 206, 211, 237, 241, 249, 345.

Перовский, Василий Алексеевич (1792—1857), воспитанник Московского благородного пансиона (где он, повидимому, уже не застал Н. Тургенева) и Муравьевской школы колонновожатых. Участвовал в войне 1812 г. и при отступлении из Москвы взят в плен. В 1814 г. зачислен в Гвардейский генеральный штаб и состоял адъютантом П. В. Голенничева-Кутузова. Либерал, по отзывам современников, он принадлежал к Союзу Благочестия. Увлечение это, однако, было недолговременным. С 1818 г., переведенный в л.-гв. Измайлов-

ский полк, Перовский состоял адъютантом Николая Павловича, как шефа полка, и в день 14 декабря 1825 г. выказал особенную ему преданность, находясь неотлучно при нем во все время восстания, за что получил флигель-адъютантские аксельбанты. Впоследствии граф, генерал-адъютант, член Государственного совета, оренбургский и самарский генерал-губернатор 141, 202.

Перовский, Лев Алексеевич (1792—1856), брат предыдущих, должен был быть знаком с Н. И. Тургеневым еще по Московскому благородному пансиону, по окончании которого, в 1811 г. поступил в Муравьевскую школу колонновожатых. В 1812 г. выпущен прапорщиком в действующую армию и вернулся в Россию штабс-капитаном Гвардейского генерального штаба. Как и брат Василий, недолго был членом Союза Благоденствия. Впоследствии — министр внутренних дел, министр уделов, генерал-адъютант 136, 138, 142, 146, 147, 151, 164, 176, 202, 334.

Перье, Казимир (1777—1832), видный французский финансист и политический деятель. Тургенев упоминает его брошюру „*Reflexions sur le projet d'emprunt*“ Paris, 1817, 216.

Песталоцци (1746—1827), знаменитый педагог, последователь Руссо, учивший, что воспитание и обучение должны основываться на самой природе человека, осуществляясь путем наглядности, достигаемой участием всех внешних органов чувств в приобретении и усвоении знаний. Свои педагогические взгляды Песталоцци проводил на практике в организованной им школе-приюте для бездомных и бедных детей (в Ивердоне).

Иронически-поверхностный отзыв об этом заведении Тургенева контролируется его же письмом к брату Александру, в котором он отмечал, что „Песталоцци представляет глазам любопытных новую методу воспитания. Я был у него, потом ходил по классам. Всего более понравилось мне, что учителя обходятся с учениками, кажется, лучше нежели обыкновенно. В превосходстве методы его я не совсем уверен, несмотря на декламацию одного из учителей, который нас посетил и проповедывал около трех часов“ (Дневник, II, 425) 102, 117.

Пестель, Иван Борисович (1765—1843), сибирский генерал-губернатор в 1806—1819 гг., умный, жестокий и самовластный честолюбец. Управляя с 1809 г. Сибирью из Петербурга, он, тем самым, явился объективным виновником развития на далекой окраине всех видов злоупотреблений. Отец декабриста 281, 408, 439, 446, 480.

Петин, Иван Александрович (1788—1813), полковник л.-гв. Егерского полка. До поступления в Пажеский корпус, он воспитывался в Московском благородном пансионе, где старшим товарищем его был В. А. Жуковский, с которым и впоследствии он сохранял дружеские отношения (см. его письмо к Жуковскому, Русск. Арх., 1878, т. III, стр. 362—363). Одаренный литературными способностями, он занимался переводами, к которым поощрял его Жуковский, сотрудничал в литературных журналах, писал и по военным вопросам в „Военном Журнале“. Общаясь со многими литераторами из кружка Жуков-

ского, он был особенно близок и дружен с К. Н. Батюшковым, с которым вместе проделали они кампанию 1805—1807 гг., будучи одновременно ранены, финляндский поход 1808—1809 гг., и, наконец, „отечественную“ войну. 4 октября 1813 г. Петин был убит в битве под Лейпцигом. Памяти его Батюшков посвятил элегию „Тень друга“ (1814) и прочувствованный очерк „Воспоминание о Петине“ 111.

Петре, Петр — см. *Каверин, П. П.*

Петр Александрович — см. *Толстой.*

Петр I Алексеевич (1672—1725), царь московский с 1682 г., император с 1712 г. 91, 200, 245, 256, 311, 399, 412.

Петр Павлович — см. *Каверин.*

Петр Петрович — см. *Тургенев.*

Петр Семенович — см. *Аржевитинов.*

Петр Яковлевич — см. *Чаадаев.*

Пизани — в 1821 г., при русском посольстве в Константинополе состояли два Пизани: Павел Николаевич, колл. советник, 2-й секретарь посольства, и Матвей Степанович, колл. советник, помощник драгомана. Неизвестно, о котором из них упоминает Тургенев 338.

Пикард, доктор в Геттингене 96.

Пикулин, Лука Егорович (1784—1824), главный врач отдельного корпуса гр. Воронцова в 1816 г., впоследствии экстраординарный профессор анатомии и физиологии в Московской медико-хирургической академии 173, 244

Пиомбо, Фра-Бастуано, — прозвище итальянского живописца Себастиано Лучиано (род. ок. 1486, ум. 1547). „Воскрешение Лазаря“ (в лондонской Национальной галерее) считается лучшей его работой 465.

Поенцполь, Петр Васильевич, дипломат, в 1820-х годах состоявший при русской миссии во Флоренции; впоследствии — русский генеральный консул в Гавре 300.

Полетика, Петр Иванович (1778—1849), товарищ Н. И. Тургенева по „Арзамасу“, где носил прозвище „Очарованный челнок“. Служа советником посольства в Мадриде, некоторое время проживал по служебным делам в Лондоне. В 1818 г. произведен в действ. стат. советники и назначен полномочным министром в Америку (Северная Почта, 1818, № 21, стр. 1; Остафьевский Архив, т. I, по ук.) 244, 257, 259, 269, 272, 397.

Полторацкий, Дмитрий Маркович (1761—1818), известный агроном, один из организаторов Московского общества сельского хозяйства, в имени

своём Авчурине (близ Калуги) один из первых в России введший английские земледельческие орудия и совершенствовавший культуру картофеля и овощей 206.

Помбаль, маркиз (1699—1782), португальский государственный деятель, с 1750 г. министр иностранных дел, вскоре после того сконцентрировавший в своих руках все нити управления. Особенно прославился ожесточенной борьбой с иезуитами, которая привела первоначально к конфискации всех орденовских имуществ, уничтожению целого ряда монастырей и т. д. В 1768 г., под влиянием Помбаля, посланники бурбонских дворов решительно предложили папе уничтожить Общество Иисуса, и в 1773 г. Помбаль действительно добился закрытия ордена. „Русским Помбалем“ Н. И. Тургенев назвал А. Н. Голицына, намекая на его борьбу с иезуитами в России 155, 159, 160.

Понсет, Михаил Иванович, генерал-лейтенант квартирмейстерской части, состоявший в Мобеже при гр. М. С. Воронцове 227, 228.

Потоцкий, Станислав Станиславович (1782—1831), генерал-адъютант 303, 434.

Поццо-ди-Борго, Карл Осипович, граф (1764—1842), генерал-адъютант Александра I, родом корсиканец. Избранный в депутаты Законодательного собрания, он примкнул к монархической партии и после провозглашения республики вынужден был вернуться на родину. К этому времени относится и разрыв его с Бонапартами, примкнувшими к якобинцам, тогда как Поццо в 1794 г. образовал монархическую партию, отдавшую Корсику под покровительство Англии. Сложив с себя в 1796 г. звание президента Государственного совета и покинув родину вследствие вражды с Наполеоном, Поццо с 1812 г. служил в русском дипломатическом корпусе. В 1813 г. был отправлен в Лондон к Людовику XVIII, которого убеждал дать Франции конституцию. Затем до 1834 г. был русским посланником в Париже.

Тургенев познакомился с Поццо-ди-Борго в начале 1814 г., на обеде у Штейна, и он ему „очень понравился“ (Дневники, II, 240). Однако либеральные взгляды Тургеневых слишком противоречили политическим взглядам Поццо, чтобы это первое впечатление могло долго удержаться. В частности, в 1817 г., когда С. И. Тургенев состоял при гр. Воронцове, именно Поццо обвинял его в ультралиберальных взглядах и вольнодумных разговорах (стр. 399). Тогда же, 29 XII 1816 г., Н. И. Тургенев записывал: „Сегодня получили мы письма от Сергея... Из писем его видно, что и в Париже либеральные его идеи нашим хамам и хамикам не нравятся. Он справедливо думает, что это может, в теперешнем его положении, с одной стороны, вредить ему. Но он не должен забывать, что мы не для того исповедуем либеральные идеи, чтобы нравиться людям, из коих большая часть хамы... Впрочем, мне досадно, что Сергей должен защищаться... Если будет доказано, что Pozzo даже и не врал, как Сергей пишет, то подлинно он тогда будет только одною летучею мышью и презрительнейшим из пресмыкающихся“ (Дневники, III, 14.) 123, 207, 295, 296, 431.

Прадт-де Доминик-Дюфур (1759—1837), аббат, политический деятель и публицист. Депутат Генеральных штатов 1789 г., примкнул к реакционному меньшинству и после принятия Национальным собранием закона о гражданском устройстве духовенства эмигрировал. В 1800 г. он вернулся во Францию сторонником Наполеона. Последний сделал его епископом в Пуатье и дал ему титул барона. В 1812 г. он был посланником Наполеона в Варшаве, но не оправдал надежд и был отстранен от должности, после чего вернулся к старым политическим симпатиям и стал сторонником монархии Бурбонов в конституционных формах и системы мира и равновесия в европейских делах. После 1814 г. Прадт стал популярным и плодовитым публицистом. Начиная с работы о Венском конгрессе (1816 г.), он неизменно критиковал европейские правительства, обличая их нежелание водворить мир и их реакционность, и особенно нападал на завоевательные стремления России. Работа его, упоминаемая Тургеневым в письме от 7 IV 1816 г., носит название: „Mémoires historiques sur la révolution de l'Espagne“. Она встретила критику официальной печати, ядовито отмечавшей, что автор полюбил свободу лишь с недавнего времени и не говорил о ней, когда был у власти 245, 413.

Прокопович-Антоновский, Владимир Михайлович (1793—1849), обер-секретарь Сената, потом пензенский губернатор 185.

Пуятин, Алексей Петрович, двоюродный брат Н. И. Тургенева, новгородский помещик 328, 333, 334, 342, 345, 351, 352.

Пуятин, Михаил Петрович (1778—1830), двоюродный брат Тургенева по матери 200, 204, 206, 209, 213, 216, 218, 220, 223, 226, 232, 238, 241, 249, 251, 253, 256, 260, 265—267, 272, 312, 317, 328, 333, 334, 342, 345, 351, 352.

Пуятина, Александра Петровна, первая жена М. П. Пуятина 200, 204, 209, 213, 215, 218, 223, 243, 251.

Пуятина, Варвара Семеновна, урожд. Качалова (род. 1756), сестра Е. С. Тургеневой, мать М. П. Пуятина 197, 199, 200, 218, 220, 243, 347.

Пуятина, Елизавета Петровна, дочь предыдущей 223.

Пушкина, графиня — см. Мусина-Пушкина, гр. Е. А.

Пушкин, Александр Сергеевич (1799—1837) 235, 267, 299, 302, 419.

Пушкин, Василий Львович (1767—1830), дядя А. С. Пушкина, поэт, примыкавший к карамзинской школе, автор „Опасного соседа“, член „Арзамаса“. Легкомысленный и простодушный человек, он служил неисчерпаемым источником для острословия и всевозможных проделок его друзей. В бытность свою в Париже в 1803 г. Пушкин познакомился с знаменитым французским драматическим актером Тальма, у которого брал уроки декламации. А так как Пушкин и после того продолжал декламировать худо, считая сам себя

блестящим декламатором, то эти уроки никогда не были ему забыты его друзьями. Вяземский еще в 1816 г. сочинил шуточную его эпитафию:

Здесь Пушкин наш лежит; на нем лежат два слова:
Учился у Тальмы и проучил Шишкова.

Еще прежде того, в 1803 г., И. И. Дмитриев в шуточной форме описал путешествие В. Л. Пушкина в известном стихотворении: „Путешествие NN в Париж и Лондон, писанное за три дня до путешествия“. Очевидно, с этим стихотворением и связано замечание Тургенева 96, 328, 397.

Раевская, Екатерина Николаевна (180?—1885), старшая дочь Н. Н. Раевского, о которой Пушкин в письме к брату от 24 IX 1820 отзывался, как о „женщине необыкновенной“. В 1821 г. вышла замуж за М. Ф. Орлова. А. И. Тургенев тогда же писал Вяземскому, что „Орлов женится на дочери генерала Раевского, по которой вздыхает Пушкин“ (Остафьевский Архив, II, 168) 344.

Раевский, Александр Николаевич (1795—1868), сын генерала Н. Н. Раевского. Воспитывался в Московском университетском пансионе и с 1810 г. начал военную службу. В 1819 г., в чине полковника, был прикомандирован к Кавказскому отдельному корпусу. На всех окружающих Раевский производил впечатление исключительно одаренного человека. Пушкин, познакомившийся с ним вскоре после того, писал брату, что Раевский „будет более, нежели известен“ 275, 281, 283, 299.

Раевский, Николай Николаевич, старший (1771—1829), генерал-от-кавалерии, герой 12-го года. Известный своим политическим фрондерством, Раевский намечался будущими декабристами в члены временного правления. Но и помимо того он оказался втянут в декабрьские события, к которым были причастны оба его сына, сводный брат В. Л. Давыдов и зятья М. Ф. Орлов и кн. С. Г. Волконский. С 1815 г. Раевский командовал 4-м армейским корпусом, в который входила дивизия Орлова. Уверенность Тургенева в том, что Раевский одобрит мероприятия Орлова, основывалась не только на политических настроениях Раевского, но и на том, что он еще прежде Орлова, в 1817 г., организовал в Киеве ланкастерскую школу 243, 341.

Раевский, Николай Николаевич, младший (1801—1843), сын генерала, близкий друг Пушкина, с которым познакомился, служа в гусарском полку в Царском Селе. Ему Пушкин обязан был своею поездкою в 1820 г. с Раевскими на Кавказ. В письме к брату, 27 IX—1820 г., Пушкин писал о своей „тесной связи“ с Раевским и „важных и незабвенных услугах“, оказанных ему последним 299.

Разумовская, Генриетта, графиня, рожд. баронесса Мальсен (1790—1827), „прототип умной, живой, огненной француженки“, по определению Жуковского. Она была в тесной дружбе с братьями Тургеневыми, с которыми познакомилась через С. П. Свечину. Нелады с мужем, гр. Г. К. Разумовским, в 1806 г. вторично женившимся на бар. Шенк де-Кастель, брак с которой был признан недействительным только благодаря влиятельным связям Разумовской,

побудили ее в 1816 г. покинуть Петербург и навсегда поселиться в Париже. Пользуясь там большим уважением и популярностью, она объединила в своем салоне всех выдающихся представителей интеллектуального Паряжа (А. А. Васильчиков. Семейство Разумовских, т. II. СПб., 1880, стр. 183—218) 223, 227, 290, 341, 477.

Разумовский, Андрей Кириллович, светл. князь (1752—1836), русский посол в Вене 115, 225, 289.

Раль, Александр Александрович, барон (1756—1833), выходец из Гаёнау, придворный банкир 146, 147, 151, 289, 290.

Рау, доктор, геттингенский приятель Н. И. Тургенева. В конце 1809 г. они вместе ездили в Кассель (Дневники, I, 234.) 94, 112.

Раутенфельд, лейпцигский студент, знакомец Н. И. Тургенева в 1811 г. 92.

Раупах, Эрнст-Вениамин-Соломон (ум. 1857), известный драматург и ординарный профессор всеобщей истории и немецкой литературы. На торжественном заседании в Главном педагогическом институте, по случаю возобновления кафедры всеобщей истории, Раупах прочел речь на немецком языке о пользе истории и новом методе ее преподавания. „Вчера были мы на открытии восточных кафедр и исторической, — писал тогда же А. И. Тургенев Вяземскому. — От шести часов вечера томили нас до двенадцатого часа. Раупах на немецком языке читал нам поэзию его истории, где много блестящих мыслей и уподоблений; но Карамзин недоволен главною его мыслию об истории человечества. . .“ (Остафьевский Архив, I, 96). В тот же день Н. И. Тургенев записывал в Дневнике: „Раупах парил надутый табаком и пивом по мрачным облакам, которые могут освещаться лучами истинного, непринужденного гения, подобно молнии. Все в таких исследованиях должно быть скоро, ясно, разительно — иначе все будет галиматья, и рассеянные идеи не оживотворяют хаоса“ (Дневники, III, 119). Любопытно отметить, что и позднейший слушатель Раупаха, М. С. Куторга, находил, что в его лекциях „много поэзии, но мало науки“ (В. В. Григорьев. Имп. С. Петербургский университет, стр. 8) 254, 418, 457.

Рахманов, Петр Александрович, полковник л.-гв. Преображенского полка. С 1810 г. состоял при военном министре и преподавал военные науки в школе колонновожатых. Видный математик, почетный член об-ва математиков в Москве, автор ряда научных трудов и издатель „Военного Журнала“ в 1810—1811 гг. „Добрый, честный, диник в одежде, иногда в выражениях, — вспоминал о нем П. Х. Граббе. В 1813 г. он командовал пехотным полком и в Лейпцигском сражении, уже в улице города, пал геройскою смертию впереди полка“ (Р. А., 1873, кн. 1, стр. 842—843) 111.

Рейс, Иеремия Давид (род. 1750), помощник библиотекаря университетской библиотеки в Геттингене 107.

Рембрандт-ван-Рейн (1606—1669), знаменитый голландский живописец 465.

Репнин-Волконский, Николай Григорьевич, князь (1778—1845), бывший посланник при Вестфальском дворе, в 1813 г. назначенный генерал-губернатором королевства Саксонии. Тургенев не симпатизировал Репнину, хотя ценил его административные способности, сходясь со Штейном, отзывавшимся о Репнине, как о толковом и добром человеке. В 1814 г. Тургенев писал брату Александру: „Вы знаете, что у меня сердце не лежит к Репнину, и сие отвращение увеличилось во время моего последнего пребывания в Лейпциге; но надобно ему отдать великую честь, что дела в Саксонии идут очень хорошо, и что управление его, делая честь ему, приносит славу и государю. И саксонский король благодарил государя за Репнина“. Антипатию к Репнину Тургенев вынес еще из первых встреч с ним в Геттингене, в 1809 г., когда русские студенты рассердились на остановившегося в Геттингене Репнина за холодный прием, оказанный им. „Да и как было не рассердиться, — замечал Тургенев. — Не знаю, происходит ли эта неучитливость от гордости или от недостатка в голове той вещи, которая делает человека человеком. Первое в этом случае было некстати“. И хотя при следующих встречах с русскими студентами Репнин загладил свою первоначальную неучитливость и даже предлагал Тургеневу устроить его при своей миссии, Тургенев сохранил к нему враждебное чувство. Уже в следующем году, рассказывая брату о любезности проезжавшего через Геттинген шведского короля, Тургенев сентенциозно замечал: „Теперь сравните с этим приемом прием нашего посланника кн. Репнина и сравните также Густава IV с кн. Репниным“ (Дневники I, 369, 375, 383, 387).

Назначенный в 1816 г. малороссийским военным губернатором, Репнин держал себя относительно либерально. Принадлежа к числу слегка фрондирующих александровских сановников, он был известен своими демонстрациями в пользу смягчения каторжных условий крепостного быта. Впрочем, „либерализм“ Репнина не помешал ему после восстания декабристов, в котором активно участвовал его брат, кн. С. Г. Волконский, весьма ревностно производить расследование о революционной деятельности Муравьевых-Апостолов, с семьей которых он был связан тесной дружбой (см. его рапорт от 12 I 1826 г.: Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ, т. I., М., 1931, стр. 422—423) 112, 114, 120, 125, 127—129, 135, 136, 139, 140, 147, 160, 169, 178, 179, 201, 211, 237, 246, 249, 253, 260, 267, 270, 311, 360, 373, 379, 451.

Репнина-Волконская, Варвара Алексеевна, княгиня, урожд. гр. Разумовская (1778—1864), жена кн. Н. Г. Репнина-Волконского. Сопровождала мужа и во время войны, и во время управления его Саксонией, она пользовалась симпатией всех его сотрудников. В 1815 г. вернулась в Россию 110, 128, 376.

Рибопьер, Александр Иванович, граф (1781—1865), камергер, начальник III отделения министерства финансов, затем, с 1817 г. по 1823 г., управляющий Государственным коммерческим банком. 13 мая 1824 г. был зачислен в ведомство Коллегии иностранных дел и назначен посланником в Турцию, где оставался до 1830 г. 279.

Рихман, Петр Иванович, секретарь посольства в Штутгардте 137, 194.

Рихтер, сослуживец Н. И. Тургенева 149.

Ришелье, Арман-Эммануэль-Дюплесси, герцог (1766—1822), известный франц. госуд. деятель, один из первых эмигрировавший в Россию во время революции и при Александре I бывший Новороссийским генерал-губернатором. В сентябре 1815 г., с уходом в отставку Талейрана, стал во главе французского кабинета. Принадлежа к умеренной фракции роялистов, Ришелье боролся с ультрароялистами, получившими перевес в палате. С победой либералов в 1818 г. на выборах, Ришелье, испуганный этой победой, искал поддержки справа, но должен был уйти в отставку. В 1820 г., после падения Деказа, он снова вернулся к власти, но на этот раз его кабинет был лишь переходной стадией к ультрароялистскому министерству Виллеля 207, 219, 246, 366, 383, 425, 433, 435, 442.

Робертсон, Вильям (1721—1793), англ. историк. Очевидно, у Тургенева идет речь о его работе „History of the reign of the emperor Charles V. Lond., 1769“, вышедшей в 1817 г. во франц. переводе Сюара 2-м изданием 226.

Розен, Григорий Владимирович, барон (1782—1841), генерал-адъютант. Тургенев относился к нему с большой симпатией (см. Дневники, II, по ук.), Отъезд его и М. А. Габбе (см.) он отметил и в дневнике: „Мы провожали их до Ганау. Там ночевали и сегодня возвратились. Я чувствую некоторую скуку после сих прощаний. Сие чувство скуки есть верно предчувствие большей“ (Дневники, II, 314) 139, 146, 156, 160, 173, 177, 179, 181, 182, 188, 190, 192, 209.

Розенкампф, Густав Андреевич, барон (1764—1832), старший член совета Комиссии составления законов, автор первого проекта закона о пресечении продажи крестьян без земли и по одиночке (1820), аттестованного Тургеневым „ни на что не похожим“ (Дневники, III, 224). „Rosenkampf должен быть пре-подлое, презрительное и опасное, в особенности в нынешнее время творение“, — писал Тургенев (там же, II, 196). И позднее снова: „С ним как побудежь несколько времени, то что-то самому перед собой после совестно. А с этими людьми надо служить, т. е. действовать ко благу общему“ (там же, III, 21). Впоследствии, в 1822 г. Тургенев содействовал Сперанскому в удалении Розенкампа из Комиссии составления законов (там же, III, 318) 131, 242.

Ройе-Коллар, Пьер-Поль (1763—1845), французский публицист, философ и полит. деятель. Противник якобинцев, он в 1796 г., будучи членом Совета пятисот, сблизился с монархистами и после переворота 18 фрюктидора был изгнан из Совета. С этого момента он уже вполне определяется как сторонник восстановления монархии Бурбонов. При Наполеоне, отойдя от политики, он занялся философией, выступая против рационализма и материализма. С 1814 г. снова обращается к политической деятельности в качестве сторонника конституционной партии. Группа левого центра, к которой он примкнул, поддерживала министерство Ришелье против ультрароялистов. В течение сессии 1817—1818 гг., когда министерство склонялось вправо, Ройе-Коллар и близкая к нему группа

становятся в оппозицию. Группа эта получает название „доктринеры“, вследствие привычки ее вождя в своих выступлениях всегда исходить из философских и идеологических положений. Но как-раз политической доктрины у доктринеров никакой не было, и они являлись типичными оппортунистами. В общем Ройе-Коллар и его единомышленники, отражавшие интересы крупной буржуазии и смертельно боявшиеся революции, всегда склонны были поддерживать правительство, стоящее на почве компромисса между дворянством и буржуазией и лишь передвижение министерской политики вправо, в сторону прямой поддержки землевладельческой реакции, толкало их в оппозицию 253, 346.

Росси, преподаватель итальянского языка в Геттингене 112.

Рот, Лошин Осипович (1780—1857), генерал-лейтенант, командир 3-го пехотного корпуса 332.

Ртищева, Наталья Федоровна, родственница Тургеневых 144, 313, 344.

Рудзевич, Александр Яковлевич (1777—1828), боевой генерал, участник войн с Францией 336.

Румянцов, Николай Петрович, граф (1754—1826), сын гр. П. А. Румянцева-Задунайского, в 1809—1814 гг. канцлер и председатель Государственного совета. Выдающийся меценат, он собрал огромное количество рукописей и книг, положивших основание Румянцовскому музею — нынешней Всесоюзной библиотеке им. В. И. Ленина 281, 395, 427.

Руссо, Жан-Жак (1712—1778). В ранней юности Н. И. Тургенев испытал на себе некоторое влияние Руссо. Очевидно, под этим влиянием он высказал мысль, что „род человеческий“ не будет счастлив до тех пор, пока все поступки людей, „дела важные и мелкие, одним словом, все будет согласоваться с природою“ (Дневники I, стр. 50). Но политические взгляды Руссо и его демократизм остались Тургеневу совершенно чужды 165, 213, 444.

Руссо, книгопродавец в Руане — 298, 308, 313.

Рылеев, Кондратий Федорович (1795—1826), поэт, декабрист, вождь левого крыла Северного общества и главный вдохновитель восстания 14 декабря 1825 г. Казнен 13 июля 1826 г. В показаниях своих от 8 IV 1826 г. Рылеев, между прочим, сообщал: „В одном из собраний общества, и кажется именно в том, в котором было рассуждаемо о созвании Великого собора, мною сделан был вопрос: А что делать с императором, если он откажется утвердить Устав представителей народных? Пущин сказал: „Это в самом деле задача“.— Тут я воспользовался мнением Пестеля и сказал: „Не вывезти ли за границу?“ Трубецкой, подумав, отвечал: „Более нечего делать“, и все бывшие тогда у меня: Митьков, Никита Муравьев, Матвей Муравьев, Оболенский и П. Тургенев согласились на сие“ („Восстание декабристов“, I, 177). Против этого обвинения Тургенев возражал с особенной страстностью, справедливо расцени-

вая тяжелые последствия, которые оно имело для него. Придравшись к тому, что в „Донесении Следственной комиссии“ это совещание упомянуто в связи с именем К. П. Торсона, принятого в Общество в конце 1824 г., Тургенев доказывал, что сам он не мог присутствовать на этом заседании, будучи тогда уже в Неаполе. (Д. Н. Блудов, автор „Донесения“, объяснял Жуковскому и А. И. Тургеневу, что имя Торсона попало в результате опечатки). В своей второй „оправдательной записке“, написанной в особенно горячих тонах, Тургенев замечал: „Рылеев показал, что я изъявил согласие на предложение его: „не вывезти ли императора за границу?“ (стр. 60). Вместе с сим он говорит, что в сие время было рассуждаемо о собрании Великого Собора... В ответ на сие показание я могу предварительно сказать, что если я видел когда-либо Рылеева по делам тайных обществ или тайных сношений, то сие в тот раз единственно, когда отказано Пестелю в предложении его; что я ни однажды в жизни не только сам не рассуждал, но и от других не слыхивал на замыслы против государя императора“... и т. д. (Красн. архив, т. XIII, 1925, стр. 111—112; ср. Памяти декабристов, т. II, 130 и сл.). Однако Тургенев и иными данными уличается в участии в этом собрании, а ссылка его на Торсона не выдерживает критики, так как из текста „Донесения“ вовсе не следует, что Рылеев входил в сношения с Торсоном непосредственно после этого собрания (см. „Донесение Следственной комиссии“, стр. 59—60) 366, 381, 472, 477, 482.

Сакен, студент-курляндец, приятель Тургенева, учившийся в Геттингенском университете с 1810 по 1813 г. 112, 119, 229.

Сакен — см. *Остен-Сакен*, Ф. В.

Салтыков, Михаил Александрович (1769—1851), сенатор, попечитель Казанского учебного округа. Близкий к литературным кругам карамзинского направления, он был „природным членом“ „Арзамаса“ 314.

Салтыков, Николай Иванович, князь (1736—1816), генерал-фельдмаршал, председатель Государственного совета. Умер 16 мая 1816 г. 165, 187.

Самойлов, Василий Михайлович (1782—1839), известный оперный певец, родоначальник знаменитой артистической плеяды Самойловых. Сын московского купца, он первоначально пел в церковном хоре, где своим замечательным голосом привлек всеобщее внимание. В 1803 г. попал на оперную сцену и вскоре занял первенствующее положение, пользуясь горячей любовью публики. А. М. Колосова вспоминала, что Самойлов обладал „таким необычайным голосом, что если бы он обработал его достойным образом в Италии, то приобрел бы знаменитость европейскую“ (П. А. Каратыгин. Записки. Л., 1930, т. II, стр. 188) 226.

Сандунова, Елизавета Семёновна (1773—1826), известная оперная певица, на сцене с 1790 по 1823 г. 233.

Сарториус, Георг (1765—1828), известный немецкий историк и экономист, профессор Геттингенского университета 98, 112, 128, 173, 324, 361, 376, 391, 423.

Свечин, Николай Сергеевич (1759—1850), генерал-от-инфантерии, петербургский комендант при Павле I. Будучи в отставке, пользовался материальной поддержкой знаменитого заводчика Демидова 285.

Свечина, Софья Петровна, урожд. Соймонова (1782—1857), жена Н. С. Свечина и сестра кн. Е. П. Гагариной, близкая приятельница Тургеневых, Вяземского и др. В 1815 г. под влиянием известного идеолога международной реакции Жозефа де-Местра приняла католичество и вскоре переселилась в Париж. Примкнув там к ультрамонтантской партии, Свечина приобрела большое значение, собирая в своем салоне весь цвет парижской аристократии. Она оставила много духовно-нравственных сочинений. Под ее влиянием приняла католичество и кн. Гагарина. Повидимому, именно реакционная роль Свечиной обусловила недоброжелательное к ней отношение Н. И. Тургенева. Со временем, очевидно, и А. И. Тургенев, в прошлом ее восторженный поклонник (см. Остаф. Архив, I, по ук.), стал относиться к ней более сдержанно. По крайней мере, в 1827 г. он писал брату, Николаю: „Как бы ни разнились мы в некоторых политических мнениях с Св...ною, но старая дружба и мнение ее о рабстве, которое она ненавидит и почитает противным христианству и государственной и частной нравственности,—всегда нас сближают“ (Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу. Лейпциг, 1872, стр. 307) 180, 198, 199, 227, 230, 423, 458, 477.

Свиньин, Павел Петрович (1788—1839), писатель, путешественник. известный собиратель древностей, основатель и издатель „Отечественных Записок“. С 1805 по 1824 г. состоял на службе в Коллегии иностранных дел и много путешествовал в качестве дипломатического чиновника. С Тургеневыми был знаком еще по Московскому университетскому пансиону. Помимо литературы, Свиньин занимался живописью и в 1811 г. избран был в почетные академики. Пушкин, близко знавший Свиньина, отзывался о нем позднее столь же иронически („Собрание насекомых“, „Маленький лжец“). В 1814 г. Свиньин выпустил брошюру, посвященную жизнеописанию генерала Моро (см. об этом в письмах К. Я. Булгакова к брату, „Русск. Архив“, 1904, № 8, стр. 582, 584) 120, 121.

Северин, Дмитрий Петрович (1791—1865), дипломат, товарищ Вяземского по иезуитскому пансиону. По словам Вяземского, школьное товарищество их постепенно „обратилось в крепкое и до конца неизменное дружество“ (Полн. собр. соч. Вяземского, т. I, стр. XVI—XVIII). Дружеские связи соединяли Северина и с другими писателями-карамзинистами, чем объясняется участие его в „Арзамасе“. Служа с 1807 г. в ведомстве иностранных дел. Северин занимал ответственные дипломатические посты. В начале 1818 г. он женился на сестре Стурдзы, Елене Скарлатовне, умершей через пять месяцев после свадьбы. Но со Стурдзой роднила Северина и общность политических взглядов. В самый разгар реакционной деятельности Стурдзы, Северин демонстративно подчеркивал свое сочувствие ее взглядам, чем и объясняется, конечно, резкий отзыв о нем Тургенева. Около того же времени А. И. Тургенев, сообщая Вяземскому о душевном состоянии Северина после смерти жены, с горечью замечал: „Идеи его те же, что и у Ст[урдзы] он реи s'ep

faut. Поездит, поучится — и голова просветлеет“. (Остафьевский Архив, I, 226) 247, 257, 258, 262, 308, 314, 397, 423.

Северина, Елена Скарлатовна (1794—1818), сестра А. С. Стурдзы и жена Д. П. Северина 247.

Серафим (1763—1843), петербургский митрополит с 1821 г., союзник Шишкова, Фотия и Аракчеева в борьбе против Голицына, Библейского общества и мистиков.

Сергей Семенович — см. *Уваров*.

Сердобин, Борис Александрович, побочный сын вице-канцлера кн. А. Б. Куракина 303.

Сесси, Марианна (1776—1847), итальянская певица, в 1818—1819 гг. выступавшая в Петербурге, где пользовалась большим успехом 286.

Сиверс, Егор Карлович, граф (1779—1827), бывший полковник л.-гв. Измайловского полка, пользовавшийся большой благосклонностью Павла I. При вступлении на престол Александра I вышел в отставку и уже в зрелом возрасте отправился в Дерпт, а потом в Геттинген заканчивать образование. По возвращении поступил в инженерное ведомство, был командиром пионерных полков, а потом директором Главного инженерного училища. С 1817 г. — председатель комиссии по составлению учебных пособий для кантонистов поселенных войск, в которую входил Н. И. Греч, приглашенный лично Сиверсом. Тургенев должен был знать Сиверса через брата Александра, с которым тот вместе учился в Геттингене 111, 121, 133, 166, 168, 217, 254, 417.

Сиверс Н. Карлович, граф, один из двух братьев гр. Е. К. Сиверса, учившихся вместе с Тургеневыми в Геттингене. Убит в 1813 г. в битве под Лейпцигом 111, 121.

Симеон, Жозеф-Жером, граф (1749—1842), франц. политический деятель, участник контрреволюционного федералистического движения на юге, после поражения которого бежал в Италию. Вернулся в 1795 г., был избран в Совет пятисот, где все время примыкал к противникам республики. После переворота 18фрктидора был включен в проскрипционный список, но скрылся. При Наполеоне — член трибунала, потом Государственного совета, активный пособник императора во всех его чисто деспотических мероприятиях. В 1807 г. — премьер-министр Вестфальского королевства. В 1814 г. перешел на сторону Бурбонов и примкнул к ультрароялистам. В 1820—1821 гг. министр внутренних дел, инициатор ряда реакционных мероприятий 246.

Смит, Адам (1723—1790), знаменитый английский экономист, сторонник полной свободы торгово-промышленной деятельности, учивший, что богатство страны не в деньгах, а в предметах, покупаемых за деньги.

В России учение Смита было воспринято преимущественно передовыми сельскими хозяевами конца XVIII и нач. XIX вв., причем восприняли они главным

образом те части его учения, в которых он сходиллся с физиократами: крупное хозяйство, отрицание промышленного протекционизма, свобода вывоза хлеба. Что касается расхождений Смита с физиократами, то они для России практического значения не имели, так как о ввозе хлеба, сторонником которого в отличие от физиократов был Смит, здесь не могло быть речи. Влияние его сильно сказалось в спорах о тарифе. Н. И. Тургенев, горячий последователь Смита, и другие аболиционисты из его теоретических положений вывели и свое отрицание принудительного труда 97, 246, 362.

Снурчевский, Алексей Иванович, действ. статский советник, с 1819 г. воронежский губернатор 281.

Соковнин, Сергей Михайлович, товарищ А. И. Тургенева и Жуковского по Московскому благородному пансиону, переводчик Архива иностранной коллегии, литератор. Н. И. Тургенев довольно точно передает нелепую историю Вяземских и Соковнина, которая может быть объяснена только склонностью этого последнего к психической болезни. Влюбленный в княгиню В. Ф. Вяземскую, Соковнин в 1816 г. прислал ей письмо с изъяснением своих чувств. Оскорбленная Вяземская показала письмо мужу, который по ее просьбе предложил Соковнину прекратить посещать их дом. Однако Соковнин, 17 апреля 1817 г., повстречав Вяземскую на Никитском бульваре, внезапно бросился перед ней на колени, умоляя о прощении. На следующий день, крайне возбужденный, он снова поджидал Вяземскую на бульваре, но ее не было. 19 апреля сцена с коленопреклонением повторилась. Получился громкий скандал, несколько дней кряду собиравший к бульвару сотни экипажей и толпы народа, в ожидании повторения этого странного зрелища. Тургенев должен был близко знать об этой истории от своего брата Александра, связанного тесной дружбой с Вяземским. Арестованный за нарушение общественной тишины, Соковнин был препровожден к родителям, которые отправили его в деревню. Он не покончил самоубийством, а вскоре после того вновь появился в Москве, дав клятву падать на колени при всякой встрече с Вяземской, чем совсем ее терроризовал. В августе 1817 г. Соковнин был сослан в Феодосию (Сочинения К. Н. Батюшкова, III, 735—736; Остафьевский Архив, I, 72—80, 444—445) 223.

Соколович, Павел Петрович, сотрудник русского консульства в Лейпциге, близкий друг братьев Тургеневых 90, 92, 111, 199.

Софья Петровна — см. *Свечина*.

Сперанский, Михаил Михайлович (1772—1839), известный государственный деятель. Отношение к нему Тургенева наиболее отчетливо выражено им в беседе со Штейном в 1813 г., запись которой находим в его „Дневнике“: „Говорили о Сперанском. St[ein] утверждал, что он сделал хорошего: 1 — умножил доходы (хотя и согласен со мною, что die Abgaben waren schlecht gewählt) и 2-е — что прекратил выпуски ассигнаций. Я, отдавая справедливость Сперанскому относительно его доброй воли, утверждал, что Сперанский неведением своим финансов и охотою к переменам сделал много вреда, и что удале-

ние его полезно для России“ (Дневники II, 232). Эти замечания интересно сравнить с отзывом А. И. Тургенева в письме к брату Сергею от 30 марта 1821 г. (когда Сперанский возвращался в Россию, после того как с 1819 г. занимал пост сибирского генерал-губернатора): „Я видел Сперанского. Назначение его еще неизвестно. Он писал к государю о своем приезде. Публика на каждое место назначает его. Я сошелся с ним дружелюбно. Кажется, я делал для него все, что мог. Впрочем, ни для России, ни для себя немногого от него ожидаю“. (Архив, № 2379, л. 02 об.) 166, 184, 244, 281, 328, 334, 337, 339, 347, 351, 353, 412—414, 418, 424.

Сталь, Анна-Луиза (1766—1817), известная французская писательница, дочь министра финансов Неккера. Унаследовав от отца симпатию к английской конституции 1791 г., она в то же время никогда не была доктринеркой и умела применяться к обстоятельствам, причем в ее политической физиономии всегда определенно выступало отрицательное отношение к старому режиму, с одной стороны, и к демократии, с другой, а интересы победившей и окрепнувшей в революции буржуазии всегда находили в ней защитницу. В 1804 г. Наполеон выслал ее из пределов Франции. Годы своих скитаний она впоследствии описала в сочинении: „Dix années d'exil“. Вместе с Б. Констаном она принадлежала к числу основоположников французского буржуазного либерализма. Особенное значение имели ее работы: „De l'Allemagne“ (1810) и „Considérations sur la Révolution française“ (1817) 130, 267, 268, 373, 377, 422.

Старынкевич, Иван Александрович, брат следующего, коллежский советник, в 1814 г. служил в Департаменте мин-ва юстиции, а затем в типографии Московского университета 155,

Старынкевич, Николай Александрович (1784—1857), один из ближайших друзей Н. И. и С. И. Тургеневых, воспитавшийся под покровительством их отца. В молодости был причастен к литературе. Службу начал с 1801 г., занимая разные значительные посты, в 1815 г. был причислен к военному министерству и уволен за границу для излечения. Впоследствии сенатор, видный деятель Царства Польского. Воспоминания современников рисуют Старынкевича образованным и умным человеком, но поверхностным и прирожденным дилетантом 111, 140, 146, 147, 151, 153, 155, 157, 159, 160, 168, 169, 174, 178, 183, 184, 186—188, 190—192, 194, 211, 214, 215, 224, 226, 232, 237, 249, 253, 269, 270, 272, 274, 282, 340, 387, 417, 484.

Стейбельт, Даниэль (1764—1823), знаменитый немецкий композитор, автор оперы „Romeo et Juliette“, имевшей большой успех 233. .

Стерн, Лоренс (1713—1768), известный английский писатель, автор „Сентиментального пугешествия“, давшего название сентиментальному направлению в литературе. Тургенев имеет в виду именно это сочинение Стерна 98.

Строганов, Григорий Александрович, барон, потом граф (1770—1857), чрезвычайный посланник и полномочный министр в Константинополе, под начальством которого служили Д. В. Дашков и С. И. Тургенев 294, 333, 335, 353, 450, 453.

Строганов, Павел Александрович, граф (1774—1817), друг Александра I, член „Негласного Комитета“, товарищ министра внутренних дел, генерал-адъютант 227.

Строганов, Сергей Григорьевич, граф (1794—1822), генерал-от-кавалерии, генерал-адъютант, член Государственного совета 110, 488.

Стройновский, Валериан Венедиктович (1759—1834), сенатор в Межевом департаменте, автор нашедшей книги „О условиях помещиков с крестьянами“ (1809), в течение двух лет остававшейся под запретом московской администрации. Несмотря на крайнюю умеренность взглядов Стройновского, проповедывавшего безземельное освобождение крестьян и ограничивавшегося надеждой на то, что помещики сами со временем поймут необходимость освобождения крестьян „от крепостного и рабского состояния“ и заключат с ними добровольные договоры о земле, книга Стройновского вызвала яростные нападки крепостников. С другой стороны, она ни в какой мере не могла удовлетворить и Тургенева, который в 1812 г. писал: „Конечно предложение Стройновского через попов уверить народ в правилах свободы и собственности смешно, но не более. Ложно заключает о выгодах рабства, приводя в пример новейшие несчастья поляков. Если я беден, то я не могу утешаться тем, что есть люди еще меня беднее, и потому стараться оставаться в бедности, и не пещись об улучшении моего состояния“ (Дневники, II, 192). Причины отставки Стройновского нам неизвестны 341.

Стурат — см. *Стюарт*.

Стурдза, Александр Скарлатович (1791—1854), сын правителя Бессарабии, служивший в министерстве иностранных дел, где быстро выдвинулся благодаря покровительству гр. И. А. Каподистрии. С юных лет тяготел к литературе, Стурдза в Петербурге перезнакомился и сошелся почти со всеми писателями. В 1816 г. в Веймаре вышла книга его „*Considérations sur la doctrine et l'esprit de l'église orthodoxe*“. Книга эта, посвященная восхвалению православия, имела одной из своих целей заинтересовать читателей судьбой православных подданных Турции, в частности греков, которым в книге посвящена особая глава (гл. II части III, стр. 172—179). 3 V 1817 А. И. Тургенев писал брату Сергею об этой книге: „Хотя предмет и не из любимых твоих, но в ней есть прекрасные страницы, особливо в предисловии и потому я постараюсь прислать ее“ (Архив, № 383, л. 39. О статье Блудова об этой книге см. во вступительной статье стр. 37). Однако отношение к Стурдзе вскоре резко изменилось. В 1818 г. он выступил с нашедшей брошюрой для членов Аахенского конгресса о политическом положении Германии, где доказывал, что университеты крайне вредны, ибо они суть не что иное как рассадники революционного духа. Привлеченный после этого А. Н. Голицыным к участию в трудах Главного правления училищ, Стурдза прославился составлением погромных инструкций, проектов и мнений, касающихся народного просвещения, окончательно восстановив против себя общественное мнение. К этому же времени относятся известные эпиграммы на него Пушкина 216, 217, 225, 237, 247, 256, 314, 403.

Стюарт, Делальт (1753—1828), шотландский философ 97.

Суворов-Рымникский, Александр Васильевич, св. князь (1729—1800), знаменитый русский полководец. Застигнутый вьюгой при переезде через Чортов Мост, Тургенев две ночи провел в Госпитале в той комнате, в которой ночевал Суворов после знаменитого перехода через С. Готард. „От деревни Урзен пришли мы сюда в 1/2 часа, — записывал он 15/28. X. — Здесь видел я ту комнату, где спал Суворов (не зная, что я и сам тут же буду спать)“ (Дневники, II, 111—112) 104, 350.

Сушков, Михаил Николаевич (1782—1833), муж двоюродной сестры Тургенева Анны Петровны Тургеневой. Работал в Ликвидационной комиссии в Париже, а затем был оренбургским вице-губернатором 142, 144, 146, 150, 152, 156—158, 160, 162, 163, 169, 172, 185, 189, 196, 206, 212, 217, 226, 285, 291, 292, 494.

Сушкова, Анна Петровна (1795—1855), двоюродная сестра Н. И. Тургенева, дочь П. П. Тургенева 142, 144, 157, 162, 183, 185, 189, 196, 212, 369.

Сюар, Жан-Батист (1733—1817) франц. литератор, известный непримиримостью по отношению к революции. Умер 87 лет 233.

Сюлли, Максим де Бетюн, барон де-Рени (1560—1641), знаменитый франц. государств. деятель, управляющий финансами при Генрихе IV. Его «Mémoires des sages et royales économies d'état domestiques, politiques et militaires de Henry le Grand» впервые напечатаны в 1638 г. В 1816 г. вышло новое издание. Физиократы считали Сюлли своим предшественником, так как он был покровителем земледелия, но в действительности, он проводил политику протекционизма и в отношении земледелия и в отношении промышленности 163.

Сэй, Жан-Батист (1767—1832), франц. экономист, популяризатор учения Адама Смита 173, 181, 214, 229, 238, 242, 246, 251, 321.

Талейран-Перигор, князь Беневентский, Шарль-Мориц (1754—1838), знаменитый французский политический деятель, дипломат. Последовательно служил революции, Наполеону, Бурбонам и Луи-Филиппу. Принимал активное участие в перевороте 18 брюмера и в низложении Наполеона в 1814 г. Был председателем совета министров, министром иностранных дел и представителем Франции на Венском конгрессе в 1814—1815 гг. По выходе в отставку в 1815 г. сблизился с ультрароялистами и интриговал против кабинета Ришелье 207, 375.

Тальма, Франсуа-Жозеф (1763—1826), знаменитый французский актер-трагик. Еще до революции он начал борьбу за реформу сценического дела: в области костюма — за необходимость соблюдения исторической точности, в области декламации — за отказ от неестественного пафоса и выбор в каждом отдельном случае подходящего к нему тона. Эта реформа приближала театр

к требованиям буржуазной теории искусства. (Об его уроках В. Л. Пушкину см. стр. 564—565) 95, 96, 99, 108.

Татаринов, Николай Ильич, муж двоюродной сестры Тургеневых, Анны Семеновны Аржевитиновой. По словам Жихарева, он уговаривал крестьян прогнаться на пашню и отказаться от оброка 491, 494.

Татищев, Дмитрий Павлович (1769—1845), член Госуд. совета, обер-камергер, чрезвычайный посланник и полномочный министр в Неаполе, Мадриде и Вене. Известен был своим ценным собранием картин испанской школы, доставившим ему звание почетного члена Академии Художеств 290, 292.

Тибо, Антон-Фридрих (1772—1840), известный немецкий юрист, профессор в Киле, Иене и Гейдельберге — 94.

Толстой, Петр Александрович, граф (1769—1844), русский посол в Париже в 1807—1808 гг., отозванный после свидания императоров в Эрфурте, вследствие его нескрываемой антипатии к Наполеону. С 1816 г., в чине генерала-от-инфантерии, командовал 5 пехотным корпусом, расположенным в Москве и ее окрестностях, и после смерти Тормасова прочился в его преемники. Впоследствии — член Гос. совета и председатель Деп-та военных дел. Толстой, о котором Карамзин говорил, что „он любезный человек, благородный в душе“, был, повидимому, очень близок с семьей Тургеневых (см. Дневники, I, по ук.), 141, 144, 177, 198, 248, 335, 337, 339, 379.

Толь, Карл Федорович, граф (1777—1842), генерал-адъютант, генерал от инфантерии 256.

Томашевский, приятель Тургеневых 169, 170, 182.

Тормасов, Александр Петрович, граф (1752—1819), генерал-от-кавалерии, командовавший в 1812 г. 3-й резервной армией. С 1814 г. московский главнокомандующий и военный генерал-губернатор 190, 243, 414.

Торнау, братья, остзейские студенты, учившиеся вместе с Тургеневым в Геттингене 93.

Трубецкая, Екатерина Ивановна, княгиня, ур. гр. Лаваль (ум. 1854), жена декабриста кн. С. П. Трубецкого, последовавшая за ним в Сибирь 333.

Трубецкой, Сергей Петрович, князь (1790—1860), капитан л.-гв. Семеновского полка, декабрист, один из учредителей Союза Спасения, впоследствии руководитель Северного общества и диктатор 14 декабря. Крестьянский вопрос всегда представлялся Трубецкому наиболее существенным. Боязнь крестьянской революции, «новой пугачевщины», приводила его к убеждению в необходимости ликвидации крепостничества. В одном из первых же показа-

ний в Следственной комиссии он говорил: „Свободный образ мыслей... укоренился во мне убеждением, которое я имел, что состояние России таково, что неминуемо должен последовать переворот со временем; сие мнение особенно основывал, я во-первых, на частых возмущениях крестьян против помещиков и на продолжительности оных, равно как умножении таковых возмущений“ (Восстание декабристов, I, стр. 9). То же самое Трубецкой повторил и много лет спустя, в своих „Записках“: „Язва крепостного состояния крестьян располагает Россию к большим бедствиям, как был тому пример во время Пугачева, нежели всякое другое Европейское государство“. „С восстанием крестьян неминуемо соединены будут ужасы, которых никакое воображение представить себе не может, и государство сделается жертвою раздоров и, может быть, добычею честолюбцев; наконец может распасться на части, и из одного сильного государства обратиться в разные слабые. Вся слава и сила России может погибнуть, если не навсегда, то на многие века“ (Записки С. П. Трубецкого. М., 1907, стр. 14.)

Идея освобождения своих крестьян возникла у Трубецкого еще в 1818 г. Тургенев 27 XI 1818 записывал, что на вечере у Оленина говорил „много с Трубецким и, между прочим, он сказывал мне, что хочет дать свободу своим крестьянам. В нем я нахожу большую неутомимость в стремлении к добру“ (Дневники, III, 167). Иных указаний на попытку Трубецкого освободить своих крестьян в литературе не имеется (ср. Н. Ф. Лавров. Диктатор 14 декабря. „Бунт декабристов,“ под ред. Ю. Г. Оксмана и П. Е. Щеголева. Л., 1926).

Раненый ядром еще под Лейпцигом, Трубецкой долго не мог оправиться от последствий ранения, и это побудило его поехать за границу. Дабы иметь возможность уехать не выходя в отставку, он перешел в январе 1821 г. из строевых офицеров л.-гв. Семеновского полка на должность старшего адъютанта Главного штаба, с переводом в л.-гв. Преображенский полк, и через месяц уехал в Париж, где оставался до сентября 1821 г. Там он и женился на дочери графа и графини Лаваль (см.). Отнесенный к 1 разряду „государственных преступников“, Трубецкой приговорен был к смертной казни, замененной ему по конфирмации 20 годами каторжных работ. Н. И. Тургенев именно ему был обязан своим вступлением в „Союз Благоденствия“ (А. Н. Шебунин. Н. И. Тургенев, стр. 90—92) 287, 289, 312, 333, 406, 477.

Тургенев, Александр Михайлович (1772—1862), однофамилец автора писем. В 1803—1806 гг. учился в Геттингенском университете и путешествовал по Европе (до того он состоял в военной службе). Впоследствии был управляющим феодосийской таможенной, таможенным начальником в Брест-Литовске и в Астрахани. Автор известных „Записок“, он поддерживал тесную связь чуть ли не со всеми выдающимися людьми своего времени, в том числе с Жуковским, Вяземским, Тургеневыми и др. Позднее постоянными гостями его были И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, Я. П. Полонский, Л. Н. Толстой и др., читавшие у него на вечерах свои новые произведения (Русск. Стар. 1885, т. 47, стр. 372—373) 187.

Тургенев, Борис Петрович, двоюродный брат Н. И. Тургенева, воспитанник Московского благ. пансиона, потом студент Московского университета 178, 183, 187, 196, 211, 212, 215, 220, 226, 233, 234, 237, 261, 263, 283, 323, 328, 330.

Тургенев, Петр Петрович (1763—1830), дядя Н. И. Тургенева, масон, член новиковской типографской компании 158, 162, 191, 192, 212, 215, 327, 330, 434.

Тургенева, Екатерина Семеновна, урожд. Качалова (1757—1824), мать Н. И. Тургенева 95, 96, 100, 105, 133, 137, 142, 143, 156—158, 162, 167, 171, 196, 197, 199, 203—205, 209, 210, 212, 233, 236, 241, 247, 248, 251, 252, 253, 259, 263, 264, 277, 294, 313, 331, 336, 344, 345, 349, 358.

Тэт, петербургский банкир 270, 277.

Убри, Петр Яковлевич (1774—1849), дипломат 95, 235, 249.

Уваров, Сергей Семенович (1786—1855). О нем см. подробно во вступительной статье, стр. 25, 27—28, 32—38. В книге своей „Eloge funèbre de Moreau“ (1813 г.) Уваров ставил в заслугу Моро понимание им необходимости поражения Франции для ее же спасения. По словам автора, Моро, оставаясь до конца республиканцем, сознавал, что республиканская идея скомпрометирована „ужасами и несчастиями революции“ и желал для Франции „законного правительства, при котором могущественные барьеры обеспечили бы гражданскую свободу лиц“. Таким образом, книга эта представляла собой политическую программу самого автора или, точнее, русского правительства, к настроению которого Уваров всегда был особенно чуток. С 1818 г. Уваров — президент Академии Наук, которой он управлял самовластно. В 1821 г. он оставил пост попечителя округа в связи с разгромом университета. В царствование Николая I он стал одним из наиболее ярких выразителей и проводников официальной правительственной идеологии. Следует отметить, что А. И. Тургенев, первоначально относившийся к Уварову с большой симпатией, отзывался о нем крайне скептически уже в годы их совместного пребывания в „Арзамасе“: „Я не примечаю в нем стремления к истинной пользе, а более жадность к бумажному бессмертию и к той славе, которую дают немецкие и французские ученые общества и книгописатели. Он легко переходит от одного образа мыслей к другому. . . и от собственного убеждения к чужому“ (Письмо к С. И. Тургеневу от 7 III 1817. Архив, № 382, л. 33 об) 112, 113, 116, 126, 201, 210, 235, 249, 254, 262, 368, 397, 403, 411, 412, 418.

Умянцев, Андрей Петрович, барон, черниговский и симбирский гражданский губернатор 281.

Урбан, геттингенский студент, приятель Н. И. Тургенева 93.

Фабер, Теодор (род. 1768), известный в свое время немецкий публицист. Будучи рекомендован русскому правительству бароном Штейном, Фабер с 1813 г. стал, вместе с аббатом Могеном, редактором официальной газеты „Conservateur impartial“, впоследствии с 1826 г. преобразованной в „Journal de St. Petersburg“ 192, 193, 197.

Фенелон, Франсуа-Салиньян де-ла-Мот (1651—1715), знаменитый французский писатель. Главные его произведения „Les aventures de Télémaque“,

„Dialoges des morts“ и др. содержат критику абсолютизма с позиций феодальной аристократии 343.

Фесслер, Игнатий-Аврелий (1756—1839), доктор прав, исторический писатель, в 1810 г. по настоянию Сперанского вызванный в Россию для занятия кафедр еврейского языка и философии в СПб. духовной академии. Однако уже через пять месяцев Фесслер был отстранен от преподавания и даже удален из Петербурга, ибо в его программе курса философии Комиссия духовных училищ усмотрела „разрушительные начала, подрывавшие православие и вносившие дух иллюминатства“. Удаленный из Академии, Фесслер был зачислен в Комиссию составления законов по части уголовного права, с сохранением профессорского жалования, и поселился в саратовской губернии. Повидимому, еще до разразившейся над ним грозы Фесслер успел сблизиться с Карамзиным, Жуковским, Вяземским, Тургеневыми, внимательно наблюдавшими за его литературной деятельностью в области истории (Москвитягин, 1855, I, № 1, стр. 100; Русск. Стар., т. XXXI, стр. 190; Остафьевский Архив, I, 230; Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу, стр. 161). Судьба Фесслера вызвала в них живой интерес, и Н. И. Тургенев еще в 1812 г. с тревогой заносил в Дневник: „Сказывают, что Фесслера взяли под пригляд“ (Дневники I, 196). Замечание Н. И. Тургенева относится к лишению Фесслера в 1815 г. получавшегося им от Комиссии содержания, чем он был поставлен в безвыходное положение. Только когда слухи о его нищете проникли за границу, правительство вернуло ему жалование. Умер Фесслер в звании генерал-суперинтенданта и духовного советника лютеранского исповедания (Н. А. Попов, Игнатий-Аврелий Фесслер. «Вестн. Европы», 1879, XII; П. А. Висковатов. Э. Губер и Фесслер. СПб., 1897) 231.

Филарет (Василий Михайлович Дроздов), ректор и профессор философских наук в СПб. духовной академии. Он славился своими проповедями, и в том же 1817 г. Н. И. Тургенев писал в Дневнике: „Сегодня был я на освещении в Дамском обществе. Филарет говорил проповедь, говорил с чувством; потому чувствовали и слушатели; он умел заплакать и заставить нас плакать“ (Дневники, III, 37). О посвящении Филарета рассказывал и А. И. Тургенев в письме к Вяземскому: „Третьего дня мы нарекли, а вчера посвятили Филарета во епископа Ревельского, викария С.-Петербургского“ (Остафьевский Архив, I, 80). С 1821 г. Филарет был московским архиепископом, а с 1826 — митрополитом 229.

Фодор-Менвиель, певица, дочь придворного музыканта и жена франц. комического актера. Ф. Ф. Вигель, критически относившийся к ее способностям и голосу, недоумевал, „как могли великие знатоки восхвалять его и в пророческом восторге сулить ему славу“. Вопреки сочувствию петербургской публики, не снискав популярности в «высшем обществе», Фодор-Менвиель покинула Россию. «Вся Европа узнала ее потом, засыпала золотом и заглушила рукоплесканиями» (Вигель. Записки, т. III, стр. 132) 493.

Фонвизин, Денис Иванович (1745—1792), знаменитый драматург 241.

Фонвизин, Иван Александрович (1790—1853), отст. полковник, декабрист, член Союза Благоденствия. В 1826 г. отдан был под надзор полиции с обязательством проживать безвыездно в своем имении и только в 1846 г. освобожден от ограничений 447, 452, 467.

Фонвизин, Михаил Александрович (1778—1854), отст. генерал-майор, декабрист, член Союза Благоденствия. Приговорен был к каторжным работам на 8 лет. В 1832 г. переведен на поселение в Енисейск, потом в Тобольск. В 1853 г. получил разрешение возвратиться на родину. „Я познакомился вновь с приехавшими сюда Фон-визинскими и несколько вечеров отдыхал в их беседе“, записывал Тургенев 4 XII 1820 (Дневники, III, 253) 439, 446, 447, 451, 467.

Фонтан, Луи (1757—1821), писатель, поэт и политический деятель. Был близок к Наполеону, при котором сначала занимал пост президента Законодательного корпуса, а с 1812 г. — сенатора. Тем не менее в 1814 г. он выступил в Сенате с речью против Наполеона, голосовал за его низложение и приветствовал династию Бурбонов. При Людовике XVIII был членом палаты перов. Голосовал против казни маршала Нея 117, 452.

Форбоннэ, Франсуа (1722—1800), французский экономист, в 1759 г. первый советник генерального контролера Франции и автор проекта финансовой реформы (замена всех налогов единственным), за который был сослан. Тургенев, повидимому, интересовался его работой: „Recherches et considérations sur les finances de France depuis 1595 jusqu'en 1721. Bâle 1752 et Liège 1758, 6 vol. 163.

Фош-Борель (1762—1829), тайный агент Людовика XVIII в эпоху революции и империи. „Mémoires de Borel“, о которых говорит Тургенев, — это его „Précis historique de mes différentes missions“ (1816), написанный с целью самозащиты от другого тайного агента Бурбонов Перле, обвинявшего его в продажности полиции Наполеона. Со своей стороны Фош-Борель предъявил Перле встречное обвинение. На суде первый был оправдан, а второй приговорен к 5 годам заключения 182.

Фрейган, Вильгельм Иванович (1783—1843), геттингенский товарищ А. И. Тургенева, относившегося к нему крайне недоброжелательно и называвшего его „холодной, малой душой“ и „хладнокровной лягушкой“ (Письма и дневник, стр. 455). Чиновник министерства иностранных дел, состоял при русских посольствах в Вене, Париже и Персии, а позднее был генеральным консулом в Саксонии и в Ломбардо-Венецианском государстве. Н. И. Тургенев в том же 1814 г. писал о нем, что „этот человек утомителен своею прилипчивостью и смешон своею простотою“ (Дневники, II, 273) 119.

Фризе, тайный советник, один из ближайших сотрудников Штейна, знакомый ему еще с эпохи прусских реформ 1807—1808 гг. по совместной работе в правительственных комиссиях, занятых разрешением аграрного вопроса и административной реформой. Горячий последователь Адама Смита 131, 132, 135, 136.

Фуа, Максимилиан-Себастиан (1775—1825), французский генерал и политический деятель, участник наполеоновских войн. В 1819—1824 гг. член палаты депутатов, либерал. Вопреки мнению Тургенева, Фуа в 1812 г. был не в России, а в Испании, где обнаружил большие стратегические способности и храбрость, примирившие с ним Наполеона, раньше ему недоверявшего в виду его республиканских убеждений 336.

Furst, Фурст— см. *Репнин*.

Фуше, Иосиф, герцог Отрантский (1763—1820), выдающийся французский политический деятель, министр полиции при Наполеоне I 186.

Ханыков, Платон Васильевич, чиновник Коллегии иностранных дел, с 1818 г. вице-директор Комиссариатского департамента 164, 180.

Хвостов, Дмитрий Иванович, граф (1757—1835), сенатор и бездарный стихотворец, метроман, служивший благодарнейшей темой для бесчисленных пародий и эпиграмм Пушкина и его литературных друзей. Анекдотическая слава Хвостова возрастала еще и от того, что, издавая сам свои бесчисленные произведения, он, за отсутствием покупателей, сам же потом и скупал их у книгопродавцев. Ср. иронические отзывы о нем в Дневниках Н. И. Тургенева (III, стр. 19 и 161) 168, 208.

Чаадаев, Петр Яковлевич (1794—1856), знаменитый писатель-философ. Получив хорошее домашнее образование и прослушав лекции в Московском университете, в 1811 г. поступил в л.-гв. Семеновский полк, с которым участвовал в походе в Париж. С 1816 г. служил в л.-гв. Гусарском полку. В 1821 г. Чаадаев вышел в отставку (после известного Семеновского восстания) и для поправления расстроенного здоровья выехал за границу, где оставался до 1826 г. (О его пребывании за границей, см. Записки Д. Н. Свербеева, т. II. М., 1899, стр. 236 и сл.). Тургенев сблизился с Чаадаевым в Петербурге (см. Дневники Тургенева, III, по ук.). В „Алфавите декабристов“ о Чаадаеве сказано: „По показанию Якушкина, Бурцова, Никиты Муравьева, Трубецкого и Оболенского, Чаадаев был членом тайного общества, но уклонился и не участвовал в тайных обществах, возникших с 1821 года. Высочайше повелено: оставить без внимания“ (Алфавит декабристов, стр. 202) 319, 332, 438, 453, 464, 466, 469, 470, 478, 481.

Чарторижский, Адам Адамович, князь (1770—1861), русский и польский политический деятель, член „Негласного комитета“ при Александре I, дипломат 121.

Чернышев, Александр Иванович, князь (1785—1857), генерал-адъютант, впоследствии член Следственной комиссии по делу декабристов, военный министр, один из ближайших сановников и доверенных лиц Николая I 258, 308, 437.

Шатобриан, Франсуа-Ренэ (1768—1848), знаменитый французский писатель. Во время революции эмигрировал и лично участвовал в эмигрант-

ском отряде первой коалиции. В своих сочинениях выражал свойственную представителю феодальной знати тоску по старине, прекрасным храмам и замкам, отвращение к буржуазной цивилизации и воспевал красоту католического культа и прелести жизни в природе, вдали от городов. После реставрации был одним из вождей ультрароялистов 174, 176, 178—180, 200, 207, 248, 252, 317, 346, 391, 392, 398, 414, 417, 424, 442, 452.

Шамяот см. — Шемяот, В. Л.

Шаховской, Александр Александрович, князь (1777—1846), известный драматург и режиссер, видный театральный деятель и начальник репертуарной части петербургских имп. театров. Член „Беседы любителей российской словесности“, Шаховской принадлежал к числу противников Карамзина и всего кружка арзамасцев. В 1815 г. Шаховской резко перешел в наступление, выступив со своей комедией „Урок кокеткам или Липецкие воды“, в которой Жуковский был выведен под именем «балладника Фиалкина». Пьеса эта вызвала величайшее негодование в среде литературных соратников Жуковского, вступивших с Шаховским в ожесточенную войну. На страницах „Сына Отечества“ и „Русского Музеума“ стали появляться злые эпиграммы Вяземского, Блудова и других арзамасцев. Дашков напечатал свое известное „Письмо к новейшему Аристофану“ („Сын Отечества“, 1815, № 42); Блудов выступил со своим „Видением“. Тогда же юный Пушкин, уже втянутый в борьбу арзамасцев с Шаховским, начал специальную статью „Мысли о Шаховском“. Н. И. Тургенев, находясь за границей, услышал „Липецкие воды“ с запозданием на полтора года. Но он должен был подробно знать о пьесе от брата Александра Ивановича, в ноябре 1815 г. присутствовавшего на читке ее у Ф. Ф. Кокошкина и тогда же возмущавшегося в письме к Вяземскому: „Можно ли было ожидать от Шутовского подобной плоскости, хотя и возвышен он на чередѣ плоских. Что за кокетка-курва? Что за Пронский-дурак? Чего хочет Саша? Почему думает он, что Оленька влюблена в него, а что он — в сетях графини? . . . О Фиалкине и говорить нечего. Подлая зависть ничего внушить хорошего не может“ (Осгафьевский Архив, I, 35) 204, 211, 493, 494.

Шварц, Иван Иванович, один из выдающихся деятелей масонства конца XVIII в., соратник Н. И. Новикова. Близкий друг И. П. Тургенева, Шварц, будучи русским консулом в Лейпциге, покровительствовал молодым Тургеневым 93, 199.

Шварц, Федор Ефимович, полковник, назначенный в апреле 1820 г. командиром л.-гв. Семеновского полка. Военно-судной комиссией по делу о Семеновском восстании 1820 г., по конфирмации Александра I, отставлен был от службы с тем, чтобы впредь никуда его не определять. Тем не менее, вскоре после того зачислен был в корпус военных поселений, пользовался покровительством Аракчеева и Николая I, произведен был в генерал-майоры. В 1850 г. за истязания солдат приговором военного суда вторично исключен был навсегда из службы, с воспрещением въезда в столицы 318.

Шварценберг, Карл-Филипп, князь (1771—1820), австрийский фельдмаршал, в 1813 г. главнокомандующий богемской армией 115, 119.

Шемиот, Викентий Леонтьевич (1766—1840), екатеринославский вице-губернатор, а с 1820 г. — гражданский губернатор 308, 438.

Шереметев, Василий Васильевич (1794—1817), штабс-ротмистр Кавалергардского полка, убитый на дуэли А. П. Завадовским из-за балерины А. И. Истоминой (см. стр. 535—536) 239, 240.

Шиллер, Фридрих (1759—1805), знаменитый немецкий поэт 182.

Шиллинг-фон-Канштадт, Павел Львович, барон (1785—1837), отст. гусар, служивший в министерстве иностранных дел и близко знакомый с большою частью литературных знаменитостей. В 1813 г. Н. И. Тургенев вместе с ним отправился за границу (Дневники, II, 223, 226). В 1815 г. Шиллингу поручено было изобретение нового дипломатического шифра, и он рекомендовал употребление литографского способа копирования бумаг. Н. И. Тургенев 3 XI 1815 г. сообщал брату Александру, что Шиллинг „изобрел новый шифр, который, по мнению знатоков, indéchiffable. Вследствие сего он получил место в коллегии иностранных дел с 1500 руб. жалования, с бонификациею курса и другими выгодами. Он поедет в Мюнхен“ 121, 129, 193.

Шишков, Александр Семенович (1754—1841), адмирал, министр народного просвещения, глава архаической школы в русской литературе и литературный вождь врагов карамзинского направления, поэт и критик, президент Российской Академии, основатель и идейный руководитель „Беседы любителей российской словесности“. Н. И. Тургенев, ближе знавший его, как государственного, а не литературного деятеля, оставил на страницах своего Дневника уничтожающую характеристику „болвана Шишкова“, назвав его „идеалом откровенной глупости и откровенной подлости“ (Дневники, III, 154) 204, 311, 321, 386, 397, 439.

Шлецер, Христиан Августович (1774—1831), сын историка, известный юрист. По окончании Геттингенского университета, с 1801 г. был первым профессором политической экономии в Московском университете. Читал, кроме того, курсы дипломатики, народного и естественного права 166.

Шпис, Василий Иванович, первый секретарь русского посольства в Париже 137, 206.

Шредер, Андрей Андреевич (ум. 1858), советник русского посольства в Париже, а впоследствии, в 1830—1848 гг., чрезвычайный посланник и полномочный министр при дворах дрезденском, ганноверском и саксонском. По отзыву П. А. Вяземского, это был „совершенный образец дипломата старого покроя, старых верований и обычаев. Он был человек образованный, но как в политике держался преданий и узаконенных авторитетов, так равно и в общежитии, в искусстве и литературе“ (П. А. Вяземский, Собр. сочинений, т. XII, стр. 499—501) 92, 142, 188, 220, 224, 267, 298.

Штейн, Генрих-Фридрих-Карл, барон (1757—1837), выдающийся прусский государственный деятель. Противник французской революции, он про-

никся убеждением в необходимости господствующему классу пойти на уступки и уже в 1790-х годах высказывался за освобождение крестьян и предоставление им земли на началах собственности или аренды. В то же время Штейн пришел к убеждению о необходимости объединения Германии. В годы войны 1806—1807 гг. Штейн выступал с предложением административных реформ, к осуществлению которых приступил в 1807 г., будучи призван к власти. Убежденный консерватор, монархист и сторонник аристократических традиций, он вместе с тем считал, что только уступками буржуазии и крестьянству, только компромиссом между старым феодальным и новым буржуазным обществом можно предотвратить революцию. С другой стороны, реформами Штейн рассчитывал поднять народное настроение для предстоящей борьбы с Наполеоном. Прежде всего была проведена реформа местного самоуправления на началах бессословности. Затем уничтожена личная зависимость крестьян от помещиков и допущена свободная мобилизация земель. Были составлены проекты введения подоходного налога, уравнивания сословий в правах и совещательного народного представительства. По требованию Наполеона, понявшего планы Штейна, он был уволен в отставку и выслан из Пруссии. С 1812 г. Штейн состоял при Александре I, а в 1813 г. назначен председателем Центрального административного департамента. Н. И. Тургенев всю жизнь вспоминал с теплым чувством о Штейне. При встрече со Штейном в Нассау в 1825 г. Тургенев спорил с ним об Англии, причем Штейн скорбел об упадке английской аристократии и церкви, считая их „главными опорами общественного и политического ее строя“. Вообще аристократические и консервативные убеждения Штейна не разделялись Тургеновым (Архив, № 217. Дневник 1825 г.). Но, с другой стороны, Штейн был сторонником освобождения крестьян в России с земельным участком (Lehmann, Freiherr von Stein, 1905, III, S. 174), тогда как Тургенев стоял только за личное освобождение 110—121, 123, 124, 126—129, 131—134, 136, 137, 139, 140, 151, 156, 160, 164, 179, 185, 187, 188, 190, 192—196, 201, 219, 222, 247, 265, 273, 276, 295, 334, 359, 368—370, 372, 381.

Штендер, геттингенский студент из остзейских немцев, близкий приятель Тургенева. По приезде в 1811 г. в Геттинген Тургенев остановился у него на квартире (Е. И. Тарасов. Декабрист Н. И. Тургенев, стр. 156, 166) 98, 100.

Штралендорф, геттингенский приятель Н. И. Тургенева 98.

Штруве или *Струве*, *Генрих Антонович* (1770—1850), действ. тайный советник, дипломат 98.

Шуберт, *Федор Иванович* (1758—1825), академик, астроном и географ 290, 296.

Шувалова, *Екатерина Петровна*, графиня, урожд. графиня Салтыкова (1743—1816), вдова обер-гофмаршала Андрея Петровича Шувалова, статс-дама Екатерины II. Тургенев 7 XI 1811 г. записал в Дневнике: „Сегодня был только у графини Шуваловой: древность в своем роде. Однакож она приняла меня как настоящая русская госпожа: очень ласково и хорошо“. И 10 XI снова: „... пошел обедать к графине Шуваловой. Она была ласкова, с чувством вспо-

минала о русских кушаньях и о России. Не знаю, зачем она живет здесь. Надобно русской штатсдаме долго привыкать к здешнему обществу“ (Дневники, II, 138, 141) 101, 106, 107.

Шутенков, комиссариатский чиновник в канцелярии Алопеуса, в 1815 г. изобличенный во взяточничестве 186.

Щербинин, Александр Андреевич (1790—1876), свитский офицер, состоявший при кн. П. М. Волконском, масон ложи Железного Креста 122, 126.

Щербинин, Михаил Андреевич (1793—1841), как и старший брат, свитский офицер по квартирмейстерской части, состоявший при кн. П. М. Волконском. Впоследствии, член „Зеленой Лампы“, близкий приятель Пушкина 122, 126.

Эверс, Лоренц (1742—1830), профессор догматического богословия в Дерптском университете. К нему обращено стихотворение Жуковского „Старцу Эверсу“, написанное в 1815 г. Но Н. И. Тургенев объединил в одном лице двоих Эверсов, отца и сына — Густава Эверса (1781—1830), известного профессора русской истории в том же Дерптском университете 166.

Энгельбах, Карл Филиппович, сослуживец Н. И. Тургенева по Ликвидационной комиссии. Впоследствии состоял в Коллегии иностранных дел 150, 166, 217.

Юнг-Штиллинг (1740—1817), немецкий мистический писатель, в нач. XIX в. очень популярный в России 114.

Юрьев, Федор Филиппович (1796—1830), член „Зеленой Лампы“, 237, 330.

Юсупов, Николай Борисович (1751—1831), князь, известный богач; меценат, любитель искусств, в 1770-х годах объездивший почти всю Европу; знакомясь с Бомарше, Вольтером и другими замечательными современниками, создал прекрасную коллекцию картин и огромную библиотеку в 30 тыс. томов. Все это было сосредоточено в подмосковной Архангельское, приобретенной им в 1810 г. у кн. Голицыных, которую он украсил вывезенными из-за границы произведениями искусств и где выстроил театр, декорации для которого писал знаменитый Гонзаго 228.

Якубович, Александр Иванович (1792—1845), корнет л.-гв. Уланского полка, будущий декабрист, участник восстания 14 декабря 1825 г. (О роли его в дуэли А. П. Завадовского с В. В. Шереметевым и дуэли с А. С. Грибоедовым см. стр. 535—536) 240.

Якушкин, Иван Дмитриевич (1796—1857), отставной капитан, декабрист, один из учредителей тайного общества. Стремясь, по его собственным словам, „возбудить деятельность крестьян и поставить их в необходимость прилежно трудиться“ (Записки, изд. 1915, стр. 29), Якушкин в письме к министру вну-

трених дел от 29 VII 1819 г. выразил желание освободить своих крестьян (в Вяземском уезде Смоленской губ.) и перевести их в вольные хлебопашцы. При этом он хотел предоставить им „их имущество, строение и землю, находящуюся под усадьбами, огородами и выгонами“, и сохранить за собой право „заключать с ними добровольные с их стороны условия касательно обработки земель“ своих. Смоленский губернский предводитель дворянства в своем отзыве о проекте Якушкина заметил, что „крестьяне без земли для хлебопашества, лугов и других угодий могут быть без пропитания и к платежу государственных податей безнадежны“. Министр внутренних дел ответил на ходатайство Якушкина ссылкой на закон, согласно которому „увольнение крестьян вовсе без земли воспрещено“ (см. публикацию Н. Ф. Лаврова в „Красном архиве“, т. XIII, 1925, стр. 250—257). Н. И. Тургенев, сочувствовавший освобождению крестьян без земли, находил, что в таком ответе „видна или самая тупая нерассудительность или неохота к освобождению“ (Дневники, III стр. 225). Якушкин был осужден по 1 разряду и приговорен к смертной казни, замененной 20 годами каторжных работ 299, 447, 452, 467.

Ян, Фридрих-Людвиг (1778—1852), профессор Берлинского лицея и учредитель гимназий, ставивших своей целью воспитание подрастающего поколения „в духе просвещенного патриотизма и сознания своих гражданских прав“. Поощряемый первоначально прусским правительством, Ян в 1819 г. обвинен был в демагогических стремлениях, гимназия его была закрыта, а сам он заключен в крепость, где просидел до 1825 г. 201.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Братья Тургеневы и дворянское общество александровской эпохи (<i>А. Н. Шебунин</i>)	1
От редакции	85
Письма Николая Ивановича Тургенева к Сергею Ивановичу Тургеневу 1811—1822 гг.	87
Комментарии	355
Приложения	455
I. Письма Николая Ивановича Тургенева к Сергею Ивановичу Тургеневу за 1826 год и примечания к ним	457
II. Разные письма (В. А. Жуковский — С. И. Тургеневу, С. И. Тургенев — В. А. Жуковскому, С. И. Тургенев — братьям, Н. И. Тургенев — С. П. Жихареву, С. П. Жихарев — А. и Н. Тургеневым) и примечания к ним	483
III. О принципах публикации писем	499
IV. Перевод иностранных слов, встречающихся в тексте	501
V. Биографический словарь личных имен	511
Портрет Николая Ивановича Тургенева (в начале)	
Портрет Сергея Ивановича Тургенева (стр. 89)	
Портрет Александра Ивановича Тургенева (стр. 358)	

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
13	21 сверху	уживность	уживчивость
14	14 „	Светские	Советские
21	26	вызывать	взывать
26	1 „	ужасную	„ужасную“
30	11—12 снизу	разлитие	развитие
39	6 сверху	Франции	Францию
76	17 „	С. И. Тургенев,	С. И. Тургенев.
78	10 снизу	истории	истории

Письма Н. И. Тургенева

1871

1872

September 24. Gussak.

Handwritten text in Cyrillic script, heavily crossed out with multiple diagonal lines. The text is illegible due to the extensive scribbling.

